

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 4

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

Москва 2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ФАНАГОРИЯ»

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ

Вып. 2

Под редакцией А.А. Завойкина

Москва 2016

УДК 904(470.62)
ББК 63.443.22(235.73)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Рецензенты:
профессор, доктор исторических наук А.А. Масленников
доктор исторических наук С.Ю. Внуков

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда О.В. Дерипаски «Вольное Дело»

Ф21 Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В.Д. Кузнецова. Том 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. Под редакцией А.А. Завойкина. М.: Институт археологии РАН. – 2016. с. 372, ил.

ISBN 978-5-94375-196-7

Книга представляет собой издание материалов Фанагорийской экспедиции ИА РАН, полученных в результате многолетних раскопок на территории столицы Азиатского Боспора. В публикуемых статьях анализируются различные аспекты археологии и истории Фанагории.

ISBN 978-5-94375-196-7

© Институт археологии РАН, 2016
© Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Фанагория», 2016
© Авторы статей, 2016
© АИ «Историко-культурное наследие Кубани», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

В.Д. Кузнецов

Предисловие 6

Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Сапрыкина И.А.

Новые находки золотых индикаций в Фанагории 7

Ворошилова О.М., Завойкина Н.В.

Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия, из Фанагории 24

Гарбузов Г.П.

«Страбон» рукав Кубани и хора Фанагории 34

Голофаст Л.А., Ольховский С.В.

Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории 46

Добровольская Е.В., Завойкин А.А.

Кости животных и птиц из раскопок «Верхнего города» Фанагории 83

Добровольская М.В.

Антропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2013 г.) 93

Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И.

Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории 110

Завойкина Н.В.

Новые надписи Фанагории (находки разных лет) 208

Завойкина Н.В., Павличенко Н.А.

Письмо на свинцовой пластине Патрея 230

Кузнецов В.Д.

Фанагория и Синдика: некоторые заметки 250

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О.

Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) 279

Кузнецов В.Д., Ольховский С.В.

Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) 325

Юрцева А.О.

Кости рыб из Фанагории (раскопки 2006–2013 гг.) 353

Список сокращений 361

Указатели 363

Сведения об авторах 371

ПРЕДИСЛОВИЕ

Определение даты, которую можно считать началом археологических исследований в Фанагории, является задачей довольно трудной. Дело в том, что первые раскопки начались еще в конце 18 века. Однако они носили скорее дилетантский, чем научный характер. Иного и не могло быть по причине невысокого уровня методики археологических исследований. В течение первой половины 19 в. внимание археологов было сосредоточено на раскопках курганов с целью добычи античных произведений искусства. За это время были вскрыты, как правило частично, многие десятки курганов. Основная масса полученных результатов так и не стала достоянием науки. Раскопки на территории древнего города, начавшиеся в середине позапрошлого столетия, осуществлялись при помощи длинных траншей без какой-либо фиксации находок, что нанесло культурным слоям Фанагории, особенно его историческому ядру, большой урон.

Поэтому принято считать началом научных исследований в Фанагории 1936 год. В это время была организована совместная экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина и Исторического музея под руководством А.П. Смирнова и В.Д. Блаватского. Раскопки осуществлялись на современном для того периода научном уровне и дали важные результаты: были получены данные о размерах города, времени его существования, мощности культурных напластований, территории, занимаемой некрополями и т.д. После войны работы были возобновлены экспедицией Института археологии АН СССР (позднее РАН) под руководством М.М. Кобылиной.

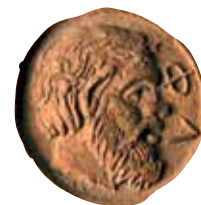
Таким образом, четвертый том серии «Фанагория. Результаты археологических исследований» выходит в год 80-летия основания Фанагорийской экспедиции. За это время выполнен большой объем работы по изучению материальной культуры города, получены многочисленные данные, отражающие разные этапы его истории. Исследования сосредоточены не только на территории древнего города (на акрополе и нижнем плато), но также и на некрополях, в акватории затопленной части памятника, на его сельской территории. Необходимо подчеркнуть, что интенсификация научных изысканий приходится на последнее десятилетие, когда финансирование исследований в Фанагории осуществляется Фондом О. Дерипаски «Вольное Дело».

В 2014 г. Распоряжением Правительства РФ был создан Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Большую роль в этом сыграло Министерство культуры РФ. Высокий статус, который получил выдающийся археологический памятник, каким является Фанагория, позволит не только доносить до широких слоев населения нашей страны яркие события из истории Родины, но и расширить мультидисциплинарные исследования, пополнять экспозицию музея новыми находками.

В заключение не могу с прискорбием не отметить печальное событие – недавний уход из жизни профессора Г.А. Кошеленко (август 2015 г.), который не только всегда поддерживал наши работы в Фанагории, но и был среди пионеров подводных исследований на этом памятнике в уже далекие 1950-е годы. Ко всему этому он был еще и моим учителем.

*В.Д. Кузнецов
Москва, октябрь 2016 г.*

М.Г. Абрамзон, А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова,
И.А. Сапрыкина

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ ИНДИКАЦИЙ В ФАНАГОРИИ

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В результате исследований Фанагорийской экспедиции в 2015 году на Восточном некрополе были найдены четыре золотые индикации. Ровно столько же их было обнаружено в Фанагории за весь предшествующий продолжительный период ее изучения.¹ Публикуемые индикации происходят из двух грунтовых склепов Восточного некрополя. Особого внимания заслуживает тот факт, что оба склепа являлись частью одного подкурганного ансамбля, насыпь которого, вероятно, была сооружена в римскую эпоху и до настоящего времени не сохранилась. Существование на этом участке некрополя довольно крупного кургана удалось установить по упорядоченному расположению погребальных комплексов: как минимум восемь грунтовых гробниц выстраиваются веерообразно вокруг единого центра, камерами к нему.² Датируются эти сооружения римским и позднеантичным временем. Склепы, в которых были обнаружены индикации, находились относительно недалеко друг от друга, на расстоянии чуть менее 10 метров. Располагались они в западной половине кургана и были ориентированы камерами практически в одном направлении – на восток–юго–восток.

Индикации происходят из погребений 246/2015 и 250/2015. Одна индикация была найдена в дромосе погребения № 246, еще три золотые индикации были обнаружены при расчистке камеры погребения № 250. Ниже приведем краткое описание погребальных комплексов и ситуаций, в которых обнаружены золотые индикации.

Погребение 246

Склеп представлял собой типичную для Фанагории грунтовую гробницу³, состоящую из дромоса, коридора и камеры. Общая длина склепа составляла 5,6 м. Дромос был прямоугольной в плане формы, довольно узким, что характерно для фанагорийских склепов позднеантичной эпохи. В юго-восточной оконечности дромоса был зафиксирован грабительский лаз, пробивший его засыпку и упершийся в коридор, который ведет в камеру (рис. 1). При расчистке в заполнении грабительского хода, практически на полу дромоса были обнаружены обломки известняковых блоков заклада, отпечатки деревянных досок, вероятно, от крышек гробов, человеческие кости, а также некоторые находки. У северо-западной границы грабительского прокопа среди костей, выброшенных грабителями, компактно располагались смятые детали погребального венка из

¹ См. Абрамзон 2015, 182–193.

² О планиграфии некрополя Фанагории см. Ворошилова, Ворошилов 2013а; 2013б.

³ Ворошилов, Ворошилова 2015б, 17.

Рис. 1.
Погребение 246/2015.
Уровень расчистки
грабительского лаза

Рис. 2.
Индикация из погребения 246/2015
in situ

золотой фольги (рис. 2): индикация и аппликации в форме трилистника и треугольников.

Коридор, соединявший шахту дромоса и камеру склепа, имел длину около 1 м и расширялся в сторону камеры. Пологое дно коридора плавно спускалось к полу камеры. На дне коридора, как и в дромосе на месте грабительской шахты, были найдены фрагментированные человеческие кости, в том числе фрагменты черепа, а также отпечатки досок гробов и детали погребального венка из золотой фольги.

За коридором располагалась камера небольших размеров (длина – 2,5 м, ширина – около 1,5 м). В плане камера имела прямоугольную форму, вытянутую длинными сторонами параллельно продольной оси склепа. На плоском полу камеры были обнаружены остатки трех гробов и погребенных в них людей: двух взрослых и одного ребенка.

Индикация, обнаруженная с другими деталями погребального венка среди переотложенных человеческих костей на дне дромоса, могла происходить из захоронений взрослых людей (гробы 2 и 3). Оба гроба стояли вдоль продольных стен камеры: гроб № 2 у юго-западной, № 3 – у северо-восточной. Погребенные в них люди лежали вытянуто на спине, головой в сторону входа. В результате того, что грабители разрушили только западную половину камеры, скелеты в гробах 2 и 3 были повреждены только выше пояса. Судя по сохранности скелетов и положению переотложенных человеческих костей в коридоре и западной части камеры склепа, на момент древнего ограбления усыпальницы свод камеры уже частично обрушился, прикрыв собой ее восточную половину. Благодаря этому нижняя часть скелетов и некоторый сопровождающий инвентарь были найдены *in situ*.

Вещей в гробу № 2 обнаружено не было. Из гроба № 3, помимо ножа и шила, происходят стеклянные бусы и бронзовые (?) пряжки. Бусы можно отнести к типу 203 по классификации Е.М. Алексеевой. Они характерны для 3–4 вв. н.э.⁴ Из трех обнаруженных в гробу пряжек две относятся к IV хронологической группе, по типологии В.Ю. Малашева (середина 4 в. – начало 5 в. н.э.)⁵, еще одна пряжка по этой же типологии относится к группе IIIб (второе/третье десятилетие – середина 4 в. н.э.)⁶. Датировка склепа, вероятно, лежит в границах второй четверти – середины 4 в. н.э. Не противоречит этому и происходящая из склепа индикация⁷ с бронзовой монеты Константина I (306–337 гг.), которая, судя по ее расположению среди деталей погребального венка, использовалась в качестве центрального щитка венка.

Погребение 250

Склеп имел конструкцию аналогичную вышеописанному погребению 246. Общая длина склепа составляла 4,46 м. Дромос в плане близкой к прямоугольнику формы. В его центральной части зафиксирован грабительский лаз шириной около 1 м. На полу дромоса и коридора обнаружен гроб, в который упирался прокоп грабителей. Вероятно, именно благодаря этому захоронению, попавшемуся на пути грабителей, камера склепа уцелела. За коридором располагалась небольшая камера

⁴ Алексеева 1978, 74–75.

⁵ Малашев 2000, 203–205.

⁶ Там же, 205–206.

⁷ № 246-XVII/37.

Рис. 3.
Погребение 250/2015. Гроб 2.
Индикации (250-XVII/37.1-2) *in situ*

Рис. 4.
Погребение 250/2015. Гроб 2.
Индикация (250-XVII/37.1)
рядом с другими элементами
погребального венка

Рис. 5.
Погребение 250/2015. Гроб 2.
Индикация (250-XVII/37.2)
у нижней челюсти одного
из погребенных

(длина – 2 м, ширина – 1,7 м) почти квадратной формы. В камеру были поставлены шесть гробов: три взрослых и три детских.

Золотые индикации были обнаружены в двух гробах (№ 2 и 5) с останками взрослых индивидов. Судя по расположению в камере (установлены вдоль продольных стен), они были внесены туда первыми. Погребенные в гробах люди лежали вытянуто на спине, головой в сторону входа. Тлен от скелетов и сопровождающий их инвентарь сохранились *in situ*.

Гроб 2 стоял вдоль северо-восточной стены камеры широкой стороной к входу. В нем обнаружено два костяка, лежащие друг на друге (скелет 2 располагался над скелетом 3). Скелет 2 имел руки, вытянутые вдоль туловища, ноги были скрещены в щиколотках – правая нога располагалась над левой. Ноги костяка 3 были вытянуты параллельно друг другу. Плохая сохранность скелетов не позволяет достоверно судить, кому из погребенных принадлежали найденные в гробу вещи.

В гробу были найдены сразу две золотые индикации (рис. 3). Первая индикация⁸ обнаружена между западной торцевой стенкой гроба и тленом от черепов. Рядом с ней найдены аппликации из золотой фольги в форме трилистника и треугольников (рис. 4). Локализация большинства однотипных золотых листиков и треугольников вместе с индикацией в районе верхней части головы, свидетельствует об их принадлежности к одному венку. Судя по всему, детали из золотой фольги скрепляла органическая основа, не сохранившаяся до наших дней. Эта конструкция подтверждается как формой листиков (с прямым, срезанным основанием и иногда подрезанным верхним окончанием), так и отсутствием на всех элементах венка приспособлений для крепления (отверстий, «черешков»). Вторая индикация⁹ была найдена в области нижней челюсти (рис. 5), что, вероятно, подтверждает ее использование в качестве «обола Харона». Судя по тому, что обе индикации, происходящие из 2 гроба, были оттиснуты с одной и той же монеты¹⁰, относятся они к набору погребального инвентаря одного человека. Это

⁸ № 250-XVII/37.1.

⁹ № 250-XVII/37.2.

является дополнительным аргументом в пользу интерпретации одной из них как центральной части венка, а второй как «обола Харона». Помимо золотых изделий в гробу были найдены бусы, компактно располагавшиеся у шеи одного из погребенных в гробу.

Гроб 5 стоял вдоль юго-западной стены камеры широкой стороной к входу. В нем обнаружен скелет взрослого человека, руки которого вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны друг другу. Индикация¹¹ была обнаружена в области нижней челюсти (рис. 6, 7), что подтверждает ее вероятное использование в качестве «обола Харона». Однако нельзя полностью исключить возможную принадлежность индикации к погребальному венку. Объясняется это тем фактом, что его детали (трилистники и треугольники из золотой фольги) были найдены на черепе, туловище и у левого плеча погребенного человека. Помимо золота в гробу были найдены бусы, располагавшиеся у шеи погребенного, и железная фибула неподалеку от его стоп.

Для определения хронологической позиции гробницы имеют значение не только индикации и вещи из гробов с ними, но и другие находки, происходящие из склепа: бронзовые (?) пряжки и зеркало. Кратко рассмотрим хронологию вещей. Среди бус, обнаруженных в захоронении, выделяются следующие типы по классификации Е.М. Алексеевой¹²: 17, 53, 84, 86, 160, 203. Большинство из них характерны для 3–4 вв. н.э. Железная лучковая подвязная фибула относится, вероятно, ко II серии, по классификации А.К. Амброза¹³, или к 4 варианту II серии, по типологии В.В. Кропотова.¹⁴ Большинство подобных фибул датируются второй половиной 2 в. – 3 в. н.э.¹⁵, однако некоторые застёжки этой серии использовались вплоть до начала – первой половины 4 в. н.э.¹⁶

¹⁰ См. ниже раздел 2.

¹¹ № 250-XVII/37.3.

¹² Алексеева 1978, 65–68, 72, 74–75.

¹³ Амброз 1966, 52.

¹⁴ Кропотов 2010, 132–136.

¹⁵ Амброз 1966, 52.

¹⁶ Кропотов 2010, 136.

Рис. 6.
Погребение 250/2015. Гроб 5.
Индикация (250-XVII/37.3)
у черепа погребенного

Рис. 7.
Погребение 250/2015. Гроб 5.
Индикация (250-XVII/37.3)
у нижней челюсти погребенного.
Крупный план

Две обувные бронзовые пряжки относятся к группе IIб, по типологии В.Ю. Малашева¹⁷, и датируются второй половиной 3 в. н.э. Бронзовое зеркало с центральной петлей сильно окислилось. Тем не менее, в отдельных местах на поверхности диска просматривается декор из радиальных линий. Вероятно, зеркало относится к типу Березовка – Анке-2, самые ранние находки зеркал этого типа известны на Верхней Кубани и относятся к 3 в. – раннему 4 в. н.э.¹⁸ Учитывая датировку монет боспорских царей Савромата II (174–210 гг.)¹⁹ и Рескупорида V (242–276 гг.)²⁰, с которых были оттиснуты три золотые индикации²¹, происходящие из погребения, наиболее вероятным временем функционирования усыпальницы является середина – вторая половина 3 в. н.э.

В завершение обзора археологического контекста публикуемых находок отметим, что из четырех обнаруженных в 2015 г. индикаций две являлись центральным щитком погребального венка. Еще одна была использована в качестве «обола Харона». В одном случае роль индикации в погребальном обряде однозначно установить не удалось. Она могла быть использована и в качестве приношения Харону, и как деталь погребального венка. Кроме того, во всех случаях индикациям сопутствовали²² находки элементов погребальных венков – аппликации из тонкой золотой фольги в виде треугольников и трилистников. Подобное сочетание треугольных аппликаций с кружками из золотой фольги²³ или же настоящими индикациями уже встречались ранее в фанагорийских погребениях с инвентарем из золота.²⁴ Известно оно и в других античных некрополях. Например, в погребении 4 некрополя у с. Заморское на черепе погребенного был найден венок аналогичной конструкции, в центре которой находилась индикация с монеты Рескупорида (?).²⁵ Вполне возможно, что подобная статистика подтверждает использование индикаций, найденных вместе с треугольниками из золотой фольги, преимущественно в качестве элементов погребальных венков, которые имели, скорее всего, текстильную основу, не сохранившуюся до наших дней.

2. ИНДИКАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ФАНАГОРИИ

При расчистке погребения № 250/2015 в гробах №№ 2 и 5 были обнаружены три золотые индикации, оттиснутые с монет боспорских царей Савромата II (174–210 гг.) и Рескупорида V (242–276 гг.). Кроме того, в заполнении дромоса погребения № 246/2015 найдена индикация с бронзовой монеты Константина I (306–337 гг.). Подобные золотые изделия довольно редко встречаются в некрополе Фанагории. До сих пор было зафиксировано всего четыре экземпляра, один из которых был оттиснут с золотого статера боспорского царя Аспурга (14–37 гг.), три – с бронзовых монет римских императоров Криспа (317–326 гг.), Валентиниана II (375–392 гг.) или Валента (364–378 гг.), Грациана (367–383 гг.).²⁶ Таким образом, к настоящему моменту из некрополя Фанагории происходит уже восемь индикаций.

¹⁷ Малашев 2000, 207.

¹⁸ Мастыкова 2009, 84.

¹⁹ № 250-XVII/37.1, 2.

²⁰ № 250-XVII/37.3.

²¹ См. ниже раздел 2.

²² Иногда они находились в непосредственной близости от индикаций.

²³ Скорее всего, имитирующими индикации или настоящие монеты.

²⁴ Ворошилов, Ворошилова 2015а, 46, 49–51.

²⁵ Корпусова 1973, 32, рис. 3.

²⁶ См. Абрамзон 2015, 182–193.

В погребальной практике на Боспоре в 1–4 вв. н.э. использовались индикации преимущественно с бронзовых монет римских императоров. Однако встречаются и оттиски с монет боспорских правителей. Так, например, в некрополе Пантикапея найдены индикации с монет неизвестного правителя в $\overline{\text{AE}}$ ²⁷ (кон. 1 в. до н.э.), Рескупорида II (69–96 гг.)²⁸, Савромата II²⁹ (174–210 гг.), Ининфимея (234–238 гг.)³⁰, Рескупорида V³¹ (242–276 гг.), Фофорса (285–308 гг.)³², Рескупорида VI (314–341 гг.)³³. Из восточного некрополя Фанагории происходят индикации с аверсов статера Аспурга³⁴, Савромата II и Рескупорида V.

Таблица 1. Золотые индикации из Фанагории

№ п/п	Определение	Место и год находки	Литература
Группа I. Боспорские цари			
1	Аспург (14–37 гг.)	ВН, 2006 г., погр. № 84	Абрамзон 2015, 187; Трейстер 2015, 495, табл. 59. 4; 496, № 182
2	Савромат II (174–210 гг.)	ВН, 2015 г., погр. № 250, гр. № 2	
3	Савромат II (174–210 гг.)	ВН, 2015 г., погр. № 250, гр. № 2	
4	Рескупорид V (242–276 гг.)	ВН, 2015 г., погр. № 250, гр. № 5	
Группа II. Римские императоры			
5	Константин I (306–337 гг.)	ВН, 2015 г., погр. № 246	Ворошилова, Шавырина 2013, 446, рис. 20. 13; 447; Абрамзон 2015, 189–191, рис. 4. 1; Трейстер 2015, 434, табл. 31. 6; 435, № 117
6	Крисп (317–326 гг.)	ЗН («МТФ»), 1991 г., склеп № 1, гр. № 40	
7	Валентиниан II (375–392 гг.) или Валент (364–378 гг.)	Некрополь «С», 1936–1937 г., склеп № 21	Кропоткин 1961, 39, № 15а; Абрамзон 2015, 191
8	Грациан (367–383 гг.)	ЮГ, 1981 г., кв. XII/13	Абрамзон 2015, 190, рис. 4. 3; 192; Трейстер 2015, 418, № 97; 419, табл. 26. 4

Индикации, безусловно, изготавливались в местной мастерской с монет, обращавшихся на денежном рынке Фанагории. Поскольку в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам, данная категория находок играет важнейшую роль в датировке погребальных комплексов.

Индикации со статера Савромата II

Две публикуемые индикации из гроба № 2 воспроизводят портрет Савромата II (рис. 8. 1–2). Одна из них³⁵ располагалась во рту погребенного в качестве «обола Харона», вторая представляла собой центральную часть погребального венка.³⁶ Матрицей для изготовления обеих индикаций, без сомнения, послужила лицевая сторона электрового статера эмиссии 198 г. н.э. Обе индикации оттиснуты с лицевой стороны одного и того же экземпляра, о чем свидетельствуют отпечатанный на фольге дефект штемпеля в верхней части легенды между буквами С–С. Данный штемпель использовался для чеканки двух типов статеров 198 г. н.э.:

²⁷ Шкорпил 1913, 59; Ростовцев 1925, 228–229; Максимова 1957, 76.

²⁸ Ростовцев 1925, 246.

²⁹ ОАК 1904, 71, рис. 106; 79, рис. 123.

³⁰ Шкорпил 1913, 70–71, № 89.

³¹ Шкорпил 1905, 69, могила № 339; 1913, 70, могила № 85; ГЭ, инв. № П.1882.13 (реверс статера 264 г. н.э.) – см. Калашник 2013, 86, рис. 1. 4; 91; ОАК 1875, 29, № 47.

³² ГЭ, инв. № П.1882.13 – см. Калашник 2013, 86, рис. 1. 5; 91; ОАК 1875, 27, № 20.

³³ Три оттиска. См. ОАК 1875, 29, № 48–50.

³⁴ 2006 г., погр. 84. См. Абрамзон 2015, 187; Трейстер 2015, 495, табл. 59. 4; 496, № 182.

³⁵ Диаметр – 19 мм, № 250-XVII/37.2.

³⁶ Диаметр – 18,6 мм, № 250-XVII/37.1.

Рис. 8.
1, 2 – Индикации со статера Савромата II
198 г. н.э. из восточного некрополя
Фанагории;
3 – статер 198 г. н.э.
(Аукцион VIP № 357. Лот № 2017).
Общий штампель л.с.

1-й тип

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II в панцире и военном плаще (*paludamentum*) вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Септимия Севера вправо; на голове лавровый венок; внизу ΕΡΥ. Точечный ободок.³⁷

2-й тип

Л.с. То же.

О.с. Бюсты Септимия Севера (слева) и Каракаллы (справа) лицом друг к другу; на голове каждого лавровый венок; между ними полумесяц; внизу ΕΡΥ. Точечный ободок.³⁸

³⁷ Фролова 1997/1, табл. LXXIX. 8–10.

³⁸ Ср. <http://www.wolmar.ru/auction/719/789231/1>.

Н.А. Фролова выявила наличие трех экземпляров первого типа, отчеканенных таким штемпелем аверса.³⁹ Еще один экземпляр, битый тем же штемпелем лицевой стороны, находился также в Нимфейском кладе 1949 г.⁴⁰ Статер второго типа фигурировал на аукционе Wolmar⁴¹ (рис. 8. 3).

Медные монеты Савромата II в изобилии встречаются в Фанагории. Кроме того, на городище найден также электроый статер 198 г. н.э.⁴², битый другим штемпелем л.с.⁴³ (рис. 9), очень близким по исполнению к тому, что послужил матрицей для публикуемых индикаций.

Рис. 9.
Статер Савромата II 198 г. н.э.
из раскопок Фанагории

Примеры использования монет Савромата II в качестве матриц для медальонов на центральных щитках погребальных венков зарегистрированы в Пантикапее. Так, золотой венок с индикацией с монеты этого царя происходит из раскопок В.В. Шкорпила на некрополе между ул. Госпитальная, Константиновская и Эспланадная в 1904 г.⁴⁴ Второй венок найден в одном из склепов под Госпитальной улицей, ограбленных кладоискателями в том же году.⁴⁵

Наконец, следует отметить, что единичные статеры Савромата II довольно редко встречаются в слоях боспорских городов⁴⁶; не так много среди них и экземпляров 198 г. н.э. Мы можем отметить всего пять находок статеров данного года: 1) Танаис (1999 г.)⁴⁷; 2) Пантикапей (до 1983 г.?)⁴⁸; 3) Фанагория (2012 г.)⁴⁹; 4) Горгиппия (1955 г.)⁵⁰; 5) Анапский р-н, Краснодарский край (до 1959 г.)⁵¹. Кроме того, эти статеры найдены в составе двух кладов: из Нимфея (1949 г.) – 1 экз.⁵² и с Нижне-Гниловского городища (1958 г.) – 4 экз.⁵³ Таким образом, находка индикаций в Фанагории добавляет к перечисленному ряду еще один экземпляр статера данного года, а сами они позволяют датировать захоронение временем не ранее 198 г. н.э.

Индикация со статера Рескупорида V

В том же погребении № 250, в гробу № 5 найдена индикация с лицевой стороны билонного статера Рескупорида V⁵⁴ (рис. 10. 1). В качестве матрицы был использован статер 244 г. н.э. (рис. 10. 2):

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΡΡΙΔΟ. Бюст Рескупорида V вправо. Точечный ободок.

³⁹ Фролова 1997/1, 310 (штемпель И); табл. LXXIX. 8–10.

⁴⁰ Скуднова 1950, 79 сл.; Шелов 1951, 264; Голенко 1974, табл. VI. 7; Абрамзон, Фролова 2007–2008, табл. 95. 7.

⁴¹ Для штемпеля л.с. см. <http://www.wolmar.ru/auction/719/789231/1> (Аукцион VIP № 357. Лот № 2017). См. также <http://bosporan-kingdom.com/576-4205/14.html> (Каталог-архив «Монеты Боспора»).

⁴² Вес 7,67 г; диаметр 20 мм, № описи Ф-12-52. Раскопки 2012 г., раскоп «Верхний город», кв. 84, шт. 9. См. Абрамзон 2013б, 39, № 6, цв. вкл. 7. 6.

⁴³ Ср. Фролова 1997/1, табл. LXXVIII. 22.

⁴⁴ ОАК 1904, 71, рис. 106.

⁴⁵ Там же, 79, рис. 123.

⁴⁶ См. Абрамзон, Зинько 2011, 173, табл. 3.

⁴⁷ Медная имитация электрового статера 198 г. см. Яценко 2000, 24–26.

⁴⁸ Абрамзон, Иванина 2010, 103–104, № 426. Место хранения – ВКИКЗ, инв. № 3-8, КП 81478, КН-3610; вес 7,68 г; диаметр 19 мм; проба 375.

⁴⁹ Абрамзон 2013б, 39, № 6, цв. вкл. 7. 6.

⁵⁰ Место хранения – КГИАМЗ, инв. № 8365/22214 (Новичихин, Галут 2015, 104).

⁵¹ Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1932.

⁵² Голенко 1974, 73, табл. VI. 7.

⁵³ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 318, № 24–27; 732, табл. 97. 24, 25; 98. 26, 27.

⁵⁴ Диаметр 19 мм, № 250-XVII/37.3.

Рис. 10.

1 – Индикация со статера Рескупорида V 244 г. н.э. из восточного некрополя Фанагории;
2 – статер 244 г. н.э. из Фанагорийского клада 2011 г. Общий штампель л.с.

О.с. Бюст императора вправо; внизу АМФ. Точечный ободок.⁵⁵

Штампель лицевой стороны статера, послужившего матрицей для индикации, хорошо известен.⁵⁶ Отчеканенные данным штампелем монеты зарегистрированы в составе ряда кладов: Судакского (1958 г.)⁵⁷, Патрейского (1970 г.)⁵⁸, Керченского (1988 г.)⁵⁹, а также Фанагорийского (2011 г.)⁶⁰ Индикации со статеров Рескупорида V зарегистрированы также в некрополе Пантикапея.⁶¹

Итак, последняя индикация позволяет датировать погребение временем, по крайней мере, не ранее 244 г. н.э. А поскольку составы кладов из Судака и Фанагории свидетельствуют о том, что статеры Рескупорида V продолжали обращаться вплоть до конца правления Фофорса (285–308 гг.), датировка погребения может относиться ко всей второй половине 3 в. н.э.

Индикация с фоллиса Константина I и семьи

Из дромоса погребения № 246 происходит индикация⁶², оттиснутая с аверса бронзовой монеты Константина I и его семьи с изображением бюста Рому в шлеме и панцире влево и легендой *Urbs Roma* (рис. 11. 1). Фоллисы с таким типом лицевой стороны чеканились домом Константина I как на западных монетных дворах Римской империи (Лион, Трир,

⁵⁵ Фролова 1997/2, табл. XXXIX. 1.

⁵⁶ Ср. Фролова 1997/2, табл. XXXIX. 1

⁵⁷ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 813, табл. 178. 10, 11.

⁵⁸ Там же, табл. 121, 152–154. К.В. Голенко относил эти статеры к 247 г. н.э. См. Голенко 1978, табл. VII. 152.

⁵⁹ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 764, табл. 129. 38–51.

⁶⁰ Абрамзон, Кузнецов 2014, табл. 1. 19.

⁶¹ Шкорпил 1905, 69, могила № 339; 1913, 70, могила № 85; ГЭ, инв. № П.1882.13 (реверс статера 264 г. н.э.).

⁶² Диаметр 17 мм, № 246-XVII/37.

Рис. 11.
1 – Индикация с выпуска Константина I URBS ROMA из восточного некрополя Фанагории;
2, 3 – выпуски URBS ROMA Константинопольского монетного двора

Арль, Рим, Аквилея, Сисция, Фессалоники), так и на восточных (Гераклея, Константинополь, Никомедия, Кизик, Антиохия, Александрия) в период, начиная с 330 г. н.э. и до смерти Константина в 337 г. Выпускались три варианта фоллисов с данным типом аверса, но разными типами реверса: 1) бюст Ромы влево, VRBS ROMA/два воина, каждый держит копье, между ними штандарт, GLORIA EXERCITVS⁶³ (рис. 11. 2); 2) бюст Ромы влево, VRBS ROMA/волчица, кормящая близнецов, влево; вверху две звезды⁶⁴ (рис. 11. 3); 3) бюст Ромы, на левом плече копье, VRBS ROMA/Виктория со щитом стоит на проре, влево.⁶⁵ Поскольку на индикации отсутствует копье на левом плече Ромы, то в качестве матрицы следует рассматривать первые два варианта. Доминируют выпуски монет с волчицей и близнецами. Выпуски западных монетных дворов Империи в материалах из Фанагории встречаются редко.⁶⁶ Среди найденных здесь монет Константина I и его сыновей Криспа и Констанция II преобладают отчеканенные на восточных монетных дворах

⁶³ RIC VII, 217–218, nos. 541, 542 (Трир); 561, no. 156 (Гераклея); 589–590, nos. 143, 154 (Константинополь); 635, no. 205 (Никомедия).

⁶⁴ RIC VII, 138–140, nos. 247, 257, 260, 267, 275 (Лион); 217–218, nos. 542, 547, 553, 561, 562 (Трир); 270–279, nos. 343, 351, 356, 362, 368, 379, 385, 392, 400, 407, 415 (Арль); 344–346, nos. 386–390, 396, 398, 406 (Рим); 407–409, nos. 122, 128, 136 (Аквилея); 453, 456, nos. 222, 240 (Сисция); 524, 530, nos. 187, 229 (Фессалоники); 557–560, nos. 114, 119, 124, 129, 134, 143 (Гераклея); 579–580, nos. 62, 78, 85 (Константинополь); 634, no. 195 (Никомедия); 654–658, nos. 71, 91, 105, 106, 118, 119 (Кизик); 693, 697, nos. 91, 113 (Антиохия); 712, nos. 63, 70 (Александрия).

⁶⁵ Ср., например, RIC VII, 140, no. 274.

⁶⁶ Среди них – бронзовые монеты Константина I, выпущенные в Риме, и монета Криспа, отчеканенная в Сисции (Паннония).

(Константинополь, Кизик, Гераклея).⁶⁷ Кроме бронзовых монет семьи Константина I с городища, из некрополя Фанагории происходит золотая индикация с монеты Криспа, предположительно выпущенной в Сисции.⁶⁸

Таблица 2. Монеты Константина I и сыновей, найденные в Фанагории

№ п/п	Император	Двор	Дата	Определение	№ по описи; литература
1	Константин I (305–337)	Рим	326 г.	RIC VII, 330, no. 287	Ф–06–48; Abramzon 2011, 271, pl. 1. 3; Абрамзон 2013а, 100, № 135
2	Константин I	?	326 г.	Для типа см., например, RIC VII, 330, no. 287	Ф–10–169; Там же, 100, № 136
3	Константин I	Гераклея	313–314 гг.	RIC VII, 542, no. 5	Ф–07–8259; Там же, 100, № 137
4	Крисп (317–326)	Сисция	319 г.	RIC VII, 435, no. 87	Ф–11–147; Там же, 100, № 138
5	Крисп	Фессалоники	318–319 гг.	RIC VII, 504, no. 36	Ф-15-43
6	Констанций II (337–361)	Гераклея или Никомедия?	337–340 гг.	Тип см. RIC VIII, 432, no. 35	Ф-13-49
6	Констанций II	Константинополь	351–355 гг.	RIC VIII, 458, no. 118	Ф–11–57; Там же, 100, № 139
7	Констанций II	Константинополь	351–355 гг.	RIC VIII, 458, no. 118	Ф–11–178; Там же, 100, № 140
8	Констанций II	Константинополь	351–355 гг.	RIC VIII, 458, no. 118	Ф–11–179; Там же, 100, № 141
9	Констанций II	Кизик	351–354 гг.	RIC VIII, 497, no. 95	Ф–07–83; Abramzon 2011, 271, pl. 1. 4; Абрамзон 2013а, 100, № 142

Иконография бюста Ромы на публикуемой индикации с типом URBS ROMA позволяет предполагать использование в качестве матрицы, скорее всего, выпусков Константинополя 336–337 гг. (GLORIA EXERCITVS (наиболее предпочтительно; ср. рис. 4. 1, 2) или с волчицей)⁶⁹ или Кизика 330 и 334 гг. (волчица с близнецами).⁷⁰ Однако не исключено, что это мог быть и выпуск Сисции.⁷¹

Помимо публикуемой индикации из восточного некрополя Фанагории нам известны еще две индикации с двух разных монет Константина I, найденные в некрополе античного памятника, расположенного на Мысе Зюк.⁷²

3. СОСТАВ ЗОЛОТА ИНДИКАЦИЙ

Химический состав золота индикаций исследовался методом неразрушающего РФА анализа на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker)⁷³ по стандартной методике по точкам (рис. 12).⁷⁴ Пробы для каждого из образцов брались по нескольким точкам (табл. 3), для индикации с фоллиса Константина I проводилось картирование по заданной площади. Анализ химического состава золота выполнялся при вакууме 20 миллибар, энергии – 600мА, мертвое время – 6%; скорость сканирования при картировании составляла 6 мин/цикл. Спектры рассчитыва-

⁶⁷ Абрамзон 2013, 80, табл. 6.

⁶⁸ Абрамзон 2015, 191.

⁶⁹ Ср. RIC VII, 579–580, nos. 62, 78, 85 (волчица), 143 (два воина, между ними штандарт).

⁷⁰ Ср. Ibid., pl. 22. 72.

⁷¹ Ср. Ibid., 453, 456, nos. 222, 240.

⁷² ОАК 1894, 8, 93; Кропоткин 1961, 65, № 613; Абрамзон 2015, 189, табл. 2. 21.

⁷³ Авторы выражают искреннюю признательность Л.А. Пельгуновой (ИПЭЭ РАН им. А.Н. Северцова) за возможность работы на РФА-спектрометре M4 Tornado.

⁷⁴ Сапрыкина, Пельгунова 2015, 311–321.

Рис. 12.
Пример точечного анализа статера Савромата II (погр. 250, гроб 1) по методу РФА на спектрометре M4 Tornado (Bruker)

лись с помощью программы XSpec; проверялись спектры вручную.

Все индикации изготовлены тиснением на золотой ковanej фольге; рубленые края индикаций имеют характерные следы работы зубильцем. Расчет по фазам, основанный на данных картирования для индикации с фоллиса Константина I (рис. 13), показал, что ковная фольга имеет неравномерную толщину, что связано, прежде всего, с распределением меди в анализируемом образце: толщина образца оказывается большей на участках, обогащенных медью.

Результаты анализа химического состава золота, использовавшегося для изготовления исследуемых индикаций, показали следующее. Состав золота индикации с фоллиса Константина I из погр. 246 (табл. 3, пробы 37-1–4) сопоставим с составом золота двух индикаций со статера Савромата II из погр. 250 (табл. 3, пробы 37.1; 37.2). Такой широкий разброс значений золота и серебра, двух основных компонентов, зафиксированный анализом для каждого из образцов, характерен для самородного золота. Его пробность может колебаться от 750 до 950. Золото индикации с фоллиса Константина I, по существующей градации, можно отнести к 800 пробе, золото индикаций со статера Савромата II – к 750 пробе (37.1) и к 800 пробе (37.2). Содержание меди в золоте индикаций стабильно низкое и не превышает 2% (среднее значение 1.76–2.01%).

Объединяет пробы, полученные с трех индикаций из погребений 246 и 250 (37, 37.1, 37.2), и набор зафиксированных микропримесей. Это, прежде всего, стандартный набор элементов, участвующих в распространенных золотоносных ассоциациях (Fe, Zn), а также мелкие включения осмия (Os) в золоте индикаций в пределах от 0.00 до 1.23% (табл. 3, пробы 37; 37.1; 37.2). Включения других элементов платиновой группы (Pt, Pd, Ru, Ir) анализом зафиксированы не были.⁷⁵ В целях проверки данных по осмию было выполнено картирование участка

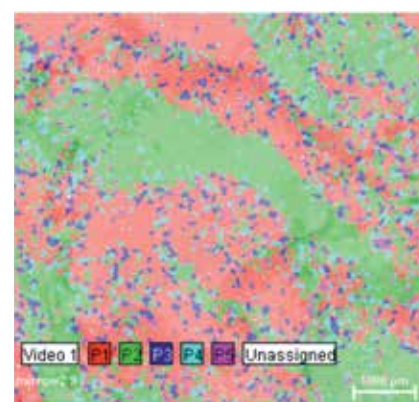

Рис. 13.
Результат применения фазового анализа для индикации с фоллиса Константина I: участки разной плотности

⁷⁵ Не исключено, что их содержание в золоте исследуемых образцов находится за пределом разрешительной способности метода.

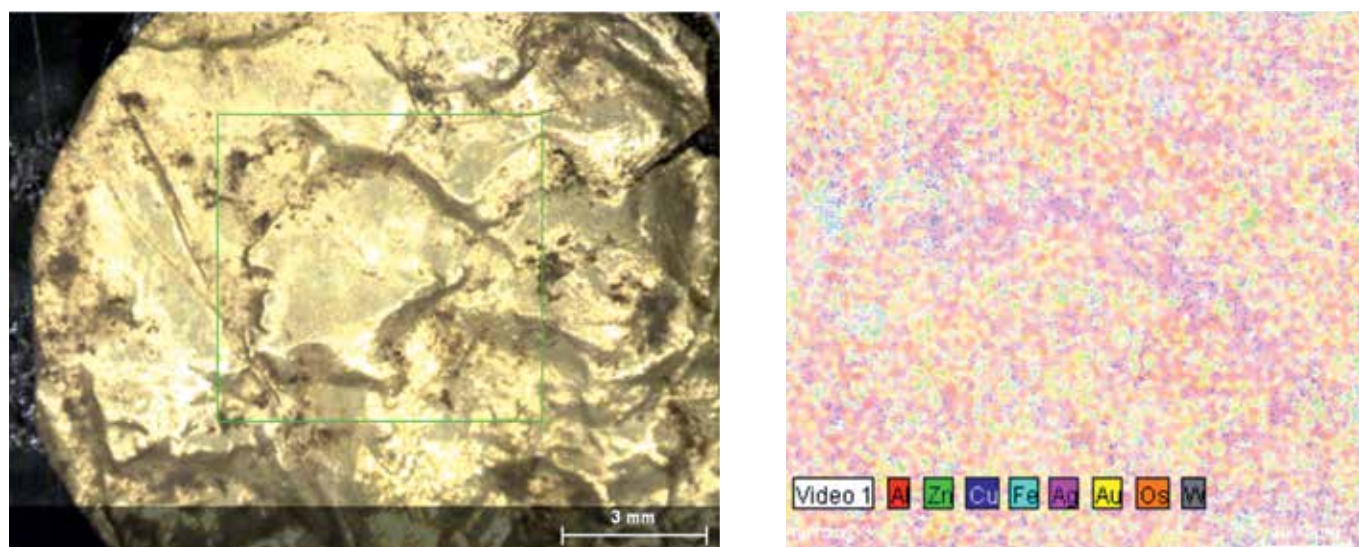

Рис. 14.
Результаты картирования участка
лицевой поверхности для индикации
с фоллиса Константина I:
распределение химических элементов
в золоте

⁷⁶ Зайков и др. 2015, 285–286, рис. 7.

⁷⁷ Молибден, висмут, олово и другие легкоподвижные элементы, с которыми вольфрам образует соединения, анализом не зафиксированы.

⁷⁸ Ridley 2013, 105.

⁷⁹ Геохимия золота крайне сложна и изменяется в зависимости от типов и горизонтов месторождений. К примеру, см. Петровская 1993, 74–80.

⁸⁰ Там же, 41–42. Однако существуют золотосодержащие месторождения, в состав которых входят, в том числе, оксидные минералы вольфрама (см. Ridley 2013, 179, fig. 3. 43).

⁸¹ Трейстер 2015, 468, № 149.

⁸² Сапрыкина, Пельгунова 2015, 319, табл. 1. 39–44. Вольфрам также был зафиксирован в отдельных пробах золота бляшки с изображением орла, табл. 1, пробы 29–30. Авторы в момент публикации результатов исследования не нашли объяснений единичному присутствию этого элемента в золоте из Фанагории. Однако сейчас можно говорить о наличии определенной статистики.

поверхности индикации с фоллиса Константина I, на котором точечным анализом было зафиксировано наличие этого элемента. В металле исследуемого образца не было отмечено зерен, как при исследовании других золотых предметов из Фанагории⁷⁶, однако удалось зафиксировать области распространения его микровключений – на карте отчетливо видна определенная дисперсность в распространении столь мелких по размеру частиц осмия (рис. 14). На этой же картограмме четко фиксируются области распространения включений меди, цинка и железа, достаточно равномерно распределенных в структуре золота, несмотря на применявшуюся обработку давлением.

Интересно наличие в металле трех индикаций из погр. 246 и 250 (37, 37.1, 37.2) такого «чуждого» золоту минерала, как вольфрам (W), содержание которого в пробах стабильно высокое (до 2%).⁷⁷ Вольфрам (вернее, его оксиды⁷⁸), как правило, относится к тем минералам, которые образуют примеси в самородном золоте или вступают с ним в ассоциации, в зависимости от типа руды. Однако эти ассоциации или примеси возникают лишь в момент высокой подвижности золота⁷⁹, происходящей при определенных геологических условиях, необходимых для «обмена» элементами между золоторудным месторождением и обособленным месторождением, содержащим оксидные минералы вольфрама, располагающимся в непосредственной близости.⁸⁰ В этой связи совершенно иначе выглядят результаты исследования металла подвески в форме кукиша из склепа погр. 38 Восточного некрополя⁸¹, в золоте которой также было зафиксировано наличие вольфрама.⁸²

Таким образом, предварительно можно говорить о сходном источнике поступления золота на территорию Фанагории, из которого были изготовлены индикации из погребений 246 и 250 (37, 37.1, 37.2), датируемые в пределах 3–4 вв. н.э. Наличие указанных микропримесей, в частности, свидетельствует в пользу использования в этот период нерафинированного самородного золота, источником которого, возможно, служили россыпи золоторудных месторождений гидротермального типа.⁸³

Не исключено, что источник золота мог находиться на контакте с формацией кварц-вольфрамитовых жил (в том числе, гидротермального типа⁸⁴).

Совершенно иная картина зафиксирована при анализе золота индикации со стatera Рескупорида V из погребения 250 (гроб 5), датированного 3 в. н.э. (табл. 3, *пробы 37.3*). Как видно из таблицы, проба золота здесь 750, довольно высоко содержание меди (3.40–4.02%), стандартны примеси железа и цинка; другие элементы отсутствуют. Эти данные сопоставимы с полученными при исследовании золота индикации второй половины 3 – конца 2 в. до н.э. из раскопок погребения 1 некрополя «М» Фанагории.⁸⁵ Для изготовления индикации со стatera Рескупорида V из гроба 5 погребения 250 использовалось низкопробное золото из сплава тройной системы (Au-Ag-Cu).

⁸³ Бетехтин 1951, 120–121; Ridley 2013, 175.

⁸⁴ Магакьян 1955, 154.

⁸⁵ Зайков и др. 2015, 270, табл. 2. 13.

Таблица 3. Результаты исследования состава золотых индикаций методом РФА

Наименование	Проба	Fe	Cu	Zn	Ag	W	Os	Au
Индикация с фоллиса Константина I и семьи (погр. 246)	37-1	0.06	1.73	0.13	13.67	1.48	0.34	82.59
	37-2	0.07	2.01	0.20	9.79	1.38	0.41	86.15
	37-3	0.33	1.82	0.22	16.28	1.00	0.27	80.07
	37-4	0.93	1.70	0.21	18.25	1.64	0.61	76.67
Индикация со стatera Савромата II (погр. 250, гроб 2)	37.1-1	0.46	1.57	0.12	21.08	1.39	0.50	74.88
	37.1-2	0.23	1.66	0.07	17.82	1.66	0.32	78.25
	37.1-3	0.14	1.69	0.06	20.96	1.10	0.43	75.62
	37.1-4	0.12	1.89	0.13	15.67	1.21	0.82	80.15
	37.1-5	0.23	1.60	0.17	19.19	1.40	0.74	76.67
	37.1-6	0.12	1.61	0.11	18.70	1.20	0.30	77.96
	37.1-7	0.12	1.72	0.13	15.49	1.00	0.66	80.88
	37.1-8	0.06	1.90	0.32	19.10	1.09	1.23	75.51
	37.1-9	0.15	1.88	0.03	16.19	1.01	0.16	80.57
	37.1-10	0.17	2.05	0.14	16.87	1.28	0.61	78.88
Индикация со стatera Савромата I (погр. 250, гроб 2)	37.2-1	0.32	1.89	0.09	17.75	1.67	0.74	77.53
	37.2-2	0.09	1.84	0.17	17.21	1.54	0.62	78.53
	37.2-3	0.14	1.52	0.01	16.21	0.84	0.45	80.83
	37.2-4	0.21	1.91	0.08	18.64	0.78	0.07	78.31
	37.2-5	0.04	2.10	0.18	17.91	1.07	0.43	78.27
	37.2-6	0.10	1.93	0.09	9.96	1.69	0.87	85.37
	37.2-7	0.08	1.80	0.15	16.81	1.10	0.70	79.36
	37.2-8	0.05	2.44	0.22	12.47	1.32	0.20	83.31
	37.2-9	0.09	2.03	0.10	18.49	1.24	0	78.06
	37.2-10	0.06	2.27	0.23	11.83	1.34	0.83	83.42
	37.2-11	0.09	2.17	0.11	15.62	1.14	0.40	80.47
	37.2-12	0.02	2.17	0.08	19.69	1.00	0.24	76.81
	37.2-13	0.13	2.10	0.21	18.09	0.90	0.84	77.74

Индикация со статера Рескупорида V (погр. 250, гроб 5)	37.3-1	0.04	3.44	0.13	23.21	0	0	73.17
	37.3-2	0.07	3.70	0.23	20.22	0	0	75.79
	37.3-3	0.11	3.70	0.13	20.32	0	0	75.75
	37.3-4	0.07	4.02	0.09	9.84	0	0	85.98
	37.3-5	0.06	3.40	0.12	20.09	0	0	76.33
	37.3-6	0.07	3.54	0.10	18.16	0	0	78.12
	37.3-7	0.07	3.40	0.12	24.92	0	0	71.49
	37.3-8	0.06	3.63	0.15	21.78	0	0	74.39
	37.3-9	0.06	3.72	0.09	18.66	0	0	77.47
	37.3-10	0.05	3.42	0.16	22.97	0	0	73.41
	37.3-11	0.07	3.80	0.08	19.13	0	0	76.93

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2013а. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 61–107.

Абрамзон М.Г. 2013б. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок, *ПИФК 2*, 22–43.

Абрамзон М.Г. 2015. Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 182–193.

Абрамзон М.Г., Зинько В.Н. 2011. Золотые статеры Евпатора и Савромата II из раскопок Тиритаки, *ПИФК 4*, 166–179.

Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010. *Античные монеты. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника* (Нумизматическая коллекция 2). Киев.

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2014. Клад боспорских статеров III–IV вв. н.э. из Фанагории (2011 год), *ВДИ 4*, 56–86.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.)* (БИ Supplementum 2). Симферополь–Керчь.

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1-12). Москва.

Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* (САИ Д1-30). Москва.

Бетехтин А.Г. 1951. *Курс минералогии*. Москва.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015а. Золото в некрополе Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 29–76.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015б. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя, in: *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Москва, 16–19.

Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. 2013а. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории, in: *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 76–78.

Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. 2013б. Об организации пространства некрополя Фанагории, *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 111–116.

Голенко К.В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг., *НЭ XI*, 61–93.

Голенко К.В. 1978. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н.э., *НЭ XII*, 10–40.

- Зайков В.В., Трейстер М.Ю., Зайкова Е.В., Хворов П.В., Котляров В.А. 2015. Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 266–310.
- Калашник Ю.П. 2013. Пантикапейские индикации, in: Ю.А. Виноградов, М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский (ред.), *Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. Санкт-Петербург, 85–99.
- Корпусова В.М. 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору, *Археологія* 8, 27–45.
- Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР* (САИ Г4–4). Москва.
- Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Магакьян И.Г. 1955. *Рудные месторождения. Промышленные типы месторождений металлических полезных ископаемых*. Москва.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени, in: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона 1). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Максимова М.И. 1957. Боспорская камнерезная мастерская, *СА* 4, 75–82.
- Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. н.э.* Москва.
- Новичихин А.М., Галут О.В. 2013. *Золото Горгиппии: научно-популярный альбом-каталог*. Анапа–Краснодар.
- ОАК за 1875 г.* (1878 г.). Санкт-Петербург.
- ОАК за 1894 г.* (1896 г.). Санкт-Петербург.
- ОАК за 1904 г.* (1907 г.). Санкт-Петербург.
- Пахомов Е.А. 1959. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа VIII*. Баку.
- Петровская Н.В. 1993. *Золотые самородки*. Москва.
- Ростовцев М. 1925. *Скифия и Боспор*. Петроград.
- Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А. 2015. Исследование золотых изделий из Фанагории на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker), in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 311–321.
- Скуднова В.М. 1950. Два клада монет из Нимфея, *ВДИ* 4, 78–81.
- Трейстер М.Ю. 2015. Каталог. Институт Археологии РАН, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 391–562.
- Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. I–II. Москва.
- Шавырина Т.Г., Ворошилова О.М. 2013. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.), in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* 1 (Фанагория 1). Москва, 415–581.
- Шелов Д.Б. 1951. К опубликованию двух кладов из Нимфея, *ВДИ* 1, 263–264.
- Шкорпил В.В. 1905. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г., *ИАК* 17, 1–76.
- Шкорпил В.В. 1913. Отчет о работах в г. Керчи и ст. Таманской в 1910 г., *ИАК* 47, 42–72.
- Ridley J. 2013. *Ore Deposit Geology*. New York.

О.М. Ворошилова, Н.В. Завойкина

НАДГРОБИЕ ФИАСОТА МОККА, СЫНА ЛЕВКИЯ, ИЗ ФАНАГОРИИ

В полевом сезоне 2014 г. при раскопках Восточного некрополя Фанагории было открыто надгробие с надписью.¹ Оно происходит из заклада (рис. 1, 2) грунтового склепа (погребение 221/2015), типичной для фанагорийских гробниц римского времени конструкции.² Древняя усыпальница состояла из дромоса, погребальной камеры и соединяющего их коридора. Камера располагалась с восточной стороны. На дне ее обнаружены остатки двух деревянных саркофагов, в которых были погребены мужчина и женщина.³ Хронология функционирования гробницы может быть определена по происходящим из нее датирующим находкам. Это бронзовое зеркало, стеклянные бальзамарии и кувшин, краснолаковые тарелки.⁴

Бронзовое зеркало относится ко 2-му варианту типа IX по классификации И.И. Марченко, подобные зеркала характерны для 2 в. н.э.⁵ Стеклянные бальзамарии принадлежат к типу I 2 Г по типологии Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной⁶ и датируются первой половиной 2 в.⁷ Стеклянный кувшин относится ко второй половине 1 – началу 2 вв.⁸ Кувшин подобен сосудам формы 3 по типологии Д.В. Журавлева, которые бытовали во второй половине 1–2 в.⁹ Краснолаковые тарелки имеют сходство с типом 2.1.1 Понтийской сигиллаты, по типологии того же автора. Они относятся ко второй половине 1 – началу 2 в.¹⁰ Таким образом, судя по погребальному инвентарю, хронологическая позиция погребения 221/2015 находится в границах первой половины 2 в., возможно, первой четверти этого столетия.

Публикуемое надгробие было вторично использовано в качестве элемента заклада семейной усыпальницы. До этого плита, вероятно, являлась стелой, вертикально стоявшей над могилой. Это подтверждается расположением надписи, занимающей две верхние трети фасадной плоскости надгробия и оставлявшей свободной грубо обработанную нижнюю треть со следами подтески, которая устанавливалась либо в постамент, либо непосредственно в грунт. При обнаружении стелы стало понятно, что верхняя часть ее лицевой поверхности была дополнительно подготовлена для нанесения строк – ее тщательно отшлифовали и покрыли белой штукатуркой, следы которой были особенно заметны на поверхности плиты в момент находки надписи (рис. 3). Необходимость использования штукатурки, скорее всего, была обусловлена рыхлой структурой известняковой поверхности, на которую нужно было нанести текст. Нельзя исключать и вариант вторичного использования в качестве надгробия архитектурного блока, покрытого белой штукатуркой.

¹ Выражаем искреннюю признательность Н.А. Павличенко за критические замечания, которые мы постарались учесть.

² Ворошилов, Ворошилова 2015, 17.

³ Антропологические определения сделаны М.В. Добровольской.

⁴ Полная публикация материалов этого интересного погребального комплекса в нашу задачу не входит.

⁵ Марченко 1996, 24. Далее все даты нашей эры, кроме отмеченных особо, даны без указания «н.э.».

⁶ Кунина, Сорокина 1972, 161.

⁷ Кунина 1997, рис. 365, 325.

⁸ Сорокина 1984, 257, 80; Кунина 1997, рис. 239, 301.

⁹ Журавлев 2010, 76.

¹⁰ Там же, 43.

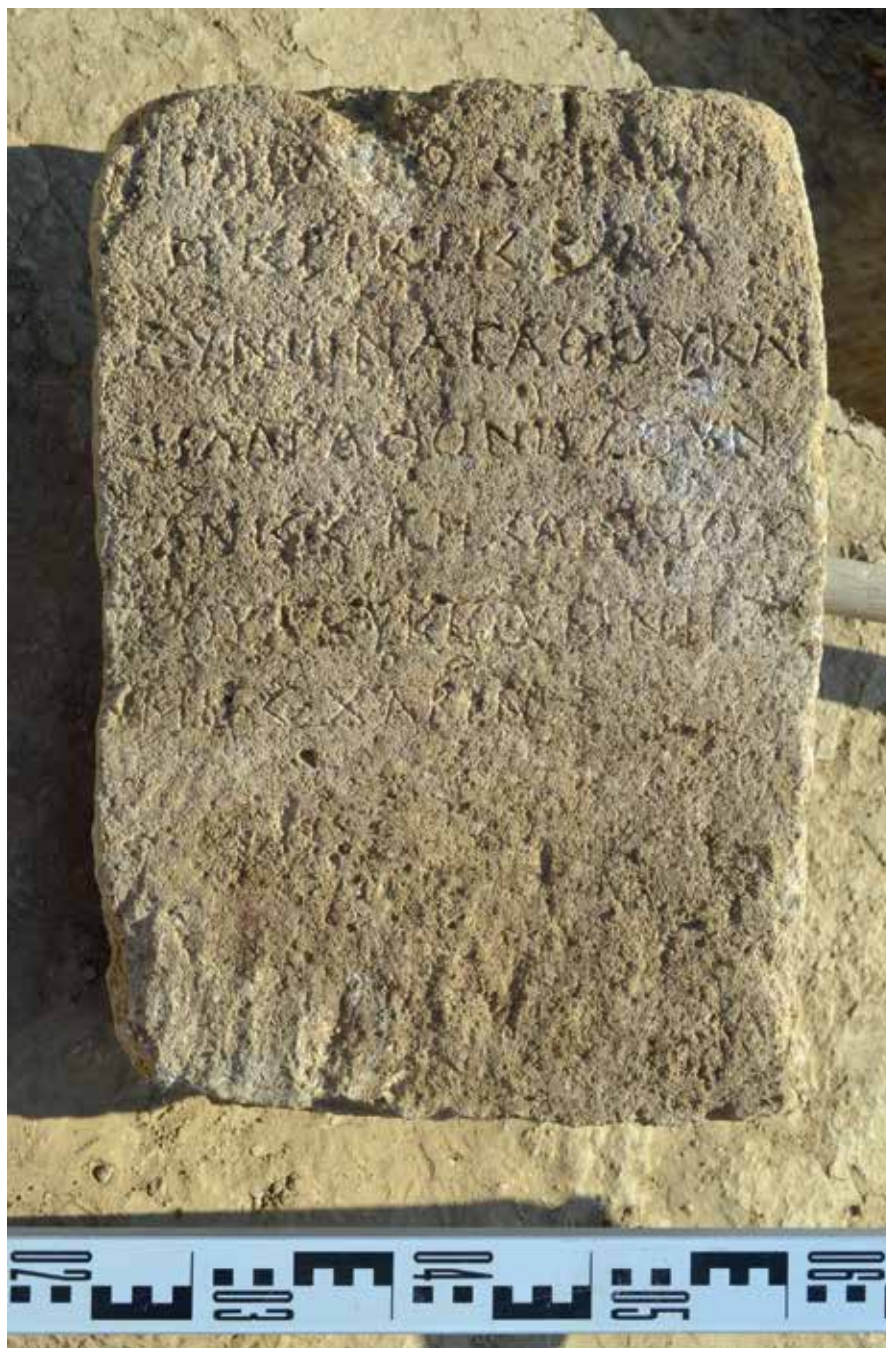

Рис. 1.
Каменный заклад склепа 221/2015.
Вид из дромоса

Рис. 2.
Каменный заклад склепа 221/2015.
Вид сверху

Подробнее остановимся на ситуации, в которой было найдено публикуемое надгробие. Вход в коридор, ведущий в камеру склепа, со стороны дромоса преграждал массивный каменный заклад. Он состоял из пяти известняковых камней вторичного использования: трех строительных блоков относительно небольшого размера и двух надгробий. Большую часть проема коридора с южной стороны заслоняло надгробие № 1 – крупная почти прямоугольная, плита с глубоким рельефом,

*Рис. 3.
Стела со следами белой штукатурки
на фасаде сразу после извлечения
из склепа*

изображающим сцену заупокойной трапезы. Это тяжелое надгробие было установлено основанием вверх и лицевой поверхностью в сторону камеры. Оно опиралось верхней частью и одной из боковых сторон на восточную торцевую стену дромоса и плотно запечатывало около двух третей створа коридора, ведущего в погребальную камеру. Оставшаяся в проеме дромоса щель была заложена четырьмя обработанными блоками поставленными друг на друга. В основании этой конструкции находилась прямоугольная плита из рыхлого известняка, уложенная плашмя на пол дромоса, упиравшаяся с одной стороны в его северо-восточный угол, а с другой – в торец плиты

надгробия № 1. При разборе заклада после снятия трех верхних блоков была поднята и нижняя плита (рис. 4). Она оказалась надгробием (№ 2) с надписью на плоскости, которая была обращена вниз. На полу дромоса остался рельефный отпечаток строк надписи, а так же следы белой штукатурки когда-то покрывавшей фасадную сторону этой плиты (рис. 5).¹¹

Высота плиты 53 см, ширина 36 см, толщина 14 см. На ней сохранилось семь строк надписи, вырезанных аккуратно по заранее разлинованному эпиграфическому полю (рис. 6). Высота букв 1,9–2 см, расстояние между строк 2,2 см. Состояние надписи удовлетворительное. Лакуны уничтожили частично буквы в 1 и 2 строках. Пористая структура плиты из ракушечника в ряде случаев нарушила форму букв. Следы белой обмазки, которой изначально была покрыта плита, позволяют, в свою очередь, предположить, что эпитафия была вырезана поверх белого покрытия. Это объясняет неглубокую врезку букв в толщу камня.

Буквы в строках вырезаны по линейкам, они равновеликие и соразмерные, расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Шрифт новой эпитафии отличается сочетанием лапидарных и курсивных форм букв (курсивные *омега* и *сигма*), что привело к нарушению строгости и единообразия облика текста.¹² Надпись может быть датирована интервалом между концом 1 в. и примерно 140 г.¹³ Хронологические признаки следующие: у *альфы* и *лямбды* верхний край наклонной правой гасты выступает за ее пересечение с левой гастой; *омикрон* – одинакового размера с остальными буквами¹⁴; *эта* – с центральной перекладиной, соприкасающейся с боковыми гастами; *тета* в форме овала с прямой линией в центре буквы; *каппа* вырезана с плавно изогнутыми «усиками»; линии центральной части *мю* выходят почти из середины боковых гаст и перекрещены в центре; *ро* – с маленьким сегментом на высокой ножке; *омега* курсивная. Двухчастная *сигма* в форме «тупого угла» не находит аналогий в датированных боспорских надписях.¹⁵ Обращает внимание необычная форма *эpsilon* во 2-й и 4-й строках надписи.

Рис. 4.
Надгробие сразу после открытия

¹¹ Этот вывод был также подтвержден реставратором высшей категории О.Л. Гунчиной, сотрудником музея-заповедника «Фанагория», которая в ходе расчистки лицевой поверхности плиты обратила внимание на следы белой обмазки на правой стороне камня.

¹² Сочетание лапидарных и курсивных форм букв встречается в надписях примерно с 60-х годов 1 в. (Книпович, Болтунова 1962, 23–24).

¹³ Книпович, Болтунова 1962, 22–23, табл. III.4, III.5. Важным хронологиче-

ским репером является форма *омикрон*. Среди датированных надписей 90–130-х годов, имеющих аналогии с шрифтом публикуемой надписи, следует упомянуть: две почетные надписи из Пантикапея 90-х гг. (CIRB-Album 42, 43), манумиссию 105 г. (CIRB-Album 1021), посвятельную надпись из Фанагории 105 г. (CIRB-Album 1045), посвятельную надпись из Горгииппии 110 г. (CIRB-Album 1015), почетную надпись из Пантикапея 117 г. (CIRB-Album 44) и др.

¹⁴ Т.Н. Книпович и А.И. Болтуновой от-

мечается использование маленького *омикрона* в документах 2 – середины 1 в. до н.э., а затем – только в 60–90-х и позднее, уже в 140–170-х годах (Книпович, Болтунова 1962, 19, 22, 24).

¹⁵ В надписях встречается курсивная *сигма* в форме полукруга. Например, см. CIRB-Album 1115. Аналогии *сигмы* в форме угла обнаруживаются в надписи на свинцовой пластине из Фанагории 3–2 вв. до н.э., в сткк. 1, 2, 5. (Сапрыкин, Масленников 2007, 51, рис. 1 (вклейка), 2 (прорисовка)).

Рис. 5.
Отпечаток надгробия на полу дромоса

¹⁶ См. Завойкина 2013а, где собран материал и мнения исследователей о деятельности боспорских частных сообществ и, шире, античных частных ассоциаций, доступные на 2011 г. Тема античных ассоциаций остается по-прежнему в центре внимания ученых. Об этом свидетельствует публикация свода источников о деятельности античных ассоциаций (Ascough, Harland, Kloppenborg 2012). Второй том этой серии включает тексты, переводы надписей частных сообществ из городов Северного Причерноморья и Малой Азии (Harland 2014), а также – монография о деятельности религиозных сообществ в эллинистическое и римское время (Steinhauer 2014).

¹⁷ Исключение представляет эпитафия Лисимаха, участника фиаса сверстников (КБН 137). Подробнее о структуре и элементах эпитафий боспорских фиасотов: Завойкина 2013, 252. Помимо фразы ἡ θιασός ἡ περὶ κτλ. в начале эпитафии могло стоять выражение ἡ σύνοδος ἡ περὶ κтл. Подобное отличие объясняется тем, что «фиас» использовалось для обозначения религиозных сообществ почитателей, а термином «синод» могли обозначаться любые частные ассоциации, в которых религиозная объединяющая не играла ведущей роли (Завойкина 2013а, 34–39).

¹⁸ Об обязанностях жреца и филагата см. там же, 40–43.

¹⁹ Завойкина 2013б, s.v.

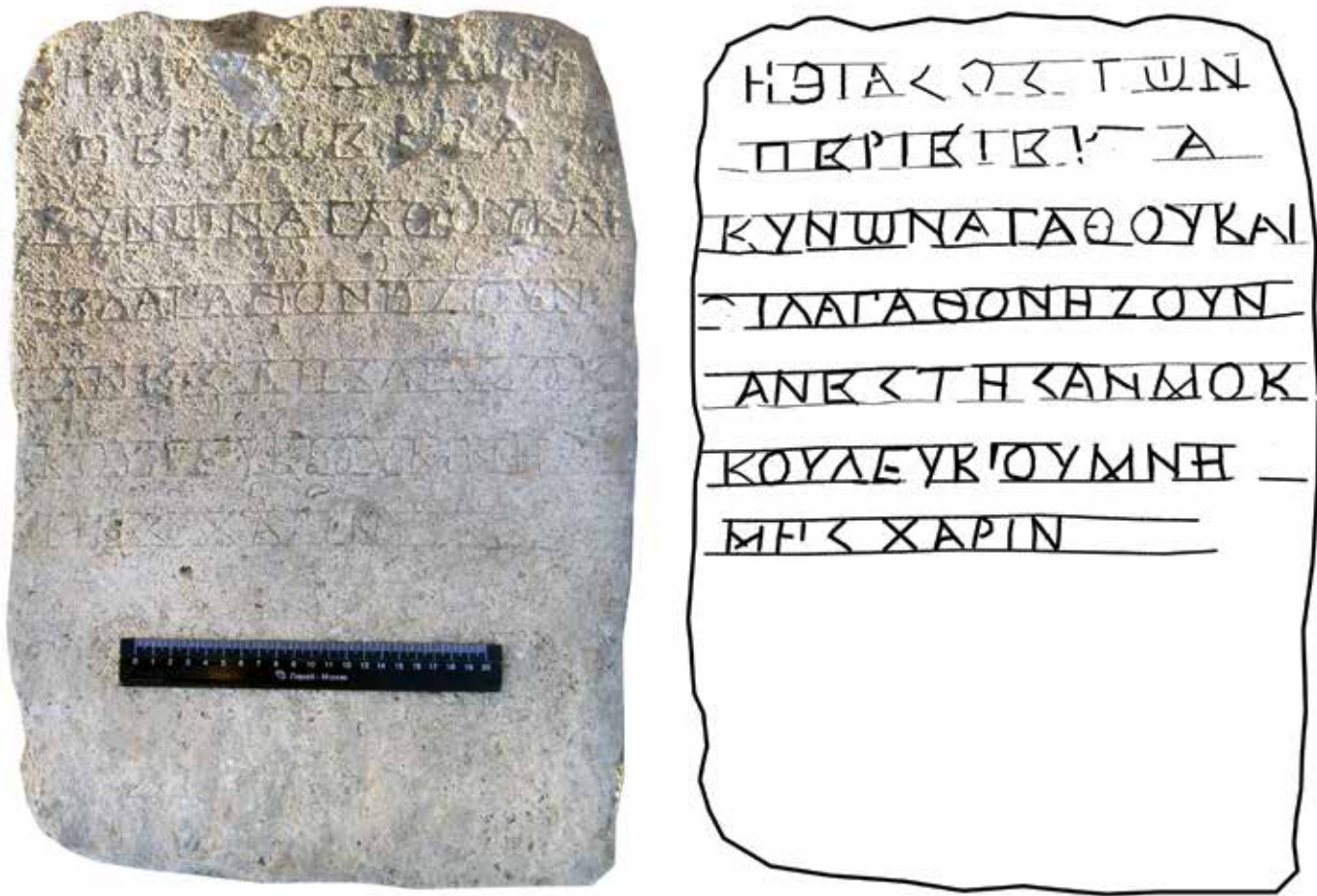
²⁰ LGPN I, IIIA, IIIB, s.v.

Надпись:

1. ἡ θιασος τῶν
2. περὶ {ε} ἱερ[έ]α
3. Κύνων Ἀγαθοῦ καὶ
4. [φ]ιλάγαθον Ἡζοῦν
5. ἀνέστεσαν Μόκ-
6. κου Λευκίου νασ. μνη-
7. μης χάριν

В 1–2 стк. фраза ἡ θιασος τῶν περὶ ἱερ[έ]α вводит рассматриваемую надпись в круг источников о деятельности частных сообществ в городах Боспорского царства в первые века новой эры.¹⁶ В слове ἱερ[έ]α часть сегмента *ρο* частично повреждена сколом, и далее после выбоины, уничтожившей одну букву, вырезана *альфа*. После *περὶ* вырезан ошибочно *эпсилон*, а после него уже следует слово ἱερ[έ]α. Согласно структуре боспорских эпитафий фиасотов после ἡ θιασος ἡ περὶ ἱερέα... следует список членов правления частного сообщества.¹⁷ В надписи нового фиаса упоминаются жрец и филагат.¹⁸ В начале 3 стк. вырезано в *nom. sing.* имя и отчество жреца фиаса Κύνων Ἀγαθοῦ. Оба имени греческие. Если имя Ἀγαθοῦς встречается в надписях Боспорского царства первых веков неоднократно и отмечено в антропонимии Фанагории¹⁹, то имя Κύνων – новое для этого города. Оно хорошо известно по надписям материковой Греции и близлежащих островов.²⁰

В сткк. 1–2 надписи имеется два случая несогласованности в падежах. В стк. 1 вырезано ἡ θιασός τῶν περὶ ἱερέα... вместо ожидаемого ἡ θιασος ἡ περὶ ἱερέα... В стк. 2 имя жреца Κύνων Ἀγαθοῦ поставлено в *nom. sing.*, вместо требуемого *acc. sing.* Обычная структура эпитафий фиасотов или синодов Боспора содержит

следующие элементы: ἡ θίασος / σύνοδος ἡ περὶ... καὶ λοιποὶ θιασῶται (συνοδεῖται) ἀνέστησαν..., то есть: «синод / фиас во главе с такими-то²¹ и остальные фиаситы/синодиты²² поставили ...» (КБН 79, 83, 84, 87, 90 и др.). Известны варианты этой формулы с артиклем в разных падежах: ἡ σύνοδος τῶν περὶ... οἱ θιασεῖται / λοιποὶ συνοδεῖται... (Фанагория, КБН 988, надгробие фиасота Пала²³), или ... τοῖς περὶ σύνοδος... οἱ θιασῶται (Пантикапей, КБН 104, 105). Встречаются примеры, когда первая часть формулы – ἡ σύνοδος ἡ περὶ... – стоит в номинативе, а вторая в генитиве: ...καὶ λοιπῶν συνοδείτων (КБН 82, 83, 87, 90, 1259, 1262 – все 1–2 вв.). Вопрос альтернативы падежей в боспорских надписях первых веков интересовал исследователей. А.И. Доватур считал подобную замену падежей в боспорских надписях ошибкой.²⁴ Б.Б. Ходорковская полагает, что такая замена может быть связана с позицией определяющего существительного в ряду однородных членов.²⁵ С.Р. Тохтасьев думает, что в первые века новой эры для греческого синтаксиса наступают трудные времена, и несогласованность в падежах отражает процесс пиджинизации.²⁶ Этот процесс исследователь правомерно связывает с высоким процентом более или менее грецизированных варваров в составе населения боспорских городов.²⁷ Возвращаясь к употреблению артикля τῶν, укажем,

Рис. 6.
Надгробие фиасота Мокка,
сына Левкия, из Фанагории
и его прорисовка

²¹ Звания и имена членов правления стоят в аккумулятиве.

²² Это выражение должно стоять в номинативе.

²³ Яйленко 2002, 234–238.

²⁴ Доватур 1965, 825, III.4.1.

²⁵ Ходорковская 1966, 474–476.

²⁶ Тохтасьев 2011, 679. В лингвистике «пиджинизация» – это процесс формирования пиджинов, характеризующийся упрощением структуры контактирующих языков. Пиджин (иск. англ. business), тип смешанного языка, формирующегося в результате регулярных и массовых контактов носителей разных языков (Крысин 1998, s.v.).

²⁷ Там же, 679.

что встречаются примеры употребления оборота ἡ σύνοδος ἢ περὶ и вовсе без выражения ...καὶ λοιποὶ θιασῶται / συνοδεῖται (КБН 80, 81, 85). Из сказанного становится очевидным, что в первые века новой эры нарушается употребление падежной системы, грамотность заказчиков и резчиков падает, поэтому в надписях встречаются отступления от грамматических и синтаксических норм древнегреческого койне. Отмечаются также и сокращения элементов в формулах эпитафий, что можно связывать с желанием частных сообществ экономить средства на погребениях своих членов. Поэтому сткк. 1–2 надгробия предлагаем переводить следующим образом: «*Фиас тех, что во главе со жрецом Киноном, сыном Агафа, и филагатом Гедзуном...*».

В сткк. 4 сохранилось практически полностью звание и имя филагата Гедзуна, [φ]ιλάγαθον Ἴηζοῦν. В слове [φ]ιλάγαθον начальная *фи* почти не видна на камне. Иерархия членов правления боспорских частных сообществ показывает, что звание филагата упоминается в надписях, как правило, после званий жреца и синагога.²⁸ Отметим, что в надписях частных сообществ Фанагории звание филагата присутствует в составе правлений двух частных сообществ на третьей позиции, после званий жреца и гиеромастора.²⁹ В новой эпитафии звания гиеромастора или синагога отсутствуют. Это позволяет предполагать, что их функции мог исполнять филагат. Имя филагата Гедзуна упоминается без отчества в отличие от фиасотов, упомянутых в эпитафии. Имя Ἴηζοῦς входит в состав варварского ономастикона и многократно встречается в боспорских надписях первых веков.³⁰ Отсутствие отчества у Гедзуна можно рассматривать как свидетельство неполноправного социального статуса этого человека по отношению к гражданскому коллективу.³¹ Очевидно, что Гедзун был вторым по значимости лицом в фиасе, возглавляемом Киноном, сыном Агафа, и соратником последнего, ведь филагат отвечал за прием неопитов и следил за морально-этической стороной поведения фиасотов. Этот случай участия варвара в деятельности частных сообществ не единственный. Если не принимать во внимание синоды Танаиса (наполовину состоявшие из членов варварской общины танаитов, генетически связанных с сарматским миром, расцвет деятельности которых приходится на эпоху Савромата II и его ближайших потомков), то известно всего два случая участия не-греков в боспорских сообществах. Первый связан с Фанагорией. Фиас во главе со жрецом Нумением поставил надгробие фиасоту Омпсалаку, который, судя по имени, происходил из среды негреческого населения Боспора.³² Интересно, что надгробие Омпсалака относится примерно к тому же времени, что и надгробие Мокка, и происходит также с восточного некрополя Фанагории. Второй случай известен в Пантикапее: в одном из синодов, существовавших в этом городе 3 в., синагог носил иранское имя Забарг (КБН 101).³³

В сткк. 5–7 новой надписи расположено стандартное завершение эпитафий фиасотов, состоящее из формулы: ἀνέστησαν + πομπή + μιῆμης χάριν. Погребенного фиасота зовут Μόκκος Λευκίου. Оба имени обычные греческие, неоднократно встречены в боспорских

²⁸ Завойкина 2013а, 40–42.

²⁹ В надписях некоторых частных сообществ Фанагории и Гермонассы звание гиеромастора упоминается на второй позиции после жреца. В иерархии основного числа боспорских частных сообществ вторым лицом выступал синагог (Завойкина 2013а, 40–41).

³⁰ КБН 328, 353, 713, 928, 1095. Исследователи расходятся во мнении о происхождении имени Ἴηζοῦς. В. Томашек связывал его происхождение с фракийцами, Л. Згуста относил к скифским на основании свидетельства Стефана Византийского: Ἴηδοί, ἔθνος Σκυθικόν. Ἴεκαταῖος Εὐρώπῃ. Он объяснял интервокальную замену δ (Ἴηδοί) на ζ (Ἴηζοῦς) тем, что эти буквы передают один и тот же звук (Zgusta 1955, 192, № 291). Ср., например, интервокальное чередование δ и ζ в греческой транскрипции варварских (иранских?) имен Φαδίναμος (КБН 36Б. 26–27; 1263. 2, 9 и др.) и Φαζίναμος (КБН 1278. 23; 1281. 12; 1287. 5–6; и др.).

³¹ Ср., например, пантикапейские сообщества, состоящие из лиц разного социального статуса: Завойкина 2013а, 73–75.

³² Габелко, Завойкина, Шавырина 2006, 334–344; Завойкина 2013а, 79.

³³ Завойкина 2013а, 72.

надписях: имя Μόκκος известно в надписях Танаиса (КБН 1270, 1280, 1282, 1286), Пантикапея (КБН 538, 539), Нимфея (КБН 933), Λεύκιος – в надписях Пантикапея (КБН 128, 136 bis, 279, 300, 449). Но в антропонимии Фанагории оба имени до сих пор не были известны.

Третий случай ошибочной замены падежей встречается в сткк. 5–7. Известно, что глагол ἀνέστησαν управляет дополнениями в аккузативе – ἀνέστησαν τὴν στήλην, а имя погребенного ставится в дативе³⁴ или аккузативе³⁵. В новой эпитафии имя Мокка, сына Левкия, стоит в gen. В надгробии фиасота из Пантикапея 210 г. (КБН 97) обнаруживается случай употребления имени погребенного после формулы ἀνέστησαν τὴν στήλην в gen.: ἀνέστησαν τὴν στήλην Ἀράθου Πάππου. Эта аналогия позволяет объяснить употребление этого падежа для имени погребенного в новом фанагорийском надгробии тем, что пропущено после ἀνέστησαν слово τὴν στήλην, которое обычно для прощальной формулы в надгробиях фиасотов. Хотя среди боспорских надгробий имеются примеры, где отмечается пропуск слова «стела» в аккузативе, но имена погребенных стоят в дативе (КБН 1108, 675, 652, 632).³⁶

Перевод эпитафии:

«Фиас тех, что во главе со жрецом Киноном, сыном Агафа, и филагатом Гедзуном поставили (памятник) Мокка, сына Левкия, памяти ради».

Итак, публикуемое надгробие, шестой документ, информирующий о деятельности частных сообществ в Фанагории в первые века, вырезано по усеченной формуле эпитафий фиасотов. Некоторые элементы формуляра оказались пропущены (καὶ λοιποὶ θιασῶται / συνοδεῖται, στήλην), они лишь подразумевались. Подобная ситуация, а кроме того ошибки в тексте и использование местного дешевого ракушечника (не исключено, вторичного употребления) для надгробия стелы, наводят на мысль, что фиас экономил средства на погребении Мокка. Это можно связывать как с незначительностью суммы в кассе этого сообщества, которая формировалась из членских взносов и пожертвований, так и с нежеланием руководства фиаса расходовать общие средства на более дорогостоящее надгробие. Публикуемая эпитафия пополняет антропонимию Фанагории новыми именами: Ἡζούς, Κύνων, Μόκκος, Λεύκιος.³⁷ Она также увеличивает число известных религиозных ассоциаций Фанагории³⁸ и Боспора в целом. Теперь нам известно о деятельности четырех фиасов и двух синодов в Фанагории конца 1 – 3 в. Во всех случаях руководителями этих сообществ выступали фиасоты в звании жреца. Фиас во главе с Киноном, сыном Агафа, обладал простой, иерархически не развитой системой управления, состоявшей из жреца и филагата. Подобная структура управления наводит на предположение о небольшом по численности составе этого фанагорийского сообщества. Примеры из Танаиса показывают, что частные сообщества, в состав которых входило более 15–20 человек, как правило, имели более сложную иерархию в управлении.³⁹ Насколько позволяют судить имена членов нового фиаса, в нем не было ограничений по

³⁴ Ср. КБН 98. 11–15.

³⁵ Ср. КБН 99.18–22; КБН 101, 103.

³⁶ Доватур 1965, 824.

³⁷ Завойкина 2013б, 246–289.

³⁸ О фанагорийских частных сообществах см. Завойкина 2013а, 76–80.

³⁹ Правление синодов в Танаиса состояло из жреца, синагога, филагата, парафилагата; примерно с конца 2 в. этот список пополняется званиями гимнасиарха и нианискарха. Подробно см. там же, 101–119.

этническому происхождению, поэтому наряду с фиасотами – обладателями «чистой» греческой антропонимии встречаем носителя иранского (?) имени Гедзус. Наличие двух полных имен фиасотов и одного варварского имени без отчества позволяет предполагать, что фиас был открыт для лиц разного социального статуса, и в нем не проводилось разграничений между гражданами и негражданами полиса.⁴⁰ С другой стороны, присутствие варвара Гедзуна в фанагорийском фиасе на посту филагата подтверждает уже высказанный ранее тезис, что участие в деятельности частных сообществ было одним из путей адаптации варваров в греческих городах Боспора и облегчало их проникновение в состав гражданских общин. Участие в деятельности любого частного сообщества позволяло иноземцам обзавестись полезными связями в разных социальных сегментах полиса и это, в свою очередь, позволяло им улучшать трудовые и бытовые условия своего существования. Ведь, как правило, варвары обосновывались в ремесленной и торговой сферах частной деятельности в городе.⁴¹

В заключении отметим, что в настоящее время опубликовано более 150 надписей частных сообществ разной степени сохранности. Однако число известных нам фиасов, в отличие от синодов, по-прежнему, невелико. В Пантикапее найдена одна надпись (КБН 137)⁴², в Фанагории – четыре, в Горгиппии – две (КБН 1134, 1136+77), в Танаисе – одна (КБН 1284). Как видим, по этому показателю ведущее положение принадлежит Фанагории. Подобное распределение в использовании терминов «фиас» и «синод» в боспорской эпиграфике, скорее всего, связано с неравномерностью распределения находок в боспорских городах и обусловленным этим обстоятельством формированием коллекций.

⁴⁰ О гражданской общине Фанагории, носившей в первые века новой эры название Агриппия, см. там же, 172–173.

⁴¹ Владычская надпись «Женщина Маста», вырезанная на ткацком грузиле 3 в. из Фанагории служит иллюстрацией высказанному тезису (Завойкина 2013б, 271, № 83).

⁴² Перечисляются сообщества, которые в надписях обозначены термином «фиас».

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя, in: *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Москва, 16–19.
- Доватур А.И. 1965. Краткий очерк грамматики боспорских надписей, in: *Корпус боспорских надписей*, Москва–Ленинград, 797–831.
- Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-западного Крыма I–III вв. н.э.* Симферополь.
- Завойкина Н.В. 2013а. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. Москва.
- Завойкина Н.В. 2013б. Фанагорийское общество, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 240–312.
- Крысин Л.П. 1998. *Толковый словарь иностранных слов*. Москва.
- Кунина Н. З. 1997. *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург.
- Кунина Н.З., Сорокина. Н.П. 1972. Стекланные бальзамарии Боспора, *ТГЭ XIII*, 146–172.
- Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории, *ВДИ 4*, 50–61.
- Сорокина Н.П. 1984. Стекланная посуда, in: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова,

В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья* (Археология СССР). Москва, 233–236.

Тохтасьев С.Р. 2006. Новые материалы по истории койне, in: Н.Н. Казанский (ред.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского*. Санкт-Петербург, 294–305.

Тохтасьев С.Р. 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 673–682.

Тохтасьев С.Р. 2012. *Этническая и демографическая история античного Северного Причерноморья по данным эпиграфики и ономастики*. Санкт-Петербург.

Ходорковская Б.Б. 1966. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей, in: М.Е. Грабарь-Пассек (ред.), *Вопросы античной литературы и классической филологии*. Москва, 466–480.

Яйленко 2002. Яйленко В.П. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота, *ПИФК* 12, 229–242.

Ascough R.S., Harland Ph. A., Kloppenborg J.S. (eds.). 2012. *Associations in the Greco-Roman World: a Sourcebook*. Waco.

Harland Ph.A. 2014. *Greco-Roman Associations. Texts, Translations, and Commentary. II. North Coast of the Black Sea, Asia Minor* (Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 204) Waco.

Steinhilber J. 2014. *Religion Associations in the Post-classical Polis*. Stuttgart.

Zgusta L. 1955. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

Г.П. Гарбузов

«СТРАБОНОВ» РУКАВ КУБАНИ И ХОРА ФАНАГОРИИ

Вопрос о том, существовал или нет в античное время рукав Кубани, впадавший в Таманский залив западнее Фанагории, важен для формирования правильных представлений о размерах, структуре, этапах освоения сельской территории Фанагорийского полиса. В нашей статье будет показано, что вполне определенный ответ на этот вопрос содержится в археологических данных, относящихся к хоре Фанагории, в том числе в материалах археологических разведок. При этом археологические материалы в некотором смысле более убедительны, чем иногда не вполне очевидные данные других дисциплин.

Предположение о существовании рукава Кубани, впадавшего во времена Страбона в Таманский залив, сделал в первой половине 19 в. Дюбуа де Монпере (см. на рис. 1 часть соответствующей карты из его путевых заметок).¹ Он попытался таким способом найти географическое истолкование одного из фрагментов описания Азиатского Боспора, данного Страбоном.² Реконструкция Дюбуа де Монпере быстро получила признание. Очень похожую карту дельты Кубани для времени Страбона публикуют в 1854 г. (с добавлением черноморского рукава, отсутствующего на карте Дюбуа де Монпере) в фундаментальном труде «Древности Босфора Киммерийского» (рис. 2). Сама реконструкция названа здесь «счастливой мыслью» Дюбуа де Монпере, позволяющей «объяснить все показания знаменитого географа (Страбона)…, которые

¹ Dubois de Montpéreux 1843, pl. XXVI.

² «Над Корокондамой лежит очень большое озеро, называемое от этого селения Корокондамитидой. В 10 стадиях от селения озеро изливается в море. В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. Некоторые называют и эту реку Гипанисом подобно реке у Борисфена. При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур – святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города – за Гипанисом в Синдской области» (Strabo XI, 2, 9–10; перевод Г.А. Стратановского).

Рис. 1.
Фрагмент карты Дюбуа де Монпере

Рис. 2.
Реконструкция дельты Кубани
для времени Страбона
из Древностей Босфора
Киммерийского (1854 г.)

без оного не только оставались бы темными, но и противоречили одно другому».³ Это откровенное признание раскрывает секрет успеха гипотезы, в подтверждение которой никогда не было приведено ни одного фактического доказательства.

Почти наверняка можно сказать, что если бы не текст Страбона, в вольном обращении с речными руслами не было бы нужды и вряд ли бы кто этим занимался. Но сообщение Страбона действительно трудно совместить с современной топографией Таманского полуострова и с расположением немногочисленных крупных городищ, в которых можно увидеть перечисленные в сообщении города.⁴ Поэтому неудивительно, что возможность решить проблему с помощью сделанного вполне в духе новейших научных теорий середины 19 в. предположения была встречена с воодушевлением. Идея о ныне исчезнувшем рукаве Кубани, впадавшем в Таманский залив между Фанагорией и Гермонассой, широко утвердилась в исторической литературе и стала считаться неоспоримым фактом античной географии Босфора.⁵ Более того, этот рукав Кубани с прямой или опосредованной ссылкой на Страбона стал рассматриваться как бесспорно существовавший в античную эпоху и в исследованиях геологов, геоморфологов и гидрологов.⁶

В последнее время ситуация в понимании географии азиатской части античного Босфора поменялась, и существование «страбонова» рукава Кубани уверенно отрицается.⁷ Наибольшую роль здесь играют публикации, основанные на результатах анализа образцов, полученных при бурении скважин. Но надо сказать, что подробные результаты новейшего бурения именно для интересующей нас области (т.е. так называемой Сенной балки к югу от Фанагории, между лиманом Соленым (оз. Яновского) и Таманским заливом), насколько известно автору, до сих пор не опубликованы. Все же введенные в научный оборот данные относятся к образцам, полученным в Таманском заливе, пойме Кубани и на косах-пересыпях, отделяющих лиманы дельты от моря.⁸

³ ДБК 1854, С.

⁴ Если принять традиционное размещение Корокондамы у м. Тузла на западе Таманского полуострова, то большое озеро Корокондамитада будет тождественно Таманскому заливу. Однако в него не впадает ни одна река, соответственно, с учетом общепринятой локализации городов Азиатского Босфора, Фанагория и Кепы вовсе не отделены рекой от Гермонассы.

⁵ Основная работа периода становления идеи – вышедший впервые в 1870 г. труд К.К. Гёрца, переизданный затем в его собрании сочинений при участии В.В. Латышева (Гёрц 1898), из работ подобного плана см. также (Поночевный 1891). В этот период была еще критика указанной точки зрения. Например, хорошо знавший эту местность И.Е. Забелин называл предлагаемый рукав Кубани «фантастическим», категорически заявляя, что «никогда такого русла не существовало» (Забелин 1874, 12 сл.). В дальнейшем наличие здесь рукава Кубани уже не обсуждается (см.: Гайдукевич 1949; 1955; Блаватский 1953; Лебедев, Лапин 1954; Беренбейм 1959; Долгоруков 1984; Шелов-Коведяев 1985; Атавин 1987; Паромов 1992; 2006; Абрамов, Паромов 1993; Волков 1998; Зубарев 2005; и многие другие работы).

⁶ См. например: Губкин 1915; Губкин, Варенцов, 1934; Самойлов 1952; Благволин 1962; Богучарсков, Иванов 1979; Симов 1989. Со временем соответствующие ссылки в геологических работах становятся просто мифологическими: «На некоторых античных картах Босфора Киммерийского впадение Кубани в Таманский залив близ ст. Сенной рисуется совершенно однозначно» (Науменко 1981, 138).

⁷ Горлов 2007; 2008; Журавлев и др. 2009; 2010а; 2010б; 2011; Журавлев, Шлотцауер 2011.

⁸ Müller et al. 1999; Горлов и др. 2002; Болиховская и др. 2002; Brückner et al. 2010; Fouache et al. 2012; Внуков и др. 2012.

⁹ Горлов и др. 2002, 254.

¹⁰ Симонов 1958, 48.

¹¹ Вынос твердого стока рукавами Кубани в дельту и на предустьевое взморье составляет несколько миллионов куб. м в год (Симонов 1958, 54–61). О последствиях смены стока Кубани см. Симонов 1958, 27–28.

¹² Гёрц 1898, 29.

¹³ Там же.

¹⁴ Жаринцев 1887, 125.

¹⁵ В.Г. Тизенгаузен, оппонировавший на заседании съезда Д.Ф. Жаринцеву, привел два аргумента в пользу гипотетической реки. Первый был попыткой рационального обоснования (отсутствии на дне долины курганов – «на всем пространстве, довольно широком, мы не встречаем курганов», о недействительности этого аргумента см. уже в работе И.Е. Забелина (Забелин 1874, 17), встречавшего здесь курганы), второй и главный был конечно же ссылкой на текст Страбона и возникающие в случае отсутствия реки трудности его понимания (Труды V Археологического съезда 1887, 57–58).

¹⁶ Паромов 1992, 11–12. Отмечаемые на упомянутых картах две протоки, впадающие в Таманский залив, требуют комментария, так как подобная реконструкция весьма популярна (см. Блаватский 1953, рис. 17), и с ее помощью до сих пор пытаются «расшифровать» текст Страбона (Федосеев 2013, 134–136). Связана она с некритическим развитием идей Дюбуа де Монпере о кубанской «полинезии». В результате у рукава Кубани, якобы впадавшего в Таманский залив западнее Фанагории, появился дублер – рукав «Субботин Ерик», обходящий Фанагорию и Кепы с севера и впадающий в вершину Таманского залива. Сам Дюбуа де Монпере относил существование «полинезии» к доисторическому времени, а для эпохи Страбона составил карту всего с одной гипотетической рекой, впадавшей в Таманский залив. Нечего и говорить, что никаких следов «Субботина Ерика» по результатам бурения найдено не было (Горлов 2007, 87; Журавлев и др. 2010а, 69; 2011, 108).

К нашей теме непосредственное отношение имеют, пожалуй, только результаты изучения голоценовых отложений дна Таманского залива, показавшие, что в их толще отсутствуют признаки, которые можно связать с Кубанью.⁹ В этой связи уместно напомнить, что Кубань это крупная река, средний объем ее годового водного стока, шедший в таманскую часть дельты до строительства гидроузлов и водохранилищ, составлял около 7.4 куб. км. Из них через Темрюкское гирло (Петрушин рукав), служащее полным аналогом того рукава, который был предложен Дюбуа де Монпере, проходила огромная масса воды – более 5 куб. км ежегодно.¹⁰ Одним из свойств стока Кубани является вынос, особенно в половодье, большого количества минеральной взвеси, которая осаждается в устьевой области, что приводит к росту дельты и сокращению площади лиманов.¹¹ Иллюстрацией здесь служит то, что случилось с Ахтанизовским и Курчанским лиманами во второй половине 19 в., когда сток собственно Кубани был искусственно направлен вместо Черного в Азовское море. Можно предположить, что если бы Кубань одним из основных своих русел впадала в Таманский залив, то его мелководная восточная часть, там где расположены Фанагория, Кепы и Патрей, скорее всего, с течением времени перестала бы существовать, заполнившись кубанскими наносами, и уж во всяком случае их присутствие было бы заметно при анализе данных бурения.

Но вряд ли результаты изучения отложений дна Таманского залива способны опровергнуть существование «страбонова» рукава Кубани с устраивающей всех окончательной определенностью, так как они все-таки дают скорее косвенные свидетельства, чем прямые. Впрочем, даже самые прямые и убедительные свидетельства не гарантируют такой определенности – это хорошо иллюстрируется тем обстоятельством, что об отсутствии на месте предполагаемой реки характерных речных отложений известно уже давно. В работе К.К. Гёрца упоминается об изысканиях инженерного офицера Бурмейстера, проводившего бурение на дне долины, где должна была течь река.¹² Изыскания не обнаружили никаких речных отложений, но этот факт вызвал своеобразную реакцию – историк искусств К.К. Гёрц обвинил делавшего свое дело инженера в некомпетентности и незнании Страбона.¹³ Видимо, о тех же самых изыскательских работах (они проводились в 1865 и 1866 гг.) доложил в 1881 г. на Археологическом съезде участвовавший в них инженерный офицер Д.Ф. Жаринцев, который, надо сказать, читал Страбона и был в курсе теорий Дюбуа де Монпере. Разнообразные работы, основанные на бурении и анализе образцов, позволили ему утверждать, что имеются «чисто фактические доказательства для того, чтобы не согласиться с мнением Дюбуа де Монпере на счет предположения здесь когда-то рукава Кубани».¹⁴ Это сообщение на съезде было воспринято без энтузиазма и никаких последствий для уже укоренившихся представлений не имело.¹⁵ Характерен отзыв об этом труде Я.М. Паромова, помещающего «страбоновы» рукава Кубани на всех своих картах Азиатского Боспора, который не увидел в нем ничего, кроме «тенденциозного» выпада против К.К. Гёрца.¹⁶

При такой живучести представлений одним из возможных путей достижения большей определенности в рассматриваемом вопросе может служить обращение к археологическим материалам и наблюдениям над структурой сельской округи Фанагории.¹⁷ Очевидно, что широкая (минимум 100–120 м, если взять за образец искусственно обвалованную современную Кубань у Темрюка), полноводная и склонная к бурным паводкам река должна была бы сильно повлиять на развитие хоры расположенной совсем рядом Фанагории, однако следов этого влияния при ближайшем рассмотрении обнаружить не удастся. В округе Фанагории система сельских поселений следует вполне показательной для Таманского полуострова модели размещения ранних поселений на границах осваиваемой территории вокруг главного центра-полиса. При принятии гипотезы о «страбоновом» рукаве многие ранние поселения оказываются в изоляции, за гипотетической рекой, в то время как в действительности связь этих поселений с полисным центром подчеркивается идущими к ним от Фанагории дорогами, хорошо заметными и на местности, и на аэро-космоснимках. Существование гипотетической реки противоречит логике дорожной сети, причем по крайней мере одна из дорог на пути через «русло реки» в действительности прослеживается непрерывно. При объединении на одном плане поселений, дорог и речного рукава сельская округа Фанагории выглядит довольно странно (см. например рис. 3, на котором приведен фрагмент из схемы размещения ранних сельских поселений Таманского полуострова, опубликованной Я.М. Паромовым).¹⁸

Рассмотрим более подробно структуру сельской территории Фанагории, опираясь на результаты проведенных Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2005–2013 гг. сплошных археологических разведок.¹⁹ Разведки были проведены в пределах той территории, которую заведомо можно отнести к землям Фанагории, исходя из анализа расположения известных сельских поселений (рис. 4).²⁰ Эти пределы, безусловно, не обязательно обозначают всю территорию Фанагорийского полиса, но совершенно точно указывают ее максимально освоенное ядро. Систематические обследования осуществлены на площади около 9 кв. км на нескольких участках (рис. 5), полученные данные вполне репрезентативны

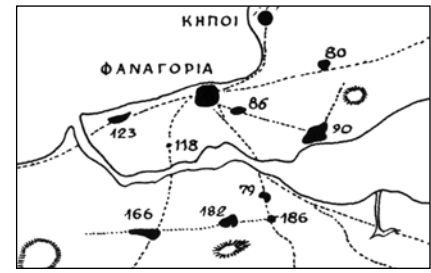

Рис. 3. Округа Фанагории в конце 6 – начале 5 вв. до н.э., согласно (Паромов 2006, рис. 3)

¹⁷ Примерами живучести реконструкции Дюбуа де Монпере служит карта из недавней обзорной работы (Лозовой, Добровольская 2010, рис. 1) и упомянутая выше статья Н.Ф. Федосеева.

¹⁸ Паромов 2006, рис. 3.

¹⁹ Гарбузов, Завойкин 2009; Гарбузов 2010; 2013; 2013а.

²⁰ В число поселений включены памятники из работы (Паромов 1992), а также учтены результаты разведок Фанагорийской и Восточно-Боспорской экспедиций ИА РАН за 2005–2013 гг.

Рис. 4. Известные античные сельские поселения в округе Фанагории

Рис. 5. Участки сплошного обследования в округе Фанагории с обозначением местоположения датированной керамики

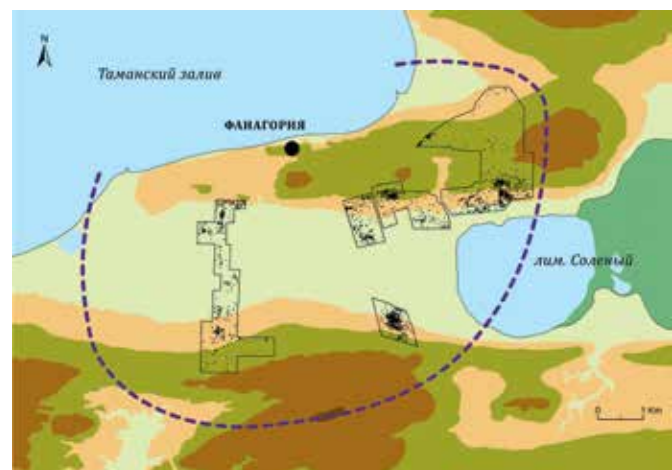
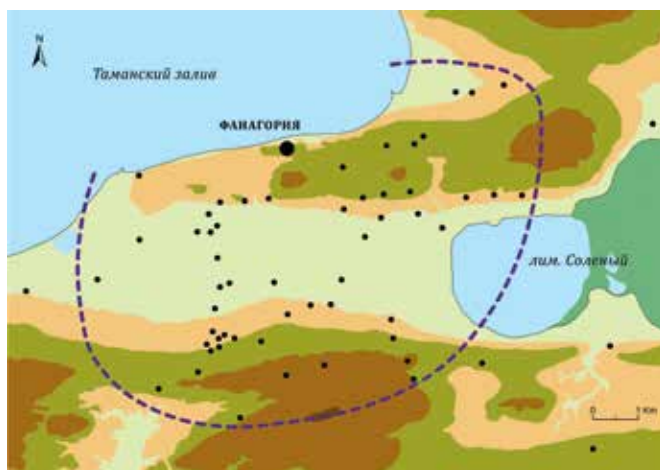
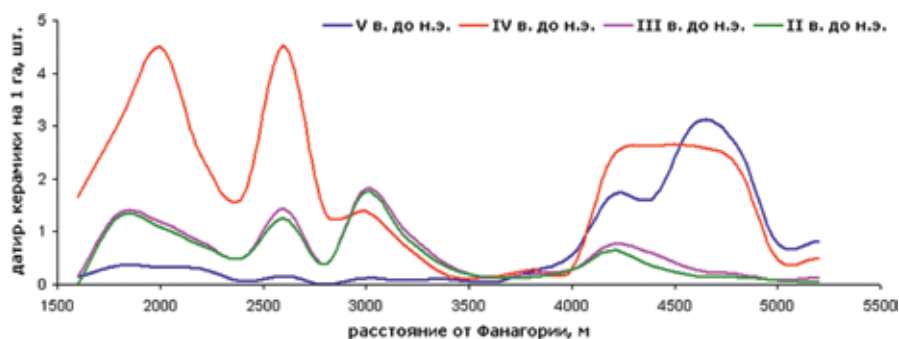

Рис. 6.
Изменение количества датированной керамики (в штуках на 1 га обследованной площади) в разные хронологические периоды по мере удаления от Фанагории

для всей округи Фанагории в целом (это утверждение подкрепляется значительной долей обследованной территории – она составляет до 20% от того ядра полисной территории, которое условно обозначено на рис. 4). В ходе разведок на всех участках получена выборка из более чем 3500 датированных фрагментов керамики, в подавляющем большинстве профильных частей амфор (местоположение датированной керамики отмечено точками на рис. 5). Если проанализировать изменение количества датированной керамики в разные хронологические периоды по мере удаления от Фанагории, то получим изображенную на рис. 6 диаграмму, раскрывающую особенности освоения полисной территории в некоторые характерные хронологические периоды.²¹ Из распределения керамики хорошо видно, что на раннем этапе максимум освоения приходился на периферийные участки хоры. Диаграмму из рис. 6 можно для наглядности трансформировать в условные пространственные модели освоенности сельской территории Фанагории. Модель для 5 века до н.э. (рис. 7) показывает, где в этот период располагались максимальные плотности распределения археологического материала в округе Фанагории, при этом к поясу периферийного освоения территории относятся две трети известных ранних (вторая половина 6 – первая четверть 5 вв. до н.э.) сельских поселений.²² В 4 в. до н.э. (рис. 8) происходит активное освоение территории Фанагорийского полиса в пределах, обозначенных ранними поселениями, для 3–2 вв. до н.э. (рис. 9, 10) наблюдается резкое снижение количества датированной керамики, но при этом сформированная в предшествующий период структура сельской округи Фанагории сохраняется, хотя, вероятно, ее наиболее освоенная часть несколько «сжимается».²³

Можно было бы сказать, что в распределении керамики все-таки наблюдается некоторый пространственный разрыв, как раз и связанный с рукавом Кубани. Чтобы показать, что это не так, и что археологические материалы совершенно определенно говорят против идеи о «страбовом» рукаве, следует подробнее рассмотреть данные разведок для одного из участков, который полностью пересекает долину с предполагаемой рекой (рис. 11). Эта полоса земли была тщательно обследована в 2007 и 2012 гг. от одного склона долины до другого вдоль хорошо заметных следов древней дороги, ведущей от Фанагории к лиману Цокур.²⁴ Поперечный высотный профиль долины в пределах участка представлен на рис. 12.²⁵ На участке во время обследования

²¹ Диаграмма построена по зонам шириной 200 м, образованным окружностями с центром в районе раскопа «Верхний город» на городище Фанагории. Подсчитывалось число датированной керамики в каждой зоне для всех участков суммарно, для определения плотности бралась соответствующая суммарная площадь обследованных участков в данной зоне.

²² Выборка ранних поселений из работы (Паромов 1992), без учета вновь выявленных памятников.

²³ Гарбузов и др. 2013, рис. 4; Гарбузов 2013а.

²⁴ Скорее всего, дорога имела развилки и пересекалась с другими дорогами, особенно в северной части участка. Как правило, такие узлы ветвления сопутствуют расположенным у дорог сельским поселениям.

²⁵ Все приводимые в нашей работе данные о рельефе этой долины основаны на цифровой модели рельефа, построенной по топографической карте масштаба 1:10000.

было отмечено местоположение около 23000 фрагментов керамики, пространственное распределение отметок керамики показано на рис. 13. На этом же рисунке обозначен пересекающий участок отрезок тальвега долины, т.е. линии, проходящей через низшие точки ее дна, по которому, собственно, только и могла бы течь вода какой бы то ни было реки. Пространственное распределение керамики позволяет выделить области с высокой концентрацией археологического материала (рис. 14), которые в большинстве случаев связаны с распаханными культурными слоями античных сельских поселений. Из рис. 13 и рис. 14 хорошо видно, что на самом дне долины, прямо в русле предполагаемой реки, расположены два довольно значительных по размерам античных поселения (современный вид одного из них показан на рис. 15).²⁶ Для этих

²⁶ Указанные поселения учтены под названиями Приморский 14 и Приморский 15 в работе (Паромов 1992, 397–402), причем их положение указано, в целом, правильно – вблизи низших отметок дна долины. Здесь же на ситуационных планах обоих поселений, на расстоянии не более 50 м от каждого из них, тонкой линией обозначен некий «древний проток» (Паромов 1992, рис. 134, 135). Судя по всему, это и есть тот широкий рукав Кубани, который Я.М. Паромов изображает на своих картах. Интересно, что в описании поселений упоминаются хорошо заметные признаки древней дороги («широкой, до 20 м, ложбины»), проходившей с севера на юг («из Фанагории к поселению Виноградный 1»), т.е. прямо через «древний проток».

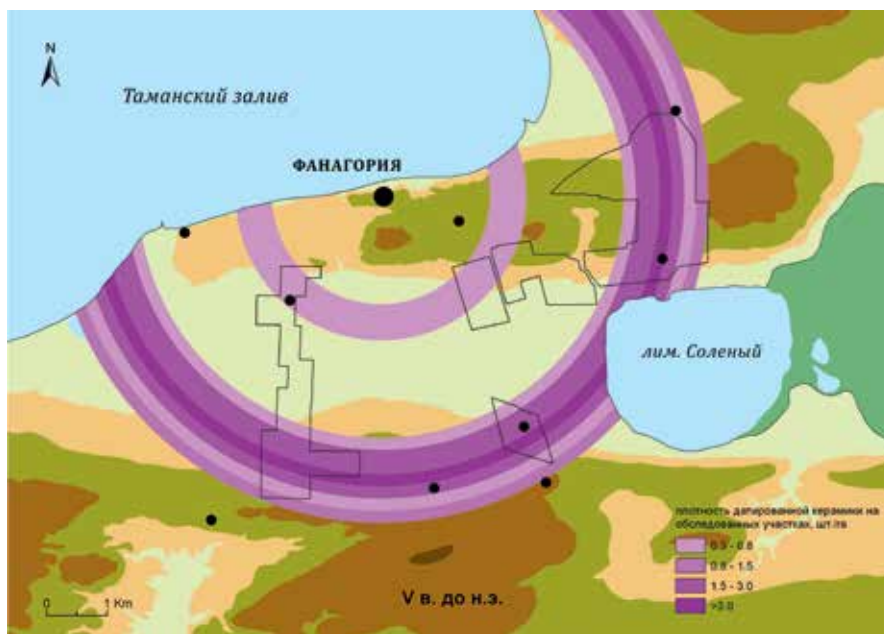

Рис. 7.
Пространственная модель освоённости сельской территории Фанагории для 5 в. до н.э. с обозначением поселений второй половины 6 – первой четверти 5 вв. до н.э.

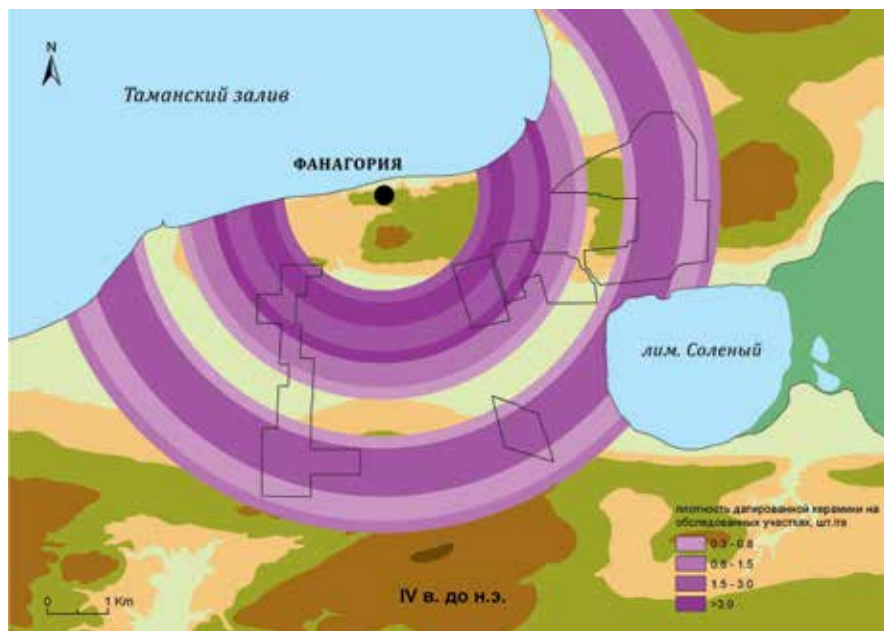

Рис. 8.
Пространственная модель освоённости сельской территории Фанагории для 4 в. до н.э.

Рис. 9.
Пространственная модель освоенности сельской территории Фанагории для 3 в. до н.э.

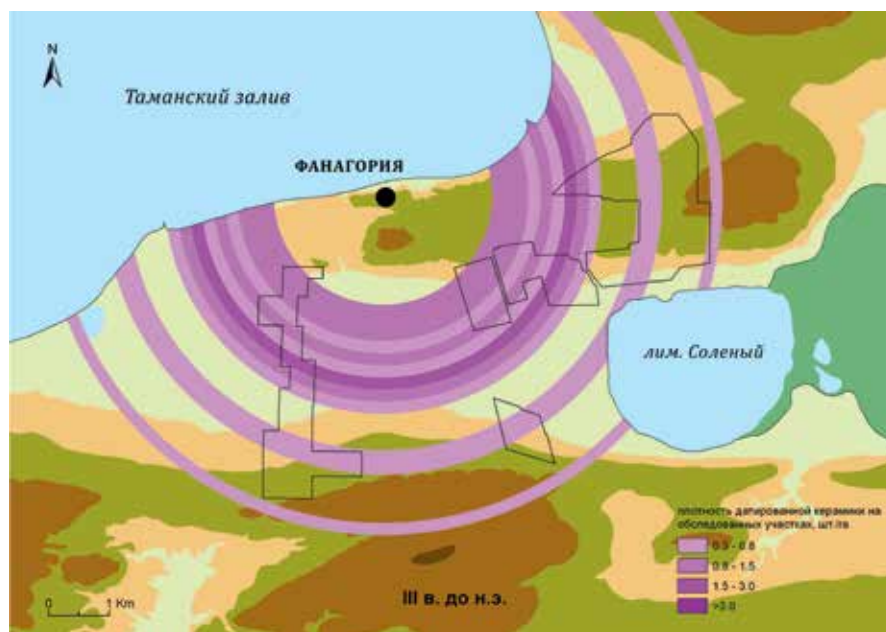
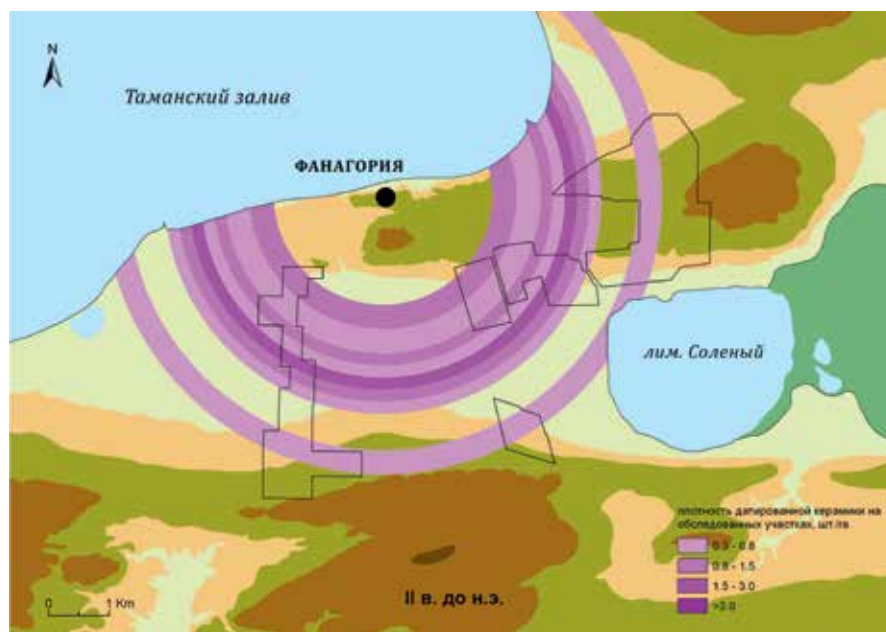

Рис. 10.
Пространственная модель освоенности сельской территории Фанагории для 2 в. до н.э.

²⁷ В описании Я.М. Паромова поселения датированы (суммарно) с 6 в. до н.э. по 4 в. н.э. и средневековьем (Паромов 1992, 397–402).

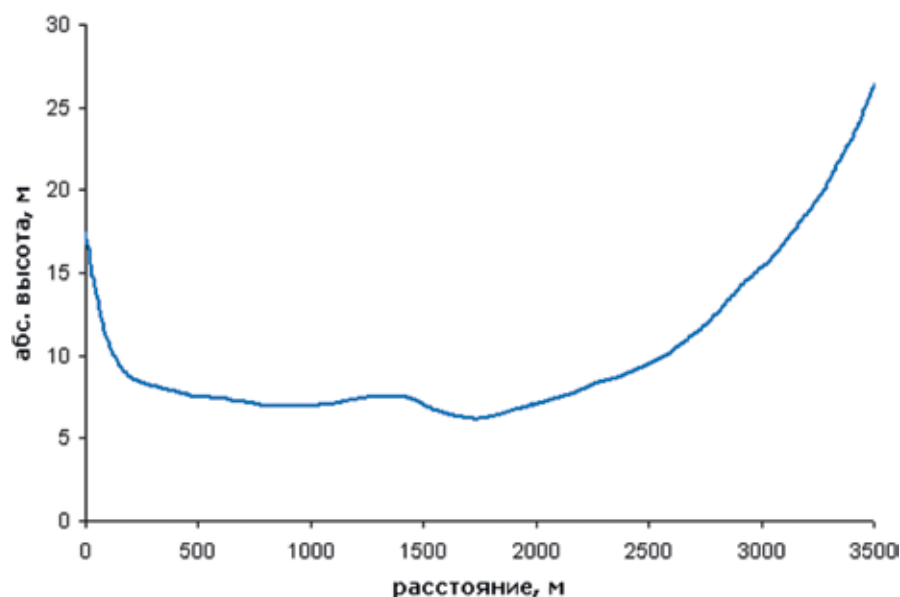
²⁸ К курганам на дне долины относятся, например, курганы 148.1, 148.2, 149, 153, 154 (Паромов 1992, рис. 104, 129, 383–385, 388, 389).

поселений по нашим сборам подъемного материала построены хронологические распределения датированной керамики (рис. 16), из которых следует, что начиная по крайней мере с 5 в. до н.э. никакой реки по долине не текло.²⁷ А так как поселения расположены на дороге, соединяющей Фанагорию с ранними поселениями в соседнем «очаге» первичного освоения территории Таманского полуострова у лимана Цокур, то с большой вероятностью можно утверждать, что этого рукава Кубани не существовало и в начале греческого освоения полуострова.

К сказанному можно добавить, что по всей долине, вблизи ее низших точек, известно еще довольно много поселений, и, кроме того, на пологом дне долины есть курганы.²⁸ В который уже раз напомним, что Кубань многоводная река, которая до зарегулирования отличалась крутым нравом

(достаточно взглянуть на нее после продолжительных дождей в верховьях). Гидрологическими наблюдениями было установлено, что подъем уровня воды в современном Петрушином рукаве, аналоге нашего «страбонова» рукава, мог составлять более 2 м.²⁹ В зоне затопления паводком с таким уровнем подъема воды (считая от тальвега долины) оказывается не менее 11 известных античных поселений, около десяти значительных курганов по всей долине и полностью обширный курганный могильник у юго-восточной оконечности так называемой «аллеи курганов». Понятно, что если бы здесь была подобная река, то никаких поселений и могильников на ее низком пологом берегу быть бы не могло.³⁰

Так как выше речь шла все время об одном из главных рукавов Кубани, то у кого-то могут остаться еще надежды, что если здесь не текла мощная река, то может быть все-таки в этой долине существовал в античное время какой-нибудь совсем незначительный водоток, соединявший между собой Ахтанизовский лиман и Таманский залив, и именно о нем написал Страбон. На наш взгляд существование в античности такого водотока в любом варианте, независимо от его масштаба, было

бы настоящим чудом. В современном состоянии рассматриваемую долину в принципе нельзя назвать речной, так как в силу свойств ее рельефа вода не может течь из одного конца долины в другой. Высшая отметка дна долины составляет около 8 м над уровнем и Таманского залива, и Ахтанизовского лимана (на рис. 17 показан профиль высот дна долины вдоль линии тальвега), причем над уровнем Таманского залива античного времени перепад высот и того более: тут надо прибавить еще минимум 2–3 м.³¹ Соответственно, прежде чем предполагать здесь любую реку, следует доказать, что в античное время этого перепада высот не существовало.

Объяснение перепада высот восходящей к Дюбуа де Монпере идеей о том, что исчезнувшие протоки Кубани были в историческое время

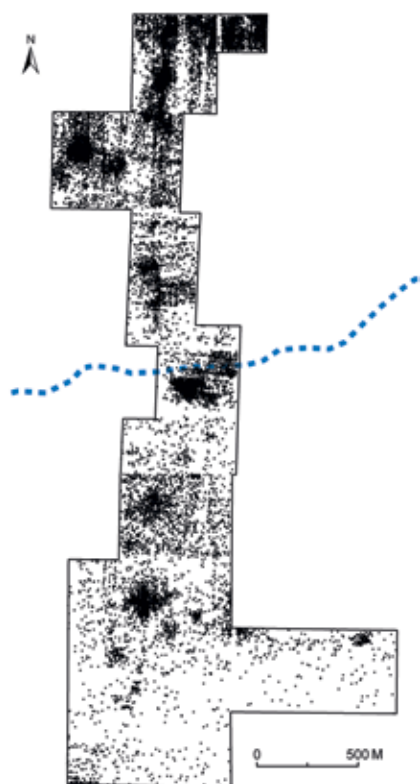
Рис. 11. Ситуационный план участка, обследованного в 2007 и 2012 гг. (в качестве подложки использован космический снимок из интернет-ресурса Google Earth)

Рис. 12. Поперечный профиль долины в пределах обследованного участка (с севера на юг)

²⁹ Симонов 1958, табл. 10.

³⁰ В долине нет следов столь свойственных для поймы Кубани естественных прирусловых валов, на которых могли бы располагаться поселения, как нет и признаков береговых террас, характерных для речных долин.

³¹ Оценки положения уровня моря Таманского залива во второй половине 1 тыс. до н.э. находятся в пределах от 2 до 5 м ниже современного (Горлов и др. 2004; Поротов и др. 2004).

перекрыты извержениями грязевых вулканов, совершенно несостоятельно. Помимо того, что в долине множество сохранившихся археологических памятников, против такого предположения прямо свидетельствуют данные геологии. На карте четвертичных образований масштаба 1:200 000 Таманского полуострова (Государственная геологическая карта РФ, Кавказская серия, листы L-37-XIX, XXV (Тамань)) указан продольный геологический разрез рассматриваемой долины, построенный по результатам бурения. Вся центральная часть долины до глубин 60–70 м сложена лессовидными суглинками, при этом продуктов извержения грязевых вулканов тут не выявлено вообще. Можно, конечно, при обсуждении перепада высот вспомнить, что Таманский полуостров молодое геологическое образование с активными тектоническими движениями, но трудно все же ожидать, что в геологически однородной долине протяженностью всего около 8 км тектонические силы могли привести со времен античности к относительному «вспучиванию» ее центрального участка на высоту не менее 10–11 м. Более того, в геологическом смысле наша долина является не чем иным, как типичной

Рис. 13.
Пространственное распределение
отметок керамики

Рис. 14.
Контурные областей с высокой
концентрацией керамики
(нумерация областей соответствует
документации разведочных работ)

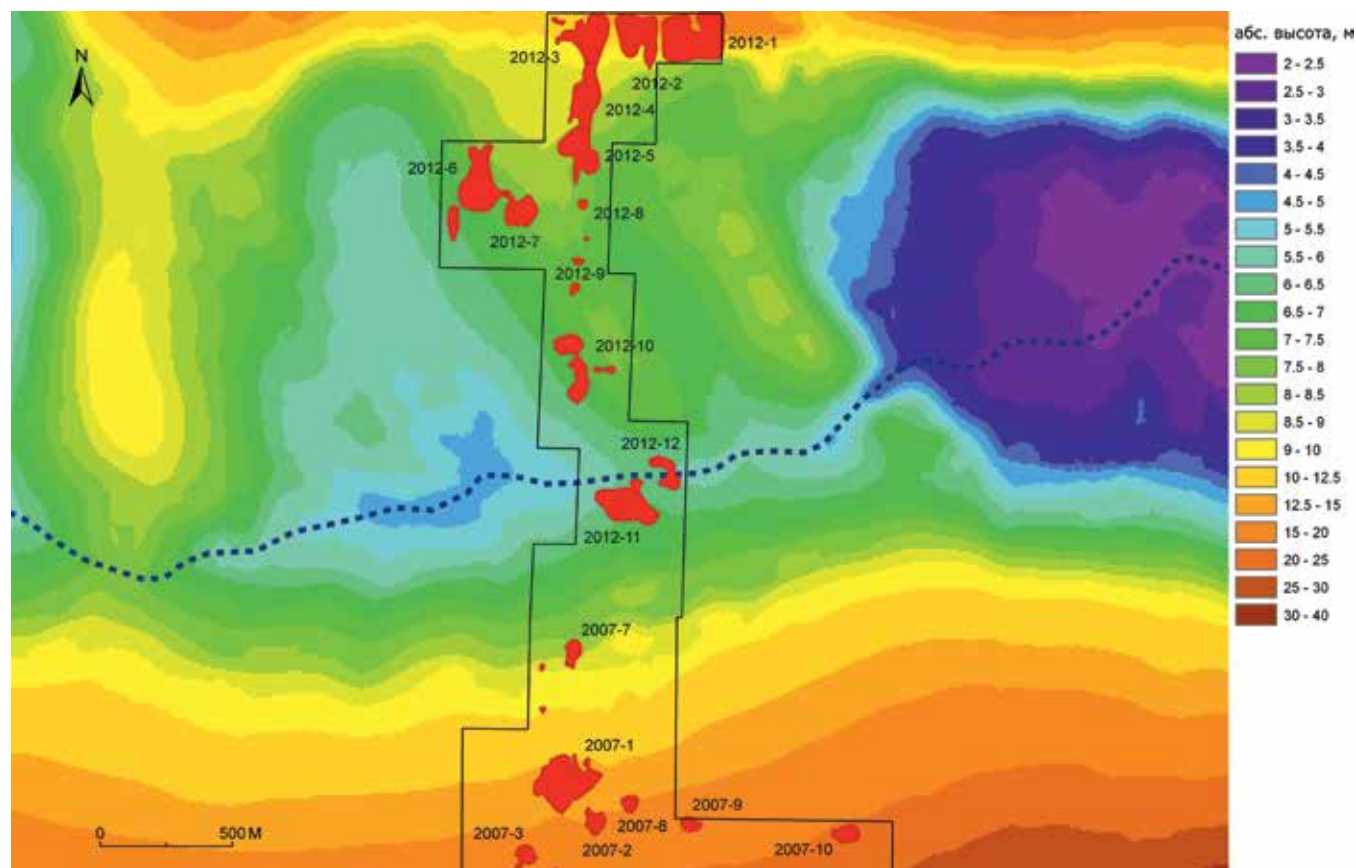

Рис. 15.
Вид с северо-запада на область
высокой концентрации керамики
2012–11 (поселение Приморский 15)

для Таманского полуострова вогнутой синклиальной складкой. С точки зрения геотектоники эти складки в центральной и восточной областях Таманского полуострова испытывают вовсе не подъем, а продолжающиеся до настоящего времени погружения.³²

В итоге мы приходим к вполне однозначному заключению, которое, впрочем, не ново и уже было высказано в ряде указанных выше публикаций. Как нам представляется по сумме всех свидетельств, среди которых археологические являются наиболее наглядными и убедительными, гипотеза о «страбоновом» рукаве Кубани, впадавшем в античное время в Таманский залив западнее Фанагории, не выдерживает проверки фактами и от нее следует наконец окончательно отказаться.

³² Благоволин 1962, 68, рис. 6; Глазырин 2013, 130.

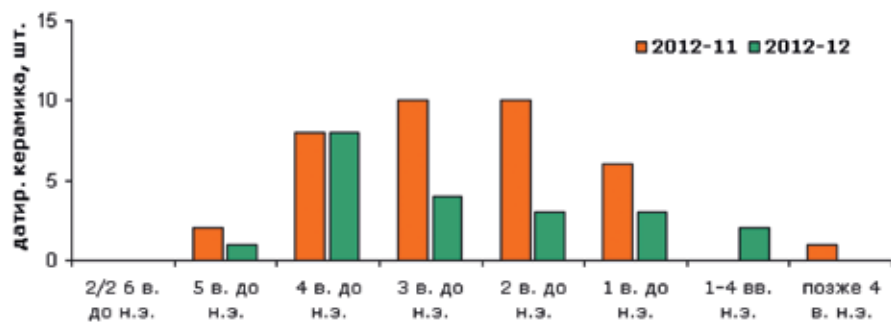

Рис. 16.
Хронологические распределения
датированной керамики для областей
2012-11 и 2012-12

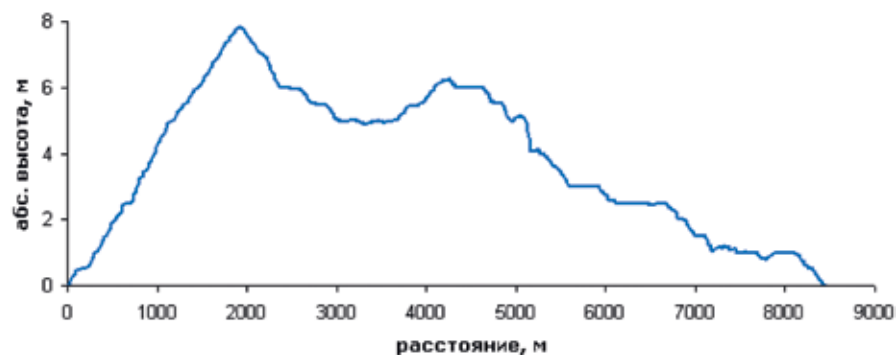

Рис. 17.
Профиль высот дна долины вдоль
линии тальвега (с запада на восток)

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П., Паромов Я.М. 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова, *БС* 2, 25–98.

Атавин А.Г. 1987. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории), in: *Методы естественных наук в археологии*. Москва, 29–35.

Беренбейм Д.Я. 1959. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря, *СА* 4, 42–52.

Блаватский В.Д. 1953. *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва.

Благоволин Н.С. 1962. *Геоморфология Керченско-Таманской области*. Москва.

Богучарсков В.Т., Иванов А.А. 1979. *Дельта Кубани*. Ростов-на-Дону.

Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б. 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6 тысяч лет, *ПИФК XII*, 257–271.

Внуков С.Ю., Поротов А.В., Пушкарев П.Ю., Болиховская Н.С. 2012. Основные результаты архео-геоморфологических исследований Семибратнего городища и его окрестностей, *ДБ* 16, 77–101.

Волков И.В. 1998. О возможности локализации Копы (Копарио – Ло Коба), *Древности Кубани* 12, 14–42.

Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва–Ленинград.

Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк), in: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры I*. Москва–Ленинград, 23–147.

Гарбузов Г.П. 2010. Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории, *ПИФК* 1, 444–457.

Гарбузов Г.П. 2013. Комплексные археологические исследования в округе Фанагории, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 178–191.

Гарбузов Г.П. 2013а. Некоторые результаты сплошных разведок в округе Фанагории, in: *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург, 705–712.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2009. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации, *ДБ* 13, 141–175.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Масленников А.А., Смекалов С.Л. 2013. Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему), *ПИФК* 4, 88–105.

Гёргс К.К. 1898. *Археологическая топография Таманского полуострова* (Собрание сочинений 1). Санкт-Петербург.

Глазырин Е.А. 2013. Проявление высокоамплитудной неотектоники в рельефе Таманского полуострова и прилегающего морского дна за период 2007–2012 гг., in: *VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований*. Ростов-на-Дону, 129–131.

Горлов Ю.В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории, *ДБ* 11, 86–105.

Горлов Ю.В. 2008. Географическая ситуация на Таманском полуострове во второй половине голоцена, *ПИФК XXI*, 415–437.

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К. 2002. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации, *ПИФК XII*, 248–256.

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В. 2004. К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным, *ДБ* 7, 117–128.

Губкин И.М. 1915. *Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Листы: Анапско-Раевский и Темрюкско-Гостагаевский* (Труды Геологического комитета, новая серия 115). Санкт-Петербург.

Губкин И.М., Варенцов М.Н. 1934. *Геология нефтяных и газовых месторождений Таманского полуострова*. Баку–Москва.

Долгоруков В.С. 1984. Фанагория, in: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья* (Археология СССР). Москва, 77–81.

Жаринцев Д.Ф. 1887. Археологическая топография Таманского полуострова, in: *Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881*. Москва, 123–127.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Поротов А.В. 2009. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова, in: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 122–128.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. 2010а. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э., in: *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия 1*. Москва–Киев, 69–73.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. 2010б. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация), *ДБ 14*, 162–183.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2011. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова, in: *Scripta antiqua 1*. Москва, 252–293.

Забелин И.Е. 1878. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского, in: *Труды Третьего археологического съезда 2*. Киев, 1–33.

Зубарев В.Г. 2005. *Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции*. Москва.

Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. 1954. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве, in: *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху II* (МИА 33). Москва, 197–214.

Лозовой С.П., Добровольская Е.В. 2010. Природные условия региона, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 133–145.

Паромов Я.М. 1992. *Археологическая карта Таманского полуострова*. Москва (ИНИОН РАН, № 47103 от 01.10.1992).

Паромов Я.М. 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.), *ДБ 10*, 365–388.

Поночевный М.О. 1891. Географический очерк Боспорского царства, *Кубанский сборник 2*, 1–60.

Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А. 2004. Особенности развития черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене, *Геоморфология 4*, 63–77.

Самойлов И.В. 1952. *Устья рек*. Москва.

Симов В.Г. 1989. *Гидрология устьев рек Азовского моря*. Москва.

Симонов А.И. 1958. *Гидрология устьевой области Кубани*. Москва.

Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881 (1887). Москва.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI – IV вв. до н.э., in: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год*. Москва, 5–187.

Науменко П.И. 1981. Заливы и водоемы Керченского пролива, in: Е.Ф. Шнюков (ред.), *Геология шельфа УССР. Керченский пролив*. Киев, 124–138.

Федосеев Н.Ф. 2013. К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи, *ПИФК 4*, 132–140.

Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A. 2010. The Holocene Sea Level Story Since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas, *Quaternary International 225*, 160–179.

Dubois de Montpéroux F. 1843. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Atlas. Série Géologie. Paris.

Fouache É., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. 2012. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a Critical View on the So-called Phanagorian Regression, *Quaternary International 266*, 162–174.

Müller Ch., Fouache É., Gorlov Y., Abramzon M., Gaïbov V., Porotov A. 1999. Péninsule de Taman (Russie méridionale), *BCH 123*, 589–598.

Л.А. Голофаст, С.В. Ольховский

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ИЗ ПОДВОДНОГО ФУНДАМЕНТА В АКВАТОРИИ ФАНАГОРИИ

Первые века жизни Фанагории, основанной ионийскими переселенцами в 540-х гг до н.э., проходили в условиях продолжавшейся черноморской регрессии, когда уровень моря был не менее чем на 3 м ниже современных значений. В начале I тыс. н.э. обширная прибрежная терраса города, застроенная в 5–3 вв. до н.э., была затоплена в результате трансгрессии моря¹. Подводные археологические исследования террасы выявили ряд объектов, крупнейшим из которых является портовое сооружение, обозначенное в предшествующих публикациях как подводный фундамент или ряж (рис. 1). Фундамент был полностью занесен слоем песчано-иловых отложений, сформировавшихся в результате длительной абразии берегового обрыва, и визуально невидим на поверхности дна. Обнаружить фундамент удалось при расчистке мраморного строительного блока, частично обнажившегося на поверхности дна благодаря штормам.

В 2005–2011 гг. верхняя поверхность и фасы фундамента были расчищены и зачерчены (без разборки конструкции), а также послойно расчищен до материка прилегающий участок дна на площади до 1500 кв.м. Расчистка велась с помощью грунторазмывных и грунтоуборочных средств (гидроэжекторов и гидромониторов различных моделей), в рабочих режимах, допускавших обнаружение и фиксацию *in situ* даже относительно небольших находок. Чертежная фиксация значимых элементов конструкции фундамента и индивидуальных находок вокруг него производилась методом триангуляционных обмеров от точек с известными координатами, помещенных в САПР Autocad. Высотные отметки деталям конструкции и находкам присваивались на основе нивелировочных измерений с острова, сооруженного в нескольких метрах к востоку от фундамента. Детальные контуры верхней поверхности фундамента были оцифрованы на основе фотопланшетов. С запада, севера и востока к фундаменту примыкает многоуровневый каменный завал шириной до 5–6 м, состоящий из рваного камня, строительных блоков, архитектурных деталей, фрагментов надгробий и скульптур. Ввиду массивности завала – его нижняя часть лежала на материке, а верхняя достигала высоты сохранившейся части фундамента – на чертеже зафиксированы не все беспорядочно лежавшие камни, а лишь контуры крупных строительных блоков, архитектурных деталей и надгробий.

В результате постепенной расчистки верхней поверхности и фасов фундамента, разборки каменных завалов и прилегающего участка дна удалось выяснить, что конструкция вытянута перпендикулярно берегу

¹ Балабанов, Измайлов 1988; Благоволин, Щеглов 1968.

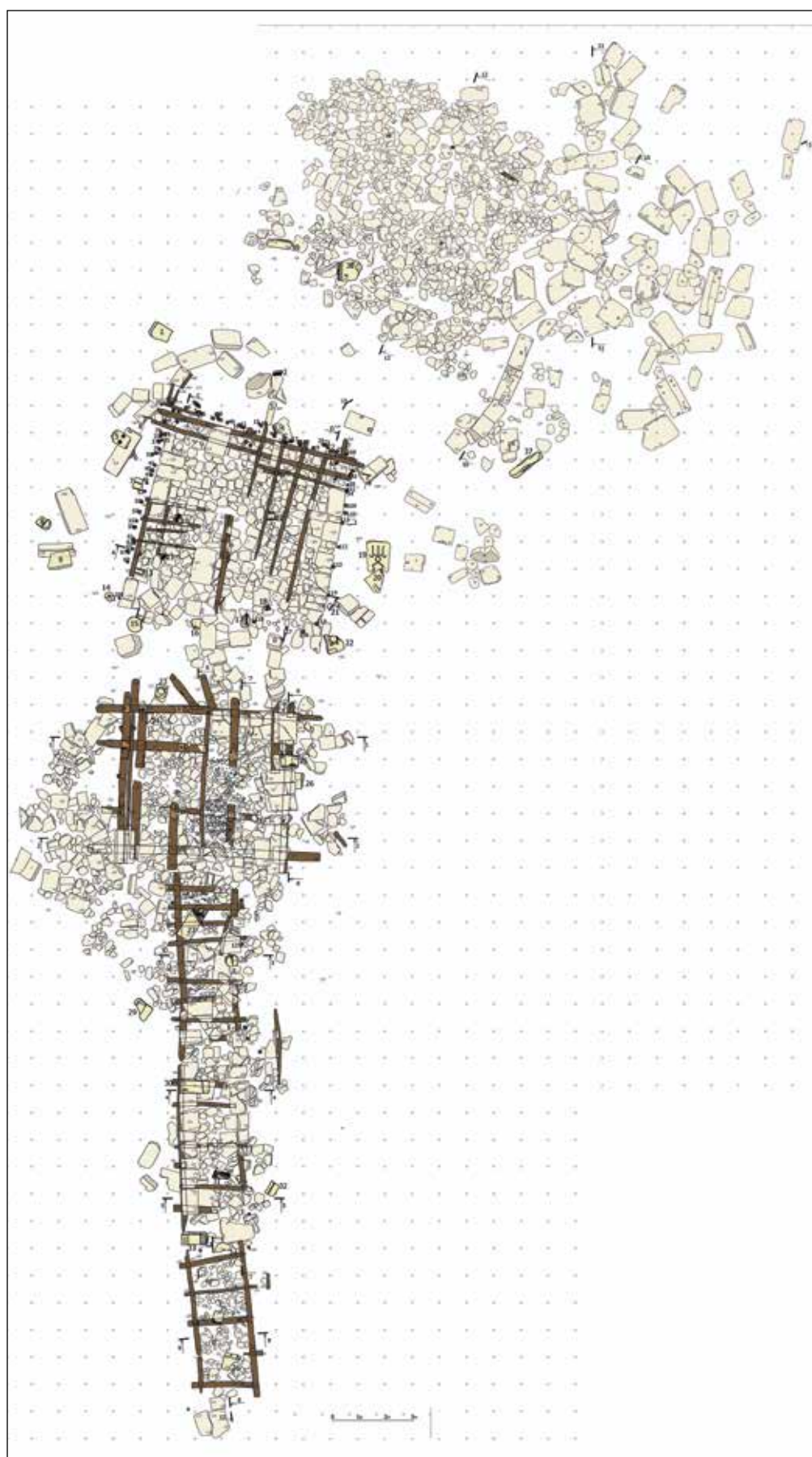

Рис. 1.
Ряжевая конструкция.
План строительных остатков

по линии С–Ю. Ее ближний край локализован в 120 м от современного уреза воды, а дальний – в 160 м. Фундамент состоит из трех деревянных клеток, забитых бутовым камнем и частично перекрытых обработанными плитами, происходящими из разрушенных общественных зданий, и надгробиями из некрополя Фанагории.

Северная клеть размером 8 x 7,5 м наиболее удалена от берега, ориентирована по оси север – юг с отклонением к востоку на 10–12 градусов. Опорный каркас клетки формируют несколько ярусов длинных бревен, пространство между ними плотно заполнено подходящими по размеру камнями. Бревна верхнего яруса диаметром 0,15–0,18 м уложены параллельно по оси север – юг с интервалом 0,5–0,6 м. На втором ярусе бревна диаметром 0,12–0,16 м уложены перпендикулярно, по оси запад – восток, с интервалом около 0,35 м. С запада, севера и востока фасы клетки усилены вбитыми в дно сваями диаметром 0,1–0,16 м, в ряде случаев скрепленными веревками (о чем свидетельствуют пазы-желобки) с концами горизонтальных бревен верхних ярусов. Максимальная сохранившаяся высота северной клетки над материком составляет около 0,75 м, фрагментарно сохранившаяся здесь ровная выкладка верхней поверхности клетки, вероятно, демонстрирует уровень дневной поверхности сооружения в период его эксплуатации.

Центральная клеть размером 8,5 x 7,5 м ориентирована строго по линии С–Ю и располагается в 2 м южнее северной клетки, между ними на материке сохранились две высоких параллельных каменных выкладки – вероятно, подпорки деревянных мостков, соединявших эти клетки между собой. В конструкции центральной клетки использованы бревна относительно большого диаметра (до 0,3 м), для их скрепления применены шиповые соединения разных типов – как для перпендикулярно уложенных бревен разных ярусов, так и для сращивания длинных деталей конструкции на одном ярусе из нескольких коротких бревен. Как и на северной клетке, верхний ярус бревен перекрыт частично сохранившейся ровной выкладкой из плит и строительных блоков вторичного использования.

Южная клеть размером 19 x 3 м непосредственно примыкает к центральной и тоже строго ориентирована по линии С–Ю. Примененные конструктивные приемы сходны с использованными при постройке центральной клетки: три пары последовательно уложенных длинных бревен нижнего яруса скреплены шиповыми соединениями с 19-ю короткими бревнами-перемычками верхнего яруса. Диаметр бревен южной клетки составляет 0,15–0,2 м, интервал между перемычками – около 0,9 м. Пространство между бревнами плотно заполнено забутовкой из необработанных камней, на бревнах верхнего яруса частично сохранилась выкладка из плоских плит. Со стороны берега к торцевым бревнам южной клетки примыкают несколько горизонтально уложенных каменных блоков. Учитывая следы сильной эрозии на бревнах южного торца клетки, можно предположить, что эта часть конструкции находилась на минимальной глубине, т.е. близ уреза береговой линии.

Изучая конструкцию фундамента, можно прийти к выводу, что его постройка производилась не менее чем в два этапа. Об этом свидетельствуют существенные отличия конструкции северной клетки от центральной и южной, явно сооруженных единовременно. Вероятно, на первом этапе были сооружены центральная и южная клетки, конструкция которых отличается высоким качеством обработки деревянных элементов и тщательной подгонкой высоты плит, использованных для выкладки верхней поверхности клеток. Северная клетка несколько развернута к востоку относительно других, не примыкала к ним непосредственно, существенно отличается по конструкции.

Определяя функциональное назначение фундамента, можно предположить следующее. Постепенная трансгрессия уровня Черного моря к 3 в. н.э. привела к затоплению ранних портовых сооружений Фанагории и прибрежной террасы, освоенной в первые века развития города. Несомненная потребность в портовой инфраструктуре вынудила построить причальные сооружения на новой береговой линии. Вероятно, из-за крайне малых глубин на пологой затопленной прибрежной террасе новый причал было целесообразно построить сколь возможно мористей для обеспечения подхода лодок. Представляется, что для этого в первую очередь были сооружены центральная и южная клетки, верхняя каменная выкладка которых возвышалась над водой не более чем на 20–30 см. Вероятно, малая (около 0,5 м) глубина у северного торца центральной клетки была недостаточна для подхода груженых лодок, что вынудило продолжить строительство и соорудить вблизи берегового свала северную клетку, возвышавшуюся над тогдашним уровнем дна не менее чем на 0,8 м. Активное и продолжительное использование северной и центральной клеток подтверждается обнаружением на их поверхности и вокруг нескольких тысяч фрагментов керамических и стеклянных сосудов, монет, свинцовых и керамических рыболовных грузил, бронзовых рыболовных крючков, ювелирных украшений, костей животных.

Происхождение массивных каменных завалов вокруг северной и центральной клеток может быть объяснено двумя версиями. Первая предусматривает, что к концу 4 в. н.э. дневная поверхность причала оказалась затоплена из-за продолжавшейся морской трансгрессии, что вынудило нарастить клетки камнями из разобранных городских построек и надгробий. Ряды блоков и забутовка, уложенные на ровную верхнюю поверхность клеток и слабо скрепленные с первоначальной конструкцией, постепенно были смыты штормами и осыпались на дно вокруг причала. Вторая версия, объясняющая наличие каменных завалов вокруг фундамента, предполагает, что на северной клетке был сооружен маяк или сторожевая башня, а центральная и южная клетки использовались для обеспечения сухопутного доступа к этой постройке с берега. В любом случае, к концу 4 – началу 5 в. н.э. активное использование клеток прекратилось, о чем свидетельствует почти полное отсутствие вокруг них находок более позднего времени. Вероятно, клетки перестали использовать как причал из-за осыпания верхних рядов

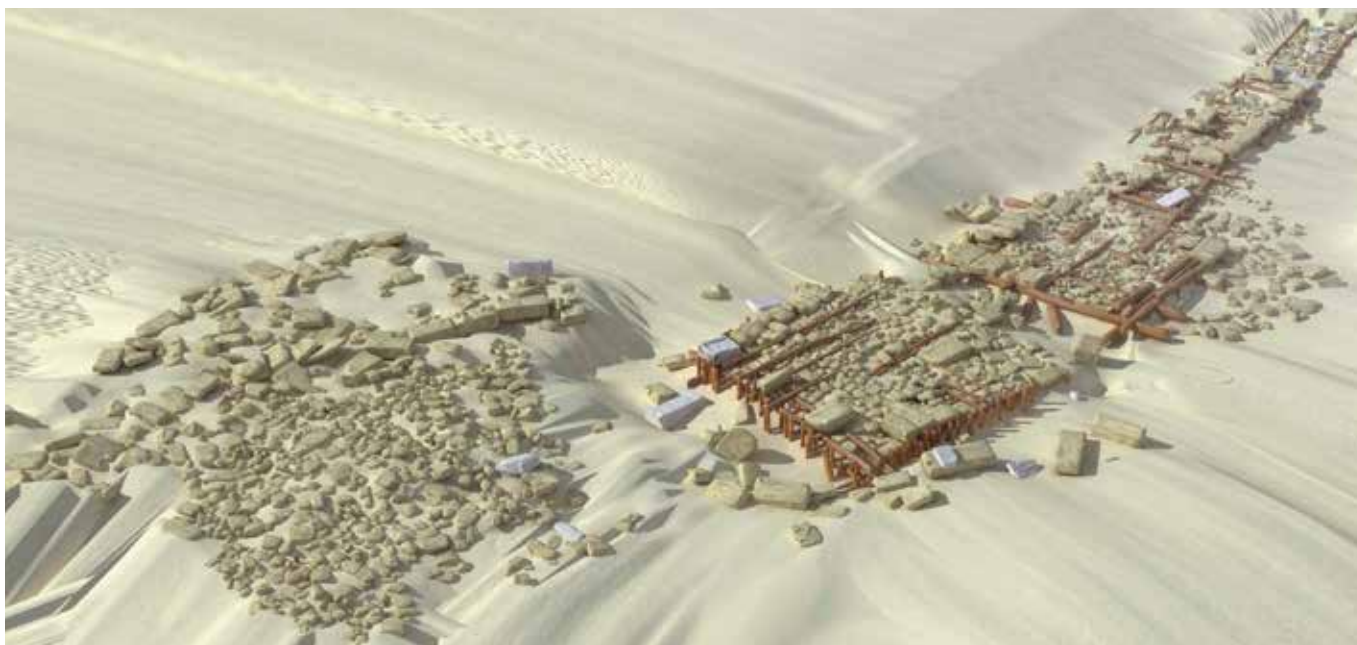

Рис. 2.
Трехмерная визуализация
северной клетки ряжа и волнореза
к северу от нее

кладки и формирования вокруг них каменных завалов, мешающих подходу лодок.

В ходе поисков конструктивного продолжения ряжа к северу от клетки № 1 было обнаружено вытянутое на северо-восток от северного торца фундамента протяженное скопление крупных строительных блоков, вероятно, являющихся остатками мола или свидетельством попытки сооружения новой причальной площадки (рис. 2). Можно предположить, что крупные камни из завала вокруг клеток были перемещены мористей для строительства нового причала, но эти работы по неясным причинам не были завершены.

Установить время строительства ряжа и период использования различных его частей можно только на основе материалов, использованных для его постройки, и комплекса находок, обнаруженных в непосредственной близости от него. Дендрохронологический анализ спилов из бревен центральной и южной клеток оказался безуспешен ввиду неполноты дендрошкалы. Для выкладки поверхности северной клетки были использованы надгробие с эпитафией и несколько надписей², самая поздняя из которых датируется 220 г. н.э. Вокруг северной и центральной клеток, в завале камней и под ним, обнаружены тысячи находок, в том числе более 1000 монет, среди которых наблюдается значительное преобладание статов боспорской чеканки второй половины 3 в. н.э. – первой четверти 4 в. н.э. В значительно меньшем количестве представлены более ранние боспорские монеты, а также монеты Римской империи 4 в. н.э. Кроме того, найдена фрагментированная Т-образная шарнирная фибула³ варианта 2 или 3 типа I по классификации О.В. Шарова, датирующаяся последней четвертью 3 – самым началом 4 в. н.э.⁴ Что же касается многочисленных фрагментов керамики, выявленной в ходе исследований ряжа, то ее подробный

² См.: Кузнецов 2006, 155–172; 2007, 227–243.

³ Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 374, рис. 26. 1.

⁴ Шаров 1999, 196, рис. 7.

анализ, проведенный С.М. Ильяшенко, показал, что основная масса находок датируется 4 – началом 5 вв. н.э., в значительно меньших количествах представлена керамика второй половины 3 в. н.э. Таким образом, совокупность всех выявленных материалов позволила отнести строительство ряжа ко времени не ранее конца 3–4 вв. н.э.⁵

Другое соотношение керамики дали исследования в районе остатков конструкции (в дальнейшем – «мола»), открытой к северу от клетки № 1, где наряду с материалом, характерным для комплекса из района ряжа, найдено значительное количество керамики второй половины 5 – первой половины 6 вв. Выявленный в море материал, естественно, нельзя интерпретировать как комплекс, но он позволяет определить не только приблизительное время строительства ряжа и мола, но и прекращения использования всего ряжа в целом. Кроме того, весьма разнообразный состав комплекса в значительной степени расширяет представления об ассортименте ввозимых в 5–6 вв. в город товаров. Это тем более ценно, что на раскопе «Верхний город», где в настоящий момент ведутся исследования, слои этого времени отсутствуют, а ранневизантийский материал встречается в крайне ограниченных количествах в переотложенном грунте или ямах, засыпь которых содержит крайне скудный набор керамики и стекла.

При изучении керамики возникла проблема, обусловленная ее долгим пребыванием в морской воде, в результате чего изменился не только цвет глины подавляющей части выявленных фрагментов, но и цвет некоторых включений, а часть фрагментов сильно окатана. Все это в ряде случаев затрудняло определение типов сосудов. На внутренней поверхности и дне некоторых фрагментов амфор сохранилась органика, в некоторых горлах – пробки из плотной темной массы – сосновой смолы с частичками коры этого дерева.

АМФОРЫ

Амфоры понтийского производства

Значительную часть в комплексе керамики (16%), выявленной в районе мола, составляют узкогорлые светлоглиняные амфоры (типа F по Д.Б. Шелову⁶) гераклейского производства, которые со значительным отрывом доминируют и среди находок в районе клеток ряжа. Единое мнение по поводу времени их бытования пока отсутствует. Д.Б. Шелов считал, что эти сосуды являются морфологическим продолжением амфор типа D и производились в пределах второй половины 3–4 вв. н.э.⁷ И.Б. Зеест относит их к 4 в. н.э.⁸ Этим же временем датирует их и А.И. Айбабин, отмечая, что в Крыму такие амфоры имеются только в закрытых комплексах 4 в. н.э.⁹ По мнению А. Опайта, они бытуют приблизительно с первой четверти 4 в. по первую четверть 5 в.¹⁰ Почти этим же временем датирует их В.В. Кропотов.¹¹ Значительно более

⁵ Кузнецов, Латарцев, Ольховский 2008, 375–378.

⁶ Шелов 1978, 19 сл., рис. 10.

⁷ Там же.

⁸ Зеест 1961, 122, табл. ХLI. 105а–г.

⁹ Айбабин 1995, 95.

¹⁰ Ораїт 2010, 111.

¹¹ Кропотов 1998, 128–134.

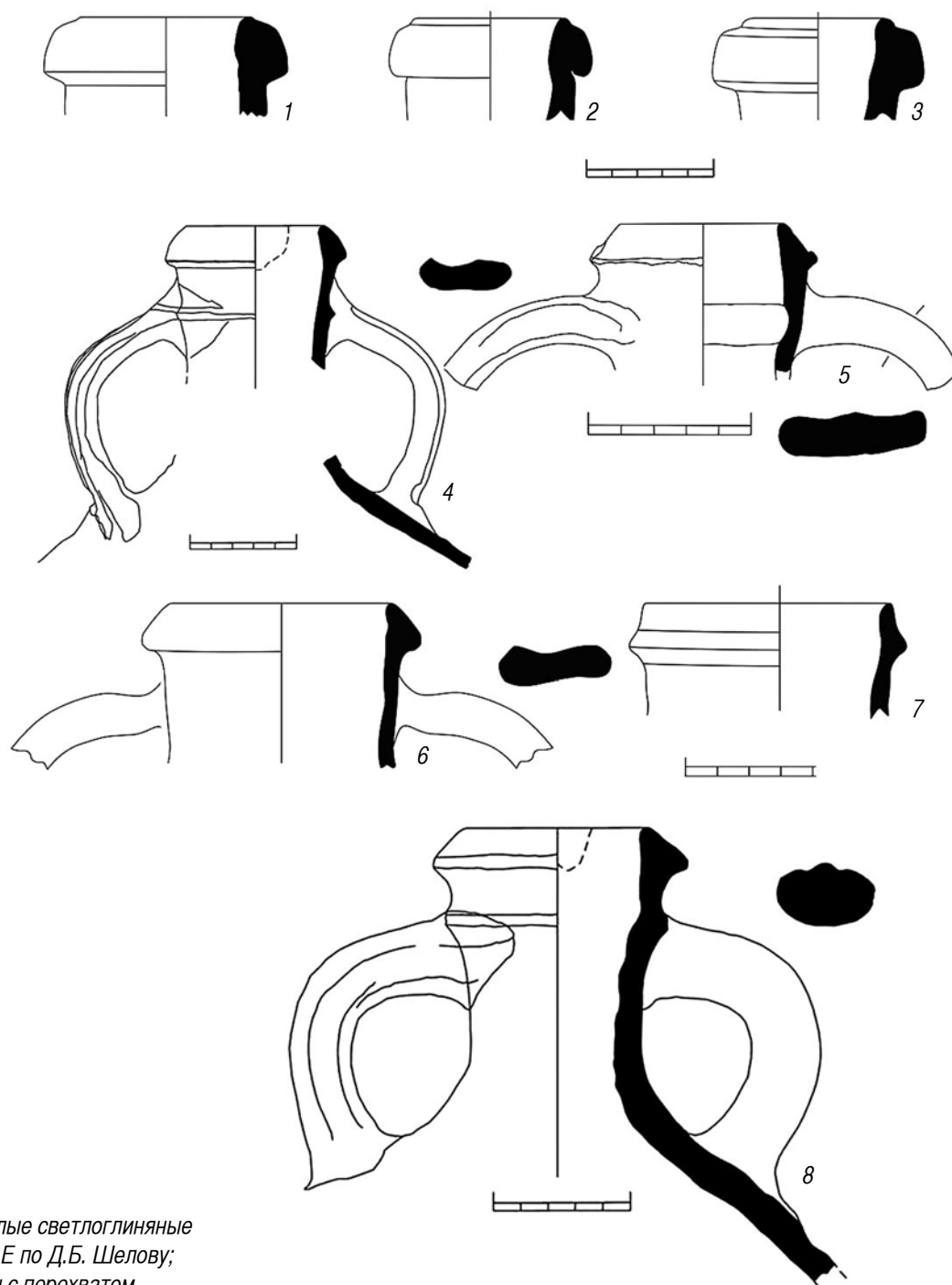

Рис. 3.
1–3 – узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E по Д.Б. Шелову;
4–8 – амфоры с перехватом

узкую дату дает в одной из последних работ А.В. Сазанов: конец 3/ начало 4 – третья или даже вторая четверть 4 вв.¹²

Редкими фрагментами представлены узкогорлые светлоглиняные амфоры других типов, в частности типа D (по Шелову) (0,69%) или типа C IVD (по С.Ю. Внукову, который датирует их последней четвертью 2 – второй половиной 4 вв.¹³), и типа E по Д.Б. Шелову (1,91%)¹⁴ (рис. 3. 1–3). Хронологические рамки бытования последнего И.Б. Зеест определяла в рамках конца 3 – 4 вв. н.э.¹⁵ Д.Б. Шелов датировал его концом 4–5 вв.¹⁶ По мнению А.П. Абрамова, амфоры типа E производились,

¹² Сазанов 2012, 129.

¹³ Внуков 2003, 167.

¹⁴ Шелов 1978, 19, рис. 9.

¹⁵ Зеест 1961, 122, табл. XLI. 104а–в.

¹⁶ Шелов 1978, 19, рис. 9.

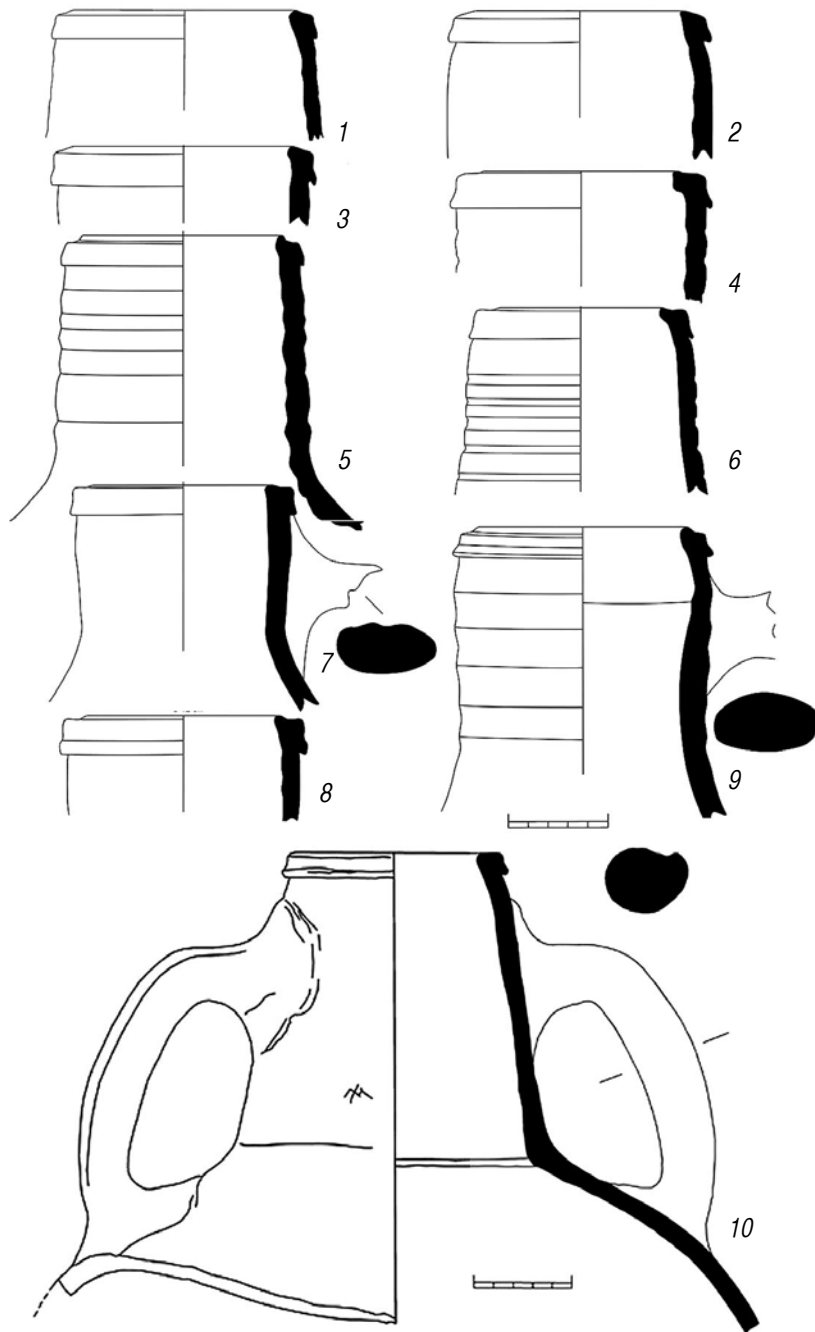

Рис. 4.
Амфоры типа С Snр I
по Д. Кассаб Тезгёр

начиная со второй половины 3 в. и до начала 6 в. н.э.¹⁷ А.В. Сазанов относит их производство к значительно более узкому периоду времени: вторая четверть 4 – конец 4/начало 5 вв. н.э. с пиком бытования в последней четверти 4 в.¹⁸

Меньшим количеством (6,63%) представлены синопские амфоры типа С Snр I-III по Кассаб Тезгёр¹⁹ (Opaıt E-²⁰, Зеест 100²¹ (рис. 4; 5. 1–15), в которых, судя по слою смолы на внутренней поверхности некоторых экземпляров, перевозили вино. Существует множество мнений о времени их бытования. Наиболее аргументированной представляется

¹⁷ Абрамов 1993, 50, табл. 62. 7.6–7.7.

¹⁸ Сазанов 2012, 133.

¹⁹ Kassab Tezgör 2010, 127–134.

²⁰ Opaıt 2004, 29–30.

²¹ Зеест 1960, 120, табл. XXXIX. 100.

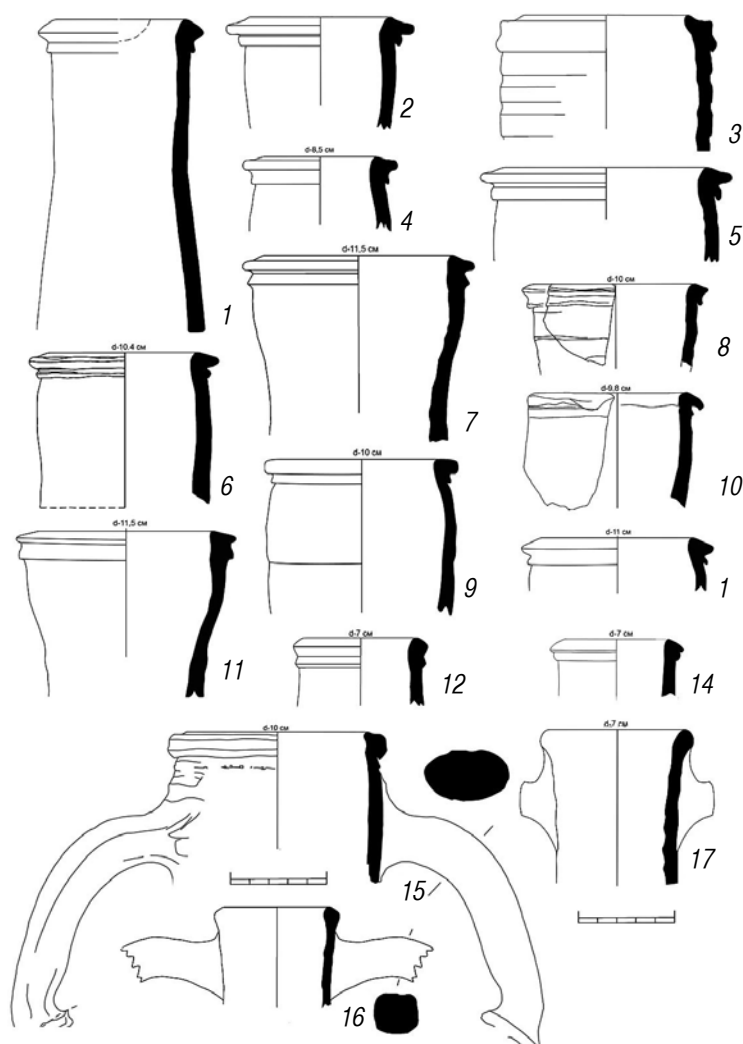

Рис. 5.
1–15 – амфоры типа *C Spn I–III*
по Д. Кассаб Тезгёр;
16, 17 – синопские амфоры 6 в.

точка зрения Д. Кассаб Тезгёр, которая по комплексам Демирджи, где были открыты печи по производству данного типа амфор, датировала их 4–5/началом 6 вв.²² К этому же времени относит их и А. Опайт.²³ Как правило, типологии этих амфор строятся на форме и пропорциях тулова, размерах и сечении ручек, форме и высоте горла и т.д. Эти критерии не работают при изучении крайне фрагментированного фангорийского материала, представленного, главным образом, небольшими фрагментами венчиков, к тому же часто окатанных. Наиболее приемлемой представляется схема, предложенная А. Опайтом, который выделяет несколько фаз бытования таких амфор. По его мнению, их объем уменьшался с течением времени. Соответственно амфоры с диаметром горла 10–12 см (*Opaiṭ E-Ia*) он датирует 4 в., диаметром около 10 см (*Opaiṭ E-Ib*) – началом 5 в. Наконец, самые поздние сосуды имели горло диаметром 6–8 см (*Opaiṭ E-Ic*).²⁴ Из найденных в районе мола венчиков, диаметр которых удалось рассчитать, 17 фрагментов принадлежали типу *Opaiṭ E-Ia*, 8 – *Opaiṭ E-Ib* и 7 – *Opaiṭ E-Ic*. Таким образом, основную массу фрагментов этого типа амфор (25 экз.) можно отнести к 4 – началу 5 вв.

²² Kassab Tezgör 2010, 128–129.

²³ Opaiṭ 2004, 29–30.

²⁴ Ibid.

Два фрагмента относятся к самой поздней группе синопских амфор, датирующейся 6–7 вв.²⁵ (рис. 5. 16–17).

Амфоры с перехватом (Зеест 103²⁶), широко распространенные в Северном и Восточном Причерноморье, производились в нескольких центрах Колхиды²⁷, хотя не исключается возможность их производства в Гераклее.²⁸ Развитие типа проследил С.Ю. Внуков.²⁹ Фрагмент амфоры с ребром на уровне верхнего прилепа ручек, треугольным в сечении довольно массивным венчиком и слабой желобчатостью на плечиках (рис. 3. 8) принадлежит к разновидности Kx IC₂-D₁ и датируется 4 в.³⁰ Обращает на себя внимание нехарактерная для этого типа амфор овальная в сечении ручка с двумя желобками на внешней поверхности. Глина амфоры светло-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мельчайшими темными включениями. К более позднему времени, по-видимому, следует отнести фрагмент с треугольным в сечении венчиком, слабо выраженным ребром на уровне верхнего прилепа уплощенных ручек подварианта Kx ID₁ (рис. 3. 4). Три фрагмента с треугольным в сечении венчиком и уплощенными ручками, без ребра на уровне верхнего прилепа ручек, характерного для ранних вариантов амфор данного типа (Рис. 3. 5–7), можно отнести к варианту Kx ID₂ по С.Ю. Внукову. Амфоры последнего варианта полностью вытесняют остальные во второй половине 4–5 вв.³¹ Три простые конические ножки, выявленные в комплексе, также можно отнести к поздним вариантам.

Фрагменты доньев с «набалдашником» (рис. 11. 5, 7–9), скорее всего, принадлежали амфорам мирмекийского типа (Зеест 72 = Böttger I.5) или типа «Харакс погребение 33», которые А. Опайт и А.В. Сазанов относят к одному развивающемуся типу.³² Разные исследователи по-разному определяют время их бытования: И.Б. Зеест датирует их концом 2 – серединой 3 в.³³, Б. Бёттгер – первой половиной 4 в.³⁴, Сазанов – первой половиной 3 – серединой 4 в.³⁵, А.И. Айбабин – первой половиной 5 в.³⁶ А.П. Абрамов, рассматривая амфоры типа Зеест 72 и Харакс 33 как самостоятельные типы, первые (вслед за Зеест) датирует концом 2 – серединой 3 в., а вторые – концом 4 в.³⁷ Производились они, по мнению большинства исследователей, на европейской стороне Боспора.³⁸

К поздней группе амфор понтийского производства относятся круглодонные желобчатые амфоры типа Ораїт В-1d³⁹ (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г.⁴⁰; тип Кузманов XVI⁴¹; классы 6 и 8 по херсонесской классификации 1995 г.⁴²), составляющие в рассматриваемом комплексе вторую по численности группу (8,2%; рис. 6). А. Опайт считает рассматриваемые амфоры поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип В-1), который бытовал с 3 в. (амфоры Зеест 72) по 7 в. По мнению исследователя, сменяющие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательно вытеснял «старый».⁴³ Однако раскопки в Дичине (Болгария), где амфоры типов Ораїт В-1b/c и Ораїт В-1d сосуществовали вплоть до конца 6 в. или даже начала 7 в., кажется, опровергают это предположение, а факт их одновременного бытования, возможно, объясняется

²⁵ Kassab Tezgör 2010, 136–137, pl. 20. 2.

²⁶ Зеест 1960, табл. XL. 103

²⁷ Цецхладзе 1992; Vnukov 2009, 29–32; Lomitashvili, Colvin 2009, 35–38; Khalvashi 2009, 33–34.

²⁸ Ораїт 2004, 32.

²⁹ Внуков 2012.

³⁰ Там же, 12, рис. 6.

³¹ Там же, 13.

³² Ораїт 2004, 27; Сазанов 2012а, 327.

³³ Зеест 1960, 111–112.

³⁴ Böttger 1982, 44, Taf. 21. 5, 7, 9.

³⁵ Сазанов 2012а, 348.

³⁶ Айбабин 1999, 264.

³⁷ Абрамов 1993, 52, табл. 66. 7.32–34.

³⁸ Сазанов 2012а, 349.

³⁹ Ораїт 2004, 28–29.

⁴⁰ Антонова, Даниленко и др. 1971, 85.

⁴¹ Кузманов 1985, 22–24, табл. 12; 13. A126–127.

⁴² Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 24–26.

⁴³ Ораїт 2004, 27.

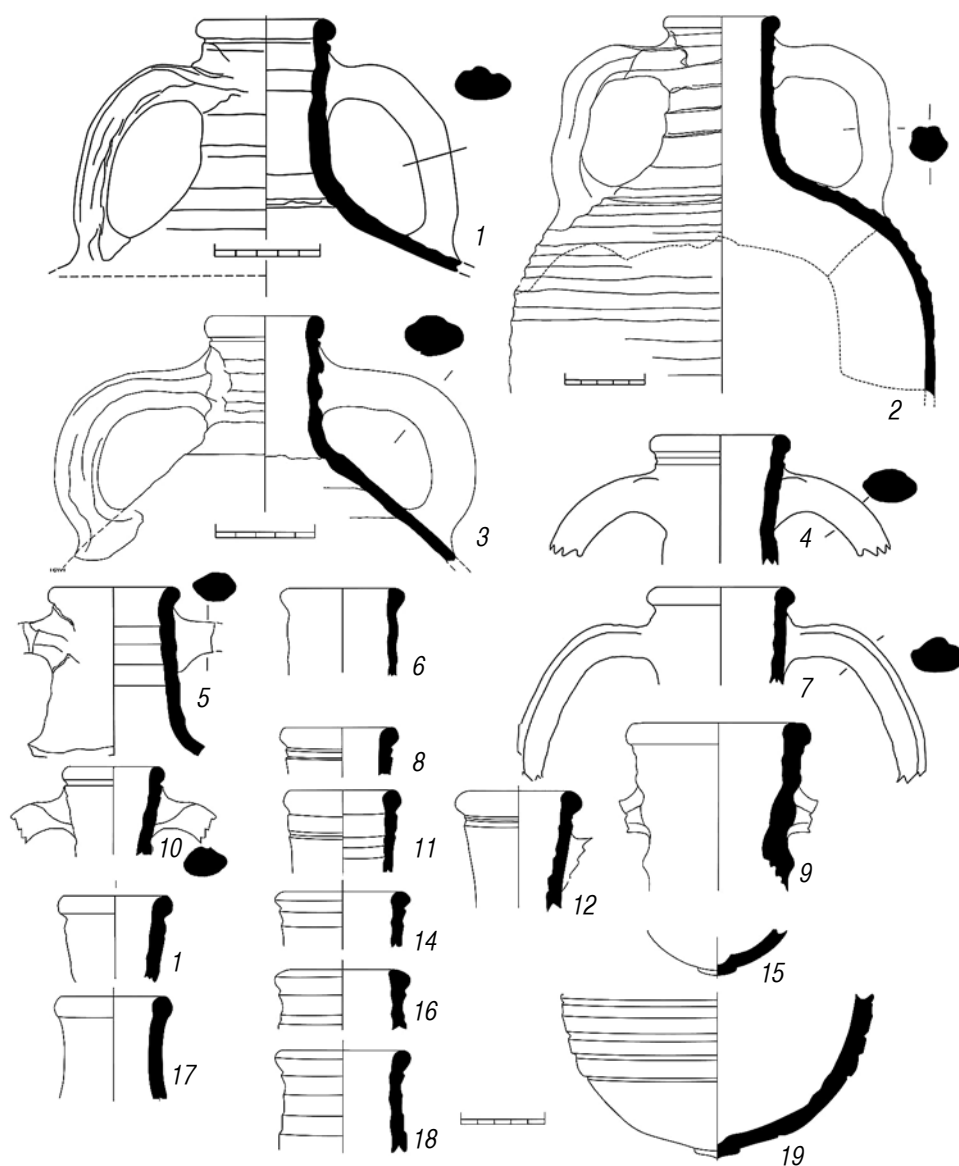

Рис. 6.
Понтийские амфоры 6 в.

их использованием для хранения и перевозки разных (более дорогих и более дешевых) вин.⁴⁴

В рассматриваемом комплексе амфорам типа *Oraït* B-1b (Кузманов XV⁴⁵; Böttger III.1⁴⁶), предшествующим, по мнению А. Опейта, сосудам позднего варианта, можно отнести фрагмент слегка суживающегося книзу горла с желобчатостью на внешней и внутренней стороне и округлым венчиком (рис. 6. 9). Находки амфор данного типа концентрируются на Нижнем Дунае, в Западном и Юго-Западном Причерноморье и очень редко встречаются в Восточном и Южном, что позволяет предполагать их производство на западном берегу Черного моря.⁴⁷ Опейт считает эти амфоры типичными для 5 – начала 6 в.⁴⁸

Поздний вариант (тип *Oraït* B-1d), отличающийся от более ранних вариантов, в том числе и значительно меньшими размерами, в Западном Причерноморье был особенно распространен во второй половине 6 в.⁴⁹ А. Сазанов датирует его появление второй четвертью 6 в.⁵⁰

⁴⁴ Swan 2009, 111.

⁴⁵ Кузманов 1985, 20–22, табл. 10, 11.

⁴⁶ Böttger 1982, 50–51, Taf. 26, 27.

⁴⁷ Swan 2009, 110.

⁴⁸ Oraït 2004, 28.

⁴⁹ *Ibid.*, 29.

⁵⁰ Sazanov 2000, 124.

В. Свон по материалам из раскопок комплексов Дичина делает вывод, что амфоры этого типа начинают появляться к концу 5 в.⁵¹ К этому варианту следует отнести фрагменты сосудов с венчиком в виде валика или полувалика диаметром 6,2–8,0 см, цилиндрическим или слегка суживающимся книзу горлом⁵² с желобчатостью как на внешней, так и на внутренней поверхности и небольшими овальными в сечении ручками с одним или двумя валиками на внешней стороне. Такие сосуды имели яйцевидное желобчатое тулово и округлое дно, часто с небольшим полусферическим выступом (рис. 6. 15, 19). Глина большей части найденных амфор плотная, красная с желтоватым оттенком (часто почти оранжевая), с примесью красновато-коричневых железистых (?) включений и карбонатов. На внешней поверхности – светлый плотный ангоб. Визуальная схожесть глины и ряд морфологических признаков позволяет отнести большую часть выявленных фрагментов к продукции восточно-понтийских мастерских.⁵³ Однако, судя по находкам сосудов, сделанных из глины с другим составом примесей, они производились в разных центрах Причерноморья (рис. 6. 4).

Средиземноморские амфоры

Амфоры типа LR1 по Райли 1979⁵⁴ (Hayes 5⁵⁵) относятся к числу наиболее распространенных в районе Средиземноморья и Причерноморья. Время их бытования – с начала 5 до конца 7 в., но не исключено, что они исчезают только в 8 в.⁵⁶, а происходящие от них небольшие амфоры с перехватом изготавливались до 9 в. включительно.⁵⁷ Они производились в многочисленных центрах, расположенных в Киликии, Селевхии, Карию, на западе Кипра, на Родосе, Хиосе и т.д.⁵⁸ Один из центров, в большом объеме выпускавший этот тип амфор с начала 5 по начало 7 в., выявлен в Помпейополисе (Pompeiiopolis) на южном берегу Черного моря.⁵⁹

Представленные в комплексе сосуды принадлежат к переходному варианту типа Пьери 1А (рис. 7. 1–5) конца 5 – начала 6 в.⁶⁰, типам Пьери 1В1 (рис. 7. 6–11) и Пьери 1В2 (рис. 7. 12) 6 – середины 7 в.⁶¹ Для последних двух вариантов характерны овальные в сечении ручки с тремя несколькими сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности (рис. 7. 13, 14).

Производство амфор типа LRA2⁶² (Hayes-type 9⁶³) зафиксировано на Пелопоннесе, Хиосе, Книде, Самосе, Косе и на севере Аргониды.⁶⁴ Отличаются значительным разнообразием форм венчиков, бытовавших одновременно, что предполагает их производство в разных мастерских, хотя и в пределах одного региона.⁶⁵ Перевозили в них вино или масло, хотя в последнее время исследователи более склоняются в сторону масла как основного содержимого амфор данного типа.⁶⁶ Дж. Хейс отмечает широкое их распространение в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти 5 в. до середины 7 в.⁶⁷, хотя их находки как на Востоке, так и на Западе не столь многочисленны, как находки амфор типа LRA1. Недавно выдвинуто предположение

⁵¹ Swan 2009, 112.

⁵² По наблюдениям В. Свон, сосуды с цилиндрическим горлом относятся к самому началу типологического развития этого типа амфор (Swan 2009, 111).

⁵³ Fedoseev, Domžalski, Opař, Kulikov 2010, 83, fig. 25, 27.

⁵⁴ Riley 1979, 212–216.

⁵⁵ Hayes 1992, 63–64.

⁵⁶ Sodini, Villeneuve 1992, 197.

⁵⁷ Vroom 2004, 294.

⁵⁸ Vroom 2005, 53.

⁵⁹ Autret, Yagci, Rauh 2010.

⁶⁰ Pieri 1998, 71.

⁶¹ Ibid., 76.

⁶² Riley 1979, 217–218.

⁶³ Hayes 1992, 66.

⁶⁴ Opař 2004, 11; Swan 2009, 109.

⁶⁵ Swan 2004, 372.

⁶⁶ Karagiorgou 2001, 148–149; Swan 2007, 255.

⁶⁷ Hayes 1992, 66.

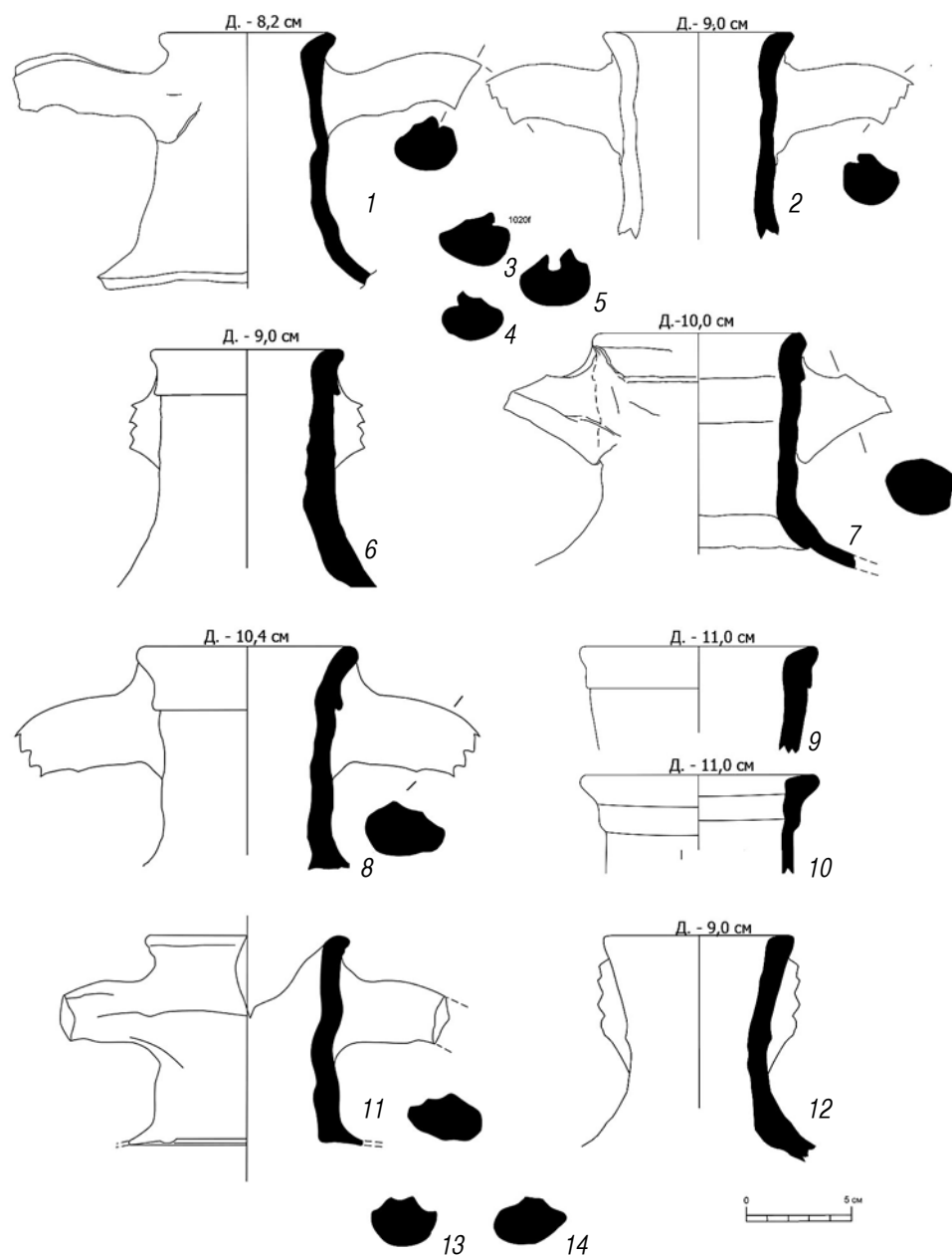

Рис. 7.
Амфоры типа LR 1

о том, что они предназначались, главным образом, для снабжения маслом и вином Константинополя и имперских войск, расквартированных на дунайском лимесе (Мезия I, Мезия II и Дакия).⁶⁸ Возможно, этим объясняется их относительно небольшое количество в городах Северного Причерноморья.

Наиболее значимое изменение в морфологии этого типа амфор произошло во второй половине 6 в., когда амфоры с коническим горлом, заканчивающимся воронкой, и округлым дном с выступающей ножкой сменяются амфорами с более или менее цилиндрическим горлом со слабо выраженным воронковидным завершением или простым валикообразным венчиком и округлым дном.⁶⁹ Перечисленные признаки позволяют все выявленные в комплексе фрагменты отнести

⁶⁸ Karagiorgou 2001, 149; Swan 2004, 381.

⁶⁹ Pieri 2005, 88.

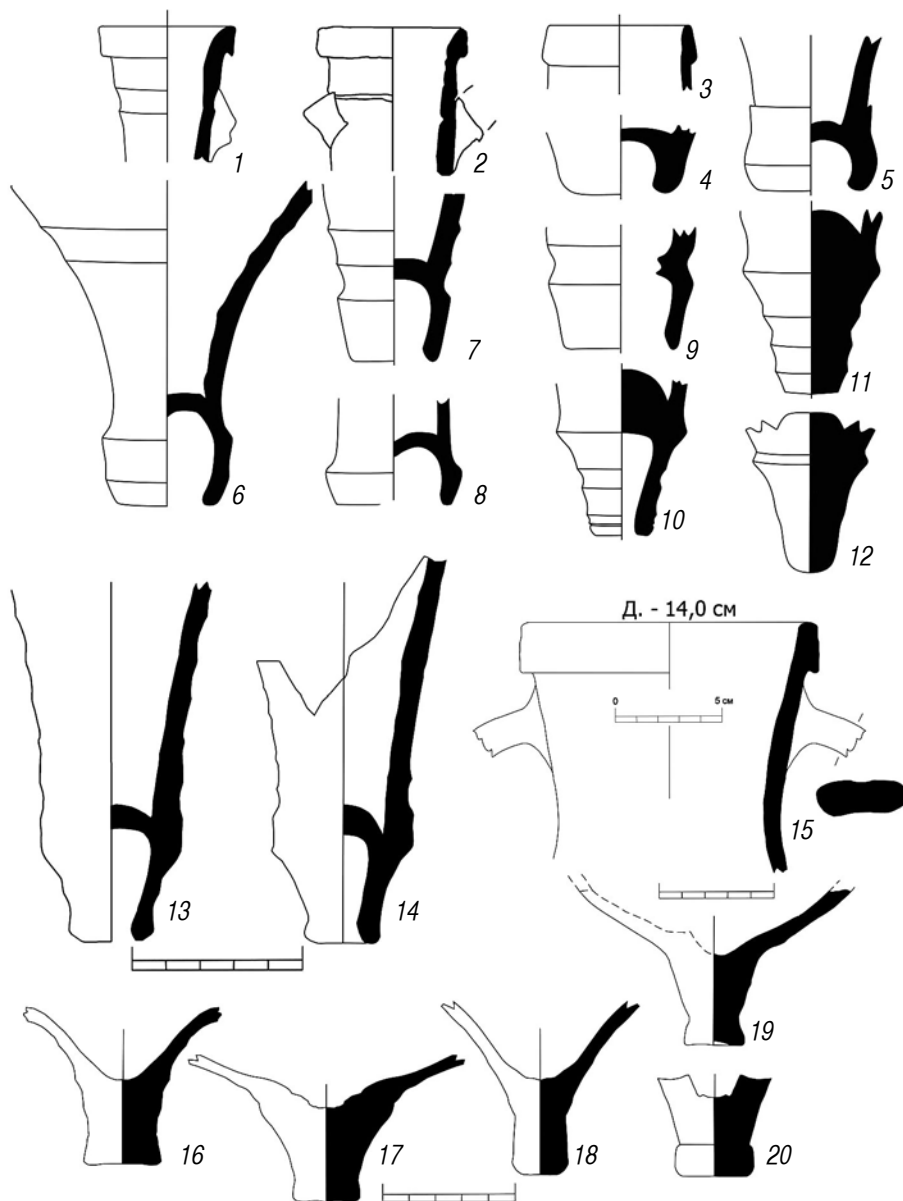

Рис. 8.
1–14 – амфоры типа LR 3;
15–20 – амфоры типа LR 8

ко времени до середины 6 в. Форма венчика одного из них (рис. 9. 4) очень похожа на венчики амфор, которые В. Свон определяет как LRA 1 *similis*. Их находки происходят из Дичина, где они были выявлены в слое разрушения 476/480 гг., а также из некоторых других мест нижнего течения Дуная и из комплекса 5 в. в Бейруте.⁷⁰ К сожалению, для точной идентификации фрагментов невозможно использовать характеристики глины рассматриваемых фрагментов, изменившиеся из-за долгого пребывания в морской воде.

Небольшими размерами выделяется амфора с желобчатым туловом, изображенная на рис. 9. 12.

К этому же типу относятся три фрагмента доньев с небольшим выступом на нижней поверхности (рис. 9. 8–10) и, по всей видимости,

⁷⁰ Swan 2004, 372, fig. 2.

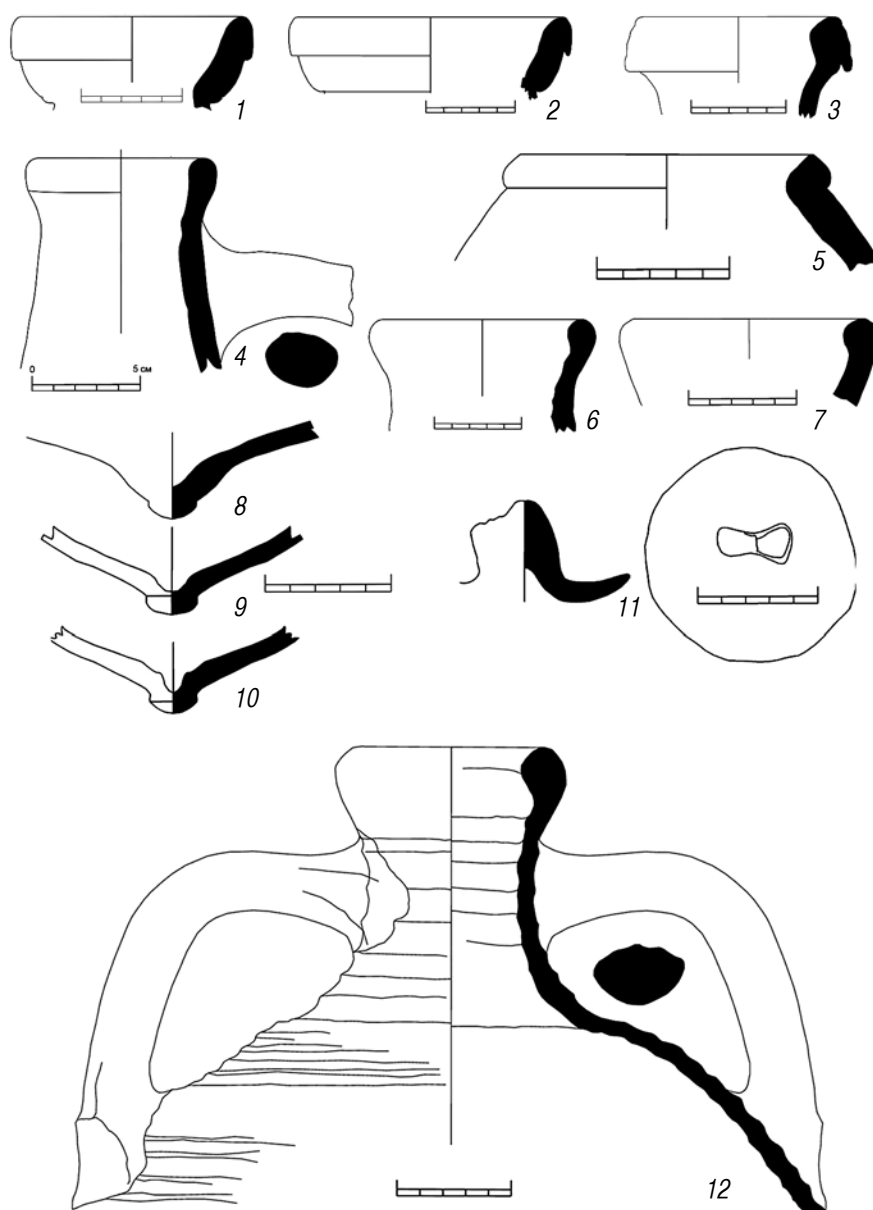

Рис. 9.

1–2 – амфоры типа Keay LXII;
 3 – амфора типа Keay XIII;
 5 – амфора типа LR 4;
 4, 6–10, 12 – амфоры типа LR 2;
 11 – крышка

круглая в плане крышка с приподнятыми краями и ручкой-защипом, которой соответствует углубление на ее нижней стороне (рис. 9. 11). Считается, что подобные крышки изготавливались специально для амфор типа LR2.⁷¹ Их помещали в самое узкое место горла, ручкой вверх и, надо полагать, при транспортировке заливали воском или смолой. В Херсонесе такая крышка была найдена *in situ*.⁷²

Амфоры типа LRA3 (LRA10 по Райли 1979⁷³; Зеест 95⁷⁴; тип 3 по Хейсу⁷⁵), производились с середины 1 в. до н.э. в различных городах западного берега Малой Азии (район Эфеса, Сарды, Милет, Пергам, Кушадасы). Двуручный вариант амфор данного типа бытовал с конца 4 в. по 6/начало 7 в. включительно.⁷⁶ Их содержимое точно не определено, но возможно это были какие-то мази или благовония, хотя не исключают вино, оливковое масло и *garum*.⁷⁷

⁷¹ Karagiorgou 2001, 148.

⁷² Голофаст, Рыжов, 2011, рис. 10.

⁷³ Riley 1979, 229–230.

⁷⁴ Зеест 1960, 118–119, табл. XXXVIII. 95.

⁷⁵ Hayes 1929, 63.

⁷⁶ Bezeczky 2005, 204; Panella 1986.

⁷⁷ Bonifay, Pieri 1995, 112; Bezeczky 2005, 205.

Все три выявленные в фанагорийском комплексе горла имеют треугольные в сечении уплощенные венчики (рис. 8. 1–3), характерные для типа LRA 3A2 (по Д. Пьери). Амфорам типа 3A принадлежали и полузакрытые или закрытые конические в сечении ножки (рис. 8. 10–14), бытовавшие в 5–6 вв. Короткие открытые снизу ножки (рис. 8. 4–9) характерны для типа LRA 3B первой половины 5 в. (по Пьери).⁷⁸

Судя по идентичности глины, амфорам типа LR 3 близки по происхождению амфоры типа LR 8 (тип Agora M273⁷⁹, тип самосской цистерны (Samos Cistern Type)⁸⁰, тип 7.29 по А.П. Абрамову⁸¹; Ephesus 56⁸²). Этот тип, имеющий длительную историю развития, объединяет разные варианты амфор, которые с течением времени морфологически почти не менялись, если не считать исчезновения на поздних вариантах массивного валикообразного венчика. Визуальная схожесть глины амфор описываемого типа с глиной амфор LR 3 указывает, по мнению ряда исследователей, на долину нижнего течения Меандра как на возможный район их производства. Если говорить о более широком регионе, то обычно называют острова и прибрежную часть Восточного Средиземноморья.⁸³ Судя по остаткам смолы на стенках амфор из Марселя, основным их содержимым было вино.⁸⁴ Время бытования определяют в рамках конца 3–7 вв.⁸⁵ Наряду с LRA3 они относятся к числу наиболее часто встречающихся в слоях 6 – начала 7 в. в Эфесе.⁸⁶ Значительное количество их находок происходит с острова Самос.⁸⁷ Отдельные экземпляры обнаружены на Аргосе, в Драндском храме (около Сухуми в Грузии), Карфагене, Риме, Бодруме, районе Неаполя и др.⁸⁸ К этому типу принадлежат несколько выявленных в комплексе ножек (рис. 8. 16–20) и широкое слегка суживающееся книзу горло с треугольным в сечении венчиком с подрезкой под ним и уплощенными ручками (рис. 8. 15). Ножки, аналогичные фанагорийским, часто находят в Карфагене в слоях второй половины 5 в.⁸⁹, а точная аналогия фанагорийскому горлу происходит из цистерны, открытой в помещении 4 квартала X Северного района Херсонеса, засыпанной не ранее конца 6 – начала 7 в.⁹⁰

Производство амфор типа LRA4 (по Райли 1979)⁹¹ предполагалось в районе Газы. Однако технологические вариации, огромный объем производства и широкое распространение показывает более широкий район их производства, который охватывал, по всей видимости, южную Палестину или даже более обширную территорию, простирающуюся от Пелузия на крайнем востоке дельты Нила до пустыни Негев.⁹² Судя по направлению стенок и форме венчика, фанагорийский фрагмент (рис. 9. 5) принадлежит сосуду формы 3 (по классификации Майчерека). Датируется форма серединой 5–6 вв.⁹³

Несколькими фрагментами представлены амфоры критского происхождения, в том числе 4 фрагмента принадлежали амфорам с вытянутым туловом, заостренным или валикообразным венчиком, небольшими овальными в сечении ручками и округлым дном с углублением на нижней поверхности (Зеест 99⁹⁴, TRC4⁹⁵) (рис. 10. 2, 4–6).

⁷⁸ Pieri 1998, 101.

⁷⁹ Robinson 1959, 109.

⁸⁰ Arthur 1989, 83, fig. 4.

⁸¹ Абрамов 1993, 51–52, рис. 64.

⁸² Bezeczky 2010, 355, fig. 1. 7.

⁸³ Arthur 1998, 166.

⁸⁴ Bonifay, Pieri 1995, 94–120.

⁸⁵ Pieri 2005, 133, 136.

⁸⁶ Bezeczky 2010, 355, fig. 1. 7.

⁸⁷ Isler 1969.

⁸⁸ Arthur 1998, 167; Хотелашвили, Якобсон 1984, 194–195; Aupert 1980, 440–441.

⁸⁹ Peacock 1984, 128, fig. 38. 48.

⁹⁰ Голофаст, Рыжов 2013, 54, рис. 7. 3.

⁹¹ Riley 1979, 223.

⁹² Majcherek 1995, 165.

⁹³ Ibid., 168–169.

⁹⁴ Зеест 1960, 120, табл. XXXIX. 99.

⁹⁵ Portale, Romeo 2001, 306, pls. 45d, e; 53d, e.

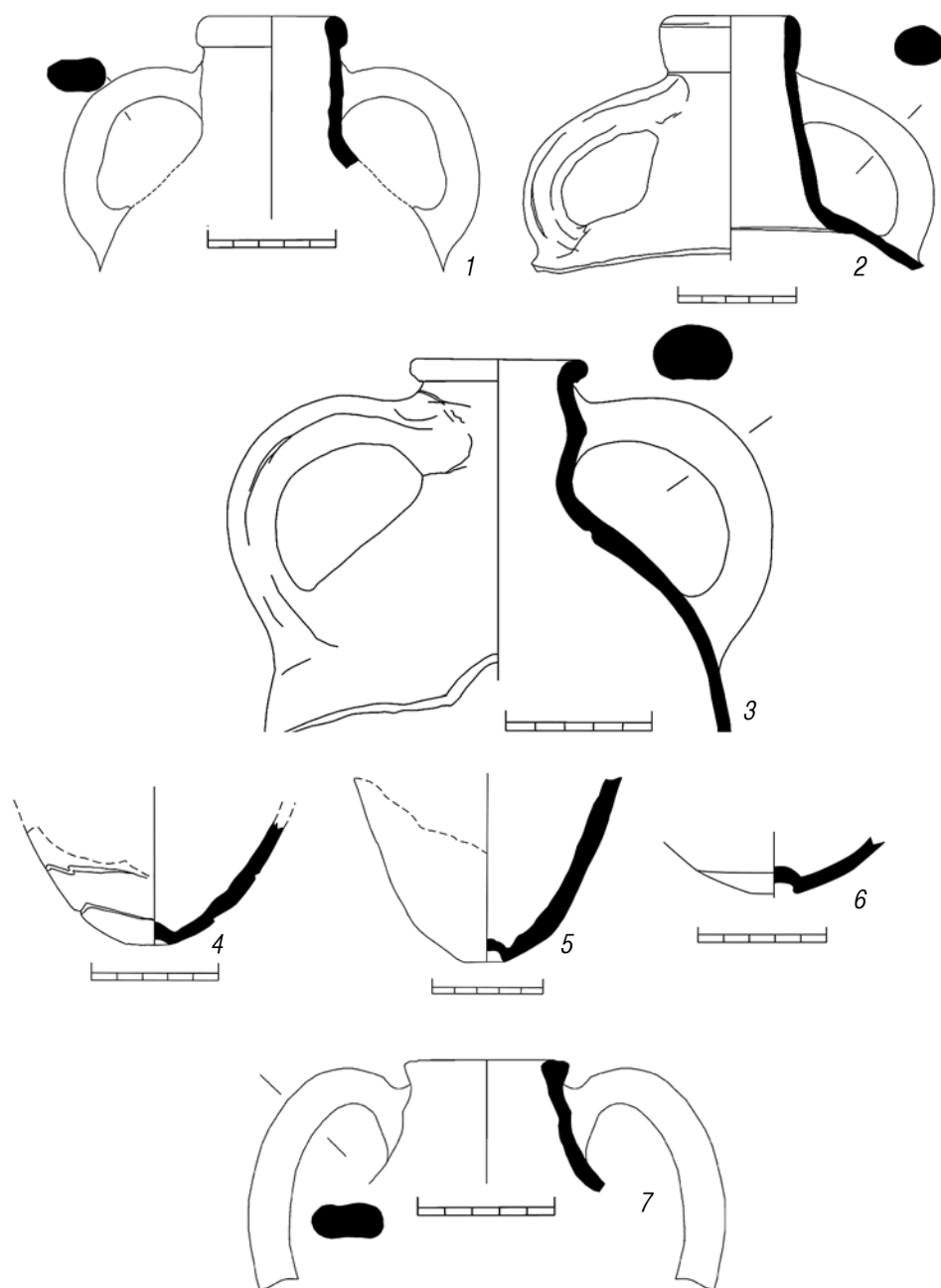

Рис. 10.

1, 3 – амфоры типа LR 14;

2, 4–6 – амфоры типа Зеест 99;

7 – амфора критского (?) производства

⁹⁶ Opaît 2004, 24.

⁹⁷ Смокотина 2008, 107, рис. 2–6.

⁹⁸ Голофаст 1994, 215, рис. 1. 4; 2001, 110, рис. 29. 5, 6; 2007, рис. 13. 4; Голофаст, Рыжов 2000, 79, рис. 7. 1; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 37, табл. 17. 72.

⁹⁹ Hayes 1992, 69.

¹⁰⁰ Hayes 1992, 69; Opaît 2004, 24, pl. 7a, b; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 37, табл. 17. 72.

¹⁰¹ Opaît 2004, 24.

А. Опайт считает их продолжением линии развития более ранних амфор типа «crétoise 1b».⁹⁶ В Северном Причерноморье их находки известны по раскопкам в Тиритаке и крепости у пос. Ильич (Таманский п-ов). В комплексе второй половины 6 в. из раскопок в Босфорском переулке в Керчи они составляют доминирующую группу.⁹⁷ В Херсонесе встречаются в комплексах 6–7 вв.⁹⁸

Несколько выбивается из рассматриваемого комплекса два фрагмента амфор типа TRC6 (LRA14 (тип Hayes 22⁹⁹) также критского производства (рис. 10, 1, 3). Как правило, их находят в комплексах конца 6–7 вв.¹⁰⁰ Оба типа амфор, скорее всего, предназначались для транспортировки критского вина.¹⁰¹

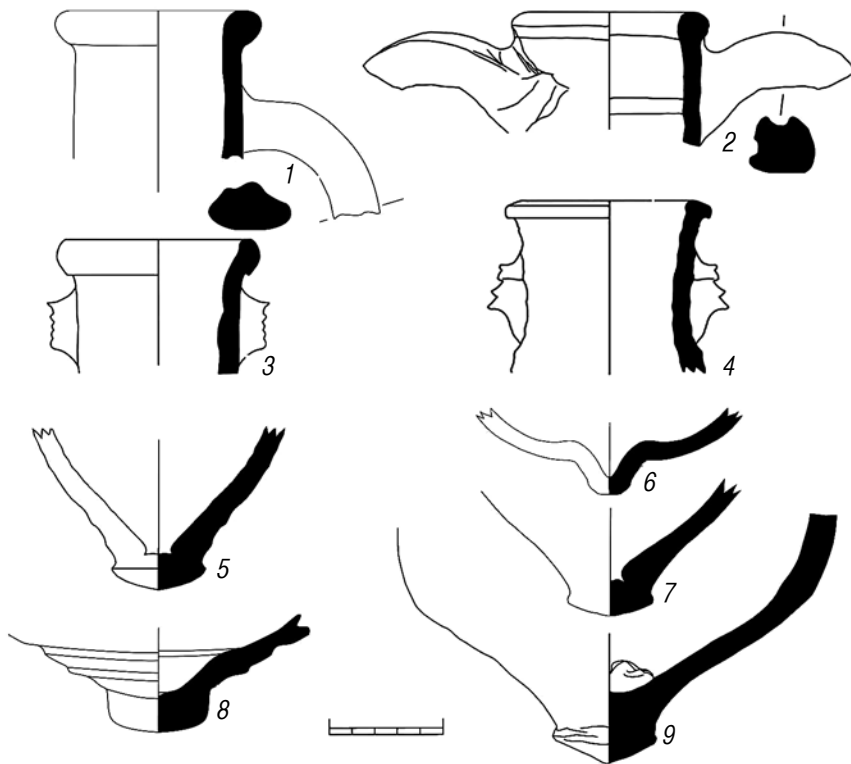

Рис. 11.
1–4, 6 – неопределенные амфоры;
3, 5, 7–9 – амфоры типа Зеест 72

По визуальному сходству глины к группе амфор критского происхождения можно причислить фрагмент амфоры с коротким расширяющимся книзу горлом с треугольным в сечении венчиком с почти плоско срезанной верхней поверхностью, небольшим ребром на уровне крепления овальных в сечении ручек с легкой вогнутостью на внешней и внутренней поверхностях (рис. 10. 7), аналогий которой найти не удалось.

Фрагмент амфоры из бежевой, очень плотной, хорошо отмученной глины с крупными светлыми и темно-коричневыми включениями и со светлым жидким ангобом на внешней поверхности (рис. 9. 3), скорее всего, относится к типу Dressel 23 / Keay XIII.¹⁰² Многочисленные печи по их производству выявлены вдоль реки Гвадалквивир и ее притоков между Севильей и Кордовой.¹⁰³ Использовались, главным образом, для перевозки масла и были распространены с 4 по конец 5 или начало 6 в. Точные аналогии нашему фрагменту происходят из комплекса второй трети 5 в. в Марселе¹⁰⁴ и из слоя 380–420 гг. в Херсонесе.¹⁰⁵

Североафриканские амфоры

К числу редких находок относятся два фрагмента амфор типа Albenga 11-12 (Keay LXII вариант Q) (рис. 9. 1, 2), которые S.J. Keay датирует 4 – началом 5 в.¹⁰⁶, а Пикок и Опайт – второй четвертью 5 в.¹⁰⁷ Несколько фрагментов определить не удалось (рис. 11. 1–4).

¹⁰² Keay 1984, 140–146.

¹⁰³ Roman amphorae: a Digital Resource (University of Southampton): http://ads.ahds.ac.uk/catalogue/archive/amphora_ahrb_2005.

¹⁰⁴ Pieri 1998, 108, fig. 81. 5.

¹⁰⁵ Сазанов 1999, 229, рис. 3. 43.

¹⁰⁶ Keay 1984, 334.

¹⁰⁷ Peacock 1984, 133; Opajt 1997–1998, 51, pl. 2. 4.

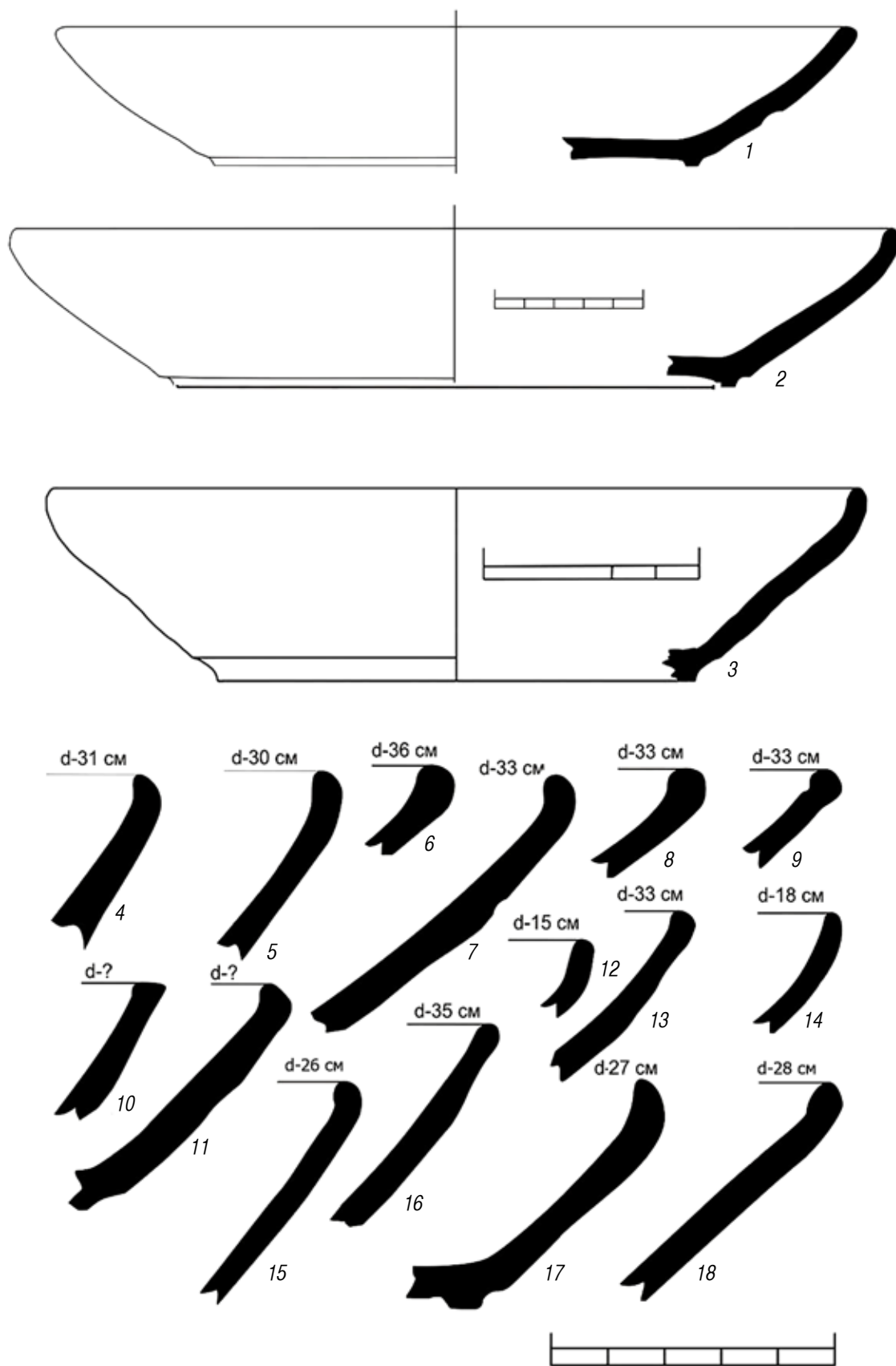

Рис. 12.
Миски формы 1
группы «Понтийской краснолаковой»

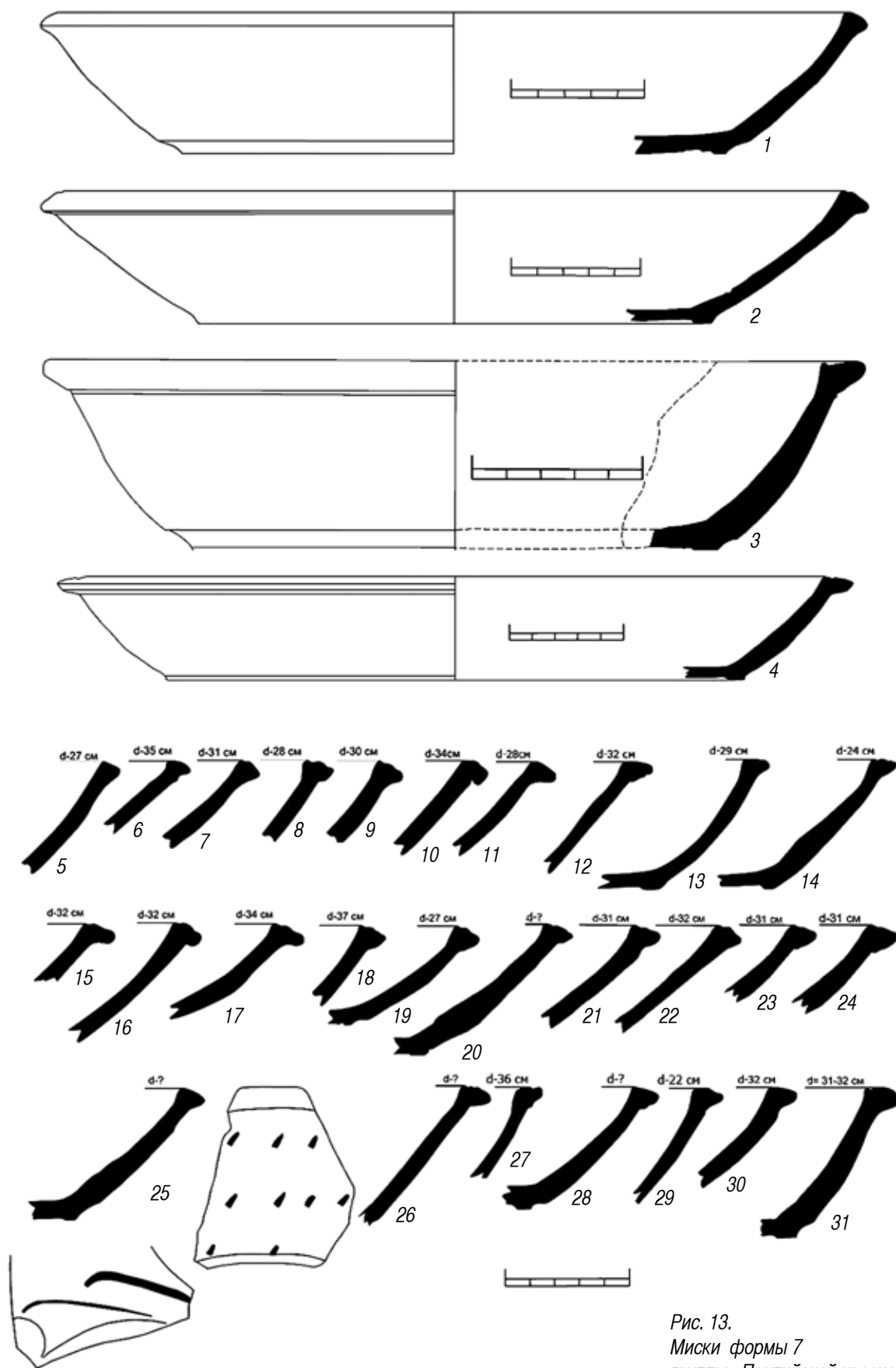
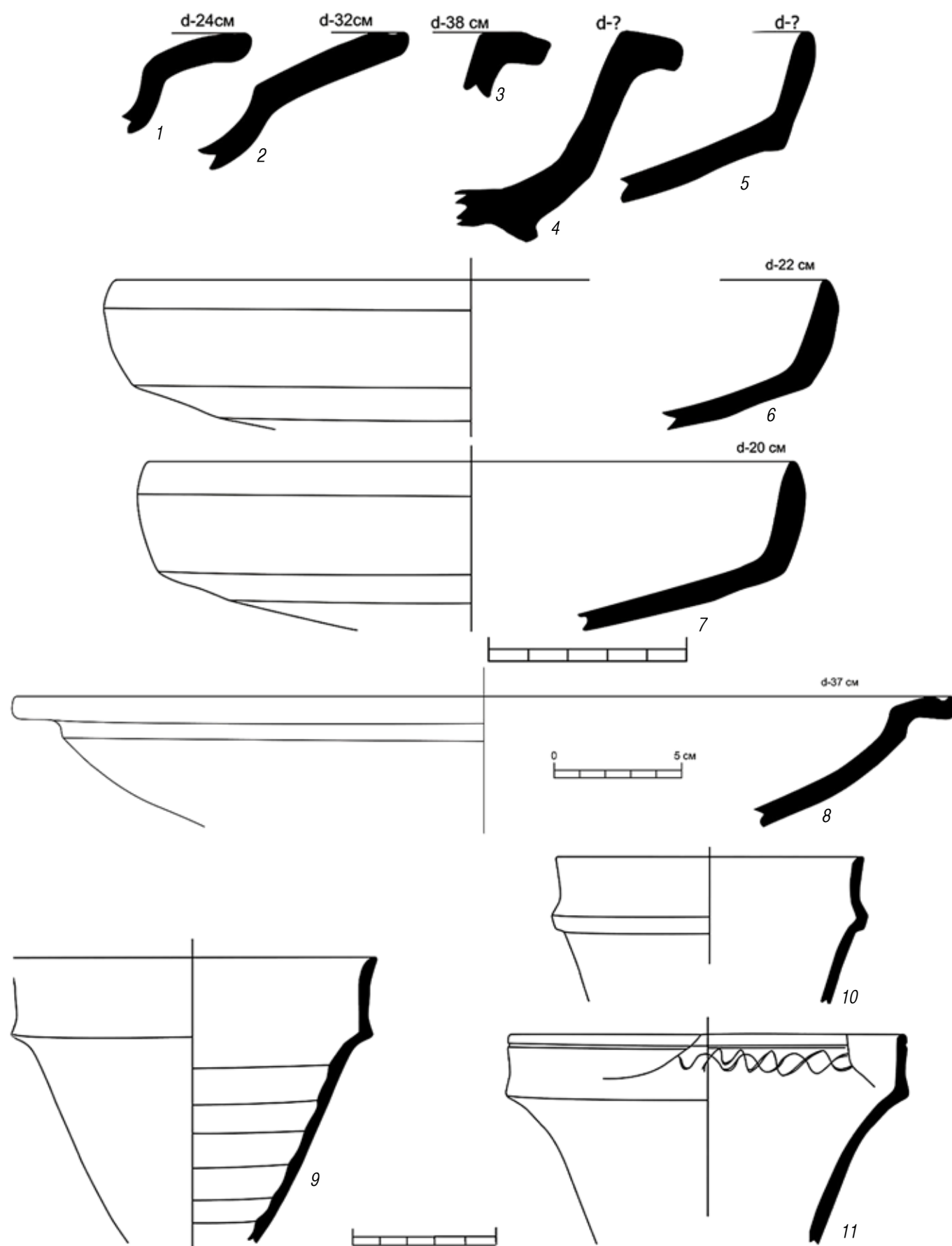

Рис. 13.
 Миски формы 7
 группы «Понтийской краснолаковой»
 по К. Домжальскому

КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА

Посуда группы «Понтийской краснолаковой»

Посуда этой группы производилась, по мнению К. Домжальского, где-то на побережье Черного моря или в непосредственной близости от него и была широко распространена в Понтийском регионе.¹⁰⁸ В рассматриваемом комплексе представлены все формы, известные по раскопкам на других памятниках Северного Причерноморья.

Форма 1 по К. Домжальскому (форма IV по Опайту) (рис. 12): А. Опайт датирует первой половиной 5 в.¹⁰⁹, Т.М. Арсеньева и К. Домжальский – серединой 4 – серединой 5 в. (возможно, и позже)¹¹⁰, Сазанов – первыми десятилетиями 4 – началом/первыми десятилетиями 5 в.¹¹¹

Миски с небольшим отогнутым наружу венчиком с желобками на верхней поверхности (рис. 13) А. Опайт относит к той же форме IV и, соответственно, датирует первой половиной 5 в.¹¹² К. Домжальский выделяет их в особую форму 7, которая, по мнению Арсеньевой и Домжальского, появляется в середине 5 в. или чуть раньше, являясь продолжением формы 1, с которой новая форма какое-то время сосуществовала. Изготовление мисок этой формы осуществлялось, по их мнению, до начала 6 в.¹¹³

Наименьшим количеством фрагментов представлены блюда с широким горизонтально отогнутым бортиком формы 3 (по К. Домжальскому) (рис. 14. 1, 2), которую А. Опайт (форма Опайт II) датирует первой половиной 5 в.¹¹⁴, приблизительно к этому же времени относит форму К. Домжальский¹¹⁵, Сазанов ограничивает её бытование последней третью 4 – первыми десятилетиями 5 в.¹¹⁶

Два фрагмента принадлежали редко встречающейся форме – большим блюдам с небольшим отогнутым наружу бортиком (форма 2 по К. Домжальскому) (рис. 14. 3, 4), датируемым второй половиной 4 в. Приблизительно к этому же времени относятся глубокие чаши с вертикальным бортиком с заостренным краем¹¹⁷, представленными в рассматриваемом комплексе тремя фрагментами (рис. 14. 5–7).

Керамика группы «Понтийской краснолаковой» доминировала на черноморском рынке с конца 4 до середины 5 в. По мнению К. Домжальского, во второй половине 5 в. в связи с интенсивным притоком в регион посуды группы «Фокейской краснолаковой» количество керамики понтийской группы постепенно уменьшается и в начале 6 в. сходит на нет.¹¹⁸

Посуда группы «Фокейской краснолаковой»

Самую многочисленную группу рассматриваемого комплекса составляют фрагменты посуды группы «Фокейской краснолаковой», при определении которой использована типология и хронология, разработанная Дж. Хейсом. Из десяти выделенных Дж. Хейсом форм в комплексе представлены три. Один фрагмент принадлежал миске формы 1А (рис. 15. 1), которую Дж. Хейс датирует концом 4 – началом 5 в.¹¹⁹, два –

←

Рис. 14.

Посуда группы

«Понтийской краснолаковой» (1–7):

1–2 – блюда формы 3;

3–4 – блюда формы 2

по К. Домжальскому;

5–7 – глубокие чаши с вертикальным бортиком;

8 – блюдо группы

«Понтийской позднеримской лощеной керамики»;

9–11 – конические кубки

¹⁰⁸ Arsen'eva, Domžalski 2002, 422.

¹⁰⁹ Opaiť 2004, 75.

¹¹⁰ Arsen'eva, Domžalski 2002, 426.

¹¹¹ Сазанов 2012, 138.

¹¹² Opaiť 2004, 248, pl. 55. 3.

¹¹³ Arsen'eva, Domžalski 2002, 427.

¹¹⁴ Opaiť 2004, 248, pl. 55. 3.

¹¹⁵ Arsen'eva, Domžalski 2002, 427.

¹¹⁶ Сазанов 2012, 140.

¹¹⁷ Domžalski 2011, 7, fig. 3. 10, 11.

¹¹⁸ Domžalski 2000, 164.

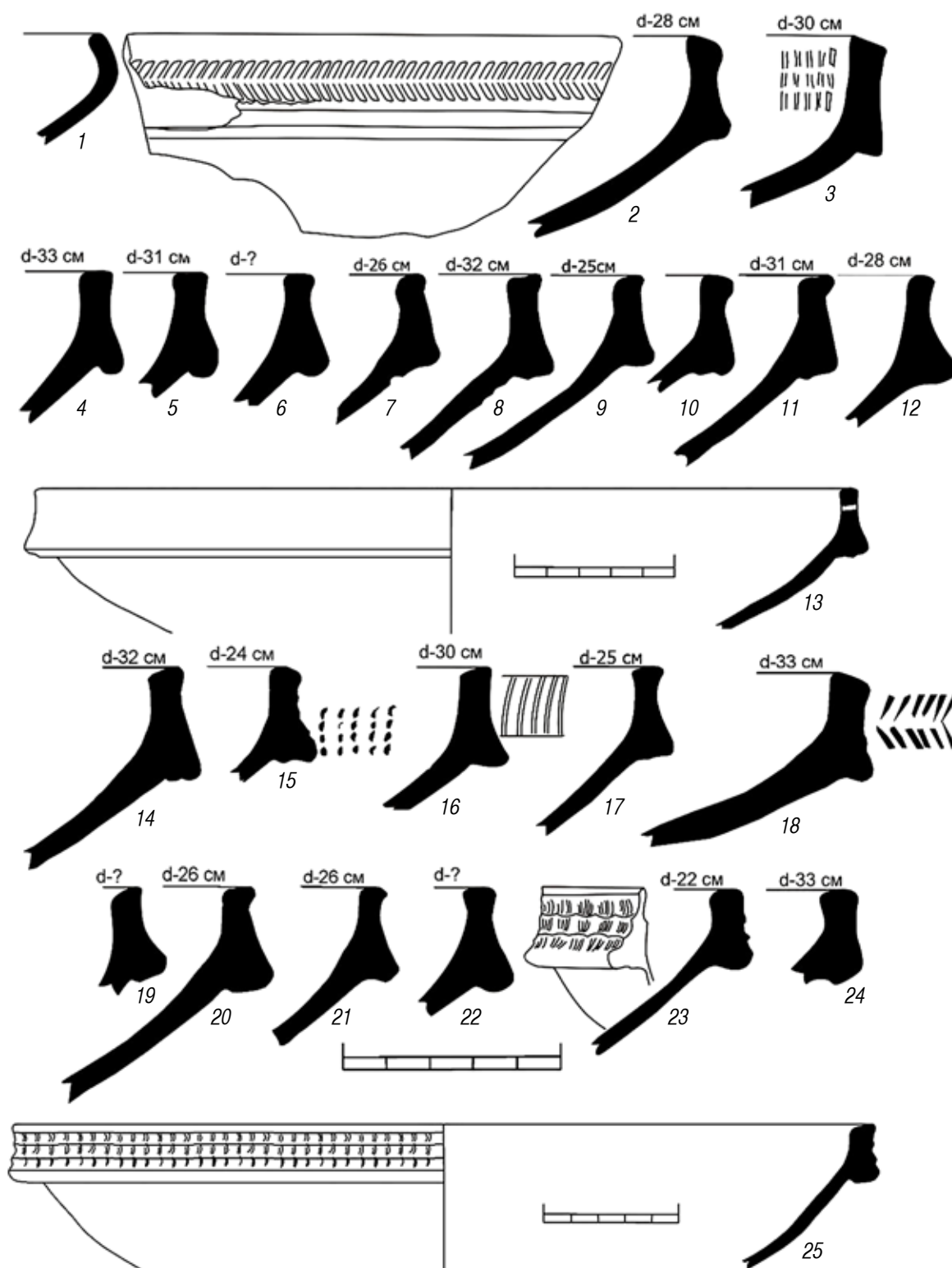

Рис.15.
Посуда формы 3
группы «Фокеевской краснолаковой»

сосуду формы 5В первой половины 6 в. (рис. 18. 28, 29)¹²⁰, остальные – мискам разных типов формы 3. Типы В, С и D, датирующиеся соответственно 460–490 гг. (В и С) и концом 5 в. (D)¹²¹, а также тип G (рис. 18. 23, 24, 26), самые ранние экземпляры которого зафиксированы в слоях второй четверти 6 в., и H (рис. 18. 27, 30), первой трети/середины 6 в. по хронологии Хейса¹²², представлены единичными фрагментами. Доминируют в комплексе фрагменты мисок типа Е и F, бытовавших соответственно в последней четверти 5 в. и во второй четверти 6 в.¹²³

Следует отметить полное отсутствие в комплексе формы 10, появляющейся в последней четверти 6 в.¹²⁴

Блюда на высоком кольцевом поддоне (группа «Понтийской позднеримской лощеной керамики»)

Один фрагмент принадлежал блюду с горизонтально отогнутым бортиком и беспорядочным лощением на поверхности из бежевой очень хорошо отмученной плотной глины с редкими мелкими включениями цвета глины (рис. 14. 8). Керамика этой группы хорошо известна по раскопкам в Херсонесе, где происходит из комплексов второй четверти – конца 6/начала 7 вв.¹²⁵ Известны находки таких блюд и в других центрах Северного, Восточного и Южного Причерноморья.¹²⁶ Недавно для этой группы керамики было предложено название «Late Roman Pontic Burnished Ware». Основываясь на визуальной схожести теста и на том факте, что эта керамика появляется на причерноморском рынке вскоре после исчезновения посуды группы «Понтийской краснолаковой», К. Домжальский и Д.В. Журавлев выдвинули предположение о едином центре или регионе их происхождения, возможно, распложенном в северной части Малой Азии.¹²⁷

Конические кубки

Несколько фрагментов принадлежали кубкам типа I по А. Опайту (рис. 14. 9–11). Глина подобных кубков светло-кремового оттенка, плотная, очень хорошо отмученная. Как правило, они покрыты крайне неаккуратно наложенным жидким тусклым коричневатым или коричневато-красным «лаком». А. Опайт предполагает, что они производились на Книде, но не исключает их понтийское происхождение и датирует второй половиной 4–6 вв.¹²⁸, хотя не исключено, что они бытовали до первой четверти 7 в.¹²⁹

Сосуды с заглаженной щеткой поверхностью

Особый интерес представляют сосуды с округлым туловом и треугольным в сечении венчиком с неглубокими продольными желобками на верхней плоско срезанной поверхности (рис. 19). Внешняя поверхность

¹¹⁹ Hayes 1972, 327, fig. 65. 1–3.

¹²⁰ Ibid., 339, fig. 70.

¹²¹ Ibid., 329–338, fig. 67, 68.

¹²² Ibid., 338.

¹²³ Ibid., 337–338.

¹²⁴ Ibid., 345.

¹²⁵ Голофаст, Рыжов 2000, 81, рис. 13. 1–21; Голофаст 2001; 2007, 115, 116, рис. 42, 43 и др.

¹²⁶ Домжальский, Журавлев 2012, 140–141.

¹²⁷ Там же, 139.

¹²⁸ Opaiț 2004, 65–66.

¹²⁹ Сазанов 1994, 418.

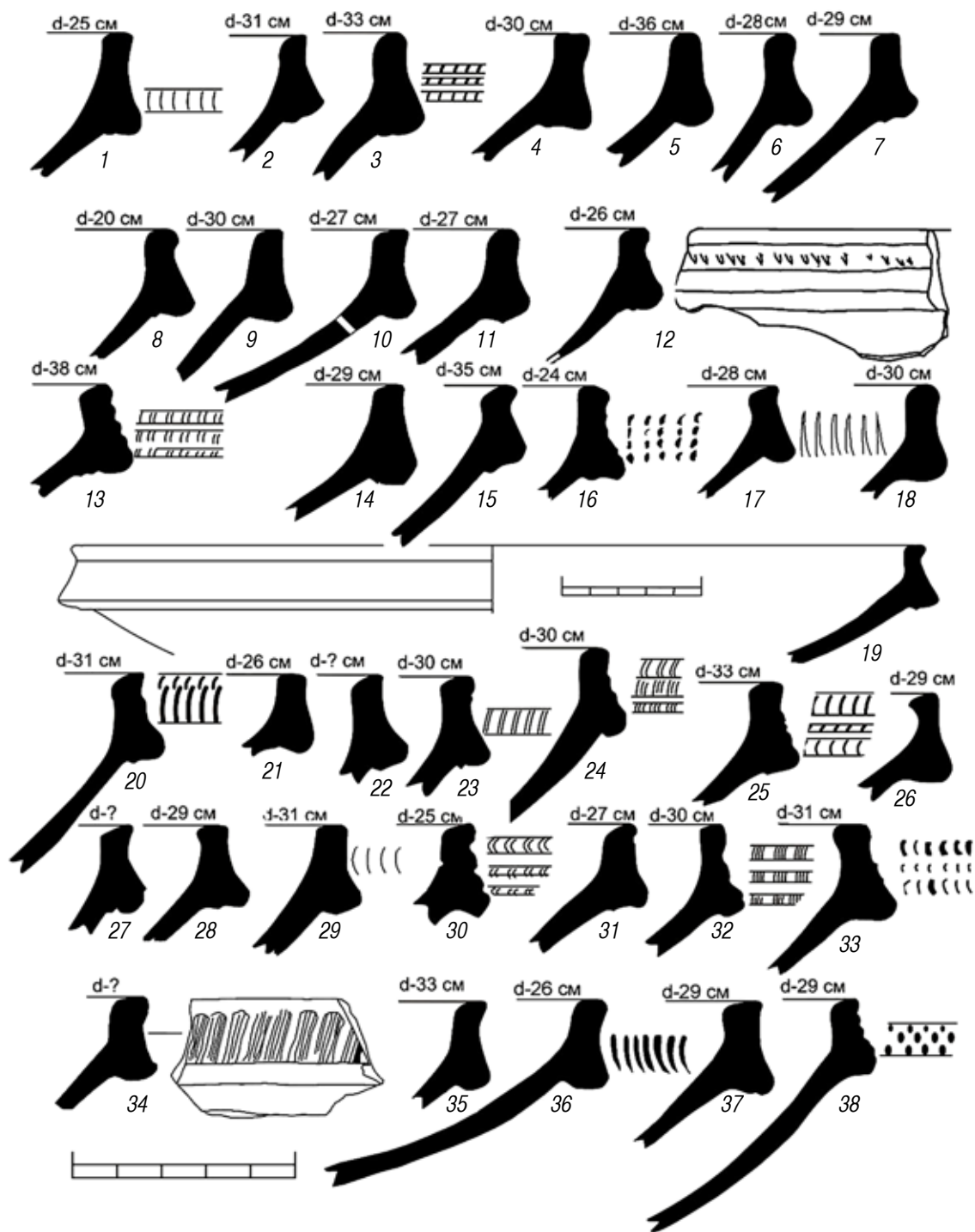

Рис. 16.
Посуда формы 3
группы «Фокейской краснолаковой»

тулова и венчика, а иногда и верхняя часть внутренней поверхности заглажены щеткой. Фрагменты двух аналогичных горшков были найдены в Херсонесе в нивелировочной засыпи 5 – начала 6 в.¹³⁰ Более многочисленные фрагменты выявлены в цистерне с засыпью 5 – первой половины 6 в. в квартале X–B Северного района Херсонеса (готовится публикация).

Сосуды с похожей обработкой поверхности известны по раскопкам на территории Северной Адриатики, в Словении, в зоне к юго-востоку от Альп и на востоке Северной Италии (район Венето, Фриули и особенно Аквилеи). Однако ближайšie аналогии происходят с территории Северной Албании, которая соответствует провинциям Превалис и частично Дардания, где они появляются в слое 4 в. и бытуют на протяжении 5–6 в.¹³¹

Подведем итоги. Материал, полученный при подводных исследованиях, не позволяет делать уверенные и обоснованные выводы. Тем не менее, кое-какие предположения все же можно высказать. Наиболее поздние типы керамики (посуда группы «Фокейской краснолаковой» формы 3F и G, круглодонные амфоры типа ХСб.-5, Зеест 99), хотя и бытуют на протяжении всего 6 и даже заходят в 7 в., появляются, согласно современным хронологическим схемам, в конце 5 – начале 6 в. Выбиваются из этого комплекса, который в целом можно датировать 5 – первой половиной 6 в., два фрагмента амфор критского происхождения (тип LRA14), которые появляются, по мнению большинства исследователей, в конце 6 в. или даже в начале 7 в. В то же время в нем отсутствуют поздние формы краснолаковой керамики. Пока этот диссонанс не находит объяснения. Можно только предположить, что либо в комплекс просто «не попали» поздние формы краснолаковой керамики (как не попали, например, фрагменты посуды группы «Африканской краснолаковой», редкие находки которой известны по раскопкам в городе), либо критские амфоры появляются раньше, чем принято думать. Возможно также, что эти амфоры не связаны с функционированием ряжа, как и единичные выявленные в районе мола фрагменты амфор причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками и кувшинчика с пальцевым вдавлением на ручке.

Значительная доля керамики конца 5 – первой половины 6 в. в комплексе, выявленном в районе т.н. мола, говорит в пользу его активного использования в середине – второй половине 5 в. Прекращение его функционирования, как и всего ряжа в целом, скорее всего, следует датировать приблизительно серединой 6 в. Скорее всего, к этому же времени относится слой пожара, в котором погибли здания, открытые на Береговом стратиграфическом раскопе в 1982–1985 гг.: состав керамических комплексов из раскопок мола и из слоя пожара (краснолаковая посуда группы «Фокейской краснолаковой» форм 3E и F, амфоры типа LRA1, круглодонные типа ХСб.-5 и проч.) во многом совпадают. Пожар на берегу, очевидно, был вызван боевыми действиями, т.к. в слое найдены камни от метательных машин, обстреливавших город со стороны залива.¹³² Возможно, разрушения связаны с событиями, о которых упоминает византийский историк 6 в. Прокопий Кесарийский:

¹³⁰ Голофаст 2007, 82–83, рис. 7. 4, 5.

¹³¹ Нохна 2008, 94, pls. I. 1–5; III. 1.

¹³² Атавин 1993, 170.

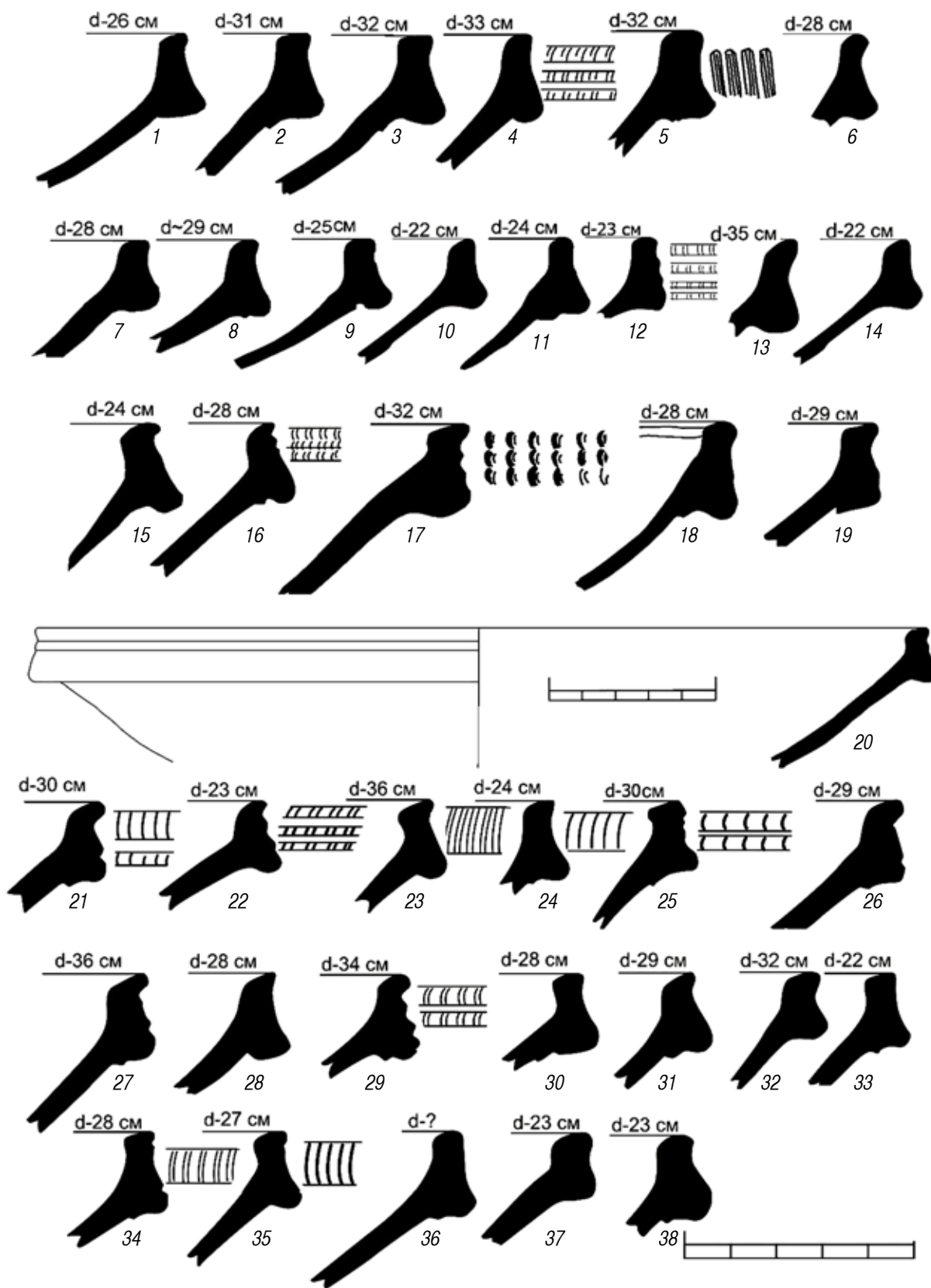

Рис. 17.
Посуда формы 3
группы «Фокейской краснолаковой»

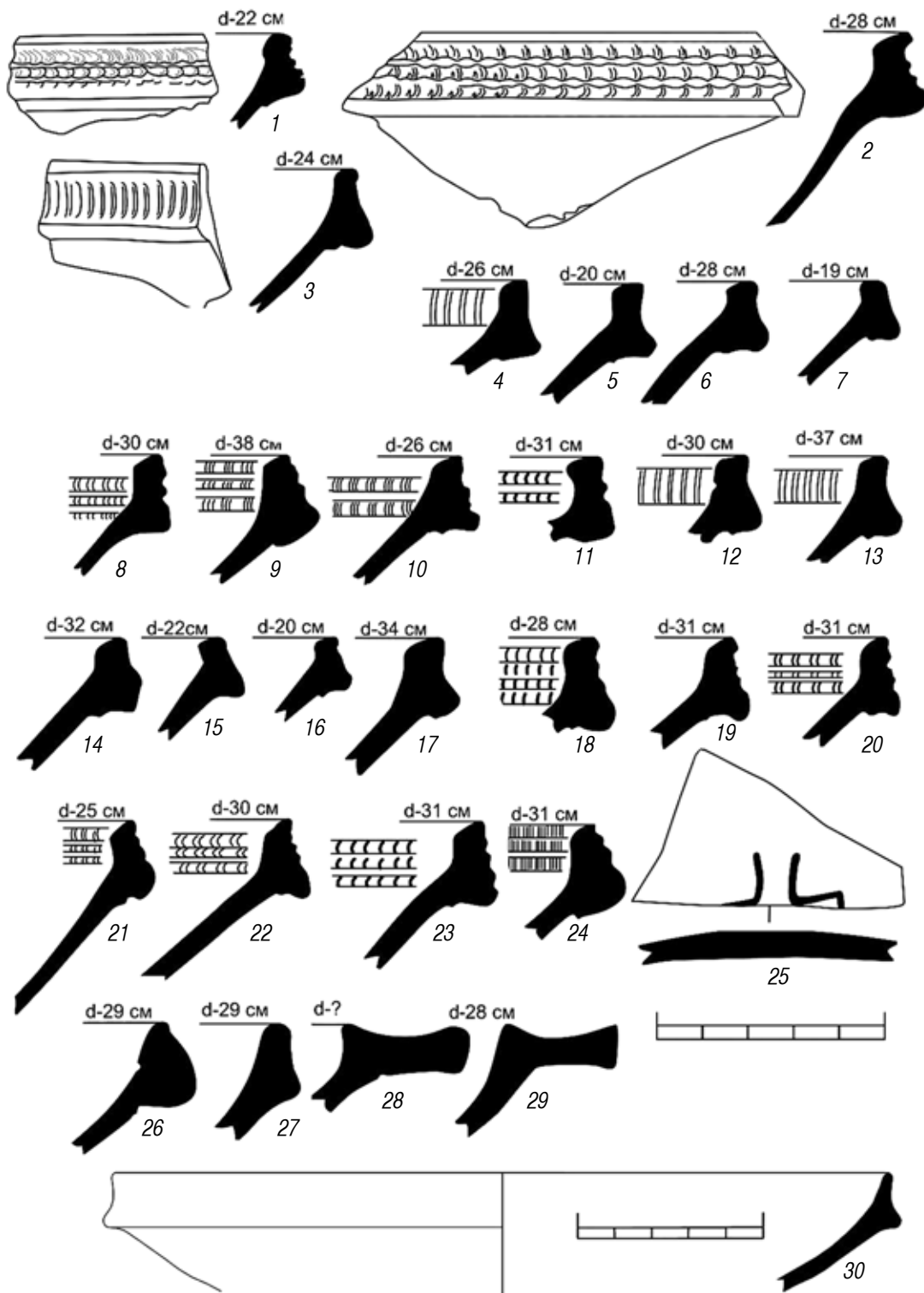

Рис. 18.
 1–24, 26, 27, 30 – посуда формы 3
 группы «Фокейской краснолаковой»;
 25 – миска группы «Фокейской
 краснолаковой» со штампом
 в виде креста;
 28–29 – миски формы 5
 группы «Фокейской краснолаковой»

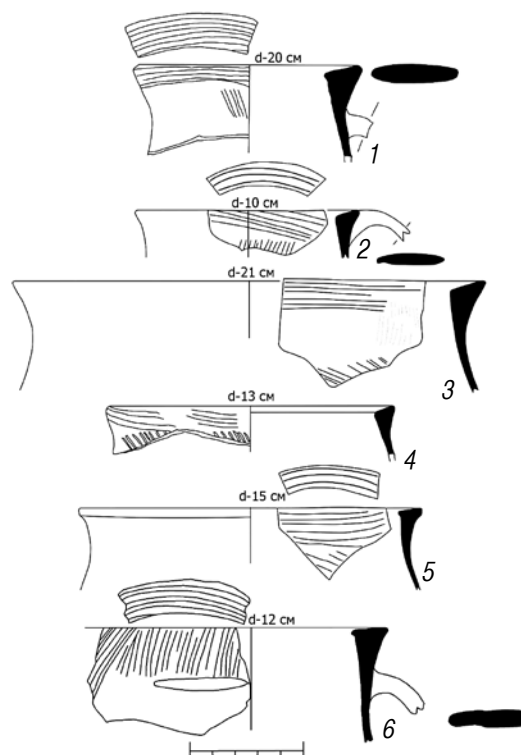

Рис. 19.
Сосуды с заглаженной щеткой
поверхностью

«Два других небольших городка, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» (Проспер. ВГ VIII. 5, 28–29).

Кварталы, открытые на Береговом стратиграфическом раскопе, больше не восстанавливались. Через какое-то время на их месте появляются постройки, возведенные в совершенно другой строительной технике (открыты каменные цоколи, сложенные в технике «елочка»), характерной для тюрко-болгарских и хазарских памятников второй половины 7–10 в.¹³³ Такая же судьба, по всей видимости, постигла и ряжевый комплекс, который, судя по представленному материалу, тоже не был восстановлен. Большое количество амфор т.н. причерноморского типа, которыми буквально усеяно дно Таманского залива в районе Фанагории и которые хронологически соответствуют застройке города т.н. хазарского времени¹³⁴, свидетельствует о том, что отсутствие причалов и небольшая глубина залива у берега заставляла перегружать товары со стоящих на рейде кораблей на лодки (лихтеры), которые доставляли груз на берег. В средневековое время такая практика была общепринятой во многих портовых городах, при которых не было глубоководных гаваней.¹³⁵

Комплекс составляет исключительно привозная керамика (амфоры, краснолаковая посуда, горшки), которая, скорее всего, сбрасывалась с проходящих в Фанагорию кораблей, избавлявшихся таким образом от испорченного в плаванье груза. Это позволяет определить направление торговых связей Фанагории в 4 – первой половине 6 в. Процентное

¹³³ Атавин 1993, 170.

¹³⁴ Кузнецов, Голофаст 2010; Голофаст, Ольховский 2013.

¹³⁵ Martin 2002, 237–238.

содержание каждого из представленных в извлеченном из моря комплексе типов едва ли можно признать надежным. Кроме того, следует учитывать, что частота разбиваемости сосудов разных типов была неодинакова, что не могло не повлиять на количество выявленных фрагментов. Тем не менее, статистика дает какое-то представление об объеме ввозимой из того или иного региона продукции.

Керамика 4–5 в. практически полностью представлена восточно- и южнопонтийскими типами (узкогорлые светлоглиняные с доминированием типа F, амфоры с перехватом, C Snr I–III, Зеест 72, понтийская краснолаковая керамика). Восточно-средиземноморская продукция представлена единичными фрагментами посуды ранних форм группы «Фокейской краснолаковой» и амфорами типа LR 3. В первой половине 6 в. резко возрастает доля продукции восточно-средиземноморских центров: краснолаковая посуда группы «Фокейской краснолаковой», амфоры типов LRA 1, 2, 3, 4, 8, хотя доля причерноморских товаров остается довольно высокой за счет ввоза круглодонных красноглиняных амфор предположительно восточно-причерноморского, возможно, колхидского производства. Буквально единичными находками представлена продукция североафриканских центров. Чрезвычайный интерес вызывают находки горшков, привезенных из района восточной Адриатики.

Разумеется, когда речь идет о ввозе амфор, подразумевается их содержимое. Подавляющее большинство представленных в комплексе амфор предназначались для транспортировки вина. Довольно редкие находки не только в Фанагории, но и в других центрах Северного Причерноморья амфор типа LR 2, в которых перевозили оливковое масло, объясняют тем, что местное население в первые века н.э. перешло с оливкового масла на животные жиры, которые использовались не только при приготовлении пищи, но и для освещения.¹³⁶

Необходимо также отметить, что в комплексе керамики, найденной в районе мола, представлен не весь спектр керамических и стеклянных изделий¹³⁷, привозимых в указанный период в Фанагорию: в нем отсутствуют некоторые формы, которые известны по раскопкам в городе. В то же время материал из подводных исследований значительно более разнообразен по составу. Таким образом, рассмотренный комплекс и находки в городе, дополняя друг друга, позволят составить максимально полное представление о товарах, поступавших в город в 5 – первой половине 6 в.

Однако ввоз в Фанагорию товаров, произведенных в различных средиземноморских центрах, на наш взгляд, не подразумевает наличие прямых связей с ними. Скорее всего, товары из основных средиземноморских центров в Фанагорию поступали либо через Боспор, где, по сообщению Иоанна Малалы (ок. 491—578 гг.), «происходила меновая торговля греков с гуннами» (Malala, 431), либо через главный форпост Византии в Северном Причерноморье, Херсонес, хотя, конечно, возможны и какие-то спорадические прямые контакты Фанагории с Константинополем. Но в любом случае и Херсонес, и Боспор, и Фанагория, и другие города Северного Причерноморья контактиро-

¹³⁶ Fedoseev, Domžalski, Opař, Kulikov 2010, 93.

¹³⁷ Стеклянным изделиям из раскопок рьяжа будет посвящена отдельная публикация.

вали не напрямую с непосредственными производителями поступавших сюда средиземноморских и североафриканских товаров, а с Константинополем, на рынок которого с конца 4 в. были ориентированы малоазийские мастерские и где концентрировались товары из разных регионов византийского мира.¹³⁸

¹³⁸ Hayes 1998, 542; Голофаст 2002, 177; Fedoseev, Domzalski, Orait, Kulikov 2010, 93.

¹³⁹ В настоящее время готовится полная публикация одного из таких комплексов (засыпь цистерны в квартале X-B Северного района Херсонеса).

Важно подчеркнуть, что состав находок, выявленных в районе мола, в значительной степени совпадает с составом комплексов того же времени из раскопок Херсонеса¹³⁹, Боспора и других северопричерноморских городов, что косвенно свидетельствует о вхождении Фанагории в сферу влияния Византийской империи при императоре Юстине I (518–527 гг.).

Таблица 1. Количество профильных частей различных типов керамики

Группы и типы керамики	Венчики	Ручки	Донья	Всего
<i>К северу от северной кладки</i>				
Узкогорлые светлоглиняные, тип F		3		3
Узкогорлые светлоглиняные, тип E	1	1		2
Зеест 100	15		1	16
LRA1		2		2
LRA2			2	2
LRA3			4	4
Зеест 99			1	1
С перехватом	3			3
Зеест 72			2	2
Orait B-1b-d	4	8	1	13
LRA 8	1		3	4
Keay LXIIQ	1			1
Неопределенные	1			1
Простая гончарная	1			1
Фокейская краснолаковая	27		5	32
Понтийская краснолаковая	13		10	23
<i>К западу от северной кладки</i>				
2–3 вв.н.э.		1	4	5
Узкогорлые светлоглиняные, тип D	1	2		3
Узкогорлые светлоглиняные, тип F	4	8	2	14
Фанагорийские 4–5 вв.		3		3
Зеест 100	4		1	5
LRA1	2			2
LRA3			1	1
Зеест 99			1	1
Зеест 72			1	1
Orait B-1d	1	5	2	8
Причерноморского типа	1	4		5
Неопределенные	1			1
Фокейская краснолаковая	16		7	23
Понтийская краснолаковая	6		3	9
Кубки конические	1			1
Простая гончарная	5	1		6

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ИЗ ПОДВОДНОГО ФУНДАМЕНТА

Посуда с заглаженной щеткой поверхностью	1			1
<i>К востоку от северной кладки</i>				
Узкогорлые светлоглиняные, тип F	5	20	4	29
Узкогорлые светлоглиняные, тип E		2		2
Зеест 100	4			4
LRA1	1	6		7
Зеест 99	1		1	2
LRA2	6		1	7
LRA4	1			1
LRA3	1	3	3	7
С перехватом	1		2	3
Зеест 72			1	1
Opait B-1d	6	1	3	10
Keay XIII	1			1
Южнопонтийские 6 в.	1			1
LRA8			1	1
LRA 14	1			
Кувшины с плоскими ручками 2-я пол. 9–11 вв.	1	1		2
Неопределенные	2			2
Простая гончарная	3			3
Кувшины с пальцевым вдавлением на ручке 7–10 вв.	1			1
Кухонная посуда	1			1
Посуда с заглаженной щеткой поверхностью	2			2
Фокейская краснолаковая	31		8	39
Понтийская краснолаковая	16		10	26
Конические кубки	1			1
<i>Расчистка СВ части мола (2011г.)</i>				
Узкогорлые светлоглиняные типа F	9	6	3	18
Узкогорлые светлоглиняные типа E	1	3		4
LRA2	1			1
Зеест 100	4	1	2	7
LRA1	1	6	1	8
LRA4	1			1
LRA3	1	1		2
LRA 14	1			
С перехватом	3			3
Неопределенные			1	1
Opait B-1d	4	3		7
LRA8			1	1
Южнопонтийские 6 в.	1			1
Причерноморского типа			1	1
Кувшины с плоскими ручками	1			1
Миски на высоком кольцевом поддоне	1			1
Посуда с заглаженной щеткой поверхностью	3			3
Фокейская краснолаковая	12		8	20
Понтийская краснолаковая	5		4	9
<i>К северу от ряжа 1 (2009 г.)</i>				
2–3 вв.	5	10		15
Узкогорлые светлоглиняные, тип D			1	1
Узкогорлые светлоглиняные, тип F	4	14	10	28
Узкогорлые светлоглиняные, тип E	1	2		3
Фанагорийские 3–4 вв.		1		1
Зеест 100	5		1	6
LRA1	1	1		2

LRA3	1	1	3	5
Opait B-1d	5	4		9
Keay LXIIQ	1			1
Неопределенные	2		1	3
Фокейская краснолаковая	4			4
Понтийская краснолаковая	12		4	16
Конические кубки	1			1
Простая гончарная	13	6	14	33
Кухонные сосуды	3			3
ИТОГО:	302	130	141	573

Таблица 2. Соотношение различных групп керамики из раскопок в районе мола

Типы амфор	Количество	%
<i>Амфоры</i>		
2–3 вв.	20	3,49
Узкогорлые светлоглиняные, тип D, последняя четверть 2–4 в.	4	0,69
Узкогорлые светлоглиняные, тип F	68	16,0
Узкогорлые светлоглиняные, тип E	9	1,91
C Snp I-III, 4–1-я половина 5 в.	38	6,63
Южнопонтийские 6 в.	2	0,35
C перехватом 3–5 в.	8	1,39
Зеест 72, 3 – 1-я половина 5 в.	4	0,69
Фанагорийские 3–4 вв.	4	0,69
Opait B-1d, конец 5-6 в.	47	8,2
LRA1, конец 5–6 в.	21	3,66
LRA2, 2-я половина 5–6 в.	10	1,74
LRA3, 1-я половина 5 в.	19	3,31
LRA4, середина 5–6 в.	2	0,35
LRA8, 2-я половина 5–6 в.	6	1,05
Зеест 99, 6–7 вв.	4	0,69
LRA 14, конец 6–7 в.	2	0,35
Неопределенные	8	1,4
Keay LXIIQ, 1-я четверть 5 в.	2	0,35
Keay XIII, 4–5 вв.	1	0,17
Причерноморского типа, 8–11 вв.	6	1,05
Кувшины с плоскими ручками, 2-я половина 9–11 в.	3	0,52
<i>Краснолаковая посуда</i>		
Фокейская краснолаковая, 2-я половина 5–6 в.	118	20,6
Понтийская краснолаковая, 4–5 вв.	83	14,48
Конические кубки	3	0,52
<i>Прочее</i>		
Понтийская позднеримская лощеная, 2-я четверть – конец 6 в.	1	0,17
Простая гончарная посуда	43	7,5
Кухонная посуда	4	0,69
Посуда с заглаженной щеткой поверхностью, 5–6 вв.	6	1,05
Кувшины с пальцевым вдавлением на ручке, посл. треть 6 – 1-я половина 11 в.	1	0,17
ИТОГО:	573	100

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология, *БС* 3, 4–135.
- Айбабин А.И. 1995. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году, *МАИЭТ* IV, 89–131.
- Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса, *Античная древность и средние века* 7, 81–101.
- Атавин А.Г. 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории, *БС* 2, 149–171.
- Балабанов И.П., Измайлов Я.А. 1988. Изменение уровненного и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет, *Водные ресурсы* 6. Москва, 54–62.
- Благоволин Н.С., Щеглов А.Н. 1968. Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму, *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 2. Москва, 49–58.
- Внуков С.Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли*. Москва.
- Внуков С.Ю. 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время, *РА* 4, 5–15.
- Голофаст Л.А. 1994. Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса, *МАИЭТ* IV, 215–224.
- Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса, *МАИЭТ* VIII, 96–260.
- Голофаст Л.А. 2002. Штампы на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища, *МАИЭТ* IX, 135–216.
- Голофаст Л.А. 2007. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время, *МАИЭТ* XIII, 68–128.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В. 2013. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани, *ПИФК* 2, 55–78.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2000. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X-B в северном районе Херсонеса, *ПИФК* IX, 78–117.
- Голофаст Л.А. Рыжов С.Г. 2011. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX), *МАИЭТ* XVII, 363–411.
- Голофаст Л.А. Рыжов С.Г. 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B), *МАИЭТ* XVIII, 49–161.
- Домжалский К. Журавлев Д.В. 2013. Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса, *РА* 2, 137–143.
- Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). Москва.
- Кропотов В.В. 1998. Світлоглинні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу, *Археологія* 4. Київ, 128–134.
- Кузманов Г. 1985. *Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.)* (Разкопки и проучвания XIII). София.
- Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 155–172.
- Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 227–243.
- Кузнецов В.Д., Колесников А.Б., Ольховский С.В. 2008. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг., *ДБ* 12/II, 370–412.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории, *ПИФК* 1, 393–429.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург.
- Сазанов А.В. 1994. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени, *МАИЭТ* IV, 406–433.
- Сазанов А.В. 1999. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины 4–5 вв., *ПИФК* VII, 224–293.
- Сазанов А.В. 2012. Азиатский Боспор в позднеримское время, in: *IZEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии культуре Древнего мира*. Москва, 120–181.

- Сазанов А.В. 2012а. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Böttger I.5) римского времени, *ДБ*, 16, 326–353.
- Смокотина А.В. 2008. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора, *МАИЭТ XIV*, 103–144.
- Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. 1984. Византийский храм в селе Дранда (Абхазия), *ВВ* 45, 192–206.
- Цецхладзе Г.Р. 1992. Производство амфорной тары в Колхиде, in: *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 90–109.
- Шаров О.В. 1999. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье, *Stratum plus 3. Скифский квадрат*. Кишинев, 189–206.
- Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология, *КСИА* 156, 16–21.
- Arsen'eva T., Domzalski K. 2002. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais, *Eurasia Antiqua* 8, 415–491.
- Arthur P. 1989. Aspects of Byzantine Economy: an Evaluation of Amphora Evidence from Italy, in: V. Déroche, J.-M. Spieser (eds.), *Recherches sur la céramique byzantine*. Paris, 79–93.
- Arthur P. 1998. Eastern Mediterranean Amphorae between 500 and 700: A View from Italy, in: *Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del convegno in onore di John W. Hayes*. Roma, 157–183.
- Aupert P. 1980. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. in: *Études argiennes* (BCH Supplementum 6). Athènes–Paris, 395–457.
- Autret C., Yagci R., Rauh N.K. 2010. An LRA 1 Amphora Kiln Site at Soli/Pompeopolis, *ANMED: News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas* 8, 203–207.
- Bezeczky T. 2005. Late Roman Amphorae from the Tetragonos-Agora in Ephesus, in: F. Krinzinger (ed.) *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus* (Archäologische Forschungen 13), 203–229.
- Bezeczky T. 2010. Trade Connections between Ephesus and Adriatic Regions, *Histria Antiqua* 19, 351–358.
- Bonifay M., Pieri D. 1995. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu, *JRA* 8, 94–120.
- Böttger B. 1982. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus, in: *Iatrus-Krivina. Bd. II. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973*. Berlin, 33–148.
- Domzalski K. 2000. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom, *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta* 36. Abingdon, 161–168.
- Domzalski K. 2011. Late Roman Pottery from Pompeiopolis, in: L. Summerer (ed.), *Pompeiopolis I. Eine Zwischenbilanz aus der Metropole Paphlagoniens nach fünf Kampagnen (2006–2010)* (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 21). Langenweißbach, 163–177.
- Fedoseev F., Domzalski K., Opař A., Kulikov A.V. 2010. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion–Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006, *Archeologia* LXI, 63–94.
- Hayes J.W. 1972. *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton.
- Hayes J.W. 1998. Pottery of the 6th and 7th centuries, *Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku* (Supplementum 87–89). Split, 541–550.
- Hoxha G. 2008. Céramique culinaire lissée à la brosse, provenant du territoire des provinces de Praevalis et de Dardanie, *Rei Cretariae Romanae* 40, 89–99.
- Isler H. P. 1961. Heraion von Samos: eine frühbyzantinische Zisterne, *AM* 84, 206–211.
- Karagiorgou O. 2001. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border?, in: S. Kingsley, M. Decker (eds.), *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*. Oxford, 129–166.
- Kassab Tezgör D. 2010. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C., in: D. Kassab Tezgör (ed.), *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope*. Paris, 121–140.

- Keay S.J. 1984. *Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean: a Typology and Economic Study: the Catalan Evidence. Part 1* (BAR Int. Series 196). Oxford.
- Khalvashi M. 2009. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus, in: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* (Varia Anatolica XXI). Paris, 33–34.
- Lomitashvili D., Colvin I. 2009. Late Roman – Early Byzantine Kilns and Production from Nokalakevi – Archaeopolis, in: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* (Varia Anatolica XXI). Paris, 35–38.
- Majcherek G. 1995. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered, in: H. Meyza, J. Młynarczyk (eds.), *Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean – Advances in Scientific Studies*. Warsaw, 163–177.
- Martin L.R. 2002. Horse and Cargo Handling on Medieval Mediterranean Ships, *The International Journal of Nautical Archaeology* 31, 237–247.
- Opaiț A. 1997/1998. North African and Spanish Amphorae in Scythia Minor, *Il Mar Nero* 3, 47–95.
- Opaiț A. 2004. *Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD)* (BAR Int. Series 1274). Oxford.
- Opaiț A. 2010. Pontic Wine in the Athenian Market, in: D. Papanikola-Bakirtzi, K. Kousoulakou (eds.), *Proceedings of the Symposium: Late Antique Ceramics from Greece (3rd–7th c.)*. Thessaloniki, 108–130.
- Panella C. 1986. Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore “egee” di età imperiale a Ostia, in: J.Y. Empereur, Y. Garlan (eds.), *Recherches sur les amphores grecques* (BCH Supplément 13). Athènes–Paris, 609–636.
- Peacock D.P.S. 1984. The Amphorae: Typology and Chronology, in: M.G. Fulford, D.P.S. Peacock (eds.), *The avenue du Président Habib Bourguiba, Salammbô: the Pottery and other Ceramic Objects from the Site* (Excavations at Carthage I/2). Sheffield.
- Pieri D. 1998. Les amphores des sondages 6–7, in: M. Bonifay, M.-B. Carre, Y. Rigoir (eds.), *Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier – VIIe siècles ap. J.-C.)* (Études massaliètes 5). Paris, 108–127.
- Pieri D. 2005. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth.
- Portale E.C., Romeo I. 2001. Contenitori da trasporto, in: A. Di Vita (ed.), *Gortina V, 3. Lo scavo del Pretorio (1989–1995). T. 1. I materiali* (Monografie della Scuola Archeologica Italiana di Atene e delle missioni italiane in Oriente XII). Padova, 260–410.
- Riley J.A. 1979. The Coarse Pottery from Berenice, in: J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice)* (Lybia Antiqua Supplement V, 2). Tripoli, 91–467.
- Riley J.A. 1981. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3, in: J.H. Humphrey (ed.), *Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan VI*. Ann Arbor, 86–124.
- Robinson H.S. 1959. *Pottery of the Roman Period. Chronology* (Agora V). Princeton.
- Sazanov A. 2000. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique, in M. Kazanski, V. Soupault (eds.), *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut moyen-âge*. Leiden–Boston–Köln, 123–149.
- Sodini J.-P., Villeneuve E. 1992. Le passage de la céramique byzantine à la céramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie, in: *La Syrie de Byzance à l'Islam (VIIe – VIIIe siècles)*. Damas, 195–218.
- Swan V. 2004. Dichin (Bulgaria) and the Supply of Amphorae to the Lower Danube in the Late Roman/Early Byzantine Period, in: J. Eiring, J. Lund (eds.), *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean*. Athens, 371–382.
- Swan V. 2007. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context, in: *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond* (Proceedings of the British Academy 141), 251–280.
- Swan V. 2009. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries, in: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* (Varia Anatolica XXI). Paris, 107–119.

Vnukov S.Yu. 2009. Problems of "Brown Clay" (Colchian) Amphora Studies. Typology, Chronology, Production Centers, Distribution, in: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* (Varia Anatolica XXI). Paris, 29–32.

Vroom J. 2004. Late Antique Pottery, Settlement and Trade in the East Mediterranean: a Preliminary Comparison of Ceramics from Limyra (Lycia) and Boeotia, in: W. Bowden, L. Lavan, C. Machado (eds.), *Recent Research on the Late Antique Countryside*. Leiden–Boston, 281–331.

Vroom J. 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht.

КОСТИ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ ИЗ РАСКОПОК «ВЕРХНЕГО ГОРОДА» ФАНАГОРИИ

Раскопки в центральной части верхнего плато городища Фанагории ведутся (с перерывами), начиная с середины 1970-х годов. К 1994 г. на площади около 300 м² были исследованы слои от средневековья и до времени основания города в середине 6 в. до н.э. В 1995 г. с целью продолжения исследований ранних напластований, была заложена новая площадь (900 м²) – *Центральный участок*. В течение 1995–2008 гг. на нем были вскрыты культурные отложения мощностью до 6 м. Верхний слой датируется 8–9 вв. н.э. На материке этого участка раскопа были открыты слои и строительные комплексы второй половины 6–4 в. до н.э. В 2006 г. к Центральному участку раскопа была сделана прирезка с запада площадью 550 м² (*Западный участок*), а в 2007 г. – площадь с северо-востока, первоначально 300 м², в 2008 г. она была расширена до 400 м². В 2010 г. к раскопу была добавлена новая площадь к северу от Центрального участка (350 м²); в следующем году Северный участок был увеличен к северу еще на 375 м². Общая площадь, исследуемая современными раскопками достигла к 2011 году 2885 м². Из них на сегодняшний день до материка доведено около 1275 м².

Таким образом, получены вполне репрезентативные стратиграфические данные по истории центральной части Фанагории, позволяющие делать некоторые обобщающие для данного района города выводы. Необходимо подчеркнуть, что на формирование слоев и сохранность строительных остатков на раскопе «Верхний город» существенным образом повлияла топография местности.¹ Исследуемый район располагается вплотную к крутому склону верхней террасы к северу (С–СЗ), в сторону нижней террасы и Таманского залива. Это обстоятельство обусловило катастрофические для культурных отложений последствия при перепланировочных работах: всякий раз, когда участок подготавливался к новой застройке, происходило значительное по объему (иногда «тотальное») перемещение грунта нижележащих слоев в сторону склона.² Именно с этим, в первую очередь, связано не только состояние, но, порой, и отсутствие слоев и архитектурных остатков того или иного периода в историческом центре города. Так, например, до сих пор практически не были зафиксированы остатки построек раннего эллинистического времени, даже находки 3–2 вв. до н.э. весьма немногочисленны, если не сказать – единичны. Почти то же самое можно сообщить и о слое второй половины 5 в. до н.э., хотя в этом случае имеются нюансы.³

Однако очевидно, что характер и состояние слоев зависят не только от перепланировок, в большинстве случаев, связанных с разрушениями предшествующих построек.⁴ С уверенностью можно говорить о том,

¹ Если не говорить об их сильной порче в результате деятельности археологов 19-го столетия.

² Подробно об этом см. Кузнецов 2011, 117 слл.

³ Об этом см. Завойкин, Кузнецов 2013, 165–169.

что изменение функциональной нагрузки тоже весьма заметно отражается на стратиграфической ситуации, но совершенно иначе, чем при перепланировках.⁵ В нашем случае эта ситуация ярко иллюстрируется слоями, сформировавшимися на месте прежнего общественного центра (одного из центров) Фанагории после пожара и разрушения постройки «дворцового типа», предположительно – резиденции Митридата VI.⁶ Никаких сооружений, общественного или частного характера, второй половины 1 в. до н.э. – 3–4 (?) вв. н.э. здесь не было обнаружено⁷, если не считать того, что вплоть до 4 – 5/первой половины 6 (?) вв. н.э. здесь продолжалось использование и периодическое подновление (мощение) некоторых традиционных элементов городской планировки – уличных дорог. Слой данного периода в основном представлен заполнением мусорных ям. Можно предположить, что он был в более позднее время уничтожен при перепланировках (однако не удастся связать это допущение с какими-либо конкретными объектами). В районе северного борта Западного и западной части Северного участка в 3/4–5 вв. н.э. формируется мощный локальный слой мусорных отложений (обилие в грунте битой керамики, золы, угольков, пещины, обломков костей животных и т.п.), повсеместно пробитых ямами с аналогичным по характеру заполнением. Этот «зольник» непосредственно перекрывает слой разрушения построек 5 в. до н.э., в то время как на остальной площади раскопа таких отложений нет.⁸ В какой-то период (в интервале между 3 и 4/5 вв. н.э.) здесь функционирует довольно большое винодельческое хозяйство (или, возможно, несколько хозяйств). Были исследованы сами винодельни (давяльные площадки и цистерны), а также ряд, очевидно, связанных с ними пифосов и яма, которая использовалась для сброса виноградного жмыха. Новые постройки фиксируются только уже в средневековый период.⁹

Этот обзорный стратиграфический очерк необходим был нам для того, чтобы подступиться к основной теме нашей статьи. Итак, стратиграфическая картина будет неполной, если не принять во внимание наличие многочисленных и нередко очень больших по объему ям. Всякому, кому довелось работать на поселениях Таманского п-ова хорошо известно, что эти объекты требуют весьма значительных усилий при исследовании культурного слоя. Нередко они являются единственными сооружениями, с которыми приходится иметь дело археологу. Там же, где они представлены наряду с наземными постройками и сооружениями, – приходится постоянно сетовать на их разрушительную роль. За вычетом объема их содержимого, масса незатронутого ими культурного слоя на «Верхнем городе» Фанагории составляет, при самых приблизительных прикидках, едва ли многим более 50%. Во всяком случае, самые ранние слои (поскольку в большинстве своем ямы сильно расширяются книзу). Мы не ставили здесь себе задачи дать точный расчет ям на единицу площади раскопа или предложить их классификацию, поскольку наша цель предметно более узка – проанализировать костные остатки из ям и других объектов разных периодов. Однако некоторые замечания относительно ям для понимания особенностей этого

⁴ В настоящее время выделяется несколько таких разрушений (с пожарами), имевших следствием «скачкообразный» рост культурного слоя на всей площади или локально: 1) ок. рубежа 6 и 5 вв. до н.э.; 2) во второй четверти 5 в. до н.э.; 3) в середине 4 в. до н.э.; 4) ок. 63 г. до н.э. Финальные для этого района города постройки 8–9 вв. н.э. разрушаются естественным образом, без следов катастрофы, после того как были оставлены их жителями (Кузнецов, Голофаст 2010, 418, 421). Подробно об этом см. Кузнецов 2011, 117 слл.

⁵ В ходе которых, кстати сказать, по крайней мере с 4 в. до н.э., активно извлекался пригодный строительный камень, дефицитный на Таманском п-ове, для последующего его использования.

⁶ Об этом см.: Абрамзон, Кузнецов 2008, 184–194; 2010, 59–85; 2011, 64–94.

⁷ Исключая кладку 432, датируемую тоже 1 в. до н.э.

⁸ Например, под южным бортом раскопа слой разрушения домов, погибших во второй четверти 5 в. до н.э. непосредственно перекрыт пожарищем митридатовского дворца.

⁹ Кузнецов, Голофаст 2010, 393 и слл.

специфического источника сделать необходимо, поскольку остеологический материал именно из этих объектов составляет значительную, если не сказать – определяющую, часть общего массива (по крайней мере для слоев римского и средневекового периодов).

1. Все ямы представляют собой заглубленные относительно дневной поверхности сооружения различного хозяйственного назначения. Первоначально это емкости для хранения/вмещения чего-либо (неважно, амфор с вином или пустых, зерна ли, пищевых отходов в том или ином виде и т.д.). В конечном итоге все они засыпаются бытовым мусором и/или сопутствующим грунтом разного рода (в некоторых случаях, перед последующим строительством – специально забутовываются камнем, керамикой и проч., суть от этого не меняется). Иначе говоря, в заполнении ямы присутствуют вещи, связанные с ее первоначальным, функциональным использованием и связанные с грунтом (слоем) ее засыпки. Едва ли можно думать, что яма могла эксплуатироваться длительное время. Однако в ее заполнении могут быть представлены предметы значительного хронологического диапазона. Лишь наиболее поздние находки приближают нас ко времени эксплуатации и засыпки ямы.

В подавляющем большинстве случаев в Фанагории ямы имели «колоколовидную» или «грушевидную» форму: устье существенно уже дна, иногда в несколько раз. Цилиндрические ямы гораздо более редки, как и котлованы подпрямоугольных в плане форм.¹⁰ Это обстоятельство имело важное для нашей темы последствие. Пока яма оставалась незаполненной, могло происходить (и происходило) обрушение ее нависающих бортов, вырезанных в более ранних слоях. В том числе значительные обрушения в яму происходили с уровня материка, который в этой части городища представлен песком (лессовидными супесями), легко разрушаемым во влажном состоянии и очень плотным в сухом виде. Этим и объясняется, что, например, в яме византийской эпохи (как правило, они особенно глубоки и объемны) в заметном количестве встречаются находки из архаического или классического слоев.

Поскольку речь идет об античном городе, более того, о его общественном центре (в 6/5 – первой половине 1 вв. до н.э.), предполагающем высокий уровень муниципального благоустройства, регламентацию в вопросах коммунального характера, вряд ли можно предположить, что на этой территории было допустимо рытье ям, где и кому вздумается. Конечно, нет. Следовательно, ямы сами по себе (их наличие – отсутствие) маркируют особое хозяйственно-правовое состояние исследуемого участка (о чем мы уже вскользь говорили) либо какие-то особые моменты в его истории, когда (временно) возникала необходимость (общественная) использовать ямы в тех или иных целях. В последнем случае ямы могут рассматриваться в качестве указателя временной «дестабилизации» городского хозяйства, хотя бы и локальной. Мы, разумеется, не допускаем мысли, что общественная территория могла на время переходить в частные руки и использоваться по усмотрению «нового владельца» под его хозяйственные нужды. Сказанное, естественно, не относится уже к эпохе средневековья.

¹⁰ О них см.: Завойкин, Кузнецов 2013, 164–167.

Какие практические выводы можно сделать из всего сказанного? В первую очередь, что недатируемые сами по себе находки костей из ям, закрытие которых датировано по поздней керамике, не могут однозначно быть отнесены к тому же времени в полном объеме. Их состав в хронологическом отношении может быть весьма широким. По существу, позволительно говорить только о *terminus ante quem* для этих комплексов находок. Ситуацию в известной мере спасает то, что сказанное выше о ямах в первую очередь относится к ямам поздним (римского времени и позднее). Ранние же ямы, впущенные в глинистые слои (рушенный сырец нижележащих домов), не столь глубокие и с меньшей разницей диаметров устья и дна, были значительно менее подвержены обрушениям. Следовательно, имеется шанс хотя бы на статистическом уровне определить различия по составу разновременных комплексов. Более того, исходим из того, что количественное соотношение находок времени функционирования и засыпки слоем, лежащим выше устья углубленных объектов и находок из слоя обрушения бортов ям практически всегда будет в пользу первых.¹¹ Очевидно, что в таком случае нет необходимости пытаться проводить сравнительный анализ, исходя из узких датировок комплексов. Более оправданно сопоставлять материал, сгруппированный в достаточно широких хронологических границах:

- 1) вторая половина 6 – первая половина 5 вв. до н.э.;
- 2) вторая половина 5 – 4 вв. до н.э.¹²;
- 3) 3–1 вв. до н.э.;
- 4) 1–3/4 вв. н.э.;
- 5) 4–6 вв. н.э.;
- 6) 7–9 вв. н.э.

С учетом того, что датировки ям в полевых отчетах основаны на датах разных категорий и групп материалов, как узко, так и широко датированных, в ряде случаев хронологические границы выделенных периодов перекрываются «внахлест». Прежде всего (и почти исключительно), это касается комплексов 4–6 периодов. Связано это с тем, что слой византийского времени на раскопе представлен исключительно в заполнении хозяйственных ям. Помимо ям в нашей коллекции представлены костные остатки из других датированных объектов, непосредственно относящихся к тому или иному слою (например, из вымосток, связанных со слоем функционирования и гибели построек и т.п.)¹³. Мы сочли возможным эти данные также учесть в общей статистике.

Очевидно, что на количественном распределении материалов (разумеется, с учетом длительности выделяемых периодов) отражается как сохранность того или иного слоя, так и характер деятельности на данной территории в соответствующий период. Не может быть сомнений в том, что, например, в период нормального функционирования городского хозяйства в общественном центре города накапливалось костных остатков существенно меньше, чем в тот период, когда (по тем или иным причинам) характер использования этой территории менялся. Распределение находок костных остатков на раскопе «Верхний город» (из датированных комплексов) представлено на рис. 1.

¹¹ В то же время следует помнить о том, что в реальности мы будем сопоставлять комплексы находок не 2–3 вв. н.э. и 4 в. до н.э., а (е.g) 5 в. до н.э. – 2 в. н.э. и 4–6 вв. до н.э.

¹² Материалы первых двух периодов группируются исходя их стратиграфии вполне определенно.

¹³ По своей сути комплексы находок из прямоугольных котлованов, заглубленных относительно дневной поверхности, а также из пифосов (обычно – нижней их части) принципиально не отличаются от комплексов заполнения ям (конечно, с некоторыми оговорками).

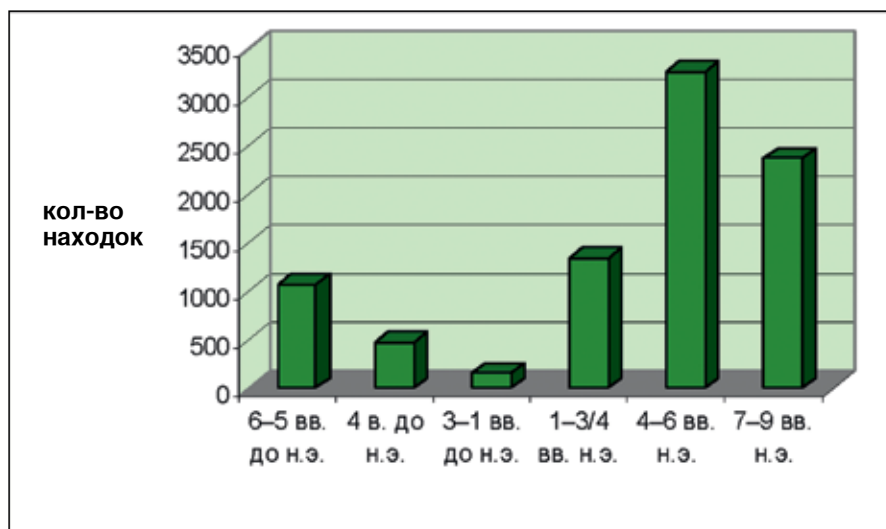

Рис. 1.
Распределение количества костных фрагментов по временным интервалам

Представленный на рисунке график иллюстрирует неравномерность распределения находок, при этом довольно определенно первые три периода отличаются количественными показателями от последних трех, что находит определенное соответствие стратиграфической ситуации, описанной выше.¹⁴ Сейчас нам не хотелось бы интерпретировать выявленную ситуацию более обстоятельно ввиду ее сложности. Но, примера ради, чуть подробнее рассмотрим распределение остеологических находок в комплексах второй половины 6 в. до н.э. (см. рис. 2).

На первый взгляд может показаться, что последовательное сокращение количества костей животных в культурном слое от второй половины 6 в. до н.э. до 3-1 вв. до н.э. отражает два процесса: формирование на данной территории общественного центра и рост городского благоустройства, когда разного рода отходы жизнедеятельности (в том числе пищевые) удалялись за пределы этого района

¹⁴ Не следует забывать о том, что не вся площадь раскопа доведена до материка. Следовательно, данные в левой части графика (периоды 1-3) не столь репрезентативны, как в правой (периоды 4-6). Лишь в определенной степени этот «перекос» уравнивается тем, что остеологические материалы верхних слоев на Центральном участке (900 м²) не подвергались исследованию и в нашу статистику не вошли.

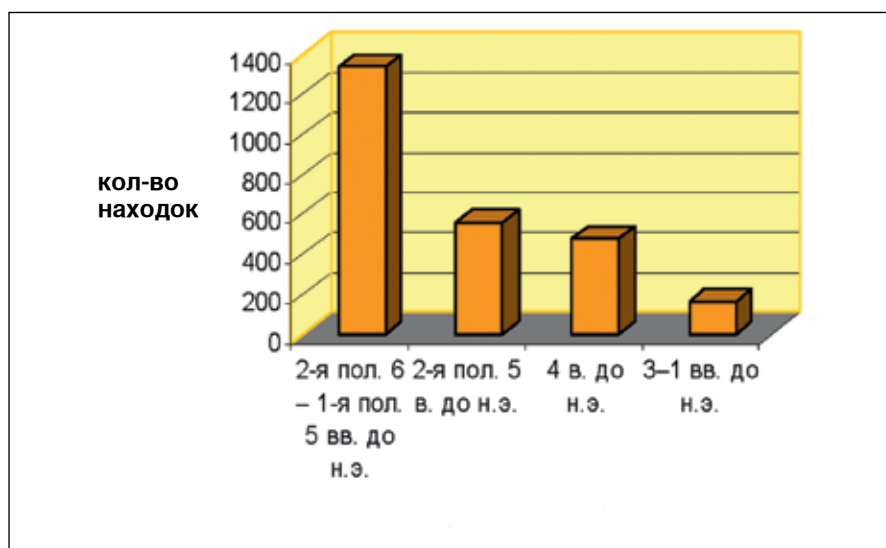

Рис. 2.
Распределение количества костных фрагментов во второй половине 6 - 1 вв. до н.э.

или городской территории вообще. В этом соображении, безусловно, имеется здравый смысл. Однако, как мы уже говорили, слои второй половины 5 в., а также 3 – конца 2 на раскопе практически не представлены. Остатки данного времени имеются только в пяти ямах/котлованах первого из названных временного интервала, а также в двух ямах и вымостке второго. Соответственно, можно полагать, что данное обстоятельство повлияло на статистику интересующих нас находок. Далее, если комментировать высокую плотность находок костей, относящихся к первому веку истории города, необходимо отметить, что подавляющая часть их относится к объектам (ямам и котлованам), датированным первой половиной 5 в. до н.э. (или концом 6 – первой половиной 5 в. до н.э.). Иначе говоря, следует думать, что в эти полвека (для которого особенно характерны заглубленные объекты) «плотность» находок костей была значительно выше, чем рассчитанная за целый век.

Таким образом, картина распределения костей в культурном слое лишь в общем виде отражает особенности истории исследованной раскопками территории и весьма сложна для интерпретации. Другое дело – показатели процентного соотношения (доли) костей животных разных видов. Значительный объем нашей выборки (22614 экз.) практически гарантирует ее репрезентативность во все периоды. На рис. 3 представлена диаграмма (построенная на основе данных табл. 1), показывающая количественное соотношение костных остатков животных по периодам.

Таблица 1. Доли костей различных животных по периодам (% от обнаруженных остеологических фрагментов)

Животные	века до н. э.			века н. э.		
	6–5	4	3–1	1–3/4	4–6	7–9
КРС	12,3	17,4	20,5	14,9	17,7	17,3
МРС	35,1	28,9	17,2	13,3	14,9	15,6
Свинья	12,0	13,8	10,8	8,7	9,7	9,8
Лошадь	2,5	4,8	5,0	4,8	7,3	5,2
Собака	1,7	0,5	0,6	5,2	1,1	1,1
Птица	0,4	0,5	0,2	1,5	0,5	1,0
Другие животные	1,7	1,6	0,3	2,0	1,6	3,4
Охотничьи виды	2,4	2,1	0,5	3,9	2,2	4,4
Неопределимые	31,9	32,0	44,9	45,7	45,0	42,2

Представленный график демонстрирует изменения процентной доли разных видов зверей и птиц в культурном слое Фанагории на протяжении второй половины 6 в. до н.э. – 9 в. н.э. Учитывая тот факт, что процентное соотношение выделяемых видов практически не зависит от количественного соотношения находок, датированных разными периодами, представленная здесь картина довольно точно отражает структуру и динамику потребления мясной пищи и другого использования животных на протяжении полутора тысяч лет.

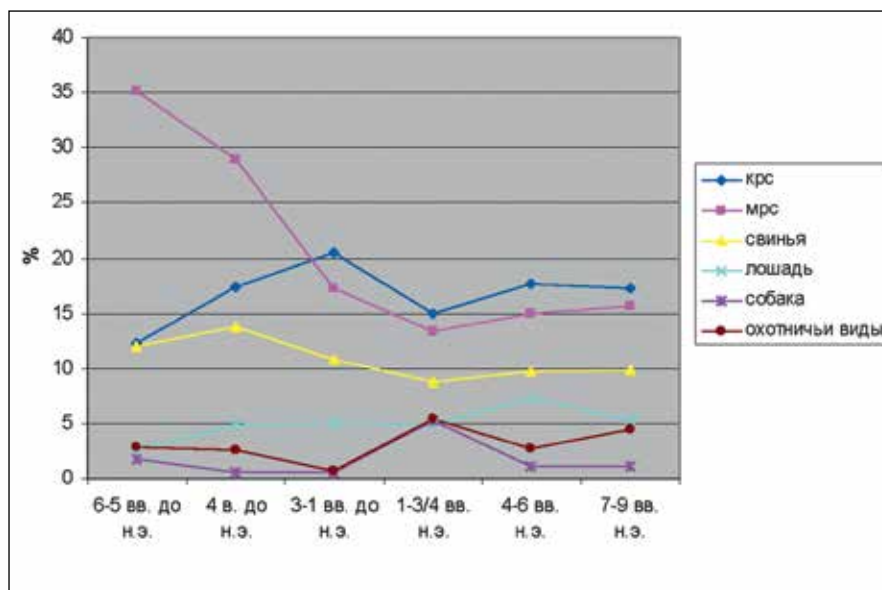

Рис. 3.
Изменение процентной доли костных остатков различных животных в 6 в. до н.э. – 9 в. н.э.

Прежде всего, обращает на себя внимание существенное преобладание процентной доли мелкого рогатого скота в течение двух ранних периодов. Эта картина вполне объяснима. Первое время после переселения и становления хозяйства колонистов на Таманском полуострове было сложно содержать большое стадо крупного рогатого скота, поскольку этот вид скотины требует более значительных затрат по содержанию, чем мелкий рогатый скот. На новой территории и в новых для переселенцев климатических условиях гораздо выгоднее было содержать неприхотливое стадо, состоящее в основном из мелкого рогатого скота. Численность стада коз и овец зависит от целей разводимого стада, так как эти животные обладают коротким циклом воспроизводства и низкой плодовитостью. В нашем случае, видимо, возможно говорить о полном использовании этого скота: жители Фанагории употребляли и мясо, и молоко, и шерсть. Только к эпохе эллинизма этот показатель, постепенно снижаясь, выравнивается (на уровне 20%) с показателем крупного рогатого скота, численность которого, напротив, в этом интервале возрастает. На третьем месте в это время показатель доли свиней. С 6 по 4 вв. до н.э. он тоже растет (хотя и не так интенсивно, как КРС), также как и процентная доля лошади (четвертая позиция). Разумеется, мы говорим не о росте поголовья, а об изменении структуры стада. Поэтому можно лишь сказать, что рост доли крупного рогатого скота, свиньи и лошади сопряжены со снижением доли мелкого рогатого скота. Объяснений этому факту может быть несколько.

В целом с 6 в. по 1 в. до н.э. картина мясного потребления меняется в результате становления и развития разных отраслей сельского хозяйства и, вероятно, вследствие изменений в структуре общества. Преобладание в стаде в древнейший период мелкого рогатого скота над крупным и последующий рост доли последнего, по всей видимости, говорит о том, что на протяжении 4 (если только этот процесс не начался раньше) и 3–1 вв. до н.э. наступают благоприятные для жителей

Фанагории времена. Собственно говоря, говядина – мясо богатых, а свинина – мясо бедных жителей. Как видно из графика, при возрастании доли костей КРС доля костей свиньи уменьшается, что, вероятно, свидетельствует в пользу роста численности обеспеченных жителей. Этот процесс длится, условно говоря, до 1 в. до н.э.¹⁵ Возрастание доли состоятельного населения в городе (увеличение доли костей КРС) может быть поставлено в прямую взаимосвязь с особенностями экономического развития данного региона в целом. В экономике Боспора, по крайней мере, в 5 – начале 3 вв. до н.э. производство и экспорт зернового хлеба занимали ведущее место. Совершенно очевидно, что Фанагория, расположенная в наиболее плодородной восточной (азиатской) части государства Спартокидов, его житнице, и, видимо, игравшая роль первостепенного по своей значимости центра данного региона, несомненно, должна была обладать и собственными значительными пахотными угодьями. А вспашка земли проводилась силами быков. В этом контексте понятно и увеличение поголовья КРС, постепенно ставшего важнейшим объектом скотоводства. Высокая доля (38%) скотины зрелого и старого возраста говорит о том, что скот использовался как тягловый, а также и как производитель навоза (основного вида удобрения).

Как уже было отмечено, для крупного рогатого скота характерен длительный цикл воспроизводства и низкая плодовитость. По нашим данным, доля забитых на мясо коров и быков репродуктивного возраста (от 2 до 6 лет) не превышает 40%. Это типично для мясной и/или мясомолочной эксплуатации вида с устойчивым воспроизводством его в стаде, т.е. отражает особенности местного скотоводства. А если вспомнить, что и процент костей с патологическими изменениями (часть которых являются генетическими) довольно высок, то можно смело констатировать разведение крупного рогатого скота на месте.

Материалы раскопок Фанагории позволяют отметить еще одну интересную черту исторического процесса. Обращает на себя внимание постепенное увеличение доли лошади в 4 в. до н.э. по сравнению с предшествующим временем. Теоретически можно допустить, что это связано не только с процессом становления «нормальной» жизни большого и богатого города, но и с вселением в Фанагорию выходцев из местных, не греческих этносов, которые употребляли в пищу конину (о чем говорят следы разделки туш). На протяжении позднего классического и эллинистического периодов происходит стабилизация доли лошади в костных остатках на достигнутом уровне. Видимо, вселявшееся местное население под влиянием греческой традиции утрачивало привычные обычаи в потреблении мясной пищи. Правда, не следует сбрасывать со счетов и другую вероятность интерпретации полученной картины. Она в полной мере может отражать увеличение роли всадничества в составе войска.¹⁶ В принципе, оба этих процесса могли протекать параллельно.

Свинья – самый неприхотливый вид, разводимый только на мясо. Этот вид требует минимального ухода со стороны человека и практически в условиях Таманского полуострова может жить на подножном корме круглогодично.

¹⁵ Еще раз акцентируем внимание на том, что нижняя хронологическая граница вынужденно широка: 3–1 вв. до н.э. Т.е. «расцвет» хозяйства в принципе мог прекратиться в любой момент этого отрезка времени, но отследить это по имеющимся материалам нет возможности.

¹⁶ Разумеется, здесь не место для рассуждений о структуре и принципах формирования войска на Боспоре при Спартокидах. Поэтому мы сознательно избегаем употребления термина «ополчение» фанагорийцев.

Примерно на рубеже новой эры происходят какие-то события, которые приводят к спаду уровня скотоводства, всех основных мясных групп животных (КРС, МРС, свинья). В то же время доля же костей собаки и диких животных (как зверей, так и птиц) возрастает. Из этого допустимо сделать вывод, что недостаток мяса отчасти восполняется при помощи охоты. Затем, уже на исходе античности, начинается постепенное возрастание доли всех мясных групп скота и уменьшение практически до изначального уровня доли костей собаки и охотничьих видов. При этом доля лошади, которая после первоначального роста оставалась примерно на одном уровне на протяжении 4 в. до н.э. – первых веков н.э., возрастает, достигая максимума в 4–6 вв. н.э. Лошадь, как и крупный рогатый скот, обладает низкой плодовитостью и длительным циклом воспроизводства. По нашим материалам, на долю самого репродуктивного возраста приходится почти 60% костей лошади. Это свидетельствует о том, что данный вид подвергался интенсивной эксплуатации и имел неустойчивое воспроизводство, что может означать только одно: существовал постоянный приток особей этого вида извне.¹⁷

Итак, в первые века н.э. доля всех показателей уменьшается, что говорит о снижении интенсивности скотоводства. И это согласуется с тем, что именно на этот период приходятся пики в доле собаки, диких зверей и птицы. Процент костей собаки по сравнению с другими периодами вырастает в разы, достигая 5,21% (на 0,44% превышая долю костей лошади, и всего на 3,4% уступая свинье!). При спаде интенсивности скотоводства всегда происходит возврат к охоте на диких зверей и птиц. На рисунке 3 можно видеть, что суммарно доля диких зверей и птиц возрастает довольно значительно. Таким образом, рост доли костей собаки и диких животных косвенно подтверждают более интенсивную охоту в этот период, что согласуется с динамикой соотношения между домашними и дикими животными.

Поскольку невозможно говорить о том, что мясо собаки использовалось греками в пищу, объяснение выявленному феномену следует искать в иной сфере. Можно, например, порассуждать о том, что рост численности собак связан с какой-то особой распространенностью в это время религиозных культов, сопровождавшихся жертвоприношениями собак.¹⁸ Не исключено, однако, что причина была в другом. Если действительно в 3/4–5 вв. н.э. рассматриваемая территория пришла в запустение, и здесь располагались мусорные ямы, то в них могли сбрасывать трупы собак.¹⁹

Таким образом, на протяжении всего рассмотренного периода времени уклад сельского хозяйства Фанагории строится по «греческому типу» – развитое земледелие и развитое скотоводство. Первое место по значимости в скотоводстве, безусловно, принадлежит крупному рогатому скоту (хотя на раннем этапе освоения греками Черноморского побережья основу стада составлял мелкий рогатый скот). Это и главная тягловая сила того времени, и поставщик мяса и молока, и производитель единственного на тот момент органического удобрения. Мелкий рогатый скот занимает второе место – этих животных легче

¹⁷ Добровольская 2013, 201.

¹⁸ Например, см.: Ленская 2013, 325–326 (об очистительных жертвах, с указанием источников); Молева 2002, 107–123; Молева, Хршановский 1999, 79–80; Шауб 2007, 104–108 (с литературой).

¹⁹ Впрочем, лишь в редких случаях были зафиксированы скелеты этих домашних животных в анатомическом порядке: найдены три почти полных скелета щенков (в данной работе не учитывались), их скелеты не имели следов насильственного воздействия.

содержать, экономически содержание мелкого рогатого скота значительно выгоднее, но продукция, получаемая от этих животных, не покрывает всех необходимых человеку запросов. Две другие группы скота – свиньи и лошади, – видимо, целиком зависят от ландшафтных и экономических возможностей. Фанагория, крупный городской центр, располагала возможностью содержать небольшое, постоянно пополняемое извне, лошадиное поголовье. Охота была необходима, видимо, только на первых этапах расселения греческого населения, позже она носила развлекательный характер. На первых местах по частоте обнаружения костных фрагментов находятся пушные звери, и лишь затем следуют животные, мясо которых употреблялось в пищу.

Выявленные при изучении остеологических материалов из археологических раскопок Фанагории факты, характеризующие изменения в соотношении между дикими и домашними животными, а также между отдельными видами домашних животных на протяжении веков, в целом детерминируются двумя процессами: эволюцией сельского хозяйства в направлении возрастания роли зерновых культур или, напротив, падения их значимости, а также изменением состава населения (в том числе, возможно, этнического) греческих городов и поселений Северного Причерноморья. Следовательно, рассмотренные материалы представляют собой ценный исторический источник, раскрывающий важную информацию по экономической и социальной истории населения Фанагории, практически не отраженную в источниках других категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2008. Два клада медных боспорских монет I в. до н.э. из Фанагории, *ВДИ* 4, 184–194.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2010. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. (Новые нумизматические материалы), *ВДИ* 1, 59–85.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2011. Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н.э., *ВДИ* 2, 64–94.
- Добровольская Е.В. 2013. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 192–206.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 162–169.
- Кузнецов В.Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории, in: *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований* (Методика полевых археологических исследований 4). Москва, 117–130.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории, *ПИФК* 1, 393–429.
- Ленская В.С. 2013. Жрец и жертвоприношение в древней Греции, *ПИФК* 2, 315–331.
- Молева Н.В. 2002. *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород.
- Молева Н.В., Хршановский В.А. 1999. Собака в сакральной жизни античного Боспора, in: *VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского* (Тезисы докладов). Москва, 79–80.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКЛЕПОВ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ (раскопки 2013 г.)

Введение

Исследование населения крупного античного города по данным антропологии – задача сложная, требующая предварительной подготовки методологических и методических оснований, четкой формулировки задач и определения границ возможностей методов и источника.

Очевидно, что сложность подобных работ связана с тем, что античный город – особая культурно-социальная среда, способствующая формированию «плавильного котла», в котором смешиваются представители различных культурных и генетических групп. С другой стороны, формирование интернационального города во все времена становилось платформой для установления различного масштаба землячеств, культурных и родственных группировок, мест компактного проживания представителей определенных этносов и других процессов, поддерживающих дискретность городского населения.

Эпоха римского влияния, последовавшая за Митридатскими войнами, – время динамичного развития Фанагории. В этот период активизируются восточные варварские племена, о чем свидетельствуют упоминания римских историков, хронографов, военачальников. Основными компонентами, которые могли принимать участие в формировании городского населения Фанагории были потомки выходцев из ионийского Теоса, представители варварских народов Синдики и Прикубанья (синды, меоты, сарматы, и пр.). Этими многочисленными упоминаниями этнонимов пестрят римские источники. Оценить реальное соответствие каких-либо палеоантропологических серий этим легендарным и историческим этносам, вероятно, невозможно.

Чрезвычайная для палеоантропологических исследований сложность этнической ситуации Боспорского царства в целом неоднократно отмечалась специалистами. Так, М.М. Герасимова, подробно изучавшая антропологический состав городов Боспора, и Фанагории в частности, писала: «Имеющийся в нашем распоряжении краниологический материал из некрополей Фанагории, Гермонассы, Кеп, Горгииппии и Тирамбы говорит об антропологической неоднородности населения Таманского полуострова, являющейся отражением сложных этнических процессов на данной территории и движения человеческих коллективов. Преобладающим типом черепов являются черепа с длинной и узкой или средней мозговой коробкой, с узким и средневысоким лицом, высоким и узким носом, причем, как в Фанагории, так и в Гермонассе, этот вариант отмечен на рубеже нашей эры. Ближайшие аналогии этому

долихомезокранному варианту находятся в черепах из меотских могильников Прикубанья. Имеющийся палеоантропологический материал, таким образом, свидетельствует о преобладании групп меотского происхождения в населении Фанагории». ¹ Следовательно, краниологические данные позволяют проследить участие местного населения в формировании населения Азиатского Боспора, начиная с рубежа эр и в последующие столетия.

Итак, краниологические исследования, проведенные еще в 1960–1970-е годы, определили основные векторы участия местного населения в формировании городов Азиатского Боспора. Однозначным стал вывод об участии меотского и аланского компонентов в формировании городского населения римского времени. ²

Упоминание сарматских, меотских и аланских этнонимов римскими авторами отражает довольно поверхностные их знания этносоциальной картины населения Таманского полуострова (островов), Прикубанья, Приазовья. Так, Страбон в «Географии» называет роксоланов «последними из известных скифов» (II. 5, 7; пер. Г.А. Стратановского). Плиний Старший в труде «Естественная история» (NH IV. 81) откровенно пишет о крайне обобщенном характере многих этнонимов: «Весь этот путь от Истра к Океану имеет длину, согласно сообщению Агриппы, две тысячи миль, а в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы четыреста четыре мили. Название “скифы” постоянно переходит на сарматов и германцев. Это древнее наименование укрепилось за наиболее удаленными из народов, которые живут, оставаясь почти неизвестными остальным смертным» (пер. М.В. Скржинской).

У Иосифа Флавия в труде «Иудейская война» (VII. 7,4) отмечено, что «племя аланов есть часть скифов, живущих вокруг Танаиса и Меотийского озера» (пер. А.И. Малеина). В «Истории» Тацита (I. 79) приведены еще более конкретные сведения (события 69 г. н.э.): сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мезию» (пер. А.С. Бобовича). Также описано вооружение этой тяжелой конницы в пластинчатых доспехах и со знаменитыми длинными мечами и копьями. В корпусе трудов Арриана сохранились отрывочные фрагменты сочинения «Диспозиции против аланов», которое содержало описание войны, проводимой самим автором – правителем Каппадокии в 136 г. н.э. (см. в пер. С.М. Перевалова). ³

Таким образом, среди довольно туманных упоминаний скифских, сарматских, меотских этнонимов, бытовавших на территории нынешнего Таманского полуострова, характеристики аланских племен отмечены большей конкретностью. Значит ли это, что аланы могли быть основной варварской группой племен, имевшей различные формы взаимодействия с городами Азиатского Боспора и Фанагорий, в частности?

Предварительные методические замечания

Биоархеологические подходы в изучении палеоантропологического материала выражаются, в частности, в стремлении как можно более четко привязывать антропологический материал к культурно-

¹ Герасимова, Рудь, Яблонский 1987, 67.

² Герасимова 1987, 88.

³ Перевалов 2010, 175–178.

хронологическому контексту, по возможности избегая формирования обобщенных серий.

Новые палеоантропологические материалы, поступающие в наше распоряжение в последние годы позволяют вернуться к вопросу о масштабах и формах вхождения выходцев из местных племен в состав городского населения. Во время полевого сезона 2013 года были получены многочисленные материалы из крупных склепов Восточного некрополя, которые датируются рубежом эр – первым-вторым веками новой эры (определение А.Н. Ворошилова). Этот период, несмотря на бурные события, отраженные в римских письменных источниках, принято называть временем относительного процветания Фанагории. К этому периоду относятся большинство погребений Восточного некрополя.⁴ Одним из наиболее дискуссионных процессов этого времени остается так называемая «сарматизация» Фанагории.⁵ Сам по себе термин в настоящее время требует прояснения, так как под этнонимом «сармат» могло скрываться какое угодно этнокультурное, культурное и просто политическое смысловое наполнение. Несмотря на то, что этой проблеме посвящена обширная литература, разнообразие источников позволяет предлагать различные интерпретационные схемы.

Крупные склепы римского времени (первых веков нашей эры) содержат массовый палеоантропологический материал. Само по себе существование склепа с многочисленными захоронениями свидетельствует об известной социальной стабильности, позволявшей использовать погребальное сооружение несколькими поколениями. Его ценность, на мой взгляд, состоит в том, что у нас появляется возможность охарактеризовать не группу разрозненных скелетных материалов из погребений с широкой или узкой датировкой, а коллектив, объединенный, вероятнее всего, родственными узами, который был связан с Фанагорией на протяжении ряда поколений. Такого рода материалы из Фанагорийских некрополей обособленно не подвергались специальному антропологическому анализу еще ни разу за всю более, чем 150-летнюю историю изучения памятника.

Сразу важно отметить, что сохранность скелетных материалов из склепов Восточного некрополя фрагментарная (что свойственно в целом материалам из этой части «города мертвых» Фанагории), поэтому полномасштабные морфологические исследования невозможны. Тем не менее, собран материал, позволяющий проводить краниологические и остеологические описания.

Наиболее масштабными оказались скелетные серии из склепов 191 и 195. Индивидуальные описания скелетов или определенных фрагментов приведены в таблицах 1а и 1б.

В захоронениях присутствовали как скелеты погребенных в позднюю пору функционирования погребального сооружения, оставшиеся на месте и сохранившие в большей или меньшей степени анатомический порядок, так и фрагментированные, турбированные скопления костей, которые сформировались путем смещения костяков, оставленных в более ранние периоды функционирования склепа. В таких ситуациях

⁴ Ворошилова 2012, 18.

⁵ Например: Десятчиков 1976, 72–74.

возможно применение специальных методик работы с антропологическими материалами из массовых захоронений.

Прежде всего было необходимо определить минимальное число индивидов, погребенных в склепе. Для этого производилась разборка материалов с выявлением и подсчетом аналогичных костей или фрагментов костей. Например, подсчитывались фрагменты дистальных эпифизов правых и левых плечевых, локтевых, лучевых, пяточных и пр. костей. Затем выполнялась половозрастная диагностика этих костей или их фрагментов, проводилось сопоставление по различным отделам скелета. На основании полученных результатов определялось минимальное число индивидов, которое и фигурирует в приведенных ниже сведениях.

Описание материалов

Анализ фрагментированных материалов позволил реконструировать состав погребенных в склепах. Так, в склепе 191 было обнаружены останки минимум 74 индивидов. Многочисленные половозрастные определения позволили нам составить картину «демографического своеобразия» группы из склепа. Для этого была использована программа *Acheron*, разработанная Д.В. Богатенковым, и широко применяемая в палеодемографических исследованиях.⁶ Полученная картина не является собственно демографической, так как не отражает специфику популяции, а только ее искусственно сформированной части. Но именно эта «искусственность» становится объектом нашего исследования, инструментом в понимании гипотетических причин формирования этой общности. Итак, как следует из данных таблицы 2, группа людей из склепа 191 вряд ли может рассматриваться как относящаяся к одной семье (или *только* как члены семьи в усыпальнице). Дело в том, что резко нарушены паритетные (или близкие к ним) численные соотношения мужчин и женщин, которые типичны для популяционных

⁶ Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003, 16–20.

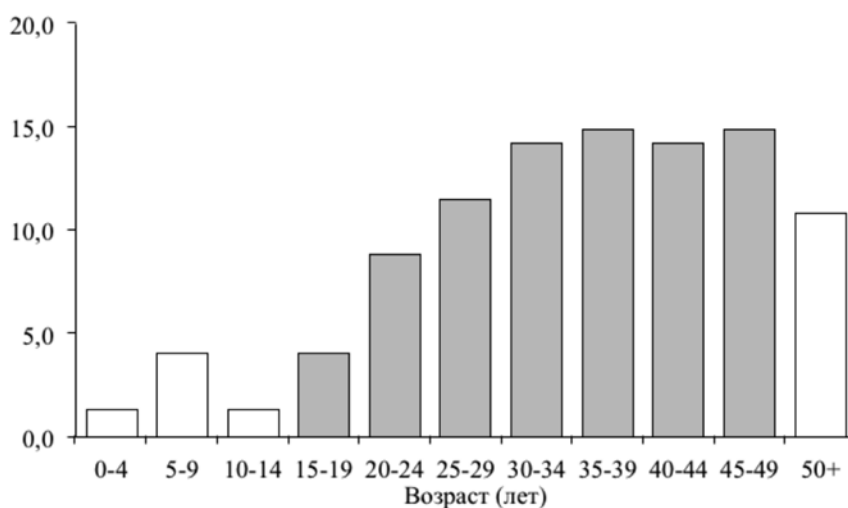

Рис. 1.
Возрастная структура
группы индивидов из склепа 191

и семейных групп. Фрагменты мужских скелетов резко преобладают, составляя около 80% состава всех взрослых. Также непропорционально малое число детских погребений (рис. 1), отсутствие захоронений в возрасте до 1 года свидетельствует об искусственной деформации состава погребенных, возможно, связанной со специальной обрядностью погребения младенцев.

Проанализируем возрастную структуру взрослых из склепа 191. Для маленькой женской группы в восемь человек выражена обычная картина, при которой значительная доля женщин умирает в молодом детородном возрасте, а к старшим периодам относится лишь незначительная их часть. Что касается возрастной смертности мужчин, то она обращает на себя внимание двумя обстоятельствами: 1) значительное число мужчин молодого возраста; 2) значительное число мужчин старше 45 лет.

Как следует из рисунка 2, максимальное число смертей приходится на возраст старше 45 лет, что отражает очень высокое качество жизни группы этих мужчин, по сравнению с другими демографическими выборками этой эпохи. Невысокий средний возраст смерти (около 38 лет) мужчин обусловлен не малой долей мужчин старших возрастных групп, а значительным числом умерших в раннем возрасте. Фрагментарная сохранность материала практически закрывает вопрос о причинах смерти этих людей, однако, исходя из общих демографических закономерностей, можно предполагать, что наиболее вероятной причиной ранних смертей могли быть военные столкновения. Итак, в этой выборке сочетаются демографические черты типичные для привилегированного социального слоя (большое число индивидов старшего возраста) и военизированной группы (высокий риск смерти в раннем возрасте). Таким образом, есть известные основания, чтобы считать, что в склепе могли захораниваться представители семей (или иных группировок?), связанных с высоко статусным военным ремеслом.

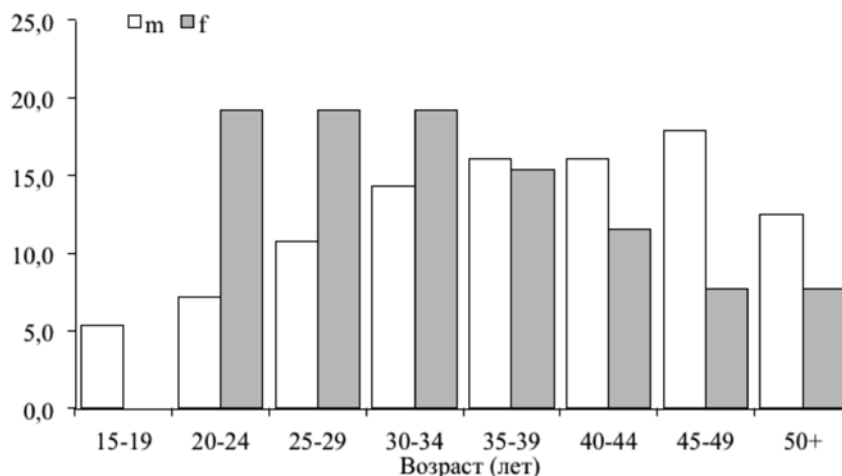

Рис. 2.
Возрастная структура смертности мужчин и женщин из склепа 191

Также были собраны сведения о маркерах физиологического стресса в том объеме, который позволяла сохранность материала. Из просмотренных 336 разрозненных зубов взрослых мужчин и женщин кариозные повреждения встречены только на 10 зубах, что составляет менее 3%. При всех обстоятельствах, связанных с сохранностью материала, можно с уверенностью говорить о том, что кариозные повреждения встречаются крайне редко. На молочных зубах кариес не встречен. Такая картина крайне нехарактерна для оседлого земледельческого населения, а тем более для обществ с развитыми традициями приготовления сложных блюд с рецептурой смешения различных ингредиентов, большой долей легких углеводных продуктов. Так, плохое состояние зубов столичных жителей Римской империи запечатлено в дерзких строках Катутла, объясняющего возможность сохранить белозубую улыбку только своеобразными приемами гигиены полости рта:

*Но ты ведь кельтибер, а кельтибер каждый
Полощет зубы тем, что наструил за ночь,
И до красна при этом трет себе десны.
Чем, стало быть, ясней блестят его зубы,
Тем, значит, больше он своей мочи выпил!*
(пер. С.В. Шервинского)

О распространении кариеса и других зубных заболеваний свидетельствует палеоантропологический источник, а также развитые формы стоматологического протезирования, получивших развитие в древнем Риме. Хорошее состояние зубной системы – черта свойственная кочевым народам, рацион которых не содержит значительной доли углеводов, включает молочные продукты. В группе из склепа 191 также были отмечены только единичные случаи множественной эмалевой гипоплазии (рис. 3.), парадонтопатии. Все это согласовано указывает на сумму факторов, способствующих сохранению здоровья зубной системы.

Фрагментарные материалы посткраниального скелета сохранили множественные свидетельства тяжелых мышечных нагрузок, механических стрессов, травматогенных ситуаций, которые приходилось переносить этим людям. К сожалению, приведение статистических данных невозможно опять-таки из-за плохой сохранности. Приведу несколько таких свидетельств:

1. Заросший перелом нижней трети диафиза малой берцовой кости мужчины зрелого возраста (рис. 4).
2. Развитые энтопатии латеральной части левой ключицы, свидетельствующие о значительных физических нагрузках на верхний пояс конечностей (рис. 5).
3. Ложный сустав, сформировавшийся на правой локтевой кости в результате неблагоприятного заживления травмы (перелом, рубленая рана) (рис. 6, 7).

4. Разрастание костной ткани в месте прикрепления мускулатуры плечевой кости, сформировавшееся в результате многократных микротравм, связанных с сильными и резкими сокращениями мышц (рис. 8).

Еще одна особенность, встреченная на костях посткраниального скелета, которая может быть использована для реконструкции образа жизни погребенных, – дополнительная фасетка на шейке бедренной кости (рис. 9). Этот признак входит в «комплекс всадника», обоснованный

Рис. 3.
Множественная эмалевая гипоплазия на клыке и резце нижней челюсти мужчины зрелого возраста из склепа 191

Рис. 4.
Заросший перелом нижней трети малоберцовой кости мужчины зрелого возраста из склепа 191

Рис. 5.
Энтосопатия латеральной части левой ключицы взрослого мужчины из склепа 191

Рис. 6.
Дистальная половина диафиза локтевой кости с последствием травмы – ложным суставом. Общий вид. Скопление фрагментированных останков, склеп 191

Рис. 7.
Внутренняя поверхность ложного сустава локтевой кости. Скопление фрагментированных останков, склеп 191

Рис. 8.
Разрастания костной ткани
в результате микротравматических
повреждений сухожилий.
Дистальная часть левой плечевой
кости взрослого мужчины.
Скопление фрагментированных
останков, склеп 191

Рис. 9.
Фасетка «всадника» на шейке
левой бедренной кости
взрослого мужчины.
Скопление фрагментированных
останков, склеп 191

А.П. Бужиловой⁷ и используемый для выявления индивидов, которые с детства занимались интенсивной верховой ездой и практиковали способ езды, предполагающий использование стремян. Таким образом, мы получаем еще одно косвенное свидетельство того, что люди из склепа 191 могли быть профессиональными воинами.

Основываясь на единичных определениях длины тела по продольным размерам плечевой и бедренным костям (формула М. Троттер и Г. Глезер (1952) для европеоидов)⁸, можно заключить, что рост мужчин варьировал в пределах 160–170 см, а длина тела женщин – 155–165 см. Полученные величины могут быть квалифицированы как умеренные и средние и в данном случае не несут в себе значимой дополнительной информации.

Кроме описанных выше индивидов, в заполнении склепа было обнаружено скопление кремированных костей. Общая масса останков составляет около 500 г. Анатомически определимые фрагменты позволяют считать, что останки принадлежат мужчине старше 30 лет. В скоплении присутствуют фрагменты светло серого цвета, средний размер которых составляет около 3–4 см. На фрагментах хорошо выражены деформационные трещины, которые сформировались в результате сжигания тела на погребальном костре. В целом картина соответствует античной традиции кремации.

Склеп 195, вероятно, функционировал гораздо менее продолжительное время. По определению А.Н. Ворошилова, он использовался в 1 в. н.э. Все скелетные останки также подразделяются на две группы:

1. Погребенные в заключительную пору использования склепа, расположенные вдоль длинных (южной и северной) стен склепа *in situ*.

2. Скопление смещенных и перемещенных фрагментированных останков у восточной стенки склепа, образовавшееся в результате «освобождения» места для последующих погребенных.

К первой группе относятся два скелета, обнаруженные на северной лежанке. Верхний скелет – мужчина 40–49 лет, нижний скелет – женщина в возрасте 25–35 лет. По длинам бедренных костей реконструирована длина тела (мужчина – 168 см, женщина – 151 см). Один скелет обнаружен на южной лежанке – ребенок в возрасте 3–4 года.

⁷ Бужилова 2008, 117, рис. 10.

⁸ Алексеев 1966, 234–235.

Ко второй группе могут быть отнесены 10 индивидов. К этому заключению стало возможным прийти после подробной сортировки фрагментированных костей, сдвинутых к восточной стенке склепа. Материалы представлены преимущественно фрагментами посткраниальных скелетов. Наибольшее число фрагментов аналогичных участков скелета (фрагменты верхней четверти левых бедренных костей) – 8. На основании этого можно сделать предположение, что в скоплении находились останки минимум восьми взрослых индивидов. Кроме этого обнаружены две детские правые пяточные кости. Среди взрослых индивидов минимум пятеро – мужчины. Реконструированы длины тела одного мужчины и одной женщины, соответственно 170 и 150 см.

К возрасту старше 40 лет могут быть отнесены четверо мужчин. Таким образом, наблюдается тенденция, описанная выше для склепа 191: преобладание мужчин, высокий процент индивидов старшего возраста, малая доля детских захоронений.

Среди особенностей, которые были отмечены на фрагментарных останках индивидов из склепа 195, следует выделить высокий процент встречаемости фасеток шейки бедра, связываемых с интенсивной формой верховой езды.

На фрагментах черепа мужчины, обнаруженных в общем скоплении, просматриваются легкие следы преднамеренной деформации головы, проявившейся в развитии предвенечного валика и позадивенечным вдавления (единственный случай для всех индивидов из склепов, и то малодостоверный!). Такие деформации, но в более ярко выраженной форме, неоднократно отмечались ранее как предшествующими исследователями Фанагории⁹, так и мною. В частности, женщины из погребений 189 и 200, ребенок из погребения 210 имеют следы аналогичного типа деформации.

Подобная форма преднамеренной деформации головы отмечена ранее и в других памятниках. Судя по описаниям, аналогичные формы изменения головы встречены у мужчины из склепа 6 на городище Артезиан (1 в. н.э.)¹⁰; у женщины из позднеримского погребения 236 некрополя Широкая Балка; у мужчины из позднеримского погребения 206 некрополя Широкая Балка; у женщины из хозяйственной ямы 80 (костяк 1) на поселении Мысхако (первая половина 3 в. н.э.)¹¹ Важно отметить, что материалы Восточного некрополя Фанагории в целом позволяют считать, что эта варварская традиция не получила такого широкого распространения, как в среде собственно сарматского населения Нижнего Дона и городского населения Танаиса.¹²

На височных костях и нижней челюсти ребенка из последних погребений на южной лежанке склепа 195 обнаружены следы патологических изменений, которые связываются с болезнью геморрагическими поражениями в области челюстного сустава, что типично для детской формы цинги (болезнь Чидла – Меллера – Барлоу).¹³ Возраст ребенка (3–4 года) выходит за рамки периода развития этой болезни, проявляющейся в возрасте около полугода, однако геморрагический характер повреждений не вызывает сомнения в типе заболевания.

⁹ Герасимова, Рудь, Яблонский 1987, 71.

¹⁰ Винокуров, Дробышевский 2006, 84.

¹¹ Балуева, Медникова 2009, 140.

¹² Батиева 2006, 67, табл. 10, 12; 2011, 84–85.

¹³ Бужилова 2005, 220–221.

Рис. 10.
Кремированные фрагменты
без деформационных трещин.
Скопление кремированных останков
в сосуде. Склеп 195

Кроме описанных ингумаций в склепе был обнаружен сосуд с кремированными останками человека. Общая масса скопления превышает 3 кг. Разбор фрагментов позволил выявить две группы фрагментов, отличающихся по цвету и ряду других признаков. Более светлые (светло-серые) фрагменты различных отделов скелета имеют ярко выраженные деформационные трещины, пластические деформации, формирующиеся в процесс сжигания тела недавно скончавшегося человека (рис. 10). Более темные (черно-бурые) фрагменты не имеют подобных пластических изменений, а также деформационных трещин (рис. 11). Это, скорее, обугленные кости. Такие параметры цветности и фрагментации формируются при сжигании в той или иной степени скелетированных останков, потерявших большую часть влаги скелетной системы и мягких тканей.

Обе группы фрагментов включают анатомически аналогичные участки, поэтому есть все основания заключить, что в сосуде находятся останки двух взрослых мужчин в возрасте 25–39 лет. Важно отметить, что отложенная кремация не характерна для римской традиции, которая предполагала скорое сожжение скончавшегося¹⁴ с последующим заливанием прогоревшего костра огня водой, сбором фрагментов кремированных костей, их омовением молоком и вином, обтиранием и помещением в урну. Традиция отложенной кремации может обсуждаться в контексте кавказских влияний.¹⁵

Таким образом, палеоантропологические материалы из двух склепов первых веков нашей эры предоставляют разнообразные независимые свидетельства элементов образа жизни, культурных традиций

¹⁴ Сергеенко 2000, 207.

¹⁵ Успенский и др. 2013, 413.

варварского мира. К сожалению, плохая сохранность материала не позволила провести серийные краниометрические исследования. Тем не менее, на взгляд автора, допустимо привести фрагментарные данные о краниологическом облике людей из 191 склепа, основанные на неполных измерениях пяти краниумов. В целом, черепа характеризуются крупными размерами, долихокранией, малой и умеренной скуловой шириной, большой высотой лица, умеренными величинами горизонтальной профилировки верхней части лица, средними величинами выступания носовых костей. Как отмечалось ранее М.М. Герасимовой, аналогии этим краниологическим вариантам следует искать среди раннеаланского населения.¹⁶ Мы поместили полученные нами результаты в контекст ряда синхронных и чуть более ранних серий и проиллюстрировали положение группы из 191 склепа изобразительными возможностями метода главных компонент (рис. 12.)

Полученная картина демонстрирует близкое положение группы из склепа 191 ко всем поздним фанагорийским материалам, опубликованным М.М. Герасимовой.¹⁷ Этот результат важен, так как позволяет оценить нам распространенность этого краниологического варианта в городе во все римское время до начала гуннского нашествия. Другая группа, имеющая относительное сходство с серией из склепа – меоты из Нижнегниловского некрополя.¹⁸ Черепа из катакомбного могильника Беслан, ассоциируемые с ранними аланами Кавказа¹⁹, разительно отличаются от анализируемой нами группы. Также далеко от нее и население эллинистического Херсонеса²⁰, сарматы Нижнего Дона и Нижнего Поволжья.²¹ Полученный результат позволяет подтвердить важнейшую роль меотского компонента в формировании населения столицы Азиатского Боспора в первые века нашей эры, однако устойчивое своеобразие краниологического облика фанагорийского населения этого времени позволяет предполагать, что в его сложении принимали участие либо другие компоненты, либо достаточно консолидированная, своеобразная группа меотского массива. Особое значение меотских племен в формировании населения Азиатского Боспора становится гораздо более понятным

*Рис. 11.
Кремированные фрагменты
без деформационных трещин
и со следами обугливания.
Скопление кремированных останков
в сосуде.
Склеп 195*

¹⁶ Герасимова 1987, 87.

¹⁷ Там же, 91.

¹⁸ Батиева 2011, 80.

¹⁹ Герасимова, Суворова, Фризен 2009, 334.

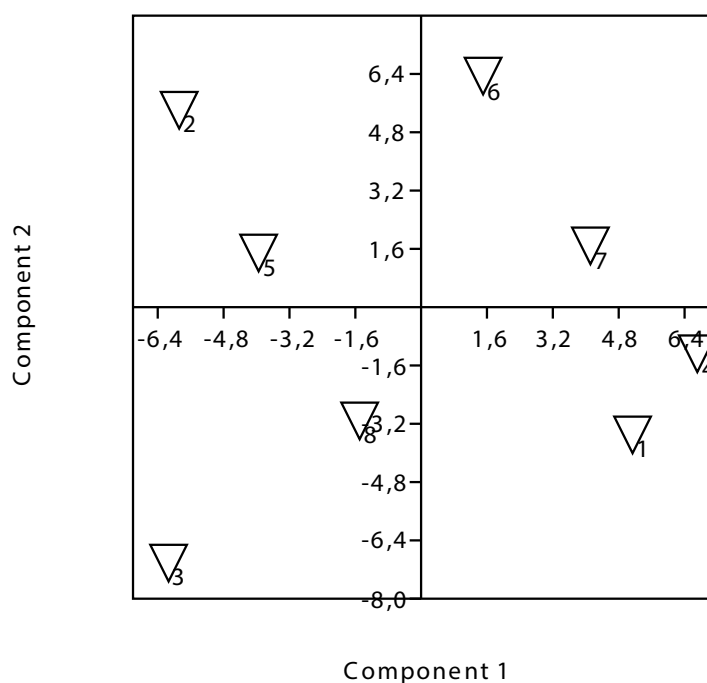
²⁰ Назарова 2002, 8.

²¹ Балабанова 2013, 63.

Рис. 12.

Результат многомерного статистического анализа (метод главных компонент), демонстрирующий взаимное расположение мужских краниологических серий:

1. Сарматы Нижнего Поволжья 1–2 вв. н.э. (Балабанова 2013, 63);
2. Меоты Нижнегниловского некрополя (Батиева 2011, 80);
3. Ранние аланы Северного Кавказа, могильник Беслан (Герасимова и др. 2009, 334);
4. Курганные позднесарматские серии Нижнего Дона (Батиева 2011, 69);
5. Группа из городского некрополя Танаиса 1–3 вв. (Батиева 2011, 85);
6. Склеп 191 Восточного некрополя Фанагории;
7. Группа из погребений Восточного Некрополя Фанагории 1–2 вв. (Герасимова 1976, 111);
8. Серия из городского некрополя Херсонеса 1–4 вв. (Назарова 2006, 72).

благодаря фундаментальному исследованию, проведенному И.С. Каменецким. Его монография «История изучения меотов» в настоящее время является крупнейшим обобщением фактов и аналитическим обзором по вопросам происхождения и истории меотов. В частности, автор пишет: «Очевидно, в пересмотре нуждается вопрос о «сарматизации» Боспора. Не отрицая влияния сармат, особенно в области военного дела, следует сказать, что часть фактов, приводимых как свидетельство «сарматизации», является свидетельством «меотизации»».²²

Что касается аланского населения, вопрос о котором был сформулирован в начале статьи, то требуется провести более широкие сопоставления. На настоящем уровне исследования прямых указаний антропологический материал из склепов не дает.

Заключение

Обобщение данных различных систем признаков, описанных при изучении палеоантропологических материалов из склепов 191 и 195, позволяют выделить ряд черт, указывающих на влияние варварского населения и его традиций на жизнь Фанагории 1–2 вв. н.э. Мужчины, погребенные в этих склепах, вероятно, относились к социальной верхушке общества, занимавшейся военным делом. Примечательно, что в отличие от танаитов жители Фанагории в гораздо меньшей степени сохранили варварскую традицию преднамеренной деформации головы. Возможно, это связано с отсутствием непосредственных контактов между нижнедонскими сарматами и населением Фанагории, что следует из более ранних публикаций и результатов наших исследований.²³ Использование трупосожжения с элементами неизвестной ранее традиции отложенной кремации также отражает местные влияния на погребальную обрядность античного города. Военизированный харак-

²² Каменецкий 2011, 323.

²³ Добровольская, Медникова 2010, 478.

тер группы людей из склепов, их привилегированное положения (судя по независимым данным антропологического источника) позволяет увидеть тот механизм, благодаря которому в первых веках новой эры происходит значительное изменение населения боспорских городов в целом и Фанагории в частности. Это общая милитаризация общества.

Еще в начале прошлого века М.И. Ростовцев писал: «Совершенно новым, однако, надо считать изменение социальной основы жизни. Несомненно, что население городов Боспорского царства в эпоху римского владычества тесно сплотилось около царей и образовало вместе с ними одну массу граждан-солдат, граждан-защитников своей территории, своих экономических и национальных интересов. Несмотря на сильнейшее проникновение иранских и других местных элементов в состав городского населения, несмотря на сильную иранизацию всего быта и уклада жизни населения городов все-таки считало себя греками и резко выделяло себя из остальной массы населения царства.

Это сказалось в объединении гражданства, его мужской части в особые корпорации, сакрально-политических гражданских обществах с военной организацией... Организация этих братств тесно связана с военной организацией царства».²⁴ Вероятно, подобные процессы отразились и в формировании представленных нами усыпальниц Восточного некрополя Фанагории.

²⁴ Ростовцев 1918, 131.

Таблица 1а. Данные о погребении 191. Фрагменты нижних челюстей

Пол	Возраст	Высота тела на уровне питательного отверстия		Максимальная ширина ветви	
		прав	лев	прав	лев
жен	40-49	29,5	29,5	30	32
жен	20-29				31
жен	25-39	27,5		31,5	
жен	30-39		27		29,5
жен	30-39	28		31	
жен	25-35		26		29
жен	20-29		26		30,5
жен	35-45	30			
жен	30-39		28,5		
жен	20-29	23,5	26		
жен	Старше 50				
жен	40-49		29,5		32
жен	20-25	26			
реб	7-8	18			
реб	7-8		23		
муж	40-49	33,5			
муж	30-39		32,5		36
муж	30-49				33
муж	35-45		32		
муж	45-55			33	

муж	20-29	29,5		36	
муж	50-59		30		33,5
муж	35-45	31,5		37	
муж	20-29		29		34,5
муж	45-55	36			
муж	40-49	29			
муж	25-35		30		
муж	20-25	28			
муж	20-29			35	
муж	30-39	31,5			
муж	30-39		30		34
муж	взросл				30,5
муж	40-49	33			
муж	35-45	32			
муж	20-29			34	
муж	30-39	32,5			
муж	Старше 45	31,5			
муж	30-39	36		33,5	
муж	30-39 (эм гип)	31	30,5		34
муж	40-49	32,5			
муж	Старше 50	34,5			
муж	30-39	33	32,5		
муж	45-55	34			
муж	30-39		32,5		
муж	45-55		37,5		
муж	40-49				30
муж	40-49		31,5		31,5
муж	45-55		34,5		34
муж	18-20		29		
муж	25-29	30			
муж	Старше 50	34,5			
муж	30-39				34,5
муж	40-49		30		
муж	40-49		32		
муж	40-49		32,5		
муж	18-20		30		
муж	взросл		29,5		30
муж	18-20				32,5
муж	40-49	30			
муж	20-29				39
муж	25-35			31,5	
муж	40-49	31,5			
муж	25-35	32		30	
муж	взросл	31			
муж	25-35	31			
муж	20-29	31,5			

муж	взросл			29,5	
муж	40-49			29,5	32
муж	Старше 50				34,5
муж	30-39				35
муж	40-49		34		35
муж	30-39			31	

Таблица 16. Антропологические материалы из склепа 195

Положение в склепе	Пол	Возраст	Сохранность материала	Отмеченные особенности
Южная лежанка ребенок	Реб	3–4 года	Скелет во фрагментах, нижняя челюсть во фрагментах, основания височных костей, фрагменты костей свода черепа, полностью сохранена только правая бедренная кость	Геморрагические реакции на нижней челюсти.
Кремация в кувшине	Муж	25–39	Крупное скопление кремированных костей массой более 3 кг	Две группы кремированных фрагментов (с деформационными трещинами и без них)
	Муж	25–39		
Восточная лежанка, скопление сдвинутых костей			12 фрагментов нижних челюстей (7 правых, их которых 5 мужские и 2 женские, 1 ребенок около 6 лет, 5 левых мужских). Дистальные отделы плечевых костей: 1 реб. (правая сторона) и 6 мужских и 1 женская плечевая кости. Лучевые кости 2 правые 2 левые, локтевые кости 4 левые, 2 правые, взрослые, кости стопы (пяточные 6 штук правые и 5 штук левые взрослые). Проксимальные фрагменты восьми левых бедренных костей. Все остальные фрагменты скелетов представлены аналогичными участками в меньших количествах. Итак, в скоплении находятся останки посткраниальных скелетов минимум 10 взрослых людей и 2 детей.	Площадки всадника на всех шейках бедренных костей. Экзостоз на пяточной кости (взрослый индивид). Пальцевидные вдавления на фрагментах черепа. Возможно. Деформация черепа взрослого мужчины.
195 Северная лежанка, верхний скелет	Муж	40–49	Разрушенный посткраниальный скелет	Очень выражен пилеастр, фасетка всадника
Северная лежанка, нижний скелет	Жен	25-35	Череп во фрагментах, частично разрушенный посткраниальный скелет	Значительный латеральный изгиб диафизов бедренных костей.

Таблица 2. Основные палеодемографические характеристики в группе.
Фанагория, римское время, склеп 191

Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Оба пола
Реальный объем выборки (N)	74,0	56,0	13,0	69,0
Средний возраст смерти в группе (A)	35,3	38,0	34,2	37,3
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	37,3	38,0	34,2	37,3
Процент детской смертности (PCD)	6,8	–	–	–
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	4,0	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	430,8	–	–	430,8
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	81,2	18,8	-
Длина поколения (T)	27,10	27,27	26,26	27,10
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,028	0,043	0,052	0,045
Среднегодовой уровень фертильности (B)	24,22	26,64	23,10	25,98
Общий репродуктивный уровень (GRR)	1,45	1,31	1,52	1,35
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,1	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	2,9	2,6	3,0	2,7
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	93,2	100,0	100,0	100,0
Процент «активного» населения (CF)	82,4	87,5	92,3	88,4
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	10,8	12,5	7,7	11,6

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва.

Алексеева Т.И., Богатенков Д. В., Лебединская Г.В. 2003. *Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали)*. Москва.

Балабанова М.А. 2013. *Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья*. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Москва.

Батиева Е. Ф. 2005. *Происхождение и эпохальная динамика населения Нижнего Подонья в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Автореферат дисс. канд. биол. наук. Москва.

Батиева Е.Ф. 2006. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры), in: М.Б. Медникова (ред.), *OPUS. Междисциплинарные исследования*. Москва, 53–72.

Бужилова А.П. 2005. *Ното сарпиенс: история болезни*. Москва.

Бужилова А.П. 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников, in: А.П. Бужилова (ред.), *OPUS. Междисциплинарные исследования*. Москва, 110–120.

Винокуров Н.И., Дробышевский С.В. 2006. Погребения с деформированными черепами античного времени в крымском Приазовье (по материалам раскопок некрополя и городища Артезиан), in: М.Б. Медникова (ред.), *OPUS. Междисциплинарные исследования*. Москва, 73–87.

Ворошилова О.М. 2012. *Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.

- Герасимова М.М. 1976. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным, *КСИА* 145, 109–112.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. Москва.
- Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. 2009. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии – Алании, in: Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев (ред.), *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва, 324–340.
- Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полуострове, *СА* 4, 70–72.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б. 2010. Население по данным антропологии, in: Г.М. Бонганд-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 474–491.
- Каменецкий И.С. 2011. *История изучения меотов*. Москва.
- Медникова М.Б., Балуева Т.С. 2009. Новые данные к краниологии населения полуострова Абрау, in: А.А. Малышев (ред.), *ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований полуострова Абрау*. Москва, 108–148.
- Назарова Т.О. 2006. Тавры в составе населения античного Херсонеса, in: *Вестник антропологии* 14, 68–73.
- Ростовцев М.И. 1918. *Эллинизм и иранство на Юге России*. Петроград.
- Десятчиков Ю.М. 1974. *Процесс сарматизации Боспора*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Сергеенко М.Е. 2000. *Жизнь Древнего Рима*. Санкт-Петербург.
- Успенский П.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В. 2013. Погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща (антропологический аспект), in: *Шестая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 411–414.

А.А. Завойкин, А.Б. Колесников, Н.И. Сударев

ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА «ЮЖНОМ ГОРОДЕ» ФАНАГОРИИ

¹ См.: Завойкин 1992а, 40–56; 1992б, 84–88; 1992в, 260–269; 1995, 89–94; 1998, 74–85; 2004, 244 с., 85 табл.

Авторы выражают искреннюю благодарность коллегам, дружеские рекомендации и критические замечания которых в ходе обсуждений работы способствовали ее улучшению. Особенно мы признательны В.Д. Кузнецову, чьи ценные советы и поддержка литературой по проблемам колонизации и урбанистики из личной его библиотеки были для нас неоценимы. Также мы благодарим Ю.Н. Шорунову за консультации по аттической чернофигурной керамике.

² К сожалению, утраты коснулись и погребального инвентаря, интересующих нас погребений.

³ Найденные на Восточном некрополе в мае 2011 г. материалы третьей четверти 6 в. до н.э. (в частности – воронковидное горло хиосской амфоры, датированное примерно 530-ми гг.), вне окружающего их синхронного контекста лишь с большой натяжкой могут быть интерпретированы как «тризна». По нашему мнению, вероятнее всего эти находки должны рассматриваться в том же ракурсе, что и материалы второй четверти 5 в. до н.э., обнаруженные А.П. Медведевым ранее и отнесенные к остаткам поселения, предшествующего некрополю (см. ниже и статью: Медведев 2013, 309–328).

⁴ В 2012 г. отряд Фанагорийской экспедиции исследовал серию погребений начала 5–4 вв. до н.э. к юго-востоку от городища. Публикация этих погребений готовится.

⁵ Например, см. Tréziny 2006, 234, 238. Примеров подобного рода довольно много (см. ниже).

⁶ Например, см.: Кузнецов 2010, 443; Завойкин, Сударев 2006а, 115; Сударев 2005, 250; 2010, 421, 430.

⁷ Завойкин 2013а, 133–143, табл. 2.

⁸ Приносим свои извинения читателю за «отчетный» стиль изложения в первой части работы. Излишние, как может показаться, подробности, по нашему мнению, необходимы при публикации источника.

Представленная работа является продолжением исследований и публикаций материалов из раскопок «Южного города» Фанагории конца 1970-х – начала 1990-х годов.¹ К сожалению, лишь ничтожно малая часть материалов, полученных при масштабных раскопках этого района Фанагории, была введена в научный оборот. Поэтому не вызывает сомнений актуальность поставленной здесь задачи: собрать уцелевшие материалы и опубликовать, хотя бы некоторую их часть.²

В числе важнейших результатов раскопок юго-восточной окраины городища – обнаружение и исследование небольшой серии погребений позднеархаического некрополя, ранее не известного. Проблема локализации некрополя Фанагории древнейшего периода ее истории остается в числе нерешенных. Несмотря на масштабные раскопки как к западу, югу, так и к востоку от городища³ обнаружить погребения ранее второй четверти 5 в. до н.э. (впрочем, и они единичны) не удалось.⁴ Это заставляет предполагать, что древнейший некрополь, по крайней мере, частично, в более поздний период был перекрыт кварталами города. Подобная ситуация, сама по себе не редкая, как правило, связана с существенно важными изменениями в жизни греческих городов.⁵

Раскопками на юго-восточной окраине Фанагории под напластованиями города второй четверти 5 в. до н.э. были вскрыты погребения последней трети 6 – первых двух десятилетий 5 в. до н.э. Эти интересные комплексы до сих пор не были проанализированы и опубликованы, хотя изредка упоминались в обзорных работах.⁶ Их изучение во взаимосвязи с перекрывающими контекстами позволяет не только рассмотреть вопрос о локализации раннего некрополя и районирования города, но и (с учетом результатов новых исследований Фанагории и выводов, полученных на материалах «Южного города» ранее) наметить некоторые этапы в истории города.⁷

Раскопки архаических погребений в 1985, 1986 и 1988 гг. проводились И. В. Новиковым (погр. 56.п.1/1985 г.), А.Б. Колесниковым (погр. 48.16, 21, 22; 49.21/1985 г.; 46.80, 81, 45.29/1986 г., по Открытому листу В.С. Долгорукова) и А.А. Завойкиным (погр. 464/1986 г., по Открытому листу В.С. Долгорукова; 470, 65.1 и 3, 66.5/1988 г.).

Поскольку выборка ранних погребений фанагорийского некрополя количественно невелика, нашей целью было собрать и обработать разрозненные материалы в отчетах и полевой документации, а также хранящиеся в фондах Таманского музейного комплекса, и проанализировать их, прежде всего, с точки зрения места данных памятников в истории и археологической топографии Фанагории.⁸ Разумеется,

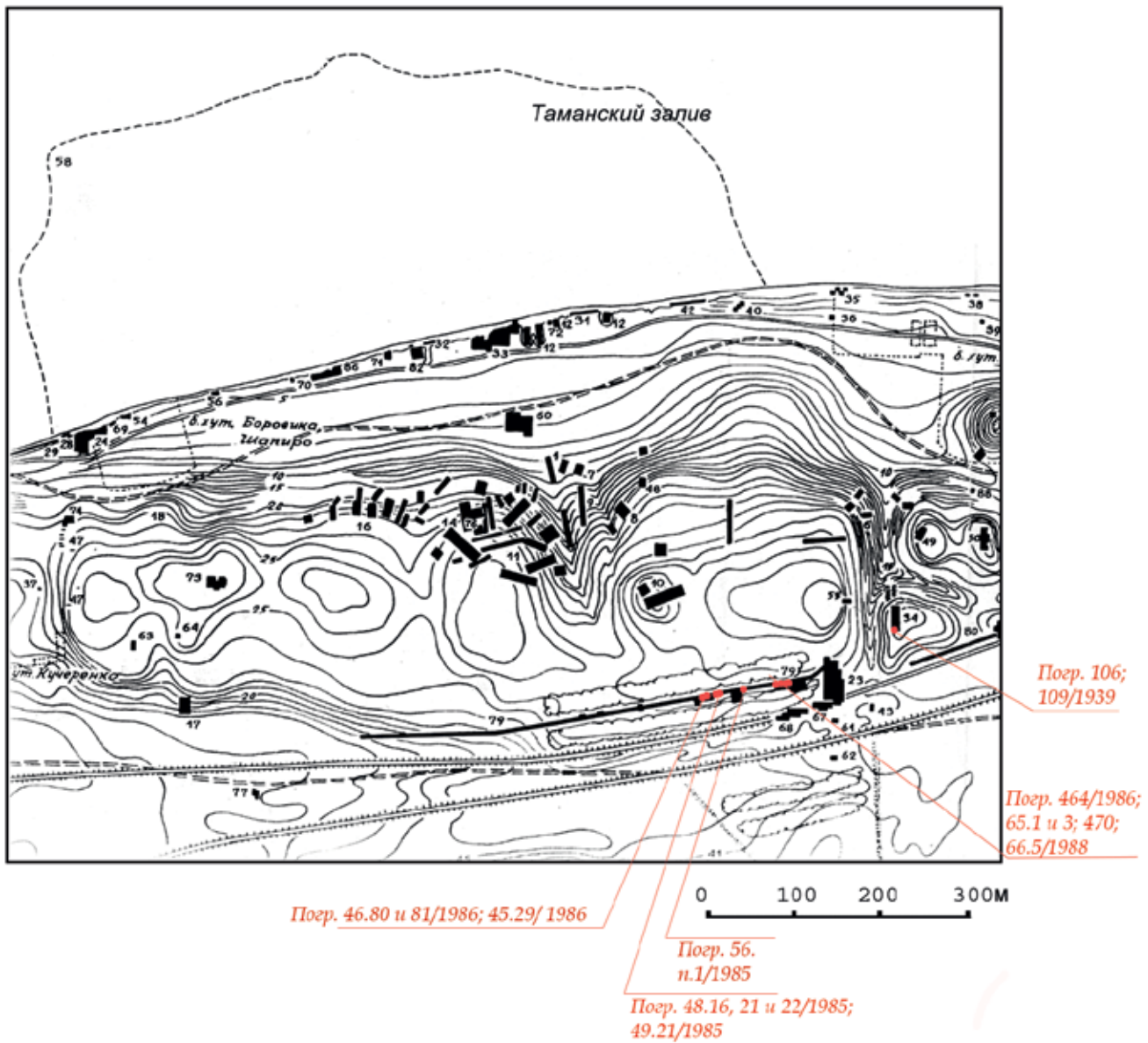

Рис. 1.
Схема расположения погребальных комплексов на городище Фанагории (подоснова – Паромов 1993)

Рис. 2.
Вид на центральную и восточную часть городища с северо-запада. Стрелками отмечено местоположение ранних погребений:
в юго-восточной части (лесопосадка) – раскоп «Южный город»;
в восточной – Восточный некрополь «Холм Е».

некоторое внимание было уделено и изучению особенностей погребального обряда, характерного для первых поколений и потомков колонистов, прибывших на берег Таманского залива (Корокондамитиды) из ионийского города Теос (возможно, через Абдеру) во второй половине 40-х годов 6 в. до н.э.

По своему местоположению интересующие нас погребения разделяются на четыре небольшие «группы». Первая из них фиксируется за пределами городища («Восточный некрополь», так называемый холм «Е», – два погребения), а три другие располагаются на южной окраине городища (раскоп «Южный город», восточная его часть), примерно с интервалами 30 и 35 м (с востока на запад – 5, 1 и 7 погребений; рис. 1, 2). Уместно дать их описание с учетом планиграфии и стратиграфии соответствующих участков, а не сообразно классификации могильных сооружений, что обеспечит неразрывность конкретных контекстов и даст возможность сопоставить эти участки между собой.

⁹ На квв. LXV–LXVI в 1988 г. исследовались площади по 4х5 м, поскольку весной 1988 г. был проложен коллектор очистных сооружений в северной части раскопа.

I. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

ВОСТОЧНЫЙ УЧАСТОК

Стратиграфия участка. В нижней части культурных напластований на квадратах LXIV–LXVI⁹ (рис. 3), где было исследовано пять погребений, прослежено следующее чередование грунтов (слоев), зафиксированных в 13–16 штыках (табл. 1).

Таблица 1. Слои и объекты в нижней части культурных отложений

слои/грунты	LIX–LXIV	LXV	LXVI
Ниже:	дома 424; сбросов 436+441, 448, 449; об. 446	–	вым. 481, 482
1. Пестрая серо-желтая глина с песком и угольками (слоистая структура 440+450, 1986 г.) ¹⁰	+ ¹¹	+	канавки 483 канавки 66.1, вым. 66.2
2. Стерильная серо-желтая сильно запесоченная глина (насыпь над погр. 470)	–	канавки 465+66.3	
		+	погр. 66.5
3. Материковая глина (могильный выкид из погр. 470)	–	+	+
4. Желто-серая глина с песком (с редкими фрагментами керамики; в том числе – насыпь над погр. 464)	столбы, канавка 453	канавка 65.2	+
5. Коричнево-серая предматериковая глина	дом 443 тризна 464	+	+
6. Материк: оливково-серая глина (ок. 0,40 м), ниже – «белоглазка»	погр. 464	погр. 65.1 и 65.3 тризна 65.5	погр. 470

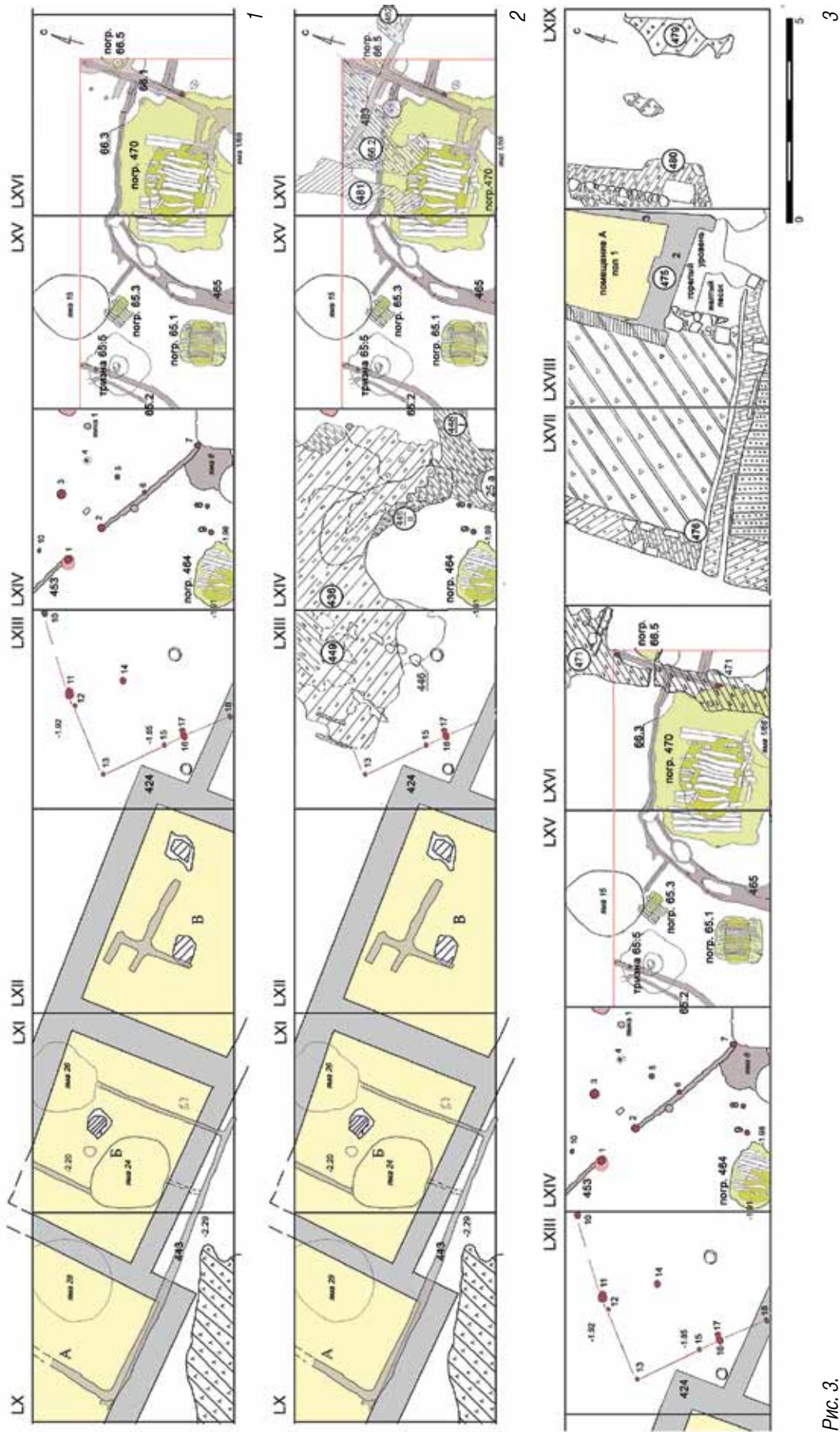

Рис. 3.
 Планиграфические схемы расположения погребений,
 могильных оградок и перекрывающих их объектов:
 второй половины 5 в. до н.э.:
 – Вымосток, дома 424, керамических сбросов (1, 2);
 а также объектов первой половины 4 в. до н.э. – дома 475,
 комплексов 476, 471, 456, 460 (3)

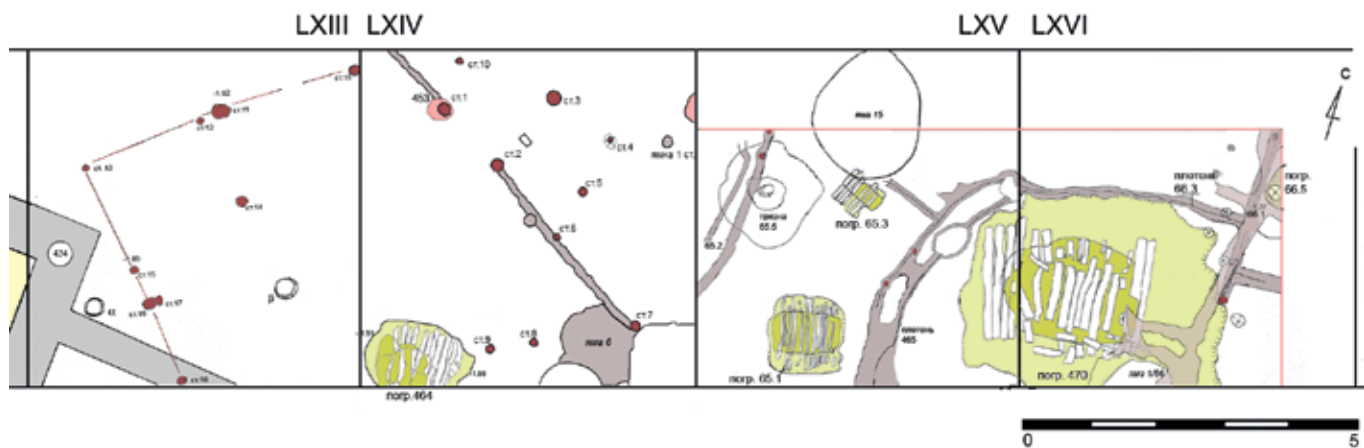

Рис. 4.
Планиграфическая схема восточного участка некрополя на «Южном городе» (погребения, тризны, оградки)

6. Поверхность материка до повреждения ее деятельностью человека представляла собой почти горизонтальную поверхность без значительных уклонов к какой-либо стороне света (перепады высот от $-1,91$ до $-2,09$ м).¹²

5. Средняя мощность предматерикового слоя – $0,10$ м, по характеру образования – это, вероятно, древний погребенный дерн.

4. Перекрывающий «предматерик» слой желто-серой глины с песком содержал лишь мелкие и невыразительные фрагменты керамики, не позволяющие его уверенно датировать. Мощность его колеблется от $0,06$ м (СВ угол кв. LXVI) до $0,26$ м (СЗ угол кв. LXV). Наличие в слое хотя бы и единичных обломков керамики, а главное то, что в северо-западном углу кв. LXV он перекрывает (?) тризну 65.5 (а также тризну погребения 464) заставляет думать, что этот слой – по аналогии со слоем серо-желтой глины (2) – представляет собой засыпку погребального сооружения, предшествующего погребениям 470 (материковый выкид из которого лежит на этом слое), 65.1 и 65.3. Можно предположить, что желто-серая глина с песком (по крайней мере, западная часть слоя) является элементом засыпки погребения 464, расположенного в юго-восточном углу кв. LXIV (см. ниже). Под ней были найдены фрагменты керамики, лежащей непосредственно на предматерике (обломки ионийских киликов с полосами, фрагменты аттического кратера). В таком случае и объект 65.5 должен быть отнесен к тому же хронологическому пласту.¹³

Поскольку мощность слоя существенно возрастает в юго-восточном углу кв. LXVI, можно предполагать, что основной объект, с которым связано образование засыпки (4), располагался юго-восточнее раскопанной площади. Вполне вероятно и то, что мы имеем дело с несколькими (двумя?) засыпками различных погребений, расчленив которые по характеру грунта практически не было возможным. Разделение описываемой засыпки и засыпки погребения 470 (2) бесспорно только там, где между ними вклинился материковый выкид (3), который таким образом четко фиксирует два горизонта захоронений.

Следовательно, древнейшими на восточном участке являются тризна 65.5, погребение 464 и относящаяся непосредственно к нему погребальная тризна.

¹⁰ Максимальная мощность – $0,80$ м. Суммарная дата: вторая четверть – вторая половина V в. до н.э.

¹¹ Локально, квв. LXIII–LXVI.

¹² С отметки $-2,82$ м фиксируется устойчивый уровень стояния грунтовых вод.

¹³ Если только не предположить, что люди, соорудившие могилу 470, прежде чем выкопать яму погребения, совершили тризну (65.5), а затем всю прилегающую поверхность устлали желто-серой глиной. И только потом стали копать могильную яму.

2. Слой засыпи погребения 470 (и, возможно, 65.1 и 65.3) содержал в себе остатки впущенных в него плетнево-столбовых оградок 465+66.3, окружавших этот комплекс (рис. 3. 1; 4). Этот слой также был прорезан могильной ямой погребения 66.5 (третий горизонт захоронений на участке), которое, впрочем, так и не было нами раскопано.¹⁴

1. Перекрывающий интересующие нас комплексы слой «пестрой» серо-желто-зеленой глины (с чередованием песка, золы, древесных угольков – ниже вымостки 66.2) по найденным в верхнем (главным образом) его горизонте немногочисленным фрагментам амфор¹⁵, а также аттической чернолаковой посуды¹⁶ должен датироваться второй половиной, а вероятнее даже – последней четвертью 5 в. до н.э. Примечательной особенностью этого слоя является заметное присутствие в нем находок более раннего времени, в том числе: фрагментов хиосских и «протофасосских» амфор первой половины 5 в. до н.э., чернолаковой посуды не аттического (североионийского или местного?) производства, декорированной полосками, обломков хиосского кубка со светлой облицовкой. С этим слоем связана серия последовательно сменявших друг друга объектов второй половины 5 в. до н.э.: канавок под плетни 66.1 и вымостки 66.2 – канавок 483 – вымосток 481 и 482 (рис. 3. 2; 15; 48; 50–55).

Слой был перекрыт объектами (некоторые были в него впущены), расположенными к востоку от большого сырцово-кирпичного дома 424 второй половины 5 в. до н.э., вероятно, связанными с жизнедеятельностью его обитателей (серия сбросов керамики 436+441, 448.1 и 2, 446, вкопанные амфоры «а» и «б»). Дом 424 был построен в середине – начале третьей четверти 5 в. до н.э. непосредственно на руинах сгоревшей глиноплетневой постройки 443¹⁷, существовавшей во второй четверти 5 в. до н.э. (рис. 3. 2).

Характеризуемый слой локален (восточная часть кв. LXIII – кв. LXVI).¹⁸ Структура его определяется чередованием разноцветных глин, песка и горелых прослоек (до 12-ти). Там, где структура не была нарушена перекопами, находки практически отсутствуют. Ясно, что ее образование не было связано с хозяйственной деятельностью. Последовательность чередования горелых прослоек и стерильных подсыпок, возможно, говорит о том, что на этом участке с определенной периодичностью сжигалась растительность, после чего поверхность засыпалась чистым грунтом. С какой целью это делалось – можно лишь гадать (ритуальное очищение огнем или решение чисто прагматической, санитарной задачи?).

Стратиграфически слой датируется от рубежа 6/5 – первых десятилетий 5 в. до н.э. (начал формироваться с уровня засыпи погребений) до середины/третьей четверти того же столетия (прорезан или перекрыт объектами второй половины 5 в. до н.э.). Однако, с одной стороны, не является фактом, что слой формировался на протяжении всего временного интервала от 500/480 до 450 гг. до н.э. (присутствие в этом слое и более поздних находок, вероятно, следует объяснять их попаданием из врезавшихся в него объектов). А с другой стороны, нельзя исключать и вероятности того, что формирование слоя шло параллельно функционированию на этом участке глиноплетневых оградок. Отчасти

¹⁴ Погребение уходит в площадь кв. LXVII, на котором располагается северо-западная часть значительного архитектурного комплекса (о котором речь впереди). По нашему мнению, он связан с погребально-поминальным культом, который отправлялся здесь фанагорийцами вплоть до конца 1 в. до н.э. Предполагалось исследование этого комплекса целиком (также, как и расположенного южнее раскопанной площади участка раннего некрополя). С этой целью в 1990 и 1991 гг. были сделаны прирезки к квв. LXIV–LXX (275 м²), одновременно с раскопками которых предполагалось и исследование на площади квв. LXVII–LXVIII. К сожалению, эти планы не удалось реализовать, хотя полученные результаты сулили много интересного.

¹⁵ Хиосских, лесбосских, мендейских, фасосских, самосских, типа КТБ 27, типа фанагорийских комплексов «А» и «Б»; см. Завойкин 2004, 58–59, табл. LXVII–LXVIII.

¹⁶ Stemless, cup-scyphos, скифос, мисочка, одноручная чашка типа Agora XII, no. 754 (ок. 420–400 гг. до н.э.), кубок, светильник, лекиф, и др., в том числе со штампованным орнаментом.

¹⁷ Ср. Долгоруков, Колесников 1993, 125–127, рис. 10.

структура насыпи может объясняться периодичностью разрушений этих объектов, не имеющих выраженной жилой поверхности.

В любом случае этот слой связан с историей раннего некрополя уже после того, как он перестал использоваться для новых захоронений.

Погребение 464¹⁹ (кв. LXIV, с нижнего уровня 16-го шт.)

После снятия 16-го штыка на всей площади квадрата LXIV (желто-серая запесоченная глина, в которой отсутствовали находки), была проведена зачистка, выявившая поверхность коричнево-серой глины (запесоченной только по поверхности – это остатки перекрывающего слоя) и разрозненные обломки чернофигурного аттического кратера (типа так называемых «кратеров с колонками», распространенных со второй половины 6 в. до н.э.). Для них характерно широкое тулово на невысокой ножке, увенчанное невысоким цилиндрическим горлом с плоским отогнутым горизонтально краем. С боков этот край образует прямоугольные выступы, сливающиеся с ручками, что является характерным признаком этих сосудов.²⁰

Кратер был разбит и раскрошился на многие десятки мелких и средних по размеру фрагментов. Его обломки были рассеяны на значительной площади в юго-западной четверти квадрата (основная масса, отдельные фрагменты – значительно дальше). Сосуд не был реставрирован полностью, отдельные его части утрачены: вероятно, мы имеем дело не с целой формой, а со значительной частью сосуда; отсутствует ножка. Однако по имеющимся частям можно составить представление о его форме и декоре (рис. 5–7).

Нижняя часть тулова украшена характерным лучевым орнаментом, выполненным разбавленным черным лаком (рис. 5. 1–3). Выше – толстая полоса черного лака. Венец плоский, широкий, край его отогнут вниз. По верхней плоскости украшен традиционным мотивом: шествием животных – козлов, склонивших голову, рога их показаны так, что создается впечатление раздвоенности на концах²¹ (рис. 5. 4, 5; 7. 15, 16). Выступающие пластинки ручек расписаны пальметтами и завитками (рис. 5. 6; 7. 1), что указывает на нижнюю дату – конец 6 в. до н.э.²² Нависающая часть венца декорирована плющом между двух узких горизонтальных полосок (рис. 6. 3). Верхняя часть плеча орнаментирована небрежно выполненными язычками, ограниченными снизу узкой горизонтальной полоской, являющейся верхней границей метопы, нижнюю границу которой образует широкая полоса лака. Метопы с боков ограничены вертикальными гирляндами плюща, под ручками – пространство, заполненное черным лаком. В метопах сложная многофигурная композиция, сюжет которой не вполне ясен (вероятно, шествие ряда персонажей). Здесь изображено несколько фигур, одна из которых (вправо) держит в руке кифару (или опирается на нее); человек задрапирован в длинные одежды, орнаментированные процарапанными крестиками.²³ Другой персонаж, закутанный в плащ, стоит перед ним (влево), подняв руку перед лицом и «показывая что-то на пальцах» левой руки (рис. 6. 1, 2); за спиной у него гирлянда. Еще две

¹⁸ Далее к западу площадь не исследовалась.

¹⁹ На некоторых полевых фото ошибочно был указан № 465.

²⁰ См. Сидорова 1984, 71 сл.

²¹ Ср. CVA Moscow 1 (Russia 1), 23–24, pl. 24. 1, 2.

²² Ср. CVA Moscow 1 (Russia 1), 24, pl. 24. 4.

²³ К сожалению, некоторые склеенные части кратера распались на фрагменты при хранении в Таманском музейном комплексе. При повторном знакомстве с материалом не все фрагменты удалось обнаружить. Поэтому придерживаемся описания находки, выполненного в момент ее наиболее полной сохранности.

фигуры стоят вправо: бородатый мужчина в плаще (держит копье или, скорее, посох²⁴), лицо его трактовано гравировкой особенно тщательно: контур волос, уха, бороды и усов, глаза со зрачком, радужная оболочка оставлена черной (рис. 6. 5). Такая основательность гравировки контрастирует с небрежностью исполнения черт лица и одежды других персонажей, в частности стоящего влево, к нему спиной, человека, поднявшего руку ладонью вверх, у которого в результате «сползания» лака при обжиге глаз и бровь, выполненные более схематично, оказа-

Рис. 5.
Тризна погребения 464.
Фрагменты аттического
чернофигурного кратера

²⁴ Ср.: CVA Moscow 1 (Russia 1), 23, pl. 23.3; Beazley Archive, no. 320329 (Beazley 1971, 126: группа 'Würzburg 199', ок. 550–500 гг. до н.э.).

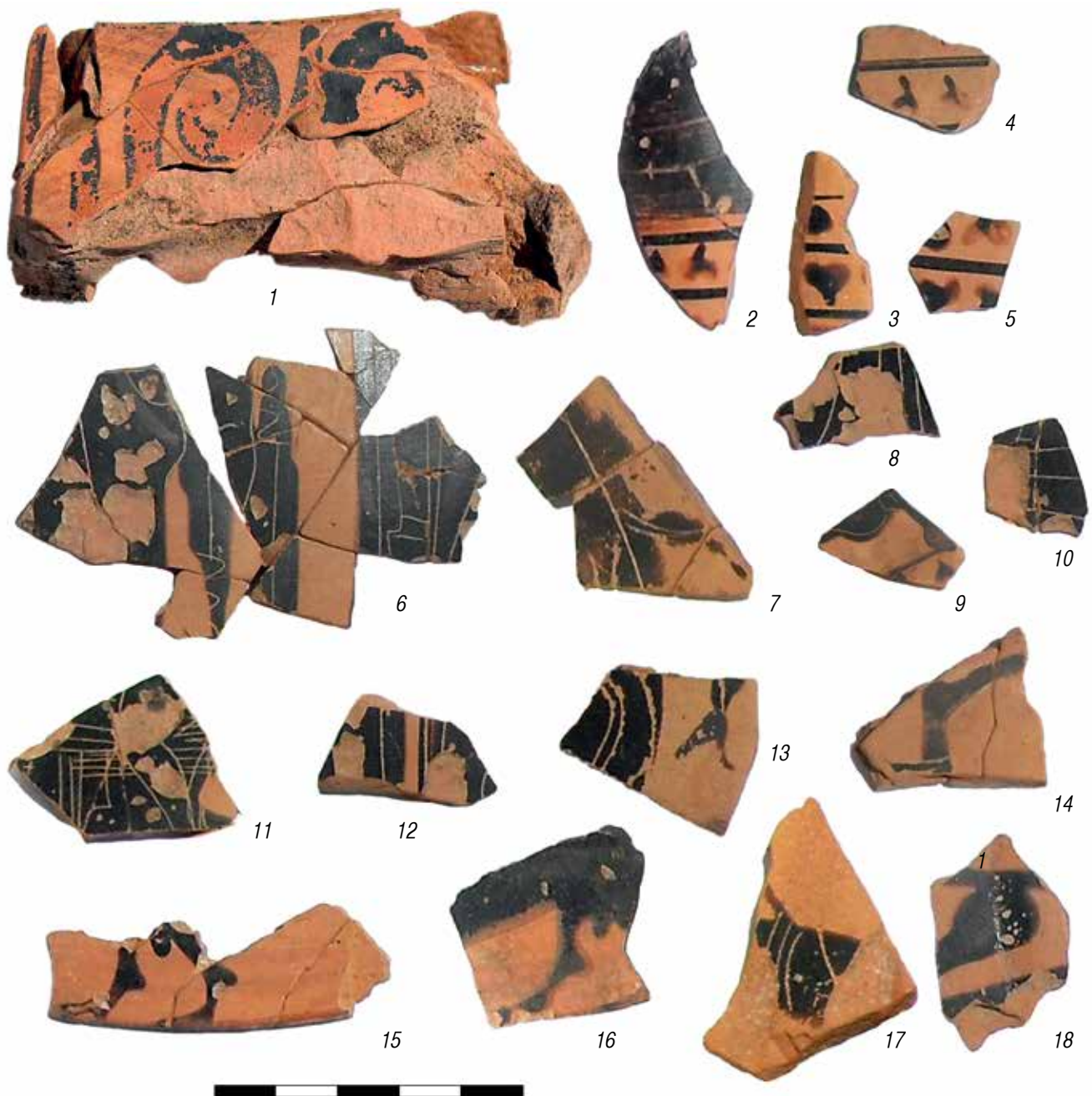
Рис. 6.
Тризна погребения 464.
Фрагменты аттического
чернофигурного кратера

²⁵ SVA Moscow 1 (Russia 1), 20, pl. 20. 2–5.

²⁶ Судя по упомянутому фрагменту из ГМИИ им. А.С. Пушкина, возможно, это изображение женщины, ее лицо и руки выполнены белилами, на фанаторийском экземпляре (рис. 6. 5), вероятно, белила на лице «сгорели».

²⁷ См. Сидорова 1984, 78.

лись прочерченными на носу (рис. 6. 1). Изображение бородатой головы персонажа с посохом очень напоминает головы на ручках кратеров круга Лидоса середины 6 в. до н.э.²⁵ Перед человеком с посохом, спиной к нему стоит еще один человек.²⁶ Помимо того, на фрагментах изображение полуобнаженного человека, нижняя часть лица старика, борода которого выделена пурпуром и гравированными штрихами; пурпуром же трактованы еще какие-то непонятные нам детали. Внутри кратер покрыт жидким черным лаком; снаружи покрытие светло-оранжевое. Манера росписи размашистая, небрежная. Возможно, сосуд следует датировать концом 6 – началом 5 в. до н.э.²⁷

Среди обломков кратера был найден небольшой фрагмент ионийского чернолакового килика (верхняя часть с ручкой), имеющего внутреннюю слабребристую поверхность, наружная же (кроме верхней полосы под венцом) покрыта жидким светло-бурым, полупрозрачным лаком (рис. 8). Килик, видимо, следует датировать последней третью 6 в. до н.э.²⁸

Кроме развала керамики на границе материка и серо-желтой глины было обнаружено пятно овальной формы буро-коричневого цвета с древесными угольками и тленом. Размеры пятна (в пределах квадрата, южная часть его уходит в борт) составили 1,20x1,89 м. Следы бурого древесного тлена прослеживались по кромке пятна, по которой

Рис. 7.
Тризна погребения 464.
Фрагменты аттического
чернофигурного кратера

²⁸ См. Буйских 2013, 108, кат. 8.55–8.68.

Рис. 8.
Тризна погребения 464.
Фрагмент ионийского килика

и начата была расчистка погребения (рис. 9). Под прослойкой (4–5 см у северного края в центральной части) выявлена тонкая не сплошная прослойка песка, ниже – остатки деревянных досок (рыхлый древесный тлен бурого цвета сохранил следы древесной структуры). Всего их расчищено двенадцать: 10 поперечных и остатки 2-х продольных. Поперечные доски лежали по линии С–Ю на заплечиках грунтовой могилы (прослежено только в северной части, южное заплечико осталось в борту). Параметры досок таковы²⁹ (табл. 2).

Таблица 2. Параметры досок перекрытия погребения 464

№ п/п	Длина	Ширина	№ п/п	Длина	Ширина	Примеч.
	см			см		
1	92	9–10	7	(120)	9	–
2	96	10–14	8	115	9	–
3	98	14	9	–	10–12	–
4	(55)	12	10	ок. 115	10–11	–
5	103	12	11	–	7	продольн.
6	110	11	12	–	9	продольн.

Под тяжестью грунта перекрытие просело и сползло на уровень –2,20–2,62 от «Ро».³⁰ Внимательное исследование поверхности показало, что поверх лежащих поперек могильной ямы досок были положены очень тонкие жерди, или, вероятнее, – хворост/тростник (поперечный размер следов ок. 1–2 см). Лучшая сохранность деревянных досок была на заплечике, где следы продольных прутьев были видны довольно отчетливо. На склоне (бортике) самой могильной ямы и в западной ее части следы тлена едва различимы, исключая крайние восточные доски, которые просели слабо и сохранились лучше. На восточном и западном краях могильной ямы кроме того были расчищены концы двух продольных досок (жердей? № 11 и 12). Вероятно, средняя их часть обрушилась внутрь могилы вместе с поперечными досками (там они не прослеживались).

²⁹ №№ с востока на запад в пределах раскопанной площади, по сохранившимся участкам.

³⁰ Общий для раскопа нулевой репер, в качестве которого был принят уровень угла одного из квадратов (теперь неустановимый).

1

2

Рис. 9.
Погребение 464. Перекрытие,
виды с Ю-ЮЗ (1) и запада (2)

В юго-западной части центральной западины над могильной ямой видны были следы темно-бурого тлена, структура которого мелкопористая, рассыпчатая, не составляющая сплошных массивов, как на досках. Возможно, это остатки травянистого (?) покрытия, положенного поверх прутьев.

Таким образом, структура лежащего на заплечиках перекрытия могильной ямы была довольно сложной: сначала уложены поперечные доски и две продольные жерди на их краях; поверх этого каркаса вдоль могилы были выстланы прутья (камыш), а на них положена трава (?). Длина могилы по перекрытию достигала 1,77 м, ширина – полностью не установлена, ширина северного заплечика – ок. 0,30 м; прослеженная ширина (заплечика плюс могильной ямы в верхней части) – 1,18 м (рис. 10. 1).

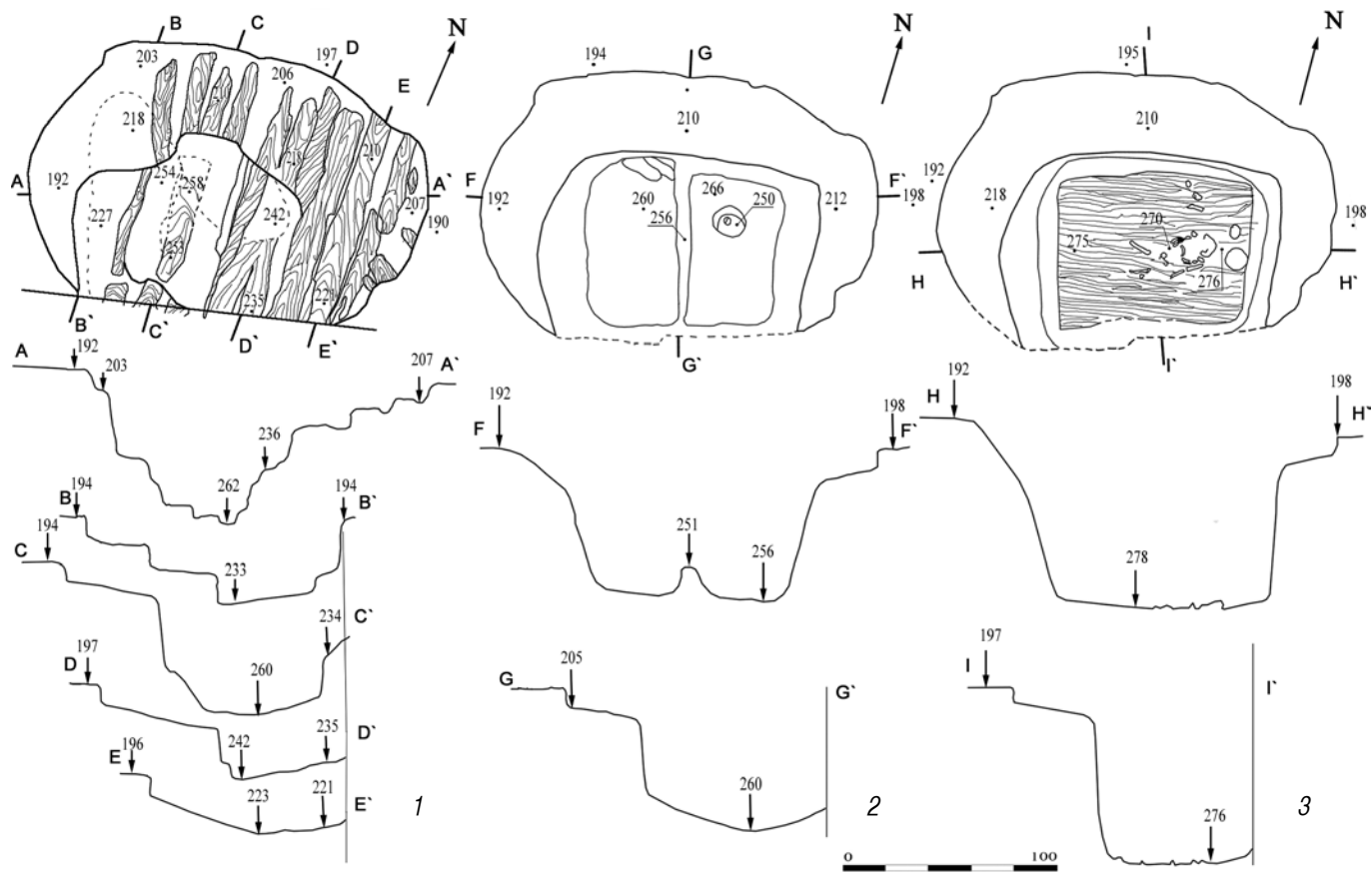

Рис. 10.
Погребение 464. Планы и разрезы:
на верхнем (1 – перекрытие), среднем
(2) и нижнем (3 – труположение)
уровнях

Особенно глубоко перекрытие просело в центральной части могилы, образовав углубление 0,60x0,38 м в плане. Доска 1, лежащая на восточном уступе практически не просела, но лежала наклонно (с севера на юг перепад высот 0,16 м). Доски № 2 и 3 прогнулись на 0,30 м; № 4–8 – на 0,40–45 м; № 9 и 10 – примерно так же, как № 2 и 3. Западные концы продольных жердей (№ 11 и 12) лежали на самом краю западного уступа и при проседании рухнули вниз, оторвавшись от края, поэтому прослежены только их короткие следы. После снятия средней части перекрытия над могильной ямой, было выбрано ее заполнение, рыхлая, рассыпчатая серо-коричневая глина, обильно насыщенная темно-бурым тленом (совершенно аналогичным тлену, который лежал поверх досок, но здесь еще отчетливо видны отпечатки травянистых растений, тлен здесь гораздо обильнее). Под рыхлой серо-коричневой глиной маленькими участками проявилась прослойка желтого песка.

На ней в 0,77 м от северо-восточного угла могильной ямы найден обломок стеклянного («финикийского») алабастра (рис. 11. 2) горловиной вверх. Под основной массой серой глины с обильными включениями тлена открылась следующая картина (см. 2-й уровень расчистки; рис. 10. 2; 11. 1): в центре могильной ямы – пространство прямоугольного контура (0,84x0,68 м), с востока и севера ограниченное ровной полоской древесного тлена (толщина 3–4 мм), которая образовывала слегка скругленный прямой угол. Поперек этого пространства лежали остатки деревянной плахи на небольшом уступе (ее длина 0,74 м, ширина – 0,08 м).

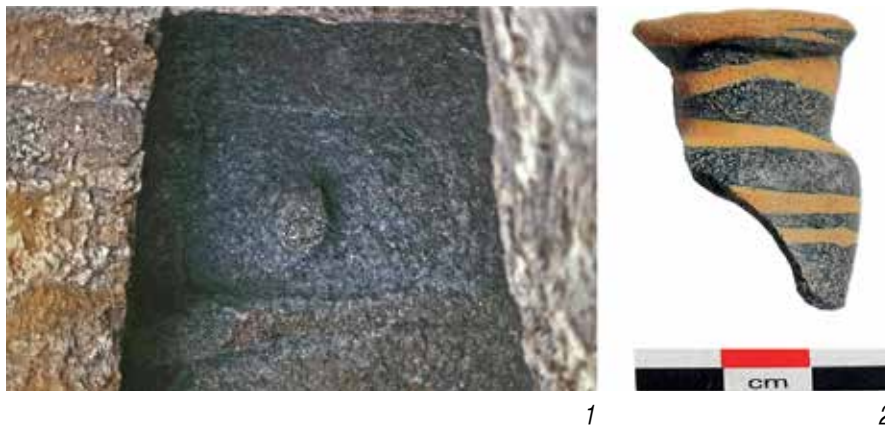

Рис. 11.
Погребение 464.
Фрагмент стеклянного алабастра
под деревянным перекрытием (1, 2)

В заполнении – белесая комковатая глина с бурым тленом. Видимо, это второе перекрытие (на плаху был положен тростник?), на котором и лежал обломок алабастра. Под этим перекрытием, на уровне $-2,75$ м на подстилке³¹ лежал костяк ребенка не старше 3–4-х лет: на спине, головой на восток (рис. 10. 3). Сохранность скелета очень плохая. Кости совершенно разложились и едва были различимы рыжеватыми пятнами на фоне темно-бурой подстилки; рельефности почти не сохранили. Череп лежал на правом боку. Анатомический порядок скелета несколько нарушен, отсутствуют кости обеих голеней и мелкие кости кистей и стоп (вероятно, не сохранились). Левая рука вдоль тела; правая плечевая и предплечье – чуть в стороне; ребра в анатомическом порядке (сохранность лучшая); ноги в бедрах несколько разведены в стороны.³²

В головах и справа от костяка расчищены остатки неких предметов (?) (трех – пяти), не сохранивших ни формы, ни структуры; характер их установить не удалось (остатки – пористой костной ткани). В области ног

³¹ Может быть, на плетеной циновке – виден только тлен, по которому структура плетения не улавливается. Однако в пользу такого заключения говорит: 1) правильная прямоугольная форма отпечатка на дне чуть более обширной ямы; 2) продольная структура тлена; 3) темно-бурый цвет тлена, отличный от цвета досок и аналогичный второму перекрытию. Подстилки из органических материалов на дне архаических могил – не редкость. Например, в некрополе Ольвии отмечаются случаи, когда не только дно, но и стенки (ср. в погребении 46.80) могильной ямы обкладывались тростником (Скуднова 1988, 7, кат. 160, 170, 231, 232, 201). В.М. Скуднова, ссылаясь на материалы Тузлинского некрополя (см. Сорокина 1957, 8, 18), отмечает, что для погребальных памятников Таманского п-ова

более характерны подстилки из камки.

³² Такой вариант положения относим к погребениям с элементами скорченности («скорченно на спине» или в позе «всадника»; см.: Сударев 2005, 134; 2004, 332–339). Подобные погребения иной раз рассматриваются как варварские или греко-варварские. Сторонники этой точки зрения связывают их, в зависимости от места, с таврами (Белов 1938, 192–195; 1948, 32; 1950, 278; 1978, 51, 52; 1981, 171, 178; Пяташева 1949, 122–124; 1957, 251–254; Стрелецкий 1948, 95; и т.д.), скифами (Капошина 1941, 161–173), синдами и меотами (Коровина 1964, 93–94; Марченко 1956, 115; Масленников 1976, 112–126; 1981, 29–30), кизил-кобинцами (Зинько 2003, 105) или с «не-греками – варварами» в широком смысле (Гайдукевич 1959, 186; Кастанаян

1959, 283; Синицин 1962, 47–50; Соловьев 2003, 120–121; Шелов 1961, 90; Чевелев 1989, 127). В ряде работ мы уже обращались к этой теме (Паромов, Сударев 2000, 202–203; Сударев 2005, 134; 2004, 332–339; 2010, 442–443). Рассматриваемый тип погребений нередок для греческих городов в разных пунктах ойкумены, однако в различных некрополях он встречается в разном количестве и процентном соотношении с другими типами. На территории Причерноморья они коррелируются с детскими захоронениями в амфорах. Стоит отметить, что их присутствие и в некрополе Абдеры (Scarlatidou 1986, fig. 8; 1987, 427; Hürmüzli 2004, 77 f.; Tzannes 2004, 97 f.). Относить эти погребения к числу варварских не имеет смысла, скорее это одна из особенностей Фанагорийского некрополя.

Рис. 12.
Погребение 464.
Фрагменты арибаллического лекифа
из могилы

³³ Фрагментарность предмета ограничивает возможности указать точную аналогию. Близкие по форме сосуды из некрополя Пантикапея датируются в пределах второй половины 6 и всего 5 в. до н.э. (Кунина 2008, 308–309, 345, рис. 1–3).

был найден разбитый на части фрагментированный арибаллический лекиф светло-коричневой глины (рис. 12). Сохранность его очень плохая: керамика размокла до глинистого состояния, ожелезнена и покрывалась кристалликами гипса.

Непосредственное отношение к погребению имеет находка чешуек рыбы в северо-восточном углу верхнего перекрытия, у досок. Несомненно, к данному же погребению относится и развал описанного выше чернофигурного кратера, обломки которого концентрировались севернее и восточнее погребения (погребальная тризна).

Датировка погребения. Основания для определения времени захоронения ребенка следующие. 1. Инвентарь: а) фрагментированный арибаллический лекиф (роспись не сохранилась); б) фрагмент венца и горлышка алабастра «финикийского стекла» второй половины 6–5 в. до н.э. (на 2-ом перекрытии).³³ 2. Тризна: фрагментированный чернофигурный кратер конца 6 – начала 5 в. до н.э. 3. Заполнение могильной ямы, над перекрытием I (под слоем серо-коричневой запесоченной глины): а) фрагмент венца «протофасосской» амфоры; б) фрагмент венца и ручки хиосской амфоры – оба первой половины 5 в. до н.э.

Таким образом, погребение 464 можно датировать концом 6 – началом 5 в. до н.э.

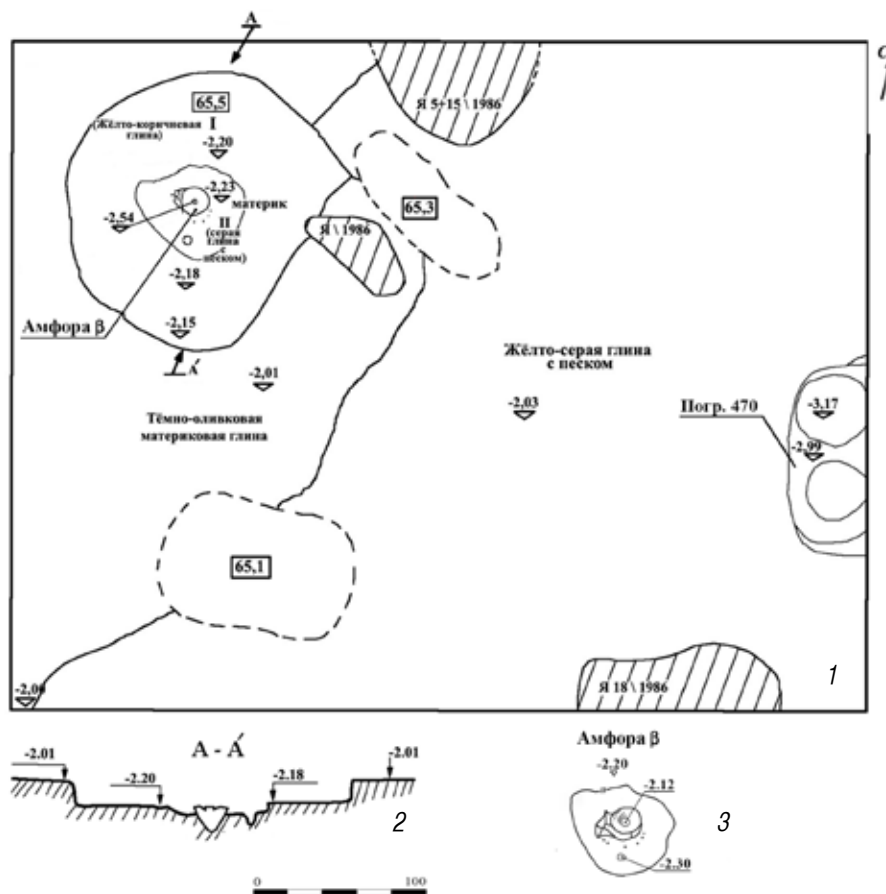

Рис. 13.
Тризна 65.5.
План (1), разрез (2), днище амфоры
«β» (3)

Тризна 65.5

Объект 65.5 представляет собой остатки погребальной тризны. Верхний уровень объекта, раскопанного в северо-западном углу кв. LXV был выявлен при зачистке на уровне –1,89–1,91. Северо-западная часть врезанной в материк внешней ямы (I) была перекрыта нижней частью канавок под плетень 65.2 (рис. 4, 13). Полностью выявленное пятно внешней ямы тризны, заполненной желто-коричневой глиной с мелкими древесными угольками, имело размеры 1,62x1,53 м и 0,20 м в глубину. В плане яма имела округлую форму, бортики ее почти отвесные. В центральной части внешней ямы располагалось небольшое (0,50x0,61x0,03–0,06 м) углубление (II) неправильной в плане формы (округлое, с вытянутым к З-СЗ углом), заполненное серой золистой глиной, содержащей мелкие остатки древесного тлена (в восточной части) с песком и мелкими обломками керамики. В центре этого углубления *in situ* стояла «вдавленная» в материк нижняя часть красноглиняной эолийской амфоры (КТБ 96) без ножки.³⁴ Достаточно яркие характеристики глины и формы позволяют отнести фрагмент совершенно определенно к числу красноглиняных эолийских амфор (так называемых амфор «со стаканообразными доньями») и, соответственно, датировать ее (и объект в целом) второй половиной 6 – первыми десятилетиями 5 в. до н.э.

При отслоении грунта заполнения в темно-оливковой глине удалось проследить отпечатки вертикально стоящих стебельков травянистых растений (семь маленьких дырочек, ок. 2–3 мм диаметром, по контуру которых заметен бурый тлен), расположенных полукругом с южной стороны от амфоры, в 3–7 см от краев ее фрагмента. Травянистая структура тлена прослеживалась и в заполнении центрального углубления (были обнаружены и отпечатки зерен злаковых?).³⁵

В заполнении ямы обнаружены единичные мелкие фрагменты чернолаковой аттической посуды: два фрагмента расписного лекифа (плечико с растительным орнаментом (листья?); фрагмент венца и ножки аттического килика типа «С» с вогнутым венцом (рис. 14); обломок плечика закрытого сосуда тонкой розовой глины, орнаментированного коричнево-красной лаковой полосой; венчик тарелочки, край которой покрыт красноватым лаком.

Таким образом, тризна 65.5 может быть датирована последней четвертью 6 – началом 5 в. до н.э.

В завершение следует отметить: уверенно утверждать, что яма, в которой была установлена амфора, не прорезала слой желто-серой глины (4), а была полностью им перекрыта, невозможно. Не вызывает сомнений лишь то, что тризна совершена раньше или одновременно с образованием слоя серо-желтой запесоченной глины (2) – засыпью погребения 470.

Погребение 470 (квв. LXV–LXVI, с нижнего уровня 15-го шт.)

Основную массу 15-го штыка составляла сильно запесоченная глина, ровного желто-серого цвета.³⁶ Находки здесь практически отсутствовали. На подошве штыка у восточного борта квадрата LXV в 1986 г. были выявлены остатки деревянных плах и прутьев.³⁷ Дальнейшая

Рис. 14.
Тризна 65.5.
Ножка аттического килика
из заполнения ямы

³⁴ Традиция совершать возлияния на могилах, в том числе кровавые, через специальные алтари – эшары или же через сосуды с отбитым дном, как на некрополе афинского Керамика, восходит к микенской эпохе (см.: Кастанаян 1959, 291, сноски 35, 36 с литературой; Семина 1992, 253; Сорокина, Сударев 2001а, 134–136, Сударев 2005, 197, 63, сноска 90).

³⁵ Колосающиеся злаковые на могилах известны в изображениях на вазах. Не исключено, что здесь прослеживается связь с культом Деметры и ее дочери – владычицы подземного мира Персефоны (например, см. Кереньи 2000, 147, 146, рис. 39).

³⁶ Возможно, это остатки надмогильной конструкции. Разнообразные сооружения из сырцовых кирпичей (и т.п.) были довольно широко распространены наряду с курганами (Kurts, Boardman 1971, 105 f.).

³⁷ Отпечатки прутьев наблюдались также на маленьком участке около юго-восточного края ямы 15. Это, как выяснилось позднее, был западный край погребения 65.3.

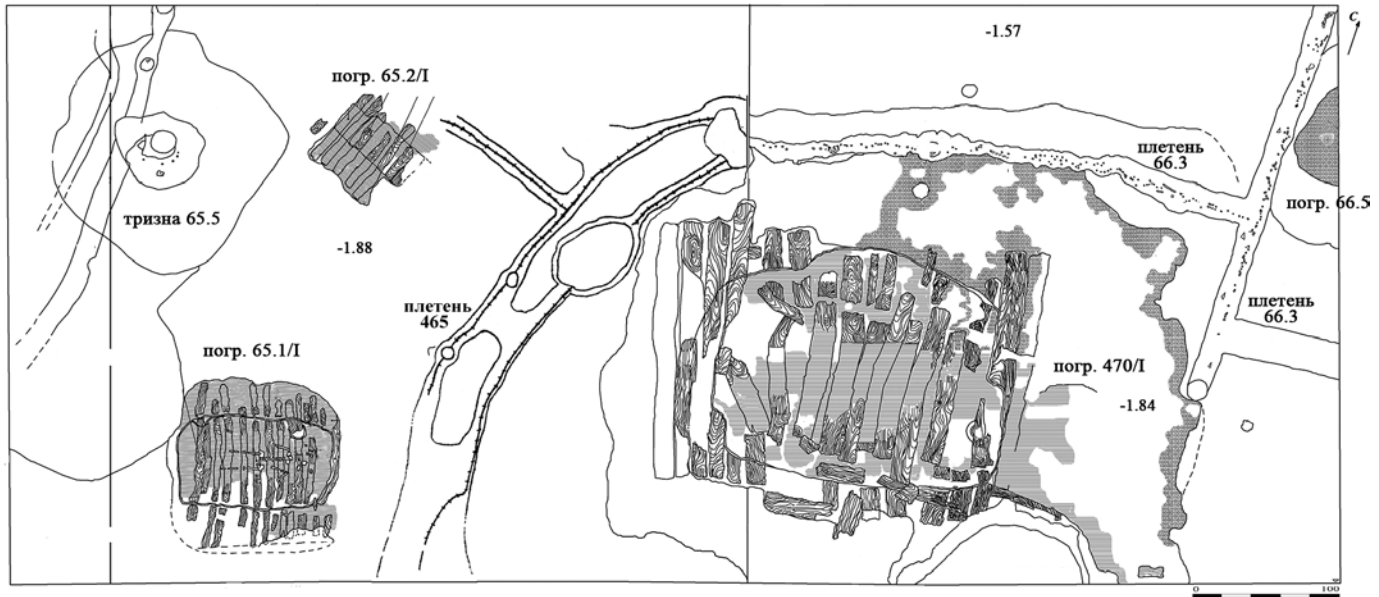
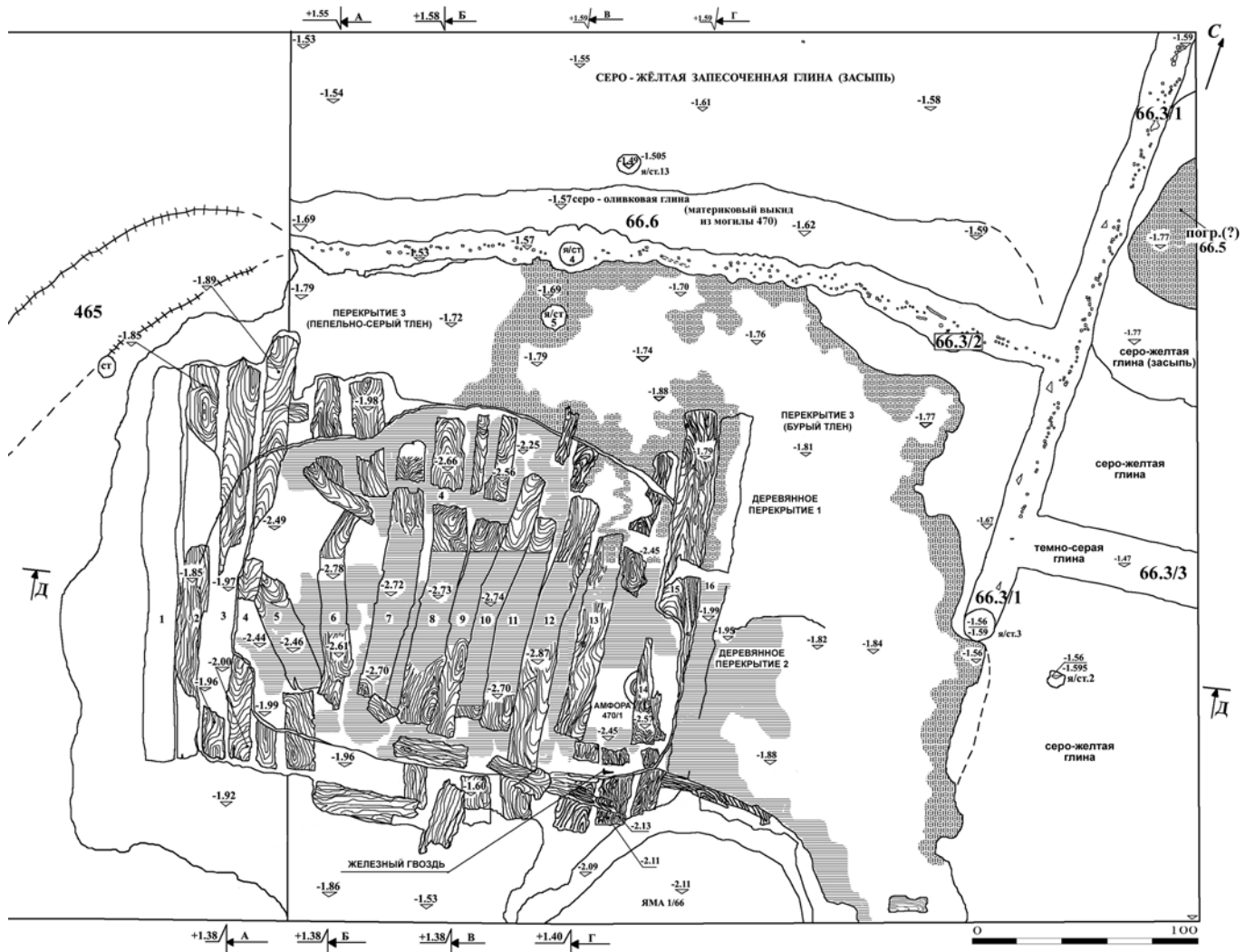

Рис. 15.
Погребения 470, 65.1 и 3, 66.5,
оградки и тризна 65.5. План

Рис. 16.
Погребение 470.
План на уровне перекрытия

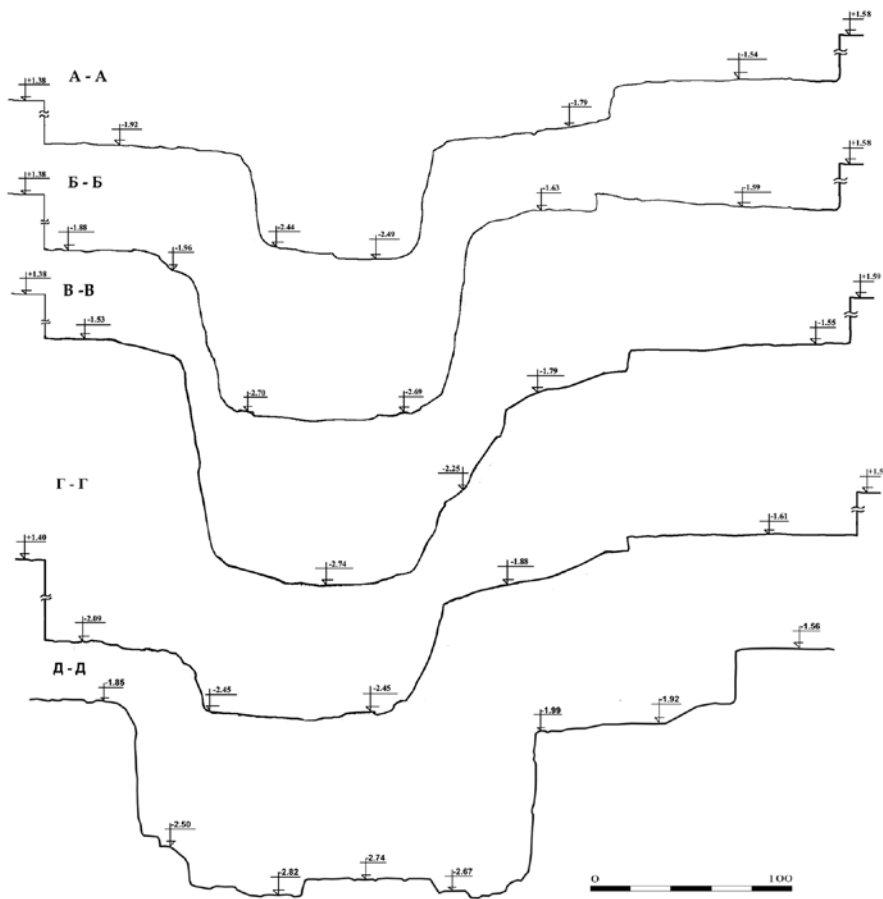

Рис. 17.
Погребение 470.
Разрезы на уровне перекрытия

расчистка органических остатков выявила, что мы имеем дело с западной частью погребения. Исследование комплекса было продолжено и завершено в 1988 г.

Стоит отметить, что пятно могильной ямы совершенно не читалось на зачищенной поверхности. Только с уровня $-1,64$ – $-1,70$ м появились первые следы органических остатков перекрытия могилы. Заполнявший провал над перекрытием грунт – та же желто-серая запесоченная глина, из-за обилия песка незначительной вязкости. Поверх лежал слой такого же грунта (мощностью $0,40$ – $0,50$ м), с поверхности которого были врыты столбы и плетни конструкции 465–66.3 (оградки)³⁸, после чего на данной поверхности формируется слоистая структура 440+450 (тоже, вероятно, связанная с погребальным комплексом).³⁹

Погребение 470 расчищалось и фиксировалось в три этапа: I – уровень органического перекрытия (сверху вниз): а) застил из морской травы; б) деревянное перекрытие («листом», см. рис. 18); в) продольные и г) поперечные доски, перекрывающие могильную яму (несущее перекрытие); II – уровень положения костяка с погребальным инвентарем на тростниковой (?) подстилке, лежащей на деревянном настиле; III – могильная яма, расчищенная от завалов грунта по матеруку.

Комплекс погребения 470 занимает значительную площадь (рис. 15, 16). По верхнему перекрытию (Ia) его длина составляет ок. $3,40$ м (З–В), ширина (до южного борта, в который перекрытие частично

³⁸ Взаимосвязь погребений со столбово-плетневыми конструкциями была ясна уже к тому моменту: «... на это указывает как планиграфия объектов, так и характер («не жилой») объектов 453, 465 и 440+450, не связанный ни с какими другими; наконец, отсутствие находок (что отчетливо прослежено на ненарушенных участках) как в слое серо-желтой запесоченной глины, так и в лежащей на ее поверхности слоистой структуре, что указывает на то, что хозяйственная деятельность... не затронула этой территории в данное время... Поселяются здесь греки... не ранее середины V в. до н.э. В 3-й четверти этого столетия строится большое здание из сырцового кирпича (424, несколько западнее погребальных участков)» (Завойкин 2004, 25–27).

³⁹ Возможно, как уже было сказано, здесь производилось периодическое выжигание травы (?) и засыпка поверхности песком и глиной. См. выше.

1

2

Рис. 18.
Погребение 470.
Элементы деревянного перекрытия

уходит) – 2,95 м. Таким образом, расчищенная по органике площадь составила ок. 10 м². Погребение представляет собой захоронение в грунтовой яме с заплечиками, с усложненной профилировкой дна. Первоначально с уровня желто-серой глины (4) была вырыта широкая яма подпрямоугольной формы размерами 2,50x1,80x[0,10] м, на края которой позже были положены концы досок перекрытия. Длинной стороной яма ориентирована по оси В–З. В центре этой ямы была впущена собственно могильная яма 1,87x1,07 м, глубиной 1,22 м (–2,82 м от «Ро»), тоже подпрямоугольной в плане формы. Затем в материковой глине дна, с торцевых сторон, выкопаны небольшие овальные углубления (восточное – 0,96x0,48 м; западное – 0,96x0,53 м) глубиной от уровня дна могильной ямы 0,12 и 0,17 м соответственно. Наконец, в северные и южные концы этих овальных углублений впущены четыре округлые ямки (СВ – 0,41x0,33; ЮВ – 0,43x0,42; СЗ – 0,43x0,44; ЮЗ – 0,36x0,36 м, глубины их соответственно – 0,46; 0,46; 0,35; 0,36 м).

Рис. 19.
Погребение 470.
На уровне перекрытия,
вид с юго-запада

Таким образом, общая конфигурация могильной ямы весьма сложная: это грунтовая яма с заплечиками по южному и северному бортам (эти борта наклонные, в то время как западный и восточный – почти отвесные); с горизонтальным в центральной части дном (подпрямоугольное: западная и восточная стороны вогнутые); с овальными углублениями в восточном и западном концах и с округлыми ямками в их северных и южных краях⁴⁰ (рис. 15, 16, 23).

Ямки в углах могильной ямы, вероятно, служили для установки ножек деревянной *клине*.⁴¹ Кроме того, в юго-восточной ямке, слева от головы погребенного, была установлена красноглиняная ионийская амфора и находился раздавленный чернофигурный аттический лекиф. В северо-восточной ямке (на дне ее, примыкая к северному бортику) лежал обломок длинной кости барана (?), ок. 7 см.⁴² Больше никаких находок в ямках не обнаружено. В заполнении этих углублений – материковая глина с древесными остатками настила и перекрытия в верхней части.

После сооружения могильной ямы и установки в юго-восточной ямке амфоры, рядом с которой были брошены обломки лекифа, дно могильной ямы было покрыто досками (видимо, продольными, стыки досок не прослежены, толщина тлена – до 1 см). Дощатый настил

⁴⁰ По этому признаку погребение относится к типу I/4 (с заплечиками – ступеньками по бокам могильной ямы), по классификации Н.И. Сударева (2005а, 73 и сл.). Этот тип погребальных сооружений, широко известен в античных некрополях. В степи они редки, хотя В.С. Ольховский (1991, 21) отмечает, что их, вероятно, было значительно больше, но зачастую невозможно этого проследить из-за особенностей грунта (то же самое, видимо, относится и к некрополям Боспора). В некрополях Боспора и в других центрах греческой ойкумены они также известны (Kurtz, Boardman 1971, 197, 315; Robinson 1942, 118–124, pl. LXI. 3; Hencken 1958, 260–272). Заплечики могли использоваться не только в качестве подпорки под перекрытие, но и для размещения инвентаря. В некрополях Пантикапея, Тузлы и некоторых других центров Боспора могил этого типа большинство, к нему относятся почти все погребения с в грунтовых ямах с перекрытиями.

⁴¹ Аналогичные углубления вдоль узких сторон могильной ямы нередко встречаются в разных уголках греческого мира. В Причерноморье, например, они фиксируются в ранних мужских погребениях некрополя Нимфея (A59, A60, A114, 1, 2/1993). Предполагается, что «... под тело умершего ставился деревянный по-

мост на широких подставках...» или, что они служили «... для ножек деревянного помоста» (Грач 1999, 47–48, 65, табл. 31, 32, 65; Zinko 2001, 313–314, fig. 7). Эта же черта характерна и для погребений некрополя Артющенко-2 (см. Кашаев 2009, № 40, 43, 45, 47, 64–66). Ранее она была отмечена в Тузлинском некрополе (Сорокина 1957, 8). Нередко встречается эта черта и в некрополе Гермонассы (Ковальчук, Крайнева, Сударев, Чевелёв 2009, 97–101). Распространена эта черта обустройства могильной ямы и для архаического некрополя Ольвии, главным образом, в могилах больших размеров (Скуднова 1988, 9). Известны такие погребения в некрополе Калос Лимена (Кутайсов 2011, рис. 66, 68, 70, 74), некрополях Панское 1 (Рогов 1998, 26, 99, 159), Аполлонии Понтийской (Hermay, Panayotova, Baralis, Damianov, Riapov 2010, pl. 34). Ср. форму могильной ямы с углублениями по углам в некрополе Врулии (Родос), кремация, ок. 600 г. до н.э. (Kurtz, Boardman 1971, 174–175, fig. 30). Отметим, что в Фанатории такие погребения, в том числе 5 в. до н.э., не редкость: они были открыты на юго-восточном некрополе в 2012 г. Эта традиция находит продолжение и в более позднее время (см. Усачева 1979, № 4, 6, 19, 33).

⁴² Следы заупокойной напутственной пищи отмечены также, например, в некрополях Тузлы и у хут. Кротенко (Кастанаян 1959, 291). Поскольку некоторыми исследователями считается, что в постгомеровскую эпоху кровавые погребальные жертвоприношения в Греции отходят в прошлое (заменены возлияниями разного рода благоволий и т.п.), то и присутствие напутственной пищи в погребениях рассматривают как проявление «пережитков» или следствие влияния на обряд варварских обычаев. Представляется, что поскольку кровавых жертвоприношений в Элладе никто не отменял (исключая последователей особого рода учений), то нет и достаточных оснований для мнения, будто они были исключены полностью и из погребальной практики. Мясная напутственная пища встречается в различных некрополях античного мира. Неоднократно отмечалось, что переносить законодательство Афин на весь греческий мир – некорректно. Так, в некрополях Южной Италии одним из распространенных предметов в могиле является шампур, а часто – наборы шампуров с небольшим мангалом (Kurtz, Boardman 1971, 72, 75, 100, 110, 215; Garland 1985, 36, 145; Сударев 2005, 197–199; Паромов, Сударев 2000, 206).

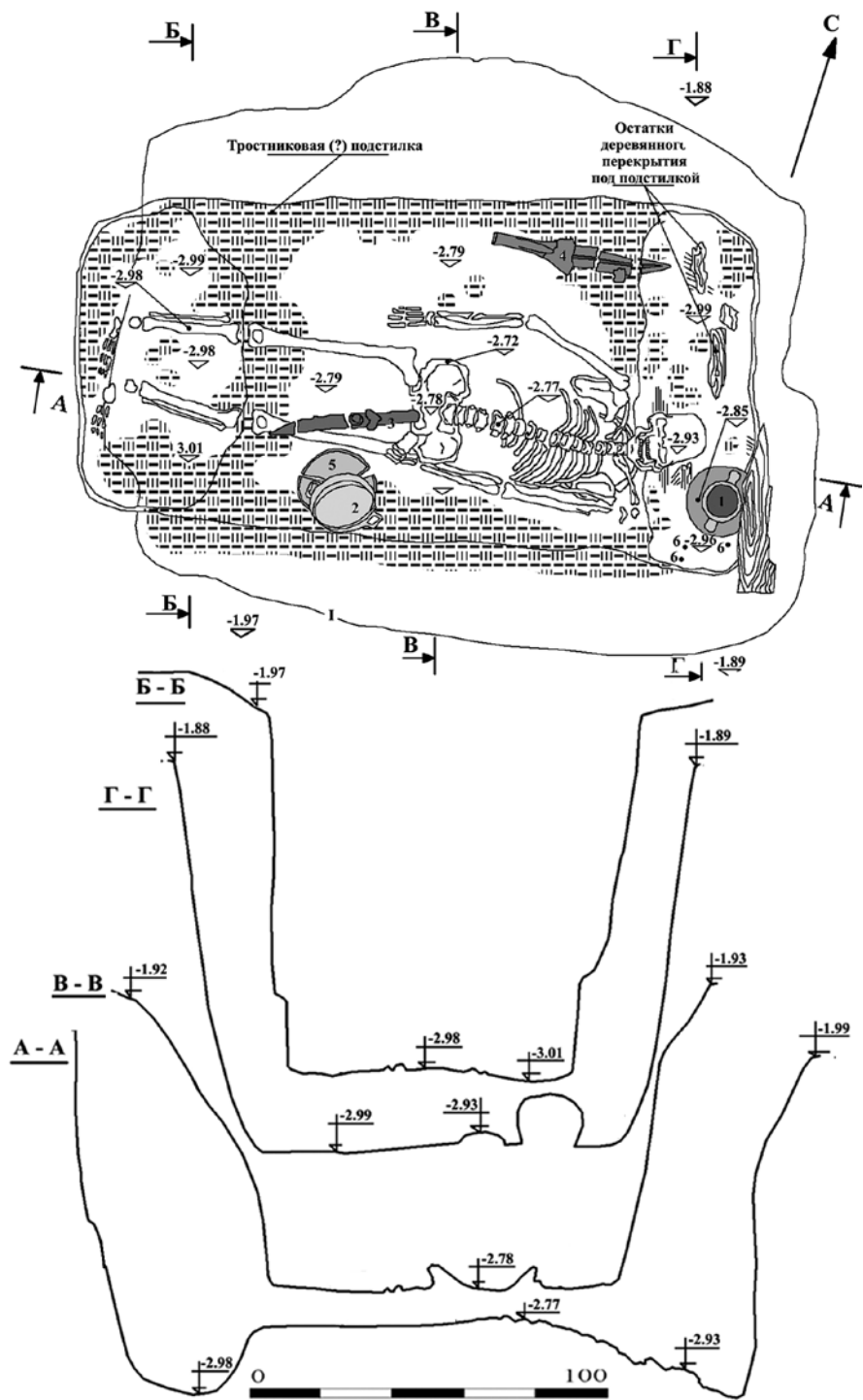

Рис. 20.
Погребение 470.
План и разрезы на уровне
трупоположения. Инвентарь:
1 – амфора,
2 – килик чернолаковый,
3 – кинжал железный,
4 – наконечник копья железный,
5 – миска сероглиняная,
6 – место находки фрагментов
чернофигурного лекифа

(или κλίνη?) целиком перекрывал дно могилы (кроме угла, где стояла амфора). Затем на этот настил была положена подстилка (циновка?) из травянистого растения (камыш?). И уже на нее уложен покойный.

⁴³ По определению сотрудника Института антропологии АН СССР Т.В. Томашевич (конец 1980-х – начало 1990-х годов).

Погребенный – мужчина 30–40 лет⁴³, весьма рослый (не менее 1,80–1,85 м), был положен вытянуто на спину, головой на восток: ноги вытянуты параллельно, кости стопы завалились налево. После

Рис. 21.
Погребение 470.
Уровень труположения, вид с юга

Рис. 22.
Погребение 470.
Уровень труположения, вид с запада

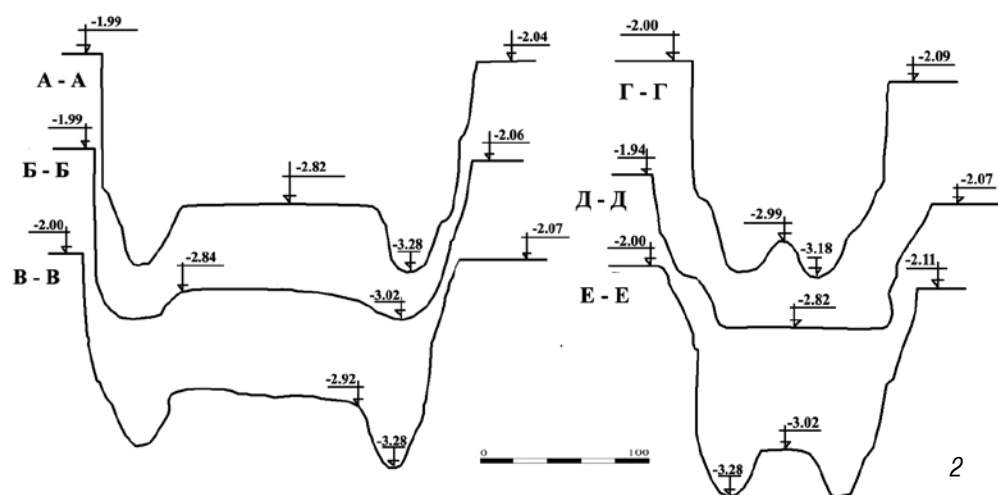
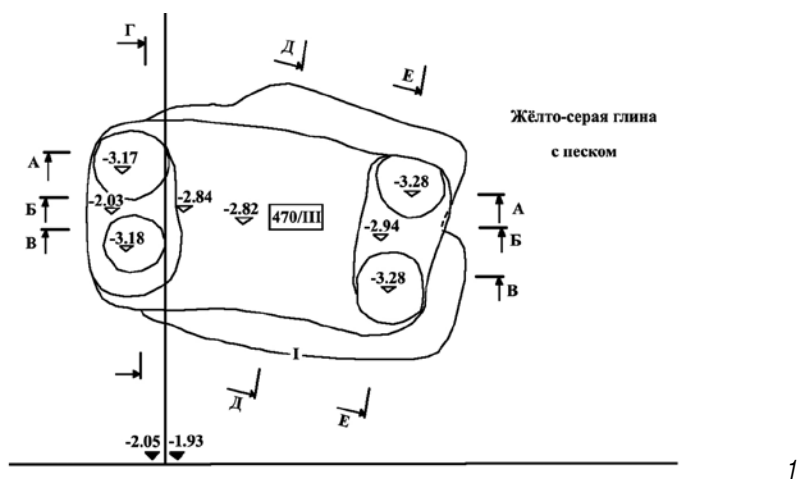

Рис. 23.
Погребение 470.
Уровень дна
могильной ямы,
план (1)
и разрезы (2)

Рис. 24.
Погребения 470,
65.1 и 65.3 на уровне материка,
вид с 3-С3

разложения и последующего проседания деревянного настила в западное углубление кости голени отделились от колен и «сползли» пятками вниз, причем коленные чашечки остались на месте. Правая рука умершего чуть согнута в локте, несколько отведена в сторону. Кости предплечья лежали параллельно позвоночному столбу. Левая рука была прижата к корпусу, кисть ее лежала на головке бедра. Череп вместе с верхними позвонками после проваливания деревянного настила завалился в восточное углубление (рис. 20–22).

Помимо амфоры, поставленной в головах, и обломков лекифа слева от покойника, справа, прямо на уровне плеча, в 0,16 м от локтя, был положен большой железный наконечник копья⁴⁴, развалившийся на три части (острие сползло в восточное углубление). На (поясе) воина был железный кинжал-акинак, навершие его приходилось на паховую область, острие клинка лежало на нижней части левого бедра (после разложения металла кинжал распался на три части).⁴⁵ В двух сантиметрах от средней части левого бедра лежало еще два предмета погребального инвентаря: большая сероглиняная миска, раздавленная грунтом на четыре части, в которой под углом ок. 20° к горизонту лежал чернолаковый килик (рис. 20, 21, 22).

Инвентарь.

Инв. 470/1 – красноглиняная ионийская тарная амфора высотой 520 мм. Точных аналогий в коллекциях и публикациях не известно (фрагменты таких амфор встречены во время исследований в Фанатории на раскопе «Верхний город»). Верхняя часть сосуда имеет морфологические черты, сближающие его с так называемыми «протофасосскими» (горло отделено от плеча невысоким профилем, на уровне верхнего корня ручек – тонкий врезной желобок; небольшой чуть нависающий венчик, ручки овального сечения, максимальный размах имеют в нижней трети, и др.). Нижняя часть тулова конически сужена к ножке,

⁴⁴ Металлические предметы из погребения были мастерски реставрированы Д. Толстовым, сотрудником Музея истории Москвы.

⁴⁵ Аналогично положение акинака в погребении Г8, в комплексе с наконечниками стрел (3) и лекифом (Грач 1999, табл. 143); иначе – в погребениях А171 (вдоль правого бедра) и А78 (под головой) (Грач 1999, табл. 94, 45). Наибольший же интерес представляет аналогия из раннего некрополя Гермонассы: в погребении 1/1940 г. «В изголовье по правую руку костяка найден железный наконечник копья с втулкой (длина 40 см). У левого бока в диагональном направлении к костяку лежал, заходя рукоятью на таз, железный акинак с

сердцевидным перекрестием и волютообразным навершием на рукоятке...» (Гайдукевич 1959, 180–181). Такой («скифский») способ ношения меча известен и в погребениях некрополя Тузлы. Об этом и об аргументации «варварской» интерпретации этого источника см. Кастанаян 1959, 289–290 с литературой. Аналогии мечу и его положению в погребениях боспорских некрополей весьма многочисленны. Ограничимся еще только парой примеров: в некрополях Кеп и Артющенко 2 (см.: Сорокина, Сударев 2002а, 234–240; Ворошилов, Кашаев 2010, 66–86). В ряде работ мы рассматривали аргументацию авторов, считающих само наличие оружия в погребениях варварской чертой, как и ме-

сторасположение мечей (Сударев 2005, 275–284, Завойкин, Сударев 2006а, 103 сл.; Паромов, Сударев 2000, 208). Здесь отметим только, что ни наличие оружия в погребениях, ни его местоположение не являются чем-то необычным не только для Таманского п-ова, но и для остального для греческого мира (см.: Грач 1999, № Г8; Капошина 1950, 206; Скуднова 1988, кат. 224, 225, 240; Кастанаян 1959, 269; Шкорпил 1909, № 76; 1903, № 102; Kurtz, Boardman 1971, 194; Morris 1987, 151, tabl. 11; Μπέσιος 1989, 160–161, Boehlau 1898, Taf. XV. 4; Breccia 1912, 172, № 544, 545; Τσιμπίδου-Αυλωνίτη 1992, 373–377; Καραμήτρου-Μεντεσίδη 1988, 21–25; Μοσχονησιώτου 1988, 289–292).

Рис. 25.
Погребение 470.
Амфора 470/1 (КМ-11304/6)

невысокой, в виде узкого поддона с трапециевидной в разрезе выемкой (рис. 25).

⁴⁶ Agora XII, nos. 401–403; ср. Kerameikos VII, 86, Nr. 298. 3, Taf. 59. 3. Экземпляр из погребения на афинском Керамике (его диаметр 15,8 см) по аналогии с Agora XII, no. 404 датирован ок. 500 г. до н.э.

⁴⁷ Например, ср.: Скуднова 1988, 116, кат. 176; 117, кат. 176.2. Длина – 400 мм, ширина клинка – 36 мм, ширина ручки – 30 мм; из могилы ок. 525–500 гг. до н.э.; ср.: Грач 1999, 56, рис. 18. Длина 490 мм; рубеж 6–5 вв. до н.э. (с волютовидным навершием). См. также хорошо иллюстрированные образцы этого типа клинкового оружия в некрополе поселения Артющенко 2 (Ворошилов, Кашаев 2010, 75–77, рис. 1. 2–6).

⁴⁸ Ср. длину наконечника копья (40 см) из погребения 1/1940 г. в некрополе Гермонассы, тоже положенного по правую руку от погребенного, как и в более позднем (ок. середины 5 в. до н.э.) погребении 8/1938 г. (раскоп II), но наконечник иного типа, со втоком, общая длина копья ок. 167 см (Гайдукевич 1959, 180, 173, 177, рис. 37, 38).

⁴⁹ Завойкин, Сударев 2006а, 113.

Инв. 470/2 – чернолаковый килик аттического производства, тип «С» с вогнутым венцом, высота 79, диаметр – 181 мм. По аналогии с материалами афинской агоры⁴⁶ датируется 525–500 гг. до н.э. (рис. 26).

Инв. 470/3 – железный кинжал-акинак длиной 410 мм (клинок – 300 мм, ширина клинка – 35 мм) с прямым (слегка изогнутым) брусковидным навершием, короткой, чуть сужающейся к перекрестию, рукоятью и сердцевидным перекрестием; клинок прямой, равномерно «сбегающий» к острию, двулезвийный. Поверх клинка, ближе к перекрестию до расчистки и консервации фиксировалась железная «бляха» (возможно, нашитая на ножны? или это образование, связанное с процессом коррозии?). Кинжал, видимо, был подвешен на поясе, спереди и немного слева. Аналогичные кинжалы неоднократно были найдены в позднеархаических – раннеклассических погребальных комплексах⁴⁷ (рис. 27. 1).

Инв. 470/4 – большой железный наконечник копья (длина – 430 мм, ширина пера – 65 мм, длина втулки – 110 мм)⁴⁸ с округлой в сечении втулкой, широким листовидным пером с продольным ребром жесткости. По оружейно-классификации – так наз. «меч на древке»; предназначен, главным образом, для ведения боя пехотинцем против всадника, требует большой физической силы воина, использовавшего это оружие⁴⁹ (рис. 27. 2).

Инв. 470/5 – сероглиняная миска (диаметр – 213, высота – 80 мм) на небольшом четко профилированном поддоне (диаметр – 70 мм), с загнутым вовнутрь слабо выделенным краем (рис. 29). Изделие

а

б

в

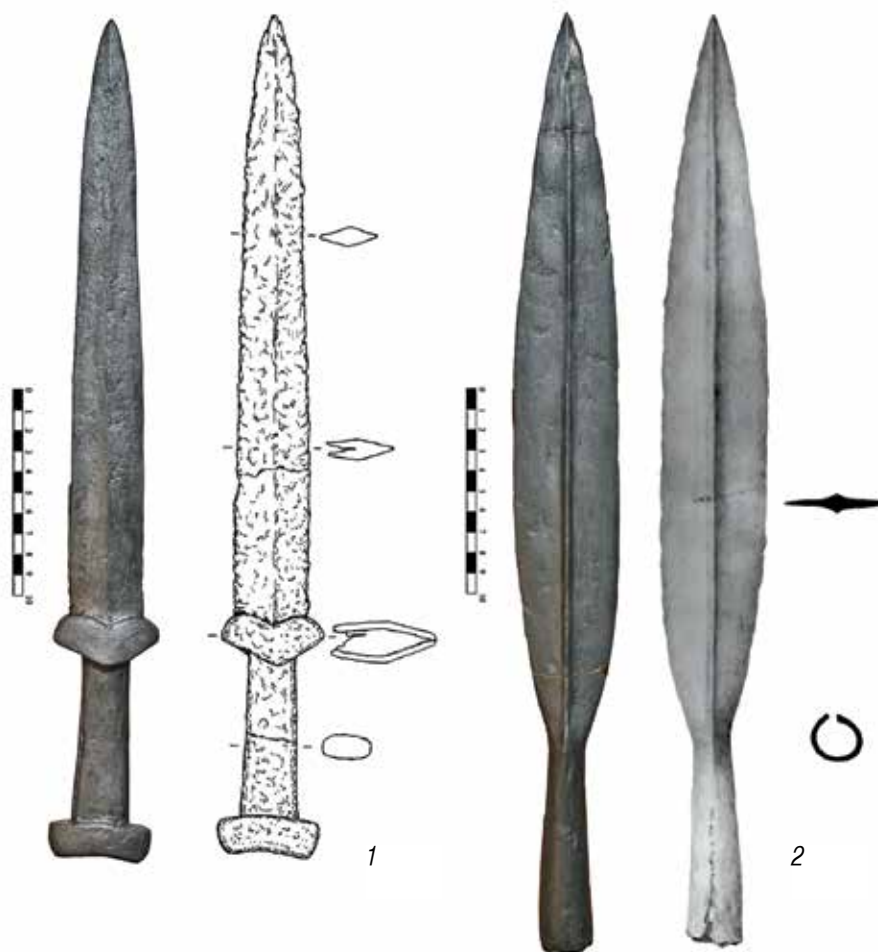
Рис. 26.
Погребение 470.
Аттический чернолаковый килик
470/2 (КМ-11304/6)

Рис. 27.

Погребение 470.

Железный кинжал-акинак, инв. 470/3 (1);

железный наконечник копья,
инв. 470/4 (2)

⁵⁰ См. Скуднова 1988, 108–109, кат. 162. 2; кат. 216.3 и др. – «местная работа».

⁵¹ В.Ф. Гайдукевич датирует это погребение второй половиной 6 в. до н.э. Однако чаша класса «Athens 1104» (скорее, чем более поздние «Siana cup») позволяет сдвинуть датировку к более раннему времени (ср. Гайдукевич 1959, рис. 16; *Agora XII*, nos. 378–386).

⁵² Гайдукевич 1959, 166. Эта тарелка «со следами покрывавшей ее черной краски» была положена под левую руку погребенного.

⁵³ См. Скуднова 1988, 94, кат. 139. 7 (могила 100, последняя четверть 6 в. до н.э.): диаметр – 236, высота – 80 мм; 108, кат. 162. 2 (могила 17, последняя треть 6 в. до н.э.): диаметр – 210, высота – 70 мм; 216, кат. 216.3 (могила 75, последняя треть 6 в. до н.э.): диаметр – 198, высота – 77 мм; 142–143, кат. 225.5 (могила 88Б, воина, последняя четверть 6 в. до н.э.): диаметр – 230, высота – 78 мм; и др. Как видим, сероглиняная посуда не является чем-то специфически свойственным Таманскому п-ову (Азиатскому Боспору), его соседям (меотам) или Боспору в целом. Подобная керамика в интересующее нас время встречается во Причерноморье повсеместно, как и в самой Элладе, в западной части Великой Греции (в частности, в Сицилии, Кумах, Метапонте, собственное производство сероглиняной керамики существовало в Сибарисе, Сириесе, Локрах и др.). Изучению Понтийской сероглиняной керамики была посвящена Международная конференция, проходившая в 2008 г. в Бухаресте и Констанце (Румыния). См. *Pontic Grey Wares 2009*, где представлен ряд докладов о производстве сероглиняной керамики в Великой Греции. Интересно, что наиболее близкий нашей миске экземпляр происходит из смешанного этрусско-греческого некрополя Fratto (Salerno) из могилы XL/1929 второй половины 6 в. до н.э. На миске надпись, выполненная по-гречески ахейским алфавитом.

⁵⁴ Beazley 1971, 202; 1956, 460. 2; ср. Lyons 1996, 200, pl. 28, cat. 28A-2.

покрыто темно-серой обмазкой, только в центре внутреннего пространства оставлен медальон в цвете глины (светло-серой, насыщенной мелкими блестками слюды). Нередко сероглиняную посуду (без достаточных, на наш взгляд, к тому оснований) относят к местному (в том числе варварскому) производству.⁵⁰ Однако визуальная оценка материала найденной в погребении миски, кажется, не противоречит возможности того, что он сродни глине лесбосской посуды. Видимо, того же типа миска/тарелка была найдена в погребении 3/1938 г. (раскоп I) второй четверти – середины 6 в. до н.э.⁵¹ в некрополе Гермонассы.⁵² Аналогичные сероглиняные миски хорошо известны в архаическом некрополе Ольвии.⁵³

Инв. 470/6 – аттический чернофигурный лекиф (группа 'Vatican G. 52', по Дж. Бизли, 520–510 гг. до н.э.).⁵⁴ Сосуд с резко суженным к ножке в нижней трети туловом, четко выделенной широкой плечевой частью, коротким горлом, отделенным от плеча рельефным уступом; венчик невысокий, раструбом, ручка тоже невысокая, округлой петлей (рис. 28). Роспись: окрашен лаком венчик, ручка и нижняя треть тулова с поддоном; на плече – два схематичных листика плюща и трехлопастная пальметта с четырьмя точками между ними; верхние две трети тулова декорированы сюжетной росписью из трех фигур (слева на право): стоящая вправо фигура в длинном плаще (глухой силуэт залитый

Рис. 28.
Погребение 470.
Аттический чернофигурный лекиф,
инв. 470/6

лаком, передняя складка – пурпур, волосы и складка плаща обозначены гравировкой); весьма грубо выполнена бегущая (припадающая на правое колено) обнаженная фигура; стоящая влево фигура (силуэт, штрихами передана линия волос, верхний край одежды и передняя складка плаща). Лекиф находит целую серию точных соответствий, в том числе в инвентаре из некрополя Ольвии.⁵⁵

Перекрытие могилы. После того, как покойник и инвентарь были уложены, над могилой соорудили сложное по структуре перекрытие. Непосредственно на заплечики были положены 16 поперечных досок. Поскольку после истлевания дерева в центральной части могилы доски вместе с заплечиками сползли под тяжестью грунта засыпи в могильную яму, установить точные габариты всех 16-ти досок невозможно. Ниже приведены размеры тех досок первого перекрытия, которые остались в первоначальном положении, или же их размеры могут быть точно реконструированы (т.е. оба края доски остались на заплечиках).

Таблица 3. Параметры досок перекрытия погребения 470

	№ доски (З – В)	Длина	Ширина
		М	
Западный край могилы	1	1,73	0,13–15
	2	1,72	0,11–13
	3	1,70	0,11–14
	4	1,86	0,11–13
Восточный край могилы	15	1,77	0,15–16
	16	<1,60>	0,10–13

Толщина досок, судя по тлену, достигала 1,5–2 см. В целом длина перекрытия с запада на восток составляла 2,56 м, а ширина – 1,73–1,86 м.

Поверх поперечных досок, по их кромке, тоже на заплечиках, были положены продольные доски. (Остатки такой доски прослежены только на южном заплечике.) Вероятно, они не перекрывали всей длины поперечного перекрытия. В юго-восточной части могильной ямы в тлене перекрытия был обнаружен единственный железный гвоздь, торчащий в краю могильной ямы (квадратного сечения, длиной – 65 мм, диаметр шляпки – 15–18 мм). Не вызывает сомнений, что он был вбит в доски перекрытия, но функциональное его назначение определить было невозможно (вероятно, скреплял между собой доски поперечную с продольной).

На дощатое перекрытие было положено второе, тоже деревянное, однако не из отдельных досок, а «сплошное» (рис. 18). Перекрытие-2 едва ли уникально, но никаких точных аналогий из других некрополей мы привести не можем. Предположительно, в дореволюционных работах (иногда и позднее) такое перекрытие именуют «лубом» или «лубком».⁵⁶ Оно представляло собой двухслойное (толщина остатков обоих слоев – ок. 2–3 мм) сплошное деревянное полотно, напоминающее

⁵⁵ Скуднева 1988, 89, 91, кат. 132. 5 – ок. 525–500 гг. до н.э. (могила 92, конец 6 в. до н.э.); Горбунова 1983, 133–135, № 99–101. Ср.: Kerameikos VII, 135, Nr. 520.9, Taf. 92. 9 (ок. 500 г. до н.э.); Beazley Archive, no. 330276 (550–500 гг. до н.э.).

⁵⁶ См. Кастанаян 1959, 263. Такого рода перекрытие могил (наряду с деревом и камкой) отмечено в некрополях Тузлы и у быв. хутора Кротенко. Там же см. рассуждения о специфически «варварском» характере этих признаков в погребальном обряде, которые, на наш взгляд, едва ли могут быть всерьез рассматриваться в таком качестве (об этом см. Сударев 2005, 4–5, 9–10, 73–91; 2010, 430).

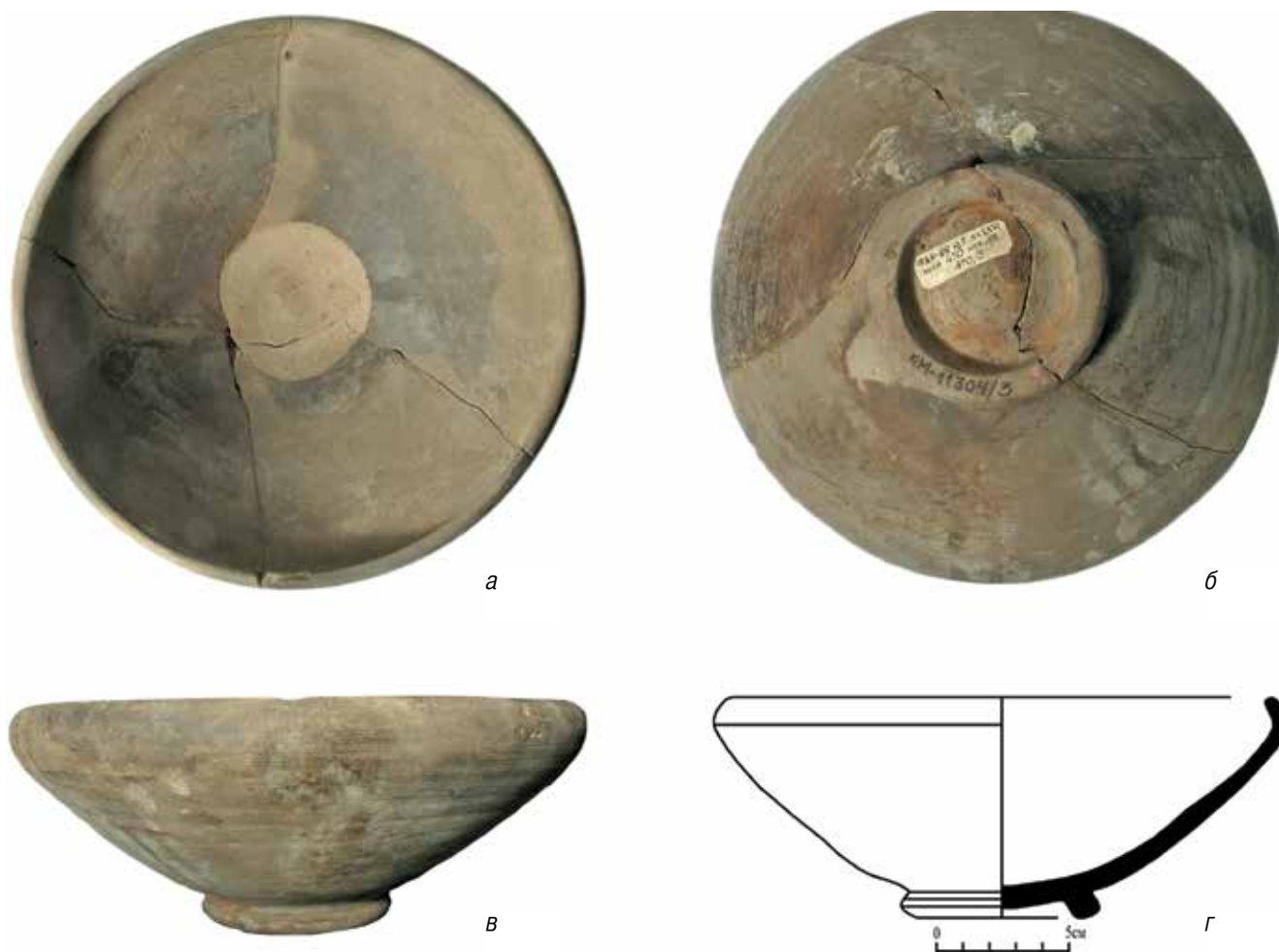

Рис. 29.
 Погребение 470.
 Сероглиняная миска,
 инв. 470/5 (КМ-11304/3)

фанеру: верхний слой имел волокна вдоль могильной ямы, нижний – поперек. Предположение, возникшее в ходе расчистки, что мы имеем дело с тонкими досками, склеенными «встык», не оправдалось. Этому противоречит толщина материала, а также отсутствие пазов-стыков. Сохранность 2-го перекрытия не позволяет точно определить его размеры. Можно утверждать лишь то, что длина его была несколько больше 1-го: оно начиналось с 1-й (западной) доски, а на востоке выходило примерно на 0,35 м далее 16-й (крайней) доски; обрывки же его тянулись вдоль северного края ямы 1/66. Ширина перекрытия-2, видимо, была немного меньше длины досок (вероятно, в пределах контура могильной ямы). Таким образом, приблизительные размеры «фанерного» перекрытия составляли 2,83х1,50 м. Второе перекрытие надежно гарантировало от просыпки грунта между щелями дощатого перекрытия-1.

Однако тем, кто соорудил могильную конструкцию, этого показалось недостаточно: поверх деревянных перекрытий был еще выстлан пласт морской травы (3). Камка перекрывала не только могильную яму вместе с заплечиками, но еще и значительную площадь за ее пределами: большую часть материкового выброса, по крайней мере до его наиболее возвышенной части, к северу от могилы. Границы травянистого

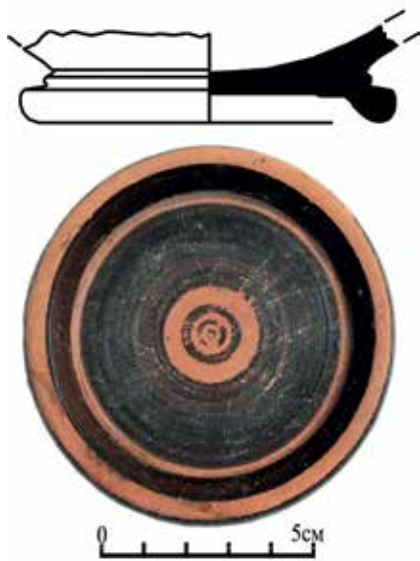

Рис. 30.
Дно аттической чаши над перекрытием
погребения 470 (СВ угол могилы)

покрытия прослежены с трех сторон (запад – север – восток). Южный его край остался за пределами раскопанной площади, под четырехметровым культурным слоем.

После сооружения перекрытия погребение было засыпано мощным слоем стерильного грунта. Возможно, насыпь первоначально представляла собой небольшой холмик-курган⁵⁷, снивелированный в более позднее время; максимальная сохранившаяся толщина серо-желтой запесоченной глины – 0,40 м.

В грунте засыпи, непосредственно над могилкой были найдены фрагменты: венчика «протофасосской» амфоры, валикообразного венчика красноглиняной амфоры (мелкий обломок), чернолаковых скифоса и килика. В углублении могильной ямы над перекрытием (в северо-восточном ее углу) обнаружен широкий поддон аттической сирскуфос (тип Agora XII, nos. 564–568 (?): 520–500 гг. до н.э.; рис. 30). Примечательно, что стенки его были аккуратно обколоты (не исключено, что предмет использовался вторично в перевернутом положении в качестве небольшой чашечки⁵⁸).

Погребение 65.1

Под мощным слоем серо-желтой запесоченной глины, к западу от погребения 470, в 1,77 м от края его верхнего (3-го) перекрытия и в 2,13 м от 1-й доски (2-го перекрытия), было выявлено и расчищено детское погребение 65.1 (рис. 4, 15, 24, 31–33). Могильное пятно округлой формы (размеры 1,20x1,10 м: С–ЮхЗ–В), образованное не только заполнением провала могильной ямы, но и перекрытием, было выявлено

⁵⁷ Такие холмики-курганы широко распространены в греческом мире. По хронологии Р. Гарланда (Garland 1985, 124), начиная с 700 г. до н.э., курганы увеличиваются в размерах. В середине – второй половине 6 века строятся известные курганы в пределах афинского Керамика, сохраняются они и в последующий период. Известны они также в Ионии (Atasoy 1974, 255–263; Melink 1961, 50–51; 1963, 189; 1964, 164; 1966, 153, Καλλιπυτζη 1990, 568). Курганная система получает свое развитие и в колониях Причерноморья. Так, курганы известны в некрополях Аполлонии, Истрии, Месембрии и Одессоса (Панайотова 1989, 64–64; Alexandrescu 1966, 133 сл.). Видимо, можно говорить о курганах 6–5 вв. до н.э. в некрополе Березани (Штерн 1906, 41–49; 1910, 84–93). Существенно, что в курганных некрополях применяются те же погребальные сооружения, с такими же чертами обряда, что и в некрополях грунтовых (Панайотова 1989, 65). В

некрополе Пантикапея подобные курганы появляются уже в самое раннее время. В 1891 г., проводя раскопки на территории древнейшего некрополя на горе Митридат, А.А. Бобринский отмечал, что под позднейшими насыпями находились курганы высотой ок. 2,5 м. (ОАК за 1891 г. (1893), 26). Его выводы были подтверждены К.Е. Думбергом (ОАК за 1897 г. (1900), 35–36; ОАК за 1898 г. (1901), 16; ОАК за 1899 г. (1902), 26–27) и В.В. Шкорпиллом (1914, 1–74; 1916, 7–35). Обнаруженные здесь погребения могут датироваться не позднее первой половины 5 в. до н.э. Уже в это время они соседствуют с грунтовым некрополем, и в них мы видим те же черты обряда, что и в остальном некрополе. Позднее на территории греческих некрополей появляется новый тип надмогильного сооружения – так называемые «построенные» могилы. Для их сооружения использовались сырцовые кирпичи, которые после естественного разрушения могут напоминать неболь-

шие курганы (Garland 1985, 124).

⁵⁸ Находки подобных предметов как в погребальных контекстах, так и в святилищах (например, в святилище «Берегового 4») позволяют размышлять о его культовом предназначении. Мы неоднократно в своих работах обращались к этому вопросу, поэтому здесь лишь вкратце отметим, что нижние части сосудов довольно часто встречаются в некрополях Кеп, Пантикапея, у пос. Пересыпь, Танаиса, в то время как в остальных – это скорее исключение (Паромов, Сударев 2000, 206; Сорокина, Сударев 2001а, 133–136; Сударев 2005, 184–187; 2010, 453. Встречаются они и в различных греческих некрополях и святилищах, в том числе в героне в Пестуме (Cipriani 1989, fig. 9, 15, 19; Greco, Longo 2002, 30–31; Torelli 2011, 102–104, 112–115). Стоит также упомянуть многочисленные аналогии и в варварских некрополях (например, см.: Новичихин 2010, 211–212, рис. 214, 29, 56, 114).

Рис. 31.
Могильное пятно погребения 65.1

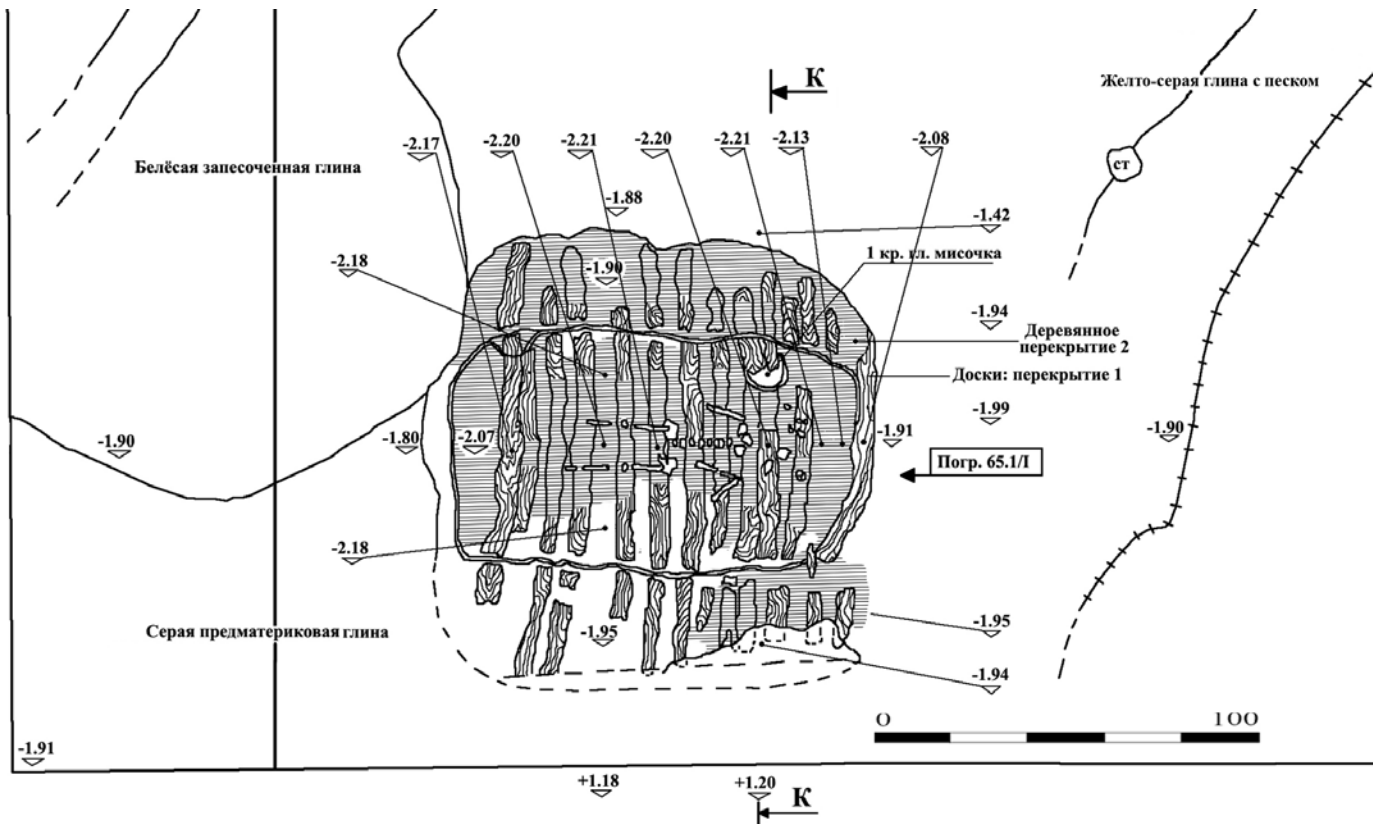

Рис. 32.
Погребение 65.1. План

на зачистке с уровня $-1,87$ м: серо-оливковая материковая глина на фоне желто-серой запесоченной глины (4). По контуру ямы в северной и юго-западной частях проявлялся древесный тлен – край деревянного перекрытия. Могила, представлявшая собой простую грунтовую яму, прорезала с поверхности слой желто-серой глины и заглублена в материк. Таким образом, стратиграфическое положение объекта 65.1 указывает на то, что могила был устроена ранее или (что, безусловно, вероятнее) одновременно с погребением 470.

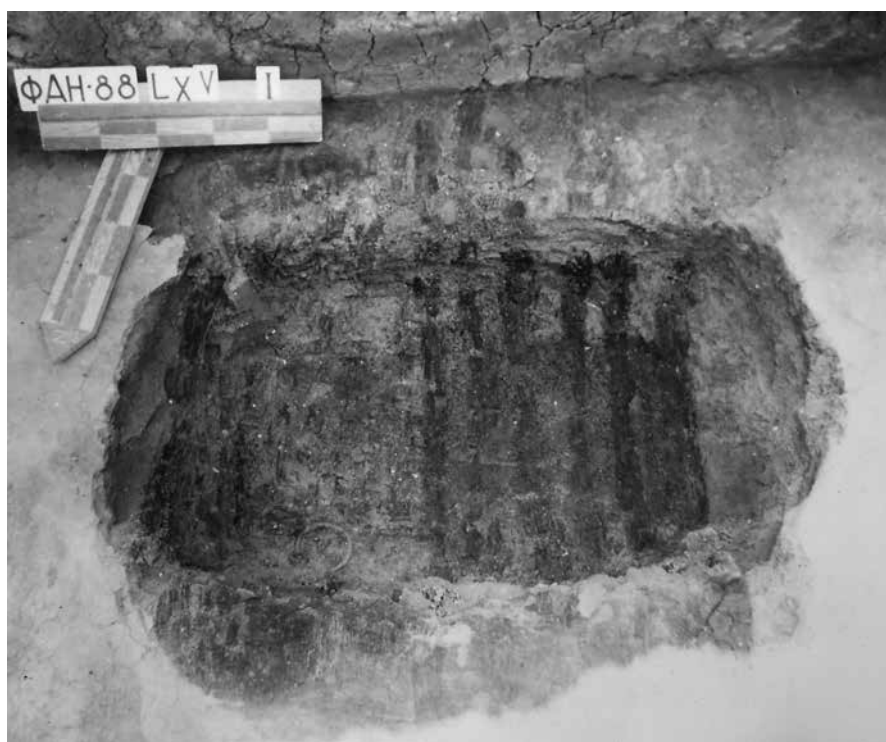

Рис. 33.
Погребение 65.1.
Вид с севера на уровне перекрытия

Могильная яма подпрямоугольной в плане формы, с несколько наклонными бортиками (трапециевидная в разрезе) имела размеры дна (на уровне $-2,14$ – $-2,20$ м) $0,87 \times 0,43$ м, а габариты ямы по верхнему контуру – $1,03 \times 0,62$ м (З–ВхС–Ю). Глубина ямы от уровня поверхности, с которой она врезана – $0,33$ м.⁵⁹ Продольной своей осью яма ориентирована запад – восток (рис. 34, 35).

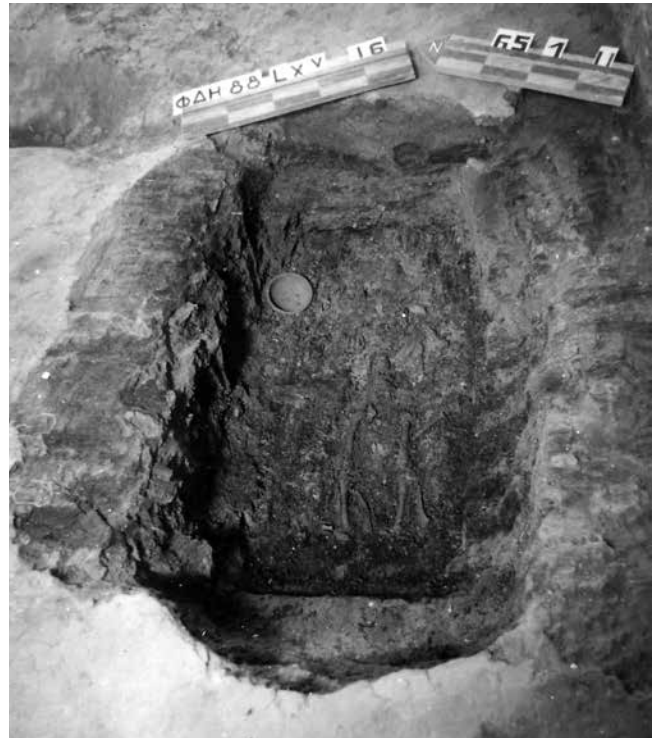
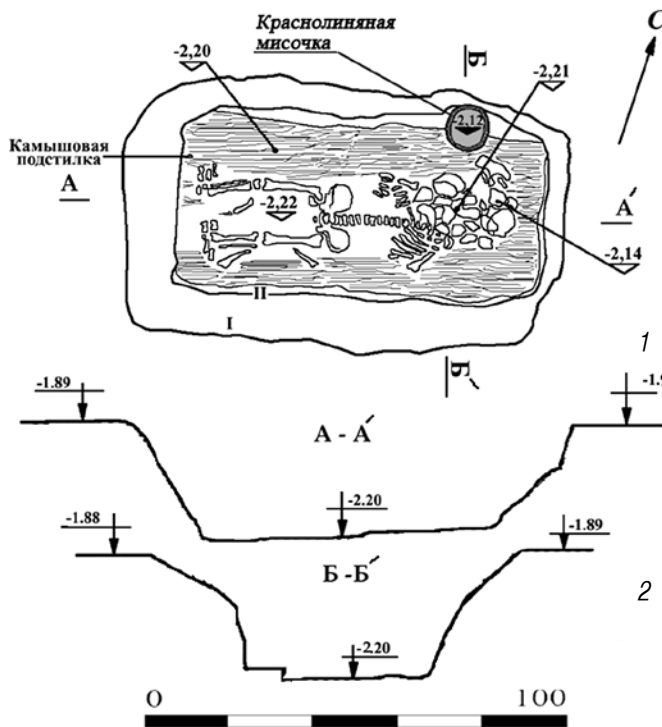
На дно могильной ямы была положена тростниковая подстилка ($0,86 \times 0,38$ м): четко читалась продольная структура темно-бурого тлена травянистого растения вдоль могильной ямы. На эту подстилку уложили тело усопшего ребенка. Судя по размерам костяка (видимо, рост не превышал $0,70$ м), ему было не более двух-трех лет. Покойный положен на спину, головой на восток, вытянуто, ноги параллельны. Сохранность костных останков плохая. Под тяжестью грунта череп раздавлен, распался на мелкие фрагменты. Кисти рук не сохранились, истлели и некоторые другие мелкие части скелета.

В качестве погребального инвентаря справа от головы (в $0,13$ м от нее) была поставлена красноглиняная чашечка грубой выделки (изначально одноручная; ручка отбита, видны ее прилепы) высотой 35 мм, диаметром 100 мм, на плоском невыделенном днище, с прямым невысоким краем (рис. 37). Судя по глине, скорее всего, это изделие местной мастерской, не исключено, намеренно изготовленное для заупокойного использования. Аналогичные красноглиняные чашечки с петлевидной ручкой зафиксированы в ряде могил (№ 66, 45, 47) некрополя Артющенко-2 первой половины 5 в. до н.э.⁶⁰, а в некоторых погребениях этого некрополя были представлены небольшие мисочки без ручек, например, в погребениях № 43, 52 и 64.⁶¹

⁵⁹ Столь незначительная глубина могильной ямы, на наш взгляд, указывает на то, что поверх захоронения изначально предполагалась могильная засыпь, в данном случае – общая с погребением 470.

⁶⁰ Кашаев 2009, рис. 7. 6; 4. 1, 7.

⁶¹ Там же, рис. 3. 8; 6. 1 и 8. Два последних экземпляра несколько иной профилировки.

После того как труп ребенка и нехитрый сопутствующий инвентарь были положены в могилу, ее перекрыли поперек узкими (5–7 см шириной) дощечками. Их было использовано 13, длина дощечек 1,15 м, а толщина, видимо, 1–2 см. Габариты этого перекрытия в плане составили 0,95x1,15 м, причем западный край (ок. 0,13 м длины) могильной ямы не был закрыт досками. Поверх досок, как и в погребении 470, было положено двухслойное деревянное перекрытие типа «фанеры» (см. выше и рис. 36), которое в плане имело размеры 1,09x1,20 м. Оно перекрывало всю могильную яму и дощатое перекрытие до самого края. Затем перекрытие было завалено материковым выкидом, поверх которого легла засыпь серо-желтой глины (погребения 470).

В заполнении западины над перекрытием могильной ямы 65.1 найден фрагмент венчика «протофасосской» амфоры и обломок венчика и ручки аттического чернолакового скифоса (точно не определяется).

Рис. 34.
Погребение 65.1. План (1) и разрезы (2) погребения на уровне труположения

Рис. 35.
Погребение 65.1. Вид с запада на уровне труположения

Рис. 36.
Погребение 65.1.
Элементы деревянного перекрытия могилы

1

2

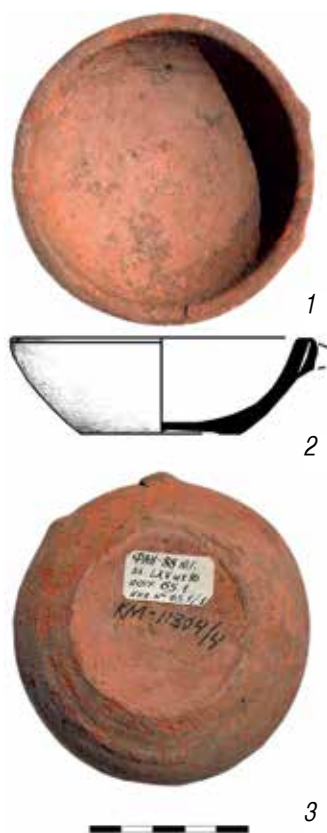

Рис. 37.
Погребение 65.1.
Чашечка красноглиняная,
инв. 65.1/1 (КМ11304/4)

Погребение 65.3

Стратиграфическое положение погребения 65.3, расположенного на 1,31 м севернее погребения 65.1 (по краям перекрытия между могильными ямами – 1,74 м), совершенно аналогично описанному выше комплексу (рис. 4, 15, 24, 38, 39). Отличие заключается лишь в том, что могильное пятно последнего не читалось ввиду того, что могильный выкид из 65.3 был удален, а на перекрытии непосредственно лежала засыпь погребения 470 (серо-желтая глина).

По существу, полную аналогию во всех элементах комплекса представляет и конструкция могильного сооружения: простая грунтовая яма (прорезающая слой серо-желтой глины и впущенная в материк), выстланная по дну тростником и перекрытая сначала досками, а затем «фанерой». Однако отличаются габариты могильной ямы и ее ориентация (рис. 38, 39, 41, 42).

Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы (размеры в плане 0,92x0,21 м) с практически отвесными бортиками (в поперечном разрезе – прямоугольная; в продольном – усложненной профилировки вследствие небольшой «западины» в восточной части). Длинной стороной яма ориентирована по оси В–ЮВ – З–ЮЗ. Уложенный в эту могилу ребенок, ростом ок. 0,80 м, головой был ориентирован на В–ЮВ. Скелет лежал вытянуто на спине, руки и ноги параллельно оси позвоночника. Кости, исключая черепную коробку, сохранились очень плохо (мелкие кости рук и ног истлели полностью), однако анатомический порядок не нарушен. Примечателен непропорционально крупный в сравнении с другими костями череп погребенного (макроцефальный) (рис. 41. 1; 42).

У левой ноги ребенка были положены заупокойные дары: чернолаковая одноручная чашечка и маленький чернолаковый кувшинчик.

Инв. 65.3/1 – аттическая чернолаковая чашечка с одной ручкой (так наз. *one-handler*, высота – 35, диаметр – 94 мм) изнутри покрыта

Рис. 38.
Погребение 65.3.
Месторасположение могильной ямы,
вид с ЮВ

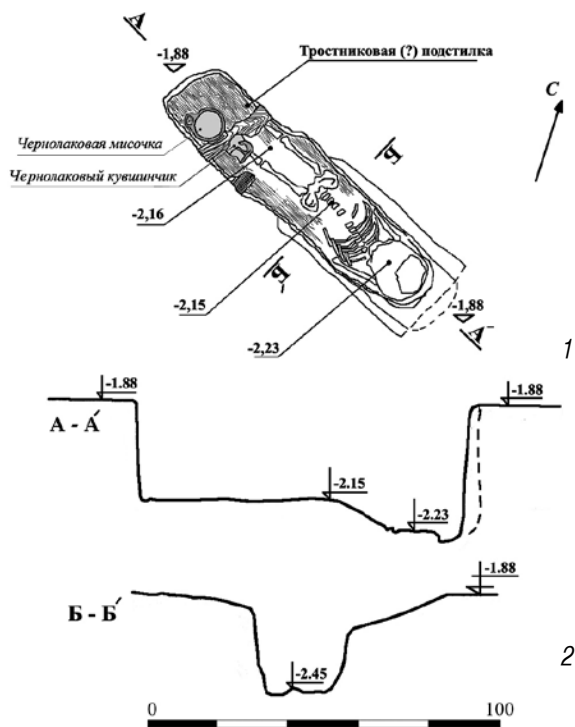
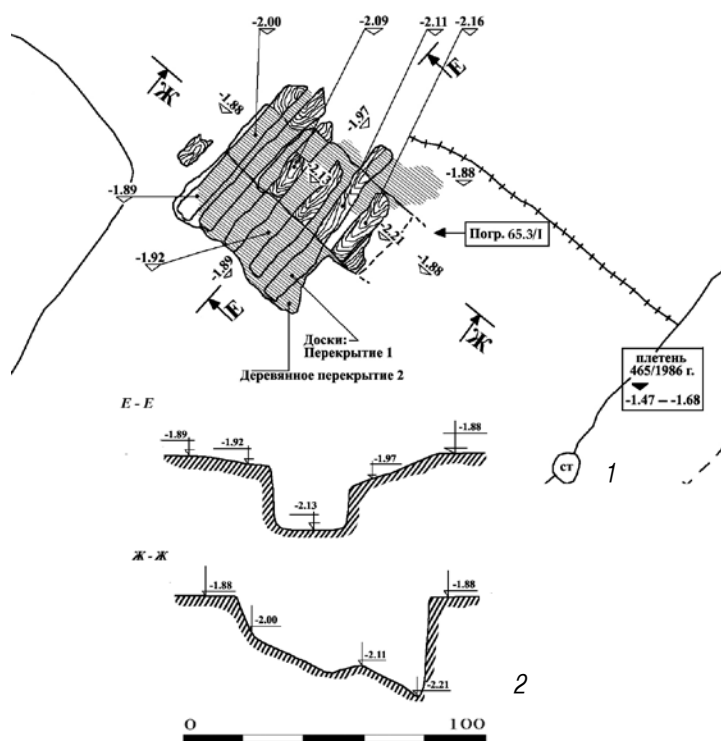

Рис. 39.
Погребение 65.3.
План (1) и разрезы (2) на уровне перекрытия

Рис. 41.
Погребение 65.3:
план (1) и разрезы (2) на уровне труположения

Рис. 40.
Погребение 65.3.
Вид на с юга на уровне перекрытия

Рис. 42.
Погребение 65.3. Вид с запада

Рис. 43.
Погребение 65.3.
Инвентарь: аттические чернолаковая
одноручная чашечка, инв. 65.3/1 (1)
и чернолаковый кувшинчик,
инв. 65.3/2 (2)

плотным лаком вплоть до венчика, кроме центрального медальона, в центре которого красновато-бурым лаком выведен кружок с точкой по середине; коричневатым лаком покрыта внешняя поверхность ручки; внешняя поверхность чашки, свободная от покрытия, декорирована лаковой полосой; лаком покрыта внутренняя грань поддона, а на днище – три вписанных кружка (узкими полосками) с точкой по центру (рис. 43. 1). По материалам афинской агоры «одноручник» должен датироваться ок. 500 г. до н.э.⁶²

⁶² Agora XII, no. 735. Правда, нам известна аналогичная чашка из некрополя Ольвии, датируемая издателем первой четвертью 5 в. до н.э., хотя комплекс (могила 30), из которого она происходит, датирован в целом второй четвертью 5 в. до н.э. См. Скуднова 1988, 132–133, кат. 208. 2; ср. Kerameikos IX, 142, Taf. 81. 237, 1 (середина 5 в. до н.э.). Данная форма, судя по всему, была очень консервативна и мало изменялась. См., например, аналогии из погребений некрополя Гермонассы: 13 и 15/1931 г., третьей четверти и первой половины 5 в. до н.э. (Гайдукевич 1959, 162, рис. 7. 7; 164, рис. 10).

⁶³ Agora XII, no. 257 (но это группа «малых полосатых ольп»); Kerameikos VII, 22, Taf. 13. 47, 2 (в этом детском погребении в амфоре – Taf. 12. 2, 4 – также был найден и «одноручник» – Kerameikos VII, 22, Taf. 13. 47, 3); 21, Taf. 13. 44, 2; Kerameikos IX, Taf. 78: 66, 3; 88, 2; 95, 4). Все отмеченные погребения на афинском Керамике – детские, совершенные в амфорах.

Инв. 65.3/2 – аттический чернолаковый кувшинчик (раздавлен грунтом; высота – 75, диаметр – 57 мм), декорированный узкой пурпурной полоской по тулову, с небольшой ручкой, изогнутой от венца, на уплощенном слабоогнутом поддоне; тулово каплевидное, без выраженной шейки (рис. 43. 2). Совершенно точной аналогии этому сосуду найти не удалось. Близкие формы датируются ок. 500 г. до н.э. или 500–490/80 гг. до н.э.⁶³

Погребение было перекрыто сначала семью поперечными досками (длина 0,56–0,62 м, ширина – 0,05–0,07 м), поверх которых, в пределах границ дощатого перекрытия, положили двухслойное «фанерное» покрытие. Размеры квадратного в плане перекрытия составили 0,61х0,63 м. Сверху деревянное перекрытие засыпано серо-желтой глиной.

* * *

Отсутствие следов перекопа мощной засыпи погребения 470 (с учетом того, что в этом грунте перекопы читались бы легко) наводит на мысль, что погребение 65.3 (как и 65.1) было произведено одновременно (или раньше, что маловероятно) с погребением 470. Однако, хотя и небольшое, расхождение по времени инвентаря погребений заставляет предусмотреть вероятность, что объекты 65.3 и 65.1 были впущены в насыпь 470-го, а сверху засыпаны тем же грунтом (в 65.1 – сначала материковым выкидом), так что перекоп не был выявлен. Возможно,

верхний горизонт перекопа, где могли быть видимы следы материкового выкида, позднее был подрезан при нивелировке поверхности уже в 5 в. до н.э. перед установкой плетневых оград (см. ниже). Нельзя, однако, исключить также вариант, что между совершением погребения 470 и строительством над ним надмогильного сооружения прошло некоторое (вероятно непродолжительное) время. Именно в это момент, т.е. между совершением погребения и строительством надмогильного сооружения, вероятно, и могли быть произведены захоронения.

Обращает на себя внимание расположение детских могил: они равноудалены от «центрального» погребения 470. Кроме того, 65.3 имеет небольшое отклонение от продольной (З–В) оси двух других (рис. 4, 15). Таким образом, оба детских погребения располагаются как бы «веером» по отношению к западному краю воинского погребения 470. Поскольку ориентировка 65.1-го примерно совпадает с ориентировкой погребения 470 (лежит почти на одной оси с ним), рискнем предположить, что южнее 65.1-го, в пределах 1,5 м, за границей раскопанной площади может располагаться еще одно погребение, симметричное 65.3. В пользу этой догадки говорит еще одно обстоятельство: планировка глиноплетневых оградок (о которых см. ниже).

Погребение 470 явно выделяется среди прочих погребений. С определенной долей вероятности можно предположить, что перед нами героон или погребение известного воина.⁶⁴ Подобные сооружения нередки в античном мире, в частности они получили распространение в колониях Великой Греции.⁶⁵ Более того, с ними нередко связаны и детские захоронения.⁶⁶ Дети в греческой религии, особенно в магии и некромантии, рассматривались как существа, недавно пришедшие из потустороннего мира, а потому с ним тесно связанные.⁶⁷ Известны даже детские жертвоприношения, в первую очередь мальчиков, как наиболее сильных медиумов.⁶⁸ Одно такое погребение встречено в кепском некрополе.⁶⁹ Связь детей с «тем миром» как существ, не до конца оттуда пришедших и находящихся «посередине», а потому идеальных в качестве «медиаторов» отмечалась различными исследователями.⁷⁰ Подобные захоронения могли быть вызваны какими-то экстраординарными причинами или связаны с некромантией, распространенной в античном мире. Таким образом, можем предполагать захоронение рядом с героем-воином⁷¹ умерших детей или, – что на наш взгляд менее вероятно (в данном случае почти недоказуемо), – принесенных в жертву специально для передачи вести в мир мертвых.

Впрочем, нельзя исключать также возможности⁷², что в погребениях 65.1 и 65.2 были похоронены собственные дети погребенного воина, возрастом примерно 2–4-х лет. В таком случае (с учетом возможности, что младший ребенок родился примерно через 9 месяцев после кончины отца), максимальным интервалом в 5 лет должна определяться хронологическая дистанция между погребениями 470 и 65.1, 65.3.

⁶⁴ Завойкин Сударев, 2006а, 113; Сударев 2005, 250.

⁶⁵ См. наиболее подробно: Antonaccio 1994, 389 f.; 1995; а также: Alcock 1991, 447–467; Garland 1985, 35, 88–93; Greco, Longo 2002, 30–31; Torelli 2011, 102–104; Whitley 1994, 213–230; Williams 1981, 407–421.

⁶⁶ Williams 1981, 411, fig. 1; Garland 1985, 81.

⁶⁷ Особенно это относилось к младенцам. Умершие же при рождении считались наиболее сильными медиумами для передачи вестей в мир мертвых.

⁶⁸ Ogden 2001, 80, 117, 154–155, 191–201; 2002, 92–93, 116–138.

⁶⁹ Сорокина, Сударев 2001а, 136.

⁷⁰ Тульпе 1998, 46 сл.; Garland 1985, 77–103.

⁷¹ Garland 1985, 35, 88–93.

⁷² По мнению одного из авторов (Н.И. Сударева), она менее вероятна, хотя и не исключена.

Погребение 66.5

В пределах кв. LXVI, с уровня $-1,47$ – $-1,49$ м была начата поэтапная разборка 15-го штыка. Штык 15а (в северо-восточной части площади, ограниченной канавками плетня 66.3/1 и 3) представлял собой западение темно-серой глины с древесными угольками и обломками керамики (нижний горизонт слоя «1» – пестрой слоистой глины).⁷³ Выборка грунта «западины» по четко обозначившемуся отслоением борту выявила округлый контур ямы, западный край которой срезала канавка плетня 66.3/1 (рис. 4, 15). На дне этого углубления (большая часть которого осталась в восточнее исследованной площади) выявлена западная часть пятна древесного тлена, аналогичного по структуре перекрытию вышеописанных могил. Размеры пятна в пределах площади кв. LXVI составили $0,64 \times 0,30$ м.

Характеристика структуры тлена заставляет думать, что здесь мы имеем дело еще с одним захоронением, которое, к сожалению, осталось недоступным для изучения.⁷⁴ Совершенно ясно, что погребение 66.5 было впущено в насыпь погребения 470 (и, вероятно, далее – врезаются в материк, как погребения 65.1 и 65.3). Верхняя дата объекта стратиграфически определяется временем сооружения плетней 66.3, но эти объекты может разделять значительный временной промежуток.

* * *

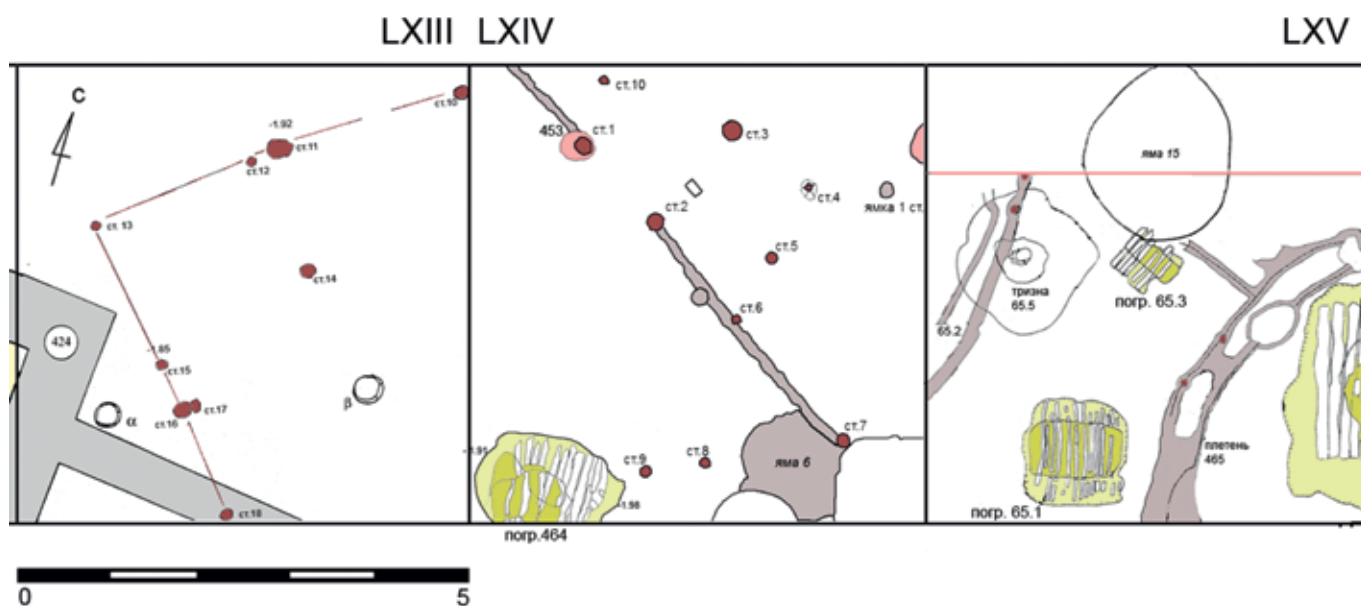
Таким образом, на небольшой площади раскопками выявлено скопление позднеархаических погребений, описание которых завершено. Однако, как представляется, функционирование данного участка некрополя, в отличие от других его участков, на этом не заканчивается. Объекты следующего периода (второй и третьей четвертей 5 в. до н.э.), впущенные непосредственно в насыпи могил (объекты 65.2 + 453 и ямки столбов; 465+66.3, 66.1, 483) представляют собой канавки для установки плетневых оградок и нижние части самих плетней, которые прямо связаны с нижележащими погребениями (рис. 4, 44).⁷⁵ Основания для такого заключения рассматриваются ниже. Перейдем к их описанию.

⁷³ Вся остальная площадь представляла собой поверхность слоя «2» – засыпи погребения 470.

⁷⁴ Непосредственно над ним располагается теперь бетонная опорная стойка под трубы напорного коллектора очистных сооружений винзавода.

⁷⁵ Также, вероятно, и вымостки 66.2, 481, 482.

Рис. 44.
Плетнево-столбовые оградки 453, 65.2, 465.
Схематический план

Оградки 65.2 и 453

Следы первой по времени оградки из плетней (65.2) были прослежены в СЗ углу пл. LXV на уровне зачистки по подошве 15-го штыка (–1,89–1,91 м), т.е. с поверхности желто-серой глины (4). Не вызывает сомнений, что канавка для установки плетня прорезала и слой засыпи серо-желтой глины, поскольку здесь была зафиксирована только ее нижняя, придонная часть, в которой были видны (и то, лишь на небольшом отрезке) нижние «хвостики» плетня. Прослеженная глубина канавки не превышала 5 см.

В плане объект представлял собой две полосы темно-серой глины с мелкими угольками, протянувшиеся почти параллельно оси С–Ю (рис. 44, 45). Одна из них, восточная, шириной 15 см, выходила из северного борта и тянулась примерно на 2,70 м, уходя в западный борт (юго-западная часть канавки едва читалась). Вторая, шириной 6 см, располагалась на 0,16 м западнее первой. В северной части эта полоска имела дуговидное искривление, у самого борта терялась, как и у западного. Проследить удалось ее на протяжении примерно на полутора метров (глубины практически не имела, остатки прутьев плетня не были выявлены).

В пределах северной части широкой полосы обнаружены остатки двух вертикально вкопанных столбов: первый, примыкающий к северному борту, имел диаметр 10 см и высоту 7 см; второй, расположенный на 0,32 м южнее, – диаметр 10 см, высоту –5 см, ямка, в которую он был вставлен, забутована обломками амфорных стенок.

Вероятно, объект 65.2 представлял собой восточный край сооружения, большей своей частью лежащий западнее. В соседних квадратах LXIV и LXIII в 1986 г. исследовалось сооружение аналогичного характера – объект 453, представлявший собой полоску серой глины (низ канавки, прутья плетня в которой не прослеживались), идущей почти строго по диагонали кв. LXIV (от СЗ к ЮВ углу) и систему столбиков, образующих четырехугольник, в центре южной части которого размещалось

Рис. 45.
Северная часть ограды 453, вид с юга

погребение 464 (рис. 44, 45). Этот комплекс был интерпретирован как могильная оградка, датированная по слою второй четвертью 5 в. до н.э.⁷⁶ Весьма вероятно, канавки 65.2 примыкали к названному объекту с северо-востока. Находки, сделанные в канавке 65.2/1 (наряду со стратиграфическим контекстом: объект перекрывает тризну 65.5 и, в свою очередь, перекрыт слоем второй половины 5 в. до н.э.), позволяют установить, что эта оградка была устроена спустя примерно 20–30 лет после захоронения 464, не позднее. В канавке 65.1 были обнаружены мелкие обломки чернолаковой посуды, фрагмент стенки расписного ионийского сосуда с полосой и часть горла пухлогорлой хиосской амфоры второй четверти 5 в. до н.э.

Оградки 465+66.3 – 66.1 – 483

Следующим по времени сооружением из столбов и плетней является довольно сложный по планировке комплекс, располагавшийся в пределах площадей LXV–LXVI и частично выходявший за их пределы на юг, север и восток (рис. 4, 15, 46).

Исследованная в 1986 г. западная часть (465) остатков плетневой ограды (канавки с прутьями плетней отличной сохранности; их верхний уровень –1,47, дно канавки –1,68 м) представляли собой две параллельные дуги, лежавшие в юго-восточной части кв. LXV, огибавшие западный край погребения 470 (см. рис. 15, 46). Детские погребения 65.1 и 65.3 остались за пределами внешнего контура этих дуг. Однако одна ветвь плетня, протянувшаяся от внешней дуги объекта 465 на З–СЗ, параллельная продольной оси погребения 65.3 и обрывающаяся, не достигая северного борта, поздней ямой 5+15/1986 г., вероятно, являлась дополнительным элементом конструкции, предназначенным для ограждения детских могил с севера.

Разборка слоя пестрой серо-желто-зеленой слоистой глины (1) и удаление части насыпи серо-желтой глины над погребением 470 (к востоку от 465-го объекта) позволили зафиксировать конфигурацию канавки под плетень (66.3) и остатки самого плетня (рис. 48), которые прорезали верхний слой (1) и были впущены в серо-желтую, а частично – и в желто-серую глину (4).

Канавки 66.3 представляют собой непосредственное продолжение двойной дуги плетня 465. К сожалению, паводковые воды разрушили северную часть (борт) площади LXVI, уничтожив участок, на который приходилось сочленение двух сходящихся плетней 465-го с линией плетня 66.3/2, поэтому характер этого сочленения остался невыясненным.

Канавка/плетень 66.3 состоит из трех элементов (четко структура объекта определялась с уровня –1,57–1,62 м).

1) **66.3/1** – канавка (полоса) следующая по линии С–Ю, выходила из СВ угла и тянулась к югу на 2,70 м, до ямки столба № 3; ширина канавки 0,15–0,18 м; сохранность прутьев хорошая (в северной части – превосходная: пруты диаметром до 1 см поставлены плотно, иногда пучками; рис. 48. 4); длина прутьев (высота канавки) – 0,20–0,23 м. Канавка прорезала западный край перекрытия могильной ямы погребения 66.5.

⁷⁶ В публикации глиноплетневых сооружений на «Южном городе» (Долгоруков, Колесников 1993, 127, рис. 2. 2) этот объект интерпретирован как остатки дома (№7), аналогичного другим жилым и хозяйственным постройкам второй четверти 5 в. до н.э. Однако, как представляется, этот вывод не находит необходимого подтверждения в материалах раскопок. Здесь не было соответствующих конструкции горизонтов или каких-либо объектов и находок, непосредственно связанных с жизнедеятельностью людей в данный период, в отличие, скажем, от расположенного рядом, с запада, объекта 443 (дом № 6 – Долгоруков, Колесников 1993, 125, рис. 10), сгоревшие остатки которого были перекрыты в начале третьей четверти 5 в. до н.э. сырцово-кирпичным домом 424 (рис. 3. 1).

1

2

3

Рис. 46.
Плетневая ограда 465 (1-3)

Рис. 47.
Ионийский светильник (инв. 178/1986)
из объекта 440

2) **66.3/2** – канавка (полоса) следующая примерно по оси З–В, от 465-го объекта до стыка с канавкой 66.3/1, слегка выгнута к северу; длина – 3,35 м, ширина – 0,10–0,20 м; прослеженная высота прутьев – 7–18 см, сохранность хорошая (рис. 48. 1, 3). Канавка выкопана строго по гребню могильного выкида (66.6; рис. 16) и точно по северному обрезу покрытия из камки могилы 470 (лишь на небольшом участке у западного борта канавка прорезает камку).

3) **6.3/3** – полоса темно-серой глины (следы прутьев плетня прослежены только в месте примыкания к 66.3/1), протянувшаяся по линии З–В, примыкает к 66.3/1 и уходит далее в восточный борт раскопанной площади; длина – 0,81 м, ширина – 23 см, прослеженная в восточном борте высота – 12 см.

3

4

Рис. 48.
Плетневая ограда 66.3. Фасы (1, 2);
вид с запада (3) и деталь (4)

Планиграфия плетней наводит на мысль о том, что они были непосредственно связаны с погребением 470, которое они окружают (возможно, как уже было отмечено, вместе с погребениями 65.1 и 3). Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть находки, которые были обнаружены в заполнении канавок. Хотя находки эти немногочисленны, они достаточно выразительны (рис. 49). В 66.3/1 найден

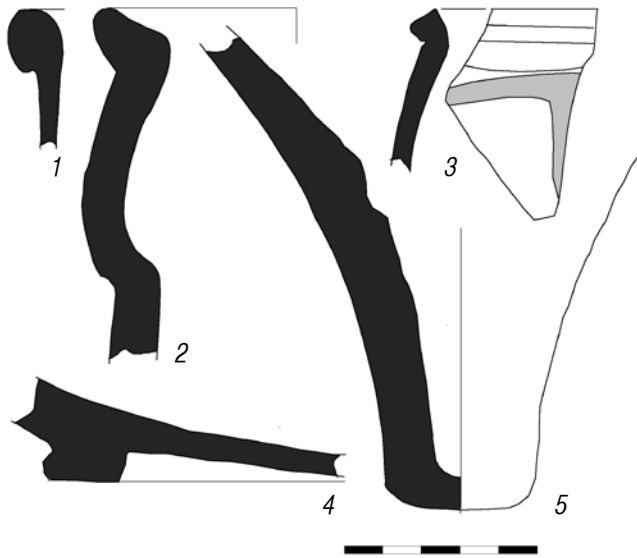

Рис. 49.
Находки из канавки и столба плетня
66.3

фрагмент горла хиосской «позднепухлогорлой» амфоры (третья четверть 5 в. до н.э.); фрагмент ручки хиосской пухлогорлой амфоры; фрагмент венчика амфоры «с раздутым горлом» (тип КТБ 27б – вторая – третья четверти 5 в. до н.э.); обломок стенки аттического чернолакового килика; фрагмент поддона светлоглиняного лутерия (глина грубая). В 66.3/2: фрагмент чернолакового аттического килика со штампованным орнаментом (пальметты на лучах – вторая половина 5 в. до н.э.); фрагмент венчика и ручки маленькой «самосской» амфоры (середина – третья четверть 5 в. до н.э.). В 66.3/3 – находки отсутствуют. В ямке столба 16, прорезающей с поверхности засыпь 470-го, материковый выкид из могилы, слой серо-желтой и серой предматериковой глины, найдена ножка лесбосской амфоры второй половины 5 в. до н.э.

Названные находки позволяют достаточно уверенно датировать установку плетней-оградок третьей четвертью 5 в. до н.э., т.е. лет на 50–70 позднее, чем было совершено захоронение воина в погребении 470. Такой хронологический разрыв заставляет усомниться в прямом отношении плетней к погребальному комплексу. Но что же они собой, в таком случае, представляли? Уместно поставить вопрос иначе: почему на протяжении длительного периода (520/500 – 450/425 гг. до н.э.) поверхность засыпи погребения 470 оставалась свободной от позднейших напластований? Вполне вероятно, что перед установкой плетней поверхность на данной площади была снивелирована, причем при проведении этих работ могли быть устранены напластования первой половины (второй четверти) 5 в. до н.э., а вместе с тем и умозрительно предполагаемые остатки прежней ограды (если допускать, что таковые имелись) или же культурный слой здесь вовсе не формировался в указанный период времени.

Завершим описание контекстов, связанных с характеристикой нижележащих погребальных комплексов, кратким описанием объектов, относящихся к слою пестрой серо-желто-зеленой слоистой глины (4).

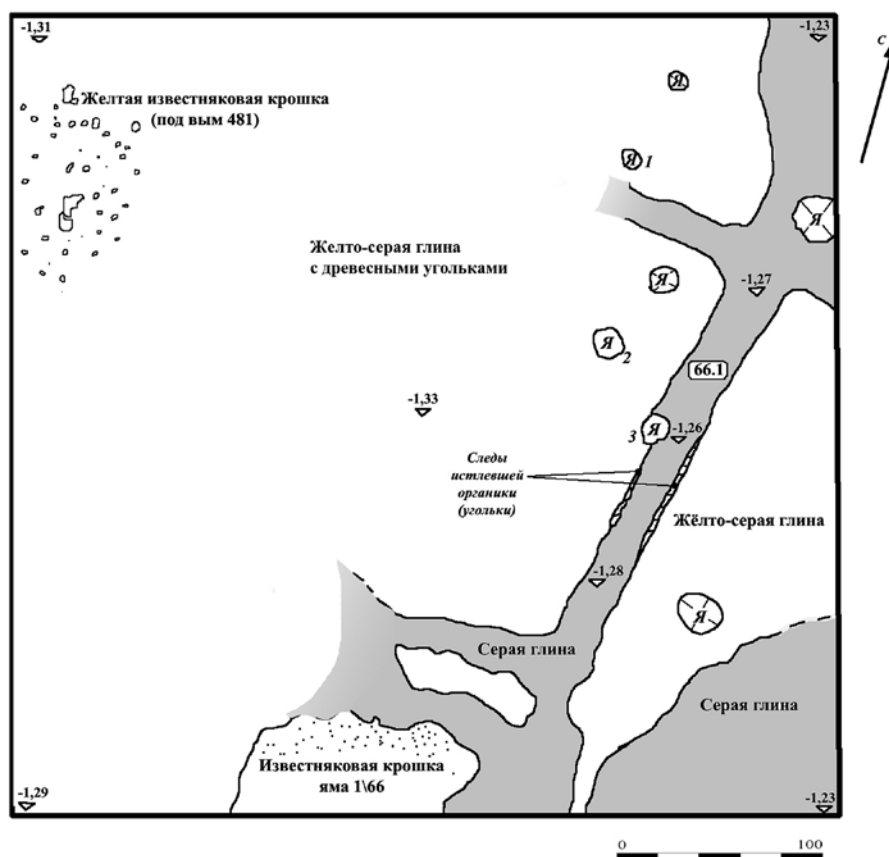

Рис. 50.
Плетневая ограда 66.1

Сохранность их довольно плохая, но они важны для хронологических определений перекрытых ими объектов.

Зафиксированный несколько выше (–1.27–1.28 м) плетней 66.3 объект **66.1** (рис. 50), по всей видимости, представляет собой верхний уровень остатков того же объекта 66.3 (хуже сохранившихся), либо же следы плетневой ограды следующего периода (что кажется более вероятным – см. ниже). В любом случае планиграфически оба объекта довольно близки (см. рис. 4).

Вымостка **66.2**, лежащая в северной половине пл. LXVI, в середине 14-го штыка, в толще «пестрой» слоистой глины (1) на уровне –1.41–1.45 м (рис. 51; 52), стратиграфически разделяет объекты 66.3–66.1 и вышележащий объект 483. Вымостка эта однослойная, поверхность ее небрежно сложена из сравнительно плотно уложенных плашмя черепков (главным образом это обломки стенок амфор); в западной части вымостки – скопление мелкого мягкого желтоватого щебня. Края вымостки нерегулярные. В средней части восточного ее края (непосредственно над плетнем 66.3/2) располагалась своеобразная конструкция, сооруженная из амфорных стенок, образующих неправильную окружность (0,52x0,44 м). В ходе расчистки она была принята за нижнюю часть вкопанной амфоры. Интерпретировать эту конструкцию сложно, не апеллируя к сакрально-ритуальной сфере. Учитывая контекст, можно предположить, что это своего рода *эсхара*. В числе составляющих вымостку фрагментов керамики были найдены фрагменты амфор:

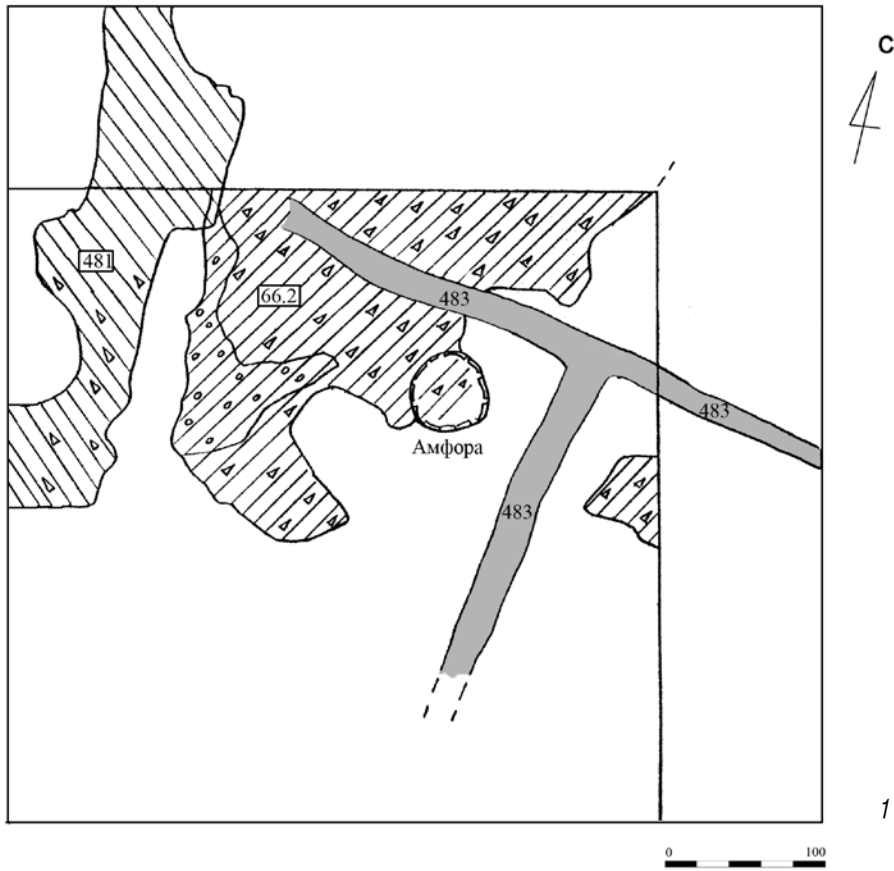

Рис. 51.
Плетневая ограда 483 и вымостки 481,
66.2, схематический план (1);
ограда 483, вид с юга (2)

хиосских третьей и последней четвертей 5 в. до н.э. (5 и 19 фрагментов соответственно; в том числе на фрагменте прямогорлой амфоры – анэ-пиграфное клеймо (инв. А-3) с сидящим сфинксом?), фасосских КТБ 16 (7), мендейских (2 ручки), «круга Фасоса» коричневой глины (1 ручка), КТБ 27 (5 ручек) второй – третьей четвертей 5 в. до н.э., лесбосских

Рис. 52.
Вымостка 66.2 и плетень 66.1,
вид с юга

серой глины (2 фрагмента ручек) (рис. 53). Таким образом, дата вымостки – последняя четверть 5 в. до н.э.

Остатки канавок под плетни **483**, расположенных в кв. LXVI, были выявлены в 1987 г. на уровне подошвы 13-го штыка (–1,13–1,15 м). Объект представлял собой две перпендикулярные друг другу полосы темно-серой глины. Одна тянулась по линии З–В (в западной части уходя под вымостку 481, а противоположным концом – в восточный борт); вторая же, примыкавшая к первой с юга, тянулась в толщу оставленной у южного борта «на попе» многослойную структуру 440+450 (слой 1) (рис. 51, 54).

Как было отмечено, канавки 483 и 66.3 не только частично расходятся в планиграфии (483-я, имея сходную структуру, смещена к северу), но и стратиграфически разделены черепяной вымосткой 66.2,

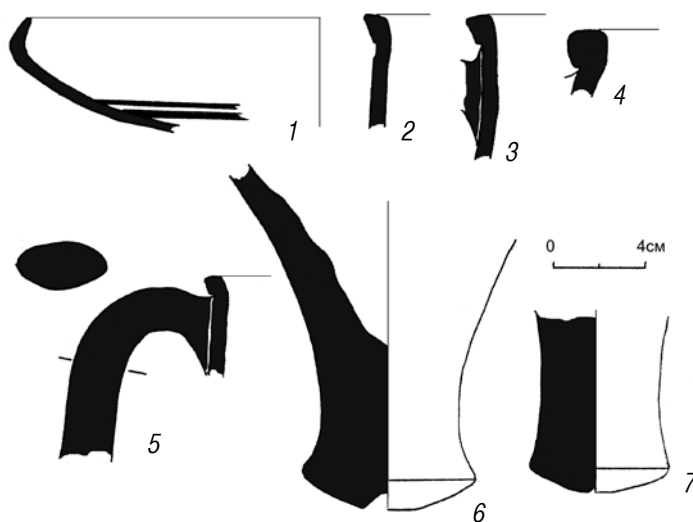

Рис. 53.
Находки из вымостки 66.2

Рис. 54.
Плетневая ограда 483 и вымостка 481,
вид с юга

Рис. 55.
Вымостка 481, вид с севера

датируемой последней четвертью 5 в. до н.э. В то же время, планы канавок 66.1 и 483 (в сохранной их части) совпадают полностью. Таким образом, поскольку объекты разделены вымосткой 66.2, нужно признать, что здесь фиксируется по крайней мере два, а скорее даже три периода сооружения плетневых оград: 1-2) 66.3+465 и 66.1 – третьей четверти 5 в. до н.э.; 3) 483 – не ранее последней четверти того же столетия.

Исследованная в 1987 г. вымостка **481** (уровень –1.04–1.13 м) перекрывала канавки плетней 483 (рис. 51, 55). Ограничимся краткой характеристикой составляющих ее находок (рис. 56). Амфорные фрагменты:

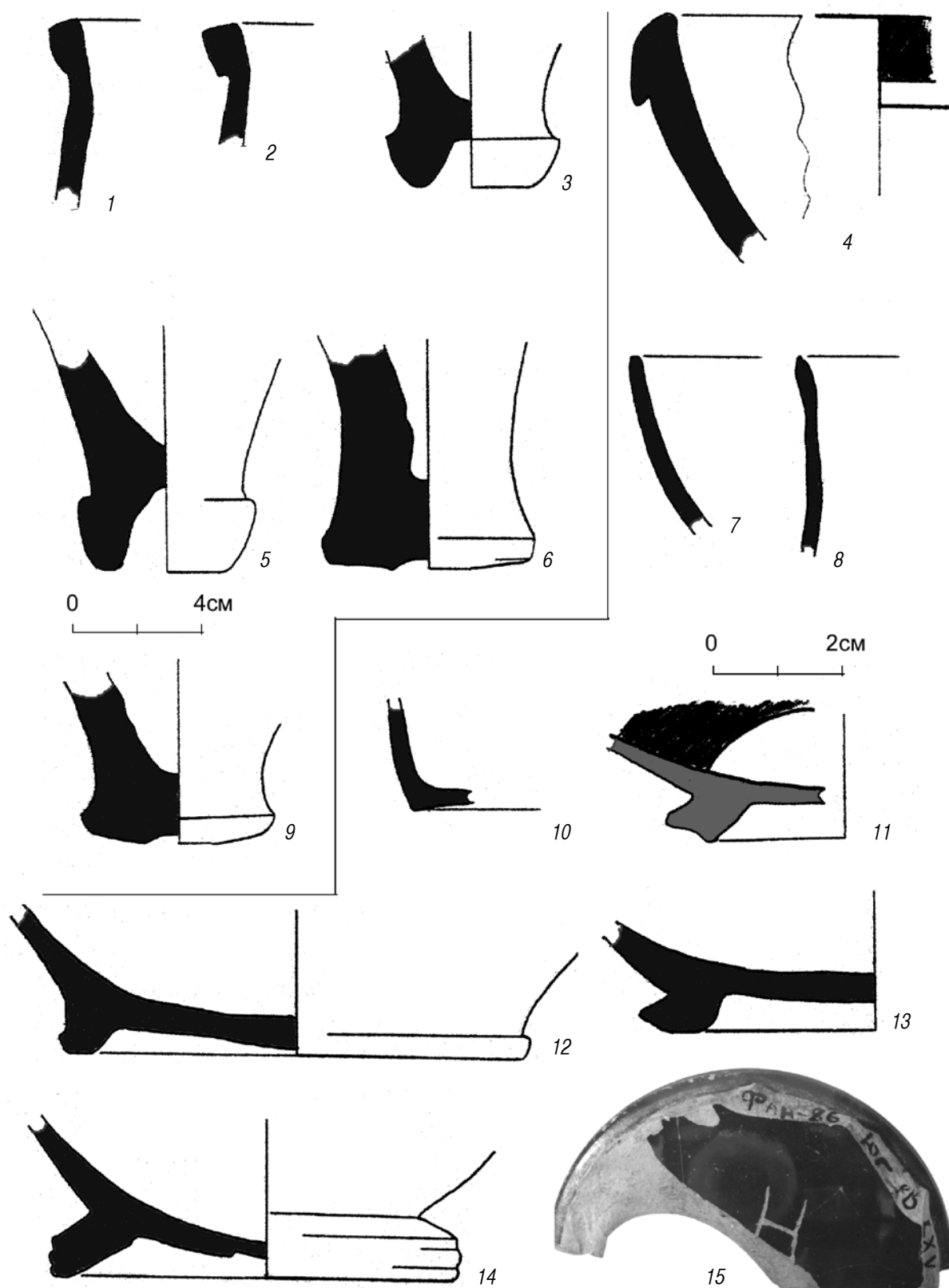

Рис. 56.
Находки из вымостки 481

Таблица 4. Фрагменты амфор из вымостки 481

Типы/варианты	Ножки	Венчики	Ручки
Хиосских 4-й четверти 5 в. до н.э.	4	5	10
Фасосских КТБ 16	1	2	1
«Круга Фасоса», коричневой глины	1	–	–
КТБ 27	–	–	1

Кроме того, найдены: обломок каменной зернотерки; фрагмент боспорского солена, крашенного красной краской; маловыразительные обломки красноглиняной и сероглиняной посуды (в числе последней имеются лепные); три граффити на донцах чернолаковых аттических килликов «Н» (оп. Б-4, 5, 6/1988; рис. 56. 15); фрагмент бронзового изделия (оп. Д-7); бронзовый трехгранный с обрезной втулкой наконечник стрелы (оп. Ж-13/1987⁷⁷). По составляющему вымостку материалу ее сооружение и бытование следует относить к последней четверти 5 в. до н.э.

Три однотипных граффити, найденные в вымостке, по всей видимости, адресованы «герою», что позволяет, хотя бы предположительно, прийти к заключению, что весь описанный выше погребально-поминальный комплекс может рассматриваться как своего рода *героон*, связанный с почитанием мужчины-воина⁷⁸, представителя первого поколения фанаторийцев (может быть маленьким ребенком привезенного колонистами из Теоса или рожденного в первые годы после основания Фанатории), умершего или погибшего во цвете лет в 520–510 гг. до н.э.

Помимо упомянутых объектов в толще слоя пестрой серо-желто-зеленой глины (1) и частично в слое засыпи могил (серо-желтой глине) была выявлена серия нижних частей вертикально поставленных столбов и столбовых ямок (рис. 4, 44, 50). Некоторая их часть располагалась в пределах канавок для установки плетней, но большая часть размещалась на площади без видимой системы. Поэтому понять их назначение и реконструировать планы сооружений не представляется возможным. Остается лишь предполагать, что эти столбики были опорой каких-то легких наземных конструкций (возможно, разновременных, в пределах второй четверти – второй половины 5 в. до н.э.).

Суммарная их характеристика такова:

Таблица 5. Параметры столбовых ямок

№ п/п ⁷⁹	Диаметр	Высота	Форма	Находки в заполнении	Примечания
я/ст	см				
1я	21/20	12	цилиндр.	2 стенки; 1- венец, КТБ 27	вокруг тлен; в плетне?
2я	8,5	3,5	цилиндр.	–	–
3я	19/22	6,5	цилиндр.	–	в плетне?
4ст	9,5	7	цилиндр.	–	в плетне
5я/ст	8,5	8	цилиндр.	–	–
6я	18	7	воронков.	2 стенки амф.	–

⁷⁷ См. Завойкин 2004, 71, кат. 5.

⁷⁸ Традиция превращения мест погребений в святилища восходит еще к геометрической эпохе. Этот обычай был распространен и в более позднее время. Данная практика хорошо прослежена археологически и освещена письменными источниками (например, см. Paus. II. 2, 1). В рамках данной традиции была и установка над погребением сосуда с отверстием в дне. «Считалось, что через него возлияния непосредственно достигают умершего... В источниках сохранились упоминания о храмах, возведенных на могилах» (Сёмина 1992, 253). Мы уже предполагали, что перед нами героон на месте погребения известного воина (см. выше, а также: Завойкин Сударев, 2006а, 113; Сударев 2005, 250).

⁷⁹ Нумерация столбиков (ямок) дана в порядке их выявления.

7	–	–	–	–	кротовина
8я	19	27	цилиндр.	13 фр.стенок амф.; 1 венец лесбосской	–
9я/ст	7,5	37,5	цилиндр.	–	древ. труха
10я	20/22	17,3	полусфер.	–	–
11ст	7,5	17	цилиндр.	–	дерево
12ст	7,5	33	цилиндр.	–	дерево
13я/ст	11	1,5	цилиндр.	–	–
14	–	–	–	–	пятно
15я	24	12	округл.	–	–
16	8	10	цилиндр.	ножка лесбосской амф.	древ. тлен

⁸⁰ См. Долгоруков, Колесников 1989; 1993.

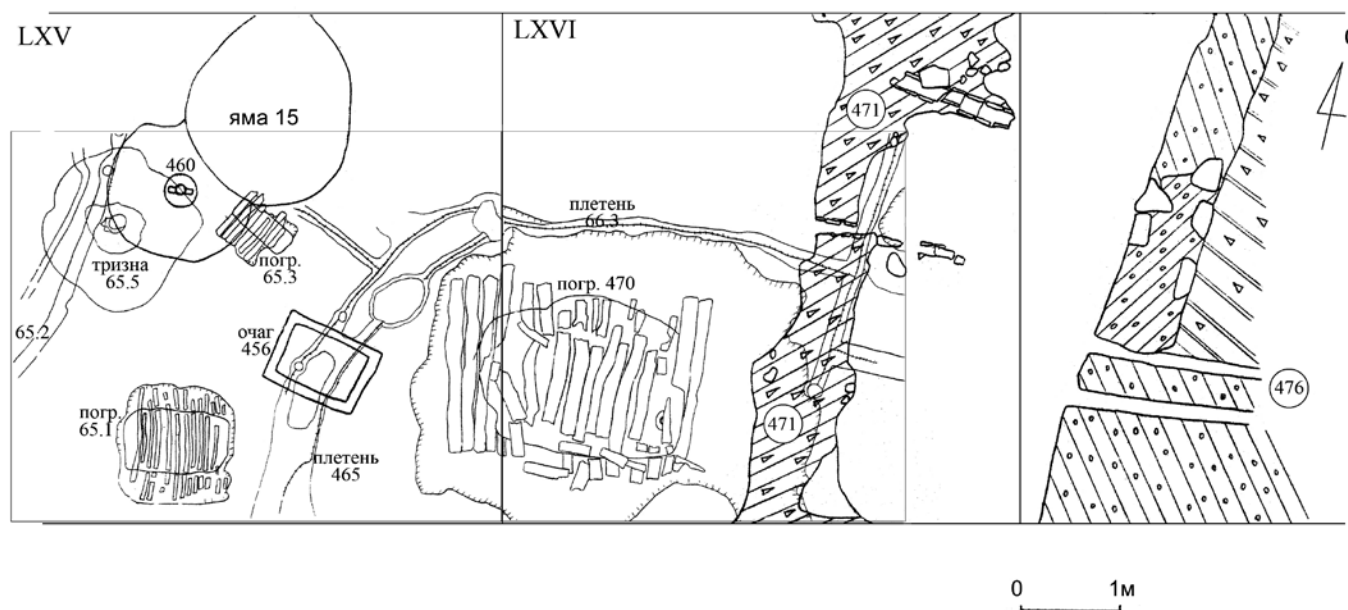
⁸¹ Находки в слое «440+450» очень редки, например, см. рис. 47.

Для надежного определения функционального характера плетневых конструкций необходимо определить их положение в более широком контексте. В первую очередь бросается в глаза тот факт, что плетни не могут быть связаны ни с одним жилым объектом или горизонтом, как, например, жилые или хозяйственные глиноплетневые многокамерные постройки второй четверти 5 в. до н.э., расположенные западнее.⁸⁰ Впрочем, и структура составляющего слой грунта решительно отлична от той, что характерна для слоя, связанного с «жилыми» или «хозяйственными» плетнями с глиняной обмазкой.

Окружающий (покрывающий могильные насыпи) слой – пестрая серо-желто-зеленая глина, в которой прослеживались чередования песка, золы и угольков. Наиболее систематические чередования (440+450) были прослежены в квв. LXIV–LXV. Примечательно, что всякий раз прослойка с золой и угольками сменялась прослойкой песка или стерильно чистой глины, как будто на этом месте с определенной периодичностью выжигалась растительность (трава), после чего горелая (золистая) поверхность засыпалась чистым грунтом.⁸¹ Какова была

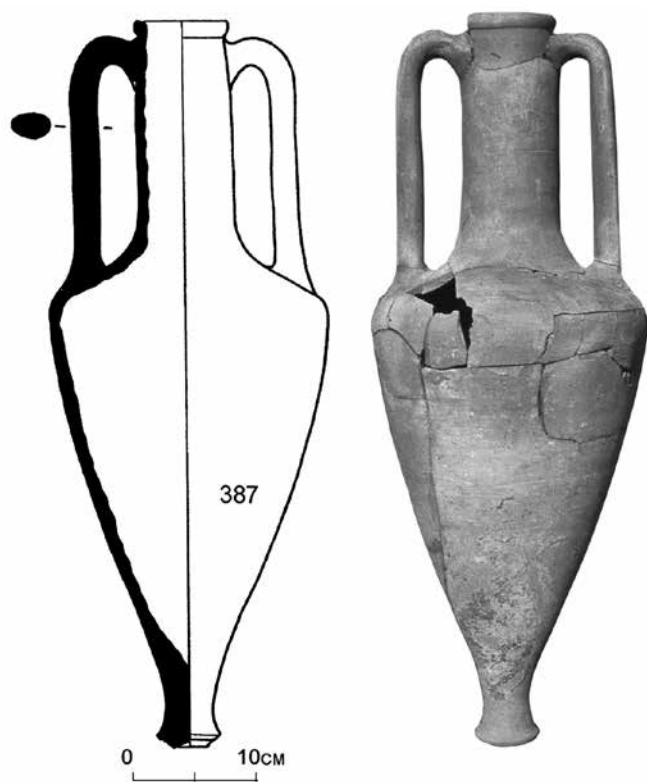
Рис. 57.

Схематический план объектов на квв. LXV–LXVIII в слое середины 4 в. до н.э. совмещенный с планами погребений 470, 66.1 и 2, тризны 66.5 и плетневых оградок 66.2, 465–66.3 конца 6 – 5 вв. до н.э.

1

2

Рис. 58.
Амфора 460 и «очаг» 456, кв. LXVI,
вид с северо-запада (1);
чертеж и фотография амфоры 456 (2)

цель подобных действий – сказать затруднительно. Не исключено, что это следы какого-то очистительного ритуала. Так или иначе, в течение второй четверти – второй половины 5 в. до н.э. над погребениями формировалась насыпь такой структуры.

Весьма интересно, что уже в первой половине 4 в. до н.э.⁸² непосредственно над тризной 65.5 (чуть севернее) была вкопана амфора **460** (типа «Солоха II» – Пепарет, тип I; рис. 57, 58. 2), которая тоже не была связана с каким-либо хозяйственным сооружением, как и расположенный недалеко от нее к юго-востоку «очаг» **456** (без следов

⁸² После того, как вся южная окраина города была разрушена военными действиями (см. Завойкин 2004, 114–115).

Рис. 59.
«Вымостка» 471 и западный край
постройки 476, вид с СВ

Рис. 60.
«Вымостка» 471 и западный край
постройки 476, вид с СЗ

⁸³ О полихромной штукатурке внутреннего помещения с уверенностью можно говорить лишь для финального этапа жизнедеятельности этой постройки, погибшей в середине 1 в. до н.э. Не только размеры и особенности планировки этого дома, но и богатство декоративной росписи стен говорят о неординарности этого комплекса, сформировавшегося в архитектурном плане во второй четверти 4 в. до н.э. и функционировавшего несколько столетий.

⁸⁴ Основная, южная часть этого сооружения, к сожалению, осталась не исследована (законсервирована после работ 1991 г.). См. примечание 14.

⁸⁵ Местоположение храма в антах (?) неподалеку от юго-восточных городских ворот, возможно, придавало в позднеклассическое и эллинистическое время древнему культу значение охраняющего городские рубежи.

горения), сложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей (рис. 57; 58. 1). Во второй четверти 4 в. до н.э. восточнее этого участка (квв. LXVII–LXVIII) была возведена фундаментальная постройка с антами и оштукатуренными в интерьере стенами⁸³ (тоже маловероятно, что бытовая постройка), которая, очевидно с перестройками⁸⁴, функционировала до середины 1 в. до н.э.⁸⁵ (рис. 57, 59, 60). Примечательно, что на данном участке (квв. LXII–LXVIII) в течение ряда веков не было

жилой застройки, однако культурный слой вырос до 4 метров (это наиболее возвышенная часть «Южного города»)⁸⁶. На совмещенном плане (рис. 57) отчетливо видно, что не только местоположение амфоры 460 согласуется с местоположением нижней части амфоры в тризне 65.5, но и то, что объект 456 «вписан» в пространство между детскими погребениями 65.1 и 3, расположившись точно на дуге плетневой ограды 465 и на продольной оси центрального погребения 470. Кроме того, субструкция с водостоками 471 (рис. 57, 60)⁸⁷, протянулась с севера на юг точно над плетнем 66.3/1 (погребение 66.5 «вписывается» между двумя ее водостоками). Иными словами, складывается отчетливое впечатление, что объекты, появившиеся спустя примерно столетие после того, как на этом месте были произведены захоронения, были согласованы с местоположением объектов предшествующего времени, перекрытыми культурным слоем. Случайность кажется нам в этом случае практически невероятной.

В заключение этого подраздела, возвращаясь к объектам и структурам 5 в. до н.э., можно заметить. По-видимому, отмеченные характеристики культурного слоя в восточной части раскопа «Южный город» находят определенное сходство с ситуацией, зафиксированной на Березани⁸⁸, где над позднеархаическим некрополем были обнаружены какие-то сооружения (толосовидные, овальные, апсидальные – из камня, а также канавки) в одном контексте со слоистыми структурами.⁸⁹ Подобные же объекты (дугообразные канавки, ямки, а также каменные стенки) были зафиксированы и на архаическом некрополе Ольвии.⁹⁰

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Единое погребение было открыто в 1985 г. примерно в 35 м к западу от описанного «Восточного участка». К сожалению, стратиграфическую ситуацию в перекрывающем погребение слое охарактеризовать практически невозможно.

Погребение 56.п.1

Погребение было обнаружено при зачистке материка по контуру древесного тлена, внутри которого – вязкая материковая глина, не отличающаяся от окружающего грунта. Могилу перекрывала «бесформенная продолговатая куча светло-желтой глины⁹¹» размерами 2,50x1,36, высотой 0,34 м (верхняя точка –1,33 м от «Ro»). Захоронение женщины преклонного возраста было совершено в подпрямоугольной в плане могильной яме, впущенной в материк и ориентированной широтно (рис. 61, 62). Размеры могильной ямы 1,88x0,80x0,51 м. Погребенная лежала (на уровне –2,13 м) в прямоугольном гробу из деревянных досок, отпечатки которых отчетливо прослеживались под костяком, по бортикам могильной ямы и поверх костяка. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на восток. Голова опущена, подбородок прижат к груди.

⁸⁶ После разрушения здания в антах здесь строится многокомнатный дом, который, в свою очередь, был разрушен в последние годы 1 в. до н.э., после чего до периода правления Тейрана (275 г. н.э.) здесь был пустырь. Затем какое-то время на данном участке функционируют керамические обжигательные горны, а в византийский период – организуется рыбозасолочное хозяйство. После этого жизнь в этой части городища окончательно затухает.

⁸⁷ Сложены из обломков неклеяемой боспорской черепицы.

⁸⁸ Раскопки Г.Л. Скадовского, в изложении В.В. Лапина (Лапин 1966).

⁸⁹ См.: Лапин 1966, 92, 112, план; Крыжицкий, Козуб, Русяева и др. 1987, 21.

⁹⁰ Например, рядом с могилкой (кат.) 52 прямая канавка «с загнутым концом...» как бы отгораживает группу могил (Скуднова 1988, 10).

⁹¹ Вероятно, как и в остальных случаях – это остатки либо небольшой насыпи, которые известны на Боспоре начиная с 6 в. н.э., либо остатки т.н. «построенной» гробницы, которая могла представлять собой как сырцовое сооружение, так и основание из сырца и глины для каменной (или терракотовой) конструкции (Сударев 1995, 170; 2005, 65; Kurtz, Boardman 1971, 105).

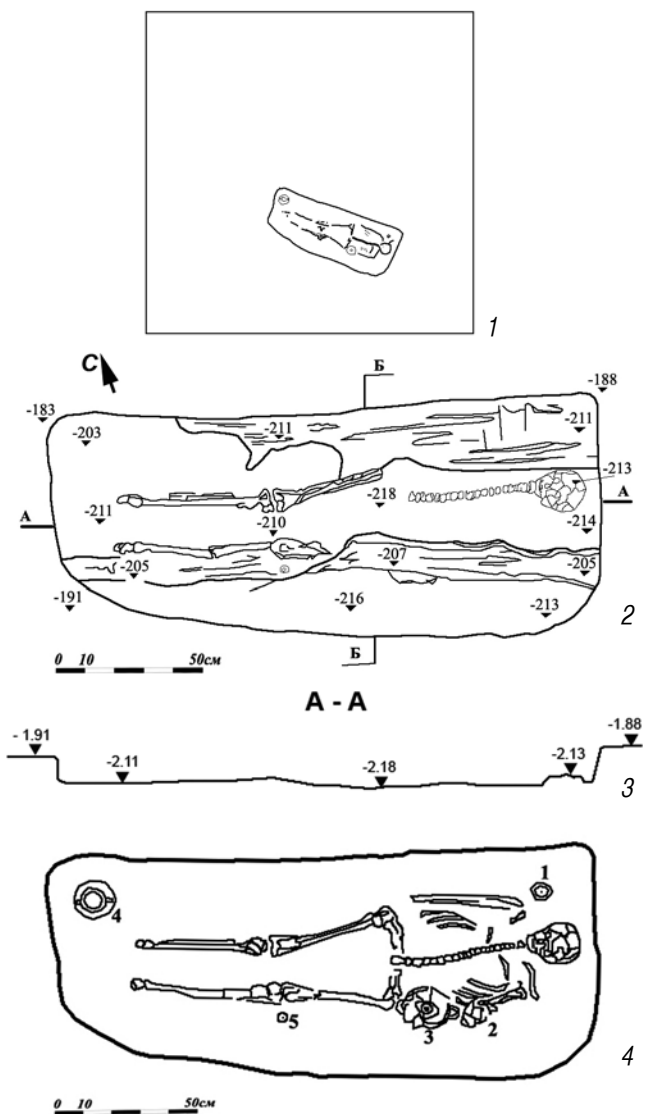

Рис. 61.
Погребение 56.1.
Схема расположения в кв. LVI (1);
план расчистки остатков гроба (2);
разрез А-А (3);
план на уровне расчистки костяка (4)

Рис. 62.
Погребение 56.1.
Вид с ЮЗ

Рис. 63.
Погребение 56.1, детали.
Восточная часть, вид с юго-запада (1);
средняя часть, вид с севера (2)

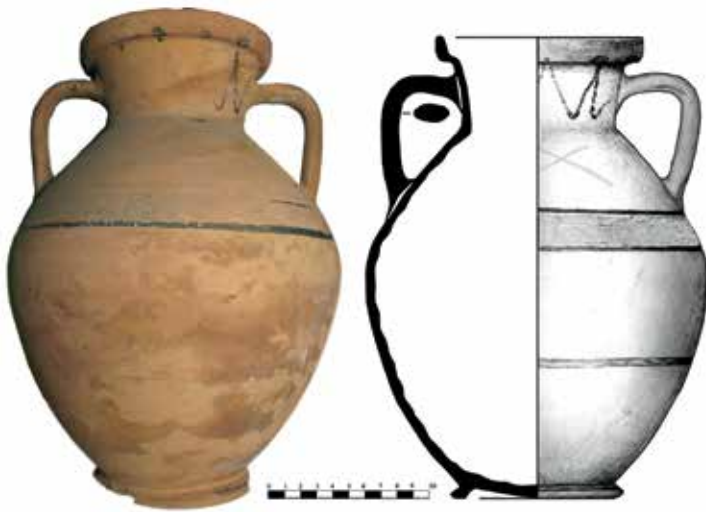

Рис. 64.
Погребение 56.1, инвентарь из могилы.
Ионийская столовая амфора
(КМ-10070/3)

Рис. 65.
Погребение 56.1, инвентарь из могилы.
Костяное пряслице

В ногах, справа от погребенной, стояла столовая ионийская амфора на кольцевом поддоне (№ 4) второй половины 6 в. до н.э., декорированная росписью темно-бурого лака: широкой полосой чуть выше уровня максимального диаметра тулова, над которой еще узкая полоска; на плечах – S-видные, лежащие «на боку» завитки; на горле – зигзагообразный орнамент (рис. 62, 64). Аналогии таким амфорам хорошо известны, с том числе в погребальных комплексах, например, из Гермонассы⁹², Синдской Гавани («Анапское поселение»)⁹³ и Ольвии.⁹⁴

Рядом с левым коленным суставом лежало круглое плоское костяное пряслице⁹⁵ (№ 5; рис. 65). На кисти левой руки – раздавленный чернофигурный аттический килик типа «С» с изображением лица Медузы Горгоны в тондо (№ 3; рис. 66).⁹⁶ Высота килика 73 мм, диаметр венца – 181 мм,

⁹² См. Гайдукевич 1999, 167, рис. 15.2 (из упомянутого ранее погребения 3/1938 г. (раскоп I), не позднее середины 6 в. до н.э.); 184, рис. 54 (могила 1/1940 г., датированная В.Ф. Гайдукевичем второй половиной 6 в. до н.э.).

⁹³ Алексеева 1997, табл. 8. 20.

⁹⁴ Скуднова 1988, 68–69, кат. 87. 10 (могила 75, вторая половина 6 в. до н.э.): высота – 280 мм. Отличается от фанаторийской зигзагообразным декором на плече вместо S-видных завитков и бóльшим уплощением поверхности венца. Верхнюю часть амфоры из ямы Е/ 1914 г., декорированной аналогично фанаторийской, В.М. Скуднова (1988, кат. 266. 5) датирует 540–520 гг. до н.э.

⁹⁵ Подробнее о пряслицах в погребении см.: Сорокина, Сударев 2001а, 136–137, Сударев 2010, 454. Эти предметы часты в погребениях Греции и Боспора, обычно они определяются как «орудия

труда». Однако пряслица связаны с Афиной, как покровительницей пряж (Нильссон 1998, 121), Гекатой, Мойрами (Бидерманн 1996, 38–39), богинями плодородия, Афродитой. В связи с последней интересно и то, что в погребениях (более поздних) часты находки пряслиц вместе с прялками, увенчанными ее изображением (Федосеев, Чевелев 1999, 173 сл.). О неутилитарном значении пряслиц в погребениях свидетельствует несколько моментов: их количество часто превышает 1, они встречаются как в погребениях мужчин (в том числе и воинов), так и женщин. Интересна поэтому находка чернолакового пряслица в кепском некрополе (№ 189/36) и аналогичного пряслица в юго-восточном некрополе Фанатории (2012 г.). Сравнение встречаемости пряслиц в разных некрополях Боспора позволило сделать вывод о том, что в

раннее время пряслица чаще встречаются на азиатской стороне Боспора и в Нимфее (Сударев 2005, 188). Сопоставление этих данных привело к мысли о возможной связи этих предметов в могилах с культом Афродиты Урании.

⁹⁶ См. Morgan 2004, no. 257: «In tondo, gorgon head on reserved circular field; incision for rolls of hair, nose (horizontal) and mass of small diagonals for short beard converging on centre. Spot on forehead; eyebrows, eyes and ears painted on too. Added red on every other lock of hair (red over black) and on tongue; teeth added white (spots on black ground)... The gorgon lacks exact parallels, it is loosely similar to CVA Tübingen 3 (Germany 47), cat. 7, pl. 32 and the two more carelessly drawn examples CVA Moscow 1 (Russia 1), cats. 5 (lacking incision and added colour) and 6 (lacking incision on nose and forehead spot, from Panticapaeum), pl. 64».

Рис. 66.
Погребение 56.1, инвентарь из могилы.
Чернофигурный аттический килик

основания ножки – 76 мм. На оборотной (нижней) стороне дна процарапано графрито в виде архаической буквы *эты* – Δ .⁹⁷ Форма (Agora XII, no. 399) и роспись позволяют датировать чашу 525–500 г. до н.э.⁹⁸ Б. Спарк и Л. Тэлкотт отмечают, что наиболее ранние экземпляры киликов типа «С» с вогнутым венцом находят сходство с чашами класса *Droop cup*. К таковым (т.е. самым ранним экземплярам типа), несомненно, относится и килик из погребения 56. п. 1 и его наиболее корректная датировка – ок. 525 г. до н.э. (ориентировочно – 530–510 гг.).

Рядом с киликом, в районе локтевого сгиба лежала красноглиняная одноручная чашечка с рудиментарным сливом (№ 2), покрытая по внутренней поверхности, венцу и ручкам тусклым черным лаком, очевидно, североионийского производства (рис. 67), тоже раздавленная землей. К предшествующему периоду относится аналогичная ионийская чашечка с одной петлевидной ручкой и сливом (более функциональным, чем на экземплярах из фанагорийского некрополя) с Березани, датируемая издателем (С.Л. Соловьевым) первой половиной 6 в. до н.э.⁹⁹ Ближайшие синхронные аналогии этой чаше обнаруживаются в материалах Ольвии.¹⁰⁰ Исходя из этой аналогии, позволительно чашечку из погребения датировать второй половиной (скорее – третьей четвертью) 6 в. до н.э.

Справа от головы погребенной, в северо-восточном углу могилы, была установлена поддоном вверх аккуратно отколотая ножка чернолакового килика (№ 1; рис. 63. 1), по мнению И.В. Новикова (автора раскопок), вторично использованная в качестве «солонки». Находки подобного рода предметов имеют значительное распространение в

Рис. 67.
Погребение 56.1, инвентарь из могилы.
Одноручная ионийская чашечка
со сливом (КМ-10070/10)

⁹⁷ См.: Guarducci 1967, 92–94; Jeffery 1963, 28–29, fig. 8. 5.

⁹⁸ Опубликовано К. Морган (Morgan 1999, 30–31, no. 54, pl. 9a, b; 2004, 101, pls. 21, 44, с литературой). Исследовательница в качестве датирующей аналогии приводит форму Agora XII, nos. 401, 403, что не совсем точно. Неверно указано, что килик найден в 1985 г. на «Верхнем городе»: «Trench 56, basement 7», вместо: «Погребение 1 на кв. 56, «Южный город»».

⁹⁹ Борисфен–Березань 2005, 44, № 49. Снаружи эта чашечка декорирована точечными розетками.

¹⁰⁰ Буйских 2013, 147, 387, рис. 139, кат. 9.298–9.305. Исследовательница датирует все эти находки третьей четвертью 6 в. до н.э. и называет выступ-слив «псевдо-ручками».

¹⁰¹ См. выше, сноску 58, а также: Сорокина, Сударев 2001а, 133 слл.; Сударев 2010, 453. Вторичное использование поддонов сосудов широко представлено в более поздних меотских могилах (например, см. Лимберис, Марченко 2010, 333, рис. 4. 3–10, 343). Обращает на себя внимание относительное обилие подобных находок в синдском некрополе у хут. Рассвет, в основном в погребениях 5 в. до н.э. (Новичихин 2010, 211–212, рис. 214. 27, 29, 56, 114, 79, 93, 102; рис. 51. 1–2, 65. 2, 84. 1, 166. 1 (с отверстием для подвешивания), 199. 2, 3). Примечательно, что в ряде случаев сколы стенок тщательно зашлифованы. В количественном отношении они превосходят полные формы чернолаковых чаш. Встречаются подобные предметы и в зольнике поселения Береговой 4. Однако следует еще раз отметить, что преднамеренно отбитые части сосудов встречаются в различных святилищах и погребениях греческой ойкумены.

¹⁰² Что, впрочем, не отрицает и его «культурную» функцию в рамках погребального комплекса.

¹⁰³ Долгоруков, Колесников 1993, 124. Дом 9, построенный поверх руин дома 2, датируется в пределах второй четверти 5 в. до н.э. (Долгоруков, Колесников 1993, 127–128).

¹⁰⁴ Долгоруков 1985, 2.

¹⁰⁵ В нашу задачу не входит анализировать интерпретацию дома 2 в функциональном отношении. Отметим только мнение В.Д. Кузнецова, который, исходя из местоположения этого комплекса на самой окраине городища и основываясь на находках здесь предметов, связанных с металлообработкой (см. Долгоруков, Колесников 1993, 124), считает, что в данном случае мы имеем дело с мастерской, в силу ее пожароопасности, вынесенной за пределы жилой зоны города. Исследователь также ссылается на раскопки другой мастерской, расположенной западнее рассматриваемого участка, в целом синхронной дому 2 – мастерской короппласта. Кроме того отмечено, что для строительства «временных» домов «эпойкам» не было никакой необходимости отказываться от апробированной техники постройки сырцово-кирпичных зданий, не требующей длительного времени; тем более что одна из глиноплетневых построек (дом 11) была возведена в конце 5 – начале 4 в. до н.э. поверх остатков разрушенного сырцового дома (Кузнецов 2010, 443).

погребальных памятниках боспорских греков¹⁰¹ и, по-видимому, скорее могут быть связаны с почитанием хтонических божеств, чем с желанием «сэкономить» на погребенном. Аналогичный предмет был найден над перекрытием описанного выше погребения 470 (рис. 30). Правда, в данном случае надо все-таки предпочесть «утилитарное» использование поддона.¹⁰²

Представляется вполне обоснованной датировка рассмотренного погребального комплекса в целом в интервале 530–520/10 гг. до н.э. (вероятнее – 520-е годы). Принимая в расчет возраст похороненной женщины, следует считать достоверно установленным, что она, видимо, в девическом возрасте или молодой женщиной прибыла на Таманский полуостров в числе первых колонистов из Теоса.

ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК

В 1985 г. А.Б. Колесниковым на квв. XLVIII–XLIX в серо-коричневой материковой глине были раскопаны четыре позднеархаических погребения (рис. 68). Они расположены ниже остатков культурного слоя, связанного с сооружением и гибелью глиноплетневых построек (два строительных горизонта). Строительство наиболее раннего дома (№ 2), перекрывающего погребения, датировано 490–480-ми гг. до н.э., а гибель в пожаре – очевидно, в конце первой – начале второй четверти 5 в. до н.э.¹⁰³ В полевом отчете отмечается, что «Контуров могильных ям, за исключением погребения 49.21, при зачистке по верхнему уровню материковой поверхности не читались. Это связано, в первую очередь, с тем, что перекрывающий погребения древний гумусный слой (5–10 см) ...практически однороден на всей площади квадратов. Заполнение же могильных ям состояло из серо-коричневой глины, которая по своей структуре и цвету слабо отличалась от материка».¹⁰⁴ В 1986 г. к западу от этих погребений, на соседних с востока квв. XLV–XLVI в стратиграфически сходном контексте было исследовано еще три погребения.

Поскольку перекрывающий могилы слой весьма обстоятельно описан в указанной статье В.С. Долгорукова и А.Б. Колесникова, нет необходимости останавливаться на сколько-нибудь подробной характеристике отложений культурного слоя и строительных остатков. Достаточно нескольких слов сказать о планиграфической ситуации (см. рис. 68). Совершенно очевидно, что в отличие от картины, наблюдаемой нами на восточном участке раннего некрополя, здесь нет никакой взаимосвязи погребальных объектов и сравнительно близких им по времени глиноплетневых конструкций, которые однозначно представляют собой остатки стен постройки жилого и/или хозяйственного назначения.¹⁰⁵

Погребение 48.16

Погребение новорожденного ребенка в хиосской пухлогорлой амфоре обнаружено в северо-западной части кв. XLVIII, в 0,50–0,85 м к северу от северной стены (48.11) помещения «В» лежащего выше

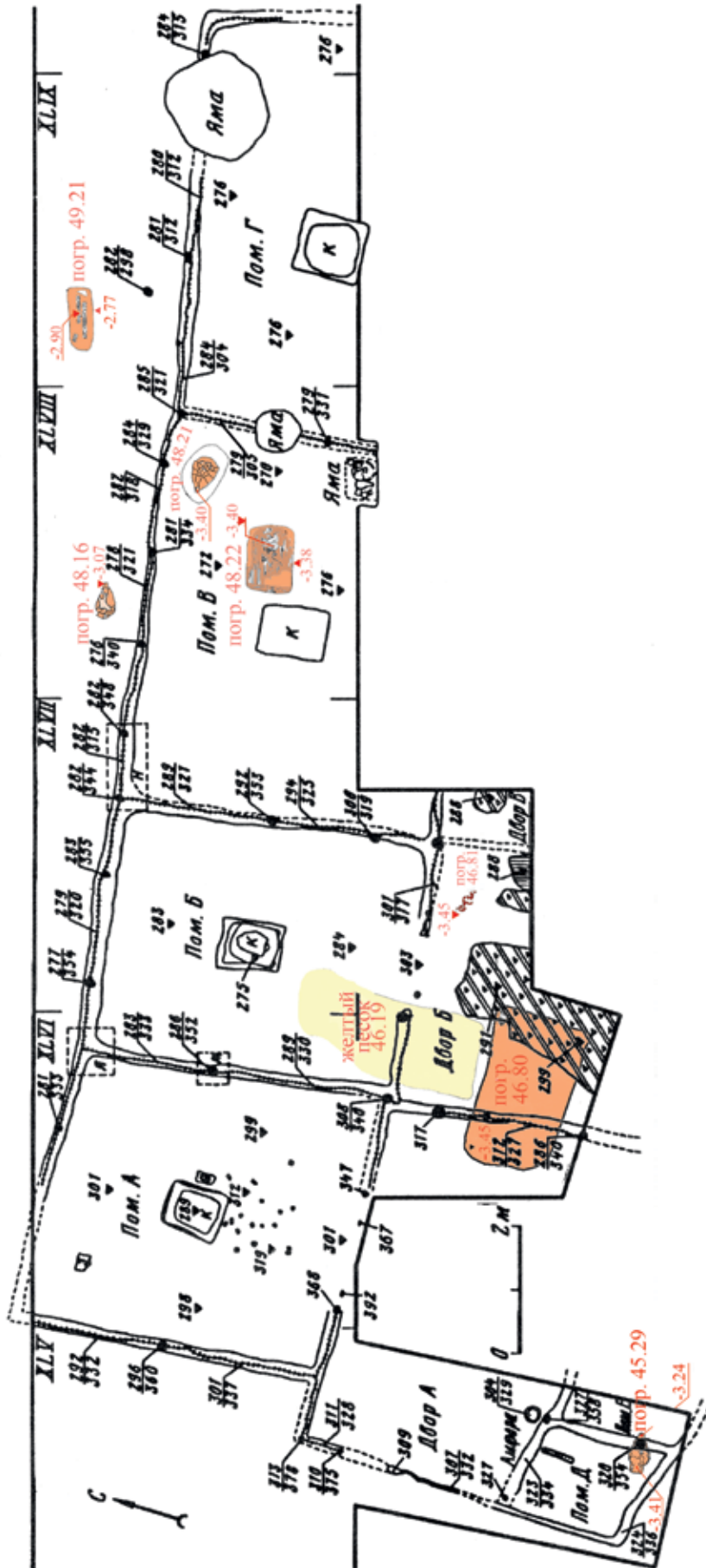

Рис. 68.
 Западный участок некрополя.
 Схематический план взаиморасположения
 поздне-архаических погребений
 и перекрывающих их остатков
 глиноплитенного дома 2
 первого строительного периода
 (Долгоруков, Колесников 1993, 113–124, рис. 3)

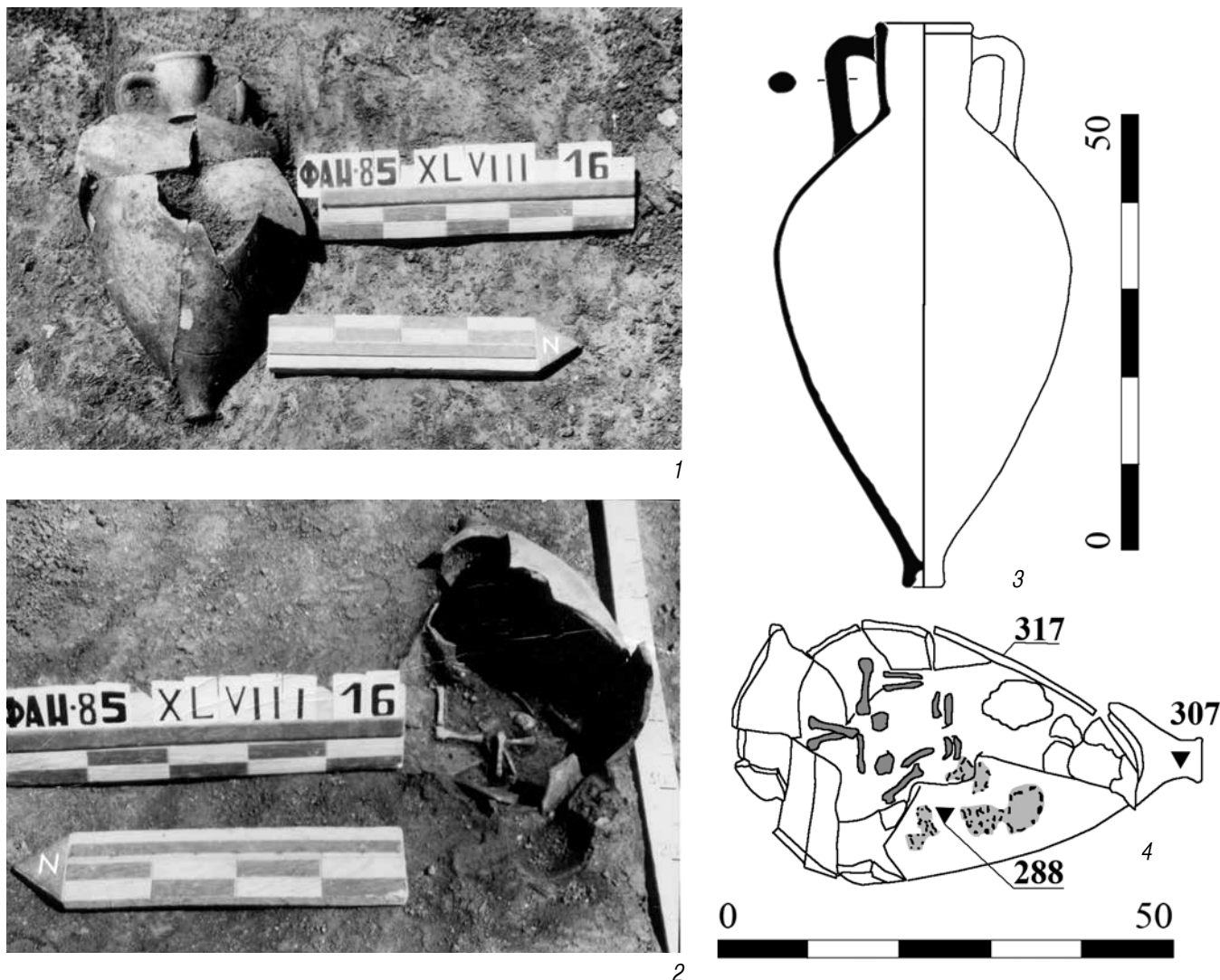

Рис. 69.
 Погребение 48.16.
 Хиосская амфора с захоронением
 младенца, вид с востока (1);
 то же после удаления части стенок,
 вид с запада (2);
 чертежи погребения (4) и амфоры (3)

¹⁰⁶ Выбоина, сделанная в центре тулова для положения ребенка внутрь, была заложена крупным фрагментом тулова другой амфоры (на котором сохранилась тонкая полоска красной краски/лака).

¹⁰⁷ Сохранился весьма плохо.

¹⁰⁸ Монахов 2003, 16, табл. 3. 5, 6.

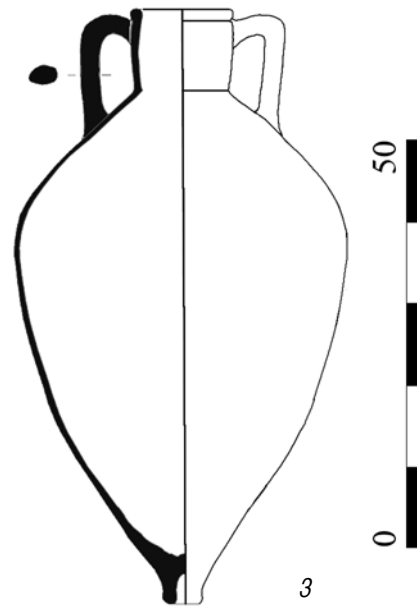
¹⁰⁹ Двадцатилитровый стандарт. По А.П. Абрамову – ИВ-2А (Абрамов 2006, 17–18, рис. 7. 8; ср. Завойкин 2013а, 136, рис. 2. 2 (3а.1)).

глиноплетневого дома (рис. 68, 69. 1). Амфора была положена горлом на запад на глубине –2,88–3,17 м, в яме (не прослежена), впущенной с более высокого уровня. Поверхность материка на данном участке лежит на глубине –2,50–2,60 м, следовательно, глубина могильной ямы была минимум 0,60 м. В материковом слое в районе амфоры была зафиксирована песчаная прослойка (0,8–1,5 см толщиной) с отдельными комками ярко-желтой глины. Ее уровень соответствует верхнему уровню амфоры, которую прослойка частично перекрывала.

Скелет ребенка, положенного на спину, головой на запад, сохранился хорошо (рис. 69. 2, 4). Хиосская амфора, которая послужила урной для захоронения ребенка (рис. 69. 3)¹⁰⁶, по морфологическим признакам, остаткам декора¹⁰⁷ и объемным характеристикам должна быть отнесена к варианту А типа III («пухлогорлые раннего варианта») по классификации С.Ю. Монахова¹⁰⁸, который датируется исследователем последней третью 6 в. до н.э., но скорее, все-таки, – последней четвертью 6 в. до н.э.¹⁰⁹

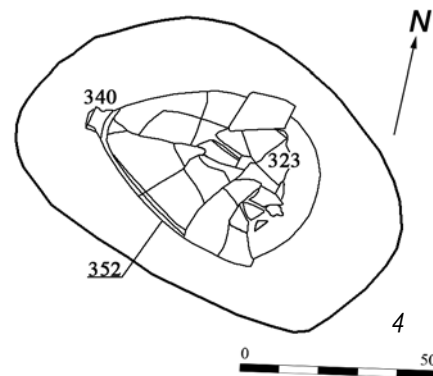
1

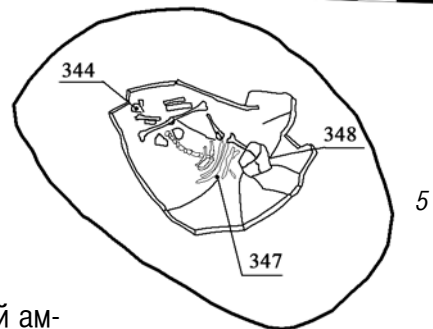
3

2

4

5

Погребение 48.21

Погребение новорожденного ребенка в хиосской пухлогорлой амфоре было обнаружено в центральной части кв. XLVIII, под полом помещения «В» глиноплетневой постройки 2, около СВ угла помещения (рис. 68). Примерные границы могильной ямы улавливались с уровня $-2,95$ м. Размеры овальной в плане ямы $0,5-0,7-1,00$ м. Ее дно на $0,8$ м ниже уровня пола помещения «В» (рис. 70. 1, 4, 5).

Горло амфоры располагалось несколько выше, чем остальная ее часть, на глубине $-2,89-3,22$ м. Судя по тому, что перед сооружением глиноплетневого дома древняя дневная поверхность была выровнена, первоначальная глубина ямы была несколько большей и составляла, вероятно, $0,9-0,95$ м. Это так, если только гипотетически не допустить вероятности, что погребение было совершено с уровня полов (т.е. под полом), чему, однако, противоречит датировка сосуда.

Рис. 70.
Погребение 48.21.
Хиосская амфора с захоронением младенца, вид с 3-ЮЗ (1); захоронение младенца, вид с запада (2); чертеж погребения (4, 5) и амфоры (3)

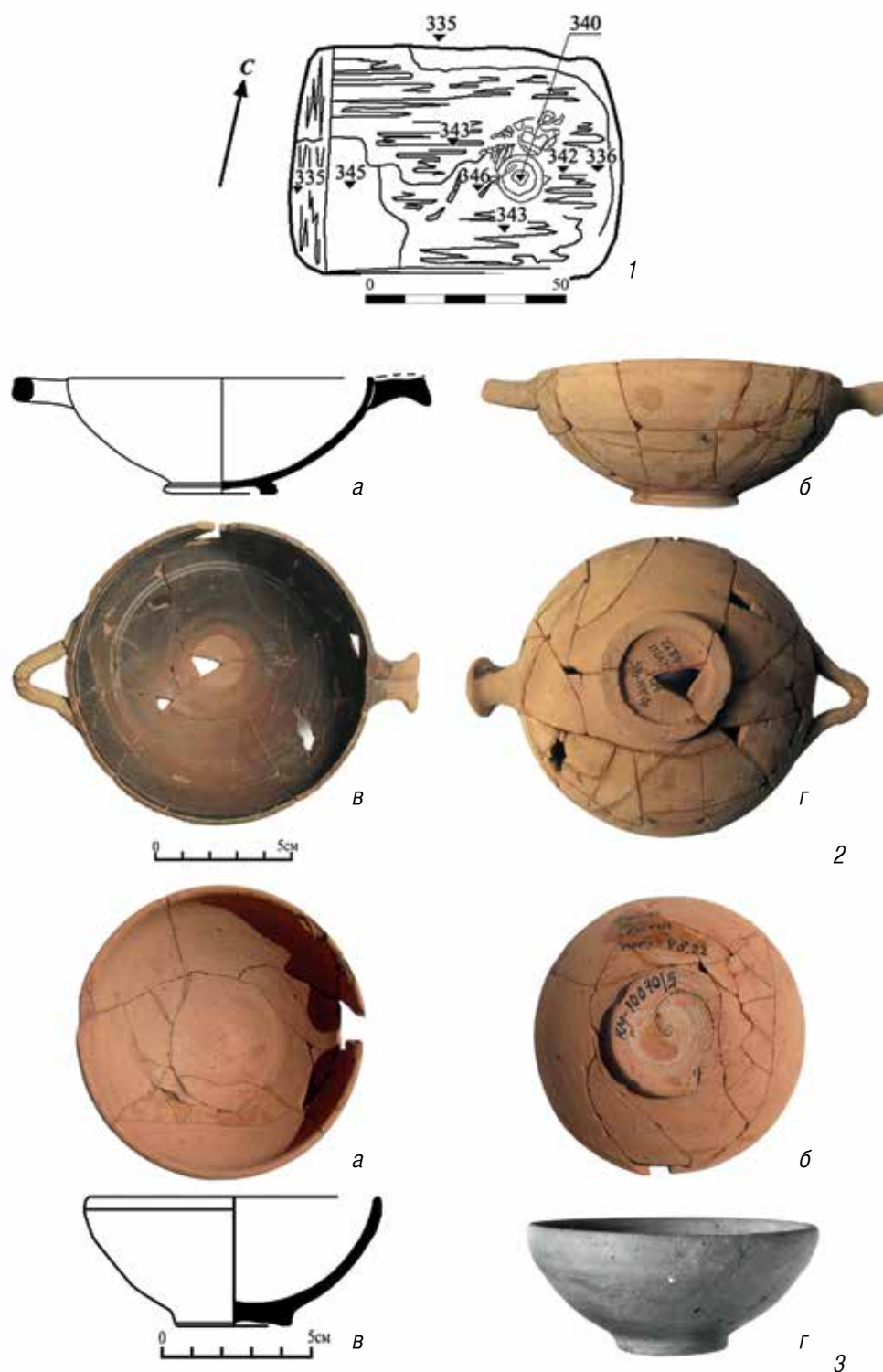

Рис. 71.
 Погребение 48.22.
 План (1) и инвентарь:
 ионийская одноручная чашечка
 со сливом (2);
 красноглиняная чашечка
 КМ-10070/5 (3)

Амфора, использованная в качестве урны (рис. 70. 3), относится к тому же типу и варианту¹¹⁰, что и упомянутая в погребении 48.16 (отличаясь только большим объемом – около 30 л), т.е. к последней четверти 6 в. до н.э. Отметим две параллельные насечки, сделанные на ножке амфоры по сырой глине. Она была положена горлом на восток, с незначительным отклонением к югу.

Сохранность скелета ребенка, ориентированного головой на восток, в целом удовлетворительная (рис. 70. 2, 5). Костяк лежал на правом боку, с сильно согнутыми к животу ногами. Длина костяка – 0,35 м.

Погребение 48.22

Погребение ребенка. Могильная яма была обнаружена при вертикальной зачистке останца под кладкой 49.13 (вторая половина 5 в. до н.э.), с уровня погребенного дерна (серая глина с железистыми прожилками), на 7–10 см ниже пола помещения «В» глиноплетневого дома (рис. 68). Длина могильной ямы на этом уровне 1,20 м, размеры ее по дну (которое на 0,70 м ниже пола) – 0,82x0,60 м. Продольная ось ямы ориентирована З–ЮЗ – В–СВ. У дна удалось проследить две прослойки древесного тлена коричневого цвета – два слоя «плах» (досок) с различимыми продольными волокнами, однако ширину отдельных плах установить было невозможно. Между двумя слоями древесного тлена (остатками упавшего перекрытия и обкладки дна могилы) имелся слой серой глины 0,5–2,0 см толщиной. На западном крае ямы сохранились следы поперечной плахи (рис. 71. 1). В могиле был похоронен ребенок, положенный головой на В–СВ. Сохранность костей очень плохая, достоверно определить позу покойного невозможно.

Справа от черепа обнаружена ионийская чашечка с одной петле-видной ручкой и рудиментарным сливом с противоположной стороны (рис. 71. 2). Внутренняя поверхность чашки была окрашена тусклым черным и темно-коричневым лаком, по которому белой краской в средней части нанесены две круговые полосы и еще одна – у края; «медальон» на дне оставлен в цвете глины. С внешней стороны чашка окраски не имела. (Совершенно аналогичная чашечка была обнаружена в погребении 56.п.1/1985 конца третьей – начала последней четверти 6 в. до н.э.¹¹¹)

В эту чашечку дном вверх была положена красноглиняная мисочка без ручек (рис. 71. 3).

Погребение 49.21

Погребение ребенка. Следы могилы обнаружены в северо-западной части кв. XLIX, к северу от линии северного плетня помещения «Г» глиноплетневой постройки 2 (рис. 68) при зачистке поверхности материка, на которой было выявлено темное пятно с отдельными фрагментами древесного тлена, представлявшего собой результат разложения деревянных плах обкладки могильной ямы и ее перекрытия. Расчистка объекта выявила следы двух деревянных плах, ориентированных по оси З–В. Ширина одной (северной) – 5–6 см, другой – 7 см; их прослеженная длина – 0,60 м. Восточный край ямы оформлен прямыми (чуть закругленными) углами, а западный – в виде апсидального скругления. Размеры могильной ямы 0,90x0,40 м, глубина – 0,40 м (рис. 72).

Костяк ребенка «подросткового» (по определению автора раскопок, 8–12 лет, но, вероятнее – 5–8 лет) возраста сохранился очень плохо. Погребенный был положен вытянуто на спину, головой на восток.

¹¹⁰ Завойкин 2013а, 136, рис. 2. 1.

¹¹¹ См. сноску 100.

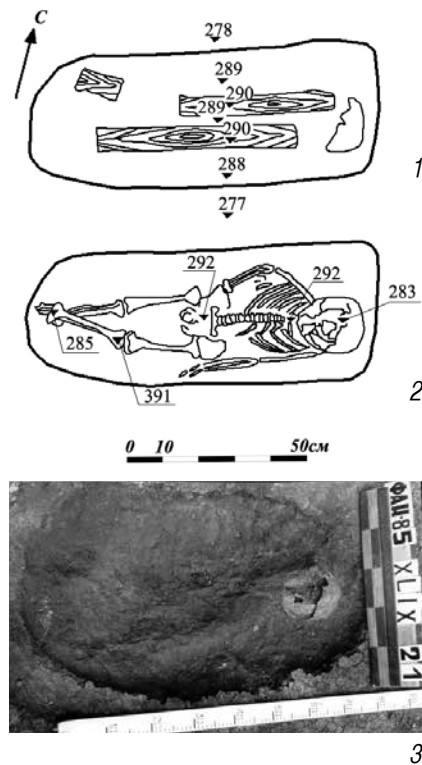

Рис. 72.
Погребение 49.21.
Планы могилы на уровне перекрытия
и труположения (1, 2) и вид с юга (3)

Его левая рука лежала параллельно телу, правая – согнута в локте. Ноги, судя по их расположению, были связаны в области щиколоток (левая над правой). Общая длина костяка ок. 0,84 м.

Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Погребение 46.80

Погребение было исследовано в 1986 г. в южной прирезке к квв. LXVI–LXVII, сделанной с целью доследования большой глиноплетневой постройки, раскопанной в 1985 г. и частично уходящей за пределы трассы раскопа. Поверх погребения прошла глиноплетневая стена, разделявшая дворы «А» и «Б», примыкавшие с юга к соответствующим помещениям дома 2. Восточный край погребения оказался перекрытым черепяной вымосткой, располагавшейся в центральной части двора «Б» (рис. 68).

После разборки культурных напластований была произведена зачистка поверхности материка, однако на этом уровне контуры могильной ямы не читались. Только после того, как материковый грунт был прокопан на три штыка, при зачистке на глубине –3,45 м удалось выявить ее контуры. По южному же борту было видно, что могильная яма

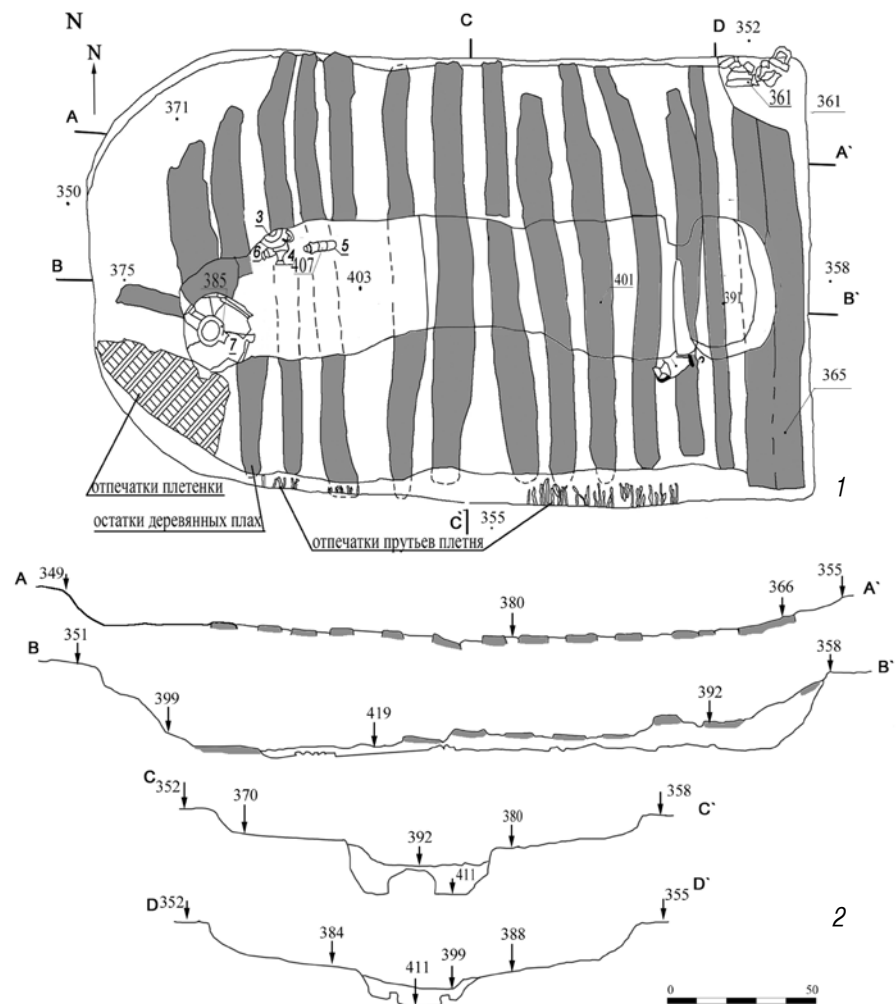

Рис. 73.
Погребение 46.80.
План на уровне перекрытия (1)
и разрезы (2)

Рис. 74.
Погребение 46.80.
На уровне перекрытия, вид с севера

Рис. 75.
Погребение 46.80.
На уровне перекрытия, вид с юга

впущена с поверхности материка (–3,00–3,10 м). Могильное пятно выделялось на фоне однородной глины материка вкраплениями желтой и коричневой глины. С южной и северной сторон отдельными участками прослеживались темные полосы древесного тлена – остатки плетневых обкладок стенок ямы (рис. 76. 1, 2).

Ориентированная по оси З–В могильная яма имела в длину 2,41–2,44 м, а в ширину –1,45 м. Восточный край ямы оформлен прямыми (чуть закругленными) углами, а западный – в виде апсидального скругления (рис. 73–75). Выборка заполнения могилы в пределах этого контура выявила узкое углубление в центре ямы (1,65–1,70x0,31x0,32 м), ориентированное также строго с запада на восток (рис. 77, 78). Таким образом, было установлено, что погребение совершено в «яме с запле-чичками», на которые поперек могильной ямы были положены деревянные

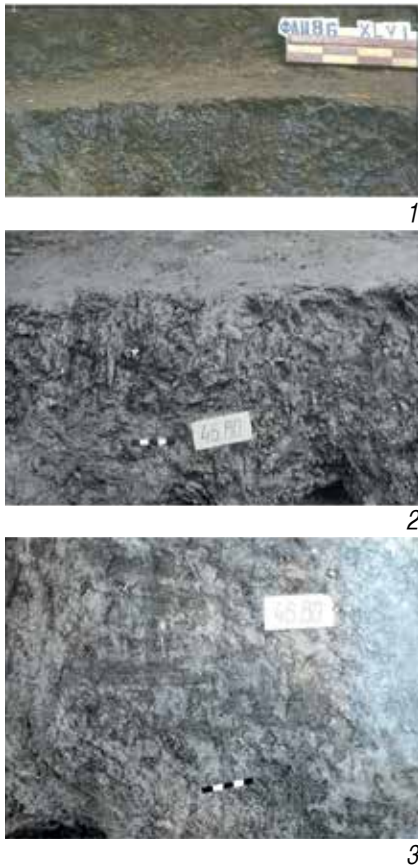

Рис. 76.
Погребение 46.80.
Обкладка прутьями южного борта
могильной ямы (1, 2);
«плетенка» в юго-западном углу
могилы (3)

Рис. 77.
Погребение 46.80.
На уровне труположения, план

жерди перекрытия (древесный тлен темно-серого/темно-коричневого цвета сохранил следы структуры материала). Перекрытие просело в центральное углубление могильной ямы на 0,10–0,15 м. Во время расчистки южной стенки могильной ямы были обнаружены отпечатки вертикальных прутьев плетня толщиной 5–7 мм, а местами и отпечатки горизонтальных прутьев (рис. 76. 1, 2). Некоторые жерди перекрытия концами на несколько (от 2 до 17-ти) сантиметров углублены в южный бортик внешней ямы, так же, как и в северный (на 1,5–3 см). В бортах могильной ямы отпечатки жердей сохранили округлые в сечении формы диаметром 6–7 см. На восточном краю ямы на заплечике (и частично над углублением внутренней ямы) прослежены остатки доски шириной 0,25 м (рис. 73. 1). Деревянные жерди были уложены с интервалами между ними 6–11 см. Западную часть могильной ямы перекрывала «плетенка» (рис. 76. 3), толщина отпечатков прутьев/стеблей которой была 5–8 мм.

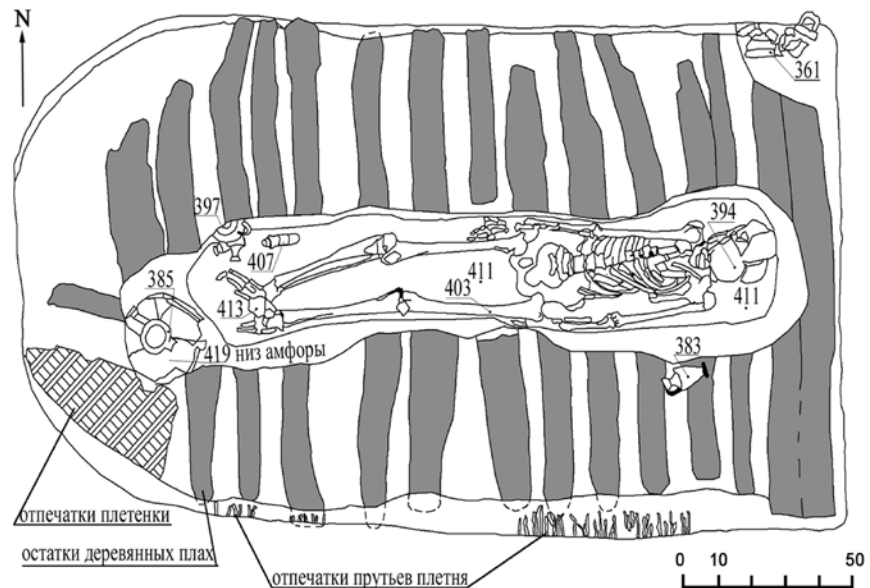

Рис. 78.
Погребение 46.80.
На уровне труположения, вид с юга

Рис. 79.
Погребение 46.80.
Западная область могилы на уровне
труположения с частью
погребального инвентаря

После удаления остатков перекрытия и грунта под ним был расчищен костяк женщины пожилого возраста, ориентированный головой на восток (рис. 77, 78). Погребенная положена вытянуто на спине. Череп лежал на основании, руки вытянуты вдоль тела (левая рука – кистью на бедре, правая – плечевой костью на ребрах). Плечи высоко подняты.¹¹² Правая нога ниже голенобедренного сустава вывернута вправо. Сохранность костей удовлетворительная.¹¹³ Под черепом и костяком обнаружена тонкая прослойка темно-коричневого тлена – вероятно, остатки подстилки.¹¹⁴ В.С. Долгоруков определял возраст захороненной женщины приблизительно в 50 лет.¹¹⁵

Инвентарь. В погребении, сбоку от правой ноги обнаружены: два чернофигурных лекифа (№ 4 и 6; рис. 80, 81. 1), чернофигурный килик (№ 3; высота – 59 мм, диаметр по венцу – 109 мм, диаметр основания ножки – 49 мм; рис. 82), лежащий кверху дном над лекифами¹¹⁶,

Рис. 80.
Погребение 46.80.
Западная область могилы на уровне
труположения.
Аттический чернофигурный лекиф
№ 4 (КМ-10070/12)

¹¹² Поза погребенной в целом определяется габаритами очень узкой могильной ямы, в которую труп был буквально втиснут (ср. погребение 65.3).

¹¹³ А.М. Смирнов (тогда сотрудник ИА РАН), участвовавший в раскопках, предложил такое определение костных остатков погребенного: «Череп грацильный, гладкий, гребень отсутствует, лоб вертикальный с выраженными углами, надглазничный рельеф слабо выражен, верхние края глазниц приострены, назо-малярный угол слабо выражен (переносица плавная), углы ветвей нижней челюсти подогнуты. Костяк в целом грацильный. О возрасте погребенного можно судить на основании того, что внешний шов и брегмальная часть стреловидного шва заросли. Резцы нижней челюсти в значительной степени сточены. Очевидно, погребенный был пожилого возраста (*Maturus – Senilis?*)». Цит. по тексту отчета (Долгоруков 1986, 35).

¹¹⁴ Долгоруков 1986, 34–35.

¹¹⁵ Долгоруков 1993, 16.

¹¹⁶ Перевернутые вверх дном сосуды постоянно встречаются как в святилищах, так и некрополях. На Боспоре они встречаются в некрополях Кеп и у м. Панагии, а также в святилище Береговой 4. Наиболее интересно в связи с этим архаическое погребение 144/82 некрополя Кеп, где в перевернутом виде обнаружены два сосуда – канфар и миска. Это погребение интересно еще и обрядом совершенного в нем погребения. Детский трупик был расчленен, его туловище находилось под перевернутым вверх дном канфаром, а остальные кости лежали рядом. Рядом же стояла и перевернутая миска. Погребение датируется концом 6 – первой четвертью 5 в. до н.э.

Рис. 81.

Погребение 46.80, инвентарь.

Аттический чернофигурный лекиф

№ 6 (КМ-10070/13 – 1);

«протофасосская» амфора № 7 (2);

алабастр «финикийского» стекла

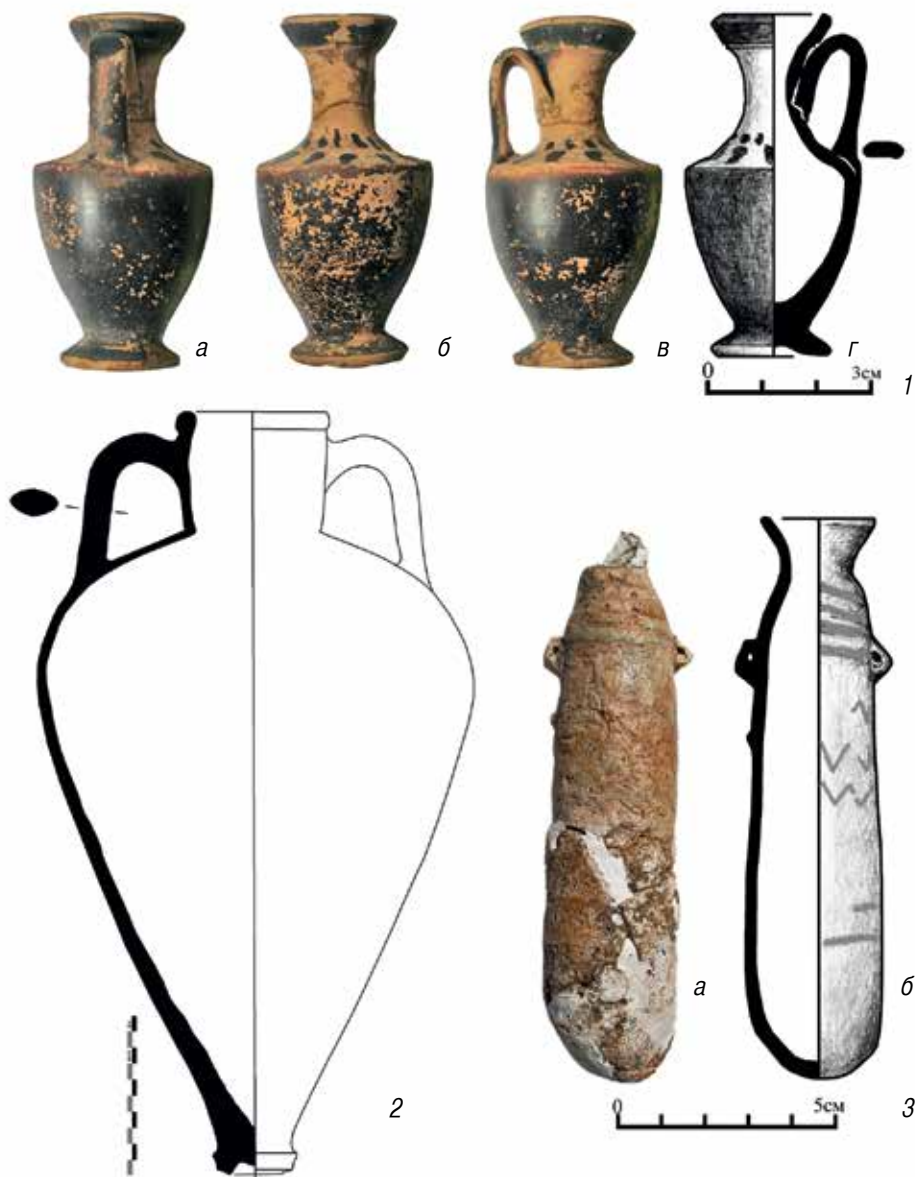
№ 5 (3)

¹¹⁷ Ср. Кунина 2008, 311, 313, 345, рис. 9, 12. Оба алабастра датированы первой половиной 5 в. до н.э.

¹¹⁸ Ср. Beazley Archive, no. 661 (CVA Leipzig, Antikemuseum der K. Marx Universität 2, 41, pl. 38. 6); no. 1023 (CVA Hannover, Kestner-Museum 1, 32, pl. 21. 6 (с белой облицовкой)). Оба лекифа датируются 500–450 гг. до н.э. Почти цилиндрическая форма сосудов свидетельствует, видимо, об относительно более поздней их дате, по сравнению с лекифом из фанагорийского погребения. Ср. Brownlee 1995, 358, pl. 78, nos. 206, 207 (ок. 490–480 гг. до н.э.).

¹¹⁹ Morgan 1999, 29, pl. 8; 2004, pls. 18, 43, no. 226: *Palmette Cups (Floral Band Cups)*, type V. Ссылается на аналогии: CVA Amsterdam 2 (Netherlands 8), 140; ср.: Kerameikos IX, Taf. 85. 226; см. также: Kerameikos VII, Taf. 11. 1; Laurenzi 1936, 137, fig. 123 (нижний справа); CVA Moscow 1 (Russia 1), pl. 66. 2, 4 (по датировке Н.А. Сидоровой, конца 6 – начала 5 в. до н.э.); CVA Parma, Museo Nazionale di Antichita 1, III, 12, pl. 17. 3 = Beazley Archive, no. 3330 (525–475 гг. до н.э.). Ошибочно указано, что килик происходит из раскопок некрополя 1980 г. («погребение 46, инвентарный номер находки 86», вместо: «погребение 48.80»). Здесь и далее ошибки в указании контекста, скорее всего, связаны с неточными указаниями инвентарей в Таманском музее и/или невозможностью сверки шифров вещей, выставленных в экспозиции.

¹²⁰ См. Скуднова 1988, 41, 42, кат. 25.1 – высота 55, диаметр 90 мм (могила 5, конец 6 в. до н.э.); 62–63, кат. 75. 2 – высота 41, диаметр 84 мм (могила 54, ок. 510–500 гг. до н.э.); 67–68, кат. 86. 1–3 – диаметры соответственно: 95, 94, 94 мм (могила 73, 510–500 гг. до н.э.); 75–76, кат. 102. 6 – высота 55 мм (могила 41, последняя четверть 6 в. до н.э.); 87, 88, кат. 128. 2–5 – высоты: 53, диаметры: 90 мм (могила 88, конец 6 в. до н.э.); и т.д.

и алабастр финикийского стекла (№ 5; рис. 81. 3).¹¹⁷ Вероятно, первоначально эти сосуды находились на перекрытии, а затем провалились вместе с ним в углубление могильной ямы. В западной части углубления вертикально стояла «протофасосская» амфора (№ 7; рис. 81. 2). Слева от черепа на деревянной плахе, на заплечике обнаружен еще один чернофигурный лекиф (№ 2; рис. 83).¹¹⁸ В северо-восточном углу могильной ямы удалось проследить линзу ярко-коричневого древесного тлена (толщиной 9–11 мм), поверх которой лежал чернолаковый килик (№ 1; рис. 84). В целом по погребальному инвентарю захоронение датируется в полевом отчете концом 6 – началом 5 в. до н.э.

К. Морган, которая исследовала часть коллекции аттической керамики из Фанагории, чернофигурный килик из погребения 46.80 датировала 500–480 гг. до н.э.¹¹⁹ Килики этой группы во множестве известны в погребениях архаического некрополя Ольвии.¹²⁰

Рис. 82.
Погребение 46.80, инвентарь.
Чернофигурный килик № 3 (КМ-
10070/2)

Три чернофигурных лекифа, декорированные схематически выполненными пальметтами по тулову и «палочным» орнаментом по плечикам, датированы английской исследовательницей¹²¹: а) 490–470 гг. до н.э.¹²²; б) ок. 470 г. до н.э.¹²³; в) 490–470 гг. до н.э.¹²⁴

К сожалению, абсолютно точной аналогии «протофасосской» амфоре из погребения найти не удалось. Поэтому какие-либо уточнения датировки погребения пожилой женщины, вероятно, представительницы первого поколения жителей Фанагории, невозможны. Сравнительно близкое соответствие находим в сосуде из Херсонеса (№ 3156) «Третьей серии», по классификации С.Ю. Монахова, который эту серию в целом датирует концом 6 – началом 5 в. до н.э.¹²⁵

Поскольку это погребение, перекрытое остатками глиноплетневой постройки 2, наиболее позднее из числа открытых на «Южном городе»,

¹²¹ Morgan 1999, 42–43, pl. 18, nos. 87–89; 2004, 45–46, pl. 5, nos. 52–54.

¹²² Аналогии: Kerameikos IX, Taf. 19. 1, 11 («Marathon Painter»); Corinth XIII, 163, group 1; Алексеева 1991, табл. 8. 1.

¹²³ Аналогия – Agora XII, no. 1117: высота – 86, диаметр – 40 мм; ср. Beazley Archive, nos. 9023679, 9023680 – 525–475 гг. до н.э.

¹²⁴ Аналогии: Kerameikos IX, Taf. 19. 1,

11 («Marathon Painter»); Corinth XIII, 163, group 1). Ср.: Kerameikos VII, Taf. 14. 2–4 – ок. 490/80 гг. до н.э. К сожалению, контекст находок остался для английской исследовательницы неизвестен. Для лекифов (с которыми она имела возможность знакомиться только в витрине экспозиции Таманского музея) указана ошибочная информация: 1993 г., некрополь. В книге 2004 года, в которой

воспроизводится та же фотография лекифов, что и в статье 1999 г. (Morgan 2004, pl. 5. 52–54) приведена иная последовательность описания инвентаря.

¹²⁵ Монахов 2003, 40–41, табл. 24. 3. Необходимо, однако, отметить, что эта привязка носит довольно формальный характер.

Рис. 83.
Погребение 46.80, инвентарь
(на перекрытии могилы).
Аттический чернофигурный лекиф № 2
(КМ-10070/14)

Рис. 84.
Погребение 46.80, инвентарь
(на перекрытии могилы).
Аттический чернолаковый килик № 1
(КМ-10070/11)

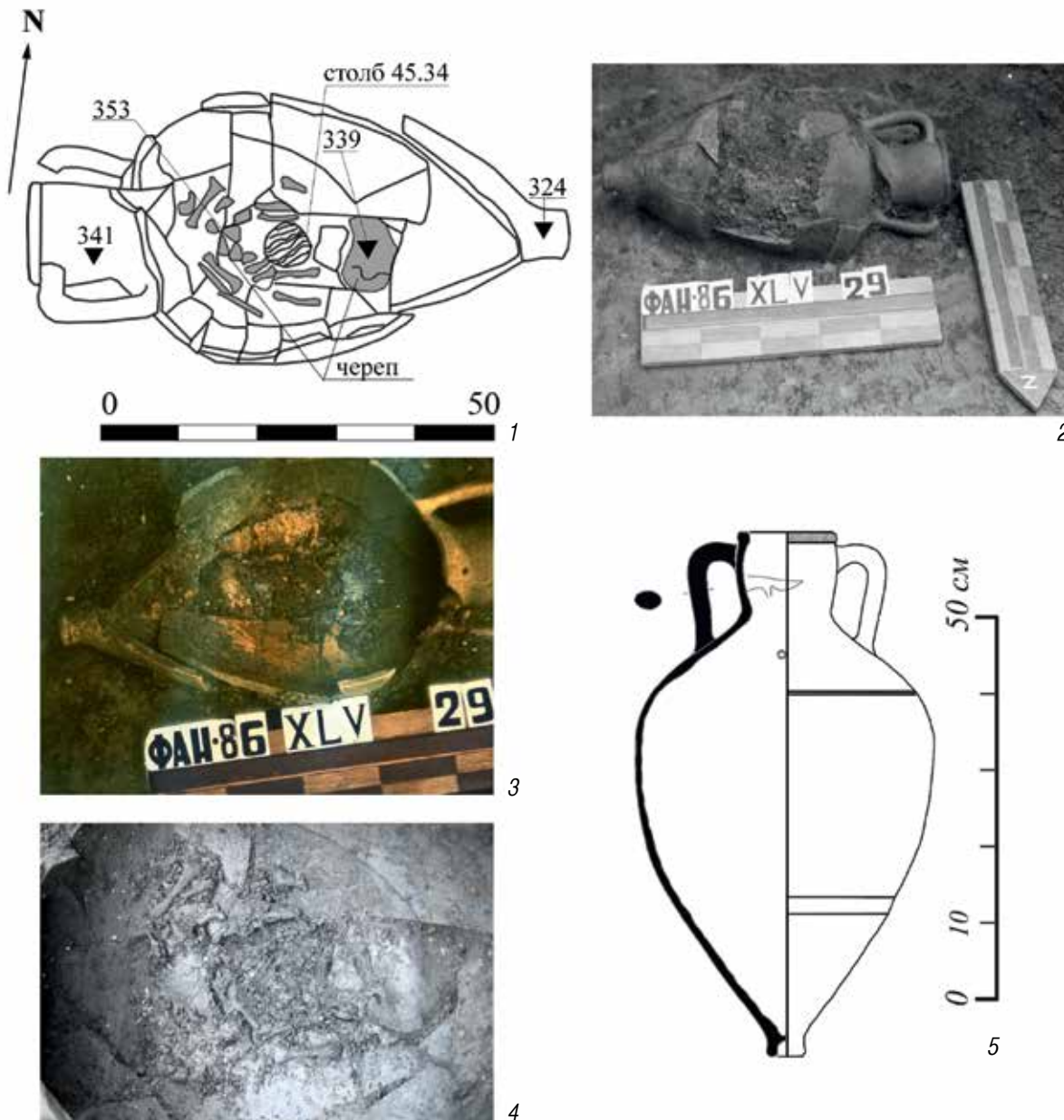
уместно отметить, что датировка данного погребального комплекса «перекрывает» тот временной интервал, который был указан исследователями¹²⁶ как период строительства и бытования наиболее ранней в этой части городища постройки. Иными словами, захоронение пожилой женщины (490–480 гг. до н.э.) и последующую застройку некрополя разделяли считанные годы (не более десяти лет).

¹²⁶ Долгоруков, Колесников 1993.

Погребение 45.29

Погребение было обнаружено в 1986 г. в юго-восточной части южной прирезки к кв. XLV (рис. 68, 85) на глубине 3,20–3,55 м, но несомненно оно было впущено в яму с более высокого уровня, скорее всего – с поверхности материка (гл. около 3,00 м). Таким образом, глубина ямы была 0,50–0,60 м. Проследить границы ямы не удалось. Детское

Рис. 85.
Погребение 45.29.
План (1) и вид с севера (2);
захоронение младенца в амфоре (3, 4);
хиосская амфора – вместилище
младенческого захоронения (5)

погребение было совершено в хиосской пухлогорлой амфоре раннего варианта¹²⁷, ориентированной горлом на запад (рис. 85. 1, 2). Младенец был положен головой к устью амфоры. Сохранность костяка средняя. В отчете указано, что руки покойного лежали вдоль тела, ноги согнуты в коленях, длина костяка – 0,25 м (рис. 85. 1, 3, 4).

Форма, пропорции (высота – 720 мм, диаметр – 380 мм) и элементы декора амфоры (окраска венца, вертикальные полосы по ручкам и туловищу, два горизонтальных пояса на тулове, колечки на плече; следы жидкого светло-бежевого ангоба; рис. 85. 5), помеченной зигзагообразным

¹²⁷ Завойкин 2013а, рис. 2. 3.

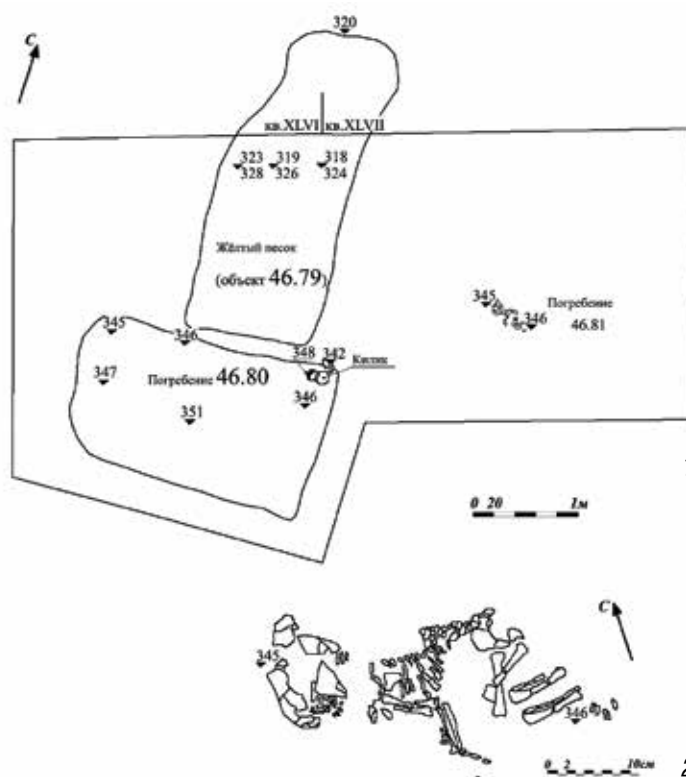

Рис. 86.
Погребение 46.81.
План месторасположения, чертеж
(1, 2) и вид с юга (3)

граффито, позволяют датировать объект в пределах последней четверти 6 – первых двух десятилетий 5 в. до н.э., а учитывая емкостной стандарт (расчетная емкость ок. 30 л), – вероятно 525–500 гг. до н.э.¹²⁸

Погребение 46.81

В 1986 г. исследовалось младенческое (до 6 мес.)¹²⁹ погребение (рис. 68, 86. 1). Скелет ребенка, ориентированный головой на запад–северо-запад, был обнаружен при зачистке поверхности по уровню –3,43–3,46 м. Контуры могильной ямы не читались, прослеживалась только разница в характере зачищенной поверхности над погребением и вокруг него: более рыхлая над погребением и более плотная вокруг. Костяк лежал на правом боку, ноги сильно согнуты в коленях, руки согнуты в локтевых суставах, предплечья перпендикулярны корпусу (рис. 86. 2, 3). Длина костяка – 0,37 м. Сопутствующий инвентарь отсутствует. Автор раскопок отмечает нетипичность ориентировки и позы погребенного для раннего некрополя Фанагории.¹³⁰

ВОСТОЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ

Раскоп «Восточный» 1939–1940 годов располагается непосредственно к востоку от границы городища, на холме («Е»), отделенном от него глубокой балкой, протянувшейся от восточной части основания г. Майской строго к северу, в сторону Таманского залива (рис. 1, 2).¹³¹ Раскоп был разбит В.Д. Блаватским в целях уточнения восточной границы города близко к крутому западному склону холма. Иначе говоря, это самый близкий к городской территории участок Восточного некрополя Фанагории. Именно здесь, в южной части раскопа (рис. 87. 1) были исследованы два погребения, относящиеся к началу классического периода, т.е. совершенные сразу после того, как архаический некрополь на «Южном городе» перестал функционировать. В последующие годы работы проводились и на соседних холмах, и к югу от юго-восточного угла городища¹³², однако новых погребений того же времени здесь обнаружено не было. Это позволяет думать, что по

¹²⁸ Ср. Абрамов 2006, 17–18, рис. 7, № 8: тип IV–2A. Исследователь соотносит этот «тип» (вариант) с амфорой фанагорийского погребения 48.16 (рис. 69. 3) и отмечает, что «Именно морфология данного сосуда (т.е. амфоры из Патрейского комплекса 2003 г. – А.З., А.К., Н.С.) и определяет более раннюю дату комплекса по отношению к афинскому комплексу Q 12:3».

¹²⁹ Определение возраста – по отсутствию молочных зубов.

¹³⁰ Несмотря на то, что в 2012 г. число погребений раннего некрополя существенно увеличилось, количество по-

гребений, подобных данному, не увеличилось. Однако стоит отметить, что аналогичные погребения известны в некрополе Абдеры. Подробно о погребениях в положении «скорченно» см. Сударев 2004, 332–343.

¹³¹ На нижнем плато ее следы сейчас практически не заметны вследствие многолетней распашки поверхности.

¹³² Следует принять во внимание то обстоятельство, что отсутствие данных на раскопе «Керамик» (№ 23, по карте-схеме Я.М. Паромова (1993, 125–126; площадь ок. 910 м²), расположенном

восточнее и южнее восточного участка раннего некрополя, на раскопе «Участок А и Б» (№ 67, 68 – Паромов 1993, 137; ок. 600 м²), расположенного непосредственно к югу от него может быть связано с тем, что, как и на раскопанных позднее участках с погребениями, могилы в основном прослеживались после прокопки материка, иногда на несколько штыков. Следовательно, полной уверенности в том, что древнейший некрополь не захватывал и участок, который теперь перекрыт шоссе-дорогой Сенной – Тамань, быть не может.

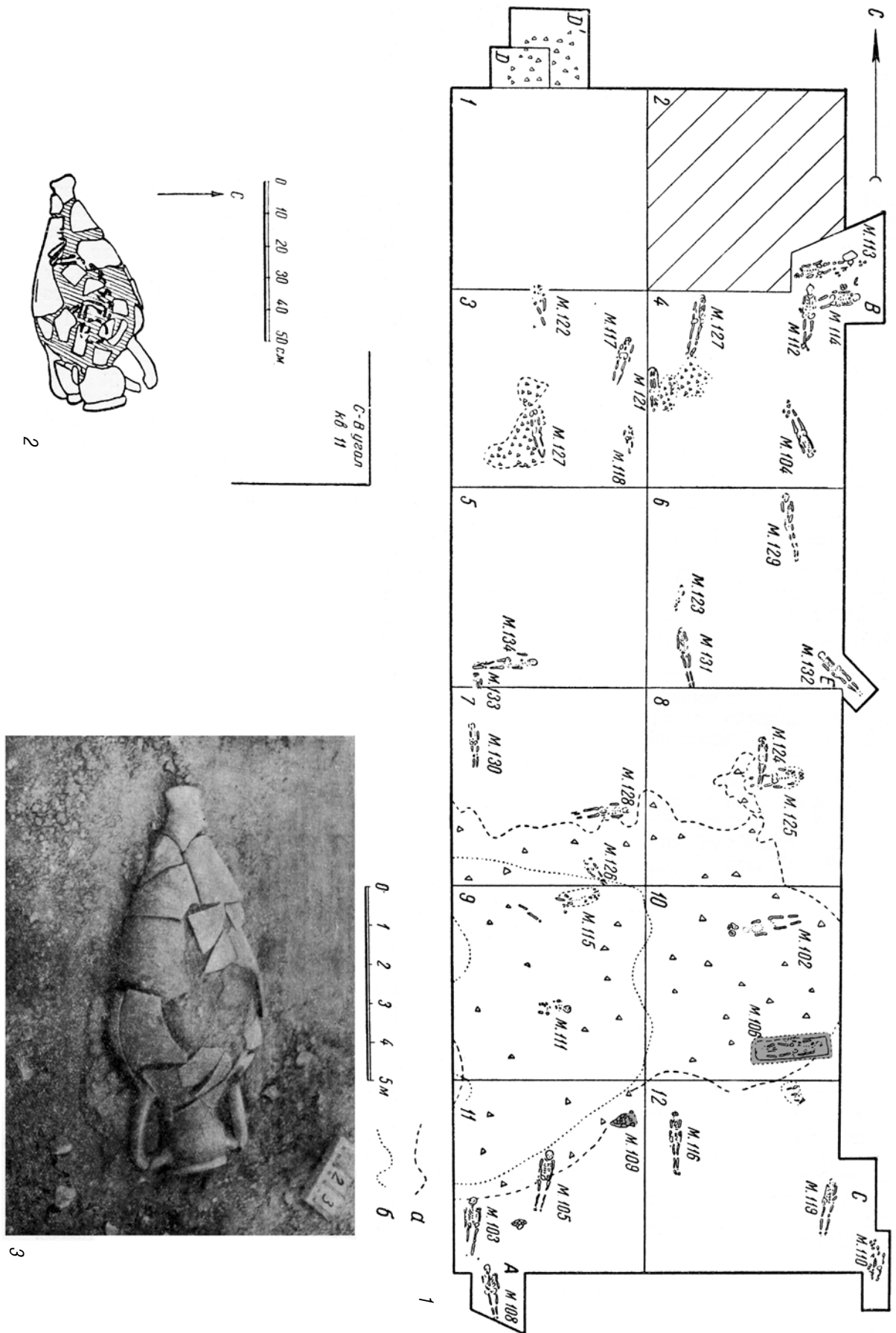

Рис. 87.
Схематический план Восточного некрополя (1);
детское погребение 109/1939 (2, 3),
по В. Д. Блаватскому (1951, рис. 13. 1, 3)

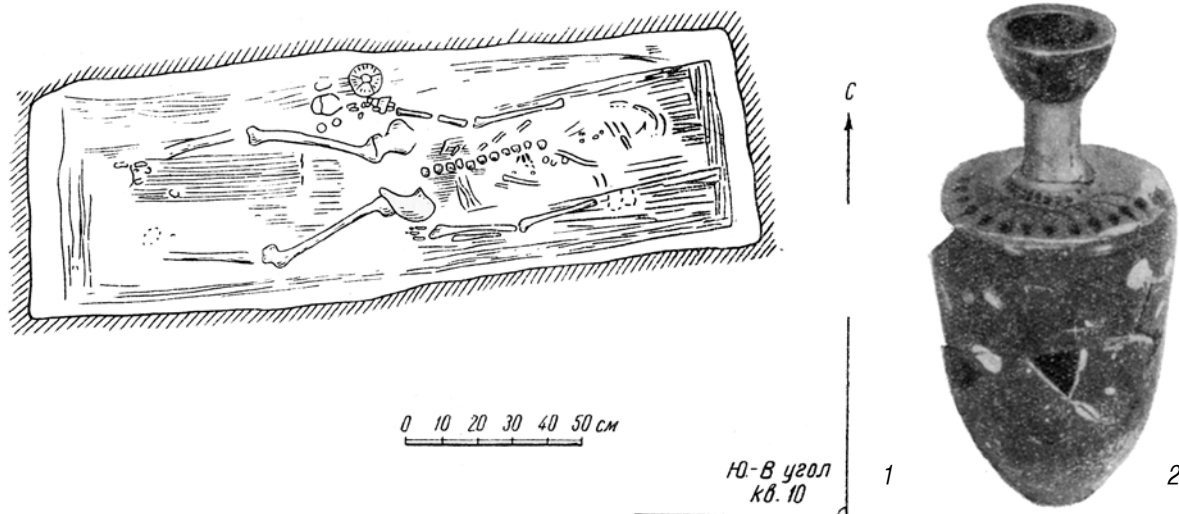

Рис. 88.
Погребение 106/1939.
План (1) и чернофигурный аттический
лекиф (2).
по В. Д. Блаватскому
(1951, рис. 13.2; 15.2)

большой своей части некрополь классического периода располагался где-то в другом месте.¹³³ Таким образом, две могилы «Восточного» раскопа, скорее, должны рассматриваться в одном контексте с предшествующими погребениями.

Погребение 109/1939

Детское погребение было открыто на кв. 11 в хиосской пухлогорлой амфоре (рис. 87. 2, 3), которую В.Д. Блаватский датировал концом 6 – началом 5 в. до н.э.¹³⁴ По современной хронологии – это амфора второй четверти 5 в. до н.э. Тарный сосуд был обращен устьем к востоку, раздавлен землей. Глубина захоронения – 0,50–0,67 м (от современной поверхности – 1,00–1,17 м). Костяк младенца лежал черепом к горлу амфоры (т.е. на восток), скорченно, на левом боку (лицом к югу); левая рука подведена к подбородку, правая согнута меньше; ноги согнуты в коленях (рис. 87. 2). Общая длина костей – 0,35 м. Под костяком обнаружены следы подстилки – «возможно, следы оболочки, в которую был завернут труп младенца».

Погребение 106/1939

На том же участке раскопа, в кв. 10 (рис. 87. 1) было исследовано погребение взрослого человека (длина костяка 1,56 м), положенного вытянуто на спине, головой на восток (с отклонением к северу) в деревянном гробу.¹³⁵ Могильная яма имела прямоугольную форму (2,10х0,63–0,70 м), впущена с поверхности материка, глубина ее – ок. 1,0 м (рис. 88. 1). Гроб прямоугольный (1,90х0,40х0,25–0,37 м), ширина досок 0,10–0,20 м; от крышки сохранилось следы двух продольных досок, сшитых тремя поперечными. В гробу у правой руки найден фрагментированный чернолаковый лекиф, орнаментированный стилизованными бутонами, соединенными дугами, на плечиках, по датировке В.Д. Блаватского – последней трети 6 в. до н.э. (рис. 88. 2).¹³⁶ Аналогии позволяют датировать этот сосуд в интервале между 525–475 гг. до н.э.¹³⁷

¹³³ В 2012 г. к юго-востоку от городища, в зоне строительства «Цеха упаковки производственно-упаковочного комплекса масложирового сырья» (юго-западная окраина пос. Сенной) были произведены масштабные раскопки некрополя (раскопы 1 и 2, а также пяти курганов, входящих в состав курганного некрополя Фанагории). В числе прочих, была исследована представительная серия погребений, датирующихся в пределах конца 6 – начала 5 в. – первой половины 5 в. до н.э. Публикация этих интересных материалов планируется в скором будущем, как и осмысление места всего этого сравнительно удаленного от городища участка некрополя.

¹³⁴ Блаватский 1941; 1951, 212–214, рис. 13. 3, рис. 14. 1; Кобылина 1956, 15; амфора – Зеест 1960, табл. III. 11а.

¹³⁵ Блаватский 1951, 212, рис. 13. 2; Кобылина 1956, 15.

¹³⁶ Блаватский 1951, рис. 15. 2.

¹³⁷ Ср. Beazley Archive, nos. 5326, 5327 (CVA Gela, Museo Archeologico Nazionale 4, 24, pls. 41. 1, 5; 41. 2, 6).

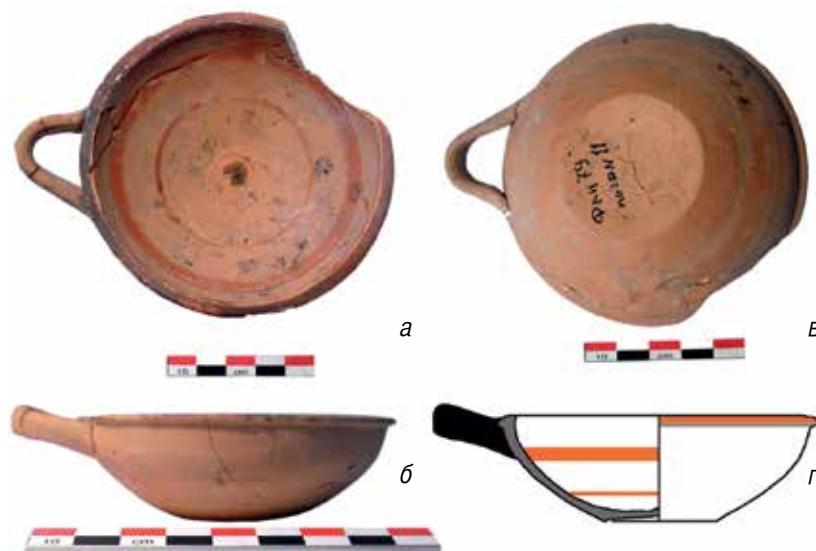

Рис. 89.
Погребение 11/1979.
Ионийская одноручная чашечка

Оба описанных погребения перекрывала керамическая свалка, общая мощность которой местами превышала 1 м. «Находки в древнейшей части свалки относятся в большинстве к архаической и классической эпохам».¹³⁸

¹³⁸ Блаватский 1951, 214.

¹³⁹ Аналогичные чашки из ольвийских материалов А.В. Буйских датирует концом 6 – началом 5 вв. до н.э. (Буйских 2013, 388, кат. 9.316, 9.321 и др.).

¹⁴⁰ Работы в этом году велись также на раскопе «Верхний город», где доследовались слои и объекты от второй половины 6 в. до н.э. до 8–9 вв. н.э.

¹⁴¹ Здесь были вскрыты только верхние пласты; было обещано, что материалы раскопок за отчетный сезон будут приобщены к отчету за следующий год раскопок.

¹⁴² Долгоруков 1979, 26–27.

¹⁴³ Нумерация – с востока на запад (Долгоруков 1980, рис. 131). Специально оговариваем этот момент потому, что на схеме В. С. Долгорукова за 1985 г. к востоку от кв. I следуют квв. XI–XVI, а к западу – II–X, XVII, XVIII, XXXIV–XXXVII, LXXXII (западная граница города) и т.д. (Долгоруков 1985, рис. 1).

¹⁴⁴ Долгоруков 1980, 32 слл.

¹⁴⁵ Погребения 1–26 раскапывались на участке «Б», значительно далее к востоку (см. Ворошилова 2010, рис. 1).

¹⁴⁶ Шавырина 1980. В основном комплексы этого участка некрополя датируются эллинистическим временем; несколько могил более поздних.

¹⁴⁷ Усачёва 1979, 6, рис. 23.

Погребение 11/1979

В коллекции Фанагорийской экспедиции имеется ионийская одноручная чашечка (рис. 89)¹³⁹, в шифре которой указано «ΦΑΝ 79 | погр № 11». В полевом отчете В.С. Долгорукова за 1979 г. сообщается, что работы проводились (в том числе)¹⁴⁰ на раскопе «Южный город»¹⁴¹ и на некрополе, отчет о работах на котором должна была предоставить О.Н. Усачёва, возглавлявшая раскопки Некропольского отряда.¹⁴² В соответствующем отчете Долгорукова речь идет только об исследовании безынвентарных средневековых погребений, раскопанных в верхнем горизонте культурного слоя (на квв. I, XI–XVI, XIX¹⁴³, расположенных в средней части раскопа, примерно напротив раскопа «Верхний город»¹⁴⁴). В 1980 г. было раскопано 40 поздних погребений, а нумерация их начата с № 27. Погребения 1–63 (участок «А»)¹⁴⁵ в 1980 г. исследовались Т.Г. Шавыриной на восточном некрополе, непосредственно к югу от холма «Е».¹⁴⁶

В отчете О.Н. Усачёвой дана информация о работах на Западном некрополе (погребения 1–38), в частности о раскопках погребения № 11. Однако здесь описаны остатки кремации, сложенные в донную часть амфоры («круга фасосских»), прикрытых дном другой.¹⁴⁷ Находок здесь никаких не отмечено, датирован комплекс 4 в. до н.э. Никакого упоминания раннего погребения в отчете нет – все комплексы эллинистического периода или первых веков н.э.

Итак, никакой отчетной документации по интересующему нас погребальному комплексу обнаружить не удастся. Поскольку имеющиеся материалы раскопок 1979 г. не позволяют даже предполагать наличие раннего погребения на некрополе к западу от городища, а также

в раскопе «Южный город» (где материк был достигнут на небольшом участке только в 1980 г.), следовало бы допустить вероятность того, что здесь мы столкнулись с *lapsus*, случившимся при шифровке находок. Интересующая нас чашка могла в принципе быть найдена на раскопе «Верхний город», где в 1979 г.¹⁴⁸ изучались слои соответствующего периода. Однако в нашей коллекции представлено еще два предмета: красноглиняный алабастр (эллинистического времени) и аттический сетчатый лекиф последней трети 4 в. до н.э.¹⁴⁹, несущие на себе шифры «ФАН 79 | Вос. н. | погр14» и «ФАН 79 | Вос. некр. | погр № 5».¹⁵⁰ Следовательно, интересующее нас погребение № 11 все-таки было исследовано в 1979 г., вероятно, на Восточном некрополе Фанагории, где-то в юго-западной его части (западнее раскопа 1964–1965 гг. А.К. Коровиной); можно предположить – в интервале «Участка «А» (раскопки Т.Г. Шавыриной 1980 г.), непосредственно к югу–юго-востоку от раскопа В.Д. Блаватского на холме «Е»¹⁵¹, т.е. недалеко от восточной границы городища.

Предположение подтвердил В.Д. Кузнецов¹⁵², который принимал непосредственное участие в этих работах на Восточном некрополе в феврале 1979 г. В архиве Фанагорийской экспедиции отыскан полевой чертеж погребения № 11, раскопанного в 1979 г., выполненный самим исследователем. На чертеже представлено потревоженное захоронение взрослого человека (череп лежит на теменных костях в области таза), ориентированного на восток, руки и ноги вытянуты вдоль тела. В ногах – раздавленный, судя по деталям прорисовки, полосатый алабастр «финикийского стекла» (утрачены фрагменты донной части), а южнее левого бедра – арибаллический лекиф характерной формы. Искомой чашечки здесь нет, если только не пытаться увидеть ее в схематическом округлом контуре в области развала тазовых костей, что, впрочем, кажется невероятным, учитывая детальность передачи форм других предметов инвентаря (хотя бы схематично была бы показана ручка чашки). Вообще говоря, легко опознаваемый лекиф датирует это погребение уже 5–4 в. до н.э., что практически исключает присутствие в комплексе ионийской чашечки.

Итак, зимой 1979 г. на Восточном некрополе¹⁵³ было раскопано погребение последней четверти 6 в. до н.э., в котором найдена ионийская чашечка. Это все, что можно сказать.

Объект 156/2011 г. (тризна или поселение?)

Как уже сообщалось (сноска 3), при исследованиях в мае 2011 г. на Восточном некрополе, в значительном удалении от городища, было найдено горло хиосской амфоры третьей четверти 6 в. до н.э. Обнаружено оно в нижней части выявленного в материке пятна (2,40x1,00–1,10 м) слоя, – в котором присутствовали фрагменты сырцовых кирпичей, камки, углей, – в числе других обломков амфор и посуды второй половины 6 в. – первой половины 5 в. до н.э.¹⁵⁴

Интерпретировать этот объект в качестве следов древнейшего некрополя Фанагории, на наш взгляд, затруднительно, поскольку на

¹⁴⁸ Ошибка в написании года раскопок, понятно, исключается.

¹⁴⁹ Ср. Agora XII, no. 1123.

¹⁵⁰ В обоих случаях сокращение слова «погребение» дано без точки, как и на чашечке из погребения № 11.

¹⁵¹ См. Ворошилова 2010, рис. 1. 20а, 22а, 11.

¹⁵² Авторы выражают ему свою признательность за эту информацию.

¹⁵³ У южного склона холма «Е» или все-таки юго-восточнее, где были в 2012 г. открыты комплексы самого начала 5 в. до н.э.?

¹⁵⁴ Кузнецов 2012, 62.

данном участке пока не выявлено погребений ранее рубежа 4 и 3 вв. до н.э. Необходимо отметить, что и прежде здесь встречались объекты и остатки слоя, по словам автора раскопок, «напрямую не связанные с исследованными погребениями»¹⁵⁵ (правда, не ранее конца 6 в. – первой половины 5 в. до н.э.). А.П. Медведев¹⁵⁶, посвятивший этому сюжету специальную статью, приходит к справедливому в целом заключению, что «в V–IV вв. до н.э. на месте будущего “города мертвых” еще кипела жизнь – располагались жилые и хозяйственные сооружения».¹⁵⁷

¹⁵⁵ Кузнецов 2007, 81; см. также: Кузнецов 2008, 48–50.

¹⁵⁶ Непосредственно руководил раскопками на данном участке некрополя.

¹⁵⁷ Медведев 2013, 312 и слл. Однако мы не разделяем его уверенности в том, что открытые им прямоугольные котлованы (постройки 1 и 2) позволительно интерпретировать в качестве жилых сооружений. Не поддерживаем мы также и гипотезу относительно того, что небольшое поселение, располагавшееся у дороги, ведущей из Фанагории в Келы, представляло собой «фанагорийское предместье» (Медведев 2013, 319).

¹⁵⁸ Если исходить не из «бытового» понимания данной ситуации, можно, например, предполагать, что погребенный здесь новорожденный не достиг пятого или седьмого дня своей короткой жизни, когда обычно ребенка принимали в семью, обнося вокруг домашнего очага, подобно аттическому обычаю (см. Нильссон 1998, 100).

¹⁵⁹ Учитывая единичность этого случая, нет необходимости на этом основании подразделять по данному признаку погребения в амфорах.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Небольшая выборка погребений, открытых на южной и восточной окраине городища Фанагории, а также на юго-западном краю Восточного некрополя, не позволяет выработать детальную классификацию погребений позднеархаического времени. Но наметить основные ее дефиниции вполне возможно.

Совершенно определено на фанагорийском некрополе погребения анализируемого периода разделяются на два класса: детские (младенческие) погребения в амфорах (I) и все остальные, совершенные в могильных ямах, – как детские (старше младенческого возраста), так и взрослые (II). За пределами этой классификации остается единственное захоронение – 46.81, младенческое, которое с формальной точки зрения (отсутствие признаков специально обустроенного погребального сооружения, инвентаря и следов ритуальной регламентации), возможно, и «погребением» считать не следует (т.е. труп ребенка просто «прикопали»)¹⁵⁸. Если, конечно, не принимать в расчет скорченное положение костяка и то, что младенец был положен головой на запад (со значительным отклонением к северу), как и в амфоре 45.29 (с небольшим отклонением к югу).¹⁵⁹

Исключая отмеченные случаи, все погребенные обращены головой на восток (с незначительными отклонениями). Примечательно также и

Таблица 6. Классификация погребений

К л а с с ы		Примечания
I. Младенческие в амфорах	II. Прочие, в ямах	Прочие
45.29/1986; 48.16/1985; 48.21/1985; 109/1939	56.п.1/1985; 46.80/1986; 48.22/1985; 49.21/1985; 464/1986; 470/1988; 65.3/1988; 65.1/1988; 66.5/1988; 106/1939	46.81/1986
В а р и а н т ы		
нет	1. В гробу	2. С перекрытием
	56.п.1/1985; 106/1939	46.80/1986; 48.22/1985; 49.21/1985; 464/1986; 470/1988; 65.3/1988; 65.1/1988; 66.5/1988
Г р у п п ы (по инвентарю)		
A. Взрослые	Б. Дети	Не установлено
56.п.1/1985; 106/1939; 46.80/1986; 470/1988	48.22/1985; 464/1986; 65.3/1988; 65.1/1988	66.5/1988

то, что младенческие погребения в амфорах не сопровождаются каким-либо инвентарем, в отличие, скажем, от аналогичных погребений Южной Италии или афинского Керамика классического времени, в которых рядом с амфорами¹⁶⁰ или внутри них¹⁶¹ укладывались различные керамические предметы и проч. Вообще, для некрополей Боспора (и Причерноморья в целом) более характерно отсутствие сопутствующего инвентаря. Исключение – некрополь Березани, где встречаются погребения в сосудах и с инвентарем.¹⁶² Также характерна для погребений I-го класса скорченная («эмбриональная») поза положения на боку¹⁶³, которая не встречается в погребениях II-го класса.

К характеристике класса I погребений осталось лишь добавить примечательный по-своему факт: все они совершены в хиосских пухлогорлых амфорах варианта III-A, по С.Ю. Монахову¹⁶⁴, ранней серии, датировка которой укладывается в пределах 530/525–500 гг. до н.э. или варианта IV-1A/2A, по А.П. Абрамову¹⁶⁵, того же периода (см. табл. 7).¹⁶⁶ Выбор керамической тары с Хиоса, конечно, не имел какого-то специального «идеологического» значения, но утилитарно (формой и размерами) соответствовал необходимым требованиям.

¹⁶⁰ Kerameikos IX, Taf. 9. 1.

¹⁶¹ Ibid., IX, Taf. 9. 2, 3. Также см. в клазоменском некрополе Абдеры (Skarlatidou 2004, 257, fig. 30), в «пифосе-амфоре».

¹⁶² См. Сорокина, Сударев 2000а, 193–204.

¹⁶³ Об этом см. специально работы (Сорокина, Сударев 2000а; 2001б; 2002б), в которых анализируется семантика данного обряда и характеризуется его распространение на некрополях как Причерноморских, так и Средиземноморских.

¹⁶⁴ Монахов 2003.

¹⁶⁵ Абрамов 2006.

¹⁶⁶ Разумеется, без учета амфоры погребения 109/1939 «Восточного» раскопа, уже второй четверти 5 в. до н.э.

Таблица 7. Амфоры в раннем некрополе Фанагории

Шифр	M1/M2 (0.00)	H	D	H1	Объем ¹⁶⁷ , л
ХИОССКИЕ					
Погребение 48.21 (инв. 339)	55/39	720	402	280	ок. 31*
Погребение 45.29 (инв. 340)	57/39	670	386	260	ок. 30*
Погребение 48.16 (инв. 762)	52/41	637	333	262	ок. 22*
Для сравнения					
Патрей, склад в яме 2003 г. (Абрамов 2006, №8)	54/40	650	353	260	ок. 30*
Афины, агора Q 12:3 (Roberts 1986, no. 420)	54/38	700	379	<270>	30,9
Фанагория, В.Г. 1979, пом. 7, пол 2 (инв. 342) (Завойкин 2013а, рис. 2. 4)	50/42	710	352	300	ок. 26*
Фанагория, 1939, Восточный некрополь, погребение 109 (Зеест 1960, табл. III. 11а)	– / <48>	–	–	–	–
«ПРОТО-ФАСОССКИЕ»					
Погребение 46.80 (инв. 310)	56/36	480	270	175	ок. 7–8?*
Погребение 470 (инв. 470/1)	49/37	518	253	190	8,5

Погребения II-го класса между собой (как и с классом I) роднятся по признаку организации внутреннего пространства могилы, направленного на изоляцию тела погребенного от окружающего грунта. И здесь четко выделяется два варианта решения этой задачи: 1) труп укладывался в гроб¹⁶⁸; 2) пространство над могильной ямой перекрывалось (в данном случае – конструкцией из дерева и других органических

¹⁶⁷ Звездочкой отмечены приблизительные объемы амфор, вычисленные по формуле Герона. Линейные размеры даны в мм; просчитанные по обмерному чертежу взяты в угловые скобки

<000>. В круглых скобках – инв. номер, соответствующий номеру каталога кандидатской диссертации А.А. Завойкина «Керамическая тара из Фанагории VI–III вв. до н.э.» (Завойкин 1993).

¹⁶⁸ В архаическом некрополе Ольвии также отмечено бытование погребений как просто в могильной яме, так и в гробу. Последних сравнительно мало (10 погребений: Скуднова 1988, 9).

материалов, которые имелись под рукой¹⁶⁹). Наличие или отсутствие «заплечиков» в данном случае не принципиально.¹⁷⁰ Также, как и нюансы варитивности в позе вытянутых на спине покойников. Достойно того, чтобы быть отмеченным, положение ног, скрещенных в щиколотках у погребенного в могиле 49.21, по мнению автора раскопок, – связанных.¹⁷¹

Характеристики набора и положения в могилах погребального инвентаря едва ли позволяют разделить анализируемую совокупность на принципиально значимые группы помимо возрастных.

Группа А. Амфоры (небольшие тарные – 2, столовая – 1) размещались либо в ногах (56.п.1/1985; 46.80/1986), либо рядом с головой покойного (470/1988) и только во взрослых погребениях (что, быть может, связано с размерами могильной ямы). В двух из них (46.80/1986 и 470/1988) представлены лекифы: в первом – три (на перекрытии: два в области ног, справа и один – на уровне плеч, слева), во втором – один (в могиле, в углублении слева от головы, рядом с амфорой). Лекиф также представлен и во взрослом погребении 106/1939 (рядом с правой рукой). Для этой же группы исключительно характерны и килики чернофигурные и чернолаковые: по одному в 470/1988 (слева от бедра) и 56.п.1/1985 (на кисти левой руки) или два в 46.80/1986 (оба на перекрытии: один, расписной, на краю внутренней могильной ямы, рядом с лекифами (упали внутрь), справа от стоп; другой, чернолаковый, – в СВ углу внешней ямы («заплечика»). В данном случае уже едва ли можно объяснять присутствие этих чаш в могилах лишь их относительно более крупными размерами. Таким образом, характерное сочетание «сопроводительных» сосудов данной группы таково: *амфора + килик(-и) + лекиф(-ы)*. Их дополняют индивидуальные предметы: оружие и сероглиняная миска (470/1988); стеклянный алабастр (46.80/1986); пряслице, одноручная чашечка со сливом и «солонка» из поддона чернолаковой чаши (56.п.1/1985).¹⁷²

Группа Б. Погребения детей¹⁷³ разделяются на две небольшие серии. В первой – инвентарь отсутствует вовсе (46.81 и 49.21). Эта традиция

¹⁶⁹ Сразу же подчеркнем, что материал перекрытия (а отчасти и конструкция) не имел принципиального значения. Если бы на Таманском п-ове имелся подходящий для этой цели камень – могли бы использовать и его. Суть обряда, при этом, ни в какой мере не изменилась бы. Это важно учитывать при сопоставлении исследуемых комплексов с аналогичными в других регионах.

¹⁷⁰ Этот чисто технический прием (яма в яме) позволял лишь лучше фиксировать деревянное (или иное в других случаях) перекрытие. Он, разумеется, может рассматриваться как отражение определенной погребальной традиции, когда мы имеем дело не с гомогенными выборками. Но не более того.

¹⁷¹ Аналогично положение ног погребенного в некрополе Нимфея (А44), вероятно, убитого стрелой, найденной в области лопатки (Грач 1999, 45, табл. 23). В этом погребении конца 6 – начала 5 в. до н.э. найдены остатки досок перекрытия и толстый слой камки, который связывается с традициями некрополей Таманского п-ова. Наиболее вероятно, что это вариации обряда «скорченно на спине». При расположении погребенного в могиле ему связывали щиколотки, ноги ставились коленями вверх в могиле с перекрытием. В процессе разложения ноги могли завалиться на правый или левый бок, могли распасться в две стороны (положение «всадника») и, как вариант, – «выпрямиться» вперед. В таком случае часто наблюдается вариант, когда одна нога слегка согнута, но бывает и

«вытянуто со скрещенными щиколотками». Кроме того, в ряде случаев связанные щиколотки встречаются у погребенных в гробу или у погребенных в саване. Последние варианты характерны для более позднего времени. Кстати, и сейчас православный обряд погребения подразумевает связывание ног в щиколотках (Сударев 2004, 332 слл.).

¹⁷² Аналогичный предмет был найден и над перекрытием 470/1988.

¹⁷³ Детскими считаются погребения от новорожденных до приблизительно 10–12 лет, иначе говоря, те погребения, которые авторами раскопок определены как детские, а также погребения с размерами костяка до 1–1,1 м или размерами погребального сооружения до 1,3–1,4 м (см. Сударев 2005, 46).

довольно распространена в греческом мире и встречается практически во многих некрополях Боспора, но в разной пропорции. Чаще погребения в простых ямках без инвентаря встречены в тех же некрополях, для которых характерны погребения в амфорах.¹⁷⁴ Вообще, в этих некрополях детские погребения характеризуются сравнительной бедностью инвентаря.¹⁷⁵ Вторая серия характеризуется наличием небольших по размерам чашек: одноручных (65.3)¹⁷⁶, в том числе со сливом¹⁷⁷ (48.22) или без ручек (65.1¹⁷⁸; 48.22), в одном случае – парой/комплексом (одноручный со сливом плюс без ручек в качестве крышки – 48.22); в одном же случае одноручную чашку сопровождает чернолаковый кувшинчик (65.3). В погребении 464 (сохранность инвентаря в котором очень плохая) были найдены обломки арибаллического лекифа и верхняя часть алабастра финикийского стекла. В целом «сопроводительный» инвентарь этой серии скуден¹⁷⁹ и, вероятно, связан с возлияниями в честь умерших и «детским обиходом». Например, кувшинчик (ὄλπη= ὄλις, Sapph. 51.2; Theocr. 18.45; Call. Fr. 181) из погребения 65.3, по всей видимости, мог быть использован подобно тому, как использовались χόες в Афинах в первый день Анфестерий¹⁸⁰, и мог также рассматриваться в качестве возрастного (и социального) атрибута покойного.¹⁸¹ Маленькие чашечки/миски (κυλίχνη, κυλίχιον)¹⁸², конечно, могли

¹⁷⁴ Сорокина, Сударев 2000а, 198.

¹⁷⁵ Традиция характеризуется захоронением в сосудах, реже – в простых ямках, как правило, без инвентаря, по упрощенному обряду, что находит аналогии в греческом мире (Garland 1985, 77–78). Это связывается с тем, что ребенок – существо из «того» мира, его переход в мир «этот» не вполне завершен, а потому и обратный его путь проще (Garland 1985, 77–103). Ребенок не является «продуктом» общества, а лишь производным живой природы, потому и обязанности общества в отношении его минимальны. Придя из лона Матери-Земли, он в нее же и возвращается. Видимо, это возвращение «в лоно» и символизируют погребения в сосудах (кстати, практически всегда – глиняных, в отличие от урн для кремации, которые могли быть и металлическими). Данная традиция представлена в дорийских Каллатисе и Херсонесе, с 4 в. до н.э., на хоре Херсонеса – в Керкинитиде, Панском I, Калос Лимене, у сел Заозерное и Песчаное; в некотором количестве в колонии Византия и Халкедона – Месембрии; в сельском поселении около Истрии; широко – в милетских Кепах,

в некрополе у мыса Панагия, в некрополе у пос. Пересыпь; в небольшом числе – в некрополях Нимфея и «пред-Горгиппии» (Сорокина, Сударев 2000а, 199).

¹⁷⁶ См. Agora XII, 124: κάναστρον, κάνασθον или τρύβλιον (Aristoph. Ach., 278; Eq., 650; V., 937; Av., 77–79; Ec., 252; fr. 148c, et al.), в том числе использовались для кормления детей (форма также «идеальна» для походных условий).

¹⁷⁷ Такая же ионийская чашечка встречается в единственном взрослом погребении – 56.п.1/1985, в котором захоронена весьма пожилая женщина!

¹⁷⁸ В данном случае ручка одноручной чашечки отбита, сложно сказать, намеренно или нет.

¹⁷⁹ Ср.: Скуднова 1988, 10.

¹⁸⁰ См. Hamilton 1992.

¹⁸¹ См. Luri 2005, 118, 136. Впервые в четырехлетнем возрасте ребенок общался к дару Диониса в знак того, что он уже не младенец, во время «Χόες» – «Праздника кувшинчиков». В этот день детям было принято дарить подарки, в особенности маленькие кувшинчики (Нильссон 1998, 7). «Первоначально и главным образом это были только малыши, начиная с того возраста, когда

они уже умели ползать; часто они изображаются на предназначенных им в подарок кувшинчиках Χοэс так, словно все они были маленькими Дионисами. Особенно одаривались трехлетние малыши, в том году зачислявшиеся в свою мужскую фратрию, или клан. Как представители мужского пола в его ранней стадии, они получали среди прочих подарков и кувшинчик Χοэс: небольшой сосуд точно такой же формы, как и тот, которым мужчины в этот день наливали себе вино, состязаясь в количестве выпитого» (Кереньи 2007, 193). Афинские χόες имели форму полнотелых маленьких кувшинчиков со своеобразной и специально для разлива (вина) предназначенной формой горла – ойнохои, часто с росписью сюжетами, посвященными празднованию Анфестерий (см., например: Кереньи 2007, ил. 93, 95, 99, 102; Kerameikos VII, Taf. 29. 149, 1–6; Dubois 2012, 337, fig. 10). В погребениях на афинском Керамике они встречаются наряду с кувшинчиками, подобными нашему.

¹⁸² Упоминания у Алкея (Alc. Fr. 346; особо – Fr. 322. 1 – «теосские чаши»), а также у Аристофана (Aristoph. Fr. 498; Eq. 906–907).

использоваться и в чисто бытовом контексте (ср. сноску 158), но, судя по тому, что они столь обычны в погребениях, резонно предположить, что они широко использовались и в области погребальных культов. В погребениях афинского Керамика, например, эти чашечки характерны для большинства детских погребений, в основном в амфорах¹⁸³, часто – в сочетании с миниатюрными ольпами (наряду с другими типами сосудов).¹⁸⁴ Одноручные чашечки весьма характерны для ранних могил некрополя Тузлы.¹⁸⁵ Любопытно, что в значительно более богатом по инвентарю, чем фанагорийский, архаическом некрополе Ольвии одноручные чашечки встречаются довольно редко¹⁸⁶, а чашечки со сливом (не иначе, как специально предназначенные для возлияний?) вообще не известны. Более того, нам не удалось отыскать такие чаши ни в одном другом боспорском некрополе.¹⁸⁷ И это заставляет отнести к этим находкам из фанагорийского некрополя с особым вниманием и требует отдельного исследования.

В любом случае, очевидно, что набор инвентаря в детских могилах фанагорийского некрополя существенно отличается от наборов во взрослых и, следовательно, маркирует возрастные классы.¹⁸⁸

Обобщая все наши наблюдения над характеристиками погребальных комплексов, можно с достоверностью разделить их на несколько «типов»:

¹⁸³ Kerameikos VII, Nr. 33, 28, 43, 44, 47, 49, 62, 77, 81, 107 *et al.*

¹⁸⁴ Например, см. Kerameikos IX, Nr. 268, 288, 290, 300 *et al.*

¹⁸⁵ В 5 в. до н.э., по наблюдению Н.П. Сорокиной (1957, 20, 21, рис. 11. 1–5), «одноручные чашечки с полосатым орнаментом были найдены почти в каждой могиле. Вероятно, некоторые из них местного изготовления». Иначе говоря, вероятно такие чашечки здесь свойственны не только детским погребениям. Чаши с одной горизонтальной петлевидной ручкой известны в четырех погребениях туземного населения некрополя у хут. Рассвет, том числе североионийские (№ 80. 1; 45. 1) (Новичихин 2010, 210–211, рис. 213. 6, 45, 65, 80).

¹⁸⁶ Скуднова 1988, кат. 172. 8; 207. 2; 208. 2, 8.

¹⁸⁷ Подобные ионийские чашечки со сливом хорошо известны в материалах раскопок Ольвии (см. Буйских 2013, 147, 387, рис. 139, кат. 9. 298–9. 305). Как отмечалось выше, подобная чашечка (более ранняя) была найдена на Березани (Борисфен–Березань 2005, 44, № 49).

¹⁸⁸ Это обстоятельство отличает архаический фанагорийский «город мертвых» и некрополи, где представлена данная традиция, от иной традиции, которую

один из авторов в своей диссертации и статьях определил как «милетскую» (подробную аргументацию см.: Сорокина, Сударев 2000а, 193–204, Сударев 2005, 42 сл.; 2010, 425–427). Согласно этой (последней) традиции детей хоронили «по-взрослому» обряду, как правило с сопутствующим инвентарем (в том числе с 4 в. до н.э. – с «оболом Харона»), в тех же типах погребальных сооружений и конструкций (включая кремацию), которые были распространены в данных некрополях. В качестве особенности можно отметить сравнительно малое число в таких некрополях детских безынварных погребений. Нередко даже в детских погребениях большее количество вещей по сравнению со «взрослыми» погребениями. В них часто встречаются терракоты. Регулярно в таких погребениях находятся лекифы и другие сосуды для масел и благовоний. Известно, что эти предметы использовались не только в быту (в качестве инвентаря палестрита и т.п.), но и в погребальном обряде для умащения тел умерших при проведении погребальных церемоний, облегчающих переход покойного в иной мир. Таким образом, в отношении умерших детей проводились те же обряды, что и для взрослых. Данная традиция

наиболее полно представлена в некрополях ряда милетских колоний Причерноморья (Аполлония, Томы, Истрия, Одессос, Ольвия, ранняя Керкнитиди и др.). За данным комплексом погребальных традиций, безусловно, стоят комплекс каких-то религиозных воззрений. Возможно, предполагалось, что душа, в отличие от тела, – субстанция постоянная и неизменная, а посему, независимо от возраста умершего, при переходе ей необходимы те же обряды.

С. Дюбуа показала, что соотношение погребений с инвентарем и безынварных по возрастным группам различается в зависимости от места и времени. Так, на Северном некрополе Коринфа архаического времени более всего безынварных могил детей старше 1 года (около 80%), на второй позиции могилы детей возрастом до года (около 50%), на третьей – погребения взрослых (около 40%), а на некрополе Sainte-Barbe (Массалия) безынварных могил младенцев примерно 80%, детей от 1 до 14 лет – ок. 70%, как и среди взрослых погребений. Ситуация в этом отношении отличается от некрополя Метапонта (Dubois 2012, 332, 333, graph. 1, 2, note 18, со ссылкой на: Carter 1998).

1) младенческие погребения в амфорах, без инвентаря (45.29/1986; 48.16/1985; 48.21/1985; 109/1939);

2) детские погребения в грунтовых могилах с перекрытием и инвентарем (48.22/1985; 46.4/1986; 65.3/1988; 65.1/1988);

3) детские (в том числе – младенческие¹⁸⁹) погребения в грунтовой могиле с перекрытием или без него, без инвентаря (46.81/1986; 49.21/1986);

4) взрослые погребения в гробах или с перекрытием (56.п.1/1985; 106/1939; 46.80/1986; 470/1988).

Итак, мы отчетливо можем видеть, что весь небольшой массив позднеархаических (и раннеклассических) погребений Фанагории подразделяется почти исключительно (т.е. за вычетом «изгоев») на возрастные типы, что может свидетельствовать о гомогенности представленного в городском некрополе населения и в целом о единстве погребальных его традиций. Индивидуальные особенности погребальных обычаев связаны, по-видимому, с характером деятельности и социальным положением погребенного, что получило отражение во взрослых захоронениях (прежде всего, в мужском воинском 470/1988).

К большому сожалению, антропологические материалы из ранних могил фанагорийского некрополя не были профессионально изучены и определены.¹⁹⁰ Поэтому половозрастные характеристики могут быть оценены крайне суммарно и приблизительно.

¹⁸⁹ С принятой ранее оговоркой.

¹⁹⁰ Примерно в 1990 г. антропологический материал из погребений 470 и 65.3/1, а также, если не ошибаемся, 46.80, тщательно законсервированный при помощи полимерных составов и привезенный в Москву, был по инициативе С.Б. Ланцова отправлен в Киев для обработки и исследования (в рамках диссертации) Т.А. Назаровой. Попытки получить итоговые результаты предполагавшейся работы, к сожалению, не увенчались успехом. Спустя годы, в 2009 г. по нашей просьбе М.В. Добровольская связывалась с Т.А. Назаровой, но и эта попытка, не была результативной, как и дальнейшая переписка с киевским антропологом одного из авторов.

Таблица 8. Половозрастные характеристики погребенных

Младенцы (длина костяка, см)	Дети	Женщины	Мужчины	Не установлен
(возраст ¹⁹¹ ; длина могильной ямы/ костяка ¹⁹² , см)				
45.29 (29)	48.22 (1–3 г.; 82/ ?)	56.п.1 (50 л. ?; 188 ¹⁹³ / 157*)	470 (30–40 л.; 187/ 180–185)	66.5
48.16 (30–35*)	46.4 (3–4 г., 84/ ?)	46.80 (50 л. ?; 165/ 161*)	–	–
48.21 (35)	65.1 (2–3 г.; 86 ¹⁹⁴ / < 70)	106/1939 ¹⁹⁵ (?; 190/ 156*)	–	–
109/1939 (35)	65.3 (2–3 г.; 92/ 80)	–	–	–
46.81 (37)	49.21 (8–12 л. ¹⁹⁶ ; 90/ 84)	–	–	–
<i>L</i> = ок. 29–37 см	<i>L</i> = ок. 70–84 см	<i>L</i> = ок. 156–161 см	<i>L</i> = ок. 180–185 см	–

Однако и эти очень приблизительные данные представляют определенную ценность. Как видно из таблицы 8, количественное распределение возрастных групп неравномерно: младенцев (ростом 29–37 см) – 5, детей (ростом 70–80 см) – 5, взрослых – 4 (из них – три женщины старшей возрастной группы и один – мужчина ἐν τῇ ἀκμῇ). О первой возрастной группе можно сказать, что это дети, скорее всего, не достигшие годовалого возраста, умершие либо при родах, либо в первые же месяцы жизни. Вторая возрастная группа – дети

¹⁹¹ Возраст определен исследователями ориентировочно, «на глазок».

¹⁹² Звездочкой (*) помечены размеры, вычисленные по планам (от макушки до пяточной кости).

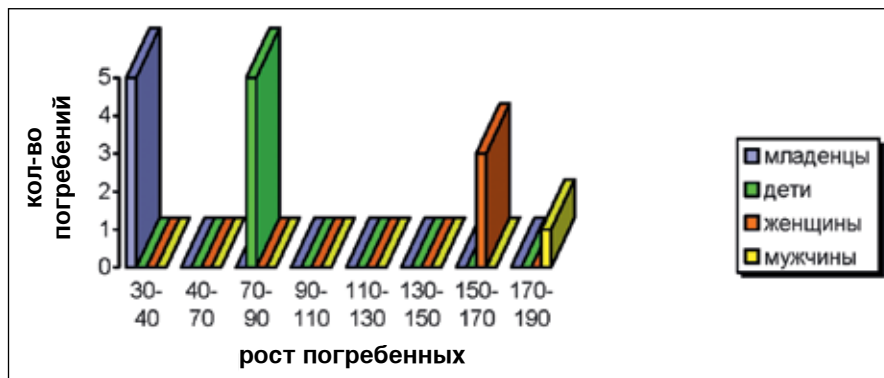
¹⁹³ Длина гроба, внутри которого установлена амфора.

¹⁹⁴ Габариты по подстилке на дне могилы.

¹⁹⁵ Отнесено к числу женских условно.

¹⁹⁶ Определение явно ошибочное.

Рис. 90.
 Диаграмма половозрастного
 распределения погребенных
 на «Южном городе» Фанагории
 в позднеархаический период

преодолевшие годовалый рубеж (разница между ними и предыдущей группой в среднем составляет около 35 см). Учитывая невозможность реально оценить среднюю динамику роста детей в данной популяции, ограничимся указанием на то, что *второй* пик смертности (после родового) приходится на первые несколько лет жизни (от 1 года до 5-ти?).¹⁹⁷ Если исключить единичную кончину мужчины-воина (вполне вероятно, насильственную), следующий, *третий* пик отстоит по времени от предыдущего на четыре или больше десятилетия (и минимально на 72 см в росте; см. диаграмму на рис. 90)!

В целом, не подлежит сомнению, что подобное распределение может быть (в сопоставлении с другими ситуациями) осмыслено специалистами, конечно, с оговоркой, что фанагорийская выборка очень мала и потому достоверность интерпретации имеющихся данных не слишком высока.¹⁹⁸

Возвращаясь к высказанному ранее тезису о культурной гомогенности погребального обряда в архаическом некрополе Фанагории,

¹⁹⁷ Для сравнения: в архаическом некрополе Клазомен архаического времени (в котором, кстати, довольно распространены захоронения детей в амфорах и пифосах, наряду с захоронениями в керамических саркофагах и простых могилах) детская смертность зафиксирована на уровне 35% (Tzannes 2004, 107). В древнейшем некрополе Абдеры, в погребениях которого представлены 2–3 поколения переселенцев из Клазомен, детские захоронения составляют 81,2%, а подростков и взрослых, соответственно, – 18,8%, что объясняется низким уровнем жизни и высокой смертностью при родах. В подтверждение этого приводятся данные, что только в 27% погребений представлен погребальный инвентарь, притом довольно скудный и низкого качества, что, по мысли Е. Скарлатиду, отражает низкий экономический уро-

вень клазоменской колонии и слабые ее торговые связи с другими греческими центрами, а также давление со стороны фракийцев (Skarlatidou 2004, 257–258). В Олинфе в 6–5 вв. до н.э. детские погребения в амфорах составляют 26% (Robinson 1942, 146, 170). Относительно небольшое количество детских погребений (№ 47, 49, 58 – в амфорах; № 35 – в пифосе; № 167 – в саркофаге, сложенном из черепиц) отмечается в архаическом некрополе Ольвии (Скуднова 1988, 9). В некрополе Борисфена (раскопки 1982–1990 гг.) детские захоронения в керамических сосудах составляли всего ок. 7%, а при раскопках Г.Л. Скадовского было обнаружено 154 погребения в амфорах (см.: Капошина 1956, 220; Vinogradov, Domanskij 1996, 291–296).

¹⁹⁸ Для сравнения: М.В. Добровольская, изучившая антропологическую серию

более 100 индивидов из раскопок Восточного некрополя Фанагории со 2 в. до н.э. по 2 в. н.э., отмечает, что «Демографическая структура населения Фанагории этого времени свидетельствует о высоком уровне жизни городских жителей. Так, средняя продолжительность жизни мужчин превышает 41 год, женщин приближается к 37 годам (рис. 1). Высокие значения палеодемографических параметров сходны с аналогичными характеристиками, полученными Дж. Энджелом при изучении городского населения Восточного Средиземноморья в эллинистическое и римское время.... Следует отметить, что более ранние и более поздние эпохи, судя по антропологическим публикациям, характеризуются более низкой продолжительностью жизни, а значит, и более низким качеством жизни» (Добровольская, Медникова 2010, 476, рис. 1).

отметим, что эта его характеристика в принципе вполне ожидаема. В отличие от большинства других колоний, в том числе и выведенных ионийцами (в некоторых случаях, видимо, при участии эолийцев, как, например, Гермонасса) в район Боспора Киммерийского, в организации которых могли принимать участие выходцы из разных полисов, переноса на новую свою родину обычаи и традиции, свойственные их метрополии, Фанагория была основана в 40-х годах 6 в. до н.э. выходцами из Теоса (как и Абдера) в результате «тотального» выселения жителей ионийского города вследствие угрозы персидского завоевания (так же, как и жители Фокеи).¹⁹⁹ Таким образом, на южном берегу современного Таманского залива появился город с однородным в культурно-историческом плане населением, в течение жизни первых поколений (по крайней мере) сохранявшим традиции метрополии.²⁰⁰ Более того, небезосновательно считается, что в иных случаях подавляющую массу колонистов составляли молодые неженатые мужчины, которые, обосновавшись на новой родине, были вынуждены искать себе супруг среди женщин из окружающих общин (в ряде случаев – по преимуществу варварских).²⁰¹ Соответственно, в колониях складывались этнически и культурно неоднородные общности. И эта неоднородность колониального общества получала отражение в разнообразии погребальных традиций на некрополях колоний. Поскольку же в Фанагорию переселилась часть уже ранее сложившейся гражданской общины, видимо, и половозрастная структура ее населения могла быть иной (более сбалансированной), чем в других случаях.

Таким образом, естественным было бы искать параллели погребальным традициям первых поколений фанагорийцев в некрополях метрополии Фанагории – Теосе и в «сестринской» апойкии – Абдере.²⁰² К великому нашему сожалению, некрополь метрополии Фанагории археологически исследован в весьма ограниченном объеме.²⁰³ Ситуация же в Абдере осложнена тем, что переселению колонистов из Теоса в этот город предшествовала колонизация из Клазомен (654 г. до н.э.) (Her. I. 168; Strabo XIV. 1, 30).²⁰⁴ Обширный некрополь теосской

¹⁹⁹ Фанагория – основана теосцами (Ps.-Scymn. Per. 886–889); «Фанагория, которую основал Фанагор Теосский, бежавший от насилия персов» (Eust. Comm. ad Dion. Per. 549 – со слов Арриана; ср. Ps.-Arr. PPE. 74). По сведениям Геродота (Her. I. 168), в процессе покорения войском Кира II эллинских городов в Малой Азии (после 546 г.), «после того, как Гарпаг, возведя насыпь, захватил стены (города. – А.З., А.К., Н.С.), все теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию. Там они поселились в городе Абдере». В «Хронике» Евсевия колонизация Абдеры теосцами отнесена к 543 г. С.А. Жебелев (Жебелев 1953,

61; ср. Долгоруков 1990, 31), исходя из того, что обе ктисмы мотивированы одной причиной, считал, что Абдера и Фанагория основаны синхронно. В.Д. Блаватский, который датировал завоевание Эфеса 542 г., основание Фанагории относил ко времени ок. 540 г. (Блаватский 1985, 56–57; 1954, 16). Вопрос об основании Фанагории во всех подробностях исследован В.Д. Кузнецовым (2001, 227–235), который не исключает вероятности того, что Фанагория была основана уже из Абдеры.

²⁰⁰ Другой вопрос, насколько сами эти традиции были однородны.

²⁰¹ См. Яйленко 1990, 83 сл. (с указани-

ем источников), 88–90.

²⁰² Lazaridis 1971, 1–44; Graham 1992, 44–73; Chrysanthaki 2001, 397–406; Кузнецов 2001а, 227–235, особ. 230–231 и сноски 9, с литер.

²⁰³ См.: Bequignon, Laumonier 1925, 291; Boysal, Ögün 1964, 12–13, 13; Boysal 1965, 7 (к востоку и западу от города, эллинистического и римского периодов).

²⁰⁴ Об исследовании погребальных комплексов в самих Клазоменах см.: Hürmüzlü 2004, 77f.; Tzannes 2004, 97 f.; об архаическом некрополе клазоменян в Абдере см.: Skarlatidou 1985, 99–108; Σκαρλατίδου 2004, 249 f.

колонии в Абдере располагался к северу и северо-западу от раннего города (в секторах А и В, отрезанных балками), в то время как более ранний некрополь клазоменских колонистов зафиксирован в районе к северо-западу и юго-востоку от углов «Северной Стены» (в секторах П, К и Г).²⁰⁵ К. Kallintzi как отличительную черту погребальной практики переселенцев из Теоса называет возведение надмогильных насыпей (курганов от 1 до 3 м в высоту)²⁰⁶, правда, только с конца 6 – начала 5 в. до н.э. Погребения конца 6 в. до н.э. располагались недалеко (до 1 км) к северу от городской стены, что объясняется «неуверенностью» колонистов, обусловленной враждебными отношениями с окружающими фракийскими племенами, позднее – дистанция увеличивается. Под насыпями на уровне материковой почвы располагались по несколько погребений, ориентированных радиально²⁰⁷, «по периметру» или бессистемно относительно центра. Использовались различные типы погребений, в большом количестве – кремации в прямоугольных ямах.²⁰⁸ В «грунтовой» некрополе (the flat cemetery) конца 6 – начала 5 в. до н.э., в 1 км к северу от оборонительной стены, на площади ок. 4000 м² было раскопано несколько сотен погребений, черты которых не встречались в подкурганых захоронениях, но которые представлены в раннем некрополе клазоменян в Абдере: скученное, бессистемное расположение могил, без какой-либо специальной их ориентировки относительно центра; прослеживается перекрытие одних могил другими. Здесь представлены различные типы могил: в керамических саркофагах (большинство), в грунтовых ямах, *enchytrismo* в амфорах. Поза покойного – неопределенная, включая и скорченников. По мнению К. Kallintzi, в этом некрополе представлены захоронения первых поколений переселенцев из Теоса, а подкурганые погребения появляются позднее, когда потомки переселенцев обосновались на новой родине более обстоятельно, но более предпочтительно, согласно его же собственному мнению, допущение, что здесь захоронены потомки клазоменян (ассимилированные населением Абдеры теосской), сохранивших свои погребальные обычаи.²⁰⁹

Итак, мы видим, что совпадения с отдельными чертами погребальной практики теосского некрополя Абдеры в Фанагорийском материале имеются, но не столь многочисленные и «буквальные», как можно было ожидать. Впрочем, несходство двух некрополей тоже понятно: оно обусловлено, прежде всего, отличиями в природных условиях двух регионов (отсутствие строительного камня в Фанагории) и резким различием культурно-исторических контекстов (значительное влияние клазоменской традиции на переселенцев в Абдере из Теоса). Можно предположить, что исконные черты теосской погребальной обрядности в архаическом некрополе Фанагории (если отвлечься от природного материала конструкций) в более чистом своем виде представлены именно в боспорской колонии Теоса, чем во фракийской.

К числу общих черт относится захоронение младенцев в сосудах (амфорах и др.), широко распространенная в целом ряде полисов.²¹⁰ Однако, как было показано одним из авторов, эта черта характерна не для всех ранних некрополей или присуща им в разной степени.

²⁰⁵ См.: Koukouli-Chrysanthaki 2004, 236, fig. 3, 4; Skarlatidou 2004, 249–250, fig. 1; Kallintzi 2004, 271–280, fig. 1–16.

²⁰⁶ В местах концентрации – параллельными рядами. Ср. фанагорийскую «Аллею курганов», идущую от юго-восточных ворот города и далее – к югу, восточнее г. Майской, также как цепь крупных курганов, ведущих в восточном направлении от городища вдоль моря в сторону Кеп.

²⁰⁷ Ср. комплекс погребений 470, 65.1 и 3, 66.5.

²⁰⁸ Kallintzi 2004, 274–276, note 21–24, fig. 6–8.

²⁰⁹ Ibid., 276–279, fig. 9–13.

²¹⁰ Об этом подробно: Сорокина, Сударев 2000а, 193–204; см также: Сударев 2005, 42, сл.; Garland 1985, 77–103, 160–166; Kurtz, Boardman 1971, 71–72, 98, 183; Morris 1996, 140, 176–177; см. Dubois 2012, 333, fig. 5 (некрополь Гимеры, погребение W973). Умершие дети входили в категорию «безвременно ушедших», куда причислялись также и подростки, девушки до замужества (Garland 1985, 77–88, 160–162).

Например, не зафиксировано таких погребений в некрополях Синопы, Том, Пантикапея²¹¹, Мирмекия, Гермонассы, некрополя у мыса Тузла²¹², и др. Очень мало (3,5%) в Аполлонии, в Истрии, Ольвии (3%), и т.д. Но в других некрополях младенческих погребений в амфорах довольно много, например, в Кепях (33%)²¹³; а также в ряде дорийских колоний. В целом для милетских колоний более характерно захоронение детей по взрослому обряду, с выраженной тенденцией класть в детские погребения инвентарь обильнее, чем во взрослые (см. сноску 188). Это позволяет даже ставить вопрос о распространении с конца 6 в. до н.э. фанагорийской погребальной традиции в некрополе милетских Кеп в связи с подчинением этого города.²¹⁴

Таким образом, выделенная черта погребальной традиции Фанагории в архаический период хотя и не является исключительной («определяющей»), все-таки выделяет некрополь «Южного города» из числа иных и объединяет его с некролями тех центров, для которых именно такой способ обращения с телами умерших младенцев характерен. Что в реальности стояло за этой общностью, мы судить не беремся. Причины здесь могут быть различные.

Анализируя перекрытия могильных сооружений (и опираясь на мнение предшественников²¹⁵), можно сделать вывод о том, что наличие перекрытий из досок сближает погребения Фанагории с ранними погребениями Пантикапея, Тузлы, Панагии, где различные его варианты явно преобладают. С другой стороны, эта же черта отличает некрополь Фанагории и Пантикапея от некрополя Ольвии, где данный тип перекрытий известен меньше, а также от некрополей ряда других греческих городов рассматриваемого периода, например, Аполлонии, а на Боспоре – Кеп, Пересыпи, Китея, Нимфея и отчасти от некрополей Мирмекия и у поселка Войково. Наиболее вероятно, что дело здесь не в природных, хозяйственных и т.п. «естественных» причинах, а в отличиях религиозного характера, которые в ранний период, безусловно, связаны с отличиями в религиозных взглядах метрополий или контингентов колонистов.²¹⁶

Отсутствие в раннем некрополе Фанагории конструкций из камня (характерных для ряда некрополей Европейского Боспора) едва ли требует разъяснений. А вот тот факт, что, в отличие от некоторых других некрополей Боспора, здесь (где первые дома колонистов были построены в сырцово-кирпичной технике) не представлены погребальные сооружения из сырцового кирпича, заслуживает пристального внимания. Сырцовые гробницы известны в некрополях Боспора с конца 6 – начала 5 в. до н.э. На европейской стороне они представлены в Пантикапее как минимум с первой половины 5 в. до н.э., с того же времени они известны и в Нимфее. Имеются они в некрополях у мысов Тузла и Панагия, в Гермонассе. Как уже говорилось, такого рода сооружения характеризуют и некрополь Артющенко-2.²¹⁷ В «грунтовой» некрополе Кеп этот тип погребальных сооружений редок (№135/73 – 6–5 вв. до н.э.), однако он получают довольно широкое распространение в курганном некрополе, правда уже с 4 в. до н.э. Ту же картину мы наблюдали и в некрополе

²¹¹ Ранее 4 в. до н.э.

²¹² А на соседнем некрополе, у мыса Панагия, из 46 погребений 5 совершены в амфорах (из них два погребения 6–5 вв. до н.э.). Не зафиксированы детские погребения в амфорах в раннем некрополе Артющенко 2, который, кроме того, выделяется обкладкой сравнительно обширных могильных ям («склепов») кладками из сырцового кирпича (такие могилы были раскопаны в юго-восточном некрополе Фанагории в 2012 г.), наличием парных захоронений, сочетанием обрядов труположения и кремации, в том числе – частичной, на стороне (Кашаев 2009, 88–96). Но представлены с 5 в. до н.э. в некрополе у пос. Пересыпь, где они соседствуют с другой традицией.

²¹³ Общий процент детской смертности в Кепях 6–5 вв. до н.э., по калькуляции одного из авторов (Н.И. Сударева), – ок. 42%.

²¹⁴ См.: Сорокина, Сударев 2000а; 2000б; также: Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев 2011, 111–125.

²¹⁵ Коровина 1964, 95; Сорокина 1957.

²¹⁶ Сударев 2005, 85.

²¹⁷ Кашаев 2009.

Фанагории, где почти все сырцовые гробницы встречены в курганном некрополе, тогда как в «грунтовом» их почти нет.²¹⁸ Так считалось до недавнего времени. Однако новые раскопки юго-восточного некрополя (2012 г.) заставляют внести коррективы: здесь «сырцовые могилы» 5 в. до н.э. представлены вполне хорошо. Анализ этих неопубликованных материалов, определение места вновь открытых памятников в топографическом и историческом контексте Фанагории еще только предстоит. Однако в любом случае считаем, что «варварское» («синдская традиция»²¹⁹) объяснение этого феномена должно быть оставлено раз и навсегда. Очевидно, что различия здесь лежат в области различий погребальных традиций греческих колоний, связанных с разными метрополиями.

Отмеченных признаков вполне достаточно для того, чтобы определить специфику архаического некрополя Фанагории на фоне погребальной практики, свойственной другим боспорским центрам того же периода. Находя частичные аналогии в ряде некрополей этих центров как Азиатского, так и Европейского Боспора, в целом комплекс характеристик погребений, открытых на южной окраине Фанагории, вполне специфичен. И эта специфика, очевидно, обусловлена традициями ее метрополии (Теоса).

Погребенные на южной окраине города относились к числу тех, кто в раннем детском или юном возрасте прибыл из Теоса (56. п. 1; 470?), либо был рожден уже в Фанагории в первые годы или десятилетие становления нового полиса (46.80; 470), либо, наконец, появился на свет от браков первопоселенцев или представителей первого поколения коренных фанагорийцев (все детские погребения). Все эти люди скончались и были похоронены между 530/525 и 480-ми гг. до н.э. Разумеется, в предшествующие лет двадцать с момента основания Фанагории люди тоже умирали и были захоронены. И, следовательно, исторический центр древнейшего некрополя, где по сей день покоятся останки колонистов из Теоса (и их детей), располагается в другом месте, по отношению к которому исследованная часть некрополя – периферийная. Об этом же говорит и рассеянный, «кустовый» характер группировки раскопанных погребений. На наш взгляд, с большой долей вероятности можно говорить о том, что древнейшие могилы следует искать севернее изученного нами участка, в восточной части верхнего плато (во всяком случае – на южном его склоне), отрезанном от исторического центра Фанагории (холм «Верхний город», акрополь) глубокой балкой, протянувшейся с юга на север в сторону Таманского залива, где в античное время проходила магистральная улица (рис. 1).²²⁰

Естественно, это логическое умозаключение останется лишь гипотезой до тех пор, пока не удастся раскопать реальные могилы архаического периода на этом холме. А до той поры мы вынуждены только констатировать, что весьма ограниченные по своему масштабу и локализованные (из документированных) лишь у склонов этого холма раскопки²²¹ не дают оснований для каких-либо обоснованных выводов. По существу, лишь раскоп «Холм Г», расположенный в северо-западном

²¹⁸ Сударев 2006, 73–74, с литературой.

²¹⁹ Такое определение погребальных памятников, бытующее до сих пор, тем более удивительно, что невозможно привести никаких аргументов в пользу сырцово-кирпичного домостроительства у синдов.

²²⁰ Она была зафиксирована в южной части городища, на раскопе «Южный город», кв. VIII – объект №7, четыре слоя замощения, ширина дороги 3,8–4,00 м, датируется 3–1 вв. до н.э. (Долгоруков 1980, 80–81, рис. 225–228). Подробнее см. Завойкин, Кузнецов 2012, 130–146.

²²¹ См. Паромов 1993, 117, сл., 120, 132, 133–134 (с литературой): № 10 – раскопки И. Е. Забелина; № 6–8 – раскопки К.Р. Бегичева; № 55 – раскоп «Восточный», работы М.М. Кобылиной 1955 г., 48 м²; № 48 – раскоп «Холм Г», работы М.М. Кобылиной в 1948–1949 гг., 156 м².

углу восточной части верхнего плато может иметь какое-то отношение к интересующему нас сюжету. Об этом нам уже приходилось писать довольно подробно²²², поэтому подведем здесь лишь самые краткие итоги. Характер раскрытого на материке (и в материке) амфорного комплекса, включавшего тару 475–440/30 гг. до н.э., остается неясным. Поскольку раскопки 1948–1949 гг. не выявили в данном районе каких-либо культурных остатков ранее середины 5 в. до н.э. (первые следы застройки здесь относятся к 3 (или 4?) в. до н.э.), с учетом того, что к западу от раскопа «Холм Г» – через балку, ведущую к морю от подножия г. Майской, – на верхнем плато застройка города начинается с третьей четверти 6 в. до н.э.²²³, можно было бы предположить, что более ранние слои этой части города располагались к юго-востоку от открытой площади раскопа «Холм Г», дальше от границы склона террасы. Но более вероятен, как было отмечено, другой вариант объяснения, хотя и столь же гипотетический.

Возвращаясь к погребениям, открытым на «Южном городе», остается только прокомментировать финальную дату функционирования исследованного участка городского некрополя. Самое раннее погребение (56.п.1) на нем относится примерно к 520-м годам до н.э., позднейшее – к началу 5 в. до н.э. (ок. 480 г. до н.э.; погребение 46.80). Все погребения, исключая комплекс, связанный с погребением 470/1988 г., где-то на рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н.э. оказались перекрыты глиноплетневыми постройками²²⁴, что исследователи связывали с резким увеличением численности населения²²⁵ и территории города вследствие миграции ионийцев после подавления антиперсидского восстания в 494 г. В.Д. Кузнецов нашел аргументы, позволившие ему поставить под сомнение жилой характер этих построек и предположить здесь, на городской окраине, строительство ремесленных мастерских.²²⁶ Для нас же сейчас важнее тот факт, что участок древнего некрополя был застроен, а это предполагает весьма существенную или даже экстраординарную причину. Сам факт застройки древнего кладбища – хотя и не единичный²²⁷, но и далеко не рядовой. Представляется, что появление жилых или хозяйственных сооружений над отеческими могилами в традиционном представлении древнего грека – явление, далеко выходящее за рамки обыденности, в известной мере, «насильственное», невозможное в период естественного, нормального течения жизни. Не желая углубляться в эту тему, укажем лишь на несколько близких аналогий: в Синдской Гавани (Горгиппии), Мирмекии, Ольвии и Херсонесе Таврическом.²²⁸ Совершенно аналогичная фанагорийской ситуация была зафиксирована также, например, и в Массалии, основанной около 600 г. до н.э. В течение первого столетия своей жизни город занял площадь около 40 га. Быстрый прогресс заселения его территории сопровождался реконструкцией городских укреплений и, возможно, разрушением наиболее древнего некрополя, чем, предположительно, и объясняют отсутствие архаических некрополей в Марселе.²²⁹ Аналогичная ситуация с архаическим некрополем и в колонии Фокеи, Элие (Велия): считается, что он тоже был перекрыт более поздними жилыми кварталами.²³⁰

²²² Завойкин 2004, 139–146.

²²³ Кузнецов 2001а, 233; 2010, 450.

²²⁴ Долгоруков 1990, 30–36; Долгоруков, Колесников 1993, 130–131.

²²⁵ По этой проблеме см. Завойкин, Кузнецов 2012, 132–133.

²²⁶ Подробнее см. сноску 105.

²²⁷ См. Polignac 2005, 47.

²²⁸ Эти примеры рассмотрены: Завойкин 2013б, 197–198 (с литературой).

²²⁹ Здесь структуры архаического времени были разрушены при строительстве домов классического, эллинистического и римского периодов. Они сохранились местами только там, где слой был законсервирован тем или иным способом (например, под зданием).

²³⁰ Tréziny 2006, 233–235, 238.

²³¹ Ср. Mariaud 2006, 174, 201: в древней Греции общим правилом было погребение покойных вне населенного пространства, за исключением аномалий политического и/или религиозного характера. При этом, после анализа детских погребений в Смирне, автор приходит к выводу о том, что надо быть осторожным в противопоставлении городского внутреннего и внешнего пространства, даже несмотря на присутствии городских стен.

²³² Нельзя исключать вероятности, что на долю археологов в подобных ситуациях приходится в основном заброшенные могилы: живые родственники погребенных в районе предполагаемой новостройки могли перезахоранивать своих предков на новых участках. Практика, выявленная при исследовании погребального комплекса в юго-восточном углу Фанагории, показывает, что почитание погребенного, приобретшее со временем черты культа героизированного предка (комплекс вокруг погребения 470), могло на очень длительное время исключить данный участок из района рядовой застройки: все последующие после захоронения постройки, видимо, непосредственно связаны с культом героя. Собственно говоря, именно героический статус погребения (как, например, ктисов колоний) делал допустимым существование захоронения внутри городских стен.

²³³ Завойкин 2004, 40.

²³⁴ Например, для Мегары Гиблеи и Селинунта, см. Danner 1997, 146–149; ср. в метрополии: Lang 2002, 14–15, 19 (наиболее яркий пример – новая планировка Милета после разгрома города персами).

²³⁵ Danner 1997, 158.

²³⁶ См. Polignac 2006, 47: идея, долго господствовавшая в литературе, об отсутствии у городов оборонительных сооружений до второй половины 6 в. до н.э. (исключая Малую Азию и острова), должна быть пересмотрена в свете новейших находок в западнотеррациновоморских городах. Примеры того, что оборонительные сооружения могут окружать лишь часть жилых кварталов (Фасос), а не весь город, противоречат мнению о том, что строительство укреплений отражает поступательное расширение городского пространства.

Отмеченные примеры в недалеком и более отдаленном окружении Фанагории подтверждают вполне очевидный, на наш взгляд, тезис, что застройка или уничтожение городского некрополя – явление не вполне ординарное.²³¹ Часто оно связано либо с возведением оборонительных сооружений (Ольвия, участок «И»; Херсонес, участок в районе театра; Мирмекий, в районе северной линии обороны), либо с появлением нового (численно значительного) контингента жителей (Синдская Гавань – Горгиппия; Херсонес, Северный берег, перекрытие могил ионийского населения мусорной свалкой и новыми кварталами при обустройстве гераклеотами своей колонии).²³²

Эти парадигмы подталкивают к мысли, что ситуация, зафиксированная на «Южном городе» Фанагории, в этом отношении не была исключительной, тем более в контексте гипотезы о миграции из Ионии новой волны эпейков. Следует, однако, особо подчеркнуть, что представление о прямой взаимосвязи роста населения Фанагории (или других городов Причерноморья) с разгромом антиперсидского восстания в 494 г. до н.э. остается не более, чем догадкой, основанной на хронологической близости событий в разных частях ойкумены.

Что же касается установленного археологически факта строительства городских стен в этом районе города примерно на полвека позднее²³³, здесь в оценке ситуации необходимо быть еще осторожнее. Мы исходим из того, что для колоний, основанных в ходе Великой греческой колонизации (также, как и для так называемых субколоний, возникших уже в ходе процесса вторичной колонизации новых регионов), правилом была планировка территории «с нуля». Практически изначально и независимо от количественного состава населения определялись размеры будущего города, намечались зоны для жилой застройки, общественных зданий, сакральных районов, линии городских стен и некрополя и т.д.²³⁴ Позднее, площадь поселения не расширялась, а заполнялась новыми жителями. На протяжении жизни второго или третьего поколений колонистов происходила «настоящая урбанизация». Это, по П. Даннер, третья фаза в развитии колонии, когда окончательно формируется сеть городских улиц и кварталов, возводятся общественные здания и святилища и, возможно, городские стены, что требовало значительного экономического развития колонии, увеличения ее демографического потенциала.²³⁵

Состояние археологической изученности ранних городских оборонительных сооружений Фанагории на «Южном городе», пожалуй, таково, что утверждать, что стенам 30-х годов 5 в. до н.э. не предшествовали стены более ранние, невозможно: они могли быть полностью уничтожены во время последующих фортификационных работ²³⁶. В любом случае, предусмотреть такую вероятность необходимо. И если так, то не следует исключать и возможность того, что основная часть древнейшего некрополя локализуется к юго-востоку от исследованных нами погребений, которые в этом случае лежат на северо-западной его периферии.

Примерно в интересующий нас период застройки юго-восточного района города (*перед* в 480 г. до н.э.) происходят важнейшие изменения

в планировке в историческом центре Фанагории («Верхний город»). Именно на это время приходятся тотальные разрушения общественных построек и хозяйственных сооружений, далее – их реконструкция и окончательная гибель примерно в 60-х годах 5 в. до н.э.²³⁷ Сейчас важно было это отметить в той лишь связи, что реконструкция историко-топографической ситуации, предложенная в свое время В.С. Долгоруковым (последовательное и сплошное расширение территории города до 60 га во второй четверти 5 в. до н.э.), может оказаться весьма неточной. Застройка и хозяйственное освоение «Южного города», перекрывающего периферию архаического некрополя, вовсе не означает, что и весь «холм Г» (с предполагаемым центром «города мертвых») тоже оказался застроенным в это же время. Наличие периферийных по своему местоположению могил второй четверти 5 в. до н.э. на «холме Е» позволяет лишь допускать такую вероятность. Отталкиваясь от хронологии амфорного комплекса на «холме Г», можно лишь предполагать, что ситуация могла измениться не ранее 70–40-х годов 5 в. до н.э. Но так ли это было на самом деле – мы пока не знаем. Равно как и массовые захоронения второй половины этого же столетия в другом месте до сих пор не открыты (если не принимать в расчет удаленный юго-восточный участок некрополя, открытый в 2012 г.).

Представляется, что в исследовании нашего источника мы дошли до логического предела, допустимого на сегодняшний день. Мы позволили себе вплотную подойти к этой черте с одной только целью: чтобы оконтурить проблематику и направления дальнейших (в основном уже полевых) исследований по теме «Архаический и раннеклассический некрополь Фанагории». Наши упования на новые материалы тем более оправданы, что раскопки 2012 г. в юго-восточном секторе некрополя уже предоставили в наше распоряжение новые яркие погребальные комплексы, в хронологическом отношении, примыкающие к тем памятникам, которые были на рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н.э. перекрыты городскими кварталами на «Южном городе». Изучение этих новых материалов и их публикация еще предстоят. Но уже сейчас они ставят перед исследователями интересные вопросы, на которые уместно будет давать ответы лишь после того, как их исследование будет завершено.

²³⁷ Об этом кратко см.: Завойкин 2009, 128–131; Завойкин, Кузнецов 2013, 167, 169; по датировке: Завойкин 2010, 377–392; Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013, 206–229; Завойкин 2015, 110–114.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абрамов А.П. 2006. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея, ДБ 9, 11–35.

Алексеева Е.М. 1991. *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. Москва.

Белов Г.Д. 1938. *Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг.* Симферополь.

Белов Г.Д. 1948. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи, ВДИ 1, 155–162.

Белов Г.Д. 1950. Некрополь Херсонеса классической эпохи, СА XIII, 272–284.

Белов Г.Д. 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи, СА 3, 163–180.

Бидерманн Г. 1996. *Энциклопедия символов*. Москва.

Блаватский В.Д. 1941. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг., ТГИМ 16, 4–74.

Блаватский В.Д. 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг., in:

- В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху I* (МИА 19). Москва, 189–226.
- Блаватский В.Д. 1954. Архаический Боспор, in: М.М. Кобылина (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху II* (МИА 33). Москва, 7–44.
- Блаватский В.Д. 1985. Древнейшее свидетельство о Синдике, in: В.Д. Блаватский, *Античная археология и история*. Москва, 55–58.
- Буйских А.В. 2013. *Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации)*. Киев.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. 2010. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2, *ДБ* 14, 66–87.
- Ворошилова О.М. 2010. История исследования некрополя Фанагории, *ПИФК* 3, 37–53.
- Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг., in: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.* (МИА 25). Москва–Ленинград, 135–220.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов. (По материалам раскопок 1930-х годов), in: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов* (МИА 69). Москва–Ленинград, 154–238.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э., *ДБ* 15, 90–172.
- Горбунова К.С. 1983. *Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже*. Ленинград.
- Грач Н.Л. 1999. *Некрополь Нимфея*. Санкт-Петербург.
- Гринбаум Н.С. 2008. *Лексика древнегреческой ранней лирики (VII–V вв. до н. э.). Опыт семантико-числового анализа. Часть 1. Именная лексика*. Санкт-Петербург.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б. 2010. Население по антропологическим данным, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 474–489.
- Долгоруков В.С. 1979. *Отчет о раскопках Фанагорийской экспедиции в 1979 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 8796).
- Долгоруков В.С. 1980. *Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на городище Фанагории в сезоне 1980 года*. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 14167).
- Долгоруков В.С. 1985. *Отчет о раскопках Фанагории в Краснодарском крае*. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 11165).
- Долгоруков В.С. 1986. *Отчет о раскопках в Фанагории в 1986 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 14963).
- Долгоруков В.С. 1987. *Отчет о раскопках в Фанагории в 1987 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 14200).
- Долгоруков В.С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории, *КСИА* 197, 30–37.
- Долгоруков В.С. 1993. *Ранняя Фанагория*. Москва (Архив Фанагорийской экспедиции ИА РАН, рукопись статьи).
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. 1989. Новые данные о строительных комплексах Фанагории, in: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы исследований античных городов* (Тезисы докладов). Москва, 42–43.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. 1993. Новый тип строительных комплексов Фанагории, *РА* 1, 113–32.
- Жебелев С.А. 1953. *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. Москва–Ленинград.
- Завойкин А.А. 1988. *Отчет об охранных раскопках на городище Фанагория в левом сезоне 1988 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 14041, 14042).
- Завойкин А.А. 1991. *Отчет о раскопках на «Южном городе» Фанагории в 1991 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 19133).
- Завойкин А.А. 1992а. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории, *РА* 3, 40–56.
- Завойкин А.А. 1992б. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории, *КСИА* 204, 84–88.

Завойкин А.А. 1992в. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э., in: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. Москва, 260–269.

Завойкин А.А. 1993. *Керамическая тара из Фанагории VI–III вв. до н.э.* Дисс. канд. ист. наук. Москва (Архив ИА РАН. Р-2, № 2555, 2556).

Завойкин А.А. 1995. О времени автономной чеканки Фанагории, *БС* 6, 89–94.

Завойкин А.А. 1998. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагория, *ДБ* 1, 74–85.

Завойкин А.А. 2004. *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»)* (ДБ Supplementum I). Москва.

Завойкин А.А. 2009. Фанагория во 2-й половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам «Верхнего города», 2004–2008 гг.), in: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 128–131.

Завойкин А.А. 2010. Амфорный склад № 2906 и некоторые проблемы истории ранней Фанагории, *ПИФК* 1, 377–392.

Завойкин А.А. 2013а. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории, *ДБ*. 17, 132–152.

Завойкин А.А. 2013б. *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ Supplementum 10). Симферополь–Керчь.

Завойкин А.А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815, in: *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. Москва, 110–114.

Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2012. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики* (Боспорские чтения XIII). Керчь, 130–146.

Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 162–169.

Завойкин А.А., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 206–229.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006а. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I, *ДБ* 9, 101–151.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006б. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II, *ДБ* 10, 263–303.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). Москва.

Зинько В.Н. 2003. Нимфейский полис и скифы в VI–V вв. до н.э., in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (Боспорские чтения IV). Керчь, 103–112.

Капошина С.И. 1941. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, *СА* VII, 161–173.

Капошина С.И. 1950. Погребение скифского типа в Ольвии, *СА* XIII, 205–216.

Капошина С.И. 1956. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, in: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху* (МИА 50). Москва–Ленинград, 211–254.

Кастанаян Е.Г. 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности, in: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов* (МИА 69). Москва–Ленинград, 257–295.

Кашаев С.В. 2009. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг., in: *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия 1*. Москва–Киев, 88–96.

Керень К. 2000. *Элевсин: архитипический образ матери и дочери*. Москва.

Керень К. 2007. *Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни*. Москва.

Кобылина М.М. 1956. Фанагория, in: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57). Москва, 5–101.

- Ковальчук А.В., Крайнева А.А., Сударев Н.И., Чевелёв О.Д. 2010. Раскопки западного некрополя Гермонассы в 2008 г., in: *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия* 1. Москва–Киев, 97–100.
- Коровина А.К. 1964. *Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.* Дисс. канд. ист. наук. Москва (Архив ИА РАН. Р-2, № 1914).
- Крыжицкий С.Д., Козуб Ю.И., Русяева А.С., Буйских С.Б., Корпусова В.Н., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Мазарати С.Н., Марченко К.К., Отрешко В.М., Скржинская М.В., Сон Н.А. 1987. *Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время.* Киев.
- Кузнецов В.Д. 2001а. Метрополия Фанагории, *ДБ* 4, 227–236.
- Кузнецов В.Д. 2001б. Полис на Боспоре (эпоха архаики), *ДБ* 4, 237–253.
- Кузнецов В.Д. 2006. *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2005 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 26303–26308).
- Кузнецов В.Д. 2007. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2006 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 27163–27166).
- Кузнецов В.Д. 2008. *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2007 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной).* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 27195–27199).
- Кузнецов В.Д. 2010. Фанагория – столица Азиатского Боспора, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани* I. Москва, 430–469.
- Кузнецов В.Д. 2012. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2011 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной).* Москва (ОПИ ИА РАН – Архив ИА РАН. Р-1).
- Кунина Н.З. 2008. Стекланные сосуды, сделанные в технике сердечника (VI век до н.э. – начало I века н.э.) из Пантикапея в собрании Эрмитажа, *ТГЭ* XLI, 304–352.
- Лапин В.В. 1966. *Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации).* Киев.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология), *ДБ* 14, 322–356.
- Марченко И.Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг., in: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57). Москва, 102–127.
- Масленников А.А. 1976. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов, *СА* 3, 112–126.
- Медведев А.П. 2013. О начале функционирования восточного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 2005–2007 гг.), *АМА* 16, 309–328.
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва–Саратов.
- Нильссон М. 1998. *Греческая народная религия.* Санкт-Петербург.
- Новичихин А.М. 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет, in: А.А. Малышев (ред.), *Население архаической Синдики по материалам некрополя у хут. Рассвет* (Некрополи Черноморья III). Москва, 204–238.
- ОАК за 1891 г. (1893).* Санкт-Петербург.
- ОАК за 1897 г. (1900)* Санкт-Петербург.
- ОАК за 1898 г. (1901).* Санкт-Петербург.
- Ольховский В.С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.).* Москва.
- Панайотова К.М. 1989. Погребальный обряд в некрополях греческих колоний на берегу Черного моря Болгарии в эллинистическую эпоху, in: *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева.* Новочеркасск, 64–65.
- Паромов Я.М. 1993. Археолого-топографический план Фанагории, *БС* 2, 111–148.
- Паромов Я.М., Сударев Н.И. 2000. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба»), *ДБ* 3, 201–220.
- Пятышева Н.В. 1949. Тавры и Херсонес Таврический, *КСИИМК* XXIX, 122–124.
- Пятышева Н.В. 1957. Скифы и Херсонес, in: *История и археология древнего Крыма.* Киев. 249–263.

- Рогов Е.Я. 1998. *Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье*. Дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург (Рукописный архив ИИМК РАН. Ф-35. Оп. 2-Д, № 561).
- Сёмина К.А. 1992. Погребение и храм в геометрической Греции, in: *Среда, личность, общество*. Москва, 253–256.
- Сидорова Н.А. 1984. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959–1969), *СГМИИ* 7. Москва, 71–110.
- Синицын М.И. 1962. Погребальные обряды племен Днестро-Бугского Причерноморья в скифо-сарматское время, in: *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 4. Одесса, 33–60.
- Скуднова В.М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград.
- Соловьев С.Л. 2003. *Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея*. Санкт-Петербург.
- Сорокина Н.П. 1957. *Тузлинский некрополь*. Москва.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2000а. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э., *Stratum plus* 3, 193–204.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2000б. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э., in: С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе (ред.), *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.)* (Таманская старина 3). Санкт-Петербург, 45–48.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2001а. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э., in: *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. I. Санкт-Петербург, 133–139.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2001б. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н.э., *ДБ* 4, 377–384.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2002а. Оружие из некрополя Кеп, *ДБ* 5, 234–240.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2002б. Способы обращения с телом в некрополе Кеп, in: *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Ч. I. Санкт-Петербург, 279–284.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2004. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э., in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы* (Боспорские чтения V). Керчь, 353–362.
- Сударев Н.И. 1995. Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории, in: *Базы данных в археологии*. Москва, 167–216.
- Сударев Н.И. 2004. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н.э., *ДБ* 7, 332–343.
- Сударев Н.И. 2005. *Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник*. Дисс. канд. ист. наук. Москва (Архив ИА РАН. Р-2, № 2739).
- Сударев Н.И. 2006. *Грунтовый некрополь Фанагории VI–II вв. до н.э.* Москва (Архив Отдела классической археологии ИА РАН, рукопись).
- Сударев Н.И. 2010. Некрополи и погребальные обряды, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 418–472.
- Тульпе И.А. 1998. Некрополи для детей, in: *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. Санкт-Петербург, 46–53.
- Усачёва О.Н. 1979. *Отчет о результатах раскопок Западного некрополя Фанагории в 1979 г.* Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 8036).
- Федосеев Н.Ф., Чевелев О.Д., 1999. Прялки с кольцом из Пантикапея, *АИБ* III. Керчь, 195–207.
- Чевелев О.Д. 1989. Варвары в Тиритакте VI–III вв. до н.э. по материалам раскопок некрополя, in: *Проблемы исследований античных городов*. Москва, 127–129.
- Шелов Д.Б. 1961. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1956–1958 гг.* (МИА 98). Москва.
- Шкорпил В.В. 1903. Отчет о раскопках гробниц в городе Керчи и его окрестностях в 1901 г., *ИАК* 7, 74–93.
- Шкорпил В.В. 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905–1906 гг., *ИАК* 30, 1–98.
- Шкорпил В.В. 1914. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г., *ИАК* 56, 1–74.

- Шкорпил В.В. 1916. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г., *ИАК* 60, 7–35
- Штерн Э.Р. фон. 1906. Раскопки на острове Березани, *ОАК за 1904 г.* Санкт-Петербург, 41–49.
- Штерн Э.Р. фон. 1910. Раскопки на острове Березани, *ОАК за 1908 г.* Санкт-Петербург, 84–93.
- Яйленко В.П. 1990. *Архаическая Греция и Ближний Восток.* Москва.
- Alcock S.E. 1991. Tomb Cult and the Post-Classical Polis, *AJA* 95, 447–467.
- Alexandrescu P. 1966. Necropola tumulara. Sapaturi 1955–1961, *Histria* II. București, 133–294.
- Antonaccio C.M. 1994. Contesting the Past: Hero Cult, Tomb Cult, and Epic in Early Greece, *AJA* 98, 389–410.
- Antonaccio C.M. 1995. *The Archaeology of Ancestors. Tomb Cult and Hero Cult in Early Greece.* Lanham.
- Atasoy S. 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey, *AJA* 78, 255–263.
- Beazley J.D. 1956. *Attic Black-figure Vase-painters.* Oxford.
- Beazley J.D. 1971. *Paralipomena. Additions to Attic Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters.* Oxford.
- Bequignon Y., Laumonier A. 1925. Fouilles de Teos (1924), *BCH* 49, 281–321.
- Boehlau J. 1898. *Aus ionischen und italischen Necropolen.* Leipzig.
- Boysal Y. 1965. 1962 Senesi Teos Kazilari Hakkinda Kisa Raporu, *TürkAD* 12/2, 5–7.
- Boysal Y., Ögün B. 1964. Teos Kazisi 1962 Kisa Raporu, *TürkAD* 12/1, 12–13.
- Breccia Ev. 1912. *La necropoli di Sciatbi.* Vol. I–II (Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire). Le Caire.
- Brownlee A.B. 1995. Attic Black Figure from Corinth: 3, *Hesperia* 64/3, 337–382.
- Carter J.C. 1998. *The Chora of Metaponto. The Necropolis.* Vol. I. Austin.
- Cipriani M. 1989. *S. Nicola di Albanella. Scavo di un santuario campestre nel territorio di Poseidonia–Paestum.* Roma.
- Chrysanthaki K. 2001. Le trois fondations d'Abdère, *REG* 114, 2, 383–406.
- Danner P. 1997. Megara, Megara Hyblaea and Selinus: The Relationship between the Town Planning of a Mother City, a Colony and a Sub-Colony in the Archaic Period, in: H.D. Andersen, H.W. Horsnæs, S. Houby-Nielsen, A. Rathje (eds.), *Urbanization in the Mediterranean in the 9th to 6th Centuries BC.* Copenhagen, 143–165.
- Dubois C. 2012. Des objets pour les bébés? Le dépôt de materiel dans les sépultures d'enfant en bas âge du monde grec archaïque et classique, in: *L'enfant et la mort dans l'antiquité. III. Le materiel associé aux tombes d'enfants.* Aix-en-Provence, 329–342.
- Garland R. 1985. *The Greek Way of Death.* New York.
- Graham A.J. 1992. Abdera and Teos, *JHS* 112, 44–73.
- Greco E., Longo F. 2002. *Poseidonia Paestum. La visita della citta.* Salerno.
- Guardicci M. 1967. *Epigrafia Greca* I. Roma.
- Jeffery L.H. 1963. *The Local Scripts of Archaic Greece.* Oxford.
- Jehasse J., Jehasse L. 1973. *La necropole preromaine d'Aleria (1960–1968)* (Supplément à Gallia XXV). Paris.
- Hamilton R. 1992. *Choes and Anthesteria. Athenian Iconography and Ritual.* Ann Arbor.
- Hencken H. 1958. Syracuse, Etruria and the North, *AJA* 62, 260–272.
- Hermar A., Panayotova K., Baralis A., Damianov M., Riapov At. 2010. Apollonia du Pont (Sozopol). *La necropole de Kalfata (V–III s.av.J.-C.)* (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5). Paris.
- Hürmüzlü B. 2004. Grounds at Klazomenai: Geometric through Hellenistic Period, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 77–95.
- Καλλιτζη Ν. 1990. Ανασκαφή ταφικού τύμβου στα 'Αβδεραι, *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη* 4. Θεσσαλονίκη, 561–572.
- Kallintzi K. 2004. Abdera: Organization and Utilization of the Area Extra Muros, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 271–289.
- Καραμήτρου-Μεντεσίδη Γ. 1988. Η νεκρόπολη της Αιανής Κοζάνης, *Το*

- αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη 2. Θεσσαλονίκη, 19–26.
- Koukouli-Chrysanthaki Ch. 2004. The Archaic City of Abdera, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 235–248.
- Kurtz D.C., Boardman J. 1971. *Greek Burial Customs*. London.
- Lang F. 2002. Housing and Settlement in Archaic Greece, in: *Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.)* (Pallas 58). Toulouse, 13–32.
- Lazaridis D. 1971. "Αβδερα και Δίκαια (Ancient Greek Cities 6). Athens.
- Laurenzi L. 1936. Necropoli ialisie (scavi dell' anno 1934), *Clara Rhodos VIII*, 7–207.
- Lupu E. 2005. *Greek Sacred Law. A Collection of New Documents*. Leiden–Boston.
- Lyons C.L. 1996. *The Archaic Cemeteries (Morgantina V)*. Princeton.
- Mariaud O. 2006. Rituel funéraire et transformations spatiales en Ionie archaïque: le cas des tombes d'enfant à Smyrne, *REA 108/1*, 173–202.
- Mellink M.J. 1961. Archaeology in Asia Minor, *AJA 65*, 37–52.
- Mellink M.J. 1963. Archaeology in Asia Minor, *AJA 67*, 173–190.
- Mellink M.J. 1964. Archaeology in Asia Minor, *AJA 68*, 149–166.
- Mellink M.J. 1966. Archaeology in Asia Minor, *AJA 70*, 139–160.
- Morgan C. 1999. *Κατάλογος αττικής κεραμικής από τη συλλογή του Ταμάνσκου μουσείου* (Ταμάνσκια στήλη 2). Σάνκτ-Πετέρβουργ.
- Morgan C. 2004. *Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria. Phanagoria Studies 1 (Colloquia Pontica 10)*. Leiden–Boston.
- Morris I. 1987. *Burial and Ancient Society*. Cambridge.
- Morris I. 1996. *Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Μοσχονησιώτου Σ. 1988. Θέρμη – Σίνδος, Ανασκαφικές παρατηρήσεις στα δυο νεκροταφεία της περιοχής Θεσσαλονίκης, *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη 2*. Θεσσαλονίκη, 283–286.
- Μπέσιος Μ. 1989. Ανασκαφή στο Βόρειο νεκροταφείο Πύδνας (1989), *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη 3*. Θεσσαλονίκη, 155–164.
- Ogden D. 2001. *Greek and Roman Necromancy*. Princeton.
- Ogden D. 2002. *Magic, Witchcraft and Ghosts in the Greek and Roman Worlds*. Oxford.
- Polignac F. de. 2005. Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece, in: R. Osborne, B. Cunliffe (eds.), *Mediterranean Urbanization, 800–600 BC*. Oxford, 45–69.
- Robinson D.M. 1942. *Necrolynthia. A Study in Greek Burial Customs and Anthropology* (Excavations at Olynthus 11). Baltimore.
- Skarlatidou E. 1985. The Archaic Cemetery of Abdera, *Thracia Pontica III*, 99–108.
- Σκαρλατίδου Ε. 1987. Το αρχαίο νεκροταφείο Αβδήρων, *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη 1*. Θεσσαλονίκη, 421–429.
- Skarlatidou E. 2004. The Archaic Cemetery of the Clazomenian Colony at Abdera, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 249–259
- Torelli M. 2011. *Dei e Artigiani. Archeologie delle colonie Greche d'Occidente*. Bari.
- Tréziny H. 2006. L'urbanisme archaïque des villes ioniennes: un point de vue occidental, *REA 108/1*, 225–247.
- Τσιμπίδου-Αυλωνίτη Μ. 1992. Ταφικός τύμβος στον Άγ. Αθανάσιο Θεσσαλονίκης. Νέα ανασκαφικά στοιχεία, *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Φράκη 6*. Θεσσαλονίκη, 373–377.
- Tzannes M.-Chr. 2004. The Excavations of G. Oikonomos at the Archaic Cemetery of Monostiraka in Klazomenai, 1921–22, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 97–120.
- Vinogradov Ju.G., Domanskij Ja.V. 1996. Berezan' archaïque à la lumière des dernières découvertes, in: O. Lordkipanidzé, P. Lévêque (eds.), *Sur les traces des Argonautes*. Paris, 291–296.
- Williams Ch.K. 1981. The City of Corinth and its Domestic Religion, *Hesperia 50*, 408–421.
- Whitley J. 1994. The Monuments that Stood before Marathon, *AJA 90*, 213–230.
- Zinko V.N. 2001. Summary of Results of the Five-year Rescue Excavations in the European Bosphorus, 1989–1993, in: G.R. Tsetschladze (ed.), *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica 6)*. Leiden–Boston–Köln, 295–318.

Н.В. Завойкина

НОВЫЕ НАДПИСИ ФАНАГОРИИ (находки разных лет)

¹ Кузнецов 2006, 155–172; 2007, 227–243; Габелко, Завойкина, Шавырина 2007, 334–344.

² Одно фанагорийское надгробие в КБН не было включено (см. Розанова 1941, 247–257).

³ Блаватская 1976, 92–97.

⁴ Белова 1977, 105–117.

⁵ Виноградов 1991, 14–33.

⁶ Даньшин 1991, 98–102; 1993, 59–72.

⁷ Яйленко 1986, 222–226; 2002, 229–241; 2003, 351–374.

⁸ Книпович, Болтунова 1965, 25 сл., табл. III. 2. В КБН посвятельная надпись № 1316 по месту находки помещена в разделе «Ростов-на-Дону», но в комментариях указана ее вероятная принадлежность лапидарию Танаиса. По данным палеографии, она относится не позднее, чем к первой половине 1 в. н.э. А.И. Болтунова датировала надпись КБН 1316 началом – первыми десятилетиями 1 в. н.э. на основании аналогии со шрифтом манумиссии 16 г. из Фанагории (КБН 985).

⁹ О датировке надписи КБН 979 см. Яйленко 1987, 77–82, № 133 (КБН 979). По мнению исследователя, комплекс из семи надписей с упоминанием имени царицы Динамии укладывается в кратковременный единоличный период её правления между 12 г. до н.э. и 8 г. до н.э. С.Ю. Сапрыкин датирует комплекс надписей, связанных с правлением Динамии, 20–14 гг. до н.э. (Сапрыкин 2002, 106). На мой взгляд, версия Сапрыкина имеет один существенный недостаток. Надпись КБН 979 поставлена демосом агриппийцев. Общепринято мнение, что Фанагория в конце 1 в. до н.э. была переименована в Агриппию. Однако мы не располагаем данными о прижизненном переименовании городов в честь Агриппы, полководца и зятя Августа. Напротив, в источниках имеется указание на мемориальный характер переименования Анфедона в Агриппию в 12/11 г. до н.э. уже после смерти Агриппы (Яйленко 2010, 281–283). Учитывая этот факт, декрет агриппийцев КБН 979 не может датироваться ранее 12/11 г. до н.э.

За последнее десятилетие лапидарий Фанагории пополнился новыми надписями.¹ Несмотря на это, количество надписей, найденных на городище или в его ближайшей округе, остается не таким уж значительным, учитывая более чем тысячелетнюю историю этого крупного боспорского города. В «Корпусе боспорских надписей» учтено всего 39 надписей (КБН 971–1011).² После 1965 г. фанагорийские надписи публиковались Т.В. Блаватской³, Н.С. Беловой⁴, Ю.Г. Виноградовым⁵, Д.И. Даньшиным⁶, В.П. Яйленко.⁷ В итоге, в распоряжении исследователей оказывается не более 70 надписей различного содержания и разной степени сохранности, распределенных неравномерно по хронологической шкале. Поэтому введение в научной оборот новых надписей, хотя бы не всегда удовлетворительной сохранности, представляется делом важным. В предлагаемой публикации представлено 15 надписей, как найденных с 1979 по 2008 гг. в ходе исследований на раскопах «Верхний город» и «Южный город», а также в затопленной части памятника, так и тех, что были случайно обнаружены на городище.

1. Фрагмент левой части мраморного архитрава (рис. 1). Деталь обработана с верхней и нижней сторон, сохранилось также профилированное обрамление вверху с левой боковой стороны (рис. 1а). Высота – 17 см, длина боковой стороны – по нижней линии 12 см и по верхней профилированной стороне – 20 см, длина фронтальной стороны – 11 см. Найден в 2003 г. (раскоп «Верхний город», в мусорной яме (№ 166) позднеримского времени). На фронтальной стороне архитрава сохранились зачины двух строк надписи. Высота букв – 1,8 см, межстрочный интервал – 1,8–2 см. Ширина одной буквы равна 1–1,2 см, расстояние между буквами – 0,4–0,5 см. Буквы равновеликие, крупные, украшены апексами. *Омикрон* одинакового размера с остальными буквами. Монументальный шрифт надписи характерен для палеографии надписей конца 1 в. до н.э. – начала 1 в. н.э. (CIRB-Album 979, 985, 1316).⁸ Ближайшая аналогия обнаруживается с формами букв надписи на базе статуи царицы Динамии, поставленной демосом агриппийцев между 12/11–8 г. до н.э. (CIRB-Album 979).⁹ В новой надписи и в декрете агриппийцев КБН 979 совпадают не только формы некоторых букв (*сигма*, *омикрон*, *эпсилон*, *бета*, *альфа*), но и такие характерные их детали, как центральная перекладина *альфы*, состоящая из низкого перекрестия двух коротких гас в центре, короткая центральная линия *эпсилон* с «уголками» на краях, перекрестие

Рис.1 и 1а.
Фрагмент архитрава с надписью № 1

центральных линий сигмы. Подобные совпадения в мелочах позволяют предполагать, что обе надписи вырезал один и тот же мастер. Шрифт надписей эпохи Аспурга, датированных не ранее 15/16 г., из Пантикапея и Горгиипии несколько отличается от рассматриваемых (CIRB-Album 39 (23 г.), 40 (не ранее 23 г.)¹⁰; «рескрипты» царя Аспурга (16 г.¹¹). Показательным в данном случае представляется шрифт посвяжительной надписи царя Аспурга на базе статуи Афродиты Урании Апатуры, датированной не ранее 16 г. н.э.¹² В то же время, прослеживаются совпадения с палеографией фанагорийской манумиссии КБН 985, 313 г. б.э. (= 16 г. н.э.). Следовательно, новая фанагорийская надпись была изготовлена, учитывая сходство в начертаниях букв с надписью КБН 979 и манумиссией КБН 985, в период между 12/11 г. до н.э. – 15/16 г. н.э.

Надпись:

1. ΒΑΣΙΛΕΥ-
2. ΟΥΟΙΠΕΡ-

¹⁰ Блаватская 1965, 207; Сапрыкин 2002, 160.

¹¹ Блаватская 1965, 197–202, рис. 1.

¹² Кузнецов 2006, 160–161, рис. 4. Новая надпись царя Аспурга, поступившая недавно в Анапский историко-археологический музей, датируемая 306 г. б.э. = 9 г. н.э., позволяет внести уточнения

в датировку надписей Аспурга (в том числе фанагорийской), не имеющих в тексте календарных дат. Осмотр этой надписи в мае 2015 г. показал, что, несмотря на общие тенденции в палеографии конца 1 в. до н.э. – первой трети 1 в. н.э., имеются основания для выделения различных манер исполнения надписей

этого времени мастерами-камнерезами в Пантикапее, Фанагории и Горгиипии. Так, фанагорийские надписи отличаются более резкие и четкие формы букв, длинные перекрестия центральных гас у *сигмы*, *альфы*, *мю*, глубокие утолщения краев вертикальных линий у большинства букв.

Рассматриваемая надпись вырезана на архитраве какого-то сооружения, соответственно, она может относиться к категории строительных или посвяtitельных надписей.¹³ В начале 1 стк. читается лексема βασιλευ-, в которой первая буква, *бета*, частично уничтожена сколом, фрагментарно сохранились 4 и 5 буквы, *йота* и *лямбда*. Возможны два варианта реконструкции: либо причастие βασιλεύ[οντος], либо существительное βασιλεύς. Решить однозначно, кто из боспорских правителей упоминался в надписи не представляется возможным. Учитывая предлагаемую датировку, в равной степени можно восстановить имя как царицы Динамии, так и царя Аспурга.¹⁴ Длина строк надписи не известна, но сохранившиеся параметры (высота – 17 см, длина от угла блока до сохранившегося обработанного профилированного края – 20 см) позволяют предполагать длину всего архитрава не менее 3 м. Следовательно, на камне было достаточно места для реконструкции, например, эпонимной формулы: Βασιλεύ[οντος] βασιλίσσης Δυνάμεως, φίλωμαίου, κτλ.] или Βασιλεύ[οντος] βασιλέως Ἀσπούργου, φίλωμαίου, κτλ.]. Реконструкция эпитета φίλωμαίος в предлагаемых вариантах обоснована тем, что он стал постоянным элементом в титулатуре боспорских царей, начиная с правления Асандра (КБН 30). Эпитет φίλωμαίος не раз встречен в титулатуре Динамии и Аспурга (КБН 38, 978, 1046, 979, 39, 40), а эпитет φίλόκαισαρ появляется только в надписях Аспурга не ранее 23 г. (КБН 39, 40). Поэтому в реконструкции, учитывая датировку новой надписи не позднее 16 г., предлагаем восстановление после имени боспорского владыки эпитета φίλωμαίος. После него указывалось, как правило, имя отца правящего монарха, которое было призвано подчеркнуть царское происхождение и легитимность его власти. В надписях царица Динамия сообщала, что «τῆς ἐκ βασιλέως μεγάλου Φαρνάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως Μιθραδάτου Εὐπάτορος Διονύσου»¹⁵ (КБН 31, 979). Царь Аспург указывал, что «τοῦ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου» (КБН 40; новая надпись Аспурга

¹³ Надписи этих категорий имеют схожую структуру во всех уголках античного мира, начиная с эллинистической эпохи, и варьируются в зависимости от того, кто поставил надпись – правящий монарх, римский император, государственный чиновник, городской магистрат или частное лицо (McLean 2002, 196–197, 246–257). Строительная надпись могла начинаться с имени и титулатуры правителя, упоминаются также имена чиновников или городских магистратов, отвечающих за строительство какого-либо общественного или сакрального сооружения, указывается название объекта строительства. Нередко надпись мог-

ла завершаться датой по местному календарю. Посвяtitельная надпись от имени правителя на архитраве здания нередко содержит имя божества, которому оно посвящается (SEG 36.1094; 40.945). Если надпись на архитраве здания носила посвяtitельный характер, то она расширялась за счет упоминания имени божества, которому оно было посвящено, или же просто открывалась именем царя, императора в дативе (КБН 39).

¹⁴ Предполагать реконструкцию имен Полемона или других ставленников Августа на боспорский престол не имеет смысла не только из-за хронологических трудностей. Данные эпиграфики,

как в количественном отношении, так и по содержанию, отражают позитивное отношение боспорцев к легитимным правителям царства из династии Митридатидов (Динамия: КБН 31, 38, 978, 979, 1046; IOSPE I.2, 354; Аспург: КБН 39, 40, 985, Кузнецов 2006, надпись № 1).

¹⁵ Восстановление указания на происхождение Динамии от Фарнака и Митридата Евпатора в эпонимной датировке новой надписи не является обязательным элементом, поскольку подобные элементы приобретают особый смысл, если вырезаны в надписи на базе статуи правителя (например, КБН 979).

из Горгии¹⁶) или «βασιλέως Ἀσανδρόχου υἱός» (посвящение Аспурга из Фанагории¹⁷).

В начале 2-й строки сохранилось окончание какого-то слова в gen. masc. sing. -ου и выражение οἱ περὶ. Поскольку надпись вырезана на архитраве, можно предположить, что флексия -ου относится к окончанию отчества одного из лиц, участвовавших в строительстве. О том, что их было двое или больше указывает выражение οἱ περὶ ..., вырезанное на камне после генетивного окончания в начале 2-й стк. Эти люди могли выступать спонсорами строительства, и в этом случае надпись должна быть поставлена от их имени: «[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖνα - ? -]ου οἱ περὶ...». С другой стороны, восстановление титула и имени царя Аспурга в 1 стк. позволяет предполагать, что они могли быть эпимелетами при строительстве, которое совершалось ими от имени правителя. В этом случае перед именами донаторов должно располагаться сказуемое, как правило, это формы гл. ἐπιμέλομαι: [ἐπεμελήθην τοῦ δεῖνος κτλ.].¹⁸

Вариантов для интерпретации выражение οἱ περὶ с опорой на боспорские надписи немного. Выходить за пределы Боспорского государства в поисках аналогий для реконструкции этого выражения в социально-политической лексике других античных монархий представляется путем малопродуктивным и рискованным. Можно подобрать ряд возможных реконструкций этой фразы, начиная с эпохи Александра Македонского, но они не найдут опоры в местных, боспорских источниках.¹⁹ Итак, это выражение встречается в посвятельных надписях фиасов: (θιασῶται) οἱ περὶ ἱερεάν κτλ. (КБН 77+КБН 1136, вторая половина 2 – начало 3 в. н.э.; посвящение фиаса навклеров КБН 1134, стк. 10, правление Савромата II).²⁰ О храмах, зданиях для встреч членов частных ассоциаций, находившихся иногда в их собственности, сообщают надписи из разных античных городов.²¹ Против восстановления «θιασῶται οἱ περὶ ἱερεάν κτλ.» выступает флексия -ου в начале 2-й стк. Кроме того, до настоящего времени структура частных сообществ в боспорских городах 2 в. до н.э. – первой половины 1 в. н.э. остается малоисследованной из-за недостатка сведений. Известно пока две надписи, посвящение фиасотов КБН 75 и надгробие фиаса сверстников КБН 137, которые позволяют предполагать простую структуру боспорских частных ассоциаций, отличающуюся от сложной и разветвленной их иерархии во второй половине 1–3 вв. н.э.²², которую предполагают надписи КБН 77+КБН 1136, КБН 1134. Если рассматривать список должностей в боспорском государственном аппарате, то с предлогом περὶ известна пока одна – это ὁ περὶ αὐλῆ γαζοφύλαξ (хранитель дворцовой казны, Пантикапей: КБН 45, 49). Можно предположить реконструкцию οἱ περὶ [αὐλῆ γαζοφύλαξ ...]. Подобная версия не противоречит нижней датировке надписи концом 1 в. до н.э. По мнению Г. Фриска, лексема γαζοφύλαξ восходит к персидскому слову γάζα – казна.²³ Оно вошло в боспорский лексикон еще во времена Митридата Евпатора, который построил 75 γαζοφυλάκια, укрепленных казнохранилищ (Strabo. XII, 3, 28). Известны имена двух хранителей дворцовой казны.

¹⁶ Надпись готовится к публикации автором статьи совместно с В.А. Константиновым и А.М. Новичихиным.

¹⁷ Такой вариант обнаруживаем в фанаторийском посвящении Аспурга Афродите Урании Апатуре (Кузнецов 2006, 156–161, надпись 1, 1–2 стк.). В «рескриптах» Аспурга отсутствует указание на происхождение от царя Асандроха (Блаватская 1965, 197–209).

¹⁸ Например, от имени царя Ремиталка эпимелетом выступил Александр, сын Мирина (КБН 976, 151 г.: δι' ἐπιμελείας Ἀλεξάνδρου Μυρείνου).

¹⁹ См., например, о случаях употребления οἱ περὶ τινα у Страбона: Gorman 2001, 201–213.

²⁰ Завойкина 2013, 88–89 (с литературой).

²¹ Прекрасная подборка надписей из разных регионов содержится в: Ascough, Harland, Kloppenborg 2012, 221–240.

²² Завойкина 2013, 98–99.

²³ Frisk 1955, s.v. А.И. Болтунова отмечала, что термины γάζα или γαζοφυλάκιον использовались для обозначения царских златохранилищ, также Селевкидами (Boltunova 1967, 149).

²⁴ Ревизия надписи КБН 45: Яйленко 1987, 46–49, № 29 (КБН 45).

²⁵ По всей видимости, надпись КБН 49 представляет часть почетной надписи о постановке статуи благодетеля частного сообщества (имя его не сохранилось). В КБН эта надпись не рассматривается как относящаяся к деятельности частных сообществ Пантикапея. В пользу «фиасного» происхождения свидетельствует содержание сткк. 5–7 надписи. Стк. 5 начиналась, скорее всего, с фразы: [ἡ σύνοδος (?) περὶ τὸν πατέρα συνόδου ὁ δεῖνα - -]οντος ἐπὶ τῆς αὐλῆς (ср. надгробие КБН 78). Следовательно, лицо в должности управляющего дворцом являлось покровителем сообщества, возможно, в звании отца синода. Это подтверждает правило расположения в надписях фиасных званий перед личным именем, а названия должностей в госаппарате после него (Завойкина 2013, 258). Следовательно, Юлий Неокл (?) был действующим жрецом сообщества, а затем уже указывалось его место в социально-политической иерархии – он был важным чиновником, бывшим хранителем дворцовой казны. В 6-й стк. буквы φιλα- относятся к званию φιλάγαθος в аккумулятиве φιλάγαθον ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]. В некоторых частных сообществах звание синагога, которое обычно следовало в фиасной иерархии за званием жреца, могло отсутствовать. Функции синагога в сообществе выполнял филагат (ср. КБН 88). Краткое изложение не объясняет всех особенностей документа КБН 49, автор намеривается посвятить отдельную работу этому интересному памятнику.

²⁶ К сожалению, вторая половина надписи утрачена и остается неизвестным слово, которым обозначалось положение этих лиц в государстве. В.В. Латышев обосновал тождественность Парфенокла и Антимаха надписи КБН 32 с Ульпием Парфенотом надписи КБН 628, и Ульпием Антимахом надписи КБН 697 (КБН 36). Ульпий Парфенот занимал должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, а Ульпий Антимах – ὁ ἐπὶ τῆς νήσου.

²⁷ Курсивом выделены слова и фразы, не подлежащие однозначной реконструкции.

Тиберий Юлий Фавмаст исполнял обязанности хранителя дворцовой казны в правление Савромата I (КБН 45). Он финансировал строительство какого-то сооружения и изготовление картины с изображением доблестных подвигов Савромата в Пантикапее.²⁴ В пантикапейской надписи КБН 49, сохранившейся фрагментарно, упоминается Юлий Неокл (?), жрец частного сообщества и бывший управляющий дворцовой казной.²⁵ Обе эти надписи свидетельствуют об эвергетизме хранителей дворцовой казны, входившей в число боспорской элиты. То, что представители боспорской аристократии могли действовать сообща, подкрепляется примером из пантикапейского лапидария. Парфенот, Прим (?) и Антимах, видные боспорские чиновники эпохи Савромата I, чье место в царской администрации обозначено в надписи как οἱ ἐπὶ - -²⁶, оплатили вотивный дар богам-никефорам в честь царской победы над скифами (КБН 32). Другой пример предоставляет посвятельная надпись 193 г. (КБН 1237, 11–12): в ней два бывших царских чиновника, занимавших одинаковые должности, обозначены как οἱ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας. Однако противоречит восстановлению во 2-й стк. выражения οἱ περὶ [τὴν αὐλὴν γαζοφύλαξ] отсутствие сведений о количестве управляющих царской казной, действующих одновременно. Поэтому восстановление οἱ περὶ [τὴν αὐλὴν γαζοφύλαξ] предлагается с известной осторожностью. Из-за отсутствия надежных аналогий следует, скорее, оставить лакуну не заполненной. Заканчивалась надпись, по всей видимости, календарной датой по боспоро-вифинской эре: ἐν τῷ ... ἐτῷ καὶ ἐν τῷ μηνί Хотя не исключен вариант, что календарной дате могло предшествовать имя божества, которому здание было посвящено, (и/или название сооружения).

Исходя из сказанного, можно предложить три варианта реконструкции надписи²⁷:

1-й вариант:

1. Βασιλεύ[οντος βασιλίσσης Δυνάμεως, φιλωρωμαίου, τῆς ἐκ βασιλέως μεγάλου Φαρνάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως Μιθραδάτου Εὐπάτορος Διονύσου, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, καὶ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖνα - ? -] | 2. -ου οἱ περὶ [τὴν αὐλὴν γαζοφύλαξ (?) ἐν τῷ ... ἐτῷ καὶ τῷ μηνί ...].

2-й вариант:

1. Βασιλεύ[οντος βασιλέως Ἀσπούργος, φιλωρωμαίου, τοῦ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος καὶ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖνα - ? -] | 2. -ου οἱ περὶ [τὴν αὐλὴν γαζοφύλαξ (?) ἐν τῷ ... ἐτῷ καὶ τῷ μηνί ...].

3-й вариант:

1. Βασιλεύ[ς Ἀσπούργος, φιλωρωμαίου, τοῦ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, ἐπεμελήθη τὸν δεῖνος τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος τοῦ - ? -] | 2. -ου οἱ περὶ [τὴν αὐλὴν γαζοφύλαξ (?) ἐν τῷ ... ἐτῷ καὶ τῷ μηνί ...]

2. Фрагмент мраморной плиты четырехугольной формы, видимо, вторичного использования (рис. 2). Найден в 1991 г. (раскоп «Южный город», кв. XIVА, шт. 3, об. 64А). Фрагмент обломан со всех сторон, кроме тыльной, на которой сохранились следы обработки поверхности

Рис. 2.
Надпись № 2

в виде подтеса. Высота 7–9,5 см, длина макс. 15 см, толщина 5,5 см. На лицевой поверхности сохранились фрагменты двух строк. Длина эпиграфического поля 4–7,5 см, высота 3–4 см. Высота букв 1,8–2 см, межстрочный интервал 1,4 см. Надпись сильно затерта. Шрифт: буквы аккуратные, одинакового размера, в том числе и *омикрон*. Концы буквенных линий утолщены, *альфа* украшена апексом. Перекладина *альфы* вырезана в виде двух перекрещенных под острым углом линий; *омега* – в форме полукруга, стоящего на двух коротких вертикальных линиях, края которых отогнуты в противоположные стороны. Формы *эпсилона*, *альфы*, *омеги* соответствует шрифту официальных надписей второй половины 1 – первой половины 2 в. н.э.²⁸

Надпись:

1.- ? - εβo - ? -

2. -? - ατω - ?-

В 1-й стк. перед *эпсилоном* виден нижний край вертикальной линии, после *омикрона* сохранился также нижний край вертикали. Во 2-й стк. после *тау* видна левая часть *омеги*. Фрагмент слишком мал, поэтому и вариантов восстановления слов по сохранившимся буквам несколько. Например, в 1-й стк. можно восстанавливать эпитет царской титулатуры «[εὖς]εβo[ῦς]», которыми, как правило, завершались эпонимные формулы почетных и посвячительных надписей 1–3 вв. н.э. в боспорских городах (КБН 69, 1021, 1115, 1124 и др.). Фонема *-ατω* может быть началом имени в nom. sing. Ἀτώ[της] или gen. sing. Ἀτώ[του] (КБН 401). Не исключено, что это остатки какого-то слова в gen.pl. *-ατω[v]*.

3. Фрагмент верхней части мраморной плиты (рис. 3). Найден в Фанагории в 2008 г. (раскоп «Верхний город», кв. 53, шт.1). Верхняя сторона

²⁸ Книпович, Болтунова 1965, 21–24 сл., табл. III. 4, III. 5, IV. 1.

Рис. 3.
Надпись № 3

мрамора обработана, боковые и нижняя стороны сколоты. Длина 11 см, ширина max 6, 9 см, толщина 4 см. На лицевой поверхности сохранились остатки 5 строк надписи. Высота букв 1,9 см.

Надпись:

1. [Ἀ]γα[θῆι τύχηι]
2. [Βασιλεύοντο]ς βασι[ιλέως Τιβερίου]
3. [Ἰουλίου] Ροιμ[ητάλκου φιλοκαίσαρος]
4. [καὶ φιλορωμα]ίου, [εὐσεβοῦς]
5. -----οπ (?) -----

В 1-й стк. слог $\gamma\alpha$ относится к формуле приветствия [Ἀ]γα[θῆι τύχηι]. В 1–3 вв. н.э. на Боспоре выражение «Ἀγαθῆι τύχηι» чаще отмечено в почетных надписях.²⁹ Сохранившиеся части слов во 2–4 стк. надписи относятся к эпонимной формуле, содержащей имя правящего царя и список основных его титулов: [Βασιλεύοντο]ς βασι[ιλέως Τιβερίου] | [Ἰουλίου]. В 3-й стк. буквы ροιμ- (правая часть *μιο* уничтожена сколом) позволяют достаточно уверенно реконструировать имя царя Ремиталка: Ροιμ[ητάλκου], выступающего основным датирующим элементом эпонимной формулы. Таким образом, надпись была поставлена в правление царя Ремиталка в период между 131/2–153/4 гг. н.э. Предлагаемая реконструкция представлена в надписях КБН 966, 1052, 1261. Отметим, что чтение сткк. 2–3 дает основания

²⁹ КБН 44 (117 г.), 47 (133 г.), 48 (годы правления Адриана), 53 (216 г.), 54 (221 г.), 55 (223 г.), 58 (249 г.) и др.

предполагать длину строк надписи в 28–30 букв. В 5-й стк. после *омикрона* сохранился верхний правый угол вертикальной буквы, который может принадлежать разным буквам: *пи*, *эпсилон*, *ро*, *бета*, *гамма*. Тип надписи однозначно определить не представляется возможным, поскольку предлагаемая эпонимная формула встречается в почетных (КБН 30, 36) и строительных (КБН 1052) надписях, манумиссиях (КБН 69, 70, 74, 1124, 1125, 1126), надписях фиасов (КБН 1054, 1134, 1230, 1283, 1288).

4. Верхняя левая часть мраморной плиты (рис. 4). Случайная находка в затопленной части городища Фанагории. Правая боковая и нижняя стороны плиты уничтожены сколами. С верхней и правой боковой сторон камня сохранились следы обработанной поверхности. Задняя часть плиты украшена рельефным выступом. Высота камня 12 см, ширина 9–9,5 см, толщина 9–11 см (этот параметр появился за счет рельефного выступа). На фронтальной части камня сохранились фрагменты 5 строк надписи. Высота букв 1,6 см, межстрочный интервал 0,9 см.

Рис. 4.
Надпись № 4

Рис. 5.
Надпись № 5

Шрифт. Надпись вырезана ровными, аккуратными и равновеликими буквами. *Омикрон* одного размера с другими буквами. *Альфа* вырезана с перекрещенными перекладинами в центре. Концы линий у *сигмы*, *эпсилона*, *альфы* украшены утолщениями. Формы букв находят аналогии в шрифте боспорских надписей первой половины 2 в. н.э.³⁰

Надпись:

1. [Βα]σιλε[ύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου]
2. [Κό]ττος [φιλοκαίσαρος καὶ φιλορομαίου, εὐσεβοῦς]
3. [- -]αν(?)ι - 25 -
4. [- -]σετ - 25 -
4. [- -]ν - δικ - 22 -
5. - - - ι - ι - 22 -

В 1-й стк. вычитываются *сигма*, *йота*, *лямбда*, *эпсилон*. Их верхние части уничтожены сколом. Во 2-й стк. после скола видна часть *тау*: вертикальная линия и отходящая от нее вверху вправо короткая горизонталь.³¹ Далее следуют *ипсилон*, *омикрон* и *сигма*. Сохранившиеся в сткк. 1–2 буквы позволяют восстановить эпонимную формулу с именем царя Котиса II. Надписей времени правления этого монарха дошло немного (КБН 33, 34, 834, 1054). Элементы титулатуры, предлагаемые для реконструкции, встречаются разрозненно в нескольких надписях. Полностью титулатура Котиса II представлена в надписи

³⁰ Книпович, Болтунова 1965, 24 сл., табл. IV. 1.

³¹ Овальный контур вокруг *тау* можно принять за круг и, таким образом, вычитывать *фи*, но этот контур – результат воздействия морской воды, по нему не прослеживается след от резца.

фиасов из Гермонассы (КБН 1054), но здесь она расширена за счет указания на происхождение Котиса от царя Савромата I: ...υιοῦ βασιλέως Σαυρομάτου... (сткк. 2–3). Стандартный вариант царской титулатуры Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου τοῦ δεῖνος, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωμαίου, εὐσεβοῦς отмечен в разных типах надписей 1 – первой половины 3 вв. н.э. (почетные надписи: КБН 30, 36; строительные надписи: КБН 1052; манумиссии: КБН 69, 70, 74, 1124, 1125, 1126; надписи фиасов: КБН 1054, 1134, 1230, 1283, 1288). Исходя из предлагаемой реконструкции, понятно, что скол уничтожил две-три буквы (с учетом *йоты*) от левого края надписи, а длина строк предполагает не более 38 букв. В 3-й стк. сохранились *альфа*, правая часть и левая вертикаль *ню* или *ню*, *йоты*. После *йоты* сохранилась нижняя часть левой косой черты, которая может относиться к *альфе* или *лямбде*. В 4-й стк. вычитывается *ню*, *дельта*, *йота* и *каппа*. В центре 5-й стк. видны верхние части трех букв – *йоты*, петелька *ро* или *беты*, *йоты*. Эпонимная формула с именем царя Котиса II указывает, что рассматриваемый фрагмент может относиться к начальной части разных типов надписей: почетной, посвятительной, строительной, манумиссии.

5. Фрагмент мраморной плиты с остатками надписи (рис. 5). Найден в Фанагории 2004 г. (раскоп «Верхний город», кв. 35, шт. 22 (перекоп римского времени). Длина 6–8 см, ширина тах. 8 см, толщина боковой грани 6 см, толщина верхней грани 5 см. На лицевой стороне вырезана надпись, сохранились остатки 4 строк. Высота букв 1,5 см (*омикрон* 0,6 см); межстрочный интервал 0,5–0,6 см.

Шрифт. Надпись выполнена аккуратными, ровными буквами. *Альфа* вырезана с прямой перекладной; *ро* – на высокой ножке с маленькой петелькой; *омикрон* «висит» в центре строки и в три раза меньше остальных букв; *омега* вырезана в форме незаконченного внизу круга, стороны которого «лежат» на двух коротких горизонталях. Подобное начертание характерно для надписей последней трети 1 – первой четверти 2 в. н.э.³²

Надпись:

1. - ?- -νδρω-? -
2. - ?-ρατος Ρ- ? -
3. - ?-ης Μα ? -
4. - ?-ρμο-? -

Тип надписи не ясен. Впрочем, невозможно восстановить и длину строки. Сохранившаяся часть представляет, возможно, фрагмент списка имен. В 1-й стк. вычитываются буквы -νδρω-. Перед *ню* виден нижний край правой наклонной галсы, которая принадлежит, скорее всего, *альфе*. Эти буквы являются, видимо, частью личного имени, например, [Α]νδρων или слова в gen. pl. -ανδρων[v]. Во 2-й стк. восстанавливается предположительно имя с композитом [-στ]ρατος; например, [Μενέστ]ρατος.³³ Буква *ро* после концевой *сигмы* принадлежит отчеству [Μενέστ]ρατα. В 3-й стк. вычитывается окончание предположительно личного имени -ης в номинативе. Далее в строке располагалось отчество

³² Книпович, Болтунова 1962, 22–23.

³³ Список имена с лексемой -στρατος; Pape-Benseler, XXV.

на Μα- того, чье имя оканчивалось на $-\eta\varsigma$: Μά[ρκου] , Μα[κάριου] .³⁴ В 4-й стк. сохранились верхние части $\rho\omicron$, $\mu\omicron$ и \omicron микрона, являющиеся, видимо, частью имени следующего персонажа, например, на композит $[\text{Ε}]ρ\mu\omicron$: $[\text{Ε}]ρ\mu\omicron[\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma]$, $[\text{Ε}]ρ\mu\omicron[\delta\omega\rho\omicron\varsigma]$, $[\text{Ε}]ρ\mu\omicron[\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma]$ и т.п. Не исключено, что одно из этих имен являлось отчеством неизвестного. Впрочем, размер надписи слишком мал, чтобы настаивать на одном из вариантов.

6. Левый край мраморной плиты (рис. 6). Найден в 1998 г. (раскоп «Верхний город», кв. 23, шт. 9). Фрагмент обломан сверху, снизу и правой стороны. Левый край плиты и ее тыльная сторона сохранились в первоначальном виде. Ее высота 12,8 см, ширина *тах.* 5,5 см, толщина 1,2 см. На лицевой стороне плиты вырезана по тонко прочерченным линейкам надпись, сохранились начальные буквы пяти строк. Высота букв 1,2–1,3 см, межстрочный интервал 0,6 см. Буквы аккуратные, глубоко врезаны в камень, одинакового размера. Из характерных особенностей отметим *сигму* прямоугольной формы; *омега* вырезана в форме незаконченного внизу круга, стороны которого лежат на двух коротких горизонталях; *мю* – с перекрещенными в центре косыми линиями. Палеография надписи характерна для последней четверти 2 – первой трети 3 в. н.э.³⁵

³⁴ Список имен на Μα- в боспорском регионе см.: КБН, с. 881–882; LGPN IV, s.v.

³⁵ Книпович, Болтунова 1962, 25, 27–28.

Рис. 6.
Надпись № 6

Надпись:

1. Ε - -
2. ΣΥ-
3. ΠΕ-
4. Ω-
5. Μ-

В 1-й стк. после *эпсилон* сохранился нижний прямой угол от второй буквы, который может принадлежать «прямоугольной» *сигме*, или *бете*. Во 2-й стк. после *ипсилона* сохранилась вертикальная линия, которую можно отождествить с графическим изображением *ню*, *ро*, *мю* или *каппы*. В 4-й стк. от второй буквы виден верхний левый угол.

7. Фрагмент правой части известняковой плиты (рис. 7). Найдена в 2008 г. в затопленной части городища, около северо-восточного угла ряжа № 2. Плита повреждена сколами со всех сторон. С правой стороны частично сохранилась обработанная поверхность, указывающая, что здесь был край плиты. Высота фрагмента 7–9 см, ширина 13 см, толщина 8 см. На лицевой стороне сохранился правая часть 4-х строк надписи. Высота букв 1,8–1,9 см, межстрочный интервал ок. 0,5 см.

Шрифт. Надпись сильно замыта водой, но видны буквы: *альфа* с перекрещенными косыми перекладинами в центре, *омикрон* одинакового размера с остальными буквами и почти круглой формы, *омега* в виде несомкнутого круга с двумя короткими боковыми горизонталями на уровне нижней линии строки, *каппа* с концами косых линий, достигающими до верхнего и нижнего краев строки. Буквы украшены утолщениями на концах линий, которые не усложняют их форму. Палеографические особенности шрифта соответствуют последним десятилетиям 1 – первой трети 2 в. н.э.³⁶

³⁶ Книпович, Болтунова 1962, 22–23.

Рис. 7.
Надпись № 7

Надпись:

1. -?- [τῶν λοιπῶν θιασ]ειτῶν
2. -----?------]ου Ἀτίου
3. -----?------]ου καὶ Με-
4. -?- [Ζαζ?]ζου Ἦρ[ακλείδου?].

Длина строк не восстанавливается. В 1-й стк. от первых двух букв сохранились нижние части вертикальных линий, нижняя часть *эпсилона* и *йоты*, далее следует *-των*. После *ню* свободное поле. Таким образом, вычитывается *-ειτων*. Эти буквы могут принадлежать выражению [τῶν λοιπῶν θιασ]ειτῶν. Местная форма *θιασεῖται*, вместо общегреческой *θιασῶται*, встречена в большинстве надписей первых веков частных сообществ из боспорских городов (КБН 79, 1054, КБН 77+КБН 1136, КБН 1134, 1136, 1260a). В Фанагории слово *θιασεῖται* вырезано в погребальных надписях фиасотов КБН 987, 988. Если принять предлагаемое восстановление, становится очевидным, что, следуя формуляру посвячительных надписей частных сообществ Боспора 1–3 вв. н.э.³⁷, во 2–4-й сткк. перечислены имена рядовых фиасотов в gen. sing. masc. Во 2-й стк. вычитываем *-ου Ἀτίου*, окончание личного имени и отчество фиасота. Патронимик *Ἀτίου* восходит к имени *Ἀτίας*, отмеченному во второй половине 2 – начале 3 в. н.э. в Горгииппии (КБН 1179), но в горгииппийской надписи засвидетельствована генетивная форма *Ἀτία: Ἀθηνόδωρος Φαρνακίωνος Ἀτία* (КБН 1179, 31). В 3-й стк. сохранилось окончание отчества фиасота, союз *καὶ*, и начало личного имени другого фиасота на *Με-*. Среди пользовавшихся популярностью имен на *Με-* в первые века в боспорском ономастиконе выделим *Με[νέστρατος]*, *Μέ[νιππος]*, *Μέ[νων]*.³⁸ Любое из этих имен могло стоять в надписи. В 4-й стк. окончание *-ζου* принадлежит имени на *-ζος* или *-ζους*, например, [Ζαζ]ζοῦ. Имя *Ζαζζοῦς (=Ζαζοῦς)* неоднократно встречено в надписях Горгииппии 2 – первой половины 3 в. н.э. (КБН 1134, 1135, 1140, 1147, 1179). Известно оно и в фанагорийском ономастиконе: *Ζαζοῦς Ἀρτεμιδώρου (?)* вместе с женой в 79 г. выступил манумиссором (КБН 986). После [Ζαζ]ζοῦ видны фрагменты *эты* и *ро*, которые могут принадлежать отчеству *Зазуса (?)* или личному имени другого фиасота. Имена с композитом *Ἦρα-*, *Ἦρακλ-* видимо, пользовались любовью у жителей боспорских городов: *Ἦραῖος*, *Ἦρακλᾶς*, *Ἦρακλείδης*, *Ἦρακλέων*.³⁹ Поскольку имя *Ἦρακλείδης* пользовалось особой популярностью (встречено в надписях более 50 раз) используем его в качестве образца для реконструкции 4 стк.: [Ζαζ?]ζου Ἦρ[ακλείδου].

8. Фрагмент мраморной плиты (рис. 8). Случайная находка на городище. Высота 7 см, ширина max. 7,8 см, толщина 1,7 см. Фрагмент оббит со всех сторон. Тыльная сторона плиты хорошо обработана. На лицевой стороне сохранились остатки 4-х строк надписи хорошего качества. Высота букв 1,7 см, межстрочный интервал 0,6 см.

Шрифт. Буквы аккуратные, равновеликие. *Альфа* с перекрещенными косыми перекадинами в центре; правая образующая линия *альфы*

³⁷ Завойкина 2013, 252–267.

³⁸ Подробнее см. КБН, с. 883 сл.

³⁹ Подробнее см. КБН, с. 871 сл.

Рис. 8.
Надпись № 8

и дельты вверху выступает над левой стороной; омикрон одинакового размера с остальными буквами и почти круглой формы; омега в виде несомкнутого круга с двумя короткими боковыми горизонталями на уровне нижней линии строки; у каппы концы косых линий доходят до верхнего и нижнего краев строки. Палеографические особенности шрифта соответствуют последним десятилетиям 1– первой трети 2 в. н.э.⁴⁰

Надпись:

1. - ? - [Αρα?]μίων Κο[σσοῦ?]

2. - ? - [Αρ]δάρακο[ς?]

3. - - ? - αροϛ - - - - -

Рассматриваемый фрагмент надписи представляет собой центральную часть документа, содержащую личные имена и отчества. В 1-й стр. вычитывается часть личного имени фанагорийца, оканчивающегося на -μίων и, вероятно, его отчество, начинающегося на слог Κο-. Среди имен на -μίων на Боспоре известно Αραμίων (КБН 739). Личных имен на Κο- отмечается значительное число.⁴¹ В качестве примера используем имя Κοσσοῦς, поскольку в первые века оно пользовалось популярностью среди населения боспорских городов.⁴² Поскольку длину строки из-за сильной фрагментированности надписи вычислить невозможно, то во 2-й стк. восстанавливаем личное имя [Αρ]δάρακο[ς] или отчество [Αρ]δαράκο[υ]. В 3-й строке перед альфой виден верхний край вертикальной линии с характерным утолщением на ее конце. Эта вертикаль может принадлежать мю, ню или ипсилону. В этой же строке после омикрон сохранился верхний левый прямоугольный край, который может принадлежать пи, гамме, эпсилону или прямоугольной сигме.⁴³ Здесь возможны разные варианты восстановления. Склоняясь к восстановлению прямоугольной сигмы

⁴⁰ Книпович, Болтунова 1962, 22–23.

⁴¹ См., например, индекс имен: КБН, с. 878–879.

⁴² Упоминается в надписях более 30 раз: КБН, с. 879.

⁴³ Впервые засвидетельствована в надписи 79 г. из Фанагории (КБН 986), но получила широкое распространение в надписях с последней четверти 2 в. н.э. (Книпович, Болтунова 1962, 25).

после *омикрона*, можно предложить три варианта: *-варос*, *-царос*, *-εαρος*. Любая из этих лексем может быть частью личного имени в номинативе.

9. Фрагмент мраморной плиты с остатками надписи (рис. 9). Найден в 1998 г. (раскоп «Верхний город», кв. XXI, шт. 7). Фрагмент обломан с четырех сторон. Тыльная сторона мрамора обработана. Высота 9,8–10,7 см; ширина 4,3–5,8 см; толщина 2–2,1 см. На лицевой поверхности видны фрагменты 5 строк. Высота букв 1,5–1,7 см; межбуквенный интервал 0,7–0,9 см; межстрочный интервал 1,0 см. В публикуемой надписи представлен один из примеров монументально письма, который получает развитие в боспорских надписях, начиная с правления царицы Динамии и царя Аспурга, но окончательно утверждается в эпоху Савромата I.⁴⁴ Буквы ровные, прямые, равновеликие, без украшений. Шрифт надписи строгий, четкий. *Альфа* вырезана с прямой перекладиной, *омега* – в виде несомкнутого круга с двумя короткими боковыми горизонталями на уровне нижней линии строки; у *ипсилон*, *эты* центральные черточки касаются боковых линий. Палеография надписи характерна для второй половины 2 в. н.э.⁴⁵

⁴⁴ Характеристика шрифта и форм букв см. там же, 18–23.

⁴⁵ Характеристика шрифта и форм букв см. там же.

Рис. 9.
Надпись № 9

Надпись:

1. – ΛΕΙ -
2. – ΝΝΕ -
3. – ΗΛΙ -
4. – ΠΡΩ -
5. – ΗΡΑ –

Можно предположить, е.г., что в 1-й стк. было вырезано имя [Ἡρακ]-λει[δης] или отчество [Ἡρακ]λει[δου].⁴⁶ Во 2-й стк. сохранилось концевая *ню* предшествующего слова и первые две буквы *νε*- от следующего слова. Возможна реконструкция, например, [τὸ]ν νε[ανισκάρχη]ν (КБН 1263 и др.). В 3-й стк. буквы ηλι можно рассматривать как начало имени, например, Ἡλι[όδωρος], Ἡλι[ος] или отчества на Ἡλι-. С другой стороны, эти буквы могут быть и частью какого-то слова. Впрочем, фрагмент надписи столь незначителен, что любая возможная реконструкция не принесет ощутимых результатов и не позволит восстановить ее структуру и понять тип.

10. Левый край мраморной плиты с надписью (рис. 10). Случайная находка на городище в 1982 г. Высота max. 9,9 см, ширина max. 11,1 см, толщина 3 см. Обломана с трех сторон, кроме левого края, где сохранилось начало эпиграфического поля документа. На лицевой стороне плиты видны остатки трех строк надписи. Высота букв 2,2 см, межстрочный интервал 1,4 см. Буквы вырезаны с отступом от левого края плиты в 3 см (2-я стк.) и в 2,4 см (3-я стк.). Палеография надписи представлена равными по высоте аккуратными буквами. Присутствуют украшения в виде утолщений кончиков букв, апексы отсутствуют.

⁴⁶ Имя Гераклид пользовалось особой популярностью в боспорских городах в первые века н.э. См. КБН, с. 871, Ἡρακλείδης.

Рис. 10.
Надпись № 10

Центральные черточки *эты*, *эпсилона* (1-я буква в 3-й стк.) не доходят до боковых вертикалей букв. Косые черточки *каппы* достигают верхней и нижней линий строки; *ню* вырезана с ровными вертикальными линиями, центральная косая линия соединяет их противоположные верхушки. Отмеченные палеографические особенности свойственны монументальному шрифту официальных надписей первой половины 2 в. н.э.⁴⁷

Надпись:

1. ΔΑ(?)

2. ΧΗΝ

3. ΕΚΕ

В 1-й стк. после *дельты* виден нижний край левой наклонной черты, который принадлежит, скорее всего, *альфе*. В 3-й стк. после *каппы* сохранился верхний острый угол, который может принадлежать *альфе* или *лямбде*. Длина строк не восстанавливается, тип надписи не ясен. Возможно, во 2-й стк. сохранилась флексия выражения [ἐπὶ τὴν εὐχὴν] (надпись фиасов: КБН 76, 82 г.), или [κατὰ εὐχὴν] (по обету) (манумиссии: КБН 1123, 1125). Список вариантов реконструкции 2 стк. можно расширить: εὐχὴν ἀνέθηκεν, εὐχὴν ἀνέθηκεν θεῷ, ἐποίησεν εὐχὴν. Исходя из возможного восстановления 2 стк. можно предположить, что надпись № 10 представляет фрагмент ex-voto. Как один из вариантов – это посвящение фиасотов Зевсу Спасителю из Пантикапея в 82 г. (КБН 76), или манумиссии. В любом случае, надпись должна была начинаться с эпонимной формулы, содержащей имя правящего царя.

11. Обломок мраморной плиты с остатками надписи (рис. 11). Случайная находка на городище в 1982 г. Тыльная сторона плиты хорошо заглажена. Высота max 9 см, ширина max 5,7 см. На лицевой

⁴⁷ Книпович, Болтунова 1962, 22–23, табл. IV. 1.

Рис. 11.
Надпись № 11

стороне видны фрагменты двух строк. Высота букв 1,7 см, межстрочный интервал 1,1 см.

Шрифт. *Омега* в виде незаконченного круга с загнутыми внутрь кончиками линий и двумя горизонтальными основаниями, *альфа* с прямой перекладной и апексом, *омикрон* одинакового размера с остальными буквами. Отмеченные характеристики встречаются в надписях, выполненных парадно-официальным шрифтом конца 2 – начала 3 в. н.э.⁴⁸

Надпись:

1. - - [Γλύκ?]ων Ο[-?-ου] - -
2. - - [-?-]ου Γάστ[εις] - -

Строго говоря, три буквы 1-й строки предполагают несколько вариантов реконструкции. В 1-й стк. -ων может быть окончанием личного имени в номинативе, e.g., Ἀβαζίων, Γλύκων, Ἀθανίων и пр. В этом случае *омикрон* может быть началом отчества это персонажа. Другой вариант: флексия -ων может принадлежать артиклю gen. pl. τῶν, *омикрон* – первой буквой существительного в gen. pl. Третий вариант предполагает, что флексия -ων является окончанием, например, существительного или прилагательного в генитиве. Во 2-й стк. от конечной буквы сохранился в верхней линии строки левый край горизонтальной черты, который может принадлежать только *тау*. Слог -ου является, скорее всего, окончанием отчества предшествующего персонажа, а γαστ- следует рассматривать как часть личного имени Γάστ[εις]. Исходя из этой реконструкции логично принять первый вариант восстановления 1-й стк. как имя и отчество - [Γλύκ?]ων Ο[-?-ου]. В таком случае, получается часть списка имен, который встречается как составной элемент надписей фиасов, строительных надписей (списки имен 2–3 эпимелетов) и некоторых других типов документов.

12. Обломок мраморной плиты (рис. 12). Случайная находка на городище. Высота max. 4 см, длина max. 7 см, толщина 1,4–1,7 см. На лицевой стороне остатки 3-х строк надписи. Высота букв 1,7 см, ширина букв по нижней линии строки 1,4 см, межстрочный интервал неровный, варьируется от 1 см до 1,8 см.

Шрифт. Равные по высоте, аккуратные буквы. Присутствуют украшения в виде утолщений кончиков букв. *Альфа* украшена апексом. *Ню* вырезана с ровными вертикальными линиями, центральная косая линия соединяет их противоположные верхушки. Отмеченные палеографические особенности свойственны монументальному шрифту надписей последней трети 2 – первой трети 3 в. н.э.⁴⁹

Надпись:

1. -? - Π -? -
2. -? - ANIA -? -
3. -? - - I -? -

В 1-й стк. видны нижние кончики двух вертикальных линий. Расстояние между буквами по нижней линии строки 0,5 см, а расстояние

⁴⁸ Там же, 25 сл., табл. IV. 2.

⁴⁹ Там же.

Рис. 12.
Надпись № 12

Рис. 13.
Надпись № 13

между этими двумя остатками вертикалей 1,4 см, что соответствует размерам букв. Следовательно, они принадлежат одной букве и графически могут соответствовать *пи*.

13. Обломок мраморной плиты (рис. 13). Найдена на городище в 1999 г. (раскоп «Верхний город», кв. 30, шт. 11). Высота *тах* 6 см, длина *тах* 3,5 см, толщина 1,8 см. Межстрочный интервал 1,4 см, высота букв 1,6 см. Тыльная сторона хорошо обработана. На лицевой стороне сохранились остатки 2-х строк надписи. Палеография сохранившихся букв соответствует монументальному шрифту 2 в. н.э.⁵⁰

Надпись:

1. - ΝΕ -

2. - ΕΚ -

В 1-й строке вычитывается две буквы, *ню* и *эпсилон*. После *эпсилона* видна часть вертикальной линии. Во 2-й стр. после *эпсилона* сохранилась вертикальная линия и незначительный край центральной линии, который судя по изгибу вверх, принадлежит верхней косой черте *каппы*.

14. Два небольших обломка мраморной плиты (рис. 14). Найдены в 1979 г. (раскоп «Верхний город», пл. IX, шт. 10 (2-й фрагмент) и в остатках здания под 2-ым полом (1-й фрагмент). Первый фрагмент: высота 3,9 см, длина *тах* 2,4 см, толщина 1,4 см; второй фрагмент: высота 4,4 см, длина 2,9 см, толщина 3,1 см. На лицевой поверхности сохранились остатки двух строк надписи. Высота букв 1,8 см (*омикрон* 0,7 см). Буквы ровные, аккуратные, вырезаны глубокими четкими линиями, без

⁵⁰ Там же, 25 сл., табл. IV. 1, IV. 2.

Рис. 14.
Надпись № 14

применения разлиновки. Признаком времени служит использование маленького круглой формы *омикрона*, строгие геометрические формы *гаммы*, *ню* и *эпсилона*. Аналогичный шрифт использован в надписи № 5 нашего перечня. Подобный шрифт фиксируется в надписях примерно 30–70-х годов 2 в. н.э.⁵¹

Надпись:

1. - - Ε - -

2. - ΝΟ -

15. Обломок мраморной плиты (рис. 15). Найден в 1991 г. (раскоп «Верхний город», кв. 13, шт. 13, субструкция). Высота 7 см, длина 3,5 см, толщина 6,2 см. Сохранились окончания двух строк на правой стороне обломка плиты. В 1-й стк. – это *сигма*, во 2-й стк. виден правый край усика *ипсилон*. Геометрическая форма четырехчастной сигмы с маленьким углом в центре буквы встречается как в надписях 3 в. до н.э., так и в надписях эпохи царя Аспурга.⁵²

Надпись:

1. -?- ς

2. -?- υ

⁵¹ Там же, 24. Об отличиях палеографии надписей последней трети 1 в. н.э., в которых также использовался маленький круглой формы *омикрон* (там же, 22).

⁵² Там же, табл. II. 4, III. 3.

Рис. 15.
Надпись № 15

ЛИТЕРАТУРА

- Белова Н.С. 1977. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции, *ВДИ* 3, 105–117.
- Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга, *СА* 2, 197–209.
- Блаватская Т.В. 1976. Фанагорийская надпись Савромата I, *КСИА* 145, 92–97.
- Болтунова А.И. 1964. К истории Танаиса (по данным эпиграфики), *Кlio* 42, 195–208.
- Вейн П. 2014. Римская империя, in: Ф. Арьес, Ж. Дюби (ред.), *История частной жизни. От Римской империи до начала второго тысячелетия*. Т. 1. Москва.
- Виноградов Ю.Г. 1991. Фанагорийские наемники, *ВДИ* 4, 14–33.
- Габелко О.Л., Завойкина Н.В., Шавырина Т.Г. 2007. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н.э., *АМА* 12, 334–344.
- Даньшин Д.И. 1991. Три новых надписи из Фанагории, *КСИА* 204, 98–102.
- Даньшин Д.И. 1993. Фанагорийская община иудеев, *ВДИ* 1, 59–72.
- Завойкина Н.В. 2013. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. Москва.
- Книпович Т.Н., Болтунова А.И. 1962. Очерк греческого лапидарного письма на Боспоре, *НЭ* III, 3–44.
- Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи Фанагории, *ВДИ* 1, 155–172.
- Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи Фанагории, *ВДИ* 1, 227–468.
- Розанова Н.П. 1940. Новые надписи Таманского полуострова, *СА* VII, 247–257.
- Сапрыкин С.Ю. 2002. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва.
- Тохтасьев С.Р. 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 673–680.
- Яйленко В.П. 1986. Одна боспорская эпитафия, in: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. Москва, 222–226.
- Яйленко В.П. 1987. Материалы по боспорской эпиграфике, in: А.И. Павловская (ред.), *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. Москва, 4–200.
- Яйленко В.П. 2002. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота, *ПИФК* XII, 229–241.
- Яйленко В.П. 2003. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х годов, *ДБ* 6, 351–374.
- Ascough R.S., Harland Ph.A., Kloppenborg J.S. (eds.). 2012. *Associations in the Greek-Roman World: A Sourcebook*. Waco.
- Gorman R. 2001. ΟΙ ΠΕΡΙ ΤΙΝΑ in Strabo, *ZPE* 136, 201–213.
- Frisk H. 1955. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- McLean B.H. 2002. *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337)*. Ann Arbor.

Н.В. Завойкина, Н.А. Павличенко

ПИСЬМО НА СВИНЦОВОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ ПАТРЕЯ

Осенью 2012 г. в затопленной водами Таманского залива части городища Патрей житель поселка Гаркуша случайно нашел свинцовое письмо.¹ Текст располагается на одной стороне пластины неровной формы (max дл. 14,05, max шир. 4,10 см), отломанной от более длинной свинцовой полоски, по всей видимости, специально для этого письма.² Письмо состоит из пяти строк, высота букв 6–8 мм. Первые буквы в начале строк читаются с трудом, в конце первой строки возникшая при разворачивании пластинки трещина, по-видимому, уничтожила последнюю букву в этой строке. Крупная лакуна округлой формы уничтожила две буквы в конце 4-й строки.³ Остальная же часть письма сохранилась довольно хорошо. Буквы процарапаны острым предметом, они четкие и аккуратные (рис. 1).⁴

Из-за отсутствия археологического контекста, дата письма может определяться только по его палеографическим особенностям.⁵ Использование интерпункции в виде двух точек в патрейском письме, казалось бы, определяет время его написания не позднее начала 5 в. до н.э. По мнению Л. Джеффери, в Милете интерпункция в виде двух точек

¹ Эта информация была получена авторами статьи со слов третьего лица; он же передал в наше распоряжение фотографии находки и сведения о месте ее обнаружения.

² Предварительная публикация: Завойкина, Павличенко 2013, 111–115.

³ Из-за того, что в нашем распоряжении была фотография только лицевой стороны пластины, мы ничего не можем сказать о том, имело ли это письмо адрес.

⁴ Новое свинцовое письмо является 11-ым по счету среди надписей на свинцовых пластинках последней четверти 6 – 2 вв. до н.э., которые происходят из боспорских городов. Письма, опубликованные к 2007 г., собраны в: Dana 2007, 69, 86–89, № 9–13. С 2007 г. и по настоящее время было введено в научный оборот еще пять надписей на свинцовых пластинках разной степени сохранности: № 1 – Фанагория, 3–2 в. до н.э. (Сапрыкин, Масленников 2007б, 50–61); № 2 –

Пантикапей, конец 5 – начало 4 в. до н.э. (Сапрыкин, Федосеев 2010, 50–58); № 3 – Гермонасса, последняя четверть 5 – начало 4 в. до н.э. (Павличенко, Кашаев 2012, 288–298; Сапрыкин, Белоусов 2012, 348–349; дополнения и исправления в чтении см.: Pavlichenko, Kashaev 2012, 225–242; Belousov, Saprykin 2013, 153–160); № 4 – Пантикапей, начало 3 в. до н.э. (Сапрыкин, Белоусов, Федосеев 2013, 265–269); № 5 – Пантикапей, конец 5 – первая половина 4 в. до н.э. (Сапрыкин, Белоусов, Федосеев 2013, 269–270). Надписи № 2, 3, 4 представляют собой хозяйственные письма; надпись № 1 – список имен, № 5 – *defixio*.

⁵ В последнее время было опубликовано несколько многострочных граффити – писем и заклятий на свинце, а также на остраконе, которые датируются издателями классическим или эллинистическим временем. К сожалению, все они или относятся к случайным находкам или были найдены в широко датирова-

емых слоях, или же происходят из частных коллекций, что затрудняет поиск надежных палеографических аналогий. В качестве примера можно упомянуть письмо на свинце из Гермонассы 2011 г. (Belousov, Saprykin 2013, 153–160; Pavlichenko, Kashaev 2012, 225–242), письмо на остраконе с поселения Вышестеблиевская 3 2013 г. (Kashaev, Pavlichenko 2015, 61–79), а также заклятие с несколько раз повторенным словом *ἄνώνυμος* из Пантикапея 2011 г. (Belousov, Fedoseev 2014, 145–148). Число писем на свинцовых пластинках и на остраконах с каждым годом увеличивается. Если в 1974 г. до публикации письма Ахиллодора Ю.Г. Виноградову было известно только 4 письма на свинце (Виноградов 1974, 78, 79), то в настоящее время насчитывается более двух десятков подобных памятников (см. обобщающие публикации последних лет: Dana 2007, 67–97; Muir 2009; Eidinow 2010, 30–62; Bagnall 2011; Ceccarelli 2013).

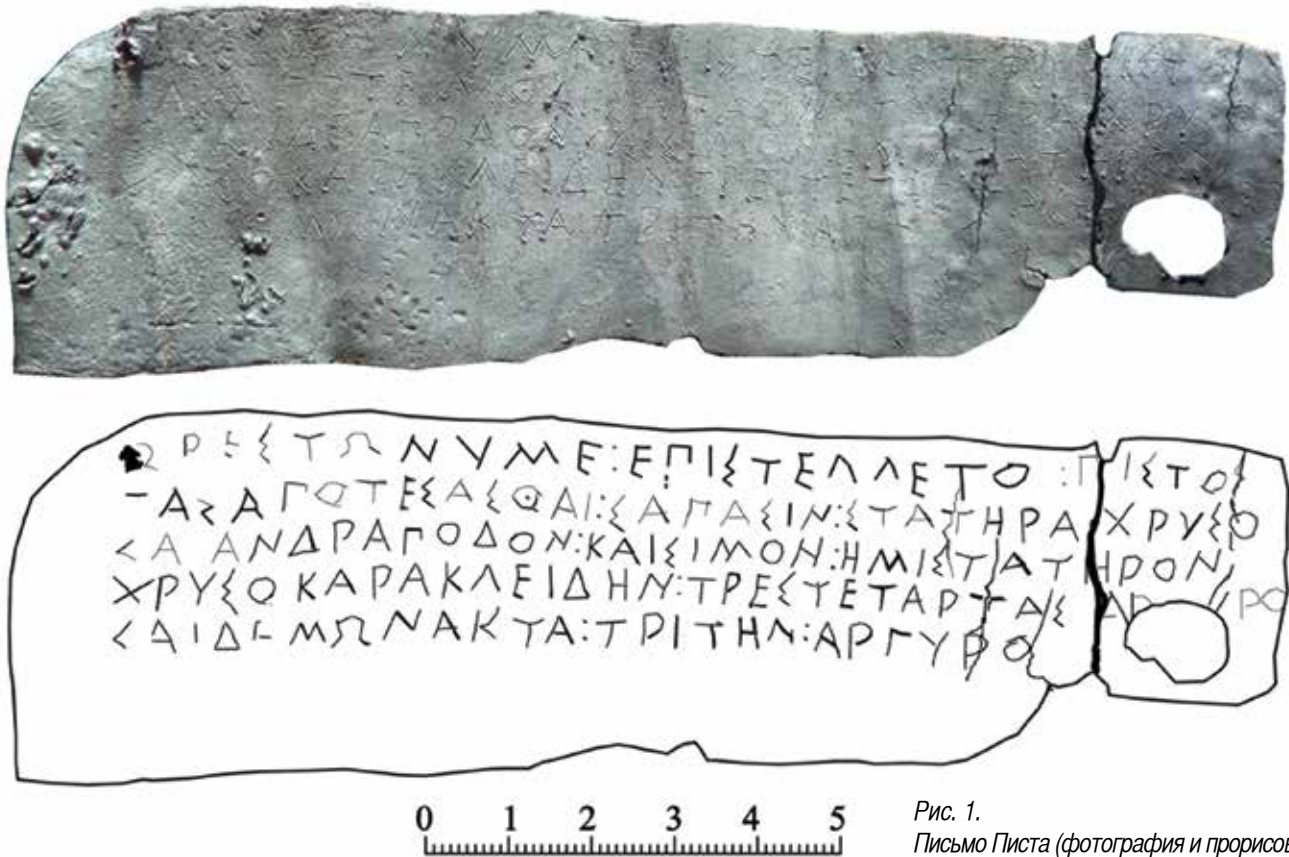

Рис. 1.
Письмо Писта (фотография и прорисовка)

относится ко времени между второй половиной 6 – началом 5 в. до н.э.⁶ Впрочем, встречается она и в более поздних надписях, в том числе и в Аттике, например, в письме Мнесиерга (начало 4 в. до н.э.).⁷ Подобные примеры известны в посвятельном граффито на донце чернолакового килика из Березани (ок. 500 г. до н.э.),⁸ из Ольвии, например, в посвящениях Аполлону и Матери богов из раскопок Западного теменоса (5 в. до н.э.),⁹ в письме Артикона (середина 4 в. до н.э.)¹⁰ и во фрагменте выполненной на обломке лутерия копии *lex sacra* 4 в. до н.э.¹¹ Среди опубликованных боспорских граффити и писем на свинце интерпункция в виде двух точек засвидетельствована, в частности, на прохусе Минииды из Пантикапея второй четверти – середины 6 в. до н.э.¹², в граффито на чернолаковом килике из Пантикапея второй половины 6 – начала 5 в. до н.э.¹³, в посвящении Афродите на донце килика из Кеп конца 6 в. до н.э.¹⁴, в фанагорийском письме о рабе Фаулле (530–510 гг. до н.э.)¹⁵, в посвящении Симон на донце чернолакового килика из Фанагории (500–480 гг. до н.э.)¹⁶, а также в письме Кледика из Гермонассы второй половины 5 в. до н.э.¹⁷ Таким образом, боспорский материал пока указывает на использование интерпункции в виде двух точек, по крайней мере, вплоть до конца 5 в. до н.э.

Шрифт патрейского письма характеризуется следующими особенностями: «широкие» *альфа* (с прямой центральной перекладной), *лямбда* и *мю*, *тета* с точкой, *сигма* с широко расставленными гасами, *омега* в форме полукруга с отогнутыми в стороны ножками, «узкая»

⁶ Jeffery 1961, 326.

⁷ Syll.³ 1259 (Аттика).

⁸ Борисфен–Березань 2005, 138, № 262.

⁹ Русяева 2010, 52, № 18, табл. 11. 3, 16. 4; 62 № 78, табл. 19. 16, 20. 26.

¹⁰ Dubois 1996, 63, № 25.

¹¹ Ibid., 165, № 100.

¹² Виноградов 1971б, 57–59.

¹³ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2004, 348 сл., 365, рис. 11. 1.

¹⁴ Сокольский 1973, 88–89, рис. 1, 2.

¹⁵ Dana 2007, 87, no. 12.

¹⁶ Виноградов 2001, 103–104; Завойкина 2013, 280, № 120.

¹⁷ Это письмо было опубликовано двумя независимыми группами исследователей. Н.А. Павличенко и С.В. Кашаев первоначально датировали его второй половиной 5 в. до н.э. (Павличенко, Кашаев 2012, 290, рис. 1, 294), предложив в дальнейшем более узкую датировку – 450–440 гг. до н.э. (Pavlichenko, Kashaev 2012, 228). По мнению С.Ю. Сапрыкина и А.С. Белоусова, это письмо может датироваться второй половиной 5 в. до н.э. или даже рубежом 5–4 вв. до н.э. (Сапрыкин, Белоусов 2012, 349, 352, рис. 1; Belousov, Saprykin 2013, 155).

¹⁸ Avram, Chiriac, Matei 2007, 391, 401 (курганный некрополь в окрестностях Истрии); ср. трехчастный *ипсилон* в граффито на поддоне чернолакового сосуда 4 в. до н.э.: Сапрыкин, Масленников 2007а, 84–85, № 369 (могильник у с. Бранное поле).

¹⁹ Сапрыкин, Масленников 2007а, 132–135, № 694, рис. 694 (Ю.Г. Виноградов датировал это граффито концом 5 в. до н.э. – *BE* 103, 1990 (Vinogradov), 556, no. 593); Сапрыкин, Федосеев 2010, 50–58.

²⁰ Как было указано выше (ссылка 1), публикуемое письмо известно нам только по фотографии, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, являются ли две наклонные черточки между *rho* и *сигмой* горизонтальными гастами *эпсилона*, или же это случайные выбоины. Можно заметить только, что в остальных случаях *эпсилон* не имеет такого наклона вправо, и его высота примерно равна высоте остальных букв.

²¹ Все эти фонетические явления были уже неоднократно засвидетельствованы в боспорской эпитафике. Например, см: Belousov, Saprykin 2013, 155 no. 6; Pavlichenko, Kashaev 2012, 231–232.

²² Завойкина, Павличенко 2013, 112–113.

²³ Μνησίεργος ἐπιστέλλε τοῖς οἴκοι ... (Syll.³ 1259; Аттика, начало 4 в. до н.э.).

²⁴ Λῆσις(ις) ἐπιστέλλει Ξενοκλεῖ καὶ τῆι μητρὶ ... (Jordan 2000, 95; Афины, начало 4 в. до н.э.).

²⁵ Ὡ Πρωταγόρη, ὁ πατήρ τοῦ ἐπιστέλλε... (Виноградов 1971а, 75–76; Березань, вторая половина 6 в. до н.э.).

²⁶ Ὡριστόκρ(α)τες : ἐπιστέλλε τοῖ | Κλέδικος ... (Павличенко, Кашаев 2012, 288–298; Сапрыкин, Белоусов 2012, 348–349; Belousov, Saprykin 2013, 153–160; Pavlichenko, Kashaev 2012, 230; Гермонасса, середина – начало второй половины 5 в. до н.э.).

²⁷ Ср. красис в вокативе Ὡριστόκρ<α>τες в письме Кледика из Гермонассы: Pavlichenko, Kashaev 2012, 231, no. 6.

²⁸ Dubois 2006, 85, № 43; SEG 32, № 723; Яйленко 1982, 259–267; LGPN IV, s.v. Ὡριστώνυμος.

эта, *ню* с наклоном вправо и приподнятой правой гастой, *пи* – с наклоном вправо и с сильно укороченной правой гастой, *rho* – с почти круглым сегментом. Близкие аналогии формам букв патрейского письма обнаруживаются в гермонасском письме Кледика второй половины 5 в. до н.э. Шрифт нового письма отличается от шрифта письма Кледика, пожалуй, только тем, что сигма более узкая и вытянута по вертикали, *эпсилон* – с короткими и слегка скошенными вниз горизонтальными гастами, а *ипсилон* – только на короткой ножке, тогда как в письме Кледика отмечена и архаическая форма в виде латинской «V». Такой же *ипсилон* на короткой ножке, прочерченный двумя штрихами (коротким штрихом – правая или левая наклонная гаста, а длинным – вторая наклонная гаста и ножка) присутствует в заклитиях первой половины 4 в. до н.э. из Истрии.¹⁸ Кроме того, *альфа*, *лямбда*, *мю*, *ню* и *эпсилон* в большинстве случаев, в отличие от письма Кледика, не имеют искривленных гаст. Определенное сходство со шрифтом нашего письма прослеживается и в написании букв в граффито зенонитов конца 5 – начала 4 в. до н.э., в хозяйственном письме из Пантикапея конца 5 – начала 4 в. до н.э.¹⁹ Иными словами, патрейское письмо можно датировать в пределах последней четверти 5 в. до н.э., возможно, ближе к рубежу 5 и 4 вв. до н.э.

Текст письма:

1. Ὡριστόκρ(α)τες²⁰. ἐπιστέλλε τοῖ · Πῖστο[ς]
[τ]ὰς· ἀποτέσασθαι · Σαπασιν · στατήρα· χρυσῶ
καὶ ἀνδράποδον · καὶ Σῖμον · ἡμιστάτηρον
χρυσῶ · κάρακλειδην · τρές τετάρτας ἀργύρου
5. καὶ Δημωνάκτα · τρίτην · ἀργύρου.

Местоимение τοῖ вместо σοί, такие формы как ἐπιστέλλε, ἀποτέσασθαι и τρές, в которых ει отображается как ε̄, χρυσῶ и ἀργύρου, где ο долгое закрытое отображается как *омикрон*, указывают на ионийский диалект²¹, что не противоречит месту находки письма в затопленной части городища Патрея, который, по-видимому, являлся ионийской апоикией.²²

Сткк. 1-2. В середине первой строки письма хорошо читается ΕΠΙΣΤΕΛΛΕΤΟΙ. Глагол ἐπιστέλλω и его производные часто используются в зачине писем, например: в письме жителя Аттики Мнесиерга²³, в письме афинского подростка Лесиса²⁴, в березанском письме Ахиллодора к Протагору и Анаксагору²⁵ и в письме Кледика из Гермонассы.²⁶

Перед ἐπιστέλλε̄ видим вокатив ЛИ мужского рода со второй основой -ονυμ. Хотя сквозное отверстие уничтожило часть первой буквы, справа она сохранилась довольно хорошо – видна часть полукруга и правая ножка, что позволяет восстанавливать здесь *омегу*. Таким образом, письмо, по-видимому, начиналось с обращения к некоему Аристониму – Ὡριστόκρ(α)τες, с красисом междометия и начального [а].²⁷ ЛИ Ὡριστώνυμος до сих пор не было засвидетельствовано на Боспоре. В Причерноморье оно встретилось только единожды, в происходящей с Березани эпитафии Мастора (ок. 550 г. до н.э.).²⁸ Итак, адресат носил имя Аристоним, а имя автора письма, выступающее подлежащим при ἐπιστέλλε̄ и, следовательно, стоящее в nom. sing,

должно было находиться после глагола.²⁹ После τοί отчетливо виден знак интерпункции в виде двух точек и буква *пи*, нижняя часть правой гасты которой уничтожена вертикальным разломом пластины. *Йота*, *сигма*, *тау* и *омикрон* читаются ясно. Сразу за *омикрон* расположена трещина, образованная заломом пластины, и в центре строки процарапан угол, который можно интерпретировать как часть *сигмы*, что дает нам ЛИ Πῖστος. В пользу такого восстановления говорит и то, что между трещиной и краем свинцовой пластины было достаточно места для еще, по меньшей мере, двух букв, и то, что в нашем письме нет переносов слогов или букв на следующую строку, в результате чего строки имеют неодинаковую длину.

Часть первой буквы в начале следующей строки уничтожена заломом пластины, но в верхней части строки отчетливо виден правый край горизонтальной гасты, который, строго говоря, мог принадлежать *гамме*, *пи* или *тау*. Далее процарапаны буквы ΑΣ, за которыми следует интерпункция и инфинитив ἀποτέσσασθαι. Восстановление *гаммы* или *пи* не дает удовлетворительного смысла, и таким образом, по-видимому, вторая строка начиналась с нового слова – с артикля женского рода в асс. plur. [τ]άς, а в конце первой находилось ЛИ Πῖστος, засвидетельствованное в Пантикапее в 1 в. н.э.³⁰

Стк. 2.³¹ Итак, в первой строке мы читаем: Ὁρ[ι]στώνυμε : ἐπιστέλλε τοί: Πῖστος – *О, Аристоним, Пист посылает тебе (письмо)*. После ἐπιστέλλω в зачине писем может стоять прямая речь (ср. письма Ахиллодора и Кледика) или конструкция асс. cum inf., в которой в качестве логического подлежащего подразумевается адресат письма (письма Лесиса и Мнесиерга).³² В сткк. 2–4 письма к Аристониму видим, во-первых, ΤΑΣ, затем инфинитив ἀποέσσασθαι, то есть конструкцию асс. cum inf., аналогичную конструкциям в письмах Лесиса и Мнесиерга.

Глагол ἀποτίνω в активном и пассивном залоге означает, прежде всего, «платить, выплачивать, уплачивать (долг, налог, штраф), возмещать (ущерб, расходы)».³³ В медиальном залоге этот глагол имеет значение «получить деньги, оплату, требовать взыскание, взыскивать штраф» (LSJ, s.v.). Случаев употребления медиальных форм в эпиграфических памятниках обнаружить пока что не удалось. В литературных же источниках, по-видимому, имеется только один пример употребления ἀποτίνομαι со словами, обозначающими денежные единицы – это фрагмент из комедии афинского комедиографа второй половины 5 в. до н.э. Эвполида «Κόλακες», дошедший до нас в комментариях Евстафия к «Одиссее» – κατ' ἀντιβολίαν δέκα τάλαντ' ἀπετίσαμεν (Eust. 1406. 27). Однако, учитывая мнение А. Наука и К. Кобе, которые полагают, что здесь требуется эмендация – ἀπετίσαμεν или ἀπετίσαμεν, то есть активная, а не медиальная форма³⁴, этот фрагмент из Эвполида вряд ли стоит использовать в качестве надежной аналогии. В остальных случаях медиальные формы имеют значение «отомстить» или «наказать виновных»: 1) ὦ Κῦρε, ἡ ψυχὴ μου διὰ τὸ ὑβρίσθαι καὶ ὀργίζεσθαι οὐ τὸ ἀσφαλέςτατον σκοποῦσα διήγεν, ἀλλ' αἰεὶ τοῦτο κυοῦσα, ἄρ' αὖ ποτ' ἔσται ἀποτέσσασθαι τὸν καὶ θεοῖς

²⁹ Ближайшей аналогией является письмо Кледика из Гермонассы (Pavlichenko, Kashaev 2012, 230).

³⁰ LGPN IV, s.v. Оно встречается также на Эвбее 4–3 вв. до н.э. (LGPN I, s.v.), на Самосе 7–6 вв. до н.э. (LGPN I, s.v.) и в Афинах 4 в. до н.э. (LGPN II, s.v.).

³¹ Авторы выражают искреннюю признательность Д.В. Кейсеру за ценные замечания к филологическому комментарию публикуемого памятника.

³² В письме Лесиса: Λῆσις(ις) ἐπιστέλλει Ξενοκλειῖ καὶ τῇ μητρὶ μηδαμῶς περιιδέν | αὐτὸν ἀπολόμενον ἐν τῷ χαλκείῳ, ἀλλὰ πρὸς τὸς δεσπότηας αὐτὸ ἐλθὲν καὶ ἐνευρέσθαι τι βέλτιον αὐτῷ – *Лесис посылает (письмо) Ксеноклу и своей матери, чтобы (они) не пренебрегали тем, что он погибает в кузнице, но чтобы (они) пришли к его хозяевам и нашли для него что-нибудь лучшее*. В письме Мнесиерга: Μνησίεργος ἐπιστέλλε τοῖς οἴκοι χαίρεν καὶ ὑγιαίνεν – *Мнесиерг посылает (письмо) домашним с пожеланием, чтобы (они) здравствовали*. Ср., также: Xen Hell. IV. 2, 2, Xen. Anab. VII. 2, 4 etc.

³³ И нарративные источники, и, особенно, лапидарные надписи дают множество примеров для ἀποτίνω в этом значении. См., например: Dem. XVIII. 105, 10; XXIV. 127, 7 etc.; Arist. Ath. Pol. 54. 2, а также употребление этого глагола в текстах декретов и постановлений 6–5 вв. до н.э.: IG I³ 78a. 58 (Элевсин, ок. 422 г. до н.э.); Hallof 1993, 61, Nr. 19 (Аттика), 127, Nr. 44 (Элида), 138, Nr. 45 (Дельфы), 241, Nr. 65 (Аморгос), 325, Nr. 85 (Мегара Гиблея), 342, Nr. 94 (Крит). Этот глагол употребляется также в составе формулы πάσχειν ἢ ἀποτίνειν, то есть «претерпеть физическое наказание или заплатить штраф» (см. например, Pl. Leg. 843b).

³⁴ PCG V, 388, no. 168 (317).

ἐχθρὸν καὶ ἀνθρώποις ... – *О Кир, душа моя из-за обиды и гнева стремилась не к безопасности, но постоянно вынашивала только один замысел: как отплатить (букв. взыскать плату) этому врагу богов и людей ...* (Xen. Cyr. V. 4, 35); 2) Παλληνίδος γὰρ σεμνὸν ἐκπερῶν πάγον | δίας Ἀθάνας, ἄρμ' ἰδὼν Εὐρυσθέως, | ἠράσαθ' Ἦβηι Ζηνί θ' ἡμέραν μίαν | νέος γενέσθαι κάποτεισασθαι δίκην ἐχθρούς – *Проезжая мимо посвященного Афине священного холма Паллениды, он (т.е. Иолай), увидев колесницу Эврисфея, взмолился Зевсу и Гебе, чтобы он смог на один день стать молодым и подвергнуть врагов наказанию* (Eur. Her. 852).³⁵

Последний пример для нас особенно интересен, так как в данном случае медиальная форма ἀποτίνομαι употребляется с двумя дополнениями – асс. personae и асс. rei.³⁶ Подобное управление встречается, в частности, у глаголов со значением «взыскивать, получать плату»: Οὐδένα πώποτε μισθὸν τῆς συνουσίας ἐπράξατο Σωκράτης – *Сократ никогда ни у кого не требовал плату за свои беседы* (Xen. Mem. I. 2, 60).³⁷

Аналогичная конструкция, вероятно, имеет место и в публикуемом письме, где асс. personae – это личные имена, а асс. rei – обозначение расположенных в порядке убывания денежных сумм, в одном случае с добавлением ἀνδράποδον. По-видимому, речь идет о том, что Аристоним должен взыскать с нескольких лиц некие долги, штрафы или взносы.³⁸

Тогда, учитывая, что существительное, подразумеваемое при ΤΑΣ³⁹, должно было быть женского рода и употребляться во множественном числе, можно предположить, что в эллипсе было, например, ζημίας⁴⁰, ἐπιβολάς⁴¹ или, вероятнее, τιμὰς⁴²: Πιστ πῖσθη Αριστονίμου,

³⁵ См. также: Arist. Thesm. 686; PCG IV, 125, no. 6 (Cratinus); Eur. Her. 882; Xen. Anab. 3. 2, 5; Dem. XIX. 225, 26.

³⁶ Бесприставочное τίνω также может употребляться с асс. personae и асс. rei: ἐχθρούς τοὺς ἐμούςς τεῖσειν δίκην (Eur. Med. 767).

³⁷ Ср., также: προσειπούσα δ' αὐτὰς ὀνόματι θυγατέρας, ἴνῳς μεγίστους μισθοὺς πράττειτο τοὺς βουλομένους πλησιάζειν αὐταῖς ὡς ἐλευθέραις οὖσαις... – *Она (т.е. Неэра) называла их своими дочерьми, чтобы получить как можно большую плату с тех, кто желал физической близости с ними, будто бы являющимися свободными ...* (Dem. LIX. 19); ἐκεῖνος πράττεται τοὺς παρ' αὐτοῦ σίτον ἐξάγοντας τριακοστήν – *он (т.е. Левкон) взымает с тех, кто вывозит от него хлеб, тридцатину* (Dem. XX. 32).

³⁸ Наконец, можно предположить, что автор письма употребил медиальную форму в значении формы активного

залога («платить, выплачивать»), и от ἐπιστέλλε̄ зависит конструкция асс. cum inf., в которой подлежащим будут личные имена, а сказуемым инфинитив ἀποτέσασθαι («*О Аристоним! Пист посылает тебе (письмо), чтобы такие-то выплатили следующие взносы/взыскания*»).

³⁹ Об использовании артикля в роли указательного местоимения, например, см. Kühner, Gerth 1898, 583–584, § 459.

⁴⁰ Ср., например: Τὸ δ' ἄν τις τῶν θηρίων τούτων ἀποκτείνῃ, ἦν μὲν ἐκῶν, θάνατος ἢ ζημία, τῶν δὲ ἀέκων, ἀποτίνει ζημίαν τὴν ἄν οἱ ἱερέες τάζονται (А кто умышленно убьет какое-нибудь из этих животных, тому наказание смерть, а кто неумышленно, тот платит пеню, которую устанавливают жрецы (Her. 2. 65); πρὸς ταῦτα γὰρ ἀντεψηφίσαντο Θηβαῖοι ψηφίσματα ... τὸν δὲ τῷ ἀγομένῳ φυγάδι μὴ βοηθήσαντα ζημίαν ὀφείλειν τάλαντον (На это фиванцы ответили постановлением..., что чело-

век, не пришедший на помощь уведимому беглецу, должен заплатить в качестве штрафа талант (Plut. Lys. 27).

⁴¹ Ср., например, афинскую надпись полетов (Langdon 1991, 115, no. P 26, face B, fr. b, col. IV 506 (342/1–339/8 гг. до н.э.)), IG I³ 82. 27 (Аттика, 421/420 г. до н.э.), а также Lys. XXX. 3, 5.

⁴² ... ἔτι δὲ τῶν ἀνδραπόδων πιπρασκομένων παρά τε Θηριππίδου καὶ Δημοφώντος τὰς τιμὰς ἐλάμβανεν... (... а еще, когда рабы были проданы, он (Афоб) получил выручку и от Териппида и от Демофонта... (Dem. XXVII. 13);... τὸ δ' ἐργαστήριον κεκαρπωμένον αὐτὸν καὶ τὴν πρόσοδον οὐκ ἀποφαίνοντα, τῶν δ' ἄλλων τὰ μὲν πεπρακότα καὶ τὰς τιμὰς οὐκ ἀποδεδωκότα ... (... что он (Афоб) получает прибыль от мастерской и не представляет в отчете этого дохода, и что он из остального что-то продал и не отдает выручки... (Dem. XXVII. 47).

чтобы тот наложил следующие штрафы или взыскания или же получил следующие суммы выручки. И далее следует детализированный список с именами и суммами.⁴³

Стк. 2–5. Трое из должников Писта – Δημῶναξ, Ἦρακλείδης, Σῆμος – имеют имена, которые были употребительны во многих греческих полисах в разные исторические периоды. Имя Δημῶναξ отмечено в агонистическом каталоге из Горгиппии первой половины 3 в. до н.э.⁴⁴ Имя Ἦρακλείδης пользовалось популярностью во всей греческой ойкумене и в боспорской эпиграфике засвидетельствовано более сотни раз.⁴⁵ Имя Σῆμος также относится к числу распространенных.⁴⁶ После ἀποτέσσασθαι четырежды повторяется одна и та же схема. И поскольку Σῆμον, κἀρακλείδην (с красисом союза καί и Ἦρακλείδην) и Δημῶνάκτα несомненно являются формами аккумулятива личных имен, то и ΣΑΠΑΣΙΝ, вырезанное после ἀποτέσσασθαι, должно представлять имя в аккумулятиве. Можно предположить, что Σαπασιν (Σαπασις, Σαпασιος?) является производным от этнонима Σάπαι.⁴⁷

Стк. 3: ἀνδράποδον. В классическую и эллинистическую эпохи ἀνδράποδον было одним из употребляемых терминов для обозначения рабов наряду с δοῦλος, οἰκέτης, σῶμα, παῖς и др.⁴⁸ Слово ἀνδράποδον и однокоренные с ним слова, прежде всего, гл. ἀνδραποδίζω, связаны с пленением людей и продажей их в рабство.⁴⁹ Первое его упоминание встречается у Гомера (Hom. II. 7. 475). Это обозначение получает распространение в письменных источниках в 5–4 вв. до н.э. и неоднократно встречается в сочинениях Геродота (Her. III. 125; 129; IV. 142; V. 31), Фукидида (Thuc. I. 139, 2; VII. 27, 5; VIII. 28), Ксенофонта (Hell. I. 6, 15;

⁴³ Перечни частных лиц, внесших или обязанных внести определенные денежные суммы, хорошо известны. К уже упомянутому надписям (Сапрыкин, Масленников 2007, 135) можно добавить, например, подобный список на нимфейской фреске второй четверти – середины 3 в. до н.э. (Vinogradov 1990, 555, № 590).

⁴⁴ КБН 1137 А II, 27 = LGPN IV, s.v. Женский вариант этого имени, Δημῶνασσα, засвидетельствован в Мирмекии 5 в. до н.э. и Ольвии 6–5 вв. до н.э. (SEG XLVIII, 1007; Dubois 1996, 144, no. 92).

⁴⁵ См. КБН, индекс имен, s.v. Ἦρακλείδης.

⁴⁶ LGPN I–Va, s.v. Ср. женский вариант этого имени в Фанагории, в граффито на донце чернолакового килика 500–480 гг. до н.э. (Виноградов 2001, 103–104; Завойкина 2013, 280, № 120).

⁴⁷ Стефан Византийский (Steph.

Byz. s.v. Σάπαι) сообщает, что Σάπαι ἔθνος Θράκης. λέγονται δὲ Σαπαῖοι καὶ Σάιοι. καὶ τὸ κτητικὸν Σαπαῖκὸν καὶ Σαπαῖκή. Геродот упоминает сапеев в числе фракийских племен, через земли которых проходил Ксеркс (Her. VII. 110). По словам Страбона, промышленявшее разбоем племя сапеев населяло местность около Абдеры и на островах около Лемноса (Strabo. VII. 43, 47; X. 2, 17; XII. 3, 20). В лапидарных надписях этот этноним встречается достаточно редко, это: паросская хроника 1 в. до н.э. (IG XII. 5. 445₅₁), с упоминанием Σάπας (ср. чтение М. Веста – τοὺς Θρακῆας ἀποκτείναντες αὐτοὶ οἱ μὲν αὐτῶν ὑπὸ Παρίων ἀπώλοντο οἱ δὲ εἰς τὰς Σάπας <φυγόντες> ὑπὸ τῶν Θρακῶν – SEG LIII. 2007, 148–150, no. 872); дельфийский список теородоков 230–220 гг. до н.э., в котором одна из местностей названа ἐν [Σ]άπαις (Plassart 1921, 18, col. III.

83), а также посвящение Аполлону из Додопарона 2–3 вв. н.э., в котором упоминается Σαπαϊκὴν ἐρίβωλον (IGBR III, no. 1794; SEG 37, 608, ср. Dimitrov 2009, 69 с датировкой 2–1 вв. до н.э.).

⁴⁸ Наиболее полный перечень слов, которыми греки обозначали разные категории рабов (среди них упоминается и ἀνδράποδον) содержится в «Ономастиконе» Поллукса: δοῦλος, δοῦλη, οἰκήτης, οἰκήτις, θεράπων, θεράπεινα, θεραпанίς, διάκονος, διακόνης, ὑπηρέτης, ἀργυρώνητος, ὄνιος, οἰκότριψ, σηκίς, οἰκογενής, παιδίσκη, ἀνδράποδον, σῶμα, παῖς и др. (Poll. III, 74–78). О древнегреческих терминах для обозначения рабов см., например: Ленцман 1951, 49–69; Казакевич 1958, 90–113; Голубцова 1969, 134–146; Gschnitzer 1964, 12–15; Mactoux 1980, 54–62; Garland 1988, 20–21.

⁴⁹ LSJ, s.v. ἀνδραπόδ-, -εσσι, -ιζω I.

Vect. IV. 5), Демосфена (Dem. XLVIII. 12–13), Гиперида (Hyp. Luc. II. 2, 1–2) и более поздних авторов.⁵⁰ Оно фиксируется в надписях из Афин, Делоса и городов Малой Азии (Теос, Илион) примерно с последней четверти 4 в. до н.э.⁵¹ В литературных источниках, касающихся Северного Причерноморья, ἀνδράποδον известен только у Страбона. Географ сообщает, что азиатские и европейские кочевники привозят в Танаис на рынок τὰ ἀνδράποδα, шкуры и прочие предметы (Strabo XI. 2, 3). В эпиграфических памятниках Северного Причерноморья ἀνδράποδον до сих пор не встречалось. В надписях на керамике и свинце позднеархаического и классического времени из этого региона для обозначения рабов обычно использовался термин δοῦλος⁵² или οἰκέτης (для обозначения домашнего раба).⁵³ Для обозначения детей-рабов использовалось слово παῖς.⁵⁴ По всей видимости, употребление ἀνδράποδον в патрейском письме представляет один из ранних примеров использования этого термина в надписях классического времени.⁵⁵ Кроме того, слово ἀνδράποδον пополняет список боспорской социальной лексики.

Разумеется, предлагаемый далее комментарий не претендует на исчерпывающее исследование происхождения или характера применения рабов, обозначаемых в античности термином *andrapodon*. Скорее, он носит общий характер и представляет собой краткий обзор источников и современное состояние проблемы изучения рабов-*andrapoda*, который позволит составить определенное представление о том, что может скрываться под ἀνδράποδον в публикуемом письме.

Рассматриваемый термин вызывал живой интерес исследователей, которые стремились понять, какую категорию несвободного населения называли τὰ ἀνδράποδα. Вплоть до середины 20 в. в историографии преобладало мнение, что слово ἀνδράποδον, наряду с δοῦλος, использовалось греками для обозначения понятия «раб».⁵⁶ Так, В. Уэстерман

⁵⁰ Об использовании слова ἀνδράποδον Полибием см. Leal 1980, 186–187, 190; Плутархом в сочинении «О воспитании мальчиков», см., например, Маринович 1977, 11, 14, 15, 39. Здесь же приводятся сведения об *андраподах* в трудах Филострата.

⁵¹ Syll³ 1191; ID 503, OGIS 218, 262, 773.

⁵² В ольвийском «письме жреца», составленном не позднее третьей четверти 6 в. до н.э. упоминаются οἱ δοῦλοι, которые пытались бежать после кораблекрушения (SEG 42.710; Русяева 1987, 146, 147; Виноградов 1989, 66; Русяева, Виноградов, 1991, 201–202). Л. Дюбуа и В.П. Яйленко датируют эту надпись временем ок. 400 г. до н.э. (Dubois 1996, no. 24; Яйленко 1998, 90–91). В письме Ахиллора из Ольвии позднеархаической эпохи также говорится о οἱ δοῦλοι καὶ αἱ

δοῦλαι, принадлежавших ольвиополитам Анаксагору и Матасию (Виноградов 1971а, 64–76; Яйленко 1974, 133–151; 1998, 91–110 (дополнения и подробная библиография). В хозяйственном письме из Пантикапея конца 5 в. – начала 4 в. до н.э. также находим οἱ δοῦλοι (Сапрыкин, Федосеев 2010, 50–51, стк. 7).

⁵³ См. ольвийское письмо Апатурия Лепанакту конца 6 в. до н.э. (Dana 2007, 75–76).

⁵⁴ Ср. Poll. III. 74–78. Ὁ παῖς (мальчик) по имени Φαῦλλης был привезен в Фанагорию для продажи из Борисфена (Vinogradov 1998, 161 ff.; Завойкина 2013, 282, № 127); ἡ παῖς (девочка) упоминается также в березанском письме 540–535 гг. до н.э. (Vinogradov 1998, 154–157, no. 1). См. также παιδίον из горгиппийского письма на остраконе

(Виноградов 1997, 550).

⁵⁵ В надписи 7 в. до н.э. из Кизика встречается ἀνδραποδωνίη, налог на продажу рабов (Syll³ 34; LSJ s.v. ἀνδροποδ-, -ωνίη; Garland 1988, 38).

⁵⁶ В словаре Даремберга и Сальо указывается, что слово ἀνδράποδον следует понимать как древнее определение раба, являющегося частью чьей-то собственности (Darembert et Sagliot, s.v. *andrapodon*). В работе Бузольта и Свободы отмечается, что ἀνδράποδα, буквально «человеконогоми», назывались рабы (Busolt, Swoboda, s. v. *andrapodon*). Современное состояние проблемы рабства в Древней Греции см: Garland 1988, 119–200; Bradley, Cartledge 2011, 28–40 (анализ литературной традиции), 48–73 (рабство в классических Афинах), 74–111 (рабство и экономика в Древней Греции).

считал это слово «юридически ясным и допустимым понятием», обозначающим раба⁵⁷, хотя уже в словарях Pape (s.v. ἀνδράποδον) и LSJ (s.v. ἀνδράποδον)⁵⁸ предлагалось понимать ἀνδράποδον не просто как раба, но как «человека, захваченного в плен на войне и проданного в рабство». Исследователи сходились во мнении, что средний род сущ. ἀνδράποδον и его семантика («человеконогое» [существо]) свидетельствует (в отличие, например, от δοῦλος), что древние греки воспринимали τὰ ἀνδράποδα как нечто обезличенное, ничтожное, неважно какого пола и возраста. Однако полноценного источниковедческого анализа литературных и эпиграфических памятников, в которых встречается слово ἀνδράποδον, с учетом их хронологии, специфики его употребления, к середине 20 в. не было проведено.⁵⁹ Вследствие этого не было предложено четких дефиниций в интерпретации данного термина.

Я.А. Ленцман в 1951 г.⁶⁰ и Ф. Гшнитцер в 1964 г.⁶¹ независимо друг от друга провели анализ древнегреческих терминов, обозначающих рабов, с учетом хронологических и географических границ. Анализ свидетельств письменных источников привел Я.А. Ленцмана к выводу, что слова δοῦλος и ἀνδράποδον не являются синонимами и обозначают разные категории рабов.⁶² Он присоединяется к мнению, что «ἀνδράποδα в некоторых случаях, особенно в ранний период бытования этого слова, понималось как пленные, подлежащие продаже в рабство».⁶³ Также исследователь предложил второе значение слова ἀνδράποδον, которое, по его мнению, употреблялось «исключительно в смысле *instrumentum vocale*, раб...» и приобрело популярность в 4 в. до н.э.⁶⁴ Ф. Гшнитцер также не считал слова δοῦλος и ἀνδράποδον синонимами. По мнению исследователя, термин δοῦλος подчеркивал юридический статус человека как «несвободного» с целью противопоставления его «свободным», прежде всего, гражданам полиса, тогда как ἀνδράποδον воспринимали как раба, выступающего в качестве объекта частной собственности и являющегося, по сути, вещью, которая может быть продана и должна приносить доход.⁶⁵ На основании сведений Фукидида (Thuc. VIII. 28, 4) исследователь полагал, что не важно к какому социальному классу (свободные или несвободные) принадлежали ἀνδράποδα. Важно то, что они были потенциальными объектами для продажи в рабство и, следовательно, являлись движимым имуществом и рыночным товаром, который должен приносить прибыль.⁶⁶ Ф. Гшнитцер отмечает и другую, более редкую сторону употребления термина ἀνδράποδον в классическую эпоху. Этим словом могли обозначаться рабы, которые относились к категориям οἰκέτης (домашний раб) и θεράπων (раб, рожденный в доме), которые находились в частной собственности и потенциально могли быть переданы (проданы, сданы в аренду за плату) другому собственнику.⁶⁷ В отечественной историографии мнение Ленцмана, что с 4 в. до н.э. слово ἀνδράποδον употреблялось «исключительно в смысле *instrumentum vocale*», было оспорено Е.С. Голубцовой, которая на эпиграфическом материале из городов и поселений Малой Азии эллинистического времени показала, что *andrapoda* именовались рабы, занятые в различных

⁵⁷ В англоязычной монографии, изданной в 1955 г. (Westermann 1955, 5) приводится мнение исследователя, изложенное в работе 1935 г. (Westermann 1935, 894–900).

⁵⁸ Впервые встречается в издании 1940 года.

⁵⁹ В результате этого, например, в русскоязычных переводах трудов Геродота и Фукидида, встречается несколько значений слова ἀνδράποδον. Так, в переводе Г.А. Стратановского «Истории» Геродота сущ. ἀνδράποδον дано в значениях: пленный (III. 125), раб (III. 129), изгнанник (V. 31).

⁶⁰ Ленцман 1951, 60–61.

⁶¹ Gschnitzer 1964, 12–15. Исследователь рассматривает четыре основных существительных, которые использовались древними греками для обозначения рабов (δοῦλος, οἰκέτης, θεράπων, ἀνδράποδον) с различных точек зрения (конституционной, моральной, экономической и социальной).

⁶² Ленцман 1951, 59.

⁶³ Там же, 65, ссылка 43 (ср.: Pape, s.v. ἀνδράποδον; LSJ, s.v. ἀνδράποδον). С учетом этого вывода он предложил уточнения в переводе древнегреческих текстов Геродота, Фукидида, Ксенофонта.

⁶⁴ Там же, 65–68.

⁶⁵ Gschnitzer 1964, 12.

⁶⁶ Ibid., 12–15.

⁶⁷ Ibid., 15. А.И. Доватур придерживался точки зрения близкой выводам Гшнитцера. Он полагал, что в Аттике 5 в. до н.э. термин ἀνδράποδον обозначал раба как вещь, часть имущества (Доватур 1980, 28). В его исследовании по рабству в Аттике в 6–5 вв. до н.э. ἀνδράποδον и δοῦλος переводятся на русский язык словом «раб».

сферах ремесленной и хозяйственной деятельности.⁶⁸ Этимологии и семантике слова ἄνδράποδον посвящена небольшая работа Р. Лаццерони.⁶⁹ В ней исследователь соглашается с тем, что сущ. ἄνδράποδον было образовано по аналогии с τετράποδον, «четвероногий», обозначающим домашний скот, добавляя новые аргументы в поддержку этой версии. Слово ἄνδράποδον, как показал Лаццерони, использовалось для обозначения человеческого существа в уничижительном смысле и без каких-либо определенных гендерных или возрастных признаков. Исследование М.-М. Макту служит в определенной степени логическим продолжением работы Ф. Гшнитцера о древнегреческой терминологии рабов.⁷⁰ Она отчасти оспаривает вывод Гшнитцера о характере употребления термина ἄνδράποδον и полагает, что в классическую эпоху он использовался не только для обозначения людей, захваченных в плен, но и сдаваемых в аренду за плату для работы в различных производствах. В связи с этим упомянем и исследование Е. Перотти, посвященное анализу понятия ἄνδράποδα μισθοφοροῦντα.⁷¹ Автор на материале письменных источников показывает, что оно использовалось в Аттике в позднеклассическую эпоху для обозначения рабов, занятых на работах в эргастериях, в которых *андраподы* являлись частью имущества ремесленных мастерских, и поэтому они подлежали продаже только вместе с эргастерием при смене собственника или сдаче мастерской в аренду. М. Финли отмечал, не оспаривая семантику термина ἄνδράποδον, что это слово было распространено в классической Греции для обозначения рабов. Прежде всего, афиняне обозначали им плененных врагов.⁷² Исследователь обратил внимание на хронологический аспект его употребления в 4 в. до н.э. Он указал, что в литературных источниках использование термина *doulos*, как правило, связано со стремлением автора подчеркнуть личностный характер отношений раба и хозяина. Термин *andrapodon*, напротив, использовался для обозначения рабов, когда необходимо было указать, что раб является объектом частной собственности.⁷³ Работы И. Гарлана, посвященные рабству в Древней Греции, подводят определенный итог в рассматриваемом вопросе. Он обоснованно показал, что военные рейды, пиратские набеги на города и поселения были основным источником рабов в Древней Греции.⁷⁴ И. Гарлан отмечает, что значение термина *andrapodon* выглядит единственно ясным из всех слов, которым древние греки обозначали различные категории рабов. Захваченных людей победители, как правило, называли *andrapoda*.⁷⁵ Они были военной добычей и находились в собственности победителей. *Andrapoda* можно было продать в рабство и, таким образом, они становились рабами, объектом владения и ресурсом для эксплуатации.⁷⁶ С выводом Гарлана согласуется мнение В. Розивача (Rosivach), который пришел к заключению, что в захваченных городах афиняне обычно уничтожали боеспособных мужчин, а остальное население, пленных *andrapoda*, продавали в рабство.⁷⁷

Итак, по мнению ряда авторитетных исследователей, термином ἄνδράποδα в 5 в. до н.э. обозначались захваченные в плен в ходе

⁶⁸ Голубцова 1969, 137–149, 182–189.

⁶⁹ Lazzeroni 1970, 165–170.

⁷⁰ Mactoux 1980, 57–59. Оно построено на изучение корпуса речей аттических ораторов, главным образом 4 в. до н.э., и исследует особенности употребления, прежде всего в Афинах, основных терминов для обозначения рабов (δοῦλος, οἰκέτης, θεράπων, ἄνδράποδον).

⁷¹ Perotti 1976, 179–191. Схожее мнение высказывал Х. Клиз (Klees 1975, 31–33).

⁷² Finley 1983, 98.

⁷³ Ibid., 133.

⁷⁴ Garlan 1987, 7–21. Несколько ранее этой проблемы касался М. Финли (1983, 165–175).

⁷⁵ Garlan 1988, 20–21.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Rosivach 1999, 131–137.

военных действий жители городов, поселений и их округа, которые оказывались в собственности победителей и подлежали продаже в рабство. Поскольку для захватчиков или победителей не существовало четкого разграничения значений раб и пленный, то слово *andrapodon* может обозначать в источниках 5 в. до н.э. также и собственно рабов. Как правило, социальный статус этих *andrapoda*, за редким исключением, оставался неизвестным (Хер. Hell. I. 6, 14–15). В. Розивач в связи с этим отмечает, что письменные источники не всегда содержат информацию, кем были пленные *andrapoda* до их захвата, свободными людьми или рабами *douloi*.⁷⁸ Введение слова ἀνδράποδον в разговорный лексикон позволяло отличать солдат-военнопленных (αἰχμάλωτοι) от захваченных в плен мирных жителей.⁷⁹ В позднеклассический период термин *andrapodon* наполняется новым содержанием. Он уже обозначает не только рабов из числа пленных, но и рабов как часть имущества, которых сдавали внаем за плату для выполнения каких-либо работ в производственной сфере.

Данные письменных источников можно условно разделить на две группы. Первая дает сведения о происхождении и путях пополнения категории *andrapoda* (Геродот; Фукидид; Ксенофонт «Греческая история»);⁸⁰ Вторая группа содержит информацию о характере использования и областях применения труда *andrapoda* и их положении (Ксенофонта, «О доходах»; речи Демосфена, Гиперида; надписи из Афин, Делоса, Илиона, Теоса и некоторых других городов).

Геродот, рассказывая о гибели тирана Поликрата Самосского, пишет, что сатрап Сард, Оройт, убив Поликрата, отпустил сопровождающих его самосцев, а прочих, «... которые были как иностранцами, так и рабами, их сопровождающими, в числе пленников оставил...» (ὅσοι δὲ ἦσαν ξεινοί τε καὶ δοῦλοι τῶν ἐπομένων, ἐν ἀνδραπόδων λόγῳ ποιούμενος εἶχε; Her. III. 125). В рассказе о травме ноги у Дария историк упоминает кротонца Демокета, искусного врача из свиты Поликрата Самосского (Her. III. 125, 1–3), который оказался в числе тех иностранцев, которых Оройт сделал своими пленными, *andrapoda* (...ἐν τοῖσι Ὀροίτεω ἀνδραπόδοισι ...; Her. III. 129, 3).⁸¹

Интересен случай употребления Геродотом термина ἀνδράποδα в скифском логосе (Her. IV. 142). Скифы выказывают презрение к ионянам, которые спасли Дария во время его военной компании, и обвиняют их в том, что они вели себя подобно *andrapoda* персов, покорных своему господину (ὡς δούλων ἐόντων τὸν λόγον ποιούμενοι, ἀνδράποδα φιλοδέσποτα φασὶ εἶναι).

Фукидид, описывая события, связанные с Мегарской псефисмой, запрещавшей мегарцам пользоваться гаванями в пределах Афинской державы, сообщает, что лакедемоняне требовали отменить этот запрет. Однако афиняне требование отвергли и обвинили мегарцев в том, что те запахали священный участок и спорную землю, а также укрывают у себя беглых *andrapoda* (ἀνδραπόδων ὑποδοχὴν τῶν ἀφισταμένων; Thuc. I. 139, 2). Следующий случай связан с рассказом о бегстве 20 тысяч афинских *andrapoda* к спартанцам в Декелею:

⁷⁸ Rosivach 1999, 136–137. К. Власопулос в интерпретации рассматриваемой категории рабов идет в русле сложившихся версий. Он предлагает гипотезу, согласно которой различие между терминами ἀνδράποδον и δοῦλος заключалось в том, что оно отличает тех, кто был захвачен в плен и уже обладал сервильным статусом (δοῦλος), от тех невольников, которые до пленения были свободными (ἀνδράποδον) (Vlassopolous 2011, 120).

⁷⁹ Подробнее об отношении древних греков (на примере афинян) к солдатам побежденных армий см. Rosivach 1999, 131–137.

⁸⁰ Сведения Гомера выходят за временные рамки исследования, но он использовал *andrapoda* в значении «пленные» (Il. 7. 475)

⁸¹ В описании Наксоса, которое Геродот вложил в уста Аристогогора, правителя Милета, читаем, что этот остров имеет много добра и рабов (χρήματα δὲ ἐνὶ πολλὰ καὶ ἀνδράποδα; Her. V. 31, 1).

...καὶ ἀνδραπόδων πλέον ἢ δύο μυριάδες ἠὲ τομολήκεσαν, καὶ τούτων τὸ πολὺ μέρος χειροτέχνηται... (Thuc. VII. 27, 5). В обоих случаях речь идет об ἀνδράποδα, сбежавших от афинян к их политическим противникам. Рассказывая о действиях пелопоннесского флота на побережье Малой Азии в 412 г. до н.э., Фукидид сообщает, что пелопоннесцы после захвата Иаса передали Тисаферну «всех пленных, и рабов, и свободных» (τὰ ἀνδράποδα πάντα καὶ δοῦλα καὶ ἐλεύθερα; Thuc. VIII. 28).

Ксенофонт, повествуя о том, как в 407 г. до н.э. архонт Милета Калликратид захватил Мефимну на Лесбосе, в которой располагался афинский гарнизон, пишет: «Итак, все имущество солдаты разграбили, а всех пленных Калликратид собрал на площади...» (τὰ μὲν οὖν χρήματα πάντα διήρπασαν οἱ στρατιῶται, τὰ δὲ ἀνδράποδα πάντα συνήθροισεν ὁ Καλλικρατίδας εἰς τὴν ἀγοράν; Xen. Hell. I. 6, 14). Тогда же Калликратид объявил союзникам, что пока он является архонтом, ни один из эллинов не будет порабощен, и отпустил на следующий день всех свободных граждан, а афинян из гарнизона и пленных рабов всех продал (τῇ δ' ὑστεραία τοὺς μὲν ἐλευθέρους ἀφῆκε, τοὺς δὲ τῶν Ἀθηναίων φρουροὺς καὶ τὰ ἀνδράποδα τὰ δοῦλα πάντα ἀπέδοτο; Xen. Hell. I. 6, 15).

Контекст употребления слова ἀνδράποδων в рассмотренных литературных источниках 5 в. до н.э. не всегда позволяет определить характер употребления этого понятия. Как правило, оно обозначает мирное население, захваченное в ходе военных действий и предназначенное для продажи в рабство, или просто рабов. Вопрос о социальном статусе рабов-*andrapoda* остается дискуссионным, поскольку авторы не всегда поясняют о каких пленных (свободных или рабах) идет речь в их повествовании. Исключение представляет одно свидетельство Ксенофонта, в котором *andrapoda* названы рабы-*douloi* (Xen. Hell. I. 6, 15). Мы поддерживаем сделанный ранее исследователями вывод, что Геродот, Фукидид, Ксенофонт употребляли слово *andrapodon* в значениях «пленный», «раб».

Источники второй группы (примерно с середины 4 в. до н.э.) были подробно рассмотрены Е. Перотти, М.-М. Макту, Дж. Велисарополус-Каракостас (см. выше).⁸² Это уже не исторические труды, а трактат Ксенофонта «О доходах» и судебные речи (Демосфен, Гиперид). В них сообщается о сферах применения труда *андраподов* и их положении. Содержание интересующего нас термина наполняется новым смыслом. Именно с этого времени термин *andrapodon* приобретает устойчивое значение «раб».

В трактате Ксенофонта о «О доходах», написанном около 355 г. до н.э., *andrapoda* упоминаются в качестве частных рабов, которых их владельцы сдавали в наем для работы в серебряных рудниках (Xen. Vect. IV. 4). Повествуя о наличии у богатых афинян большого числа рабов, сдаваемых в наем в рудники, писатель отмечает среди них Гиппоника, владельца 600 *andrapoda* (ἑξακόσια ἀνδράποδα), за которых он получал мину в день, а также – Филоменида, владельца 300 *andrapoda*,

⁸² Perotti 1976, 179–191; Mactoux 1980, 57–59, Velissaropoulos-Karakostas 2011, vol. I, 97, 355; vol. II, 16, 303, 304, 329–330. О термине ἀνδράποδων в 3–1 вв. до н.э. см., например: Голубцова 1969, 135–189; Leal 1980, 186–187; Feldman, Gibbs 1996, 93.

за которых тот получал полмины в день (Xen. Vect. IV. 15). В своем проекте увеличения доходов Афинского государства, Ксенофонт предлагает, чтобы, подобно тому, как частные лица получают доход посредством использования *andrapoda*, и Афины приобретали государственных *andrapoda* (εἰ ὡσπερ οἱ ἰδιῶται κτησάμενοι ἀνδράποδα πρόσοδον ἀέναον κατεσκευασμένοι εἰσίν, οὕτω καὶ ἡ πόλις δημόσια ἀνδράποδα (Xen. Vect. IV. 17).

В речи Гиперида в защиту Ликофрона, дошедшей в отрывках (333–330 гг. до н.э.), находим, что некий афинянин использовал *andrapoda* Аристана на каких-то работах (... Ἀρίστωνος δὲ ἀνδράποδα εἶχεν ἐν τοῖς ἔργοις).⁸³ Далее оратор поясняет, что заработанные доносительством в суд деньги (τὸ δ' ἀργύριον) Аристон отдает Теомнесту. Последний, получая их, покупает рабов (ἐκεῖνος δὲ λαμβάνων ἀνδράποδα ἀγοράζει) и дает, таким образом, Аристону пропитание, поскольку он получает за каждого раба по оболу в день (ὑπὲρ ἐκάστου τοῦ ἀνδραπόδου ὀβολὸν τῆς ἡμέρας; Hup. Lys. 2. 1–2).

В речи Демосфена «Против Олимпиодора» прослеживается четкое разграничение в употреблении автором слов *οἰκέτης* (домашний раб) и *andrapodon* и названы производства, в которых использовался труд рабов-*andrapoda* (Dem. XLVIII, 12–14). Здесь рассказывается, что после смерти афинянина Комона явилось два претендента на его наследство, поэтому имущество покойного было разделено на две части. В состав одной вошел дом и τὰ ἀνδράποδα οἱ σακχυφάνται (изготовители мешковины). В состав другой части наследства – второй дом и τὰ ἀνδράποδα οἱ φαρμακοτρίβοι (изготовители лекарств). Когда же речь заходит о Мосхионе, преданном слуге Комона, его положение Демосфен определяет термином *οἰκέτης* (Dem. XLVIII. 14). Из приведенного отрывка следует, что *андраподы* – это рабы с определенными профессиональными навыками, выступающие объектом наследования.

Также в одном из рассуждений Платона находим описание богатого человека, владельца пятидесяти и больше рабов-*andrapoda* (ὅτῳ ἔστιν ἀνδράποδα πεντήκοντα ἢ καὶ πλείω...; Plat. Resp. 578e2).

В надписях последней четверти 4 – 3 в. до н.э. встречаются сведения, согласующиеся с изложенной информацией из сочинений древнегреческих авторов. Так, в надписи из Теоса конца 4 в. до н.э., упоминаются *andrapoda*, торгующие лесом: ὅσα δ' ἂν τῶν ἀνδραπόδων [ἀνθρακας] ἢ ἄλλο τι πωλῆι ὅσα ἐς ξυλοπωλίην τελεῖ (SEG II. 2, 579). Надпись из Торики представляет закладную на эргастерий и *andrapoda*, проданных Фидону, сыну Айксона: ὁρὸς ἐργαστηρίου καὶ ἀνδραπόδων πεπραμένων ἐπιλύσει Φείδωνι Αἰξωνεῖ (Syll.³ 1191). В священном договоре из Делоса начала 3 в. до н.э. также упоминаются *андраподы*. В нем говорится, что если арендатор не может вовремя внести взнос за аренду земельного участка, то после продажи урожая он обязан продать для покрытия остающегося долга быков, мелкий рогатый скот и рабов-*andrapoda*: [ἀπ]οδόσθων πρὸς τὸ ἐλλεῖπον τοὺς βοῦς [καὶ] πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα (ID 503. 34). В надписи из Илиона 3 в. до н.э. (OGIS 218. 32–34), в которой представлено традиционное

⁸³ Следуем переводу Дж. Бертта (Loeb Classical Library).

деление населения античного города на три основных категории, граждан (πολίται), иностранцев (ξένοι), рабов (δοῦλοι), наряду с *дулами* упомянуты и *андраподы* как отдельная категория несвободного населения города. О высокой ценности *андраподов* как части движимого имущества свидетельствует проклятие делосцев середины 3 в. до н.э. в адрес каждого, кто посмеет вывезти с Делоса *андрапода* вопреки его желанию или же с его согласия: ὅστις ἐγ Δήλου ἀνδράποδον ἐξάγει εἴτε ἄκον εἴτε ἐκόν (IG XI. 4, 1296, A. 2–4, B. 2–5:).

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы согласиться с основным выводом предшественников. Примерно с середины 4 в. до н.э. слово *andrapodon* имеет значение «раб-работник, сдаваемый в наем» для выполнения каких-либо работ на рудниках, в ремесленных производствах или в сельском хозяйстве ради получения за это их владельцами соответствующих выплат. Эти рабы были частью имущества при производствах, к которым они были «прикреплены» их хозяевами. Они могли быть проданными новому владельцу или сданы в наем кому-то на определенных условиях, поскольку были частной собственностью и являлись объектами движимого имущества.

Итак, слова ἀνδράποδον и δοῦλος в древнегреческой лексике первоначально не были полными синонимами. Слово ἀνδράποδον изначально использовалось в уничижительном значении для обозначения несвободных людей, без акцентирования внимания на их гендерной, возрастной принадлежности или профессиональных навыках. Очевидно, что термин ἀνδράποδον имеет два основных значения, которые разделяет хронологическая грань. В 5 в. до н.э., это понятие обозначало главным образом людей, захваченных в плен и порабощенных. Примерно со второй половины 4 в. до н.э. (и вплоть до 1 в. до н.э.), *andrapoda* именовались рабы, которые использовались в производстве или в работах на земельных участках. В классическую эпоху работороговец обозначался как ἀνδραποδοκάπηλος, ἀνδραποδώνης (Hesych. s.v.). В пользу интерпретации ἀνδράποδον как человека, порабощенного путем захвата, свидетельствует афинский закон, в котором незаконное обращение в рабство свободного человека определялось как ἀνδραποδισμοῦ γράφή.⁸⁴ Важно отметить, что в значении «раб из числа захваченных в плен» слово ἀνδράποδον использовалось и в более позднее время. Так, Страбон использует τὰ ἀνδράποδα в рассказе о торговле мирными жителями, захваченными в плен киликийскими пиратами (Strabo XIV. 5, 2). Пленных (τὰ ἀνδράποδα) пираты доставляли для продажи на рынок рабов на Делосе.

Учитывая характер употребления слова *andrapodon* древнегреческими писателями 5 в. до н.э., можно предположить, что ἀνδράποδον в «патрейском» письме обозначает раба из числа захваченных в плен и проданных в рабство. Косвенно против интерпретации слова *andrapodon* в значении «раб как часть имущества, сдаваемого в наем за определенную плату», получившего распространение с середины 4 в. до н.э., говорит отсутствие в свинцовом письме каких-либо характеристик этого раба (условия аренды, ее стоимость, профессиональные

⁸⁴ Daremberg et Saglio, s.v. ἀνδραποδισμοῦ γράφή, v. 1, 268.

навыки). Следовательно, понять однозначно, что подразумевали авторы письма под словом ἄνδράποδος, не представляется возможным. Принимая во внимание полисемантическую терминологию и отсутствие контекста, поясняющего слово ἄνδράποδος, в патрейском письме, предлагаем понимать его в нейтральном значении «раб».

Итак, Сапасий должен был отдать раба Писту, приобретенного, видимо, на невольничьем рынке в одном из городов. О существовании подобных рынков на Боспоре свидетельствует цитированный выше отрывок из Страбона о доставке кочевниками в Танаис на продажу *andrapoda*, наряду с другими предметами (Strabo XI. 2, 3). Очевидно, что рабы для продажи у кочевников появлялись, в первую очередь, в результате захвата в плен мирного населения. Источником поступления рабов в города Северного Причерноморья были, главным образом, местные варвары, а также привезенные на продажу жители внутренних областей Малой Азии и Фракии.⁸⁵ Не исключено, что гендерные, возрастные и профессиональные характеристики безымянного *andrapodon* могли быть оговорены Пистом и Сапасием заранее. Примечательно, что наибольшую сумму долга, в которую включен и раб-*andrapodon*, следует получить с Сапасия, единственного не грека (фракийца?) из должников Писта.

Сткк. 2-3: *στατήρ χρυσῶν, ἡμιστάτήρ χρυσῶν.*⁸⁶ Нет сомнений в том, что в письме речь идет о денежных единицах, а не мерах веса. Об этом свидетельствует специально оговоренная формулировка, что расплатиться следует золотыми *статером* и *гемистатером*. (Это сделано, по всей видимости, для того, чтобы Аристоним, контрагент Писта, не спутал золотые статеры с серебряными.) В письме не сообщается, о золотых монетах какой именно чеканки идет речь. Очевидно, что это было известно как автору письма, так и его адресату.

В 5 веке, после подавления Ионийского восстания в 494 г. до н.э. чеканка золота (электра⁸⁷) в ряде городов западной Малой Азии (Кизик, Фокея, Митилена на Лесбосе, Лампсак) продолжалась без перерыва.⁸⁸ При этом Фокея и Митилена в это время выпускают электровую монету только номиналом в *гекту*, в то время как Кизик и в составе Афинского союза продолжает чеканить *статеры* (и его фракции) по фокейской системе.⁸⁹ Золотая монета (*δαρεικός*) чеканится на монетном дворе персидских царей.⁹⁰ Однако о ней далее говорить не имеет смысла: во-первых, потому, что в письме указан номинал монеты (*статер*), а во-вторых, *дарики* не имели хождения на рынках Северного Причерноморья.⁹¹

Поскольку контекст самого письма не позволяет однозначно говорить, о золотых статерах, какой именно чеканки в нем идет речь, мы в праве лишь высказать более или менее обоснованные предположения на этот счет, исходя из особенностей денежного обращения на Боспоре в интересующий нас период времени.⁹²

Основу денежного обращения на внутреннем рынке Боспора составляли серебряные монеты, которые чеканились в этот период в Пантикапее, а также монеты с легендой АПОΛ.⁹³ С последней трети/четверти 5 в. до н.э. их дополняют чеканки Нимфея, Феодосии и монеты

⁸⁵ О торговле рабами в Северном Причерноморье см.: Nadel 1973, 195–234; Finley. 1983, 168–175, Gavriljuk 2003, 77–80; Avram 2007, 239–241. Нельзя исключать, что рабами становились и жители боспорских городов и поселений, захваченные в ходе военных компаний враждующих полисов.

⁸⁶ Выражаем искреннюю признательность А.А. Завойкину и М.Г. Абрамзону за ценные замечания и помощь в работе над этим комментарием.

⁸⁷ Электровые монеты именовались «золотыми». Например, см. упоминание «золотых» статеров Кизика и Лампсак в отчетах строительной комиссии о средствах на строительство Парфенона 447/6–433/2 гг. до н.э. (IG I³ 436–451), отчете эпистатов в Элевсине 408/7 гг. до н.э. (IG I³ 386. 10). О различиях в обозначении золотых и электровых статеров см. лемму к надписи 4 в. до н.э. из Синопы (ISinope 4). Об электровых монетах архаического и классического времени см.: Bresson 2007, 58; 2009, 71–80.

⁸⁸ Babelon 1901, 489–491; Kraay 1976, 239.

⁸⁹ Зограф 1951, 41.

⁹⁰ Например, см.: Her. VII. 28; Thuc. VIII. 28; IG I² 310.103: *Δαρεικοῦ χρυσοῦ στατήρες*.

⁹¹ Ареалы хождения дариков и кизикинов (*στατήρες Κιζικηνοί*) практически не совпадают (на это указывал еще А.Н. Зограф). Персидская золотая монета в Северном Причерноморье практически не встречается. Единственная случайная находка дарика в районе Китея (Федосеев 2014, 155 и примеч. 43, рис. 1. 4) в принципе ситуации не меняет. *Στατήρες Λαψακηνοί χρυσοί*, ориентированные по весу на стопу дарика, «чаще встречаются в находках с дариками и не завоевывают такой самостоятельной роли в обращении, какую играли кизикины» (Зограф 1951, 174).

⁹² Поскольку начало чеканки золотых статеров Пантикапея датируется не ранее начала второй четверти 4 в. до н.э. (Зограф 1951, 164–168; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, 22; Фролова 2010, 232–233), понятно, что в свинцовом письме говорится не о них.

⁹³ Об их эмитенте до сих пор ведутся дискуссии, которых мы касаться не будем. О сути проблемы см. Завойкин 2013, 352–357.

с надписью ΣΙΝΔΟΝ.⁹⁴ Для обслуживания же крупных торговых (в том числе импортно-экспортных) операций использовались статеры Кизика.⁹⁵ Именно они играли роль интерлокальной денежной единицы, которая с середины 6 в. до н.э. и вплоть до 30-х годов 4 в. до н.э. господствовала на международном торговом пространстве в средней части Эгейского бассейна, западном побережье Малой Азии, Фракии, в городах, расположенных на побережьях Мраморного и Черного морей, в том числе на Боспоре.⁹⁶

Если для более раннего времени (вторая половина 6 – первые десятилетия 5 в. до н.э.) имеются некоторые основания для того, чтобы говорить о присутствии в денежном обращении Боспора, помимо кизикской, монеты неких ионийских центров⁹⁷, то для более позднего периода какие-либо источники подобного рода не известны⁹⁸, что существенно, на наш взгляд, уменьшает вероятность того, что в письме имеются в виду золотые статеры каких-либо иных центров, а не Кизика.

Среди монетных находок второй половины 6 – 5 в. до н.э. наряду со *статерами* Кизика встречаются (реже) их фракции. Так, на городище Патрей были найдены *гекты* и *гемигекты*.⁹⁹ Фракции статеров неоднократно упоминаются в деловых записях жителей городов Северного Причерноморья этого и более раннего периодов. В граффито с Березани, представляющем собой запись торговца первой половины 6 в. до н.э., говорится о беспошлинной продаже каких-то товаров.¹⁰⁰ В перечне, очень фрагментарном, сохранилось упоминание $\epsilon\kappa\tau\eta\nu$ и пять раз $\eta\mu\acute{\iota}\epsilon\kappa\tau\eta\nu$. Монетная система, по которой торговец производил расчеты, основывалась, возможно, на кизикском электровом *статере*, чеканенном по фокейской системе. Правда, для этого времени на Березани известны находки электровых монет, чеканенных по милетской системе.¹⁰¹ В

⁹⁴ Об эмитенте этой монеты, в частности, см. статью В.Д. Кузнецова в настоящем сборнике.

⁹⁵ Зограф 1951, 41; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 22, 27–29.

⁹⁶ Шелов 1956, 52; Фролова, Абрамзон 2007–2008, 22. Перечень боспорских кладов середины 6 – 40–30-х годов 4 в. до н.э., содержащих кизикины и их фракции, см. Абрамзон, Фролова 2007–2008, 23–27.

⁹⁷ Например, при раскопках Фанагории в 2005 г. был найден серебряный *гемиобол* «неизвестного ионийского центра» с оскаленной мордой льва влево и *quadratum incusum*, датированный ок. 480–470 гг. до н.э. (Абрамзон 2013, 66, рис. 4. 105). На Таманском п-ове таких монет найдено не менее десятка (в том числе два аналогичных экземпляра присутствовали в так называемом «фанагорийском кошельке 1998 г.» (Мельников 2001, рис. 1. 2; Гарбузов, Завой-

кин, Строкин, Сударев 2011, рис. 10. 1; 14. 14)) и три – в Восточном Крыму (Мельников 2001, 411).

⁹⁸ Примечательно, что даже для периода активных торговых контактов между Боспором и Афинами серебряная монета последних крайне редко встречается в числе находок на боспорских памятниках, причем это монеты только 5 в. до н.э. (см.: Абрамзон, Фролова, Горлов 1999, 45–46, табл. IV. 53; Строкин 2007, 358, сноска 6).

⁹⁹ Захаров 2009, 207; 215–216; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 61–62 (клад 1998 г.).

¹⁰⁰ Карышковский 1988, 10; Vinogradov 1990, 556, no. 593; Vinogradov 1999, 139, 140.

¹⁰¹ Так, в кладе 2001 г. на Березани, датированном 540-ми гг. до н.э., наряду со *статерами* Фокеи, Теоса, Зелей, Менды (ранее неизвестными), чеканенными по фокейской системе, присутствовали *статер* Эфеса (Фанеса), а также *статеры* и *трите*, чеканенные по милетскому стан-

дарту, которые автор публикации считает продукцией местного монетного двора (Анохин 2010, 10–20). П.О. Карышковский связывал выпуск монет последнего типа (*статер* и три *трите* из Березанского клада 1975 г., первая половина 6 в. до н.э.) с Ионией или Лидией. По мнению исследователя, «Ведущая роль кизикинов в западной части Черноморского бассейна определилась не сразу», хотя кизикины (в том числе *гекты* и *гемигекты*) встречаются в кладах первой половины 6 в. до н.э. в Истрии, на северном берегу Бургасского залива, Ольвии, где, кстати сказать, также был обнаружен лампсакский *статер* последней четверти 6 в. до н.э. (Карышковский 1988, 28–29, рис. 11. 1–4, 6). Однако в 5 в. до н.э. положение дел в этом регионе резко изменилось: исключая единственную митиленскую *гекту*, все электровые монеты в Северо-Западном Причерноморье относятся к чеканке Кизика (там же, 29, рис. 11. 5).

ольвийском письме Апатурия Леанакту конца 6 в. до н.э. говорится о $\epsilon\lambda\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\acute{\iota}\kappa\omicron\sigma\iota\nu\ \sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$, под которыми, по мнению П.О. Карышковского¹⁰², имеются ввиду кизикины. Позднее к этому же выводу пришла М. Дана.¹⁰³ В граффито из Фанагории первой половины 5 в. до н.э. содержится обращение к Гермесу торговца, вопрошавшего у бога торговли, сможет ли он продать медимн пшеницы дороже, чем за *тригемигекту* (1,5 гекты).¹⁰⁴ И в этом случае цена на хлеб установлена, вероятно, в фракциях кизикина.¹⁰⁵ В граффито конца 5 – начала 4 в. до н.э. из Зенонова Херсонеса, по новой его интерпретации, предложенной С.Ю. Сапрыкиным и А.А. Масленниковым, обнаруживаются упоминания номиналов кизикина, *гекты* и *гемигекты* (сткк. 7–8).¹⁰⁶

В тех случаях, когда с точки зрения автора термин «статер» не требовал уточнения, так как речь шла о постоянно использовавшихся в данном полисе денежных единицах, слово $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho$ в тексте могло употребляться без дополнительных определений. Так, например, у Аристофана в комедии «Плутос» (408 г. до н.э.) встречается упоминание $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\sigma\iota\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\iota\varsigma$ (Aristoph. Pl. 816). У Платона в диалоге «Эвтидем», написанного в 380 г. до н.э., также имеется упоминание $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\omicron\upsilon\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon$ (Pl. Euthd. 299e). В синопской проксении 4 в. до н.э. некто освобождается от въездной пошлины на сумму до $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\nu\ \sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\omega\nu\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon$.¹⁰⁷ По свидетельствам Гесихия и Суды, слово «золотой» было синонимом слова *статер*.¹⁰⁸

Приведенные сведения позволяют с определенной степенью уверенности предполагать, что и в патрейском письме подразумеваются статер и полустатер Кизика. Таким образом, Сапасий должен был выплатить Писту, помимо раба ($\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\omicron\nu$), один золотой *статер* Кизика, а Сим – половину *кизикина*.¹⁰⁹

Сткк. 4-5: $\tau\rho\acute{\epsilon}\varsigma\ \tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\rho[\gamma\upsilon]\rho\omicron$ ¹¹⁰, $\tau\rho\acute{\iota}\tau\eta\nu\ \acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\omicron$. Аристоним должен был взыскать с Гераклида *три четверти* серебра, а с Демонакта – *треть* серебра. Поскольку по содержанию письмо Писта относится к категории частной деловой переписки, в которой зафиксированы реалии коммерческой деятельности второй половины 5 в. до н.э., очевидно, в нем содержится повседневная деловая лексика, которую использовали боспорские купцы и торговцы в разговорной речи. Следуя логике текста, после упомянутых выше золотых статеров под словом $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\omicron$ должны подразумеваться серебряные монеты.¹¹¹

Как и в случае с золотыми статерами (полу-статерами) определить безошибочно из самого содержания письма, к какой именно монетной системе они относятся невозможно. Хотя палеография публикуемого письма, как кажется, указывает на его боспорское происхождение, мы не можем утверждать это с полной уверенностью. Но, где бы ни была составлена эта запись, очевидно, что она имеет отношение к коммерческой деятельности, связанной с территорией Боспора (поскольку в конечном итоге письмо оказалось в слое таманского памятника). Как мы отмечали раньше, денежное обращение на Боспоре основывалось

¹⁰² «Речь идет, надо полагать, о ...электровых монетах Малой Азии» (Карышковский 1988, 10).

¹⁰³ Dana 2004, 6, 12.

¹⁰⁴ ...μεδίμνου λ[ωίο]να τρημίε[τον] (Виноградов 1971а, 65–69).

¹⁰⁵ Виноградов 1971а, 65–69.

¹⁰⁶ Ср. Блаватская, Розов 1985, 115–137. Первоиздатели поняли это письмо как хозяйственную запись. Ю.Г. Виноградов предположил, что это граффито относится к группе записей должников, которые вели рыночные менялы-трапезиты (SEG XL, 643). А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин (2007а, 137–139, № 694) развили предположение Виноградова и обосновали новую интерпретацию граффито как долговой записи.

¹⁰⁷ I Sinope 4. 3. Д. Френч полагает, что речь в данном случае идет о *дариках*.

¹⁰⁸ Hes.: $\Sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\ \acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\iota\omicron\nu$; Suid.: $\Sigma\tau\alpha\tau\eta\rho$, $\tau\omicron\ \acute{\epsilon}\kappa\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\iota\sigma\mu\alpha$.

¹⁰⁹ Имеется множество примеров, которые относятся к важнейшим полисам и культовым центрам Аттики и Пелопоннеса, когда те или иные выплаты производились в нескольких денежных единицах. Например, при перечислении взносов в спартанский военный фонд упоминаются $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\varsigma\ \text{Αἰγινάιος}$ и $\delta\alpha\rho\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ (Meiggs, Lewis 1969, 182 no. 67. 10, 16, ок. 427 г. до н.э.), а в перечне храмовых взносов городов и частных лиц в Дельфах – $\acute{\alpha}\tau\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma\ \delta\rho\alpha\chi\mu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\alpha\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\iota\omicron\nu\ \text{Ἀβυδηνόν}$ (Syll.³ 239 C, coll. III. 20. 21, 364/63 г. до н.э.). В отчетах о строительстве Парфенона фигурируют $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\ \sigma\tau\alpha\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$ [Λαμφο]ακενοί и [χρυσό] στατήρες Κ[υζικενο]οί (Meiggs, Lewis 1969, 162, no. 59. 13, ок. 434–433 гг. до н.э., см. также: IG I³ 436. 30, 439. 67, 440. 87, 447/46 – 433/32 гг. до н.э.).

¹¹⁰ После *rho* большая дыра уничтожила *гамму* и левую часть *ипсилон*. От этой буквы сохранилась верхняя часть правой гасты.

¹¹¹ Если бы в тексте не стояло слово $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\omicron$, можно было бы подумать, что речь идет о фракциях электрового *статера*. Однако на Кизике, помимо статера, чеканились *гекты* и более мелкие его фракции. Так что «четверть» и «треть» в патрейском письме не имеют отношения к фракциям электрового статера (как, в милетской системе номиналов).

¹¹² Шелов 1956, 52. Состав монетных кладов второй половины 6 – конца 4 вв. до н.э., найденных в разных частях Боспора, поддерживает этот вывод (см. Абрамзон, Фролова 2007–2008, 22–26).

¹¹³ В этой связи следует упомянуть ольвийский «Декрет Каноба» (IOSPE I², 24) третьей четверти 4 в. до н.э., регулирующий условия торговли на территории Ольвийского полиса, где все торговцы были обязаны использовать только местную монету, и устанавливался единый пункт обмена иноземных монет в экклесиастерии по установленному курсу. Этот обмен не облагался пошлиной, а ввоз – вывоз любых монет объявлялся открытым. В этом же декрете указывается обменный курс: золото продавать и покупать по 10,5 статеров (ольвийским серебром) за статер Кизика (Карышковский 1988, 10–15).

¹¹⁴ Шелов 1956, 63–65.

¹¹⁵ Чеканка серебряной монеты Нимфеем в последней четверти 5 в. до н.э. была по объему, в сравнении с эмиссиями Пантикапея, невелика и не могла покрыть торгово-экономические потребности городов в регионе Боспора Киммерийского (Шелов 1956, 52, 62–63). Фанагория и Феодосия также начали чеканить свою монету не ранее последней четверти 5 в. до н.э. (Шелов 1956, 52). Таким образом, в качестве альтернативы могут быть представлены только монеты с легендой АПОΛ, которые чеканились с середины до конца 5 в. до н.э. (см. Завойкин 2013, 353 слл.).

¹¹⁶ Строго говоря, нельзя полностью сбрасывать со счетов и допущение, что в письме могли подразумеваться фракции драхмы аттической. Однако мизерное число аттических монет в боспорских кладах 5 в. до н.э. свидетельствует об отсутствии регулярного обращения аттической монеты на внутреннем рынке Боспора (Абрамзон, Фролова 2007–2008, 25–26).

на местном чеканном серебре.¹¹² Следовательно, весьма невелика вероятность того, что в записке указываются номиналы не-боспорских монет.¹¹³ Прежде всего, попытаемся определить, какие именно номиналы боспорских серебряных монет могут скрываться под определениями *τρῆς τετάρτας ἀργυρῶ* и *τρίτην ἀργυρῶ*. Хотя *драхма* была основной денежной единицей, в выделенных монетных сериях Пантикапея 5 в. до н.э. количественно преобладают более мелкие номиналы (*диобол, гемиобол, тетартеморий*).¹¹⁴ Поскольку мы предполагаем, что в письме Писта подразумеваются доли пантикапейской драхмы¹¹⁵ (6 оболов), соответственно: *три четверти* пантикапейской драхмы равны 4,5 *оболам* (= 3 *тригемиоболам* или 2 *диоболам* и *гемиоболу*), а *треть* драхмы – 2 *оболам* (= 1 *диоболу*).

Таким образом, Гераклид должен был заплатить Писту 4,5 *обола*, а Демонакт – 2 *обола* серебром (неважно, какими именно номиналами).¹¹⁶

Итак, можно предложить следующее чтение текста нового свинцового письма:

«О, Аристоним! Пист посылает тебе (письмо), чтобы ты взыскал следующее: с Сапасия статер золота и раба, с Сима полустатер золота, с Гераклида три четвертины серебра, с Демонакта треть серебра».

К сожалению, Пист не пояснил, почему Сапасий, Сим, Гераклид и Демонакт должны были заплатить ему. Можно предположить, что перед нами список должников с перечислением взыскиваемых сумм. В любом случае, публикуемое письмо относится к категории деловой переписки и пополняет наши знания о товарно-денежных отношениях в частной сфере на Боспоре второй половины 5 в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. *Корпус боспорских кладов античных монет. I (1834 – 2005 гг.)* (БИ Supplementum 2). Симферополь–Керчь.

Абрамзон М.Г. 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1), 61–107.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 1999. Таманский клад серебряных монет V–IV вв. до н.э., *ВДИ* 3, 39–51.

Анохин В.А. 2010. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев.

Блаватская Т.В., Розов В.Н. 1985. Граффити зенонитов, in: *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. Москва, 115–137.

Борисфен–Березань 2005. *Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань*. Каталог выставки. Санкт-Петербург.

Виноградов Ю.Г. 1971а. Новые материалы по раннегреческой экономике, *ВДИ* 1, 64–76.

Виноградов Ю.Г. 1971б. Прохус Минииды из Пантикапея, *ВДИ* 4, 56–67.

Виноградов Ю.Г. 1974. Древнейшее греческое письмо с острова Березань, *ВДИ* 4, 75–76.

Виноградов Ю.Г. 1997. Письмо с горгиппийских наделов, in: Е.М. Алексеева, *Античный город Горгиппия* (Приложение). Москва, 543–556.

- Виноградов Ю.Г. 2001. Визит эвбейца в Фанагорию, *ВДИ* 1, 103–104.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э., *ДБ* 15, 90–172.
- Голубцова Е.С. 1969. Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии, in: Т.В. Блаватская, Е.С. Голубцова, А.И. Павловская, *Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э.* Москва, 128–199.
- Маринович Л.П. 1977. Рабство в провинции Ахайе, in: Л.П. Маринович, Е.С. Голубцова, И.Ш. Шифман, А.И. Павловская, *Рабство в восточных провинциях Римской империи в I–III вв.* Москва, 5–57.
- Завойкин А.А. 2013. *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ Supplementum 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкина Н.В. 2013. Фанагорийское общество, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 240–312.
- Завойкина Н.В. 2014. Граффити раннего Патрея, *ДБ* 18, 196–208.
- Завойкина Н.В., Павличенко Н.А. 2013. Новое свинцовое письмо из округа античного Патрея, in: *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург, 111–115.
- Захаров Е.В. 2009. Монеты VI–V вв. до н.э., найденные на поселении Гаркуша (Патрей). *ДБ* 13, 206–223.
- Казакевич Э.Л. 1958. Рабы как форма богатства в Афинах, *ВДИ* 2, 90–113.
- Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев.
- Ленцман Я.А. 1951. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, *ВДИ* 2, 47–69.
- Мельников О.Н. 2001. Нимфей, скифский вождь Саммак и измена Гилона, *МАИЭТ* VIII, 410–435.
- Павличенко Н.А., Кашаев С.В. 2012. Новая эпитафическая находка из Гермонассы, *ДБ* 16, 288–298.
- Русяева А.С. 2010. *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Сапрыкин Ю.С., Белоусов А.В. 2012. Письмо Кледика из Гермонассы, *ДБ* 16, 348–349.
- Сапрыкин Ю.С., Белоусов А.В., Федосеев Н.Ф. 2013. Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея, *ДБ* 17, 265–271.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007а. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. (БИ Supplementum 1). Симферополь–Керчь.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007б. Свинцовая пластина с надписью из Фанагории, *ВДИ* 4, 50–61.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2010. Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея, *ВДИ* 1, 50–58.
- Сокольский Н.И. 1973. Культ Афродиты в Кепях в VI–V вв. до н.э., *ВДИ* 4, 88–91.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2004. Новые материалы к хронологии раннего Пантикапея, *ДБ* 7, 344–365.
- Соломоник Э.И. 1987. Два античных письма из Крыма, *ВДИ* 3, 114–131.
- Строкин В.Л. 2007. АПОЛ[ония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]?, *ДБ* 11, 330–379.
- Федосеев Н.Ф. 2014. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства, in: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы 2012 г.* Москва, 141–174.
- Фролова Н.А. 2010. *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. От античности до Византии*. Москва.
- Шелов Д.Б. 1956. *Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э.* Москва.
- Яйленко В.П. 1982. *Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.* Москва.

Avram A. 2007. Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination (6th–1st Centuries BC), in: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges* (Black Sea Studies 6). Aarhus, 239–251.

- Avram A., Chiriac C., Matei I. 2007. Defixiones d'Istros, *BCH CXXXI/1*, 383–420.
- Babelon E. 1901. *Traité des monnaies Grecques et Romaines. Vol. 1. Première Partie. Theorie et doctrine*. Paris.
- Bagnall R.S. 2011. *Everyday Writing in the Graeco-Roman East*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Belousov A., Fedoseev N. 2014. A New Magical Inscriptions from Panticapaeum's Necropolis, *ZPE* 190, 145–148.
- Belousov A.V., Saprykin S.Yu. 2013. A Letter of Kledikos from Hermonassa, *ZPE* 185, 153–160.
- Bradley K., Cartledge P. (eds.). 2011. *The Cambridge World History of Slavery. I. The Ancient Mediterranean World*. Cambridge.
- Bresson A. 2007. La construction d'un espace d'approvisionnement: les cités égéennes et le grain de mer Noire, in: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (éds.), *Une koine pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 49–68.
- Bresson A. 2009. Electrum Coins, Currency Exchange and Transaction Cost in Archaic and Classical Greece, *RBN* 155, 71–80.
- Ceccarelli P. 2013. *Ancient Greek Letter Writing. A Cultural History (600–150 BC)*. Oxford.
- Dana M. 2004. Lettre sur plomb d'Apatourios à Léanax. Un document archaïque d'Olbia du Pont, *ZPE* 148, 1–14.
- Dana M. 2007. Lettres grecques dialectales Nord-Pontiques (SAUF IGDOP 23–26), *REA* 109/1, 67–97.
- Dimitrov P. 2009. *Thracian Language and Greek and Thracian Epigraphy*. Cambridge.
- Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Paris.
- Eidinow E., Taylor Cl. 2010. Lead-letter Days: Writing Communication and Crisis in the Ancient Greek World, *CQ* 60/1, 30–62.
- Feldman L.H., Gibbs J.G. 1996. Josephus' Vocabulary for Slavery, in: L.H. Feldman (ed.), *Studies in Hellenistic Judaism*. Leiden, 83–110.
- Finley M. 1983. *Economy and Society in Ancient Greece*. New York.
- Garlan Y. 1987. War, Piracy, and Slavery in the Greek World, in: M.I. Finley (ed.), *Classical Slavery*. London, 7–21.
- Garlan Y. 1988. *Slavery in Ancient Greece*. Ithaca.
- Gavriljuk N. 2003. The Graeco-Scythian Slave-trade in the 6th and 5th Centuries BC, in: P.G. Bilde, J. M. Højte, V.F. Stolba (eds.), *The Cauldron of Ariantas* (Black Sea Studies 1). Aarhus, 75–85.
- Gschnitzer F. 1964. *Studien zur Griechischen Terminologie der Sklaverei. I. Grundzüge der vorhellenistischen Sprachgebrauchs* (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Mainz 13). Weisbaden.
- Hallof Kl. 1993. *Inchriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis*. Köln.
- Jeffery L.H. 1961. *Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet*. Oxford.
- Jordan D.R. 2000. A Personal Letter Found in the Athenian Agora, *Hesperia* 69/1, 91–102.
- Kashaev S., Pavlichenko N. 2015. Letter on an Ostrakon from the Settlement of Vshesteblievskaya-3, *Hyperboreus* 21/1, 61–79.
- Klees H. 1975. *Herren und Sklaven. Die Sklaverei im ökonomischen und politischen Schrifttum der Griechen in Klassischer Zeit*. Wiesbaden.
- Kraay C.M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Kühner R., Gerth B. 1898. *Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache*. Teil. II, Bd. 1. Hannover–Leipzig.
- Langdon M.K. 1991. Poletai Records, in: G.V. Lalonde, M.K. Langdon, M.D. Walbank (eds.), *Inscriptions. Horoi. Poletai Records. Leases of Public Lands* (Agora XIX). Princeton, 54–143.
- Lazzeroni R. 1970. Etimologia e semantica del Greco andrapodon, *Studi e sagginguistici* 10, 165–170.

- Leal G.A. 1980. La Terminologia de la esclavitud en Polibio, *Memorias de historia antigua* 4, 181–195.
- Mactoux M.-M. 1980. *Douleia: esclavage et pratiques discursives dans l'Athènes classique* (Annales littéraires de l'Université de Besançon 250). Paris.
- Meiggs R., Lewis D. 1969. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century BC*. Oxford.
- Muir J. 2009. *Life and Letters in the Ancient Greek World*. London–New York.
- Pavlichenko N., Kashaev S. 2012. A Personal Letter Found in Hermonassa, *Hyperboreus* 18/2, 225–242.
- Perotti E. 1976. Contribution à l'étude d'une autre catégorie l'esclaves attiques, les ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα, in: *Actes du Colloque 1973 sur l'esclavage* (Annales littéraires de l'Université de Besançon 182). Paris, 179–191.
- Plassart A. 1921. La liste des théorodques, *BCH* 45, 18.
- Rosivach V. 1999. Enslaving BARBAROI and the Athenian Ideology of Slavery, *Historia* XLVIII, 129–157.
- Velissaropoulos-Karakostas J. 2011. *Droit grec d'Alexandre à Auguste (323 av. J.-C. – 14 ap. J.-C.). Personnes – Biens – Justice*. Vols. I–II (Melethemata 66). Athènes.
- Vinogradov J.G. 1998. The Greek Colonization of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters, in: G.R. Tsetskhladze (ed.), *The Greek Colonization of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 152–178.
- Vinogradov J.G. 1999. Archaische und frühklassische Epigraphik in nördlichen Pontosraum, in: *Atti XI Congresso Internazionale di epigrafia greca e latina*. I. Roma, 139–141.
- Vlassopoulos K. 2011. Greek Slavery from Domination to Property and Back Again, *JHS* 131, 115–130.
- Westermann B. 1935. Sklaverei, *RE* Supplband VI, 894–900.
- Westermann B. 1955. *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia.

В.Д. Кузнецов

ФАНАГОРИЯ И СИНДИКА: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ

Статья посвящена некоторым проблемам истории Фанагории и Синдики, причем довольно много внимание уделено вопросу, активно дискутируемому в литературе – так называемой «синдской» монете.

Апойкия в Фанагорию была выведена позднее практически всех древнегреческих городов не только Боспора, но и других частей Северного Причерноморья. Общеизвестным является тот факт, что она была основана Теосом одновременно с другой его колонией – Абдерой.¹ Поскольку этому вопросу мною уже была посвящена отдельная статья², отмечу здесь только самое главное.

Сведения о метрополии Фанагории сообщают несколько авторов. Самую развернутую информацию на этот счет дает Евстафий в своем комментарии к Дионисию Перизегету³: «Ὅτι ἐντὸς τῆς Μαιώτιδος νῆσος ἀπειρεσίη ἐστήρικται, ἣν καλοῦσι Ταυρικὴν, ἐν ἣ Ἔφαιναγόρα καὶ Ἐρμώνασσα, Ἰώνων ἀποικοὶ πόλεις, ὧν ἠγήσατο Ἔφαιναγόρας τις καὶ Ἐρμῶν ἀφ' ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· «Ἔφαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Ἔφαιναγόρας ὁ Τῆϊος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὑβρίν...» (GGM II, 549, p. 324.36–41 = Arr. Bith. fr. 55. Ed. Roos) («Внутри Меотиды расположен огромный остров, который называется Таврика, где (находятся) Файнагора и Гермонасса, колонии ионийцев, выведенные каким-то Файнагором и Гермоном, от (имен) которых эти места получили свое название. Арриан так говорит: «Файнагория, которую основал теосец Фанагор, бежавший от насилия персов»»). К этому нужно добавить сведения анонимных периплов (Псевдо-Арриана и Псевдо-Скимна), которые говорят об основании Фанагории теосцами: Εἶτ' ἔστιν Ἐρμώνασσα Φαιναγόρεια τε, ἣν Τηίου λέγουσιν οἰκίσαι ποτέ (GGM I, 886–887, p. 233 = GGM I, 47, p. 412).⁴

Однако этим свидетельствам противоречат данные Геродота (I. 168) и Страбона (XIV. 1, 30), которые говорят только о переселении в Абдеру, не упоминая Фанагорию. В результате постоянных войн и лишений часть теосцев могла выселиться из Абдеры на Таманский полуостров и основать здесь свою новую апойкию – Фанагорию. Это событие могло произойти через короткий промежуток времени. В пользу этого свидетельствует наиболее ранняя керамика из Фанагории.⁵ Тот же факт, что основание Фанагории связывают не с Абдерой, а с Теосом, объясняется довольно просто: в самой Абдере переселенцы называли себя «теосцами».⁶

Центральной фигурой в основании апойкии был, несомненно, ойкист. Он был лидером переселенцев, обладал практически неограниченной

¹ Жебелев 1953, 61; Graham 1992, 48.

² Кузнецов 2001, 227–236 (= Kuznetsov 2000–2001, 67–77).

³ Κιμμέριον δ' ἄρα τοι διὰ Βόσπορον ἰθὺς ἰόντι ἄλλη ἀπειρεσίη νῆσος πέλει, ἣ ῥά τε λίμνης ἔνδοθι δεξιτερῇ Μαιώτιδος ἐστήρικται ἧς ἔπι Φαιναγόρη τε καὶ εὐκτιτος Ἐρμώνασσα, ἔνθα τε ναιετάουσιν Ἰωνίδος ἔκγονοι αἷης (GGM II, 549–553, p. 137–138). Как видим, сам Дионисий говорит лишь об ионийском происхождении двух апойкий.

⁴ Diller 1952, 102–117, 165. См. Скржинская 1980, 115–125.

⁵ Кузнецов 2010а, 316–320.

⁶ νῦν ὑπὸ Τηίων τῶν ἐν Ἀβδήροις (Her. 1, 168). Подробнее о том, как переселенцы в ту или иную апойкию продолжали называть себя по имени своей родины, см., например: Graham 1999, 72–73, 103–105. Приведем еще такой пример. В 426 г. до н.э. после того, как фиванцы разрушили Платеи, жители этого города получили афинское гражданство. Тем не менее, спустя два десятилетия Аристофан (Frog. 694) еще продолжал называть их платейцами (подробнее: Walbank 2002, 243).

властью, отвечая за все организационные вопросы в период основания нового полиса (вопросы обороны, градостроительного оформления апойкии, формирования политических и религиозных институтов и многое другое).⁷ Его власть часто носила монархические, диктаторские черты. После смерти ойкиста учреждался его культ, его самого часто хоронили в центре города.⁸ Более того, его именем могли назвать основанный им полис. Фанагория в этом отношении дает один из самых ранних примеров. Интересная интерпретация сведений о выводе апойкии в Фанагорию принадлежит И. Малкину. Поскольку Фанагор был лидером беженцев, а не изгнанников, то он основал не обычную (regular) апойкию, которая имела тесные связи с метрополией, а колонию, зависимую в первую очередь от ойкиста, которой он и дал свое имя.⁹

Однако недавно появилась несколько неожиданная точка зрения по этому вопросу. Она принадлежит И.Е. Сурикову. В статье этого автора речь идет об этимологии названий Фанагории и Гермонассы.¹⁰ Основная ее идея состоит в следующем: и Фанагория, и Гермонасса не получили названия от имен своих ойкистов, но являются эпиклесами богов – первая Аполлона, а вторая – некоей богини. Первый шаг в системе доказательств И.Е. Сурикова заключается в том, чтобы показать исключительность обеих апойкий: они были единственными в архаическую эпоху, кто получил названия от имен своих ойкистов. Вторым важным моментом в его рассуждениях (мы говорим сейчас только об интересующей нас Фанагории) относится к оценке фразы Гекатея Милетского πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, на основе которой говорят о Фанагоре как ойкисте. Вывод исследователя короток и ясен: «Гекатей *не говорит*, что Фанагор – ойкист Фанагории». А поскольку свидетельство Гекатея «происходит из эпохи вскоре после основания города» (с. 461), то более поздние авторы могут особенно и не приниматься в расчет.

В связи с этим приведем довольно длинную цитату об уровнях достоверности древних авторов, которые устанавливает И.Е. Суриков: «Посему напишем еще более конкретно: когда речь идет о каких-либо событиях периода архаики... сведения, происходящие из эпохи Геродота и Фукидида, намного надежнее, весомее и достовернее, чем сведения, происходящие из эпохи, допустим, Плутарха и Арриана. Аналогично, по отношению к тому же архаическому периоду сведения, происходящие из эпохи Плутарха и Арриана, надежнее, весомее и достовернее, чем сведения, происходящие из эпохи Стефана и Гесихия. Наконец... сведения, происходящие из эпохи Стефана и Гесихия, надежнее, весомее и достовернее, чем сведения, происходящие из эпохи «Суды» и Евстафия. Безусловно, сказанное являет собой некую схему, не учитывающую отдельные частные нюансы; но все же не думаем, что эта схема в целом уж очень сильно отклоняется от реального состояния дел».¹¹

Мне кажется, что автор скромничает, говоря о схеме. Это не схема, но некая методология, если хотите – философия отношения к древним письменным источникам. В любом случае, это понятная и удобно структурированная конструкция – чем дальше от события автор, тем

⁷ Casevitz 1985, 104 et suiv.; Leschhorn 1984, 83–105.

⁸ Malkin 1987, 189 ff; Jacquemin 1993, 20–23.

⁹ Malkin 1985, 121 ff; 2011, 174, note 5.

¹⁰ Суриков 2012, 440–469.

¹¹ Там же, 462. Не могу в связи с этим не процитировать еще один пассаж автора, касающийся Евстафия (12 в. н.э.): «Нас от него отделяет в два раза меньший временной промежуток, чем его самого – от событий Великой греческой колонизации. Соответственно, то, что было чуть выше замечено в связи со свидетельством Арриана, к свидетельству Евсевия (*видимо, Евстафия – В.К.*) относится еще в большей степени». Мне кажется, между Евстафием и нами имеется гораздо более важное, чем хронологическое, отличие – в распоряжении этого автора имелись сведения, которых лишены мы.

¹² Ср. Charalampakis 2013, 182.

¹³ Суриков 2012, 462. См. Яйленко 2016, 576–577.

¹⁴ Приведем цитату из одной из недавних статей, где ее автор касается этого вопроса: «Phanagores could be a human or a semi-god or whatever. Until new data come to light, there is one and only tradition and the fact is that the city was named after him, not someone else, not anything else» (Charalampakis 2013, 182).

¹⁵ Отметим характерный прием исследователя, когда он говорит об этих словах Гекатея в передаче Стефана Византийского: «Думается, Стефан, по своему обыкновению, опять пофантазировал, отталкиваясь от того, что сам город Фанагория в античности мог называться и Фанагорой. Лично нам наиболее импонирует объяснение названий обеих колоний... посредством теонимов» (с. 464; курсив везде мой – В.К.). Симпатии к собственной точке зрения достаточно для того, чтобы отвергнуть данные письменного источника. Приведем в связи с этим справедливое замечание только что цитированного специалиста: «... Stephanus Byzantius was usually following his sources word by word» (Charalampakis 2013, 183). Что же касается происхождения названий обеих апойкий от эпиклес тех или иных богов, то И.Е. Суриков пишет: «Эпиклезы Фанагор и Гермонасса в источниках пока не зафиксированы. Но это ровно ничего не значит» (с. 464; см. также: Суриков 2015, 340–350). Однако, например, с моей точки зрения, – значит. В противном случае мы нафантазируем похлеще несправедливо обвиненного Стефана по поводу названий различных колоний. Добавим к этому, что имя *Φαναγόρης/ας* хорошо известно как в Ионии (в том числе и в Теосе), так и в самой Фанагории (LGPN IV, VA s.v.). Кроме того, имеется еще граффито на обломке хиосской амфоры, найденное некоторое время назад в древнейшем слое Фанагории (третья четверть 6 в. до н.э.), где присутствует имя Фанагора (предварительная публикация: Завойкина 2016, 42–43). Не исключено, что в нем речь идет о фанагорийском ойкисте, чему соответствует и датировка черепка.

¹⁶ См.: Яйленко 2016, 574–575.

¹⁷ П. Харалампакис справедливо говорит об этом тезисе И.Е. Сурикова как об *argumentum ex silentio* (Charalampakis 2013, 182).

меньше ему доверия. Такой подход, который носит некий механистиче-ский налет, может легко привести к схоластике – абстрактным рассу-ждениям на ту или иную тему на основе свободного обращения с истори-ческими источниками. Он противоречит основным принципам критики древних текстов. Сведения древних писателей, которые были живыми людьми со своими субъективными взглядами на события, со своими пристрастиями и разным уровнем знаний и владения источниками, требуют внимательного и глубокого анализа независимо от времени жизни автора, хотя и с обязательным учетом этого фактора. Вряд ли приемлемо сортировать античных и более поздних авторов по «хро-нологическим клеткам». Тем более, что очень часто нам остаются неизвестными те или иные источники того или иного автора: поздний писатель может доносить до нас и сведения весьма древней тради-ции, и вполне адекватную информацию.¹² Поэтому вызывает протест метод И.Е. Сурикова, когда в своем стремлении опровергнуть сооб-щение Арриана о происхождении названия Фанагории от имени его основателя, он пишет: «Вопрос заключается в том, насколько всему этому можно верить».¹³

Однако это не вопрос веры. Когда мы читаем ...*Φαιναγόρας τις καὶ Ἐρμων ἀφ' ὧν οἱ τόποι καλοῦνται* или *Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαναγόρας ὁ Τῆριος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν*, то мы обязаны полагать, что обе апойкии получили свои назва-ния от носителей этих имен.¹⁴ То же самое можно сказать и о данных Гекатея: хотя географ и не употребляет слово «ойкист» по отношению к Фанагору, понять слова *πόλις ἀπὸ Φαναγόρου* иначе, чем «полис, названный по имени Фанагора», можно только при очень большом же-лании.¹⁵ По поводу уникальности случаев с Фанагорией и Гермонассой, что служит аргументом И.Е. Сурикову для подкрепления его точки зре-ния, отмечу: нам известны имена далеко не всех апойкий архаического времени не только в Причерноморье, но и в Средиземноморье в це-лом.¹⁶ Тем более, что письменные источники на этот счет крайне скуд-ны. Поэтому говорить об уникальности двух боспорских городов нужно с определенными оговорками – мало ли чего уникального мы знаем для античности только потому, что часто имеем крайне ограниченную информацию по той или иной проблеме.¹⁷

Мне представляется, что мы должны отметить стремление И.Е. Су-рикова посмотреть под неожиданным углом на проблему этимологии названий Фанагории и Гермонассы. Это заставляет в очередной раз понять, что любой письменный источник, казалось бы, даже хорошо известный, требует к себе самого внимательного отношения, поскольку редко «исчерпывается» исследователями до конца. Однако анализ этого источника должен быть сделан профессионально. Поэтому, с моей точки зрения, принять выводы автора совершенно невозможно.

Вернемся к мысли И. Малкина об определенной зависимости вновь выводимой апойкии от ойкиста, которой он дал свое имя, что, по мне-нию исследователя, могло ослаблять связи с метрополией. Эта мысль исследователя важна в следующем отношении. Из ряда фактов, в том

числе эпиграфических документов и данных нумизматики, хорошо известно, что между Теосом и Абдерой были очень тесные связи. Напомним, что вскоре после событий, связанных с захватом Теоса персами, город был реколонизован из Абдеры.¹⁸ Абдера и Теос начали почти одновременно чеканку монеты в конце 6 в. до н.э. При этом использование одного типа (на лицевой стороне обоих полисов изображен грифон, хотя и смотрящий в разные стороны – у Теоса вправо, у Абдеры влево), говорит об особых связях между этими городами.¹⁹ Исследователи предполагают на основе эпиграфических данных, что между двумя городами была симполития.²⁰ Теос и Абдера были близки с точки зрения политической организации (в частности, главными магистратами были *тимухи*, а позднее *номофилаки*), главным богом-покровителем обоих городов был Дионис.²¹ Что же касается Фанагории, то до сих пор у нас нет указаний на какие-либо специальные ее связи с Теосом или Абдерой. Естественно, что отсутствие таких данных еще не является аргументом в контексте поисков контактов между Фанагорией и ее метрополией. Причина этого отсутствия может быть банальной – скудость письменных источников. Тем не менее, обратить внимание на этот момент, видимо, будет не лишним. Отсюда со всей осторожностью можно предполагать, что Фанагория, в силу особой политической ситуации в ней, выражавшейся в сильной диктаторской власти Фанагора, могла и не иметь особенно тесных отношений с метрополией.

Теперь остановимся на вопросе о процессе вывода апойкии в Фанагорию. Первый вопрос, на который следует ответить – почему она была основана на Таманском полуострове? Видимо, основная причина в том, что к этому времени (самый конец периода так называемой «Великой греческой колонизации») практически весь периметр Средиземного и Черного морей был занят эллинскими поселениями. Исключение составляли те регионы, где жило очень агрессивное местное население, противостоявшее греческой экспансии. Вспомним, какой трудной была судьба переселенцев другого ионийского города – Фокеи, жители которого, наряду с теосцами, решили покинуть родину в виду нежелания оказаться в персидском рабстве (Her. I. 168). Несмотря на то, что, в отличие от теосцев, у фокейцев в западной части Средиземноморья имелись ранее выведенные апойкии и, соответственно, возможность переселиться в этот регион, судьба их отнюдь не была легкой.²² Еще более близок для нас пример Абдеры, которая вела тяжелые войны с пеонами на протяжении многих десятилетий, чтобы обосноваться во Фракии. Что касается северного побережья Черного моря, то к моменту основания Фанагории все удобные земли уже были заняты либо аборигенным населением, либо греческими переселенцами.

Освоение территории Таманского полуострова началось не позднее примерно рубежа первой и второй четвертей 6 в. до н.э. В это время сюда были выведены Кепы, Гермонасса, другие остающиеся нам неизвестными апойкии (такие, например, как поселения Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4²³). Относительно быстро вся территория Таманского полуострова была покрыта сетью греческих поселений.²⁴ Переселенцы

¹⁸ Radt 1958, 37 f.

¹⁹ May 1966, 49; Chryssanthaki-Nagle 2007, 100–101.

²⁰ Syll.³ 656; Rhodes 1997, 391, nos. 261, 262; Herrmann 1971, 72–77; 1981, 26–30; Graham 1991, 267–268; Ehrhardt 1983, 234.

²¹ Chryssanthaki 2001, 390–395; Sherk 1991, 225.

²² Подробнее см. Morel 2006, 359–428 (где в библиографии можно найти литературу по вопросу).

²³ Керамика из этих поселений датируется второй четвертью столетия: Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауэр 2010, 557–559; Ломтадзе 2013, 216–230. Добавим сюда ранние поселения в Анапском районе.

²⁴ Завойкин, Гарбузов 2010, 184–218.

под предводительством Фанагора выбрали место на берегу Таманского залива, у его юго-восточного угла. Изрезанный рельеф местности здесь соответствовал требованиям обороны будущего города, на небольшом расстоянии к югу находятся плодородные земли. Пришлось ли колонистам завоевывать себе место для будущего города силой оружия, либо эта проблема была решена мирными средствами? Если основание произошло военным путем, то одним из кандидатов на роль противника могли быть греческие апойкии, выведенные примерно на три десятка лет ранее, т.е. Кепы и/или Гермонасса.²⁵

Еще один кандидат на противостояние греческим переселенцам – местное варварское население. Остановимся на этом подробнее. Территория северо-восточного Причерноморья была заселена многочисленными автохтонными племенами, о которых древние авторы оставили разрозненные и часто противоречивые сведения. В нашу задачу не входит уточнение территорий, занятых местным населением к моменту прибытия греческих переселенцев. Тем более, что эту задачу в настоящее время нужно считать, скорее, невыполнимой, чем наоборот.²⁶ Нас прежде всего интересует ситуация с Фанагорией. Многие современные исследователи полагают, что Таманский полуостров и отчасти земли, прилегающие к нему, были заняты синдами.²⁷ Письменные же источники противоречивы в этом отношении. Знаменитый пассаж Страбона (XI. 2, 10) о расположении греческих городов на берегах Таманского залива остается до сих пор сложным для понимания по причине того, что входит в противоречие не только с современной географией полуострова, но и нашими представлениями о его очертаниях в древности.²⁸ В соответствии с данными географа, Кепы и Фанагория находятся на острове, слева при впадении в озеро, в отличие от других городов, которые находятся в Синдике (ἐν τῇ Σινδικῇ).²⁹ Однако по известиям авторов более раннего времени, Фанагория и Кепы, как Синдская Гавань и Патус, также находились в Синдике (Ps.-Scyl. 72 Counillon).³⁰ Если этот вывод верен, то он будет иметь важное значение.

Теперь эпиграфические документы. Наиболее ранние надписи, в которых упоминаются Синдика и синды, датируются временем Левкона I. Среди них следует обратить внимание на две. В первой (КБН 6а) вполне вероятно восстановление слова «Синдика» вместо «синды».³¹ И тогда надпись читается так: ἄρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας [καὶ Σινδικῆς καὶ βασιλεύοντος κτλ. Второй документ происходит из Нимфея и представляет собой посвятельную надпись Теопротида. В ней особое внимание привлекает датирующая формула – ἄρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ Σινδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησῶν. Выражению Σινδικῆ πάσα посвящено несколько комментариев. Издатели надписи полагают, что из него следует, что часть Синдики входила в состав Боспорского государства. Позднее же «вся Синдика» уже была завоевана боспорскими властителями.³² В связи с этим они напоминают, что в соответствии с рассказом Полиена Тиргатао подвергла разрушению Синдику Гекатея (Ἑκαταίου Σινδικῆ), а также державу

²⁵ Понятно, что твердые доказательства такого хода событий вряд ли могут быть найдены. Тем не менее, отметим такой факт, как сильнейший пожар, произошедший в соседних с Фанагорией Кехах. Он датируется временем между 540 и 530 гг. до н.э., т.е. соответствует дате основания Фанагории (Кузнецов 1992, 42–43).

²⁶ Лимберис, Марченко 2010, 189 слл.; Каменецкий 2000, 74–89; Алексеева 1999, 160–169; Дмитриев, Мальшев 2009, 69–70; Новичихин 2010, 255.

²⁷ Горнчаровский, Иванчик 2010, 219; Бондаренко 2012, 11–12; Завойкин 2014, 164–195. По мнению А.М. Новичихина, синдов на Таманском полуострове не было (Новичихин 2011, 11–15; 2014, 115).

²⁸ См. мое понимание этого пассажа: Кузнецов 2013, 315–320.

²⁹ Недавно вышедший комментарий С. Радта к Страбону, к сожалению, не содержит какого-либо серьезного анализа интересующего нас пассажа, обнаруживая к тому же незнание комментатором русскоязычной литературы по вопросу (Radt 2008, 246 ff).

³⁰ Соколова, Павличенко 2002, 112.

³¹ Там же, 114; Завойкин 2004, 153.

³² Соколова, Павличенко 2002, 113.

Сатира (Σατύρου τῆν ἀρχήν). С этой точкой зрения согласен А.А. Завойкин.³³ Возражает против такого понимания этой фразы С.Р. Тохтасьев.³⁴ По его мнению, не было двух Синдик, а Σινδικὴ πᾶσα соответствует слову Σινδοί в боспорских надписях.

Не вдаваясь в дискуссию, отмечу только, что выражение «вся Синдика» неизбежно может означать, по справедливому мнению первоиздателей надписи, лишь одно: до этого в распоряжении Пантикапея была часть страны, а теперь – вся. Это еще раз показала К. Мюллер.³⁵

Перейдем сейчас к археологическим фактам. Археологические исследования показывают практически полное отсутствие каких-либо следов местного населения в виде поселений или некрополей на Таманском полуострове.³⁶ Раскопки в Фанагории, Гермонассе, Кепях, Патрее также демонстрируют исключительно греческий характер этих археологических памятников. Об этом свидетельствует весь комплекс археологических находок, происходящих из этих городов.³⁷ В частности, можно отметить отсутствие заметного количества лепной керамики местных типов.³⁸ В противоположность этому некоторые исследователи отмечают наличие такой посуды в ряде сельских поселений. Например, на одном из них – Артющенко 1 – автор раскопок фиксирует такой факт: половина всех керамических находок (правда, без учета амфорной тары) составляют обломки лепной керамики, изготовленной «в традициях местного варварского населения». Ю.А. Виноградов полагает, что этот памятник представляет собой временное поселение на окраине Гермонассы, в котором жили представители местных племен.³⁹ На некоторых других поселениях также фиксируется лепная посуда, которую обычно связывают с наличием в них аборигенного населения.⁴⁰

Однако только факт находки на поселении лепной керамики местного типа (наряду с доминирующей, как правило, греческой посудой) не может служить основанием для его интерпретации в качестве, например, греко-варварского. Уже давно в литературе стало общим местом рассуждение о том, что греческие переселенцы часто женились на местных женщинах, которые продолжали использовать привычные для них предметы в быту, в том числе лепную керамику.⁴¹ Именно ее, по распространенному мнению специалистов, и находят в слоях архаического времени многих колоний. Однако следует отметить, что упрощенный подход к интерпретации находок лепной керамики в греческом поселении только как свидетельства присутствия аборигенного населения вызывает определенные возражения.⁴²

Очевидно, что не были исключением в этом отношении и апойкии на Таманском полуострове. Хотя применительно к Фанагории у нас крайне мало оснований говорить об этом из-за пока почти полного отсутствия керамики местного типа в слоях архаического времени.⁴³ Кроме того, не исключено, что теосцы могли переселиться сюда вместе с женами и детьми, и в таком случае им не было необходимости обзаводиться новыми семьями.⁴⁴

Следует также добавить и то, что интерпретацию этнической принадлежности поселений типа Волна 1 затрудняет и тот факт, что на

³³ Завойкин 2004, 153–154; ср. Горончаровский, Иванчик 2010, 223.

³⁴ Тохтасьев 2004.

³⁵ Müller 2010, 33–34, 277, note 133.

³⁶ Завойкин 2011б, 260–261.

³⁷ Кузнецов 2010б, 431 и слл.; Финогонова 2010, 511 и слл.; Абрамов 2010, 529 и слл.; Журавлев, Кузнецов 2010, 541 и слл.; ср. Kryzhitskiy 2007, 22.

³⁸ См. Завойкин 2011, 261–262.

³⁹ Виноградов 2002, 64–65; 2006, 75.

⁴⁰ Соловьев 2002, 50; Соловьев, Бутягин 2002, 78.

⁴¹ Приведем в качестве примера лишь одну работу, в которой можно найти и литературу по вопросу: Esposito, Zurbach 2010, 51–70. С.Д. Крыжицкий полагает, что лепной керамикой могли пользоваться и греки, покупавшие ее у варваров, живших вне города (Kryzhitskiy 2007, 19).

⁴² Malkin 2002, 219–220; Müller 2007, 143–144.

⁴³ Завойкин 2011б, 261.

⁴⁴ Как мы предполагаем из Абдеры, в которую они, в свою очередь, выселились в полном составе: ἐσβάντες πάντες ἐς τὰ πλοῖα (Her. I. 168).

них не открыты какие-либо диагностирующие архитектурные и урбанистические признаки, под которыми подразумеваются здания различного назначения, а также планировочные решения.

Таким образом, археология свидетельствует скорее в пользу отсутствия на Таманском полуострове какого-либо автохтонного населения, чем говорит о его присутствии.⁴⁵ В качестве одного из возможных объяснений такого положения можно привести палеогеографическую ситуацию в регионе: к моменту освоения греками нынешний Таманский полуостров представлял собой архипелаг островов.⁴⁶ Не исключено, что он не представлял для местных земледельческих племен особого интереса с точки зрения основного вида их хозяйственной деятельности, либо по каким-то другим причинам. Однако отсутствие (или почти полное отсутствие) синдских или других негреческих поселений не означает, что Таманский полуостров был совершенно пустынным. Очевидно, что эти земли находились под тем или иным уровнем контроля со стороны синддов, почему они и включались древними авторами в состав Синдики. Ближайшие же археологические памятники, относящиеся к местным племенам, зафиксированы за пределами Таманского полуострова, примерно в районе современной Анапы.⁴⁷ Заметим, что все сказанное выше может считаться лишь предположением, причем далеко не самым убедительным, что осознает и сам автор этих строк.

К сожалению, в нашем распоряжении крайне мало каких-либо фактов о взаимоотношениях Фанагории и других греческих полисов азиатской части Боспора с местными племенами вообще и с синдами, в частности. В археологической литературе довольно много говорится о контактах, прежде всего торговых, между греками варварскими племенами Прикубанья, о влиянии античной материальной культуры на последних.⁴⁸ Очевидно, что таких контактов не могло не быть, в первую очередь в пограничных районах. Для многих регионов античного мира отмечается одна и та же тенденция: по мере удаления от пограничных регионов между разными культурами ослабевают и контакты между ними.⁴⁹ Нужно также иметь в виду, что важную роль в продвижении эллинских товаров играли сами местные племена, распространявшие их в удаленные от моря территории.⁵⁰

Говоря о контактах боспорских эллинов с автохтонным населением нельзя избежать вопроса о так называемой «синдской» монете. Как хорошо известно, имеется довольно значительная группа серебряных монет с надписью $\Sigma \text{I} \text{N} \Delta \Omega \text{N}$, которой уделяется повышенное внимание в научной литературе.⁵¹ Главная проблема состоит в определении эмитента этой монеты. На протяжении многих десятилетий существовали две точки зрения. В соответствии с одной из них монета принадлежала племени синддов, что использовалось для доказательства существования у них государства.⁵² Причем вывод о высоком уровне политического развития, сделанный на основе признаваемого факта чеканки монеты, служит в свою очередь основанием для убеждения в высоком уровне развития экономики у этого племени. По другой точке зрения, монета была чеканена одним из греческих городов на азиатской стороне Боспора.⁵³

⁴⁵ Приведем фразу авторов одного из последних по времени исследований о синдах: «По сути дела синды с археологической точки зрения являются фантомом» (Горончаровский, Иванчик 2010, 224; ср.: Алексеева 1999, 161; Завойкин 2011б, 260–261; Бондаренко 2012, 26. См. также: Иванов, Сударев 2012, 194–197). При этом не следует забывать и о специфике археологической аргументации: не так уж редки случаи, когда заведомо известный факт пребывания того или иного населения на конкретной территории не находит отражения в археологических материалах (см.: Hall 1997, 129, 142; Antonaccio 2001, 125 ff; см. также: Lomas 2000, 176).

⁴⁶ Журавлев, Шлотцауэр 2011, 254–260; 2014, 151.

⁴⁷ Алексеева 1999, 160; Новичихин 2010, 255; 2014, 117.

⁴⁸ Каменецкий 2000, 120; Лимберис, Марченко 2010, 195.

⁴⁹ В отношении интересующего нас региона см. Лимберис, Марченко 2010, 214.

⁵⁰ Подробнее см. Dietler 1989, 127–141.

⁵¹ Фролова 2002, 83.

⁵² Например: Мошинская 1946, 203–208; Шелов 1949, 111–118 (позднее Д.Б. Шелов скорректировал свою точку зрения: Шелов 1981, 242–243); Горончаровский 2011, 129; Горончаровский, Терещенко 2014, 99–109.

⁵³ Например: Каллистов 1949, 153; Грач 1972, 133–141.

А.А. Завойкин и С.И. Болдырев предложили видеть в синдской монете союзную чеканку греческих городов, находящихся в Синдике.⁵⁴

Наиболее активными сторонниками признания синдвов эмитентами «синдской» монеты можно, по всей видимости, считать С.Р. Тохтасьева и Ф.В. Шелова-Коведяева.⁵⁵ Они исходят из того, что надпись ΣΙΝΔΩΝ может означать только одно – «(монета) синдвов». Соответственно, она была чеканена «от имени народа синдвов».⁵⁶ Подтверждается же этот вывод тезисом о «возникновении у синдвов не позже, чем в середине V в. до н.э. не определимого ближе типа ранней государственности».⁵⁷ Другими словами, происходит возвращение к более ранней идее о том, что наличие государственности является решающим аргументом для появления монеты. Причем государственность эта определяется наличием у синдвов царя, после констатации чего рассуждения противников принадлежности монеты синдам «утрачивают уже всякое значение».⁵⁸

К. Мюллер в своей недавно вышедшей работе также склонна видеть в «синдской» монете племенную чеканку, полагая, что такая точка зрения более реалистична, чем мнение о возможности выпуска этой монеты греками азиатского Боспора под заимствованным именем «синды».⁵⁹ По ее мнению, монета чеканилась в одном из греческих городов, видимо, Пантикапее.

Однако не все исследователи согласны с этими выводами. Ряд специалистов активно выступает противником точки зрения принадлежности интересующих нас монет синдам. Например, С.Ю. Сапрыкин считает, что выпуск монеты обычно осуществлялся от имени царя, а чеканка от имени племени или народа невозможна.⁶⁰ Он полагает, что теоретически допустима легенда ΣΙΝΔΙΚΗΣ («монета Синдики»⁶¹), но таких случаев, по его мнению, не зафиксировано (см. ниже). В результате С.Ю. Сапрыкин приходит к выводу о том, что выпуск так называемых «синдских» монет принадлежит одному из городов азиатской части Боспора. Скорее всего, это был полисный чекан Синдской Гавани.⁶² Такой же точки зрения придерживается Д. Макдоналд, который считает невозможным эмиссию монет аграрными племенами, а также другие специалисты.⁶³ Отметим в этой связи еще статью А.З. Аптекарева, в которой перечислены вопросы, возникающие при определении этих монет в качестве синдских.⁶⁴

Как представляется, прежде чем решать проблемы, связанные с атрибуцией «синдских» монет, необходимо определить или уточнить некоторые существенные моменты. В качестве первого из них можно указать на вопрос о существовании синдской государственности как доказательстве возможности чеканки монеты. Нужно признать, что сам по себе этот факт доказательством отнюдь не является. Хорошо известно, что многие греческие полисы, которым в наличии государственности не откажешь, монету не выпускали никогда.⁶⁵ Более того, возникает новый вопрос о том, на основании каких фактов можно говорить о наличии государства у синдвов и что это было за государство? Ответ может быть дан самый расплывчатый, который базируется практически только на использовании слова «царь» применимо к синдскому

⁵⁴ Завойкин, Болдырев. 1994, 43–47. Недавно А.А. Завойкин отказался от своего мнения на этот счет (Завойкин 2011а, 118–124).

⁵⁵ Шелов-Коведяев 1985, 127–130; Тохтасьев 2001; 2002; 2004.

⁵⁶ Тохтасьев 2011, 66.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Тохтасьев 2001, 67.

⁵⁹ Müller 2010, 31.

⁶⁰ Сапрыкин 2003, 25–26; 2006, 175–176. Ранее эта точка зрения высказывалась Н.Л. Грач (Грач 1972, 138).

⁶¹ В таком случае правильнее будет ΣΙΝΔΙΚΟΝ (sc. νόμισμα).

⁶² См. также: Шелов 1981, 241–243; Анохин 1986, 14–15.

⁶³ McDonald 2005, 24; Hansen, Nielsen 2004, 147.

⁶⁴ Аптекарев 2004, 15–18.

⁶⁵ Osborne 1996, 250–259; Howgego 1995, 16. По некоторым подсчетам более половины из всех полисов не чеканили монету (Martin 1995, 270). Добавим к этому, что в последнее время происходит отказ от устоявшейся точки зрения (Finley 1999, 166) о связи между монетной чеканкой и политическим суверенитетом: см. Mackil 2013, 248.

правителю в греческих письменных источниках.⁶⁶ Добавим к этому, что складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, монета, приписываемая синдам, становится доказательством существования у них государства, а с другой – наличие государства становится обоснованием чеканки монеты. Еще один закономерный вопрос, который неизбежно возникает при анализе проблемы, состоит в следующем: чем имевшие государственность синды отличались от соседних племен? Например, письменные и археологические источники дают основания утверждать, что синды находились на одном уровне своего общественного и экономического развития с меотами, которым никто не приписывает существование государства.⁶⁷

Еще один момент – уровень развития экономики, влияющий на появление монеты. Одной из причин появления монеты в том или ином обществе часто (во всяком случае, в отечественной историографии) считают достижение этим обществом определенного уровня экономического развития.⁶⁸ Причем уровень «определенности» этого развития остается неясным и часто становится понятием совершенно субъективным: если монета появилась, то это означает, что экономические условия созрели. Однако вопрос о причинах появления монеты не так очевиден. В нумизматической литературе на этот счет ведутся активные дискуссии.⁶⁹ Однозначный ответ на этот вопрос отсутствует. Тем не менее, многие специалисты говорят о том, что собственно уровень развития экономики в конкретном обществе далеко не всегда играл определяющую роль. Важнейшую роль в возникновении монеты играли государственные расходы, такие, например, как необходимость оплачивать выполнение своих обязанностей полисными магистратами, требования фиска, финансовые выгоды эмитента от разницы между стоимостью металла и окончательной ценой монеты, оплата содержания наемников и др.⁷⁰ Добавим сюда такой факт, как начало чеканки монеты в связи с необходимостью выплачивать дань, как это было, например, с некоторыми городами северной Греции по отношению к Персии.⁷¹ Как справедливо отмечает З. фон Реден, быстрое распространение монеты по греческому миру было тесно связано, прежде всего, с наличием полисных институтов и эллинской культурой.⁷²

Имеется пример чеканки монет племенами, жившими в Северной Греции (так называемые *tribal coinages*). Хорошо известно, что племена (эдоны, дерроны, бисалты, ихны, орески и др.), называемые «фракийско-македонскими», чеканили в течение непродолжительного времени (с конца 6 в. до начала 5 в. до н.э.) серебряные монеты.⁷³ Надписи на них бывают нескольких типов. Например: ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΣ и ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΝ, ΟΡΕΣΚΙΟΝ и ΟΡΕΣΚΙΩΝ, ΒΙΣΑΛΤΙΚΟΣ и ΒΙΣΑΛΤΙΚΩΝ и др.⁷⁴ Речь идет о прилагательных, которые в мужском роде подразумевают слово типа «статер» (е.g. ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΣ ΣΤΑΤΗΡ), а в среднем роде – слово типа νόμισμα (е.g. ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΝ ΝΟΜΙΣΜΑ)⁷⁵, а также о существительных в род. пад. мн. числа (типа ΒΙΣΑΛΤΙΚΩΝ). Как их нужно понимать? Самый простой путь – видеть в них выражение «(монета) бисалтов (орескиев и т.д.)».⁷⁶ Однако среди монет этих близких

⁶⁶ См. Бондаренко 2012, 23.

⁶⁷ Шелов 1981, 235, 238, 241.

⁶⁸ См. об этом: Reden von 1997, 156.

⁶⁹ Назовем лишь некоторые работы: Kraay 1964, 76–91; Le Rider 1985; Martin 1995, 267–268; 1996; Schaps 2007. См. Коваленко, Толстиков 2010а, 41–42 (сноска 88).

⁷⁰ Garlan 1989, 69; Howgego 1995, 3; Martin 1996, 258–259; Reden von 2010, 64.

⁷¹ Martin 1985, 34.

⁷² Reden von 2010, 25.

⁷³ Златковская 1968, 3–22; Hammond, Griffith 1979, 69 ff; Youroukova 1999, 435–439. Н.Л. Грач не считает возможным сравнивать эти монеты с «синдскими» из-за хронологической разницы между ними (Грач 1972, 138, сн. 30).

⁷⁴ Head 1911, 199–202.

⁷⁵ Ibid., 202; Masson 1995, 6.

⁷⁶ Hammond, Griffith 1979, 77.

друг к другу племен, к тому же чеканивших однотипные экземпляры⁷⁷ (в отличие от «синдских», заметим в скобках), встречаются легенды с указанием имени правителя. Самым ярким примером является монета племени эдонов, на которой с разными вариантами выбито имя царя Геты.⁷⁸ Кроме того, среди монет дерронов известна легенда с именем правителя Евергета⁷⁹, а среди монет бисалтов – с именем династа ΜΩΣΣΕΟ.⁸⁰ Получается, что по непонятным нам причинам на этих монетах могло выбиваться то название племени, то имя правителя. В этом есть нелогичность. Не имея возможности подробнее останавливаться на этой проблеме, отметим лишь, что выход из этой ситуации может заключаться в том, что приведенные выше легенды представляют собой сокращенный вариант надписи, в которой оставлено только название племени. Это могло делаться по причине отсутствия места на монете, необходимого для развернутой легенды, в которой изначально содержалось имя царя. Подтверждение мы находим в тех же монетах фракийского региона. Например, встречаются сокращения на монетах дерронов (ΔΕΡΡΟ, ΔΕΡΡΟΝΙ), орескиев (ΟΡΡΗ, ΟΡΗ), ихнов (ΙΧΝΑ).⁸¹

Вопрос о причинах чеканки фракийско-македонскими племенами серебряных монет практически не вызывает сомнений в научной литературе. Их чеканка отнюдь не является свидетельством высокого уровня развития их государственности или экономики. Этот факт обязан, прежде всего, наличию серебряных рудников (Пангейский горный массив). Обычно считается, что после вторжения сюда персов местное население было вынуждено платить им дань. Именно серебряные монеты и служили для этих целей. Они были тяжелыми (как правило, октодрахмы) и предназначались для внешнего рынка (их находят в кладах далеко за пределами Фракии). Эти монеты были, по сути дела, помеченным штемпелем товаром, гарантировавшим качество и вес серебра для покупателей. Подтверждение этой точки зрения находят в совпадении времени чеканки tribal coins с пребыванием персов в этом регионе, крупном номинале монет (известны монеты весом более 40 г), а также в распространении монет фракийско-македонских племен далеко за пределами северогреческого региона (Сирия, Иордания, Египет, Афганистан), что говорит об их востребованности по всей ойкумене.⁸²

Вернемся к «синдским» монетам. Чем может быть обусловлена чеканка монеты племенем (или племенами), ничем особенным не выделяющимся из окружающего автохтонного населения? Одной из таких причин может быть развитая политическая структура общества с устоявшимися институтами, схожими с полисными, которые бы требовали введения монеты для их функционирования. Однако у нас нет никаких оснований думать о том, что у синдов она была. То же самое можно сказать и об экономической структуре синдского общества, которая могла находиться только на низкой стадии своего развития (напомним, например, о таком элементе, как фискальные органы). Не было в регионе, как в той же Северной Греции, месторождений драгоценных металлов, что позволило бы иметь собственную монету.

⁷⁷ Kraay 1976, 139.

⁷⁸ Например: ΓΕΤΑΣ ΗΔΟΝΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Подробнее о вариантах легенды см. ниже (сноска 110).

⁷⁹ ΕΥΕΡΓΕΤΕ(Ω) (укороченный ионийский генетив: Masson 1995, 7).

⁸⁰ Head 1911, 200; Златковская 1968, 5.

⁸¹ Head 1911, 202; Babelon 1907, 1043–1046, 1059–1060; Златковская 1968, 4; Hammond, Griffith 1979, 76.

⁸² Kraay 1976, 139; Hammond, Griffith 1979, 69–75; Slavova 2008, 178. Некоторые исследователи задают по этому поводу вполне резонный вопрос: почему оплата дани персам осуществлялась чеканенной монетой, а не слитками серебра? (Price, Waggoner 1975, 124; также см. Kagan 2006, 53).

Естественно возможным кажется в такой ситуации предположение о чеканке монеты для обслуживания торговых операций, которые осуществлялись между автохтонным населением и греческими поселениями с момента появления последних в регионе. Остановимся на этом несколько подробнее. Уже с 6 в. до н.э. греческий импорт фиксируется в ряде мест Прикубанья. С течением времени он увеличивается, достигая пика в 4 в. до н.э.⁸³ Исследователи говорят на основе этих данных о важности «варварских» товаров (зерно, рабы, шерсть, кожи) для Боспора и о глубокой эллинизации местного населения, которое активно потребляло импортные продукты (вино, оливковое масло) и ремесленные изделия.⁸⁴ Действительно, все эти торговые контакты существовали в течение значительного периода времени. Однако определить уровень их интенсивности, а также место этих связей в экономике контрагентов (т.е. Боспора и местных племен) непросто. Например, уверенность многих специалистов в большом значении для Боспора хлеба, производимого прикубанскими племенами, основана, главным образом, на том, что для экспорта в Средиземноморье собственного зерна Боспору не хватало.⁸⁵ Может быть это и так, но каких-либо доказательств, кроме логических построений, у нас нет. Дело в том, что предполагать постоянный уровень экспорта боспорского хлеба на внешние рынки невозможно хотя бы потому, что урожай по разным причинам (прежде всего климатическим) не мог быть стабильным.⁸⁶ Точно также мы не можем быть уверенными в том, что этот экспорт сам по себе был постоянным на протяжении длительного времени, как полагают некоторые исследователи, опирающиеся на данные Демосфена.⁸⁷ К тому же судить об интенсивности торговых связей греков и аборигенов на основе только данных археологии весьма затруднительно: взгляд на карту распространения античного импорта в бассейне Кубани показывает, что эллинские вещи не столь многочисленны, чтобы делать далеко идущие выводы в этом отношении.⁸⁸ Понятно, что археологические реалии не адекватно отражают связи между торговыми контрагентами хотя бы потому, что за кадром остаются товары, не сохраняющиеся в земле. Принимая все эти аргументы во внимание, подчеркнем, что наша задача сейчас состоит не в оценке объемов торговли, не в преувеличении или преуменьшении ее значения во взаимоотношениях между греками и варварами в регионе. Нам важнее другое – во избежание беспочвенных предположений, какими бы они ни казались логичными, необходимо стремиться к тому, чтобы опираться на установленные факты.

В этой связи обратим внимание на такой примечательный момент, как отсутствие какого-либо значимого количества монетных находок в Прикубанье. Очевидно, что это свидетельствует в пользу натурального характера обменных операций между греками и варварами.⁸⁹ Отсюда следует вывод о том, что видеть причину введения «синдской» монеты для обслуживания торговых операций греков с местными племенами в настоящее время было бы не только неосторожным, но и крайне рискованным.

⁸³ Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 268–277.

⁸⁴ Андреев 1996, 3–17; Малышев 2000, 107, 117–118.

⁸⁵ Блаватский 1953, 181; Анфимов 1967, 130; Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 264–265. Ср. Гарбузов 2015, 77–86.

⁸⁶ Подробнее об этой проблеме в целом см. Gallant 1991.

⁸⁷ Гайдукевич 1949, 82; Брашинский 1984, 180.

⁸⁸ Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 270–272, 276, 279.

⁸⁹ Малышев 2000, 107 (весьма любопытные параллели приведены автором на стр. 117). Отметим мимоходом точку зрения А.Е. Терещенко, который полагает, что возникновение на Боспоре монеты обязано необходимости обслуживать внешнюю торговлю (Терещенко 2012, 168–179). С нумизматической позиции эта гипотеза не может быть доказана, оставаясь лишь предположением. Хотя бы потому, что для внешней торговли было необходимо чеканить монеты крупных номиналов. В этом отношении более привлекательна точка зрения С.А. Коваленко и В.П. Толстикова (Коваленко, Толстиков 2010б, 44) о возникновении пантикапейской монеты в связи с необходимостью финансирования масштабных строительных работ в полисе. Однако и она также рискует остаться недоказанной. По поводу же времени возникновения этой чеканки и использования А.Е. Терещенко примера с Абдерой для подкрепления своей позиции обратим внимание на то, что автору осталась неизвестной одна из последних работ на эту тему: К. Хриссантаки-Нагль датирует начало чеканки в Абдере 520–515 гг. до н.э. (Chryssanthaki-Nagle 2007, 97).

В статье, посвященной синдам, Д. Браунд придерживается похожей точки зрения. Он справедливо подчеркивает, что исследователи мало обращают внимания на причины чеканки «синдской» монеты. По его мнению, если предполагать экономические причины, то необходимо ответить, в чем они состоят и почему монета внезапно появилась и также внезапно прекратила свое существование. Принимая во внимание, что эту монету находят преимущественно на Таманском полуострове, вряд ли ее неожиданное появление можно связывать с торговлей. Д. Браунд считает, что монета срочно понадобилась синдам для оплаты наемников, нанятых на службу в связи с известными военными событиями в Синдике (Гекатей, Тиргатао).⁹⁰ Эта точка зрения представляется вполне правдоподобной. Однако для ее принятия нужно решить, по крайней мере, два вопроса. Первый заключается в определении времени чеканки «синдской» монеты, а второй – в обосновании точки зрения о племени синдов как эмитенте.

До недавнего времени общепринятой датировкой «синдских» монет можно было считать последнюю четверть 5 в. до н.э.⁹¹ Однако Н.А. Фролова в статье, опубликованной в 2002 г., предложила пересмотреть хронологический период, в который эта монета чеканилась. Она считает возможным относить чеканку к началу 5 в. до н.э., которая затем продолжилась и во второй половине столетия.⁹² В качестве аргументов она приводит состав сплава монет, в котором примесь золота составляла от 0,1 до 1,0% (его меньше в более поздних боспорских монетах). По мнению исследовательницы этого факта достаточно, чтобы датировать исследуемые монеты ранним временем. Еще одним аргументом служат метрологические данные: наличие мелких номиналов говорит «о раннем периоде начала их эмиссий». К тому же многочисленность (более 130 экземпляров) свидетельствует о продолжительности чеканки (до конца 5 в. до н.э.).

Спустя короткий промежуток времени Н.А. Фролова внезапно изменила без каких-либо объяснений датировку чеканки монет на вторую половину 5 в. до н.э.⁹³ Тем не менее, независимо от этого скажем несколько слов по поводу отнесения эмиссии в первую половину столетия с тем, чтобы более не возвращаться к вопросу хронологии.

Предложенный первоначально Н.А. Фроловой подход к датировке монет вызывает вполне определенные возражения.⁹⁴ В частности, что касается примеси золота в серебряных монетах, то ее значение, видимо, нужно связывать в первую очередь с месторождением серебра. Например, примесь золота в афинских «совах», чеканенных из лаврийского серебра, не зависела от даты и всегда была низкой.⁹⁵ Более высокое содержание золота в «синдских» монетах по сравнению с лаврийским серебром ведет, скорее всего, к заключению о другом источнике поступления металла для этих монет.⁹⁶ Хотя следует отметить, что выводы в этой сфере требуют осторожности и, по всей видимости, дополнительных анализов.⁹⁷ Приведем только один пример, объясняющий сложность проблемы: анализ эгинских монет архаического и раннеклассического времени показывает, что для их чеканки

⁹⁰ Braund 2007a, 20.

⁹¹ Зограф 1951, 169; Шелов 1956, 45.

⁹² Фролова 2002, 82–83.

⁹³ Frolova 2004, 63–69.

⁹⁴ См. Горончаровский 2011, 127.

⁹⁵ Gale, Gentner, Wagner 1980, 12ff, 48–49.

⁹⁶ Смекалова, Дюков 2001, 28.

⁹⁷ См. Завойкин 2011a, 121.

серебро использовалось из трех разных источников, выявление которых вызывает определенные трудности.⁹⁸ Исследователи отмечают четыре главных источника поступления драгоценных металлов, использовавшихся для чеканки монет – импорт слитков, импорт монет, займы в святилищах и военная добыча.⁹⁹ Поэтому упрощать ситуацию, сводя всё только к импорту металлов (несмотря на его первостепенную важность), вряд ли будет правильно. Тем более, что речь идет, судя по всему, как о довольно ограниченном количестве выпущенных монет, так и о кратком периоде эмиссии.

В отношении второго пункта в обосновании более ранней по сравнению с традиционной датировки можно вполне определенно сказать, что он аргументом вообще не является. Дело в том, что в литературе считается, что действительно монетизированной греческая экономика стала только после середины 5 в. до н.э. Это связывают с тем, что именно с этого времени, вопреки мнению Н.А. Фроловой, происходит массовое распространение мелких фракций, необходимых для повседневных торговых операций, тогда как в более раннее время монеты выпускались более крупными номиналами (часто не младше драхмы).¹⁰⁰ Поэтому мелкие и особенно мельчайшие номиналы в общем и целом свидетельствуют в пользу более поздней даты. Хотя нет смысла оспаривать и факт выпуска относительно мелких номиналов и в более раннее время.¹⁰¹ Как бы то ни было, из всего этого следует простое заключение: факт выпуска мелких номиналов не может служить решающим аргументом в датировке чеканки той или иной монеты.

Таким образом, представляется оправданным придерживаться традиционной датировки выпуска «синдских» монет в пределах примерно последней четверти 5 в. до н.э.¹⁰² Если это так, то вернемся к гипотезе Д. Браунда о необходимости оплаты наемников как причине начала чеканки рассматриваемой монеты. Британский автор не сомневается в том, что ее выпуск осуществлялся синдами, оказавшимися в непростой военной ситуации. Для того чтобы попытаться прояснить ситуацию, обратимся к самой «синдской» монете.

Прежде всего, скажем несколько слов собственно о надписи на монетах. Она, как известно, почти всегда одинакова – ΣΙΝΔΩΝ.¹⁰³ Многие специалисты соглашались с тем, что эта надпись может означать только одно – «(монета) синдов». Во многом это связано с выходом статей С.Р. Тохтасьева, в одной из которых он написал: «Это должно быть принято за исходную точку в любых построениях нумизматов и историков».¹⁰⁴ Таким образом, предлагается a priori принять в качестве окончательного вывод, сделанный только лишь на филологической основе, до комплексного исследования проблемы. Напомним, между прочим, что речь идет о монете. Соответственно, игнорирование методов нумизматики в данном вопросе представляется совершенно недопустимым. Поэтому позволим себе не обращать внимания на это указание.

Первое, что хотелось бы сказать по поводу легенды на «синдских» монетах: как это было широко распространено в греческой чеканке,

⁹⁸ Gale, Gentner, Wagner 1980, 34–43. См. Bissa 2009, 39.

⁹⁹ Bissa 2009, 67.

¹⁰⁰ Kraay 1964, 89.

¹⁰¹ Kim 2001a, 45ff; 2001b, 11–13. Г. Ким приводит такой пример: в Ионии найден клад из 900 монет (последняя четверть 6 в. до н.э.), суммарный вес которых равен примерно четверти килограмма. Другими словами, небольшой по весу клад содержал значительное количество монет. Они представлены двумя номиналами в 0,21 и 0,42 г.

¹⁰² См.: Анохин 1986, 14–15; Горнчаровский, Терещенко 2014, 108–109.

¹⁰³ А.Е. Терещенко говорит о существовании экземпляров с сокращенным написанием легенды на «синдских» монетах (Терещенко 2004, 17); см. Горнчаровский, Терещенко 2014, 100.

¹⁰⁴ Тохтасьев 2001, 64.

этноним на монетах часто сокращался до нескольких букв. Существенно и то, что имя эмитента (полиса и т.д.) не обязательно ставилось в род. пад. мн. числа, но нередко оно писалось в им. или вин. падежах.¹⁰⁵ Из всего этого следует, что легенда на «синдских» монетах могла быть написана в сокращенном виде. Достаточно будет привести только один, но яркий пример – сокращение ΑΘΕ на афинских монетах, которое было неизменным на протяжении очень длительного времени. Определенная стабильность написания ΣΙΝΔΩΝ на всех монетах не может опровергнуть этого предположения¹⁰⁶, которое теперь подтверждается первым случаем написания только первой буквы (Σ) на «синдской» монете.¹⁰⁷ Следовательно, предполагаемая легенда ΣΙΝΔΩΝ(ΙΚΟΝ/ΟΣ) имеет право на существование, по крайней мере, теоретически.¹⁰⁸ В связи с этим два слова об этнониме Sindones, который встречается у Мелы (I, 111). У нас нет никаких оснований, вслед за С.Р. Тохтасьевым, сомневаться в корректности этого слова и на этом основании считать его ошибкой.¹⁰⁹ Не видно никаких причин для того, чтобы препарировать текст древнего автора в угоду собственной концепции. Если Мела использует применимо к синдам слово Sindones, то мы должны, прежде всего, исходить из того, что такой вариант этнонима существовал (Σινδῶνες в греческом варианте). Одна из параллелей такова: для названия племени эдонов (Ἴνδωνοί) использовались также этнонимы Ἴνδῶναι и Ἴνδῶνες.¹¹⁰ И никто из исследователей не отвергает аутентичность двух последних вариантов только на основании того, что они не соответствуют наиболее распространенному.¹¹¹

Второй момент в отношении легенды на нашей монете заключается в следующем. Ряд исследователей не исключает возможность чеканки «синдской» монеты Синдской Гаванью. Для последней известны более короткие названия (Синдика, Синд).¹¹² Возможно ли выведение легенды ΣΙΝΔΩΝ из названия греческого города? Решительный отказ в этом (прежде всего на основании отсутствия в рассматриваемое время контракции εω > ω, из Σινδέων в Σινδῶν)¹¹³ не решает окончательно проблему. Как бы то ни было, представляется, что без дополнительной информации и только при помощи филологических упражнений решить вопрос с расшифровкой смысла легенды вряд ли возможно.¹¹⁴

Уже неоднократно в научной литературе подчеркивалось, что «синдская» монета во всех отношениях является монетой совершенно греческой.¹¹⁵ Это относится как к надписи, сделанной на греческом языке, так и к изображениям, которые являются эллинскими. Попытки связать эти изображения с теми или иными сторонами жизни синдов представляются, как правило, гадательными и поэтому совершенно неубедительными.¹¹⁶

Важным обстоятельством, на которое в литературе уже неоднократно обращалось внимание, является факт разнообразия типов «синдских» монет.¹¹⁷ Если исходить из того, что эмитентом рассматриваемой монеты были синды, то можно было бы предлагать разные объяснения этого факта. Однако эти объяснения, будучи более или менее удачными, не будут в полной мере доказательными из-за отсутствия дополнительной

¹⁰⁵ Head 1911, LXV.

¹⁰⁶ Тохтасьев 2001, 70.

¹⁰⁷ Яценко, Тителакис 2005, 28–29.

¹⁰⁸ Подробнее о сокращениях легенд см. Kraay 1976, 5–7.

¹⁰⁹ Тохтасьев 2001, 70.

¹¹⁰ Slavova 2008, 177.

¹¹¹ Поскольку мы привели пример с эдонами, то напомним варианты написания их этнонима на легендах монет: ΓΕΤΑ ΒΑΣΙΛΕΥ ΗΔΩΝΕΩΝ, ΓΕΤΑΣ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΔΩΝΕΥΝ, ΝΟΜΙΣΜΑ ΕΔΩΝΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΓΙΤΑ, ΓΕΤΑΣ ΗΔΩΝΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ, ΓΕΤΑΣ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΔΩΝΑΝ (Slavova 2008, 180–183).

¹¹² Шелов 1981, 241; Шелов-Коведяев 1985, 127; Алексеева 1997, 23–24.

¹¹³ Шелов-Коведяев 1985, 127; Тохтасьев 2001, 64–65.

¹¹⁴ Обратим внимание на двойственность подхода С.Р. Тохтасьева. В одном случае, когда речь идет об отсутствии примеров упомянутого стяжения, этого достаточно для негативного вывода. В другом случае, когда говорится об отсутствии аналогий в чеканке от имени народа, исследователь полагает, что они «уже завтра могут появиться» (Тохтасьев 2001, 64–67). Если примеры рассматриваемого варианта стяжения известны для 5 в. до н.э. в других местах, ничто не мешает полагать, что оно было и на Боспоре. Много ли у нас эпиграфических данных для этого региона и этого времени, чтобы уверенно отрицать такую возможность?

¹¹⁵ Minns 1913, 632; Шелов 1956, 47; Аптекарев 2004, 15; Завойкин 2011а, 121.

¹¹⁶ Так, по мысли Ф.В. Шелова-Коведяева, объяснение кроется в факте чеканки такого рода монет в греческих городах (Шелов-Коведяев 1985, 126). Однако символика на монетах всегда выражает идентичность эмитента, которая часто проявляется через религию и мифологию, выражает факт его существования (Howgego 1995, 62 ff; Martin 1995, 267; Lacroix 1975, 154).

¹¹⁷ Завойкин 2011а, 119.

информации.¹¹⁸ В высшей степени странным представляется тот факт, что некое автохтонное племя в течение краткого промежутка времени чеканит монеты нескольких типов, к тому же совершенно греческих по своему виду. Действительно, можно по-разному трактовать изображение коня на оборотной стороне монет, или Геракла – на лицевой, но попытки связать их с синдами и даже с определенным полисом в Синдике будут крайне затруднительны, а правильнее сказать – искусственны.¹¹⁹ Дальше недоказуемых предположений здесь пойти трудно.

Так или иначе, это касается всех типов «синдских» монет. Кроме одного.

Речь идет об изображении грифона с зерном перед ним. Уже давно нумизматы стали связывать этот тип с монетами Теоса и Абдеры.¹²⁰ Некоторым из них этот факт дал основание для предположения о чеканке «синдской» монеты в Фанагории, которую основали теосцы.¹²¹ Однако другие специалисты отрицают связь этого типа монет с Фанагорией.¹²² Недавно появилась статья, авторы которой попытались определить место выпуска «синдской» монеты на основе сравнения ее диаметра и толщины кружка с монетами греческих полисов Боспора.¹²³ В результате своего анализа они приходят к выводу, что монета по технике чеканки близка к пантикапейской и не могла быть выпущена в Фанагории. Они не исключают также возможность, что ее эмитентом была Синдская Гавань. К сожалению, в распоряжении авторов этой статьи оказалось лишь ограниченное количество монет¹²⁴, подвергнутых анализу, чтобы считать их выводы убедительными и тем более окончательными. Отметим, например, что по заключению самих же авторов одна из десяти исследованных ими фанагорийских монет совпадает по технике изготовления с «синдскими».¹²⁵

Итак, посмотрим поближе на тип с изображением грифона. Сидящий грифон изображен вправо, перед ним – зерно. Выше уже говорилось о том, что Абдера и Теос начали чеканку своих монет практически одновременно, в чем исследователи усматривают согласованную политику.¹²⁶ Связи метрополии и апойки были настолько тесными, что

¹¹⁸ Ср. Шелов 1956, 48–49. Произвольной и совершенно неприемлемой представляется попытка связать серии «синдских» монет с правлением того или иного синдского рода (Горончаровский, Терещенко 2014, 106–107).

¹¹⁹ Например, изображение Геракла и коня при большом желании можно связать с мифом об основании Абдеры (подробнее см.: Xanthopoulou 2004, 319–323; Tiverios 2008, 99), что может иметь прямое отношение к Фанагории.

¹²⁰ Minns 1913, 632; Зограф 1951, 169; Шелов 1949, 113.

¹²¹ Зограф 1951, 169; Каллистов 1949, 153; Шелов 1956, 49.

¹²² Грач 1972, 138; Анохин 1986, 14; Сапрыкин 2003, 25–26. Довольно странно выглядит аргументация Н.А. Фроловой. По ее мнению, чеканка «синдской» монеты в Фанагории была невозможна потому, что ее собственная монета появилась позднее (Фролова 2002, 80). Однако если согласиться с тем, что рассматриваемая монета не была синдской и выпускалась в Фанагории, то из этого следует простой вывод о том, что этот полис начал эмиссию ранее монет с надписью ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ (ср. Зограф 1951, 169). Еще один исследователь, В.А. Анохин, вопреки очевидности, отри-

цает связь грифона на «синдских» монетах с Фанагорией. Для того, чтобы объяснить присутствие грифона на них, он придумывает ничем не обоснованное предположение о появлении этого изображения в результате оплаты серебром закупаемого Теосом зерна в Синдской Гавани (Анохин 2010, 126).

¹²³ Hourmouziadis, Weisser 2007, 1–8.

¹²⁴ 48 пантикапейских, 10 фанагорийских и 19 «синдских». При этом, они не использовали монет Горгииппии.

¹²⁵ Hourmouziadis, Weisser 2007, 6.

¹²⁶ Graham 1991, 177; Chryssanthaki-Nagle 2007, 100.

исследователи говорят не только о симполитии, но некоторые из них даже ставят под вопрос самостоятельное политическое существование Теоса и Абдеры.¹²⁷ Тип монет обоих полисов был практически идентичным – грифон вправо (Теос) или влево (Абдера).¹²⁸ Отсюда следует вопрос: если Фанагория была апойкией Теоса (неважно, напрямую или через посредство Абдеры) и в регионе, где она находилась, выпускалась монета с изображением, совпадающим с типом ее метрополии и сестринской колонии, то какой мы должны сделать вывод? Ответ очевиден: «синдская» монета с грифоном и зерном на лицевой стороне имеет прямое отношение к Фанагории.¹²⁹ Этот монетный тип должен был принадлежать апойкии, выведенной теосцами.

Даже если мы не будем пытаться определять значение других изображений на «синдских» монетах (конь, Геракл, бык, сова и т.д.¹³⁰), то уже лишь монеты с грифоном будет достаточно, чтобы появились серьезные сомнения в том, что она принадлежала синдам.

Теперь следующий вопрос: означает ли, что монета с изображением грифона чеканилась в Фанагории? Если мы ответим положительно, то неизбежно нужно будет определить место выпуска других типов «синдских» монет. Предположение о том, что все эти типы чеканились в Фанагории, нужно, скорее всего, признать маловероятным хотя бы потому, что не видно причин существования такого разнообразия в чеканке одного полиса в течение очень ограниченного периода времени.¹³¹ К этому же заключению мы придем, если согласимся с тем, что монета была чеканена в Синдской Гавани. В таком случае остается только один вариант – предположение о чеканке «синдских» монет несколькими городами.¹³² Насколько оно вероятно?

Известно, что выпуск монеты несколькими полисами обычно мог осуществляться двумя путями – в рамках специального монетного союза, либо в рамках некоего территориального союза. Первый случай выпуска общей монеты – монетный союз между двумя и более полисами. Таких союзов было довольно много. Назовем в качестве примера широко известный договор о союзе между Фокеей и Митиленой (конец 5 – начало 4 в. до н.э.), в котором были детально разработаны условия совместной чеканки монеты.¹³³ Монеты выпускались по одному стандарту и с одинаковым дизайном оборотной стороны. Э. Маккил и П. Алфен отмечают важную деталь таких монетных союзов: они отражают политические, религиозные, социальные связи между городами и в меньшей степени – экономические.¹³⁴ В этом отношении необходимо подчеркнуть существование монетных связей между метрополиями и апойкиями, один из ярких примеров которых и дают Теос и Абдера.

Во втором случае, если использовать самые общие термины, речь может идти о том, что сами греки называли *κοινόν* и *ἔθνος*. Первое слово в целом обозначает федеративное государство, второе – племенное государство (tribal state).¹³⁵ Однако следует отметить, что оба термина не являются строго фиксированными, наполненными четким и ясным содержанием применимо к государственному образованию. Например, греки словом *κοινόν* могли называть практически любой

¹²⁷ Graham 1992, 68; см. Herrmann 1981, 26 ff.

¹²⁸ Изображение грифона на монетах Теоса и Абдеры связывают с культом Диониса, который был богом покровителем в обоих городах (Chryssanthaki-Nagle 2007, 95–96; Delplace 1980, 365 et suiv., специально стр. 384). Грифон изображался также на амфорных клеймах, произведенных в Абдере (Peristeri-Otatzis 1986, 491–496).

¹²⁹ Напомним, что на более поздних фанагорийских монетах зерно также присутствует (Зограф 1951, 170). Грифон с зерном на монетах Теоса: Balcer 1968, pl. XVI, nos. 84, 85, 91; 1970, 29, pl. 8. 84. Дж. Балцер предполагал связь между изображением на монете зерна с нехваткой хлеба во второй четверти 5 в. до н.э. (Balcer 1970, 29). Р. Мейгз и Д. Льюис в комментарии к так называемой надписи «об общественном проклятии» из Теоса предпочитают говорить не о голоде в связи с нехваткой хлеба, а о постоянной зависимости Теоса от импорта зерна. В связи с этим они предположительно ставят и основание теосской апойкии Фанагории (Meggs, Lewis 1980, 65). Естественно, с таким предположением согласиться невозможно, поскольку Фанагория была выведена по другим причинам.

¹³⁰ Заметим, кстати, что на теосских монетах имеется и изображение совы, которое связывают с Афинами, являвшимися метрополией Теоса (Balcer 1968, 22, pl. XVII, no. 100; 1970, 29–30).

¹³¹ О смене типов и причинах этого см. Kraay 1976, 2–5.

¹³² Мысль о союзе городов, выпускавших эту монету, высказывалась, как мы помним, А.А. Завойкиным и С.И. Болдыревым, которые, по сути дела, ничем ее не обосновали (Завойкин, Болдырев 1994, 46).

¹³³ В частности, используемый сплав, люди, ответственные за его приготовление, проверка деятельности этих людей, наказания за умышленное или неумышленное уменьшение количества золота в сплаве, очередность чеканки монет двумя городами и др. (IG XII 2, 1). Подробнее см.: Bodenstein 1981, 29–36; Heisserer 1984, 115–132.

¹³⁴ Mackil, Alfén 2006, 201–204.

¹³⁵ Beck 2003, 181; Rzepka 2002, 226. Подробно о проблеме: Beck 1997.

тип ассоциаций.¹³⁶ По Дж. Ларсену, при внешнем сходстве в понимании обоих терминов между ними существует определенная разница – в первом из них упор делается на слове «государство», во втором – на слове «народ», «племя» (nation or people).¹³⁷ Не забудем при этом, что когда мы говорим «племя», то подразумеваем греков с их племенным делением (беотийцы, ахейцы, локры и т.д.). А. Джованнини отмечает, что ἔθνος, в отличие от κοινόν, употребляется по отношению к двум и более территориальным государствам.¹³⁸ Монеты, чеканенные обоими типами государственных объединений, выпускались, начиная с конца 5 в. до н.э., от имени федеративного государства. Однако для более раннего времени чеканка монеты, несущей на себе указание на этникон, который связывается с государством, а не с городом, не должна всегда рассматриваться как свидетельство федеративной организации. Например, монета, чеканенная халкидянами во Фракии и несущая на себе буквы ХΑΛΚ (середина 5 в. до н.э.), относится ко времени более раннему, чем основание федеративного халкидского государства (конец 430-х гг. до н.э.).¹³⁹

Причины, по которым такого рода государственные объединения чеканили общую монету¹⁴⁰, заключались как в необходимости облегчить торговлю при помощи экономических инструментов, так и в выполнении различных финансовых обязательств.¹⁴¹ Обычно общая монета чеканилась по единому весовому стандарту и с одинаковой лицевой и (или нет) оборотной стороной.¹⁴²

Если вернуться к нашей проблеме, то возможность существования монетного союза между греческими городами Синдики представляется маловероятной. Основанием для такого заключения служит легенда на «синдских» монетах, которая является общей для всех монет. Тогда как обычной практикой была надпись, сообщающая этникон каждого эмитента. Насколько тогда вероятна возможность видеть в «синдской» монете чеканку государственного объединения греческих полисов типа κοινόν?

Такое объединение было возможно по разным причинам. Среди них можно назвать, например, экономические (облегчение связей, в том числе торговых) или военно-политические (в частности, противостояние внешнему врагу). Эллинские полисы в Синдике находились на довольно ограниченной территории, в непосредственной близости друг от друга. Поэтому их внешнеполитическая и экономическая жизнь должна была быть тесно связана. Регионализм в экономической сфере, проявлявшийся в переплетении интересов и связей между соседними полисами, приводил к их более тесному сотрудничеству и кооперации.¹⁴³

Вспомним в связи с этим рассказ Геродота (I. 170) о предложении Фалеса из Милета основать ионийцам общий βουλευτήριον, что по сути дела означало бы создание единого ионийского государства, в котором все отдельные полисы теряли политическую самостоятельность.¹⁴⁴ Любопытно, что своеобразной столицей должен был стать Теос, жители которого позднее основали Фанагорию. В другом месте Геродот (I. 148; см. также: I. 141–143, 170; VI. 7) пишет о том, что ионийские города собирались на общий праздник в Панионии, который

¹³⁶ Larsen 1968, XIV.

¹³⁷ Ibid., XV.

¹³⁸ Giovannini 2007, 120 et suiv.

¹³⁹ Psoma, Tsangari 2003, 112, 114.

¹⁴⁰ Э. Маккил и П. Алфен называют такую чеканку «кооперативной» (cooperative coinage) (Mackil, Alfen 2006), а С. Псома и Д. Цангари – «общей монетой» (monnaie commune) (Psoma, Tsangari 2003).

¹⁴¹ Mackil 2013, 247.

¹⁴² Psoma, Tsangari 2003, 113 ff.

¹⁴³ См. по этой проблеме: Reger 1994; Elton, Reger (eds.) 2007.

¹⁴⁴ Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 191.

был общим святилищем ионийского Додекаполиса.¹⁴⁵ Принимая во внимание тот факт, что ряд ионийских полисов метрополии хорошо знали такую форму объединения, каким был в 6 в. до н.э. Ионийский союз, то можно полагать, что нечто подобное могло возникнуть и на Азиатском Боспоре, в Синдике. Стремление ионийцев к объединительным союзам на основе этнической идентичности хорошо известно.¹⁴⁶ Такого рода союз мог возникнуть по разным причинам (религиозным, политическим, военным) на основе единого для ионийцев праздника – Апатурий (Her. I. 147). Центром такого союза могло быть святилище Афродиты в фанагорийском Апатуре.¹⁴⁷ Именно оно было крупнейшим и самым влиятельным на Азиатском Боспоре, что было необходимо для выполнения роли межполисного центра коммуникации.¹⁴⁸

Таким образом, лицевая сторона «синдской» монеты могла идентифицировать определенный полис, входивший в состав κοινόν, тогда как оборотная – была общим знаком этого союза (и этот знак совершенно не обязательно должен быть стабильным). Жители полисов союза могли называть себя именем, производным от слова «Синдика». Как, например, называли себя сикелиотами греки, жившие в Сицилии, пелопоннесцами – в Пелопоннесе, италиотами – в Италии и т.д.¹⁴⁹ Еще пример: после синоикизма трех городов на Родосе (Иалиса, Камира и Линдоса) их жители стали называть себя региональным этником «родосцы» (ῥόδιοι). При этом все три общины продолжали оставаться отдельными полисами со своим этником. Причем региональный этникон используется тогда, когда города данной территории действуют сообща, даже если они не составляют какое-либо объединение.¹⁵⁰

Теперь мы должны опять вернуться к вопросу о том, кем же были синды? Собственно о синдах нам известно крайне мало. С одной стороны, нарративные источники говорят о них как о местном племени.¹⁵¹ То же мы находим в боспорских надписях, где синды фигурируют среди других автохтонных племен. Казалось бы, здесь нет проблем – все просто и понятно. Однако с другой стороны, в отношении этого племени возникает несколько вопросов, на которые отсутствуют ясные ответы. Например, почему синды были единственным племенем в интересующем нас регионе, которое дало название стране, где они жили, в соответствии со своим названием – Синдика? Или почему на территории Синдики не фиксируются археологические памятники, которые можно было бы уверенно связать с синдами как местным племенем? Еще один вопрос: по какой причине в боспорских надписях синды всегда ставятся на первом месте по сравнению с другими племенами, упоминаемыми в этих документах? Почему, наконец, именно синды могли, как считают, выпускать монеты, другим же племенам это было недоступно?

В поисках ответов на эти вопросы, которые неоднократно ставились исследователями, возможно, следует еще раз обратить внимание на данные об однокоренных топонимах и этнониме, которые известны в других регионах античного мира и не связаны с Таманским полуостровом.¹⁵² Так, Геродот упоминает город Синд во Фракии (Her. VII. 123, 3: Σίνδον πόλιν). По мнению некоторых исследователей, не исключена

¹⁴⁵ Ibid., 178.

¹⁴⁶ Crielaard 2009, 59.

¹⁴⁷ Кузнецов 2013, 327. В связи с Апатуром отметим недавно появившуюся статью Н.Ф. Федосеева о локализации этого святилища (Федосеев 2013, 132–140). На основании наличия храма Афродиты и находок черепичных клейм с именем этой богини он помещает его в Кепы, а сам город – на место поселения «Седьмой километр» (Тамань 3, между Фанагорией и Гермонассой). При этом автор без каких-либо серьезных оснований отрицает милетский характер этой апойкии, о чем сообщают древние авторы. Однако наличие храма, а также клейм с именем Афродиты без эпиклеса не является доказательством того, что это было именно святилище Афродиты Апатуры. Произвольным выглядит и перемещение Кеп на место неизвестного поселения, которое совершенно не исследовано археологически (здесь важна, прежде всего, дата основания). Принимая во внимание сказанное выше, а также полное отсутствие анализа письменных источников о местоположении Апатура, следует признать статью Н.Ф. Федосеева крайне поверхностной, а его аргументацию неубедительной.

¹⁴⁸ См. Crielaard 2009, 65.

¹⁴⁹ К. Антоначчо пишет, что территория служит критерием этнической принадлежности, являясь родиной, означает этническое пространство для этой идентичности (Antonaccio 2001, 120).

¹⁵⁰ Gabrielsen 2000, 180–183. Когда, например, Фукидид (I. 58) использует термин «халкидяне», то он подразумевает народ как государство, а не как племя (Westermarck 1988, 92).

¹⁵¹ Например: Τῶν Μαιωτῶν δ' εἰσὶν αὐτοὶ τε οἱ Σινδοὶ κτλ (Strabo. XI. 2, 10); μετὰ δὲ Μαιώτας Σινδοὶ ἔθνος (Ps.-Scyl. 72 (Counillon)); ... παροικοῦσι Μαιωτῶν τινες Σίνδοι λεγόμενοι ἔθνος (Ps.-Scymn. F18 (Marcotte)).

¹⁵² См. Тохтасьев 2001, 70.

¹⁵³ Hansen 2007, 122.

¹⁵⁴ Flensted-Jensen 2004, 818.

¹⁵⁵ См. Новичихин 2015, 223–226. Стефан Византийский передает еще сведения Гекатея о существовании ликийского полиса Σινδία (s.v.: Σινδία, πόλις Λυκίας... Τὸ ἔθνικόν Σίνδιοι).

¹⁵⁶ Hatzopoulos 1996, 107. Археологически Синд практически не изучен (см. Bouzek, Ondrejová 1988, 84–94).

¹⁵⁷ В связи с этим вспомним о каллипидах Геродота (IV. 17, 1), которых он называет Ἕλληες Σκίθαι. М. Дюбюиссон склонен считать их des Scythes hellénisés (Dubuisson 1982, 12; см.: Шафранская 1956, 37–48; Русяева, Скржинская 1979, 35–36; Отрешко 1981, 40; Марченко 1983, 76). С.Ю. Сапрыкин, которому осталась неизвестной статья М. Дюбюиссона, видит в них «греков, которые жили среди скифов, т.е. в скифской земле...» (Сапрыкин 2013, 12). М. Дамианов (который также не знаком со статьей М. Дюбюиссона) полагает, что ударение в геродотовском выражении «греко-скифы» (Graeco-Scythians) должно быть поставлено на последнее слово (Damyanov 2003, 261).

¹⁵⁸ Flensted-Jensen 2004, 818.

¹⁵⁹ Теосский и абдерский поэт Анакреонт упоминает фракийское племя sinties (= saioi = sapaioi: Poetae Melici Graeci, fr. 504 (Page); см. Strabo. XII. 3, 20), сравнивая его с киммерийцами. Многие специалисты подчеркивают тесную связь между фракийской и киммерийской культурами (Isaac 1986, 82).

¹⁶⁰ По вопросу о фракоязычном населении на Боспоре см.: Блаватский 1964, 56, 137; Крыкин 1993, 3–26, 253, 260–265.

¹⁶¹ Braund 2007b, 39–41.

¹⁶² В этой статье нет возможности подробно останавливаться на этой весьма сложной и актуальной проблеме. Укажу только на несколько работ по этой теме, вышедших в последнее время: Hall 2002, 9–19; McInerney 2001, 51–73; Antonaccio 2001, 113–157; Osborne 2012, 24–31; Müller 2007, 141–154. Приведем цитату из статьи одного из исследователей этого вопроса: (Ethnicity) is a cultural construct, not a biological fact (Grielaard 2009, 39).

связь этого топонима с фракийским племенем синдонеев, о котором сообщает Гекатей (Steph. Byz. s.v. Σινδοναῖοι).¹⁵³ П. Фленстед-Йенсен отмечает, что возможно написание его не только как Σίνδος, но и как Σίνδοι.¹⁵⁴ В схолиях к Аполлонию Родосскому говорится о равнине синдоров, по которой течет Истр – Дунай: κατὰ δὲ τὸ τῶν Σίνδων πεδῖον σχίζεται ὁ ποταμὸς Ἴστρος (schol. Ap. Rhod. IV. 4, 322).¹⁵⁵ Как мы видим, корень во всех этих словах один и тот же. Это простое совпадение?

М. Хатзопулос и некоторые другие специалисты предполагают, что фракийский город Синд был смешанным поселением (mixed settlement), т.е. поселением, в котором жили эллины и автохтонное население.¹⁵⁶ Одним из оснований для такой возможности может служить еще один город во Фракии – Термы (Θέρμη), который упоминают Геродот (VII. 123–124, в том числе и в одном контексте с Синдом), Псевдо-Скилак (66), а также Гекатей Милетский, который называет этот город πόλις Ἑλλήνων Θρηίκων (fr. 146).¹⁵⁷ И Термы, и Синд были одними из тех поселений, на основе которых сформировался город Фессалоники.¹⁵⁸

Неизбежен вопрос о том, может ли существовать какая-либо связь между синдами и городом Синдом в Причерноморье, с одной стороны, и городом Синдом и Σινδοναῖοι во Фракии – с другой? Понятно, что утвердительного ответа при настоящем уровне наших знаний быть не может. Однако мы не можем настаивать и на отрицательном ответе. Может быть слово «синды» было принесено в Причерноморье греками (или синды могли появиться в Причерноморье в определенный исторический момент)?¹⁵⁹ Другими словами, уверены ли мы в том, что этноним «синды» был самоназванием племени или группы людей, живших на Понте.¹⁶⁰ По этому поводу вернемся к каллипидам, о которых только что говорилось (сноска 157). Д. Браунд обращает внимание на то, что этноним «каллипиды» не является самоназванием этого племени. Оно дано греками. По его мнению, возможное объяснение происхождения каллипидов Геродота – межэтнические браки между греками и скифами.¹⁶¹

Под словом «синды» могла скрываться какая-то категория населения, не являвшаяся греками, но и отличающаяся чем-то от прочих местных племен. Вспомним, например, аспургин более позднего времени. И хотя письменные источники называют синдоров племенем (ἔθνος), это не должно вводить нас в заблуждение: этот термин отнюдь не является настолько простым, что его нужно понимать в данном случае исключительно как «местное племя синдоров».¹⁶² Чем же могли синды отличаться от прочих варваров на периферии Боспора? Например, тем, что они были более прочих «приближены» к грекам, находились в более тесных контактах с ними. Это не обязательно означает только эллинизацию в культурном смысле этого слова, тем более всех синдоров поголовно. Речь может идти о разнообразных связях между двумя культурами – экономических, политических, военных и других.

Наиболее распространенным термином для обозначения эллинизованного варвара можно считать μιξέλλην. В разные годы в отечественной литературе исследователи предлагали различное понимание

этого термина.¹⁶³ Единое мнение на этот счет отсутствует, несмотря на появление уже относительно давно очень глубокой и не только важной, но и решающей для этого вопроса статьи М. Дюбюиссона, посвященной терминам аккультурации в греческом языке.¹⁶⁴ Рассматривая проблему эллинизации и варваризации, он показывает, что термин *μιξέλλην* означает трансформацию варвара в эллина, приобретение первым греческой культуры. И в этом его отличие от термина *μιξοβάρβαρος*, который обозначает процесс превращения грека в варвара. И тот, и другой термины обозначают переходный этап между двумя состояниями. Смысловое слово является целью, к которой направлен этот процесс. В случае с миксэллином – это слово «эллин». Поэтому миксэллин – это варвар, который стремится стать греком. В качестве доказательства автор приводит логические примеры. Так, *ἡμίθεος*, «полубог», представляет собой человека, который находится на пути к божественному статусу. Еще один яркий пример из Гелланика (FGrH 4 F 71a), который рассказывает о фракийцах на Лемносе, ставшими наполовину эллинами (*ἑγεγόνεισαν δὲ μιξέλληνες*).

После появления статьи М. Дюбюиссона вопрос о значении этих и некоторых других терминов (например, *μιγάδες*) можно считать в целом закрытым. Миксэллины присутствовали во многих регионах ойкумены, специально в зонах соприкосновения греческой и местных культур. Они известны в Северо-Западном¹⁶⁵ и Северном Причерноморье (в известной ольвийской надписи в честь Протогена (IOSPE I², 32. 17). Вполне логично поставить вопрос о существовании «полугреков» и на Боспоре, в частности, в азиатской его части. Первыми претендентами здесь могут стать синды.

Обратим внимание в связи с этим на следующие слова Пс.-Скимна: (*ἀπὸ οὖν Ἑρμωνάσσης ἕως τοῦ Σινδικοῦ λιμένος*) παροικοῦσι Μαιωτῶν τινες Σίνδοι λεγόμενοι ἔθνος, ἐφ' οἷς λέγεται Σινδική. οὗτοι οἱ Σίνδοι βάρβαροι μὲν εἰσι, τοῖς δὲ ἕθεσιν ἡμεροῖ (Ps-Scymn. F 18 Marcotte = 899–903 Diller). «От Гермонассы до Синдской Гавани живет народ, из меотов, называемый синдами, от имени которых происходит Синдика. Эти синды являются варварами, но нравы их цивилизованны». Здесь нас интересует слово *ἡμερος*. В отношении людей оно означает «цивилизованный», «воспитанный» (см. LSJ s. v.). Приведем один пример из Геродота (II. 30). Рассказывая о египетских воинах, решивших переселиться в Эфиопию, историк пишет: «И с тех пор, как эти египтяне поселились среди эфиопов, эфиопы восприняли египетские обычаи и сделались более культурными (*ἡμερώτεροι γεγόνασι*)» (пер. Г.А. Стратановского). В пассаже о синдах это может означать, что они, несмотря на то, что являются варварами, все же более культурны, с точки зрения греков, по сравнению с другими племенами. Это означает, что приобщение к эллинской культуре, и прежде всего владение греческим языком, дают возможность варвару идти по пути эллинизации.¹⁶⁶ Из слов Пс.-Скимна вряд ли можно делать вывод о том, что все синды были эллинизованы в одинаковой степени, что греческий образ жизни глубоко проник если не во

¹⁶³ Шафранская 1956; Виноградов 1984, 66–67.

¹⁶⁴ Dubuisson 1982, 5–32.

¹⁶⁵ Danyanov 2003, 262.

¹⁶⁶ Нельзя не вспомнить по этому поводу известные слова Исократы (Papeg. 4, 50) о том, что эллином считается не грек по происхождению, но по воспитанию.

все, то во многие сферы жизни.¹⁶⁷ Скорее всего, речь должна идти о контактах определенных групп синдского населения, тесно связанных с греками боспорских полисов по тем или иным причинам, в первую очередь политического и экономического порядка. В результате этого они знали греческий язык, что было одним из важнейших признаков эллинизации варваров.¹⁶⁸

К этому можно добавить такой, уже археологический аргумент. Давно обращено внимание на то, что Семибратнее городище, единственное поселение, которое ассоциируется с синдами, по своей материальной культуре было очень похоже на греческий город.¹⁶⁹ В этом многие исследователи усматривают сильный элемент эллинизации.¹⁷⁰

Итак, подведем некоторые итоги. Из нарративных источников нам известно существование племени (ἔθνος) синдов, которые, возможно, были частью большого племенного объединения, известного под общим именем «меоты».¹⁷¹ Не исключено, что слово «синды» не было самоназванием этого племени, если оно (племя) не имело отношения к фракоязычному субстрату. Как бы то ни было, название страны – Синдика – было произведено от синдов греками. Археологически на территории Таманского полуострова следы этого племени практически не фиксируются. Если до прибытия в эти места греков такая ситуация выглядит несколько необычно, и даже странно, то для более позднего времени ей можно найти объяснение. Можно полагать, что та часть Синдики, которая была занята греческими городами (прежде всего, Таманский полуостров), находилась в довольно тесном контакте с эллинами, что было связано в первую очередь с обоюдовыгодной экономической деятельностью. По этой причине синды (естественно не все), участники этого процесса могли быть растворены среди населения боспорских полисов – в городах или на сельской территории.¹⁷² Отсюда и невозможность выделения их по материальной культуре.

С точки зрения наших знаний о причинах чеканки монеты тем или иным полисом или государством не обнаруживаются основания, в соответствии с которыми племя синдов могло выпускать собственную монету. У них не было развитой политической структуры, соответствующей хотя бы приблизительно эллинским полисным институтам, отсутствовали месторождения драгоценных металлов, которые бы позволяли им осуществлять соответствующую торговлю. С точки же зрения экономической только торговля с находящимися поблизости греческими городами могла хотя бы как-то объяснить необходимость появления собственной монеты. Однако данные археологии не позволяют говорить о высоком уровне монетизации этой торговли. Возможно, только продажа зерна синдами грекам может дать основание говорить о возможности использования монеты. И то такая возможность остается чисто теоретической, поскольку она, скорее всего, могла осуществляться на бартерной основе. Тем более, что довольно активная торговля хлебом Боспора с Афинами в 4 в. до н.э., как хорошо известно, не оставила следов в виде афинских монет. Говоря же в целом, обратим внимание на такой факт: крупнейшая торговая держава древности, какой был

¹⁶⁷ Приведем мнение известной исследовательницы на это счет: местное население нельзя рассматривать лишь только как пассивных «воспринимающих» греческой культуры или жертв греческой агрессии. Они инкорпорировали различные элементы и черты греческой культуры, приспособив для своих нужд. В действительности, процесс ассимиляции не обязательно был деструктивным для аборигенной самоидентификации (is not necessarily destructive of native identity), но может рассматриваться как конструктивный и продуктивный, поскольку концепция эллинизации была многогранной (Antonaccio 2001, 126–127).

¹⁶⁸ Глагол ἐλληνίζειν и означает, собственно, «говорить по-гречески» и специально, как подчеркивает М. Дюбуиссон, «говорить по-гречески правильно» (Dubuisson 1982, 16).

¹⁶⁹ Анфимов 1963, 188; Горончаровский, Иванчик 2010, 224–232;

¹⁷⁰ Бондаренко 2012, 82.

¹⁷¹ См.: Илюшечкина 2007, 223–224; Бондаренко 2012, 12–14.

¹⁷² Не исключено, что представители синдского племени могли входить в состав зависимого сельского населения городов Азиатского Боспора (для более позднего времени ср. КБН 976; о трудностях археологической фиксации наличия рабского населения в полисах см. Morris 2011, 176–193).

Карфаген, стала чеканить собственную монету только в начале 4 в. до н.э.¹⁷³ В таких экономических связях очень важная роль принадлежала обменным операциям. Еще раз подчеркнем, что экономика далеко не всегда напрямую является причиной появления монеты.

Теперь по поводу вопроса о том, находилась ли Фанагория в Синдике или нет: он не столь существен, как кажется на первый взгляд. Действительно, Синдика как территория племени синдов вряд ли имела (до присоединения к Боспору) четко фиксированные границы.¹⁷⁴ Поэтому в раннее время Таманский полуостров мог в глазах греков считаться Синдикой, входил ли он номинально в ее состав или просто «примыкал» к ней территориально. Как бы то ни было, полуостров мог находиться в сфере влияния синдов. Основным же местом пребывания этого племени мог быть район современной Анапы. По этой причине греческие города Таманского полуострова к началу завоевания этой территории пантикапейскими правителями считались находившимися в Синдике, которая затем стала частью их державы (Σατύρου τὴν ἀρχήν). Отсюда и необычная для более поздних документов формула в надписи из Нимфея (ἄρχοντος Λεόκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ Σινδικῆς πάσης). Если это так, то нет ничего необычного в том, что греки – жители этой страны – могли называть себя региональным этнонимом, производным от слова «Синдика». Выше приводились примеры такого рода. После же включения всей этой территории в состав Боспорского государства прежний этноним должен быть отмереть в пользу другого – βοσπορίται (βοσποριανοί).¹⁷⁵

До включения территории Таманского полуострова в состав Боспорского государства местные эллинские полисы могли заключить некий союз типа κοινόν, центром которого можно считать святилище Афродиты Урании, владычицы Апатура, в Фанагории. Помимо причин общего происхождения ионийцев и празднования Апатурий, это объединение преследовало и другие цели – экономические, политические, военные. Вполне обоснованным в этой связи является предположение о чеканке по той или иной причине общей монеты. На лицевой стороне такой монеты помещалось изображение символа того или иного полиса, а на оборотной – общий знак (протома коня или что-то иное).

Для решения вопроса причин чеканки «синдской» монеты очень важна датировка ее выпуска. Уже неоднократно отмечалась кратковременность этой чеканки. Не менее важно и то, что эмиссия совпадает с периодом активной фазы войн за Синдику. Это обстоятельство, если и не является решающим, то его значение, тем не менее, трудно переоценить. Отсюда следует предположение о том, что чеканка монеты была связана с военными действиями в Синдике. Не случайно Д. Браунд предположил, что «синдская» монета чеканилась для оплаты наемников. Действительно, можно привести множество примеров, когда для этих целей специально выпускали монету.¹⁷⁶ Наемничество было одним из важнейших факторов монетизации войн.¹⁷⁷ Однако все это относится к грекам, но не к местным племенам. Поэтому в отличие от Д. Браунда, более логичным было бы полагать, что эмитентом,

¹⁷³ Jenkins, Lewis 1963, 18. Добавим к этому финикийские города и Египет, экономика которых была на высоком уровне развития (Reden von 2010, 71).

¹⁷⁴ Ср. Завойкин 2011б, 260–261.

¹⁷⁵ Osborne, Byrne 1996, 57–58; Avram 2013, 57–65.

¹⁷⁶ Schaps 2007, 147.

¹⁷⁷ См.: Маринович 1975, 245; Garlan 1989, 67 et suiv.; Trundle 2004, 82–83.

в таком случае, был союз греческих полисов азиатского Боспора. Хотя нет никакой нужды настаивать на предположении о чеканке рассматриваемой монеты для оплаты именно наемников.

В заключение следует сказать, что автор осознает не только сложность обсуждаемых проблем, но и невозможность какого-либо окончательного их решения на современном этапе исследований. Безусловно, необходимо продолжение изысканий, основанных на тщательном и комплексном анализе доступных данных, и надеяться на появление новой информации, как письменной, так и археологической.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П. 2010. Патрей, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 529–539.
- Алексеева Е.М. 1999. Местная среда ранней Горгиипии, *ПИФК* 8, 160–169.
- Андреев Ю.В. 1996. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов), *ВДИ* 1, 3–17.
- Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин В.А. 2010. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев.
- Анфимов Н.В. 1963. Синдика в VI–IV вв. до н.э., in: *Труды Краснодарского педагогического института* 33. Краснодар, 181–196.
- Анфимов Н.В. 1967. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов, in: *Античное общество*. Москва, 127–131.
- Аптекарев А.З. 2004. «Синдские» монеты – проблема остается, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы* (Боспорские чтения V). Керчь, 15–18.
- Блаватский В.Д. 1953. *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва.
- Бондаренко М.Е. 2012. *Синды. Этническая характеристика древних племен Азиатского Боспора*. Москва.
- Брашинский И.Б. 1984. Торговля, in: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья* (Археология СССР). Москва, 174–186.
- Виноградов Ю.А. 2002. Архаические комплексы поселения Артющенко I, in: *Таманская старина* 4. Санкт-Петербург, 61–66.
- Виноградов Ю.А. 2006. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове, *Записки ИИМК РАН* 1, 68–76.
- Виноградов Ю.Г. 1984. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма, *ВДИ* 1, 51–80.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва–Ленинград.
- Гарбузов Г.П. 2015. Земельные ресурсы Боспора, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум* (Боспорские чтения XVI). Керчь, 77–87.
- Горончаровский В.А. 2011. Синдика в период возведения Семибратних курганов, *Мнемон* 10. Санкт-Петербург, 115–140.
- Горончаровский В.А., Иванчик А.И. 2010. Синды, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 219–234.
- Горончаровский В.А., Терещенко А.Е. 2014. Типология и хронология синдской чеканки, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (Боспорские чтения XV). Керчь, 99–114.
- Грач Н.Л. 1972. К находке синдской монеты в Мирмекии, *ВДИ* 3, 133–141.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э., in: А.А. Малышев (ред.), *Abraia antiqua. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау*. Москва, 53–73.

Жебелев С.А. 1953. *Северное Причерноморье*. Москва–Ленинград.

Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д. 2010. Кепы, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 541–555.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауэр У. 2010. Памятники северо-восточной части Таманского полуострова, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 557–580.

Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. 2011. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова, *Scripta antiqua* 1, 252–293.

Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг., in: Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.), *Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников*. Москва, 150–186.

Завойкин А.А. 2004. «Две Синдики» (заметки касательно исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея), *ДБ* 7, 150–162.

Завойкин А.А. 2011а. Монета синдов как источник по истории взаимоотношений греков и варваров, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур* (Боспорские чтения XII). Керчь, 118–124.

Завойкин А.А. 2011б. Эллыны Таманского полуострова и их соседи: первые контакты, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 259–264.

Завойкин А.А. 2014. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма, *Scripta antiqua* 3, 164–195.

Завойкин А.А., Болдырев С.И. 1994. Третья точка зрения на монеты с легендой «ΣΙΝΔΩΝ», *БС* 4, 43–47.

Завойкин А.А., Гарбузов Г.П. 2010. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова, *ДБ* 14, 184–218.

Завойкина Н.В. 2016. Граффиты на керамике позднеархаического времени из Фанагории, in: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауэр (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. Москва, 42–46.

Златковская Т.Д. 1968. Ранние монеты южнофракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса), *НЭ* 7, 3–22.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты* (МИА 16). Москва–Ленинград.

Иванов А.В., Сударев Н.И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова, *ДБ* 16, 178–198.

Илюшечкина Е.В. 2007. Племена Меотиды в позднеэпической традиции: Дионисий Периэгет, in: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. II. Санкт-Петербург, 220–227.

Каллистов Д.П. 1949. *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. Ленинград.

Каменецкий И.С. 1999. Греки и меоты, in: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург, 234–237.

Каменецкий И.С. 2000. *Археологические памятники меотов Кубани*. Краснодар.

Коваленко С.А., Толстиков В.П. 2010а. О начале монетной чеканки на Боспоре I, *ВДИ* 3, 31–59.

Коваленко С.А., Толстиков В.П. 2010б. О начале монетной чеканки на Боспоре II, *ВДИ* 4, 23–50.

Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В. 2010. Торговля, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 257–289.

Кузнецов В.Д. 1992. Раскопки в Кехах 1984–1989 гг., in: *Очерки археологии и истории Боспора*. Москва, 28–45.

Кузнецов В.Д. 2001. Метрополия Фанагории, *ДБ* 4, 227–236 (= Kuznetsov V.D. Phanagoria and its Metropolis, *Talanta XXXII–XXXIII* (2000–2001), 67–77).

Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 155–172.

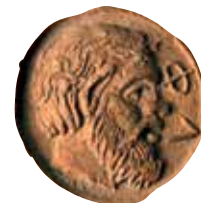
- Кузнецов В.Д. 2010а. О времени основания Фанагории, *ДБ* 14, 313–321.
- Кузнецов В.Д. 2010б. Фанагория – столица Азиатского Боспора, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 431–469.
- Кузнецов В.Д. 2013. Апатур, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 314–329.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Меоты, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 187–217.
- Ломтадзе Г.А. 2013. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4, *ДБ* 17, 216–230.
- Малышев А.А. 2000. Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э., *ДБ* 3, 104–130.
- Маринович Л.П. 1975. *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса*. Москва.
- Марченко К.К. 1983. Еще раз к вопросу о каллипидах, *СА* 1, 67–79.
- Мошинская В.И. 1946. О государстве синдов, *ВДИ* 5, 203–208.
- Новичихин А.М. 2010. Заключение, in: А.А. Малышев (ред.), *Население архаической Синдики* (Некрополи Черноморья III). Москва, 252–256.
- Новичихин А.М. 2011. Границы Синдики, *Былые годы* 3, 11–15.
- Новичихин А.М. 2014. Об этногенезе синдов, in: *Древняя и средневековая культура адыгов I*. Нальчик, 110–121.
- Новичихин А.М. 2015. Синдика за пределами Синдики, in: *TANAÏN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. За рекой Танаисом*. Ростов-на-Дону, 223–226.
- Отрешко В.М. 1981. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья, *СА* 1, 27–40.
- Розов В. Н. 1983. Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.), *ВДИ* 2, 109–116.
- Русяева А.С., Скржинская М.В. 1979. Ольвийский полис и каллипиды, *ВДИ* 4, 25–36.
- Сапрыкин С.Ю. 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии, *ВДИ* 1, 11–35.
- Сапрыкин С.Ю. 2006. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства, in: *Античная цивилизация и варвары*. Москва, 171–242.
- Сапрыкин С.Ю. 2013. Эллинизация и варваризация античных государств Северного Причерноморья (каллипиды и миксэллины догетской Ольвии), *ВДИ* 3, 3–27.
- Скржинская М.В. 1980. «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора, in: *Исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 115–125.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. *Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт-Петербург.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. 2002. Новая посвятельная надпись из Нимфея, *Hyperboreus* 8/1, 99–121.
- Соловьев С.Л. 2002. Хора Гермонассы: итоги исследований, in: *Таманская старина 4*. Санкт-Петербург, 33–60.
- Соловьев С.Л., Бутягин А.М. 2002. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы, in: *Таманская старина 4*. Санкт-Петербург, 67–80.
- Суриков И.Е. 2012. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы), *ДБ* 16, 440–469.
- Суриков И.Е. 2015. Афинские Фанагоры, *ДБ* 19, 340–350.
- Терещенко А.Е. 2004. *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Терещенко А.Е. 2012. Еще раз к вопросу о возникновении пантикапейской чеканки, *БИ XXVI*, Симферополь–Керчь, 168–180.
- Тохтасьев С.Р. 1986. Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании, *ВДИ* 2, 138–145.
- Тохтасьев С.Р. 2001. Еще раз о синдских монетах и Синдском царстве, in: *Боспорский феномен: колонизация регионов, формирование полисов, образование государства*. Ч. II. Санкт-Петербург, 63–79.

- Тохтасьев С.Р. 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ, *Таманская старина* 4. Санкт-Петербург, 11–32.
- Тохтасьев С.Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций), *ВДИ* 3, 144–180.
- Федосеев Н.Ф. 2013. К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи, *ПИФК* 4, 132–140.
- Финогенова С.И. 2010. Гермонасса, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 511–527.
- Фролова Н.А. 2002. Корпус монет синдос (первая половина – конец V в. до н.э.), *ВДИ* 3, 71–83.
- Шафранская Н.В. 1956. О миксэллинах, *ВДИ* 3, 37–48.
- Шелов Д.Б. 1949. Монеты синдос, *КСИИМК XXX*, 111–118.
- Шелов Д.Б. 1956. *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* Москва.
- Шелов Д.Б. 1981. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации, in: *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 232–247.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н.э., in: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР 1984 г.* Москва, 5–187.
- Яценко В.В., Тителакис А.В. 2005. О неизвестном варианте синдских гемитетартемориев, in: *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 28–29.
- Яйленко В.П. 2016. Сказ про то, как исследователь И.Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эсхина, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* (Боспорские чтения XVII). Керчь, 573–584.
- Antonaccio C.M. 2001. Ethnicity and Colonization, in: I. Malkin (ed.), *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Cambridge (Mass.) – London, 113–157.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A. 2007. *A Commentary on Herodotus. Books I–IV*. Oxford.
- Avram A. 2013. *Prosopographia Ponti Euxini Externa*. Leuven–Paris–Walpole.
- Babelon E. 1907. *Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième partie*. Paris.
- Balcer J.M. 1968. The Early Silver Coinage of Teos, *SNR XLVII*, 5–50.
- Balcer J.M. 1970. Phokaia and Teos: A Monetary Alliance, *SNR IL*, 25–34.
- Beck H. 1997. *Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jhd. v. Chr.* Stuttgart.
- Beck H. 2003. New Approaches to Federalism in Ancient Greece, in: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History. Vol. II. Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 177–190.
- Bissa E.M.A. 2009. *Governmental Intervention in Foreign Trade in Archaic and Classical Greece*. Leiden–Boston.
- Bouzek J., Ondrejová I. 1988. Sindos–Trebenishte–Duvanli. Interrelations between Thrace, Macedonia, and Greece in the 6th and 5th Centuries BC, *Mediterranean Archaeology* 1, 84–94.
- Bodenstedt F. 1981. *Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene*. Tübingen.
- Braund D. 2007a. The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaeus' Targatao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather, in: S.L. Solovyov (ed.), *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC*. (BAR Int. Series 1729). Oxford, 17–21.
- Braund D. 2007b. Greater Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC, in: D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.), *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD*. Oxford, 37–77.
- Casevitz M. 1985. *Le vocabulaire de la colonisation en grec ancien*. Paris.
- Charalampakis P. 2013. Some Notes on the Name ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ, *AMA* 16. Саратов, 180–189.
- Chryssanthaki K. 2001. Les trois fondations d'Abdère, *REG* 114, 383–406.
- Chryssanthaki K. 2004. Reconsidering the History of Abdera, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 311–318.

- Chryssanthaki-Nagle K. 2007. *L'histoire monétaire d'Abdère en Thrace* (VIe s. avant J.-C. – IIe s. après J.-C.). Athènes.
- Damyranov M. 2003. On the Local Population Around the Greek Colonies in the Black Sea Area, *Ancient West and East*, 2/2, 253–263.
- Delplace Chr. 1980. *Le grifon de l'archaïsme à l'époque imperial. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique*. Bruxelles–Rome.
- Dietler M. 1989. Greeks, Etruscans, and Thirsty Barbarians: Early Iron Age Interaction in the Rhône Basin of France, in: T.C. Champion (ed.), *Centre and Peryphery. Comparative Studies in Archaeology*. London, 127–141.
- Diller A. 1952. *The Tradition of the Minor Greek Geographers*. Amsterdam.
- Dubuisson M. 1982. Remarques sur le vocabulaire grec d'acculturation, *Revue belge de philologie et d'histoire* LX, 5–32.
- Ehrhardt N. 1983. *Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Elton H., Reger G. (eds.). 2007. *Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Bordeaux.
- Esposito A., Zurbach J. 2010. Femme indigènes et colons grecs: quelques observations, in: P. Rouillard (ed.), *Portraits de migrants, portraits de colons* II. Paris, 51–70.
- Finley M.I. 1999. *Ancient Economy*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Flensted-Jensen P. 2004. Thrace from Axios to Strymon, in: M.H. Hansen, Th.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 810–853.
- Frolova N.A. 2004. *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin.
- Gabrielsen V. 2000. The Synoikized Polis of Rhodos, in: P. Flensted-Jensen, Th.H. Nielsen, L. Rubinstein (eds.), *Polis and Politics. Studies in Ancient Greek History*. Copenhagen, 177–205.
- Gallant Th.W. 1991. *Risk and Survival in Ancient Greece. Reconstructing the Rural Domestic Economy*. Stanford.
- Gale N.H., Gentner W., Wagner G.A. 1980. Mineralogical and Geographical Silver Sources of Archaic Greek Coinage, in: D.M. Metcalf, W.A. Oddy (eds.), *Metallurgy in Numismatics* 1. London, 3–49.
- Garlan Y. 1989. *Guerre et économie en Grèce ancienne*. Paris.
- Giovannini A. 2007. *Les relations entre États dans la Grèce antique du temps d'Homère à l'intervention romaine* (ca. 700–200 av. J.-C.). Stuttgart.
- Graham A.J. 1991. Adopted Teians: a Passage in the New Inscription of Public Imprecations from Teos, *JHS* 111, 176–178 (= Graham A.J. *Collected Papers on Colonization*. Leiden–Boston–Köln, 2001, 263–268).
- Graham A.J. 1992. Abdera and Teos, *JHS* 112, 44–73 (= Graham A.J. *Collected Papers on Colonization*. Leiden–Boston–Köln, 2001, 269–314).
- Graham A.J. 1999. *Colony and Mother City in Ancient Greece*. Manchester.
- Grielaard J.P. 2009. The Ionians in the Archaic Period. Shifting Identities in a Changing World, in: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 37–84.
- Hall J.M. 1997. *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Hall J.M. 2002. *Hellenicity. Between Ethnicity and Culture*. Chicago–London.
- Hammond N.G.L., Griffith G.T. 1979. *A History of Macedonia. Vol. II. 550–336 B.C.* Oxford.
- Hansen M.H. 2007. Herodotos, in: M.H. Hansen (ed.), *The Return of the Polis: The Use and Meaning of the Word Polis in Archaic and Classical Sources*. Stuttgart, 104–134.
- Hatzopoulos M.B. 1996. *Macedonian Institutions under the Kings* I. Athens.
- Heisserer A.J. 1984. IG XII, 2, 1 (The Monetary Pact Between Mytilene and Phokaia), *ZPE* 55, 115–132.
- Head B.V. 1911. *Historia numorum*. Oxford.
- Herrmann P. 1971. Zum Beschluss von Abdera aus Teos Syll. 656, *ZPE* 7, 72–77.
- Herrmann P. 1981. Teos und Abdera im 5. Jahrhundert v. Chr. Ein neues Fragment der

- Teiorum Dirae, *Chiron* 11, 1–30.
- Hourmouziadis J., Weisser B. 2007. Bosphoran Silver Coins, 437–375 BC, *NC* 167, 1–8.
- Howgego Ch. 1995. *Ancient History from Coins*. London–New York.
- Isaac B. 1986. *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Jacquemin A. 1993. Oikiste et tyran: fondateur–monarque et monarque–fondateur dans l'Occident grec, *Ktema* 18, 19–27.
- Jenkins G.K., Lewis R.B. 1963. *Carthaginian Gold and Electrum Coins*. London.
- Kagan J.H. 2006. Small Change and the Beginning of Coinage at Abdera, in: P.G. van Alfen (ed.), *Agoronomia: Studies in Money and Exchange Presented to J.H. Kroll*. New York, 49–60.
- Kim H.S. 2001a. Small Change and the Moneyed Economy, in: P. Cartledge, E.E. Cohen, L. Foxhall (eds.), *Money, Labour and Land. Approaches to the Economies of Ancient Greece*. London–New York, 44–51.
- Kim H.S. 2001b. Archaic Coinage as Evidence for the Use of Money, in: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 7–21.
- Kraay C.M. 1964. Hoards, Small Change and the Origin of Coinage, *JHS* 84, 76–91.
- Kraay C.M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley–Los Angeles.
- Kryzhitskiy S.D. 2007. Criteria for the Presence of Barbarians in the Population of Early Olbia, in: D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.), *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD*. Oxford, 17–22.
- Lacroix L. 1975. Les types des monnaies grecques, in: J.-M. Dentzer, Ph. Cauthier, T. Hackens (eds.), *Numismatique antique. Problèmes et méthodes*. Nancy–Louvain, 153–163.
- Larsen J.A.O. 1968. *Greek Federal States. Their Institutions and History*. Oxford.
- Le Rider G. 2001. *La naissance de la monnaie: pratique monétaire de l'Orient ancien*. Paris.
- Leschhorn W. 1984. «Gründer der Stadt». *Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte*. Stuttgart.
- Lomas K. 2000. The Polis in Italy: Ethnicity, Colonization, and Citizenship in the Western Mediterranean, in: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 167–185.
- Mackil E. 2013. *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Mackil E., Alfen P.G. van. 2006. Cooperative Coinage, in: P.G. van Alfen (ed.), *Agoronomia: Studies in Money and Exchange Presented to J.H. Kroll*. New York, 201–246.
- Malkin I. 1985. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies, *Athenaeum* 63, 114–130.
- Malkin I. 1987. *Religion and Colonization in Ancient Greece*. Leiden.
- Malkin I. 2002. Exploring the Validity of the Concept of "Foundation": A Visit to Megara Hyblaia, in: V.B. Gorman, E.W. Robinson (eds.), *Oikistes. Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World*. Leiden–Boston–Köln, 195–225.
- Malkin I. 2011. *A Small Greek World. Networks in the Ancient Mediterranean*. Oxford.
- Martin Th.R. 1985. *Sovereignty and Coinage in Classical Greece*. Princeton.
- Martin Th.R. 1995. Coins, Mints, and the Polis, in: M.H. Hansen (ed.), *Sources for the Ancient Greek City-State*. Copenhagen, 257–291.
- Martin Th.R. 1996. Why Did the Greek Polis Originally Need Coins?, *Historia* 45, 257–283.
- Masson O. 1995. Quelques legends monétaires grecques, *SNR* 74, 5–11.
- May J.M.F. 1966. *The Coinage of Abdera (540–345 B.C.)*. London.
- McDonald D. 2005. *An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of Bosphorus* (Classical Numismatic Studies 5, CNG). Lancaster–London.
- McInerney J. 2001. Ethnos and Ethnicity in Early Greece, in: I. Malkin (ed.), *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Cambridge (Mass.) – London, 51–73.
- Meiggs R., Lewis D. 1980. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge.

- Morel J.-P. 2006. Phocaeen Colonisation, in: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden–Boston, 359–428.
- Morris I. 2011. Archaeology and Greek Slavery, in: K. Bradley, P. Cartledge (eds.), *The Ancient Mediterranean World* (The Cambridge World History of Slavery I). Cambridge, 176–193.
- Müller Ch. 2007. Insaisissable Scythes: discours, territoire et ethnicité dans le Pont Nord, in: J.-M. Luce (éd.), *Identités ethniques dans le monde Grec Antique*. Toulouse, 141–154.
- Müller Ch. 2010. *D'Olbia à Tanaïs. Territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique*. Bordeaux.
- Osborne R. 1996. *Greece in the Making, 1200–479 BC*. London–New York.
- Osborne R. 2012. Landscape, Ethnicity and the *Polis*, in: G. Cifani, S. Stoddart (eds.), *Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area*. Oxford, 24–31.
- Osborne M.J., Byrne S.G. 1996. *The Foreign Residents of Athens. An Annex to the Lexicon of Greek Personal Names: Attica*. Leuven.
- Peristeri-Otatzis C. 1986. Amphores et timbres amphoriques d'Abdère, in: J.-Y. Empereur, Y. Garlan (éds.), *Recherches sur les amphores grecques*. Paris (BCH Supplément XIII), 491–496.
- Price M., Waggoner N. 1975. *Archaic Greek Coinage. The Assyt Hoard*. London.
- Psoma S., Tsangari D. 2003. Monnaie commune et états fédéraux. La circulation des monnayages frappés par les états fédéraux du monde grec, in: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History. Vol. II. Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 111–141.
- Radt S.L. 1958. *Pindars zweiter und sechster Paian*. Amsterdam.
- Radt S. 2008. *Strabons Geographika, Band 7, Buch IX–XII: Kommentar*. Göttingen.
- Reden S. von. 1996. Money, Law and Exchange: Coinage in the Greek Polis, *JHS* 116, 154–176.
- Reden S. von. 2010. *Money in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Reger G. 1994. *Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C.* Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Rhodes P.J. (with D.M. Lewis). 1997. *The Decrees of the Greek States*. Oxford.
- Rzepka J. 2002. *Ethnos, Koinon, Sympoliteia*, and Greek Federal States, in: T. Derda, J. Urbanik, M. Węcowski (eds.), *ΕΥΡΕΤΕΣΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Studies Presented to B. Bravo and E. Wipszycka*. Warsaw, 225–247.
- Schaps D.M. 2007. *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor.
- Sherk R. 1991. The Eponymous Officials of Greek Cities III, *ZPE* 88, 225–260.
- Skarlatidou E. 2004. The Archaic Cemetery of the Clazomenian Colony at Abdera, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 249–259.
- Slavova M. 2008. Inscriptions on Edonian Coins, *Kadmos* 47, 177–190.
- Tiverios M. 2008. Greek Colonisation of the Northern Aegean, in: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 2. Leiden–Boston, 1–154.
- Trundle M. 2004. *Greek Mercenaries from the Late Archaic Period to Alexander*. London–New York.
- Ustinova Yu. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden–Boston–Köln.
- Walbank F.W. 2002. The Problem of Greek Nationality, in: Th. Harrison (ed.), *Greeks and Barbarians*. Edinburgh, 234–256 (статья впервые опубликована в 1951 г.).
- Westermarck U. 1988. The Coinage of the Chalcidian League Reconsidered, in: *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen*. Aarhus, 91–103.
- Xanthopoulou K. 2004. Abdera: the Heroes and the Horses. An Attempt to Interpret a Founding Myth, in: *Klazomenai, Teos and Abdera*, 319–326.
- Youroukova I. 1999. Sur le monnayage des tribus thraces, in: M. Amandry, S. Hurter (eds.), *Travaux de numismatique grecque offerts à G. Le Rider*. London, 435–439.

КУРГАН БОЮР-ГОРА (предварительная публикация)

*... На Тамани строение курганных насыпей,
как оно ни интересно, очень мало изучено
и должно было бы составить предмет специ-
ального исследования и изучения.*

М.И. Ростовцев*

В 2011 году Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН провела масштабные раскопки одного из самых больших курганов Таманского полуострова – Боюр-Гора или, как ее называли в 19 веке, Буерова могила. Этот курган, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора.¹

Курган Боюр-Гора (рис. 1, 2) находился в 6 км к югу от городища Фанагории, на одной из возвышенностей узкой гряды вулканического по своему происхождению водораздела, протянувшегося с запада на

* Ростовцев 1925, 266.

¹ Виноградов 2009, 284; 2012, 101.

Рис. 1.

Вид на курган Боюр-Гора с вертолета
(на заднем плане Васюринская гора).
Апрель 2011 г.

*Рис. 2.
Вид на курганы Боюр-Гора (в центре)
и Большая и Малая Близницы (справа)
с Васюринской горы.
Начало раскопок Боюр-Горы.
Июнь 2011 г.*

восток от ст. Тамань до ст. Старотитаровская между Таманским заливом и Черным морем с его лиманами (абсолютная отметка вершины – 93 м над уровнем моря). Высота кургана от северной подошвы составляла около 9 м, от восточной и южной – около 8,5 м, от западной – около 8 м. Диаметр кургана по линии север-юг – около 85 м, по линии запад-восток – около 95 м.

Значительные размеры кургана и его расположение на одной из самых значительных возвышенностей Таманского полуострова позволяют отнести Боюр-Гору к погребальным памятникам «царского» ранга, которые возводились в Северном Причерноморье, как правило, в классическую эпоху. Не вызывает сомнений, что его сооружение, так или иначе, связано с жизнью важнейшего города Азиатского Боспора – Фанагории.²

Как и подавляющее большинство наиболее крупных курганов Таманского полуострова, памятник подвергался археологическим исследованиям в 19 веке. По данным Отчета Археологической Комиссии за 1870 и 1871 годы курган, именовавшийся тогда «Буерова могила», был исследован на тот момент «старшим членом» Комиссии – Иваном Егоровичем Забелиным. Представленные им к публикации сведения о двухгодичных раскопках этого памятника крайне скудны и представляют собой насколько возможно краткий формальный обзор проводившихся им изысканий. Работы 1870 г. освещены всего на четырех страницах³, 1871 г. – на трех неполных страницах⁴, в обоих случаях без иллюстративного материала. Рапорт об исследованиях, поданный И.Е. Забелиным в Археологическую Комиссию, хранящийся в настоящее время в архиве ИИМК, дополняет опубликованные материалы некоторыми ценными подробностями.⁵

В результате раскопок, предпринятых И.Е. Забелиным, на периферии кургана был обнаружен нетронутый грабителями богатый погребальный комплекс: каменная гробница, содержащая воинское

² Кузнецов 2007.

³ ОАК 1870–1871, IX–XII.

⁴ Там же, XXXI–XXXIII.

⁵ Забелин 1870.

захоронение с большим набором разнообразного инвентаря, и сопровождающее ее погребение коня с богатым уздечным набором. Центральное погребение кургана оказалось полностью ограбленным.

Уже будучи частично раскопанной, Буерова могила не переставала привлекать внимание многих исследователей, олицетворявших собой боспорскую археологию того времени. В частности, вышедший на пенсию директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко в 1879 г., среди прочего планировал и проведение археологических работ на Буеровой могиле. В 1880 г. исследователь даже получил «Открытый лист» на право проведения раскопок.⁶ «Записку» А.Е. Люценко о планах археологических работ на 1879 г., где упомянут и интересующий нас курган, можно по праву рассматривать как завещание керченского археолога своим преемникам.⁷

Раскопки Буеровой могилы, известной исследователям благодаря «богатым находкам», сделанным в ее боковой гробнице в 1870 г., были продолжены только в 1885 г., уже под руководством другого члена Комиссии, профессора Н.П. Кондакова. После «крайне неудачных», по мнению самого исследователя, раскопок курганов у Ахтанизовского и Цокурского лиманов, Н.П. Кондаков перешел на Буерову могилу.⁸ Целью этих исследований стала «окончательная разведка» и поиски других боковых гробниц в сохранившихся к тому времени северо-восточной и юго-восточной полах кургана. Ожидания ученого не оправдались. Опубликованная в 1891 г. информация об этих исследованиях Кондакова крайне скудна. Она нашла отражение всего в трех предложениях отчета Императорской Археологической Комиссии за 1885 год (рис. 3, 4).⁹ М.И. Ростовцев довольно категорично охарактеризовал эти работы на Буеровой могиле: «дополнительные раскопки Кондакова не дали никаких результатов».¹⁰

⁶ Виноградов 2009, 306–307.

⁷ Зуев 2007, 10.

⁸ Виноградов 2009, 318.

⁹ ОАК 1882–1888, LXXXII.

¹⁰ Ростовцев 1925, 550.

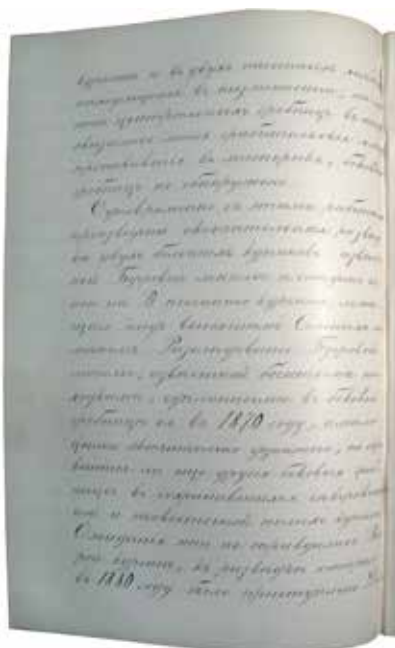

Рис. 3.
Отчет Императорской археологической комиссии за 1885 г.

Рис. 4.
Страница Отчета Императорской археологической комиссии за 1885 год с описанием работ Н.П. Кондакова на Буеровой могиле

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 19 В.

В 1870–71 гг. И.Е. Забелин произвел масштабные раскопки кургана Буерова могила. Исследователь оценивал размеры насыпи «в 130 сажень по окружности подошвы и высотой до 6 сажень». Длина окружности кургана по оценке И.Е. Забелина (около 277 м) практически идентична значению, полученному в ходе наших работ на основании данных стратиграфических разрезов (около 283 м), что подтверждает искусственный характер «террасы» отвалов, окружающих насыпь, и визуально увеличивающих ее размеры. Высота «до 6 сажень» (около 12,8 м) намного превосходит реальную высоту кургана по данным профилей, зафиксированную в 2011 г. (не более 9 м), но легко может быть получена при оценке с южной или северной стороны от насыпи с начинающегося от подножия кургана склона гребня водораздела.

Работы проводились общепринятой в то время методикой глухих траншей, три из которых были заложены при начале раскопок в 1870 г. с южной, юго-западной и западной сторон насыпи.¹¹ Разрезы траншей были прослежены в стратиграфических профилях в ходе работ 2011 г. Южная траншея (I) шириной около 11 м (5 сажень?) имеет ровные параллельные борта и направлена не к центру насыпи, как можно было бы ожидать, а к условной точке в 10 м к западу от него. Юго-западная (II) и западная (III) траншеи, напротив, имеют призматическую форму, сужаясь к центру кургана. Ширина траншеи II в широкой части у входа – не менее 22 м (10 сажень?), в узкой – около 7,5 м. Очевидно, что траншеи I и II были ориентированы относительно друг друга – их смежные борта разделены своеобразной бровкой, ширина которой на всем своем протяжении одинакова. Западная (III) траншея имеет ширину у входа около 9 м, которая увеличивается до 16 м ближе к центру насыпи. Вместе с тем, западная часть курганной насыпи больше пострадала от обвалов в ходе раскопок 19 в., и изначальные размеры траншеи при закладке могли быть иными. Дно траншей ровное, оно было опущено в погребенную почву на 0,25–0,5 м, но не достигало чистой материковой глины. Другими словами, в современных археологических терминах, И.Е. Забелин доводил свои траншеи до предматерикового уровня и следовал по нему на всем протяжении своих раскопок.

В то время как юго-западная (II) и западная (III) траншеи находок не дали, в южной траншее (I), «на седьмой сажени разреза» (около 14–15 м), под полкой кургана было обнаружено конское захоронение, «головой на северо-запад», сопровождавшееся уздечными принадлежностями, а рядом с ним, на расстоянии «2 аршин дальше к северо-западу» (около 1,42 м), – каменная гробница с рухнувшим перекрытием, сложенная из «больших мягких известняковых камней, тесаных плит». Гробница содержала воинское захоронение с большим набором разнообразного инвентаря.¹² В дневнике И.Е. Забелин приводит размеры и ориентацию сооружения: «от востока к западу 4 аршина» (2,85 м), ширина – 2 аршина (1,42 м), высота – 1 аршин (0,71 м). Продольные стороны гробницы были сложены из двух камней, поперечные – из одного, перекрытие со-

¹¹ Следы раскопок И.Е. Забелина, зафиксированные в ходе наших работ, соответствуют описанию, данному в публикации и дневнике исследователя. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу высокой достоверности всей информации, изложенной И.Е. Забелиным, и позволяет, несомненно, привлекать ее для общей реконструкции погребального сооружения. Многие его замечания, касающиеся характера структуры насыпи и особенностей ее конструкции, в деталях подтвердились нашими наблюдениями, сделанными в ходе работ. На чертежах и далее в тексте мы используем нумерацию траншей 1870–1871 гг. римскими цифрами, начиная от южной (траншея I) и далее по часовой стрелке. На общем плане кургана раскопочные траншеи и тоннели 19 в. обозначены красными линиями, этим же цветом даны обозначения глубин их дна.

¹² Подробнее об этом погребении см. ниже, в разделе «Комплексы кургана».

стояло из четырех плит, «потрескавшихся пополам». Из этого описания следует, что размеры использованных каменных блоков были стандартизованы: около 1,35–1,4х0,7 м. Как отмечает И.Е. Забелин в дневнике раскопок, погребальное сооружение было обнаружено на глубине 5 аршин (около 3,5 м) от поверхности насыпи и, по всей видимости, не было заглублено в материк (либо было заглублено в него минимально), поскольку никаких следов ямы, вырытой в материке в месте вероятного расположения погребения, при наших работах обнаружено не было. Сопоставление данных топографической съемки микрорельефа поверхности кургана с уровнем дна южной траншеи И.Е. Забелина в месте вероятного расположения гробницы дает глубину около 2,3–2,5 м. Тем самым, уровень поверхности насыпи на этом участке в 19 в. был как минимум на 1 м выше, нежели зафиксированный в 2011 г. Это незначительное само по себе обстоятельство, легко объясняемое обрушением бортов траншей старых раскопок, имеет, однако, важное следствие. Если реконструировать уровень поверхности кургана, зафиксированный И.Е. Забелиным на дальней периферии насыпи («на 7-й сажени разреза» – это около 75 м от центра кургана общим диаметром в 85–95 м), то насыпь теряет симметричность своих склонов, пусть в нарушенном виде, но все же зафиксированную съемкой 2011 г. Это заставляет внимательно отнестись к свидетельству И.Е. Забелина, отмечавшего, что «юго-западная сторона кургана... образует обширную значительно пологую плоскость», выделяясь тем самым на фоне прочих склонов насыпи, и что «погребение 1870 г. располагалось очень далеко от центра насыпи, на границе присыпей». В итоге, несмотря на то, что данные профилей юго-западного сектора кургана (первоначальная стратиграфия которого была практически полностью уничтожена раскопами 19 в.) не отразили каких-либо следов досыпок кургана после совершения центрального погребения, очевиден вторичный, впускной, характер погребального комплекса, обнаруженного И.Е. Забелиным и возможная небольшая досыпка насыпи над ним.

Находка нетронутого грабителями погребения приободрила исследователя и в следующем, 1871 году, раскопки были продолжены, охватив оставшуюся часть насыпи. В восточной части кургана были заложены четыре новых траншеи, а работы в трех траншеях 1870 г. были продолжены. Согласно дневнику И.Е. Забелина, в 1871 г. методика работы в западной половине насыпи была изменена: южная траншея (I) прошлого года была продолжена закрытыми проходками-«минами», «которые были проведены из южного разреза к северу на 11 сажений» (около 23,5 м).¹³ В ходе работ 2011 г. нами были обнаружены не только четкие следы этих проходок с обрушившимися сводами (рис. 5), следующими из южной траншеи (I), но и целые земляные коридоры (рис. 6), сохранившиеся в неприкосновенности в течение 140 лет. В частности, это ходы в траншее 5, бровке E–E', а так же часть тоннеля, наткнувшегося на центральное погребение 1. Тоннели имели ширину около 1,1–1,3 м, высоту – 1,65–1,75 м. Свод тоннелей был вырублен с учетом максимального распределения давления грунта на стены проходок, что

¹³ Отметим, что именно обнаружение «мин» позволило четко локализовать «южную» траншею И.Е. Забелина. Дополнительным подтверждением стали зафиксированные на дне траншеи при наших зачистках следы белокаменной крошки, очевидно, связанные с полностью разобранным на камень погребальным сооружением «боковой» гробницы. В соседних – с запада и востока – траншеях ни «мин», ни признаков присутствия камня обнаружено не было. Примечательно также, что, будучи продолженной с помощью тоннелей, «южная» траншея (I), не меняла своего направления (коридоры четко следуют линиям бортов траншеи), ориентированного на изучение западной половины кургана, а не его центра. Очевидно, что начиная раскопки в 1870 г., И.Е. Забелин имел вполне определенный план исследований, корректировавшийся в ходе работ.

*Рис. 5.
Раскопочные тоннели-мины 19 века.
Вид на стык двух коридоров
с обвалившимся сводом
после расчистки*

позволило отдельным участкам подземных ходов (протяженностью до 8 м), расположенным в центральной части тела насыпи, сохраниться в первоначальном состоянии почти полтора века. Маркшейдер, привлеченный в ходе работ 2011 г. для изучения раскопочных тоннелей, охарактеризовал форму их свода как наиболее устойчивую, близкую по форме своду естественного равновесия. Тоннели были вырублены при помощи заступов-кирок – характерные следы этих орудий были зафиксированы на стенах проходов. Эти же следы показывают направление движения землекопов – от периферии кургана к его центру и с запада на восток.

После того, как три «мины» прошли «по западной половине кургана», выйдя в западной траншее (III), был осуществлен «поворот прямо на восток» и заложены еще 4 тоннеля на расстоянии в «2 сажени (около 4,3 м) друг от друга». Зафиксированная нами конфигурация этих проходов несколько сумбурна. Из центральной части самого восточного (ближайшего к центру насыпи) из трех первоначальных коридоров выходят три тоннеля, направленные на восток. Расстояние между ними в точности соответствует указанному И.Е. Забелиным и составляет около 4,3 м. Особенностью поперечных коридоров являются повороты тоннеля под прямым углом, к северу, осуществленные в двух южных «минах». При этом самый южный коридор был остановлен, а средний – вышел в одной из северо-восточных траншей (V), что соответствует записи в дневнике И.Е. Забелина, что «мины вышли в восточном разрезе». Самый северный из поперечных тоннелей наткнулся на каменную гробницу центрального погребения кургана, после чего была пробита западная стена сооружения, и «мина» была введена внутрь погребения. К разочарованию исследователя, погребение оказалось полностью ограбленным. Эта «мина» была обнаружена нами полностью сохранившейся и является замечательным свидетельством, раскрывающим детали археологической методики 19 в. Убедившись, что гробница ограблена,

И.Е. Забелин произвел в нем необходимый минимум работ для выяснения размеров и конструкции сооружения, после чего «по случаю небывающих обвалов насыпи и возможности быть задавленными» дальнейшие работы в нем были остановлены.

Последняя из четырех «мин», указанных И.Е. Забелиным, была обнаружена нами следующей из северо-западной траншеи (IV) к югу. Этот тоннель примечателен тем, что в нем был найден крупный отдельно лежащий каменный блок, аналогичный блокам, использованным при строительстве центральной гробницы. И.Е. Забелин указывает на обнаружение в восточной половине насыпи четырех таких камней. В ходе наших работ было зафиксировано два камня (см. план рис. 7, на вкладке I: объекты 4 и 5). Учитывая, что один из найденных нами камней был, вероятно, ранее учтен И.Е. Забелиным, общее количество находок составляет не менее пяти.

Помимо каменных блоков восточные траншеи И.Е. Забелина не дали иных находок. При доследовании западной траншеи (III), соединенной в 1871 г. с юго-западным разрезом (II), был зафиксирован «жженный точёк» площадью около 2 кв. саженей, являющийся, очевидно, частью комплекса объектов №№ 2, 3 и 6, зафиксированных нами чуть севернее траншеи III (см. ниже).

В заключение отметим, что документация раскопок И.Е. Забелина, несмотря на свою краткость, весьма точна как в общем, так и в деталях, и с высокой степенью достоверности, на наш взгляд, может быть использована для реконструкции погребального комплекса, обнаруженного исследователем в первый год работ. Это обстоятельство приобретает особое значение ввиду того, что иных сведений о нем, в том числе в стратиграфии самой насыпи, не сохранилось.

*Рис. 6.
Раскопочный тоннель И.Е. Забелина.
Вид на участок мины с сохранившимся сводом.*

*Рис. 8.
Курган Бююр-Гора во время снятия
подробного топографического плана.
Апрель 2011 г.*

Локализация мест работ, предпринятых на кургане в 1885 г. Н.П. Кондаковым, гораздо менее определена. Несколько строк из Отчета ИАК описывают эти раскопки как поиски «боковых гробниц» в сохранившихся юго-восточной и северо-восточной полах кургана. Одна из раскопанных траншей, прослеживавшихся в рельефе юго-восточного склона насыпи перед началом наших работ 2011 г., может быть вполне уверенно отнесена к «поискам» Н.П. Кондакова. Вторая траншея в северо-восточной поле кургана не локализуется, для нее попросту нет места между разрезами И.Е. Забелина. Возможно, в 1885 г. раскопки здесь ограничились исследованием одной из траншей 1871 г.

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ КУРГАНА. МЕТОДИКА РАБОТ

Несмотря на раскопки 19 в., насыпь Бююр-Горы выделялась среди других крупных курганов в окрестностях Фанагории своей относительно хорошей сохранностью (рис. 8). Следы старых раскопок, представляющие собой радиально сходящиеся к центру кургана западины с оплывшими пологими склонами, оставшиеся от глухих траншей 19 в., равномерно окружали насыпь по всему периметру (рис. 9–11). Судя по современному рельефу, траншеи, прорезавшие насыпь, имели разную длину, при этом ни одна из них не достигла центра кургана, сохранившего правильную полусферическую форму с чуть уплощенной вершиной. Вокруг насыпи довольно четко были видны всхолмления высотой до 2,5–3 м, образованные отвалами из этих раскопок. Их объем создавал

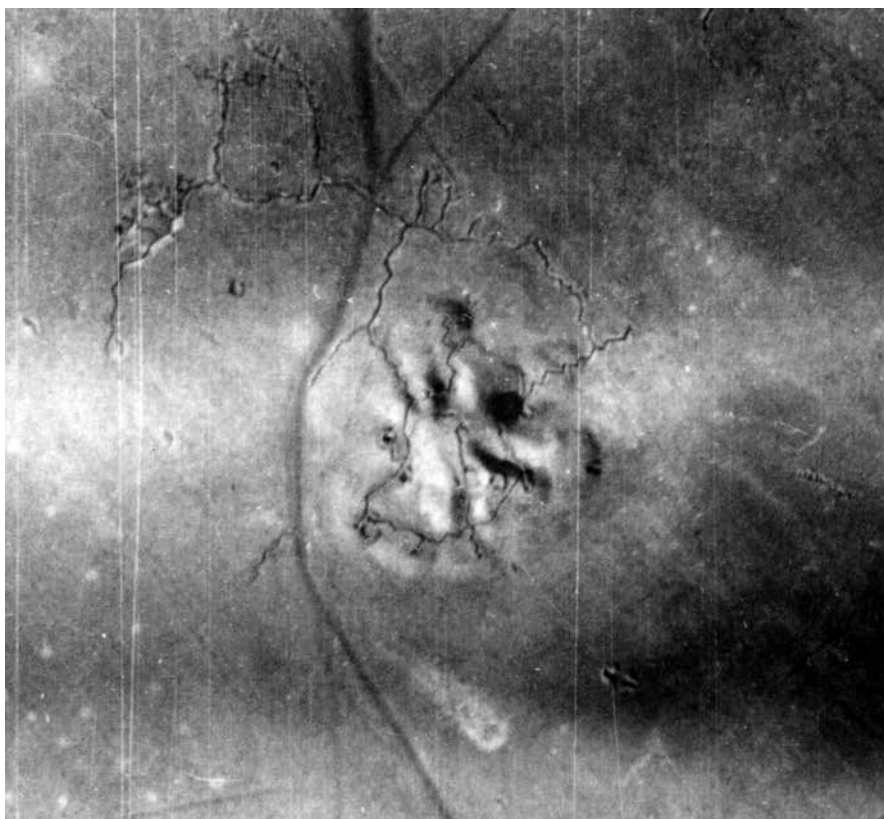

Рис. 9.
Насыпь кургана Бююр-Гора
на архивном немецком аэрофотоснимке
Люфтваффе. Январь 1944 г.

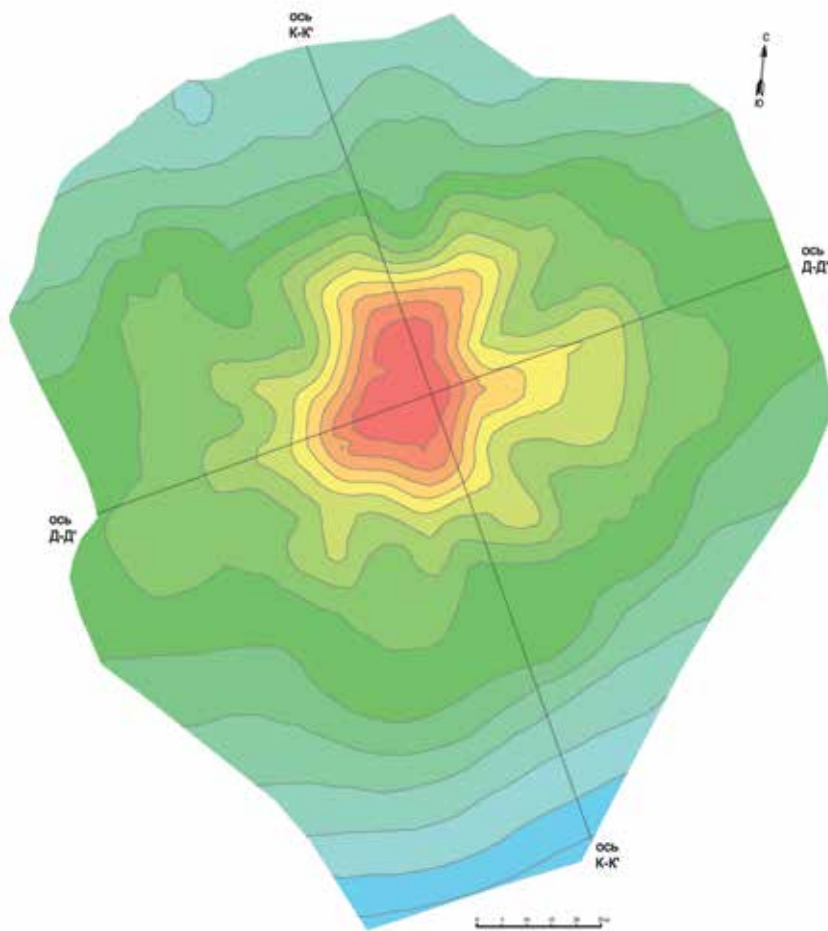

Рис. 10.
Гипсометрическая модель поверхности кургана до начала земляных работ.
Вид сверху

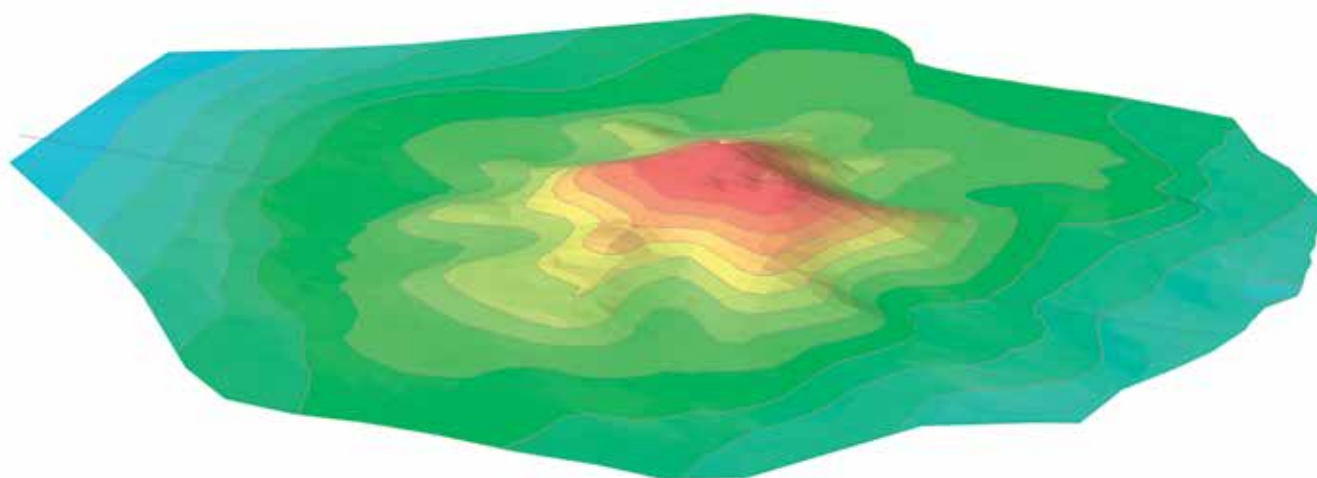

Рис. 11. Гипсометрическая модель поверхности кургана до начала земляных работ.
Вид в аксонометрии с северо-востока

видимость «террасы» у подножия насыпи кургана, визуально увеличивая его размеры. Размеры участка, занятого курганом и окружающими его отвалами, составляла около 120 м по линии север-юг на 130 м по линии запад-восток. Полы кургана к западу и востоку от насыпи переходили в ровную поверхность водораздельного гребня, вытянутого на этом участке с запада-юго-запада на восток-северо-восток. С севера и юга склоны насыпи и окружающих ее отвалов раскопок 19 в.

Рис. 12.
Центральный участок верхнего уровня
стратиграфического разреза Д–Д'.
Устье грабительской воронки
над центральным погребением
античного кургана

непосредственно переходили в северный и южный склоны водораздела, тем самым еще больше усиливая визуальный эффект высоты сооружения за счет естественного рельефа местности. Вершина кургана имела явное уплощение (рис. 12). Южная (основная) часть площадки вершины имела квадратную в плане форму, ориентированную по сторонам света, и достигала размеров около 15–13,5 м. С северной стороны площадка была ограничена небольшой седловиной-понижением, за которой располагался остроконечный гребень, расположенный на высоте основной вершины насыпи. Проведенные раскопки показали, что седловина на вершине кургана не была связана с каким-либо подкурганым сооружением, а появилась в результате не доведенной до конца попытки соединить противоположащие глухие траншеи раскопок 19 века. В целом, западный, северный и восточный склоны кургана визуально производили впечатление наиболее пострадавших от траншей старых раскопок участков насыпи. Южная пола сохранила более пологие очертания. Перед началом раскопок 2011 г. при взгляде с воздуха курган по своей форме был подобен многолепестковому цветку с цельной, немного вытянутой с севера на юг серединой, где «лепестки» соответствуют отвалам, разделенным котлованами траншей (рис. 11).

Для фиксации размеров и формы насыпи весной 2011 г. перед началом раскопок была осуществлена аэрофотосъемка кургана с воздуха (рис. 1)¹⁴, осуществленная в период, когда растительность, скрывающая микрорельеф, практически отсутствует. Также на этапе предварительных работ была проведена подробная инструментальная топографическая съемка микрорельефа поверхности кургана, выполненная с помощью GPS оборудования геодезического класса, обеспечивающего миллиметровую точность измерений. Съемка производилась по сетке со средним шагом 1,5–2 м, на пологих участках – не более 3 м, в зонах со сложным микрорельефом – не более 0,5 м. Общее количество пикетов измерений превысило 2000. В итоге была получена высокоточная объемная модель насыпи кургана перед началом ее раскопок, позволившая определить оптимальную конфигурацию будущего раскопа и наметить стратиграфические оси. Гипсометрическая модель поверхности кургана с цветовой дифференциацией высот представлена на рис. 10 и 11.

¹⁴ Фотосъемка производилась сотрудником Фанагорийской экспедиции ИА РАН С.В. Ольховским с борта вертолета, совершившего несколько облетов вокруг насыпи на различной высоте и удалении от нее.

*Рис. 13.
Начало раскопок Боюр-Горы.
Вид с кургана Большая Близница*

*Рис. 14.
Вид на раскопки южной полы кургана
с юго-запада*

*Рис. 15.
Вид на раскопки южной полы кургана
с востока*

Рис. 16.
Вид на раскопки южной полы кургана
с воздуха

Отметим, что в 2002 г. на кургане были проведены пробные геофизические исследования насыпи с помощью георадара с целью обнаружения мест расположения погребальных сооружений. Однако в связи с высокой крутизной склонов и сложностью рельефа насыпи, георадарная съемка не дала желаемых результатов.

На момент начала раскопок курганная насыпь была полностью задернована и покрыта однородной травянистой степной растительностью (рис. 1, 8). Исключение составляла свежая грабительская яма размером около 2–3 м, заложенная по направлению к центру кургана в юго-западной поле насыпи и выявленная при проведении топосъемки весной 2011 г.

К моменту начала земляных работ насыпь кургана со всех сторон (кроме северо-восточной) была окружена полями (рис. 13–15), засеянными ценными сортами зерновых культур. В силу этого, единственным возможным направлением перемещения отвалов стал участок, расположенный к востоку-северо-востоку от насыпи, между курганом и грунтовой дорогой, пересекающей возвышенность (рис. 16, 17). Раскоп был разбит с отклонением на 26° от линии запад–восток согласно направлению гребня возвышенности, на вершине которого располагался курган. Подобная ориентация была не только наиболее целесообразной с точки зрения проведения исследований, но и единственно технически возможной. Перед началом земляных работ для стратиграфических наблюдений было намечено девять параллельных осевых (рис. 7, вкладка I), ориентированных по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (азимут 64°) с таким расчетом, чтобы рассечь наиболее информативные участки насыпи (рис. 12, 18–20). Осевые линии были помечены буквами от А до И (Д – центральная осевая), перпендикулярная осевая линия юг-юго-восток – север-северо-запад,

Рис. 17.
Раскопки кургана.
Вид с востока

проходящая через центр насыпи, – буквой К. Наименования пикетов по осевым линиям образованы прибавлением к буквенному обозначению расстояния от осевой К в метрах (например, А–8). Для различения симметрично расположенных пикетов к западу и востоку от осевой К *восточные* помечались дополнительным апострофом (например, А–8 и А'–8). Аналогично были обозначены пикеты осевой линии К: к северу и югу от центральной осевой Д–Д'. Крайние северная (А–А') и южная (И–И') осевые линии образовали соответствующие борта раскопа, по семи центральным линиям были оставлены бровки шириной 2,5 м. Центральная бровка ввиду значительной высоты курганной насыпи имела ширину 4 м. Бровки разделили раскоп на 8 траншей, получивших порядковые номера с севера на юг: траншея 1, траншея 2 и т.д. Все измерения производились от единого репера R0, расположенного на пересечении осей Д–Д' и К–К', с помощью лазерного тахеометра Trimble M3. В общей сложности было выполнено более 8000 замеров.

Снятие грунта насыпи производилось горизонтальными пластами толщиной 5–10 см при помощи шести единиц землеройной техники: трех бульдозеров (Т-130 и Т-170) и трех колесных скреперов (на базе трактора К-700). Вертикальные и горизонтальные зачистки, расчистка комплексов производились силами более 100 членов экспедиции (аспирантами и студентами) из Москвы, Краснодара, Армавира, Воронежа, Магнитогорска, Оренбурга.

В ходе проведенных раскопок была использована электронная система чертежной фиксации и ведения полевой документации. Основой примененной методики стало широкое использование фотограмметрических принципов совместно с высокоточными лазерными измерениями для оптимизации чертежного процесса и трехмерной фиксации объектов.¹⁵

¹⁵ Жуковский 2013, 86–93.

СТРАТИГРАФИЯ НАСЫПИ

Для выяснения стратиграфии кургана было сделано в общей сложности 16 стратиграфических разрезов, составленных 14 фасадами бровок (северные – Б–Б', В–В', Г–Г', Д–Д', Е–Е', Ж–Ж', З–З', южные – Б'–Б, В'–В, Г'–Г, Д'–Д, Е'–Е, Ж'–Ж, З'–З) и двумя фасадами северного и южного бортов раскопов (А–А' и И–И). Наиболее информативные разрезы представлены на рис. 21. Как уже говорилось выше, разрезы были ориентированы и размечены таким образом, чтобы расечь наиболее информативные участки насыпи и дать по возможности полную картину формы и структуры кургана. Визуальная оценка поверхности кургана перед началом раскопок свидетельствовала о значительном объеме нарушений насыпи, связанных, в первую очередь, с раскопками, предпринятыми И.Е. Забелиным в 1870–1871 гг. Оплывшие раскопочные траншеи 19 в. хорошо прослеживались в рельефе по всему периметру кургана (рис. 7, на вкладке I; 20). Во всех стратиграфических разрезах под отвалами траншей 19 в., опоясывающими насыпь, были зафиксированы участки изначальной поверхности кургана. Сопоставление этих данных позволяет определить первоначальный диаметр кургана в 85 м по линии север-юг и 95 м по линии запад-восток. Таким образом, насыпь была несколько вытянута в широтном направлении – вдоль гребня водораздела, что, возможно, связано с размерами участка на его вершине, занятого телом кургана полностью. Уровень материка в разрезах плавно повышается от северной периферии насыпи к ее центру, затем – также плавно понижается к югу. Перепад высот составляет от –10,1 м в центре самого северного профиля А–А' до –8,6 м в середине центрального профиля Д–Д', т.е. около 1,5 м. Далее к югу уровень материка по осевой линии кургана К–К' опускается до –9,3 м (на 0,6 м). Зафиксировано также небольшое (около 0,5–0,7 м) повышение уровня материка от краев профилей к их центрам. Таким образом, курган был размещен на естественной возвышенности верхней точки водораздельного хребта. Во всех разрезах был зафиксирован уровень древней дневной поверхности (погребенной почвы) на момент сооружения кургана. Для ее уровня также характерно повышение с севера к центру и понижение от центра к югу, параллельное уровню материка. Поверхность погребенной почвы под курганной насыпью ровная, превышение в центральной части профилей над периферией – минимальное – не более 0,1–0,15 м. Исключение составляют разрезы Д–Д', Е–Е' и Д'–Д, Е'–Е, где было зафиксировано превышение уровня древней дневной поверхности в центральной части разрезов до 0,8 м, что позволило предположить наличие под курганной насыпью античного времени более раннего кургана. Предположение полностью подтвердилось благодаря обнаружению погребений 2 и 3, относящихся к кургану I (как он был обозначен), возведенному в эпоху бронзы (рис. 19). Построенный над ним курган античного времени получил номер II. Курган I имел диаметр около 30 м и высоту около 0,8 м на момент сооружения в нем основного захоронения второго по времени кургана (погребение 1). Сразу

Рис. 18.
Слоистая структура
«глиняного панциря» насыпи
в юго-западной части разреза Д–Д'.
Провалы грунта в разрезе образованы
проседанием сводов раскопных
тоннелей И.Е. Забелина.
Вид с востока

Рис. 19.
Центральный участок нижнего уровня
стратиграфического разреза Д–Д',
отражающий структуру насыпи:
в центре – основной объем «ядра»
кургана, в нижней части –
тонкая линза каменной крошки
маркирует уровень поверхности
кургана I.
Вид с востока

Рис. 20.
Стратиграфический разрез Ж–Ж',
демонстрирующий раскопные
траншеи И.Е. Забелина и их отвалы.
Вид с юга

стоит отметить тот факт, что при выкапывании котлована для строительства основной античной гробницы (погребение 1) было частично уничтожено центральное основное захоронение кургана I.

Уровень древней дневной поверхности на момент совершения захоронения в погребении 1 составлял по данным центрального разреза Д–Д' –6,9 м. Таким образом, высота кургана II от вершины кургана I составляла не менее 7 м, от уровня естественной погребенной поверхности – около 8 м.

Обобщенные данные стратиграфических разрезов показывают единство структуры насыпи кургана II, созданного по четкому замыслу (рис. 21, на вкладке II). Основную часть насыпи, ее ядро, составляют рыхлые, не плотные суглинки преимущественно темно-бурого и буро-серого оттенка, в ряде мест переслоенные пластинами темно-серого более гумусированного суглинка (рис. 19). Цветовая дифференциация слоев ядра кургана связана с взятием грунта из разных уровней естественного почвенного профиля. Диаметр ядра составляет около 35 м. По периметру ядра, отсыпанного в первую очередь и, видимо, на полную высоту кургана, были размещены горизонтальные пласты более тяжелой глины сходных цветовых оттенков. Пласты глины имеют стандартную толщину около 0,6–0,8 м в нижней части насыпи и около 0,35–0,5 м – в верхней. В ряде случаев зафиксированы участки частой переслойки более тонкими пластинами. Пласты грунта были переложены слоями камки, имеющей в разрезах розовый, белесый или коричневый оттенок (вероятно, в зависимости от степени увлажненности). Горизонты водорослей очень выражены, их толщина достигает 2 см, в среднем составляя около 1 см (рис. 18).

Внешний слой насыпи был сформирован из желтой материковой глины, слои которой сохранились повсеместно на периферии кургана и частично – на его вершине, там, где не были уничтожены перекопами и раскопочными траншеями 19 века.

Профиль бровки Д–Д'.¹⁶

Общая протяженность профиля – 150 м. Максимальная глубина зачищенной поверхности – до –9,7 м. Нивелировочные отметки на концах профиля: –8,17 м на западном и –8,58 м – на восточном. Уровень поверхности на вершине насыпи колеблется от –0,24 до –0,44 м. Курган задернован, в верхней части профиля по всей протяженности следует слой дерна толщиной около 0,1–0,15 м. Вершина насыпи срезана – протяженность ровного горизонтального участка поверхности профиля в центральной части составляет около 14 м. Осевая линия К–К' проходит по восточной оконечности горизонтального участка. К западу от осевой поверхности профиля следует горизонтально, затем плавно опускается к основанию насыпи, к востоку – делает ступеньку на удалении 37 м, связанную с отвалом раскопочных траншей 19 в. (V и VI), лежащим на поле кургана.

В профиле зафиксированы значительные перекопы тела насыпи. Наиболее значительный из них – яма по центру профиля, ведущая

¹⁶ Мы приводим формальные описания только тех разрезов, которые вошли в состав иллюстраций к статье. Общая протяженность зафиксированных профилей приближается к 2000 м, и объем чертежной документации не позволил включить ее в формат публикации полностью.

непосредственно к месту расположения погребения 1 (рис. 12). Ширина ямы в верхней части составляет 10,7 м, нижней – 4,4 м. По западному борту ямы фиксируются четкие ступенчатые следы лопат. Дно ямы располагается на гл. –7 м, на уровне верхних камней стен погребения 1. В западной и восточной частях профиль прорезается 3-мя траншеями: траншея II шириной 6,6 м, гл. до –7 м, траншея V шириной 7,7 м, гл. до –7,8 м и траншея VI шириной 6,8 м, гл. до –8,45 м соответственно с запада на восток. Помимо открытых перекопов в профиле представлены разрезы трех тоннелей 19 века. Наиболее западный тоннель (Д–19–Д–20) имеет ширину 1,28 м, уровень дна – 7,75 м. Свод тоннеля обрушен, что вызвало нарушение слоев на высоту 2,52 м. Центральный тоннель (Д–13–Д–15) имеет ширину 1,20 м, уровень дна – 7,47 м. Свод тоннеля обрушен, что вызвало нарушение слоев на высоту 2,45 м. Восточный тоннель (Д–9–Д–11) имеет ширину 1,35 м, уровень дна – 7,48 м. Свод тоннеля обрушен, что вызвало нарушение слоев на высоту 4,45 м.

В центральной части профиля под слоем дерна располагается аморфный слой темно-серо-желтоватого гумусированного суглинка толщиной до 1 м, связанный с перекопами тела насыпи. Слой имеет максимальную мощность в пределах горизонтальной площадки на вершине кургана и выклинивается к пикетам Д¹–31 и Д–38. На периферии профиля в верхней части профиля находятся слои отвалов от перекопов: линза толщиной 0,45 м и протяженностью около 29 м на западной поле и мощный слой толщиной до 1,6 м протяженностью более 33 м – на восточной. Глинистые фракции в составе отвалов выделяют консервированные под ними участки изначальной поверхности кургана, имеющие плавный подъем.

Центральную часть профиля занимают слои, складывающие ядро насыпи: светло-буро-серый, темно-буро-серый гумусированный и темно-серый сильно гумусированный суглинок с включением камней. Слои чередуются, формируют перьевидные линзы. Характер и направление залегания суглинков ядра свидетельствует о его одновременном отсыпании из грунтов, взятых из разных уровней естественного почвенного профиля. Общая мощность суглинков составляет 5,5 м, диаметр ядра – около 37 м (рис. 19).

С запада и востока к ядру насыпи примыкают «лесенки» пластов глины серо-оливкового и серо-буро-желтоватого оттенков, переслоенные тонкими линзами камки (рис. 18). Оливковый цвет глины связан, по-видимому, с процессами оглеения глубинных пластов периферии кургана под воздействием просачивающейся воды. Пласты глины в нижней части насыпи плавно выклиниваются в контактной зоне с суглинистым ядром кургана. Протяженность нижнего серо-оливкового пласта глины в западной части профиля составляет 15 м, в восточной – около 12 м, мощность – 0,8–0,85 м. Выше по профилю протяженность пластов глины последовательно уменьшается, их внешняя граница нарушена перекопами, не позволяющими установить изначальную протяженность. Толщина пластов несколько уменьшается – до 0,45–0,6 м. Верхние пласты глинистого «пояса», окружающего ядро насыпи,

сложены из слоя пестрой комковатой темно-серой/серо-бурой глины с включением комочков желтой материковой глины и карбонатов. Пласты единого по структуре слоя переложены линзами камки, максимальная мощность всей пачки на непотревоженном участке западной части профиля достигает 3 м, протяженность – 27,5 м. Пласт пестрой глины спускается к основанию насыпи. Отметим, что линзы камки не связаны с цветовой дифференциацией почв, складывающихся насыпь: водоросли разделяют как единые по структуре и оттенку слои, так и различные.

На западной и восточной периферии насыпи располагаются перье-видные слои желтой материковой глины с небольшим количеством гумуса и сопутствующие им слои мешаной неоднородной желтой глины и серо-бурого суглинка. Формирование последних, связано как с диффузией глинистой фракции по слою, так и использованием «предматериковой» глины при отсыпке внешнего панциря кургана. Слои материковой глины следуют подъему насыпи, выклиниваясь к вершине. Общая протяженность слоев чистой и мешаной желтой глины в западной части профиля составляет 11,8 м при толщине до 0,85 м, в восточной – 13,3 м и 0,85 м соответственно.

Поверхность погребенной почвы в профиле прослежена на протяжении 64,7 м в его центральной части на уровне –7,7–8 м (рис. 19). В центре профиля уровень погребенной почвы поднимается до –6,9 м – по поверхности кургана I. Диаметр насыпи кургана I в профиле составляет 31 м, высота – 0,8 м. Тело насыпи кургана I не дифференцируется с естественным погребенным почвенным профилем, образуя единый горизонт. На поверхности погребенной почвы в центре профиля (поверхность кургана I) располагаются несколько сырцовых кирпичей, связанных с античным погребением 1. Также на древней поверхности на участке Д¹-2–Д¹-5 зафиксирована линза выброса из котлована погребения 1 толщиной до 0,15 м. Повсеместно на поверхности погребенной почвы в радиусе до 20 м от центра котлована погребения 1 прослежены тонкие прослойки белокаменной крошки, связанные с подтеской камней на месте при сооружении каменной гробницы.

На центральном участке профиля расположен котлован и возведенный в нем каменно-сырцовый ящик погребения 1, занимающие пространство между пикетом Д-8 и осевой К-К'.¹⁷ Ширина котлована, прорезавшего насыпь кургана эпохи бронзы I и слой погребенной почвы, составляет по оси Д-Д' около 7,95 м. Дно котлована заглублено в материк на 0,65 м (глубина от R0 –9,24 м). От уровня поверхности кургана I (уровне дневной поверхности во время сооружения кургана II) котлован опущен на глубину около 2,3–2,35 м.¹⁸ Борты ямы котлована неровные, круто опускаются ко дну, где яма сужается до 4,45 м. В котловане расположена гробница (подробное описание ее конструкции приводится ниже). Реконструируемая высота стен усыпальницы превосходит уровень древней дневной поверхности на 0,47–0,48 м.

Помимо центрального погребения в теле погребенной почвы в центральной части профиля представлены разрез ямы погребения 3 и объекта 7, относящихся к кургану I.

¹⁷ На чертеже профиля Д-Д' приводится проекция разреза центрального погребения. Каменные блоки, формирующие пол и стены сооружения, даны в реконструкции. Это позволило нам наглядно проиллюстрировать место центрального погребения в структуре стратиграфии кургана.

¹⁸ И.Е. Забелин в своем дневнике отмечает, что гробница была опущена в материк на 2 сажени (около 4,26 м). Очевидно, под «материком» он подразумевал древнюю дневную поверхность, на которой сооружался курган. Таким образом, его оценка, сделанная из узкого темного коридора-«мины», очень точна.

Уровень материка в профиле следует от западной оконечности к восточной на глубине –8,9; –8,6; –9,7 м, поверхность его неровная, волнистая, повсеместно зафиксированы участки складчатости и выдавливания материковых пород, почвенный переход плавный.

Профиль бровки Д'–Д.

Общая протяженность профиля – 150 м. Максимальная глубина зачищенной поверхности – до –9,6 м. Нивелировочные отметки на концах профиля: –8,23 м на западном и –8,65 м – на восточном. Уровень поверхности на вершине насыпи – от –0,18 до –0,33 м. Курган задернован, в верхней части профиля по всей протяженности следует слой дерна толщиной около 0,1–0,15 м. Поверхность насыпи нарушена значительными перекопами.

В целом профиль полностью аналогичен разрезу Д–Д', описание которого приведено выше. Поверхность погребенной почвы в профиле прослежена на протяжении 71,6 м в его центральной части на уровне –7,7–7,9 м. В центре профиля уровень погребенной почвы поднимается до –7,02 м – по поверхности кургана I. Диаметр насыпи кургана I в профиле составляет 25 м, высота – 0,6 м. Тело насыпи кургана I не дифференцируется с естественным погребенным почвенным профилем, образуя единый горизонт. На поверхности погребенной почвы в центре профиля (поверхность кургана I) располагаются несколько сырцовых блоков, связанных с погребением 1. Также на древней поверхности на участке Д'–3–Д–2 зафиксирована линза выброса из котлована погребения 1 толщиной до 0,2 м. Повсеместно на поверхности погребенной почвы в радиусе до 11 м от центра котлована погребения 1 прослежены тонкие пласты белокаменной крошки, связанные с подтеской камней на месте при сооружении каменной гробницы.

Уровень материка в профиле выявлен на глубине –9,4; –8,7; –9,1 м, поверхность неровная, волнистая, повсеместно зафиксированы участки складчатости и выдавливания материковых пород, почвенный переход плавный.

Профиль бровки Г–Г'.

Общая протяженность профиля – 145 м. Максимальная глубина зачищенной поверхности достигает –10,25 м. Нивелировочные отметки на концах профиля: –8,43 м на западном и –9,09 м – на восточном. Уровень поверхности на вершине насыпи –0,31 м. Курган задернован, в верхней части профиля по всей протяженности следует слой дерна толщиной около 0,1–0,15 м. Поверхность насыпи нарушена значительными перекопами.

Поверхность погребенной почвы в профиле прослежена на протяжении 49,5 м в его центральной части на уровне –7,9–8,25 м, понижается к востоку.

Уровень материка в профиле обнаружен на глубине –9,2; –9,1; –10,05 м, поверхность неровная, волнистая, повсеместно зафиксированы участки складчатости и выдавливания материковых пород, почвенный переход плавный.

Профиль бровки Ж–Ж'.

Общая протяженность профиля – 153 м. Максимальная глубина защищенной поверхности – до –10,15 м. Нивелировочные отметки на концах профиля: –8,62 м на западном и –9,04 м – на восточном. Уровень поверхности в центральной части зафиксирован на отметке –4,68 м. Курган задернован, в верхней части профиля по всей протяженности следует слой дерна толщиной около 0,1–0,15 м. Поверхность насыпи нарушена значительными перекопами (рис. 20).

Ровная поверхность погребенной почвы в профиле прослежена на протяжении 58,4 м в его центральной части на уровне –7,9–8,05 м.

Уровень материка в профиле найден на глубине –9,5; –9,15; –9,75 м, поверхность неровная, волнистая, повсеместно зафиксированы участки складчатости и выдавливания материковых пород, почвенный переход плавный.

КОМПЛЕКСЫ КУРГАНА

Погребение из раскопок 1870 года

Неограбленное погребение, обнаруженное в Буеровой могиле в 1870 г., М.И. Ростовцев справедливо назвал «монументальным» и «в высокой степени интересным».¹⁹ Тогда же, еще в 1925 г., исследователь сетовал на то, что вещи из него «до сих пор нигде не были опубликованы и даже не описаны».²⁰ Он частично исправил эту ситуацию в своих публикациях.²¹ Но, к большому сожалению, мы и сейчас можем констатировать тот факт, что выдающийся комплекс Буеровой могилы, хранящийся в Государственном Эрмитаже, за исключением отдельных вещей (рис. 22–25), не введен в научный оборот и остается неизвестным широкому кругу исследователей. Поиски, обработка и подготовка к публикации вещей из этой гробницы, а также архивных материалов, связанных с ними, являются важным и трудоемким направлением деятельности, которое находится за границами задач, стоявших перед авторами данной предварительной публикации. Но проект этот ждет своей реализации в рамках полной публикации материалов исследований Боюр-Горы. Здесь же мы постараемся лаконично описать гробницу, обнаруженную И.Е. Забелиным в 1870 г., на основе информации из его дневника и вышедших с того времени публикаций, в которых фигурируют найденные в ней вещи.

Основным источником, содержащим описание интересующей нас гробницы, помимо дневника И.Е. Забелина являются четыре неполных страницы Отчета ИАК за 1870 и 1871 годы.²² Первые признаки обнаружения усыпальницы появились через неделю после начала работ на Буеровой могиле, когда был найден скелет взнузданного коня, уложенного головой на северо-запад. Уздечный набор состоял из бронзовых, покрытых серебром и позолотой, блях, наносника и других элементов из бронзы и железа. Кроме того, узду украшали три большие стеклянные бусины.²³

¹⁹ Ростовцев 1925, 550.

²⁰ Там же.

²¹ Ростовцев 1918, табл. II, 5, 7, 8; III, 4; 1925, 550.

²² ОАК 1870–1871, IX–XII.

²³ Там же, IX–X.

Рис. 22.
Вещи из погребения,
исследованного в 1870 г.

Рис. 23.
Шлем из погребения,
исследованного в 1870 г.

Рис. 24.
Золотая гривна из погребения,
исследованного в 1870 г.

Рис. 25.
Серебряный сосуд из погребения,
исследованного в 1870 г.

Рядом с конем, в полутора метрах на северо-запад от его костей, была открыта гробница, сложенная из больших тесанных известняковых плит. В дневнике И.Е. Забелин приводит размеры и ориентацию сооружения: «от востока к западу 4 аршина» (2,85 м), ширина – 2 аршина (1,42 м), высота – 1 аршин (0,71 м). Продольные стороны гробницы были сложены из двух камней, поперечные – из одного. Сверху она была перекрыта четырьмя такими же плитами, которые, проломившись под тяжестью насыпи, обрушились внутрь и повредили погребальный инвентарь. После этого окружавший захоронение суглинок заполнил камеру плотным вязким слоем, доставив людям Забелина массу хлопот по расчистке захоронения.

Северо-восточную часть гробницы потревожила нора. Скелет человека был найден лежащим у северной стенки, головой на восток, ногами на юг.²⁴ Он сильно пострадал от обрушения каменного перекрытия и сохранился в виде костного тлена. В северо-восточном углу, на едва приметных остатках черепа, лежал «золотой лавровый венок с круглой пластинкой спереди, на которой изображен Гелиос на четырехконной колеснице» (индикация). Вблизи венка найдена «небольшая золотая массивная бляшка вроде монеты с изображением на одной стороне женской головы вправо». Вероятно, здесь идет речь о находке золотой индикации, использованной при погребении в качестве «обола Харона». Рядом с первым венком, но отдельно от него (в самом углу), находились еще два подобных ему венка. Немного западнее, у самой стены камеры, лежало «широкое золотое ожерелье в виде свившейся двухголовой змеи. Задняя часть ожерелья раскрывалась на шарнирах и закрывалась при помощи золотой булавки».²⁵ Справа от погребенного, вдоль стены гробницы, лежало пять мечей, «один на другом, по длине стенки до самых ног покойника». И.Е. Забелин так описывает клинковое оружие: «В числе их верхний был длиннее остальных и имел ножны, от которых сохранились только три накладные золотые бляхи и золотая рукоять. Остальные мечи были украшены на ножнах четырьмя золотыми накладками, наконечником и железными рукоятями, покрытыми золотом, но все они, равно как и лезвия, составляли кучу обломков, так что не было возможности определить ни их формы, ни величины, ни принадлежности тому или другому мечу. При них же найдена железная прорезная с позолотой пластина и стеклянная синяя бусина».²⁶

Слева от головы погребенного, как пишет Забелин, лежало круглое бронзовое зеркало и два небольших глиняных сосуда, в которых сохранилась какая-то засохшая масса. У пояса человека найдены «перстневая яшмовая вставка, большая золотая чеканная бляха, золотая листовая рукоятка и каменное точило». У колен скелета и ниже стояла разнообразная серебряная посуда «в виде кувшинчиков, блюдец и чашек», в одном из сосудов обнаружена «ложка с длинным стеблем, который оканчивался головкой собаки». Автор раскопок специально отмечает, что вся посуда сильно окислилась и была настолько существенно помята и поломана, что форму некоторых сосудов нельзя было определить. У ног скелета рядом с серебряной посудой находились

²⁴ Этот казус в описании положения скелета, когда погребенный, ориентированный головой на восток, лежит, по словам автора, ногами на юг, может быть объяснен ориентировкой захоронения не строго по сторонам света, а с отклонением. Каменный ящик мог быть ориентирован продольными сторонами по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, в таком случае вытянутые ноги погребенного оказывались южнее головы.

²⁵ Вероятно, И.Е. Забелин таким образом описал золотую гривну.

²⁶ ОАК 1870–1871, XI.

бронзовые вещи: большое тонкое блюдо, развалившееся на мелкие части; тарелка; обломки кувшина и «остатки другого какого-то сосуда с дужкой».²⁷ У самой западной стенки гробницы, в южном углу²⁸, стояла «большая расписная ваза с двумя ручками, и чаша с крышкочкой, обе без рисунков и разбитые в мелкие черепки». Можно предположить, что так автор описал расписной (?) кратер и пиксиду с крышкочкой. По всей длине южной стенки гробницы, слева от скелета, лежала груда ржавых обломков от железного доспеха, состоявшего из «кованных продольных пластин». Среди элементов доспеха найдены «части, кованные гораздо толще и, по-видимому, составлявшие железный щит погребенного». «Дальше, к западному углу, лежали рядом шесть копий, в том числе одно в виде стрелы²⁹, а рядом с ними «куча железных наконечников стрел» (возможно, колчан). В центре пространства, занятого этим вооружением, «между броней и стрелами», лежали обломки бронзового шлема с «наушниками».

В свое время, рассматривая материалы из Буеровой могилы, М.И. Ростовцев отнес неграбленное погребение из нее к группе захоронений эпохи раннего эллинизма и датировал его временем не ранее 3–2 вв. до н.э.³⁰ С тех пор в археологической науке многое изменилось. Однако, как справедливо отметил Ю.А. Виноградов, «более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, еще не опубликован».³¹ Тем не менее, не погружаясь глубоко в детальный анализ возможных хронологических позиций комплекса, найденного в 1870 г., постараемся привести краткий обзор современных представлений о его хронологии. Отдельные вещи из этого погребения фигурируют в работах, посвященных тем или иным проблемам археологии Северного Причерноморья.

Особый интерес исследователей еще в начале 20 века вызывало клинковое оружие и декор его ножен.³² Этот интерес не угасает и в настоящие дни. Частично сохранившийся короткий меч с навершием в виде лебединых головок исследователи относят к группе клинкового оружия последних веков до н.э. с антенновидным навершием. В качестве ближайшей аналогии золотого декора его ножен признается обкладка ножен 2–1 вв. до н.э. из I Прохоровского кургана.³³

Довольно давно интересует ученых и обнаруженный в гробнице шлем.³⁴ Фрагменты этого наголовья (рис. 23) большинство исследователей склонны соотносить со шлемами типа *конос*³⁵, хотя нельзя полностью исключить и возможную его принадлежность к псевдоаттическим шлемам.³⁶ Датировка шлема из Буеровой могилы у исследователей не одинакова. Д.П. Алексинский считает, что шлемы типа конос бытовали во второй половине 3 – 2 вв. до н.э.³⁷ А.В. Дедюлькин отнес интересующий нас экземпляр к поздней хронологической группе шлемов второй половины 2 – первой половины 1 вв. до н.э.³⁸, однако в устной беседе сообщил, что сейчас склоняется к датировке этого шлема в границах 2 в. до н.э.³⁹ Концом 2 в. до н.э., возможно, началом 1 в. до н.э. датирует находку из Буеровой могилы А.С. Симоненко.⁴⁰

²⁷ Возможно, речь идет о ситуле с дуго-видной ручкой.

²⁸ Подобная формулировка описания стены и угла подтверждает наше предположение относительно общей ориентировки гробницы высказанное выше.

²⁹ Видимо, речь идет о наконечнике дротика.

³⁰ Ростовцев 1918, 45, табл. II. 4, 7, 8; 1925, 549–550.

³¹ Виноградов 2009, 284; 2012, 101.

³² Ростовцев 1918, табл. II. 5, 7, 8; III. 4; 1925, 550.

³³ Симоненко 2015, 40.

³⁴ Рабинович 1941, 163–164; рис. 28; Waurick 1988, 14.

³⁵ Рабинович 1941, 163; Алексинский 2008, 19; Дедюлькин 2014, 60, 62; Симоненко 2015, 197.

³⁶ Рабинович 1941, 163–164; Дедюлькин 2014, 62–63.

³⁷ Алексинский 2008, 26.

³⁸ Дедюлькин 2014, 64.

³⁹ Авторы выражают свою признательность А.В. Дедюлькину за информацию о шлеме из Буеровой могилы.

⁴⁰ Симоненко 2015, 197.

Привлекал внимание исследователей и уздечный набор коня, сопровождавшего погребение. Пара прекрасно сохранившихся псалиев приводилась как ближайшая территориально и хронологически аналогия фрагментированного псалия из Ахтанизовского клада⁴¹, датированного автором публикации концом 2 в. до н.э. В границах 3–2 вв. до н.э. датируется Гордашевский «клад» с аналогичной парой псалиев.⁴²

Особый интерес для датировки погребения, конечно же, имеют найденные в нем произведения торевтики и ювелирного искусства. Подробный разбор хронологии этих немногих опубликованных вещей выходит за рамки задач настоящей статьи. Поэтому приведем лишь краткую характеристику этих материалов, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Находки, так или иначе фигурировавшие в научных изданиях, представлены следующими вещами: многовитковая золотая гривна из полых трубок с головками животных на концах; золотой венчик в виде полый трубки с лавровыми листьями и круглым медальоном с изображением Гелиоса на квадриге; серебряная чаша конической формы, серебряный канфар. Перечисленные вещи рассматриваются или упоминаются в различных исследованиях.⁴³ Мнения авторов этих работ относительно датировки комплекса несколько разнятся. Так, хранитель этих вещей – Е.В. Власова – предлагает датировать погребение концом 2 – первой половиной 1 в. до н.э.⁴⁴ В.И. Мордвинцева и М.Ю. Трейстер датируют все перечисленные предметы 2 в. до н.э., однако в своих более поздних публикациях М.Ю. Трейстер пересматривает дату золотого венка в сторону удреждения, определяя его хронологическую позицию временем не позднее конца 3 в. до н.э.⁴⁵

Итак, определение точной хронологической позиции исследованной в 1870 г. гробницы невозможно без полной публикации ее богатейшего инвентаря. Однако на основании представленного краткого обзора материалов, в той или иной степени доступных исследователям, позволим себе предварительно ограничить хронологическую позицию комплекса 2 в. до н.э.

Косвенным подтверждением такой датировки усыпальницы из Боюр-Горы могут служить недавние находки подобных ей усыпальниц на Восточном некрополе Фанагории. Они представляют собой менее монументальные «каменные ящики», сложенные из тесаных известняковых плит. Те из них, что дошли до нас не ограбленными, содержат многочисленный инвентарь, позволяющий уверенно датировать их 2 в. до н.э.

Погребение 1

Обнаружено еще в 1871 г. И.Е. Забелиным при помощи раскопочно-тоннельного «мины» (рис. 26, на вкладке III), но полностью тогда исследовано не было (об этом см. ниже). Расположено практически в центре сохранившейся насыпи кургана (рис. 7, на вкладке I). Расстояние до северо-восточного угла гробницы от R0 составляет 1,8 м к юго-западу. Глубина залегания поверхности ее каменного пола равна –9,14 м от R0. Приступая к краткому описанию исследованной в 2011 г. основной

⁴¹ Максимова 1969, 58.

⁴² Полин, Карнаух 2012, 134–144.

⁴³ Ростовцев 1918; 1925; Rostowzew 1931; Рабинович 1941; Коровина 1964; Максимова 1969; Waurick 1988; Мордвинцева, Трейстер 2007; Алексинский 2008; Власова 2009; Дедюлькин 2014; Абрамзон, Трейстер 2015; Трейстер 2015; Симоненко 2015; и др.

⁴⁴ Власова 2009, 78.

⁴⁵ Трейстер 2015, 79; Абрамзон, Трейстер 2015, 194.

Рис. 27.
Погребение 1. План на уровне деревянного перекрытия гробницы

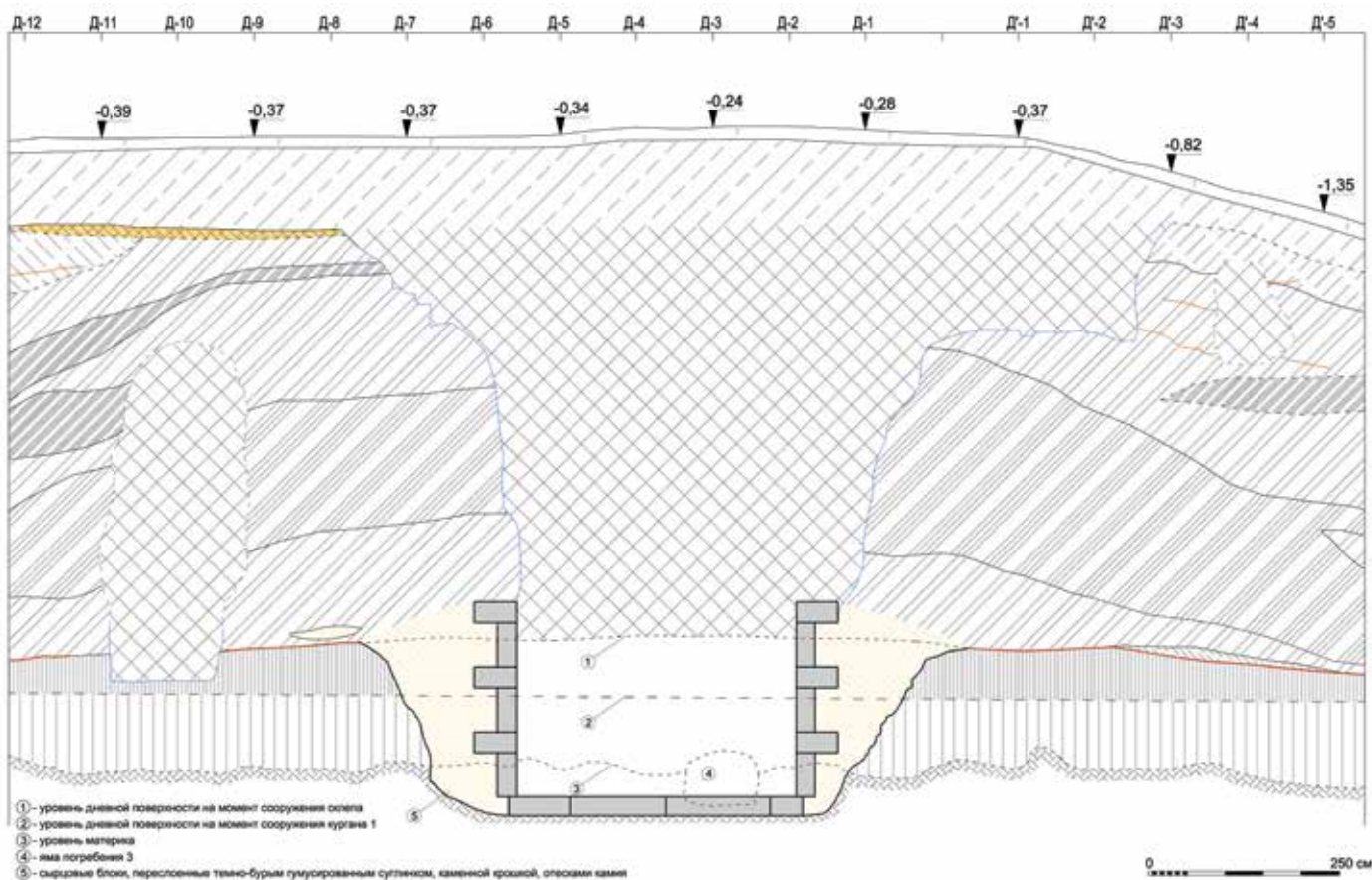

Рис. 28.
 Погребение 1.
 Реконструкция разреза сооружения
 в профиле Д-Д'

гробницы античного кургана (рис. 26–43) уместным кажется сначала обратиться к истории ее ограбления и результатам первых раскопок. Это позволит составить правильное представление о сохранности дошедшего до нас комплекса.

Центральная гробница, ради которой и сооружалась монументальная насыпь кургана, была профессионально ограблена еще в древности. Первое свидетельство тому – описанная выше грабительская воронкообразная яма гигантских размеров⁴⁶, вырытая в самом центре насыпи непосредственно над гробницей (рис. 12). Дно ямы имело в плане подпрямоугольную форму и размеры около 4–4,5–5,5 м. Оно очень точно «село» на всю площадь гробницы (рис. 7, на вкладке I). Вероятно, это свидетельствует о высоком профессионализме и обширном опыте расхитителей гробниц, покусившихся на сокровища этого кургана. Столь высокая точность попадания грабительской ямы на основное погребение может свидетельствовать и о довольно ранней дате ограбления. Другими словами, грабители знали точное местоположение гробницы в теле огромной насыпи или ориентировались по просевшему после обрушения перекрытия грунту. Последнее гораздо менее вероятно в связи с огромными размерами насыпи по сравнению с крайне небольшим внутренним объемом пространства гробницы, скорее всего, при обрушении перекрытия явного провала на поверхности быть не могло. Нельзя исключать и того обстоятельства, что грабители могли присутствовать на погребальной церемонии или участвовать

⁴⁶ См. выше описание наиболее значительного перекопа тела насыпи, попавшего в профиль бровки Д-Д'. Верхний диаметр грабительской ямы превышал 10 м, нижний – 4–5 м, ее глубина составляла 7 м.

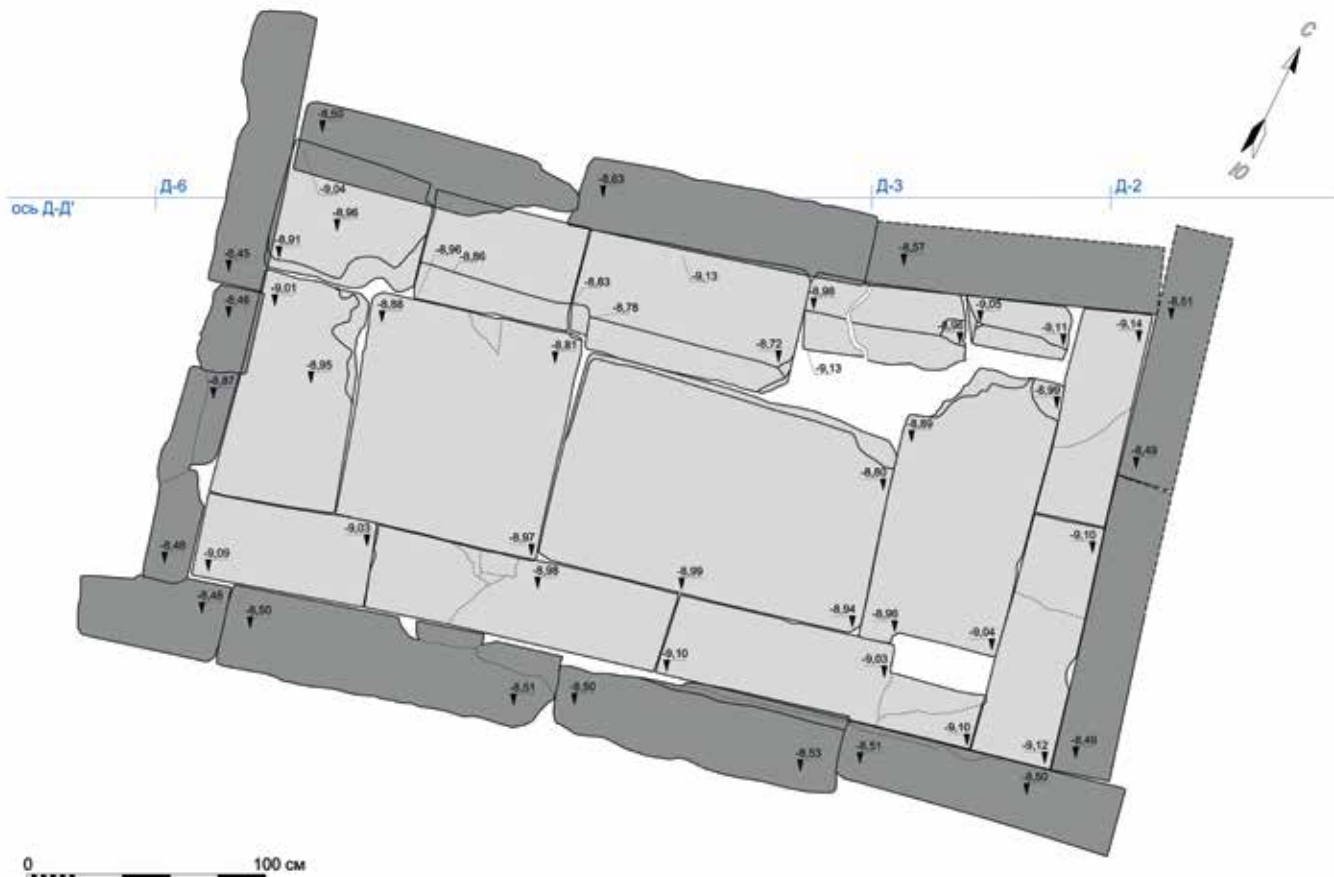
в сооружении насыпи, а может быть и самой гробницы. В таком случае, они имели конкретную информацию о расположении погребения и его конструкции.

Об относительно скором разграблении усыпальницы после похорон косвенно свидетельствуют и находки, происходящие из погребения. Они обнаружены на дне грабительской ямы рядом с гробницей, на полу самой усыпальницы и в ее заполнении. В основном это мелкие детали пышной внешней отделки деревянного саркофага – аппликации из резной слоновой кости, стекла. Кроме того, здесь были найдены комочки смятой тончайшей золотой фольги, а также небольшие бронзовые и железные элементы конструкции саркофага. Обнаруженные в погребении вещи по составу и морфологическим признакам совпадают с находками 1870 г., описанными И.Е. Забелиным, проникшим в усыпальницу через «мину». Тот факт, что следы саркофага представлены исключительно мелкими деталями и никаких крупных частей не обнаружено, косвенно свидетельствует о том, что на момент ограбления деревянный саркофаг имел сохранность, позволявшую вытащить его на вершину кургана целиком, вместе с содержимым.

Некоторую информацию для реконструкции хотя бы примерного времени ограбления основного захоронения античного кургана могут дать результаты антропологических исследований⁴⁷, в частности сохранность и полнота антропологических материалов. Они представлены

⁴⁷ Все антропологические определения материалов из раскопок Бююр-Горы в 2011 г. выполнены д.и.н. М.В. Добровольской.

Рис. 29.
Погребение 1.
План каменного сооружения

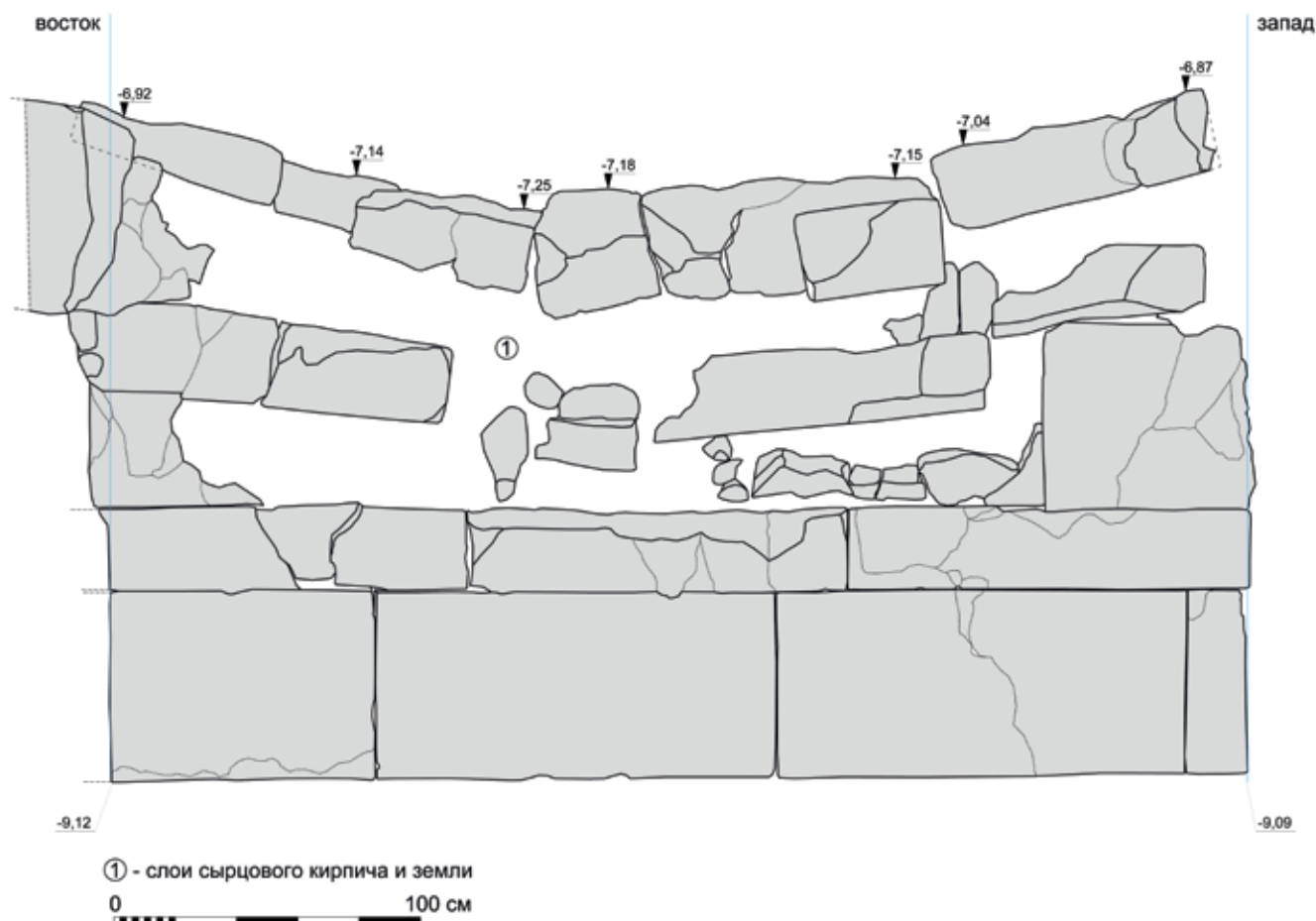

Рис. 30.
Погребение 1.
Фас южной стены гробницы

мелкими костями скелетов двух человек – мужчины⁴⁸ в возрасте старше 40 лет и младенца⁴⁹, обнаруженными среди прочих находок на дне грабительской ямы и в заполнении погребения. Возможно, это говорит о том, что ограбление произошло уже после того, как мягкие ткани полностью освободили скелеты погребенных, иначе обнаруженные мелкие кости не смогли выпасть из саркофага во время его извлечения из грабительской ямы.

Здесь же стоит обсудить предположение, связанное с историей кургана после ограбления и, в частности, с сохранностью его насыпи. Речь пойдет о преднамеренной засыпке грабительского колодца. Этот факт подтверждается отсутствием в месте проникновения грабительской ямы каких-либо явных признаков на поверхности насыпи, за исключением, пожалуй, того обстоятельства, что вершина кургана стала плоской. Если бы яма не была довольно аккуратно и основательно засыпана грунтом, ее местоположение хорошо маркировалось бы на поверхности воронкой заметных размеров или хотя бы плавным понижением на поверхности насыпи. Маловероятно, что значительные отвалы, оставленные грабителями на крутых склонах насыпи вокруг широкого устья ямы могли так аккуратно ее затянуть впоследствии.

⁴⁸ Сохранились: правая ключица, грудной позвонок, разрозненные фаланги руки и ноги, разрозненные кости предплюсны, фрагмент правой лучевой кости, фрагмент левой локтевой кости, мелкие фрагменты ребер.

⁴⁹ Сохранились две мелкие фаланги.

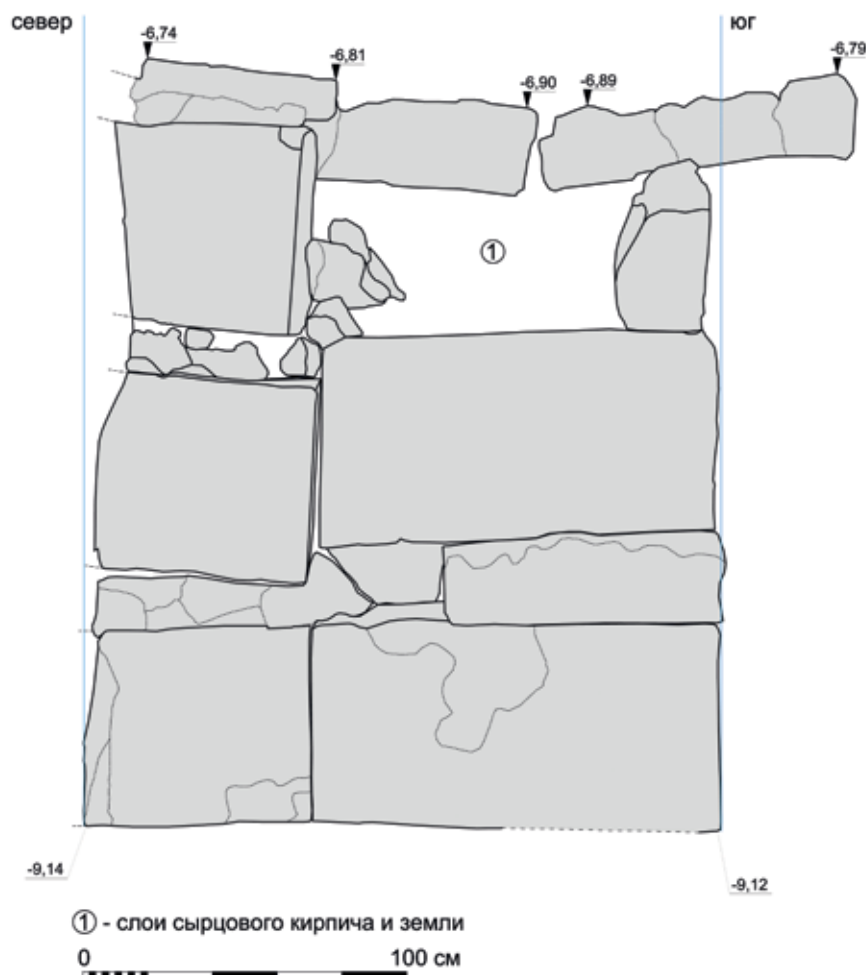

Рис. 31.
Погребение 1.
Фас восточной стены гробницы

С большим успехом они бы сползли вниз по склону насыпи, а не внутрь ямы. Естественное обрушение бортов оставленной ямы в результате выветривания, скорее всего, уничтожило бы сохранившуюся вершину насыпи, оставив в ней глубокую западину. Кроме того, грунт заполнения грабительской ямы однороден и соответствует окружающему его слою насыпи кургана. Кроме того, никаких следов почвообразования, которое могло появиться при постепенном «затягивании» ямы внутри заполнения не выявлено. Приведенные аргументы позволяют нам с большой долей вероятности предполагать, что яма, вырытая при разграблении кургана, сразу или через какое-то время была засыпана. Причины этого остаются неясными. Возможно, это было сделано для сокрытия преступления самими копателями могил, а возможно и горожанами, могилу знатного соотечественника которых осквернили грабители. Дать однозначный ответ на этот вопрос мы уже не сможем.

Как уже говорилось выше, после грабителей в центральном погребении кургана побывали археологи 19 века. Они проникли туда посредством системы тоннелей-мин, «прочесывая» тело кургана в его центральной части (рис. 7, на вкладке I; 5). Один из подземных коридоров Забелина (обнаружен в 2011 г. в 5 траншее не обрушившимся) прошел

*Рис. 32.
Погребения 1 и 2.
Вид с воздуха.
Север внизу*

*Рис. 33.
Погребение 1 после расчистки.
Север внизу*

в метре от южной стены гробницы (рис. 6), «подрезав» край сырцового завала над котлованом гробницы на уровне поверхности кургана эпохи бронзы. Разрез нескольких сырцовых кирпичей из завала был замечен нами на северной стене подземного хода. И только следующим коридором, параллельным этому, раскопщикам удалось выйти на северо-западный угол погребения 1. К тому времени оно было плотно забутовано суглинистым заполнением с включениями известняковых обломков конструкции самого погребения. Для того чтобы понять ситуацию в узком тоннеле исследователям пришлось проломить стену гробницы и пройти узким раскопом вдоль внутренних стен (западной и, частично, южной). При этом И.Е. Забелину удалось выяснить ширину внутреннего пространства помещения (по размерам полностью расчищенной западной стены). Для того чтобы узнать длину помещения, не раскапывая при этом его полностью и сокращая, таким образом, время опасной работы под землей, археологи пробурили оставшуюся толщину заполнения гробницы вдоль ее южной стены (рис. 39, 40). На этом исследовании 1871 г. были свернуты, так как разрушенные грабителями стены усыпальницы и ее заполнение, содержащее мелкие элементы украшений саркофага, не двусмысленно говорили о том, что археологи побывали здесь не первыми. Таким образом, в 19 веке центральная гробница не была исследована полностью, работы были остановлены, как только стало понятно, что элитная древняя гробница полностью ограблена в древности.

На момент обнаружения погребения в 2011 г. его перекрытие отсутствовало, а все внутреннее пространство было заполнено грунтом. Тоннель 19 в. пробил верхнюю часть северо-западного угла сооружения, после чего часть заполнения погребения вдоль западной торцевой стены была выбрана до пола. Затем, непосредственно у пола, вдоль продольной южной стены гробницы был начат невысокий горизонтальный ход, не дошедший до противоположной восточной стены сооружения. Именно в стене этого хода сохранились следы горизонтального бурения (рис. 40) проведенного И.Е. Забелиным, вероятно, для определения длины погребального сооружения.

Работы 2011 г. позволили полностью исследовать основное погребение античной насыпи. Оно представляло собой сырцово-каменную гробницу без дромоса, которая в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии запад-восток.

Специального рассмотрения заслуживает конструкция погребального сооружения, возведенного следующим образом. В центре уже существовавшего на этой возвышенности невысокого кургана бронзового века был выкопан котлован. На уровне поверхности он имел форму близкую к овалу размером 3–4 м. Борты котлована были скошены внутрь. Это хорошо видно на его разрезах. Следует отметить, что при сооружении котлована частично было разрушено одно из погребений бронзового века (погребение 3), находившееся в центральной части ранней насыпи (см. ниже). Грунт из котлована был уложен преимущественно к северу от него и в плане представляет собой полукольцо неправильной формы.

Рис. 34.
Погребение 1.
Вид с северо-запада

Рис. 35.
Погребение 1.
Вид на интерьер гробницы
с ее западной стены

Внутри котлована была построена каменно-сырцовая конструкция. Сначала на дно котлована уложили и плотно подогнали друг к другу известняковые плиты пола. Затем вертикально был установлен нижний ряд каменных плит стен. С длинных сторон установлено по три плиты, с коротких – по две. Пространство между внешней поверхностью плит и внутренней поверхностью котлована закладывалось сырцовыми кирпичами, ряды которых довольно хорошо читались в разрезе. Следующий ряд каменных плит уже укладывался горизонтально таким образом, что внутренняя поверхность стены гробницы была идеально ровной. При этом лежащие блоки частично опирались на нижний ряд каменных плит, частично на сырцовую кладку. Описанная процедура при сооружении стен усыпальницы повторялась три раза. В результате этой работы внутренняя поверхность стен гробницы стала производить впечатление исключительно качественной каменной кладки из чередующихся (по три ряда) мощных блоков и горизонтальных плит. При этом верхний ряд замыкали плиты, уложенные горизонтально, а общая высота стен от каменного пола гробницы до верхней точки каменной «облицовки» стен составляла около 2,2 м. Внутренние размеры сооружения следующие – 3,7х1,9х2,2 м.

Таким образом, все пространство котлована, за исключением погребального помещения, было заложено сырцовыми кирпичами (рис. 28). А каменные плиты оказались, как бы вмонтированы в эту сырцовую кладку. В итоге получалось прочное и надежное архитектурное сооружение, конструкция которого позволяла древним строителям, не навредив внешнему виду гробницы, существенно сэкономить дефицитный для Таманского полуострова камень. При этом находясь внутри усыпальницы, невозможно было понять, что она состоит не только из каменных блоков. Оставшиеся невостребованными при строительстве сырцовые кирпичи были бессистемно уложены вокруг устья погребального сооружения, преимущественно на площадь, занятую котлованом.

Рис. 36.
Погребение 1.
Восточная стена гробницы
после расчистки

Рис. 37.
Погребение 1.
Южная стена гробницы
после расчистки

Средний размер сырцового кирпича (в тех случаях, где это удалось зафиксировать) составлял 58х44х5–7 см.

Следует отметить то обстоятельство, что подтепка каменных заготовок-блоков, из которых была построена гробница, осуществлялась прямо на месте строительства. То есть на поверхности кургана эпохи бронзы, преимущественно южнее вырытого котлована. На это указывает пласт мелкой известняковой крошки и некрупных камней-сколов, четко маркирующий уровень поверхности первичной насыпи на момент строительства античной гробницы (рис. 19, 21). Здесь необходимо упомянуть обнаруженные при раскопках кургана крупные блоки известняка с не совсем правильной геометрией сторон (объекты 4 и 5).⁵⁰ Вероятно, они являлись сырьем для строительства погребальной конструкции и остались не востребованными, а позже были использованы в ритуальных целях (эсхары, жертвенники?).

⁵⁰ О них см. ниже.

Рис. 38.
Погребение 1.
Процесс фотофиксации
погребального сооружения

Рис. 39.
Раскопочный тоннель И.Е. Забелина,
обрывающийся внутри погребения 1.
В торцевой стене тоннеля видны следы
горизонтального бурения
в направлении восточной стены

Рис. 40.
Следы бура в заполнении погребения 1.
Крупный план

Каким было перекрытие гробницы доподлинно неизвестно. И.Е. Забелин предполагал, что гробница имела «призматический свод, который уже обвалился».⁵¹ М.И. Ростовцев предполагал, что этот «склеп» имел уступчатое перекрытие.⁵² Однако проведенные нами исследования не подтвердили эти гипотезы. Описанная выше конструкция стен не могла стать надежной опорой для предполагаемых обоими исследователями вариантов свода, да и для любого другого тяжелого каменного перекрытия. Можно было бы предположить, что центральное захоронение огромного кургана было перекрыто массивными плоскими плитами, но и это предположение не выдержало проверки. В результате археологических исследований на продольных бортах усыпальницы, прямо на плитах верхнего ряда стен и на сырцовых кладках за ними удалось проследить плохо сохранившийся древесный тлен. Вероятно, он был оставлен бревенчатым накатом, перекрывавшим сверху всю гробницу. Судя по дошедшим до нас отпечаткам, бревна имели толщину около 20 см (рис. 27). Сверху накат был засыпан мощным слоем водорослей (камка), местами на бревнах лежали сырцовые кирпичи. Если условно допустить, что гробница все-таки имела какое-либо каменное перекрытие (прямое, уступчатое и т.д.), то оно было бы вынуждено опираться не на каменные плиты верхнего ряда стен, а на бревна, лежавшие на них. Подобная неустойчивая и громоздкая конструкция теряет всякий смысл, а, следовательно, и право на существование в реальной действительности. По той же причине (обнаружение древесного тлена бревен в плоскости верхнего края стен гробницы) бревенчатый накат не мог быть перекрытием разгрузочной камеры, подобным тому, что обнаружено над склепом исследованного в 2003 г. кургана Южного некрополя Фанагории.⁵³ Эти бревенчатые конструкции, известные во многих боспорских курганах, призваны ослаблять давление грунта над каменным сводом склепа и поэтому располагаются гораздо

⁵¹ ОАК 1870–1871, XXXII.

⁵² Ростовцев 1925, 550.

⁵³ Кузнецов 2004, 112.

выше уровня окончания стен камеры – над сводом, который защищают. Однако отсутствие остатков каменного перекрытия в заполнении грабительского колодца лишь подтверждает, что его и не было в «архитектурном проекте» главного погребального сооружения Боюр-Горы.

К этому можно добавить, что высокое выпуклое каменное перекрытие (любой конструкции) имеет значение для погребального помещения, которое предназначено для неоднократных захоронений и посещений с целью выполнения ритуальных действий. Конструкция же основного захоронения Боюр-Горы по своим формальным признакам (отсутствие входа и дромоса, узкая прямоугольная погребальная камера, небольшая площадь внутреннего помещения, плоское перекрытие) немногим похожа на склеп. По форме (пропорциям), особенностям использования (однократное захоронение) и конструктивным решениям гробница более напоминает так называемые погребальные «ящики», сложенные из каменных блоков или плит и перекрытые такими же плитами. Однако она принципиально отличается от них грандиозностью сооружения и сложностью сырцово-каменной конструкции.

Рис. 41.
Фрагмент резного костяного убранства саркофага из погребения 1.
Сохранились следы красной краски

Рис. 42.
Погребение 1.
Элементы декора саркофага из заполнения.
Резная кость со следами белой и красной краски

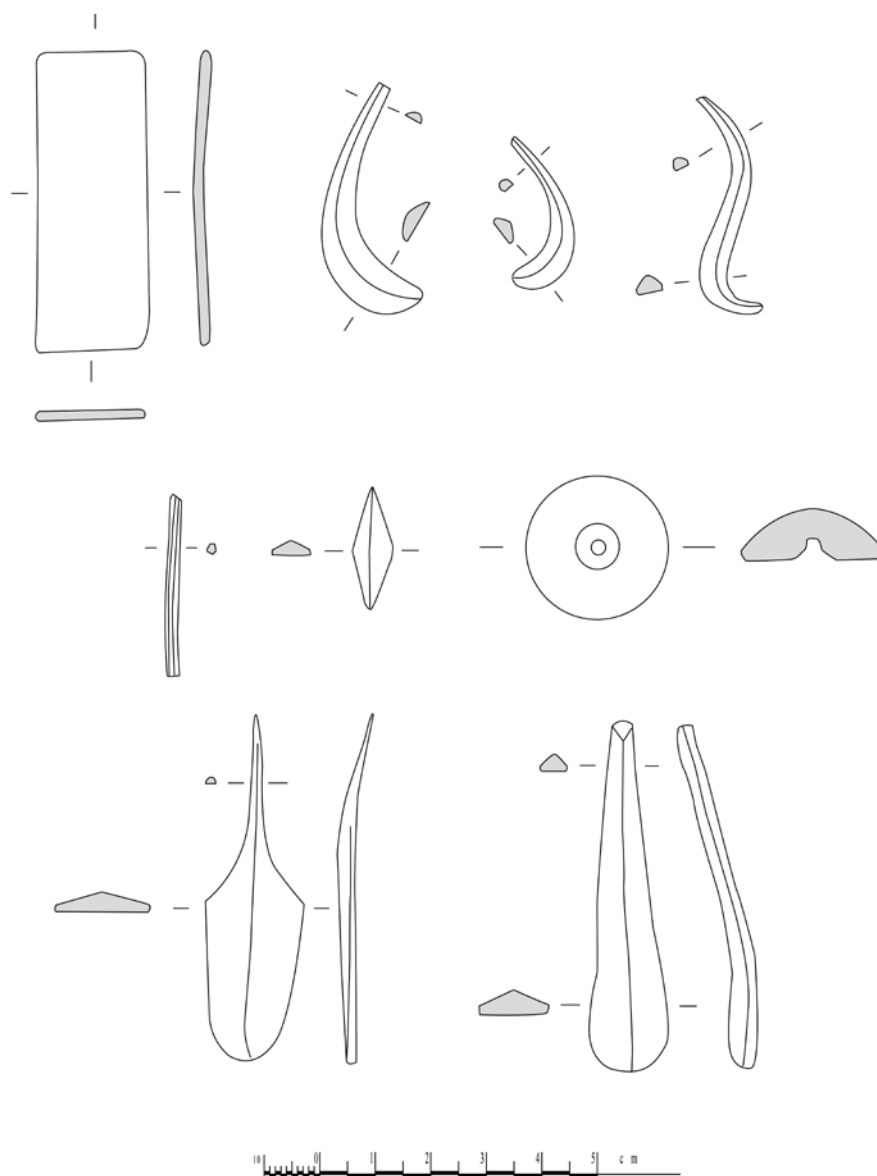

Рис. 43.
Погребение 1.
Элементы декора саркофага
из заполнения.
Стекло

Завершая общее описание основного погребения античного кургана Боюр-Гора, отметим, что его конструкция свидетельствует о предназначении гробницы для единовременного захоронения. Отсутствие дромоса не позволяло проникать в нее после возведения над ней насыпи кургана.

Что касается состояния погребального сооружения на момент исследований в 2011 г., то оно принципиально не отличалось от той картины, что наблюдали исследователи в конце 19 столетия (за исключением разрушенного их «миной» северо-западного угла). Уже тогда было ясно, что стены сильно потревожены грабителями, разыскивавшими тайники. В поисках сокровищ они оставили многочисленные вертикальные сколы на каменной облицовке стен, частично вывернули из них некоторые блоки (рис. 35–37). Вероятно, с той же целью были приподняты и плиты пола (рис. 33–35).

Обнаруженные в погребении фрагменты декора деревянного саркофага (рис. 41–43) позволяют говорить о сооружении гробницы в 4 в. до н.э., скорее всего во второй половине этого столетия.

Погребение 2

Представляло собой захоронение в катакомбе (рис. 44), обнаруженное в траншее 5 (рис. 7, на вкладке I). Кости черепа зафиксированы на расстоянии 7,90 м от R0 к юго-востоку, на глубине –9,82 м. Входная яма – шахта катакомбы ориентирована по линии запад – восток и имеет длину 1,48 м, ширину 0,70–0,73 м. Ее дно зафиксировано на глубине –9,12 м. Камера овальной в плане формы расположена к западу от входной шахты, длинными сторонами она ориентирована по линии север – юг. Ее длина составляет 1,70 м, ширина – 1,10 м, дно обнаружено на глубине –9,99 м. В 0,22–0,30 м от западной стенки камеры, на дне обнаружен массивный скелет мужчины в возрасте старше 50 лет со следами преднамеренной деформации черепа. Он лежал скорчено на правом боку, головой на юг, череп повернут лицевой стороной на восток, к выходу из камеры. Левая рука слегка согнута в локте, кисть ее не сохранилась. Правая рука расположена вытянуто вдоль тела. Ноги согнуты в коленях, левая под углом около 60°, правая – около 90°. В области черепа и ног погребенного зафиксированы следы охры.

Рис. 44.
Погребение 2.
План комплекса

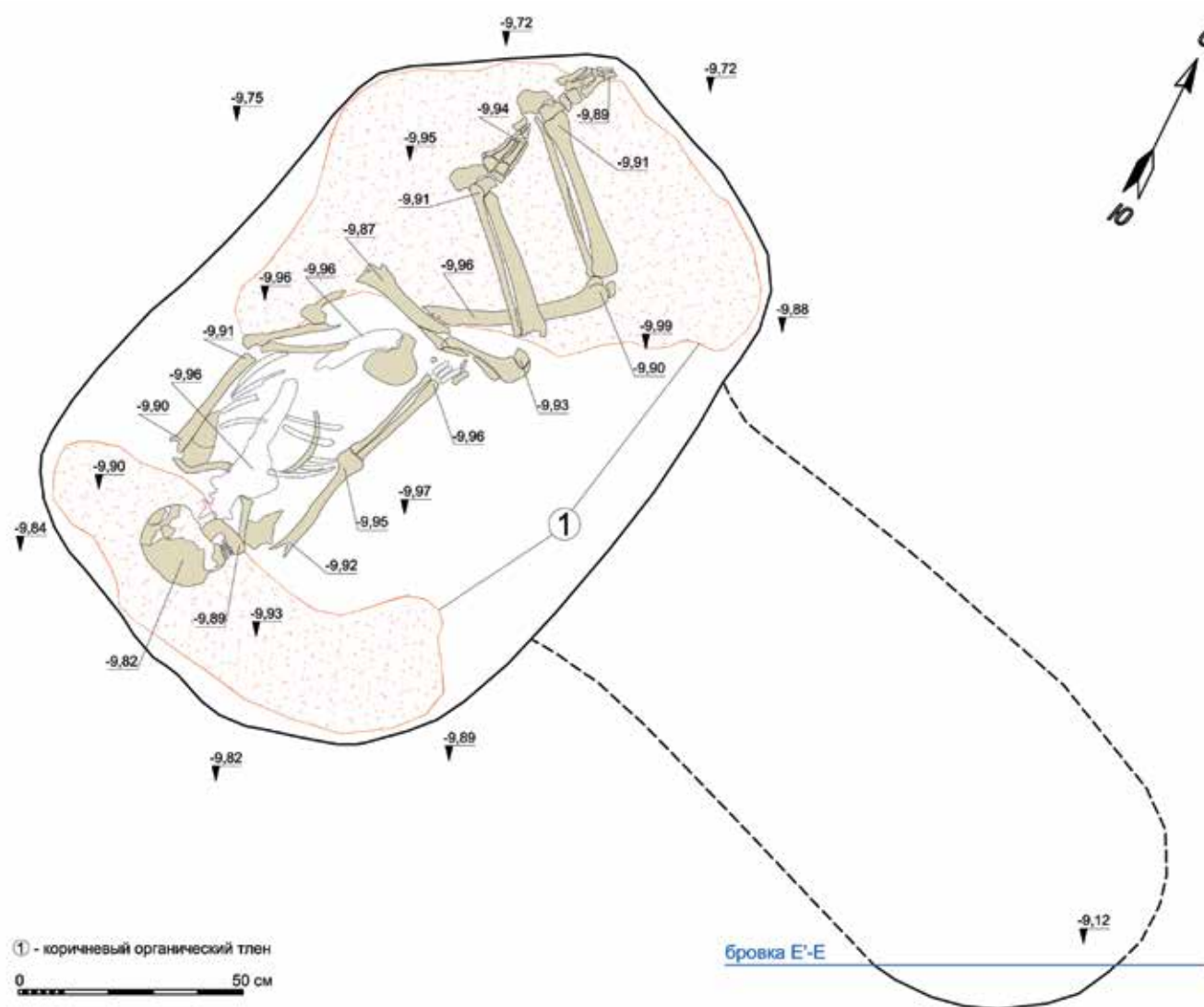

Рис. 45.
Погребение 3, объект 7.
План комплекса

Под скелетом и в юго-восточной части камеры перед входом обнаружены остатки органической подстилки.

Погребение принадлежит раннекатакомбной культуре эпохи начала средней бронзы.⁵⁴

Погребение 3

Возможно, являлось основным погребением кургана бронзового века. Захоронение совершено в катакомбе с двумя камерами (рис. 45), обнаружено в траншее 5 (рис. 7, на вкладке I). Расстояние до костей черепа 1 скелета от R0 составляет 5 м к югу. Глубина их залегания равна –8,96 м от R0.

Входная яма расположена по линии север – юг. Параметры ее дна: южная сторона имеет длину 1,10 м, северная – 0,45 м, западная – 0,70 м, восточная – 0,80–0,85 м. К востоку от входной шахты расположена овальная в плане камера 1, к западу – камера 2.

Камера 1 ориентирована по линии север-юг. Ее длина составляет 1,50 м, ширина – 0,80 м, дно обнаружено на глубине –9,12 м. Погребенный лежал в центральной части камеры скорчено на правом боку, головой на юго-восток. Правая рука вытянута, левая рука согнута в локте. Ноги согнуты в коленях, левая – полностью, правая – под углом около 20°. На дне и частично на костях скелета обнаружены следы органического

⁵⁴ Авторы признательны к.и.н. Р.А. Мимоходу за предварительную атрибуцию материалов эпохи бронзы.

Рис. 47.
Объект 2.
Аппликации из резной кости

тлена коричневого и белого цвета. На костях скелета – следы охры. В руки погребенного (скелет 1) при погребении были аккуратно уложены кости еще одного человека (скелет 2). Скелет 2 представлен крупными костями конечностей и черепом мужчины в возрасте 35–44 лет.

Камера 2 разрушена котлованом при строительстве античной гробницы. Ее сохранившаяся длина составляет 1,40 м, ширина – 1,10 м, дно зафиксировано на глубине – 9,46 м. От погребенного сохранились только фрагменты коленных суставов.

Как и предыдущий комплекс, погребение принадлежит раннекатакомбной культуре эпохи начала средней бронзы.

Объект 1. Обнаружен в центральной части 7 траншеи (рис. 7, на вкладке I). В 27,5 м к югу от R0, на глубине –8,15 от R0. Представлял собой плоскую спрессованную массу черного цвета. В плане имел форму, близкую к овальной, с размерами 0,25х0,3 м. Максимальная толщина приближалась к 1 см. Структура вещества неоднородна, наблюдалась слоистость и включения мелких камней или комков. В качестве версии объясняющей назначение объекта можно выдвинуть следующее предположение: в небольшое углубление в древности была налита нефть (?). Вещество, из которого состоит объект, передано для химического анализа, результаты которого, возможно, позволят понять назначение объекта.

Объект 2. Выявлен в западной половине 1 траншеи (рис. 7, на вкладке I). Сначала были обнаружены остатки корпуса каменной эсхары (рис. 46, на вкладке III). И ее «крышка», лежащая рядом, – каменная плита с отверстием в центре. Центр этой плиты находился на расстоянии 39,2 м к северо-западу от R0, на глубине –9,11 от R0. В процессе ее расчистки удалось выявить горизонтальный уровень прокаленной поверхности. Объект состоял из двух основных частей: остатков каменного жертвенника (эсхары) и площадки с прокаленным слоем грунта, покрытым комками спекшейся обожженной глины, золой, мелкими угольками и керамическим боем.

Каменная часть объекта состояла из двух элементов: основания в виде ящика и перекрывавшей его когда-то крышки из известняковой плиты с отверстием. Основание эсхары в виде полого ящика без дна изначально было монолитным, изготовленным из одного известнякового блока. Размеры основания эсхары следующие: длина – 0,9 м;

ширина – 0,6 м; высота – 0,27–29 м; толщина стенок 0,1–0,07 м. Внутренние размеры основания: длина – 0,7 м; ширина – около 0,4 м. На момент обнаружения основание *эсхары* было завалено на угол и расколото на несколько частей. Однако все фрагменты сохранились *in situ*. Их расположение и отсутствие на них современных сколов позволяет говорить о том, что каменная деталь пострадала еще в древности, вероятно от землетрясений. Судя по всему, на момент разрушения полость *эсхары* уже была частично или полностью заполнена грунтом, который и остался между ее разрушенными продольными стенками после того, как они лопнули под давлением сползшего грунта насыпи.

В 0,15 м к югу от каменного основания обнаружена известняковая плита. Она имела прямоугольную форму и сквозное отверстие по центру. С одной продольной и двух торцевых сторон верхняя поверхность плиты имела фаску, проходящую по краю плоскости. Ширина фаски составляла 6 см, а высота ее скоса достигала 1,5–2 см. Отверстие в центре имело цилиндрическую форму и диаметр 18 см. Размеры плиты: длина – 0,87–88 м, ширина – 0,65–68 м, толщина – 0,14–15 м.

Следует отметить, что верхняя горизонтальная и три торцевых вертикальных плоскости плиты были отшлифованы, в том числе и внутренняя поверхность круглого отверстия, чего нельзя сказать о западной торцевой вертикальной поверхности, на которой видны грубые следы инструмента каменотеса. Плоскости каменного основания *эсхары* довольно грубы (имеют следы подтески), за исключением верхней плоскости, которая отшлифована. Описанные особенности отделки, наряду с совпадающими метрическими характеристиками этих двух деталей, свидетельствуют о том, что изначально плита располагалась на каменном основании. Она полностью перекрывала основание, оставляя его полость доступной через отверстие в центре плиты.

Судя по одному необработанному торцу плиты, обращенному, к тому же, в сторону центра кургана, каменная *эсхара*, скорее всего, была приставлена тыльной стороной к вертикальному борту горизонтальной площадки устроенной на краю насыпи для совершения ритуальных действий. Возможно, после их совершения плита была снята с основания и отложена в сторону, однако более вероятно, что плита соскользнула с основания под действием сейсмических толчков и перемещавшегося от них грунта насыпи кургана.

На расстоянии 0,9 м к юго-западу от каменной плиты *эсхары* начиналась прокаленная местами поверхность, покрытая керамическим боем, золой, мелкими угольками и кусками обожженной глины. Глубина залегания этого слоя от R0 колебалась в диапазоне от –9,07 до –9,27 м. То есть поверхность древней площадки, подготовленной для ритуала была практически горизонтальной.

Очертания слоя имели неправильную форму, вытянутую к юго-западу от каменных конструкций. Максимальная длина пятна составляла 6,9 м, максимальная ширина – 2,85 м. Юго-восточная часть площади объекта располагалась под бровкой E–E'.

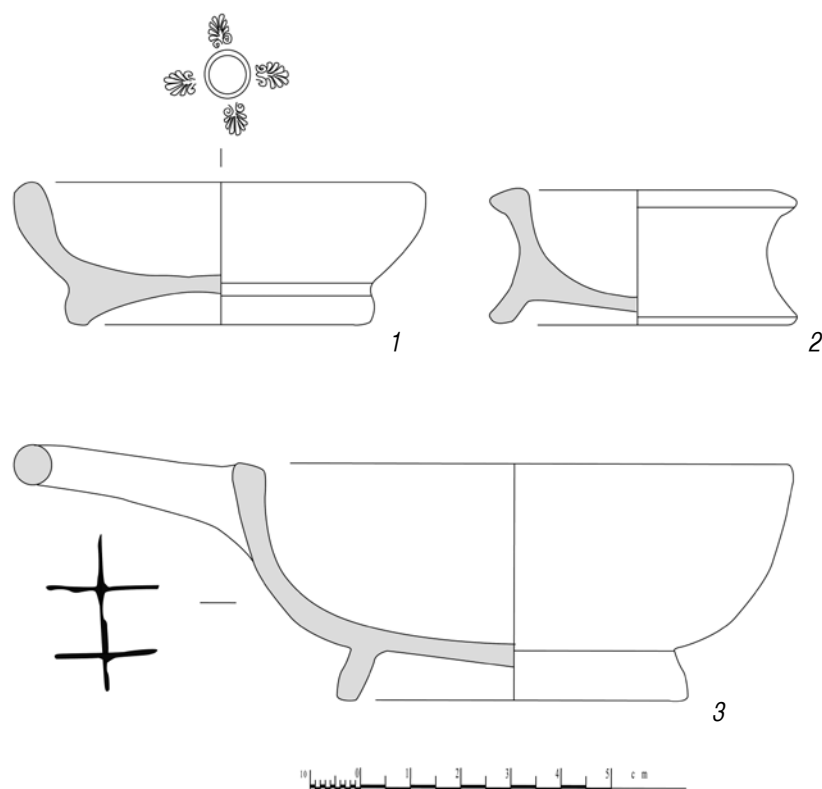

Рис. 48.
Объект 2.
Керамические сосуды:
1–2 – аттические чернолаковые
солонки;
3 – аттическая чернолаковая однору-
чая чаша

Как уже было сказано выше, слой объекта содержал находки, сильно пострадавшие от огня (рис. 47–50). Они представлены бронзовыми гвоздями, трехгранными наконечниками стрел скифского типа и обгорелыми фрагментами декора деревянного саркофага – аппликациями из резной слоновой кости (рис. 47). Наиболее многочисленными находками в слое объекта являлись мелкие осколки керамических сосудов. В целом керамический комплекс объекта довольно разнообразен, он представлен фрагментами амфор и большим количеством мелких обожженных фрагментов чернолаковой посуды (солонки, миски, одноручные чаши; рис. 48). Среди этих обломков обнаружены и мелкие фрагменты краснофигурного *аска* с изображением хищных животных (рис. 50).

Очень мелкое дробление чернолаковой посуды, скорее всего, объясняется ее пребыванием в огне и довольно продолжительным воздействием значительных температур. Высокую температуру горения на площади объекта подтверждают и находки бронзовых предметов. Часть из них существенно деформирована в результате воздействия огня, а некоторые полностью расплавились, превратившись в бесформенную массу металла. На основании этого можно сделать вывод о том, что температура горения на площади объекта местами достигала температуры плавления бронзы (ок. 1000–1300°C). Это косвенно подтверждается и мощностью прокаленного слоя с поверхности, на которой горел костер. На некоторых участках грунт прокалился на глубину до 10 см.

Достоверных подтверждений использования объекта как места кремации человека нет, так как здесь не было найдено ни одной человеческой кости. В то же время из слоя объекта происходят сильно

Рис. 49.
Объект 2.
Аттическое чернолаковое рыбное
блюдо

Рис. 50.
Объект 2.
Аттический краснофигурный аск

обгоревшие кости мелкого рогатого скота.⁵⁵ Таким образом, назначение объекта остается спорным, хотя вероятной представляется его связь с объектом 3, описание которого приведено ниже.

Объект 2 датируется второй половиной 4 в. до н.э.

Объект 3. Выявлен в западной половине траншеи 2 (рис. 7, на вкладке I; 46, на вкладке III), на расстоянии 29,7 м к северо-западу от R0, на глубине -8,75 от R0, в непосредственной близости от объекта 2. Представляет собой яму, в плане прямоугольной формы, сильно вытянутую по линии северо-запад – юго-восток. Длина ямы равна 5,2 м, максимальная ширина – 1,24 м, глубина в материке – около 0,4 м. Заполнение ямы не было однородным. Юго-восточная ее часть была забутована плотной светло-коричневой глиной. Заполнение северо-западной части ямы состояло из мелкодисперсного золистого грунта светло-серого цвета, мелких комков спекшейся глины. В северо-западной половине траншеи по заполнению выделялся участок округлой в плане формы (диаметром около 0,85 м) насыщенный находками в слое золы и углей. Находки представлены большим числом мелких обожженных и оплавленных фрагментов аппликаций из слоновой кости и стекла, украшавших деревянный саркофаг. Сохранились элементы аппликаций разной формы. Кроме них здесь обнаружено значительное количество бронзовых и железных гвоздей, оплавленные осколки алебастрового сосуда. Особого внимания заслуживает происходящий отсюда набор вооружения наступательных видов и доспех. Все оружие сильно пострадало в огне, что отрицательно

⁵⁵ Все определения палеозоологических материалов из раскопок Бююр-Горы в 2011 г. выполнены к.б.н. Е.В. Добровольской.

Рис. 51.
Объект 3.
Железные пластины чешуйчатого доспеха

сказалось на его сохранности. Наступательные виды оружия из комплекса представлены железным акинаком с ажурной рукоятью, железными наконечниками копий (рис. 52), наконечниками стрел из бронзы и рога. Кроме того здесь были обнаружены рельефные пластины от железного доспеха (рис. 51) и железные же детали конской узды. В корродировавшем металле некоторых фрагментов железного оружия заметны мельчайшие частицы золотой фольги.

Особенностью проведенного здесь обряда являлась ритуальная порча оружия. Об этом недвусмысленно свидетельствуют согнутые еще до того, как попали в огонь акинак и все наконечники копий (рис. 52).

В целом создается такое впечатление, что в траншею были сыпаны собранные перед этим (возможно на месте горения в объекте 2) остатки сожженного саркофага (гвозди, аппликации) и сильно пострадавшего в огне набора оружия и конской узды. Возможно, что рассматриваемый объект был не ямой, а тоннелем, начинавшимся в стене ритуальной площадки (объект 2) и углублявшимся в тело кургана в направлении центральной гробницы. Таким образом, с большой долей вероятности, объект 3 может быть связан с объектом 2.

Как и объект 2, описываемый объект 3 датируется второй половиной 4 в. до н.э.

Объект 4. Представлял собой каменный блок, обнаруженный в бровке 5 (рис. 7, на вкладке I) на расстоянии 32 м от R0, на глубине –7,5 м от R0. Размеры блока – 1,4х0,7 м. Вероятно, известняковый блок является неостребованной заготовкой для строительства центральной усыпальницы. Возможно, он был использован в ритуальных целях.

Объект 5. Как и предыдущий объект, это каменный блок, обнаруженный в восточной половине траншеи 3 (рис. 7, на вкладке I) на расстоянии 20 м к северу от R0, на глубине –8,26 м от R0. Его размеры соизмеримы с вышеописанным объектом 4 и составляют 1,3х0,5–7 м. Вероятно, известняковый блок, как и объект 4, является заготовкой, использованной в ритуальных целях.

Рис. 52.
Объект 3.
Железный наконечник копья

Объект 6. Выявлен в западной половине траншеи 3 (рис. 7, на вкладке I). Сначала были обнаружены остатки *эсхары* из сырцового кирпича, а в процессе ее расчистки выявлен уровень прокаленного грунта со слоем из спекшихся комков глины, золы, угольков, керамического боя (рис. 53, на вкладке III). Центр сырцовой конструкции *эсхары* находился на расстоянии 17 м к северу-северо-западу от R0, на глубине –8,4 от R0. Объект состоял из двух основных частей – остатков сырцового жертвенника – *эсхары*, и полигона, площадь которого занимал слой жженой комковатой глины насыщенный фрагментами керамики, угольками, золой.

Сырцовая часть объекта состояла из нескольких рядов кирпичей, изначально лежавших на четырех досках или плахах. Тлен от них зафиксирован после снятия кирпичей. Ширина досок/плах составляла 10–12 см. Доски перекрывали углубление-яму размером 0,7–0,9 м. В плане размеры остатков сырцового сооружения следующие: длина – 1,8 м; ширина – 1 м. Положение расплывшихся сырцовых кирпичей свидетельствует о том, что, скорее всего, в центральной части верхней плоскости сооружения имелось сквозное отверстие, которое располагалось непосредственно над углублением.

К юго-западу от сырцовой конструкции на расстоянии 2,5 м начинался слой, состоящий из керамического боя, золы, угольков и мелких кусков обожженной глины. Глубина залегания слоя от R0 колебалась в диапазоне от –8,22 до –8,51 м.

Очертания слоя имели неправильную форму, вытянутую к юго-западу от сырцовой конструкции. Длина пятна составляла 4,62 м, ширина – 2,54 м.

Как уже было сказано, слой содержал керамику. Представлена она фрагментами амфор и большим количеством мелких обожженных фрагментов чернолаковой посуды (солонки, миски, одноручные чаши, рыбное блюдо и др.). Кроме того, в слое были найдены мелкие фрагменты краснофигурной крышки *пиксиды*.

Очень мелкое дробление чернолаковой посуды, скорее всего, объясняется ее пребыванием в огне и довольно продолжительным воздействием высоких температур. Значительная температура горения подтверждается и мощностью прокала поверхности, на которой оно происходило. На некоторых участках грунт прокалился на глубину до 7 см.

Необходимо отметить сходство данного объекта и описанного выше объекта 2.

Датируется объект второй половиной 4 в. до н.э.

Объект 7. В 4,20 м к юго-западу от R0 и в 1,25 м к востоку от камеры 1 погребения 3 обнаружен череп крупного рогатого скота (рис. 7, на вкладке I), предположительно теленка. Зафиксирован на глубине – 8,42 м. Объект, вероятно, связан с погребением 3.

Объекты, выявленные при раскопках 19 века. По словам И.Е. Забелина, при раскопках 1870 г. в насыпи кургана была найдена медная монета города Синопы.⁵⁶ В 1871 г. на краю западной полы насыпи

⁵⁶ ОАК 1870–1871, XII.

был обнаружен «большой жженный точёк, на котором по сторонам, к югу и северу находились два места гробниц, углубленных на пол-аршина в материк». Из углублений этих «гробниц» и с поверхности «точка» Забелиным были собраны обожженные фрагменты глиняных сосудов, в том числе «расписной вазы и небольших расписных чашек». Кроме керамики здесь были найдены несколько бронзовых наконечников стрел и гвоздей, множество мелких бронзовых «слитков» и обломки железных гвоздей. Как пишет автор раскопок, «все это было перемешано с пережженными костями покойников».⁵⁷

* * *

Подводя итоги результатам исследований одного из интереснейших курганов в окрестностях Фанагории, отметим, что предположения первого его исследователя, И.Е. Забелина, о многочисленных досыпках курганной насыпи Буеровой могилы не подтвердились. Насыпь имевшая сложную конструкцию была возведена единовременно. Наличие у насыпи кургана мощного панциря из чередующихся наклонных слоев глины (суглинки) и водорослей (камки), может быть объяснено желанием оградить центральное захоронение от воздействия влаги, проникающей в насыпь во время осадков. По слоям камки просачивающаяся сквозь толщу рукотворного холма влага отводилась от центра насыпи к ее полам и уже там уходила глубже в грунт.

Наиболее ранние погребальные комплексы и первая небольшая курганная насыпь появились на этой возвышенности еще в бронзовом веке. Временем сооружения основного античного захоронения и возведения огромной насыпи кургана можно считать конец классической эпохи, а именно вторую половину 4 в. до н.э. Комплексы со следами горения были обнаружены как в 19-ом, так и в 21-ом столетии. Все они датируются эпохой поздней классики. Трактовка их назначения неоднозначна. Совершенно очевидно, что эти объекты являлись местом проведения церемоний, связанных с погребальным обрядом (об этом недвусмысленно говорит наличие *эсхар*). Возможно, эти «жженные точки» являются остатками тризн. По некоторым признакам их можно связать с местами кремаций, однако прямого подтверждения этому нет, так как достоверных антропологических материалов в этих комплексах не найдено. Самым поздним погребением, совершенным в кургане, была эллинистическая гробница, обнаруженная первой в 1870 году.

Не вызывает сомнений, что Боюр-Гора является частью некрополя столицы Азиатского Боспора. Расположение кургана 4 в. до н.э. на значительном удалении от Фанагории в полной мере соответствует тенденциям, характерным для эпохи поздней классики и раннего эллинизма. В это время монументальные подкурганные гробницы Азиатского Боспора, как правило, удалены от городов и расположены на значительном расстоянии друг от друга.⁵⁸ Вероятно, такое расположение кургана могло быть связано с маркированием границ территории города-государства.

⁵⁷ Там же, XXXII.

⁵⁸ Савостина 2014, 21.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Трейстер М.Ю. 2015. Золотые имитации античных монет из Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва.
- Алексинский Д.П. 2008. Античные сфероконические шлемы в собрании Эрмитажа, *СГЭ* LXVI, 18–27.
- Власова Е.В. 2009. Ахтанизовский клад, *ВДИ* 3, 63–78.
- Виноградов Ю.А. 2009. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского, in: А.Е. Мусин (ред.), *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург, 248–401.
- Виноградов Ю.А. 2012. *Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии* (БИ XXVII). Симферополь–Керчь.
- Дедюлькин А.В. 2014. Шлемы-коносы на северо-западном Кавказе и в эллинистической ойкумене, in: *Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье* («Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа IV). Краснодар, 59–71.
- Жуковский М.О. 2013. Применение комплексной компьютерной методики для полевого изучения и реконструкции кургана Бююр-гора Фанагорийского некрополя, in: *Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкция)*. Санкт-Петербург, 86–93.
- Забелин И.Е. 1870. *Раскопки городища Фанагория, курганов в его окрестностях, кургана Буерова могила на Таманском п-ове. Рапорты с описанием раскопок, описи находок, копии надписи. О снятии М.П. Клодом плана городища Фанагория*. Санкт-Петербург (Архив ИИМК РАН. Д. 19).
- Зуев В.Ю. 2007. К юбилею Александра Ефимовича Люценко, in: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург, 8–13.
- Коровина А.К. 1964. *Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора* (Альбом). Диссертация канд. ист. наук. Москва (Архив ИА РАН. Р-2, № 1914а).
- Кузнецов В.Д. 2004. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием, *ПИФК* XIV, 94–123.
- Кузнецов В.Д. 2007. Фанагория: история исследований и новые находки, *РА* 2, 5–15.
- Максимова М.И. 1969. Заметка об Ахтанизовском кладе, *КСИА* 116, 55–58.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 2). Симферополь–Бонн.
- ОАК за 1870–1871 гг.* (1874). Санкт-Петербург.
- ОАК за 1882–1888 гг.* (1891). Санкт-Петербург.
- Полин С.В., Карнаух Е.Г. 2012. Гордашевский «клад», in: *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь, 134–144.
- Рабинович Б.З. 1941. Шлемы скифского периода, *Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа* I. Ленинград, 99–171.
- Ростовцев М.И. 1918. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма* (Материалы по археологии России 37). Петроград.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Петроград.
- Савостина Е.А. 2014. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей, in: *Погребальная культура Боспорского царства*. Санкт-Петербург, 18–23.
- Симоненко А.В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев.
- Трейстер М.Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 77–181.
- Waurick G., 1988. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer, in: *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikemuseums Berlin*. Bd. 14. Mainz.
- Rostowzew M. 1931. *Skythien und der Bosphorus*. Berlin.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОДВОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ФАНАГОРИИ (1998–2015 гг.)

Затопленная часть Фанагории издавна привлекала внимание исследователей. На протяжении многих веков город являлся центром транзитной торговли и, несомненно, обладал развитой портовой инфраструктурой, но к настоящему времени прибрежная часть Фанагории и ее гавань затоплены водами Таманского залива и перекрыты донными отложениями. В 1858 г. Ф. Жиль сообщил о 200-метровом фундаменте каменного мола, сохранившемся под водой напротив городища Фанагории. По свидетельствам очевидцев, надводная часть этого мола, имевшая 300 м в длину при ширине 6 м, в 1819–1827 гг. разобрана казаками для строительства церкви Бориса и Глеба в станице Ахтанизовской.¹ В 1898 г. К. Гёрц отметил, что прибрежную часть курганного некрополя Фанагории уничтожает эрозия берегового обрыва, и нанес упомянутый Ф. Жилем мол на археологический план городища.²

В 1927 г. Л.П. Харко, составляя археологическую карту Фанагории, провел поиски этого мола в прилегающей акватории, но обнаружил лишь развал крупных известняковых камней на участке 40x15 м. Местоположение и размеры найденного развала не совпали с описанием и чертежом К. Гёрца.³ В 1958 г. В.Д. Блаватский осуществил подводную разведку в акватории Фанагории.⁴ Задачами разведки стало определение северной границы города и выявление остатков застройки. При осмотре дна были найдены три скопления камней: гряда длиной 60 м и шириной от 6 до 14 м в 220 м от берега; гряда в восточной части акватории, вытянутая по линии СЗ–ЮВ; гряда длиной 60 м в западной части акватории, вытянутая параллельно берегу в 230 м от него. Расположение гряд позволило В.Д. Блаватскому назвать их забутовкой оборонительных стен города. Основаниями для этой версии стали резкое (на 1–1,65 м) понижение уровня дна и отсутствие керамики с внешней стороны гряд, высокая плотность донных осадков с внутренней стороны гряд при низкой плотности снаружи. Это позволило исследователю сделать вывод, что Фанагория с прибрежной стороны была окружена мощными стенами, и определить площадь затопленной части города в 15–17 га.

В 1959 г. В.Д. Блаватский продолжил подводные исследования в затопленной части Фанагории. Задачей работ стала проверка возможности выполнения подводных раскопок с соблюдением археологической методики и фиксацией стратиграфии. Подводный раскоп был заложен в восточной части затопленной террасы, к югу и западу от каменных гряд, в 185 м от берега на глубине 1,9 м от поверхности воды. Стратиграфия раскопа глубиной 2 м описана В.Д. Блаватским

¹ Gille 1859, 410.

² Гёрц 1898, 110.

³ Архив ГМИИ, ф. 34, оп. 164, л. 60.

⁴ Блаватский 1985, 167–173, 221–227; Блаватский, Кошеленко 1963, 76–85.

Рис. 1.
Дистанционное обследование
акватории Фанагории, 2004 г.

следующим образом: верхний перемешанный слой толщиной 0,65 м, содержащий находки от 5 в. до н.э. до средневековья; остатки булыжной мостовой; слой 2 в. до н.э.; мостовая; слой 4–3 вв. до н.э.; мостовая из крупных отесанных камней, лежащая на материке. Результаты раскопок позволили ему уверенно говорить о сохранности культурного слоя в затопленной части Фанагории, о возможности выполнения подводных раскопок на современном методическом уровне, о подъеме уровня воды в Таманском заливе не менее чем на 4 м.

В 1998 г. обследование затопленной части Фанагории было возобновлено экспедицией Института археологии РАН в сотрудничестве с Предприятием подводно-технических работ «Пётр» (г. Воронеж). При визуальном изучении дна в восточной части прибрежной террасы под водорослями обнаружено скопление камней, в том числе крупных строительных блоков. Была проведена ручная расчистка участка каменного скопления и зарисовка обнаруженных при этом архитектурных деталей.⁵ В 1999 г. основной задачей стали испытания гидроакустической станции MS 900 (Kongsberg Mesotech Ltd., Канада), укомплектованной двумя гидролокаторами кругового обзора Mesotech 1071 (Kongsberg Maritime AS, Норвегия) с частотами 330 кГц и 675 кГц, и GPS-приемником с точностью позиционирования ± 15 м (рис. 1). В результате пробной гидролокации в прилегающей акватории обнаружены объекты периода Великой Отечественной войны – плавкран и мотобот. Для расчистки дна и подъема массивных находок на поверхность были построены понтон и катамаран с лебедкой грузоподъемностью 1300 кг. После расчистки участка каменного скопления несколько архитектурных деталей (барабан колонны, мраморный строительный блок и др.) были извлечены на берег для обмеров и фотофиксации. При этом оказалось, что они лежали на плотном слое мелких необработанных камней. После обмеров вышеуказанные находки возвращены на место обнаружения.

⁵ Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амеликин 2003, 153–175.

В 2000 г. начато создание батиметрической карты затопленной прибрежной террасы Фанагории. Учитывая, что приемники GPS определяют координаты с погрешностью ± 15 м, для обеспечения приемлемой точности позиционирования создана локальная система координат: вблизи уреза воды установлен базовый репер, от которого вдоль берега на восток и запад с интервалом 50 м вынесены вспомогательные реперы. Фиксация относительных координат точки в акватории выполнялась измерением дистанций до двух реперов – базового и ближайшего из вспомогательных. Гидрографическая съемка прилегающей акватории выполнена эхолотом Lowrance LMS-350A 50/192 кГц до минимальной изобаты 0,8 м. Измерения глубин на мелководье выполнены по нерегулярной сети точек с помощью электронного дальномера и вехи. Сравнение измерений эхолота с результатами инструментальной съемки установило, что погрешность гидроакустических измерений составляет до 0,1 м. Для съемки дна гидролокатором Mesotech 1071 330 кГц в режиме бокового обзора на одну сторону от крайних реперов базовой линии буйками размечены 9 галсов с межгалсовым интервалом 30 м. При съемке участка 1000x270 м оказалось, что значительная часть дна недоступна для дистанционного обследования, так как импульсы гидролокатора отражаются не от поверхности дна, а от зарослей взморника (*Zostera marina*) – многолетнего растения высотой до 1,5 м. Пузырьки газа, образующиеся на стеблях взморника, отражают ультразвуковые импульсы и тем самым эффективно маскируют поверхность дна. Стало очевидным, что обследование методом гидролокации бокового обзора информативно только на свободных от растительности участках дна. Для дальнейшего изучения каменного скопления, выявленного в 1997 г., расчищен участок 40x10 м, ориентированный перпендикулярно берегу. Оказалось, что длина скопления по линии С–Ю составляет 36 м, при ширине в северной части 5 м, в центральной – 10 м, в южной – 8 м. На план скопления нанесены крупные строительные блоки, барабаны колонн, архитектурные детали и обломки статуй. В 200 м от берега обнаружен и извлечен 4-метровый галерный якорь-кошка с двумя обломанными рогами, предположительно 18 века.

В 2001 г. основной задачей стала гидрографическая съемка участка акватории 2300x800 м между пос. Сенной и пос. Приморский. Съемка выполнена эхолотом Lowrance LMS-350A 50/192 кГц по сетке продольных и поперечных галсов с межгалсовым интервалом 10 м. Погрешность навигационной привязки составила ± 15 м, минимальная глубина измерений – 0,6 м. Целью гидрографической съемки стал сбор информации для составления подробной батиметрической карты и определения вероятной локализации портовых сооружений Фанагории. При обработке результатов съемки в ПО Surfer (Golden Software Inc., США) оказалось, что очертания дна залива позволяют предполагать наличие порта только на участке напротив Фанагорийского городища. Помимо гидрографической съемки, проведен эксперимент по использованию гидролокатора Mesotech 1071 675 кГц в качестве инструмента для дистанционной фиксации линейных размеров подводных объектов.

Рис. 2.
Расчистка раскопа в урезе воды, 2003 г.

Для этого заново расчищен южный участок каменного скопления 17,5x15 м, с его восточной стороны впервые расчищен участок 10x5 м, где обнаружены фрагменты архитектурных деталей и обломки статуй. Попытки дистанционного измерения размеров объектов с помощью гидролокатора показали, что результаты таких обмеров недостаточно точны, даже если выполнены при штилевой погоде.

В 2002 г. продолжено гидроакустическое обследование прилегающей акватории на участке 450x500 м восточнее базового репера. Съёмки выполнены гидролокатором Mesotech 1071 330 кГц в режиме бокового обзора на одну сторону с межгалсовым интервалом 30 м и эхолотом Lowrance LCX-15MT 50/200 кГц, точность навигационной привязки составила ± 15 м. К востоку от предполагаемой границы города в 350–400 м от берега на сонограмме зафиксированы формы рельефа, напоминающие крупный развал камней.

Первые раскопки на участках берегового обрыва провели В.Д. Блаватский и М.М. Кобылина, но довести расчистку до материка не удалось из-за подтопления раскопов.⁶ В 2003 г. для идентификации необычных форм донного рельефа, найденных гидролокатором в 2001–2002 гг., проведен визуальный осмотр заданных участков дна, но обнаружить предполагаемые каменные развалы не удалось. Для уточнения батиметрической карты тахеометром выполнен массив измерений глубины на мелководье и зафиксированы контуры кладок вблизи уреза воды. Основной задачей сезона стала проверка гипотезы о раннем освоении прибрежной террасы Фанагории, в результате чего здесь под абразионным слоем мог сохраниться затопленный культурный слой 6–5 вв. до н.э.

Для выяснения стратиграфии культурного слоя прибрежной террасы Фанагории к востоку от базового репера в урезе воды был заложен подводный раскоп размерами 5x5 м. При его расчистке материк

⁶ Блаватский 1940, 289–290, 293–298; Кобылина 1963, 129–138

выявлен на глубине 1,6 м ниже поверхности воды. Толщина культурного слоя в шурфе составляет 1,0 м. Фиксация стратиграфии в заполненном водой раскопе оказалась невозможна из-за полной непрозрачности воды, насыщенной частицами глины и ила. Для выяснения стратиграфии раскопа проведено его осушение методом отсечной дамбы, сооруженной из мешков с песком и слоя целлофана (рис. 2). После откачки воды из раскопа выполнена архитектурная фиксация угла общественного здания, построенного из крупных блоков известняка. Обнаруженная в подводном раскопе керамика хронологически гомогенна и датирует слой 4 в. до н.э.

В 2004 г. в акватории Фанагории проведена гидромагнитная разведка морским буксируемым магнитометром Geometrics G-881 (Geometrics Inc., США) с чувствительностью 0,01 нТл. Параллельно берегу с нерегулярным интервалом выполнены 3 галса, но из-за технических неполадок проведенные измерения магнитного поля не получили координатной привязки. Помимо локальных ферромагнитных аномалий, в 150 м от берега прибор показал площадную магнитную аномалию длиной 52 м с максимальной амплитудой 6 нТл. Высказано предположение, что эту аномалию вызывает крупное скопление камней вулканических пород. Попытки исследовать участки локальных магнитных аномалий гидролокатором бокового обзора оказались безуспешны из-за зарослей травы, маскирующих поверхность дна. При визуальном изучении дна в западной части затопленной прибрежной террасы в 120 м от берега обнаружен мраморный блок. При механическом зондировании дна оказалось, что под песком находится скопление камней площадью не менее 120 м². При первичной расчистке этого участка найдены блок с посвятительной надписью царя Аспурга (1 в. н.э.), постамент под статую царя Савромата II (2–3 вв. н.э.)⁷, архитектурные детали и обломки статуй.

В 2005 г. на каменном скоплении заложен раскоп 15х15 м. После удаления верхнего слоя песка толщиной 0,2–0,3 м, содержащего

⁷ См. Кузнецов 2006, 155–172.

Рис. 3.
Поверхность первой клетки, 2006 г.

множество фрагментов керамики периода поздней античности и раннего средневековья, оказалось, что камни плотно покрывают всю площадь раскопа, и их чертежная фиксация займет значительное время. Для ускорения работ раскоп уменьшен до участка 9х6 м, частично вписанного в прежние границы. После удаления верхнего слоя камней под ними обнаружена конструкция из параллельно уложенных бревен и свай, перекрытых частично сохранившейся вымосткой из плит и блоков вторичного использования.⁸ При извлечении крупного мраморного блока из северо-восточного угла раскопа выяснилось, что конструкция является клетью из нескольких ярусов продольно и поперечно уложенных бревен, пространство между которыми плотно заполнено мелкими и средними камнями (рис. 3). Под бревнами найдены фрагменты амфор 3–4 вв. н.э., по всей вероятности, попавшие в забутовку при строительстве клетки. При дальнейшей расчистке раскопа было установлено, что вдоль северного, восточного и западного торцов клетки с небольшим интервалом вбиты деревянные сваи, а южный торец конструкции выходит за границу раскопа. Перед северным торцом клетки найдены мраморные архитектурные детали и фрагмент постамента (рис. 4). При их извлечении стало очевидно, что с севера к клетке примыкает завал камней мощностью не менее 1 м. При расчистке верхней поверхности клетки и участка завала вдоль ее северного торца обнаружены фрагменты керамики, свинцовые рыболовные грузила, бронзовые монеты, фрагменты стеклянных сосудов, кости животных. Попытки составить общий план верхней поверхности клетки методом ручных обмеров продемонстрировали низкую скорость фиксации и недостаточную точность полученного чертежа.

В 2006 г. в качестве подводного отряда Фанагорийской экспедиции ИА РАН под научным руководством А.Б. Колесникова приступили к работам водолазы ПАСФ «Юг–Вымпел» (г. Новороссийск). Задачей сезона стала расчистка завала камней вдоль западного, северного и восточного торцов клетки, а также создание ее фотоплана. В качестве ориентиров для систематической фотосъемки и указателей масштаба применены 5-метровые нивелирные рейки, параллельно уложенные с интервалом 2 м на верхнюю поверхность клетки. Склейка фотоплана из массива фотографий в ПО Photoshop (Adobe Systems Inc., США) не увенчалась успехом из-за существенных геометрических искажений, свойственных примененному фотообъективу. При расчистке завала вокруг клетки обнаружены крупные строительные блоки, плита с тамгой царя Савромата II, акротерий, фрагмент фриза, голова мраморной статуи, более 200 бронзовых монет боспорской и римской чеканки 3–4 вв. н.э., сотни свинцовых грузил и десятки бронзовых рыболовных крючков⁹ (рис. 5–7). Для надежного выявления мелких находок удаленная из раскопа пульпа поступала на мелкоячеистый фильтр (рис. 8).

В 2007 г. продолжено изучение каменного завала вокруг клетки. Расчистка полосы шириной 3 м вдоль восточного торца клетки выявила беспорядочное скопление необработанных известняковых камней и архитектурных деталей, среди которых найдены десятки раздавленных

⁸ Кузнецов, Латарцев, Колесников 2006, 261–267.

⁹ Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 374, рис. 23–25.

Рис. 4.
Архитектурная деталь
у западного фасада первой клетки, 2006 г.

Рис. 5.
Мраморная плита с тамгой
Савромата II к востоку
от первой клетки, 2006 г.

Рис. 6.
Архитектурная деталь у северного
фасада первой клетки, 2007 г.

Рис. 7.
Акротерий у северного фасада
первой клетки, 2007 г.

Рис. 8.
Фильтрация пульпы при расчистке
клет и окружающих завалов, 2008 г.

узкогорлых светлоглиняных амфор и фрагменты стеклянных сосудов римского времени, сотни свинцовых грузил и бронзовых рыболовных крючков, более 800 монет (в основном боспорские статеры второй половины 3 в. н.э. – первой четверти 4 в. н.э. и римские монеты 4 в. н.э.), при этом отмечено, что завал продолжается в восточном направлении (рис. 9). Вдоль западного торца клетки также расчищена полоса шириной 3 м, при этом оказалось, что эта часть завала состоит из крупных обработанных блоков и архитектурных деталей, а количество фрагментов керамики и прочих находок относительно невелико. При расчистке южного торца выяснилось, что с этой стороны клетки сваи отсутствуют, а завал образовался в результате оползания кладки. После завершения расчистки южного торца удалось определить размеры клетки, которые составили 8х7,5 м. При расчистке завала в 2 м южнее клетки найден край конструкции из массивных бревен, частично перекрытых каменной вымосткой. Ввиду существенного увеличения площади раскопа проявилась необходимость уточнения результатов подводных обмеров и точной координатной привязки выявленных объектов. Для создания общего плана клетки и окружающих завалов применен метод трилатерации – определения относительных координат точки путем измерения дистанций до трех локальных реперов, с последующей обработкой результатов обмеров в ПО Autocad (Autodesk Inc., США). Высотные отметки на раскопе определены нивелиром, установленным в 6 м от клетки на каменном отвале. На основе массива обмеров дистанций и измерения контуров более 100 объектов создан планиграфический чертеж клетки, северного торца прилегающей с юга конструкции и архитектурных деталей в расчищенной части завала с точностью ± 3 см. Индивидуальные контуры камней и изгибы бревен прорисованы в чертеже на основе фотографий, координатно привязанных к трилатерационным обмерам.

В 2008 г. к югу от клетки выполнена расчистка участка площадью 300 м². Оказалось, что обнаруженная в 2007 г. часть конструкции является северным торцом второй клетки, сходной с первой по размеру, но построенной иным образом.¹⁰ Вторая клетка размерами 8,5х7,5 м состоит из трех ярусов бревен, сверху перекрытых частично сохранившейся вымосткой из каменных блоков, в т.ч. надгробий вторичного использования (рис. 10). Бревна, уложенные по направлению запад–восток, преимущественно цельные и достигают 8 м в длину. Бревна, уложенные по направлению север–юг составные. Они собраны из трех частей с применением шипового соединения «ласточкин хвост». Перпендикулярно уложенные бревна соседних ярусов скреплены между собой соединениями из квадратных гнезд и шипов. На концах длинных цельных бревен имеются парные симметричные наклонные пропилены в вертикальной плоскости, свидетельствующие об их вторичном использовании. Пространство между бревнами плотно забутовано щебнем и галькой. При расчистке каменного завала, примыкающего к восточному фасу второй клетки, обнаружены сотни монет, фрагментов керамических и стеклянных сосудов. Количество рыболовных грузил и крючков по сравнению с первой клетью значительно уменьшилось. При расчистке завала вдоль западного фаса второй клетки оказалось, что на этом участке крупные строительные блоки и архитектурные детали отсутствуют, число керамических, металлических и стеклянных находок минимально. При расчистке второй клетки обнаружилось, что к ее южному торцу примыкает третья клетка шириной 2,4 м, вытянутая в направлении берега, ее южный край в 2008 г. не был расчищен. Конструкция третьей клетки состоит из пар продольно уложенных тонких бревен, соединенных «в лапу» и перекрытых частично сохранившейся каменной вымосткой. Пространство между бревнами забутовано мелким камнем. К востоку и западу от третьей клетки камни и находки практически отсутствуют. Ввиду невозможности выполнить панорамную

¹⁰ Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 378–379.

Рис. 9.
Восточный фас первой клетки, 2006 г.

Рис. 10.
Архитектурные детали и надгробия
в конструкции второй клетки, 2008 г.

фотофиксацию расчищенной части второй и третьей клеток из-за недостаточной глубины воды и обилия взвешенных частиц, было принято решение создать виртуальную объемную модель изучаемого объекта. Задачей моделирования стала максимально достоверная визуализация облика клеток и некоторых находок из окружающих завалов на момент их расчистки. После экспорта сводного чертежа раскопа в ПО 3ds Max (Autodeck Inc., США) и наложения текстур на объемную модель был создан набор рендеров и видеороликов, дающих представление о внешнем облике клеток и местоположении архитектурных деталей в окружающих завалах (рис. 11).

В 2009 г. основной задачей стала проверка гипотезы о наличии под завалом к северу от первой клетки еще одной деревянно-каменной конструкции. При расчистке участка завала площадью 90 м² найдена однорядная одноуровневая кладка из пяти крупных строительных блоков (125–140х55–68х60 см), выложенных в линию от северо-восточного угла первой клетки в северо-восточном направлении. С восточной стороны от кладки беспорядочно лежат несколько крупных блоков, с западной стороны находится обширный одноуровневый завал мелких и средних необработанных камней. Параллельно с изучением завала на севере завершена расчистка южного края третьей клетки, ее размеры составили 19х3 м (рис. 12). Относительно плохая сохранность бревен в южной части этой клетки свидетельствует об их продолжительном пребывании вблизи поверхности воды.

В 2010 г. продолжено исследование завала к северу и северо-востоку от первой клетки. На северном участке площадью 60 м² расчищен однослойный завал мелких и средних камней. На северо-восточном участке площадью 130 м² расчищено скопление крупных блоков с разнотипными строительными пазами. Вероятно, скопление прежде являлось конструктивным продолжением кладки из пяти блоков, расчищенной в 2009 г. Южнее кладки по мере приближения к первой клетки резко

Рис. 11.
Визуализация расчищенной части
клетей, 2009 г.

возрастает количество находок: фрагментов керамики и стеклянных сосудов, монет, рыболовных крючков и грузил. Параллельно с изучением завала на севере расчищен участок 4х3 м от южного торца третьей клетки в направлении берега, при этом найдены остатки каменной кладки. Расчищенный участок насыщен мелким камнем, фрагментами керамики и костями животных.

В 2011 г. поверхность всех клеток и существенная часть окружающего завала одновременно были расчищены для фото- и видеосъемки, промеров массива высотных отметок и уточнения деталей конструкции. В результате этого исследования функциональное назначение клеток определено как фундамент причала, сооруженного в конце 3–4 вв. н.э., после затопления ранних портовых сооружений Фанагории в начале новой эры. В ходе первого строительного этапа были построены вторая клеть (причальная площадка) и третья клеть (переход с причала на берег). Вероятная глубина воды с восточной стороны второй клетки в период ее строительства составляла 0,4–0,5 м, что позволяло подходить к причалу лишь лодкам с минимальной осадкой. В ходе второго строительного этапа к северу от второй клетки сооружена первая клеть, обеспечившая возможность подхода к причалу судам с осадкой 0,6–0,8 м. Южный край третьей клетки в конце 3–4 вв. н.э. находился

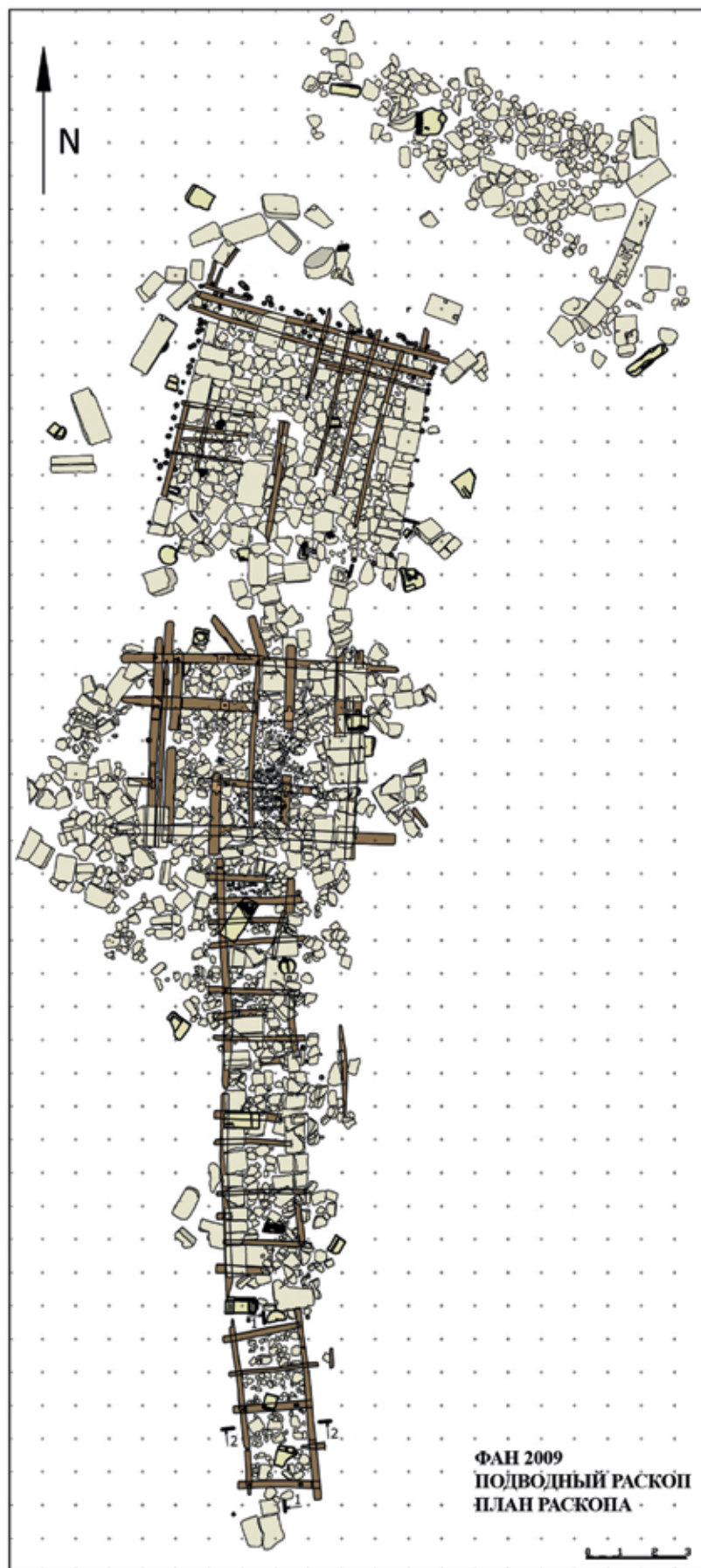

Рис. 11.
Чертеж клетей, 2009 г.

вблизи уреза воды, что позволяет определить границу подтопления прибрежной террасы Фанагории на тот период.

Помимо завершения исследования клетей, проведено первое акустическое профилирование дна Таманского залива на участке акватории от Фанагории до пос. Волна Революции. Задачей съемки стала проверка гипотезы о впадении в 1 тыс. до н.э. в Таманский залив рукава дельты Кубани и определение потенциала этого класса приборов для поисков локальных объектов под поверхностью дна. Съемка выполнена профилографом АП-5 (ЛГД ИО РАН, РФ) на частоте 4,5 кГц с мощностью 2 кВт, максимальная глубина стратификации поддонных слоев составила 40 м. В результате профилирования палеорусло Кубани в акватории Таманского залива не выявлено. Не удалось обнаружить и объекты в верхних метрах донных отложений из-за высокой мощности акустических импульсов, «засвечивающих» верхние 5 м профиля.

В 2012 г. утверждены границы археологического комплекса «Фанагория», при этом в пределы городища включен значительный участок примыкающей акватории Таманского залива. Научным обоснованием для локализации северной границы города стали результаты подводных разведок В.Д. Блаватского, назвавшего каменные гряды, найденные в 220–230 м от современной береговой линии, забутовкой оборонительных стен Фанагории. Так как эти каменные гряды в ходе приборных и визуальных разведок 2001–2002 гг. обнаружить не удалось, возникла потребность убедительно обосновать северную границу города. В связи с этим стала очевидна необходимость применения новых методов, обеспечивающих высокую достоверность результатов, точную координатную привязку и достаточную производительность. На прилегающей к Фанагории акватории Таманского залива выбран участок 1300x300 м – полигон апробации дистанционных методов обследования. Границы полигона определены таким образом, чтобы включить в него вероятный район расположения портовых сооружений Фанагории античного времени (рис. 13). Обязательным условием для всех дальнейших обследований стало применение навигационных приемников геодезического класса, определяющих координаты в акватории с погрешностью не более 1 м. Для уточнения батиметрической карты Фанагории проведена гидрографическая съемка однолучевым эхолотом Lowrance LMS-337C (Lowrance Electronics Inc., США), излучающим на частотах 50 и 200 кГц. Съемка выполнена по сетке из 10 продольных галсов с интервалом 25 м и 25 поперечных галсов с интервалом 50 м, минимальная рабочая глубина составила 0,3 м. Навигационное сопровождение обеспечил базовый спутниковый приемник Maxor (Javad Navigation Systems Inc., США), установленный на береговом репере с известными координатами, и приемник-ровер Triumph-1. Координаты и результаты измерений поступали в ПО AquaScan (НПП Форт XXI, РФ). Вычисление абсолютных координат пройденных галсов выполнено в режиме постобработки, точность привязки составила 0,1 м. В ходе съемки выяснилось, что значительная часть выполненных измерений некорректна, так как импульсы эхолота отражались от плотного

Рис. 13.
Полигон проведения геофизических исследований, 2012 г.

покрова травы, а не от поверхности дна. Следующим этапом обследования полигона Фанагории стало акустическое профилирование дна профилографом StrataBox (SyQuest Inc., США), излучающим на частоте 10 кГц с мощностью до 300 Вт, минимальное допустимое расстояние от излучателя до дна составляет 2,5 м (рис. 14). Съемка выполнена по сетке из 20 параллельных галсов с интервалом 10 м. Навигационное сопровождение съемки обеспечил базовый спутниковый приемник Maxor (Javad Navigation Systems Inc., США), установленный на береговом репере с известными координатами, и приемник-ровер Triumph-1. Вычисление абсолютных координат пройденных галсов проведено в режиме постобработки, точность привязки составляет 0,1 м. Анализ результатов съемки показал, что импульсы StrataBox не пробивают плотные заросли травы. Тем не менее, на свободных от растительности участках дна локализованы 27 аномалий (рис. 15). В 150 м от берега методом механического зондирования обнаружено каменное скопление размерами 15х10 м, ориентированное перпендикулярно берегу. К северу и западу от его мористой оконечности заложены два раскопа. В «северном» раскопе, расчищенном по направлению с севера на юг на участке 7х2 м и на глубину до 2 м, выявлен склон каменного скопления, мощность которого нарастает в направлении берега. В «западном» раскопе, расчищенном по направлению с запада на восток на участке 4х2 м, в 1,2 м ниже поверхности дна найдена деревянная конструкция (рис. 16). Для ее идентификации размер раскопа постепенно расширен до 20х6 м. Для предотвращения замывания расчищенного участка оплывающими бортами по периметру раскопа было установлено

Рис. 14.
Исследование структуры донных
отложений профилографом StrataBox,
2012 г.

ограждение из заполненных камнями металлических клеток размером 0,8x0,8 м. В результате расчистки выяснилось, что на склоне каменной насыпи лежит частично сохранившийся корпус деревянного корабля длиной около 16 м, ориентированный по линии СВ–ЮЗ, носом на СВ, с креном 25° на левый борт (рис. 16, 18). Вследствие наклона левый борт в районе миделя сохранился полностью (до планширя), от правого борта сохранилась лишь днищевая часть. Продольный набор корпуса состоит из килья, кильсона и подлегарсов. Снизу к килью прикреплен т.н. «лыжная доска». В верхней части килья и ахтерштевня имеются продольные пазы для сопряжения с поясами обшивки. Поперечный набор корпуса представлен группами шпангоутов и тимберсов. В носовой и кормовой части шпангоуты установлены по одному (ширина 6 см, высота 6–8 см), ближе к середине – по два, на миделе – по три. Ширина большинства шпангоутов и тимберсов 6 см, в центральной части установлены утолщенные – по 8 и 10 см. Шпация между шпангоутами составляет около 20 см, между тимберсами около 40 см. В центральной части некоторых шпангоутов имеются двухступенные пазы двух стандартов для крепления кильсона и степса мачты. На верхних окончаниях тимберсов в центральной части корпуса имеются прямоугольные и треугольные пазы, а также прямоугольный паз для крепления подлегарса. Обшивка корпуса выполнена вгладь методом «Mortise-and-Tenon». Средняя толщина досок обшивки 3 см, на миделе 4,5–5 см.

Диаметр деревянных штифтов 0,45–0,55 см, длина соответствует толщине бортовой доски. Обшивка прибита к шпангоутам бронзовыми гвоздями длиной 16–20 см с круглой выпуклой шляпкой. Гвоздь на 4 см от шляпки имеет квадратное сечение, далее – круглое с плавным сужением. Гвозди забивали снаружи, насквозь пробивали обшивку и шпангоут, а затем загибали, иногда с дополнительной фиксацией кончика гвоздя в шпангоут. Подлегарсы прибиты к шпангоутам гвоздями, забитыми из трюма наружу. Доски обшивки, шпангоуты и тимберсы покрыты многослойной обмазкой, вероятно, гидроизоляции.

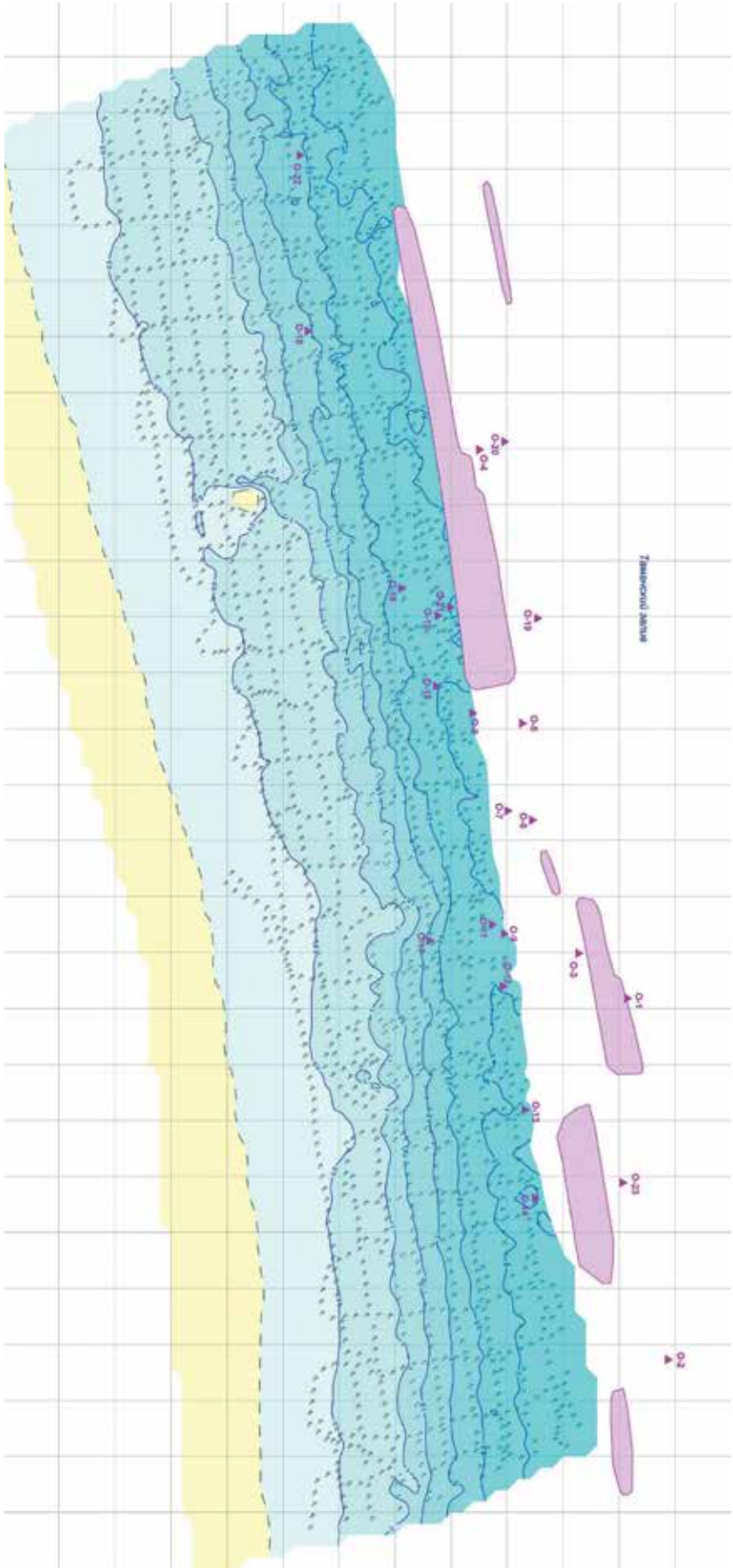

Рис. 15.
Карта акустических аномалий,
выявленных профилографом StrataBox, 2012 г.

*Рис. 16.
Первичная расчистка
античного корабля, 2012 г.*

Находки из судна представлены двумя колхидскими амфорами (2 в. до н.э. – 2 в. н.э.), фрагментами «мегарской» чаши 2 в. до н.э., кувшином, фрагментами кухонной посуды. Значительная площадь днища покрыта балластом – скоплениями мелких окатанных камней и фрагментов керамической черепицы производства Синопы и Пантикапея. Приблизительно датировать корабль удалось благодаря технологии его постройки – «Shell First» – сначала собирали корпус, скрепляя доски шипами, и уже затем ставили шпангоуты. Эта технология широко применялась в судостроении до середины 1 тыс. н.э.

Ввиду очевидной археологической ценности корабля и пагубного влияния расчистки на его сохранность решено создать чертеж корпуса и законсервировать объект *in situ*. Изучение корабля проводилось в ветреную погоду, что значительно осложнило работы: раскоп нуждался в постоянной очистке от травы и водорослей. Избранная методика работ предусматривала контрольные ручные обмеры основных деталей и последующую экспериментальную фиксацию корабля средствами фотограмметрии. Внутри и вокруг корпуса установлены более 300 контрольных меток, их трехмерные координаты измерены с берега тахеометром Leica TS-06 в отражательном режиме с помощью вехи высотой 3,6 м. На основе полученных координат создана опорная сеть, необходимая для пространственной привязки корпуса и контроля точности фотограмметрической фиксации. Для фотосъемки корабля собрана конструкция из 8-метровой металлической рамы с подвижной площадкой, на которой закреплен подводный бокс с фотокамерой Canon 5D. Раму ставили на дно перпендикулярно оси корабля, последовательно передвигали по раме площадку с фотоаппаратом, затем переносили раму вдоль киля. В результате обработки результатов пробных фотосъемок определены оптимальные интервалы для перемещения фотоаппарата по раме

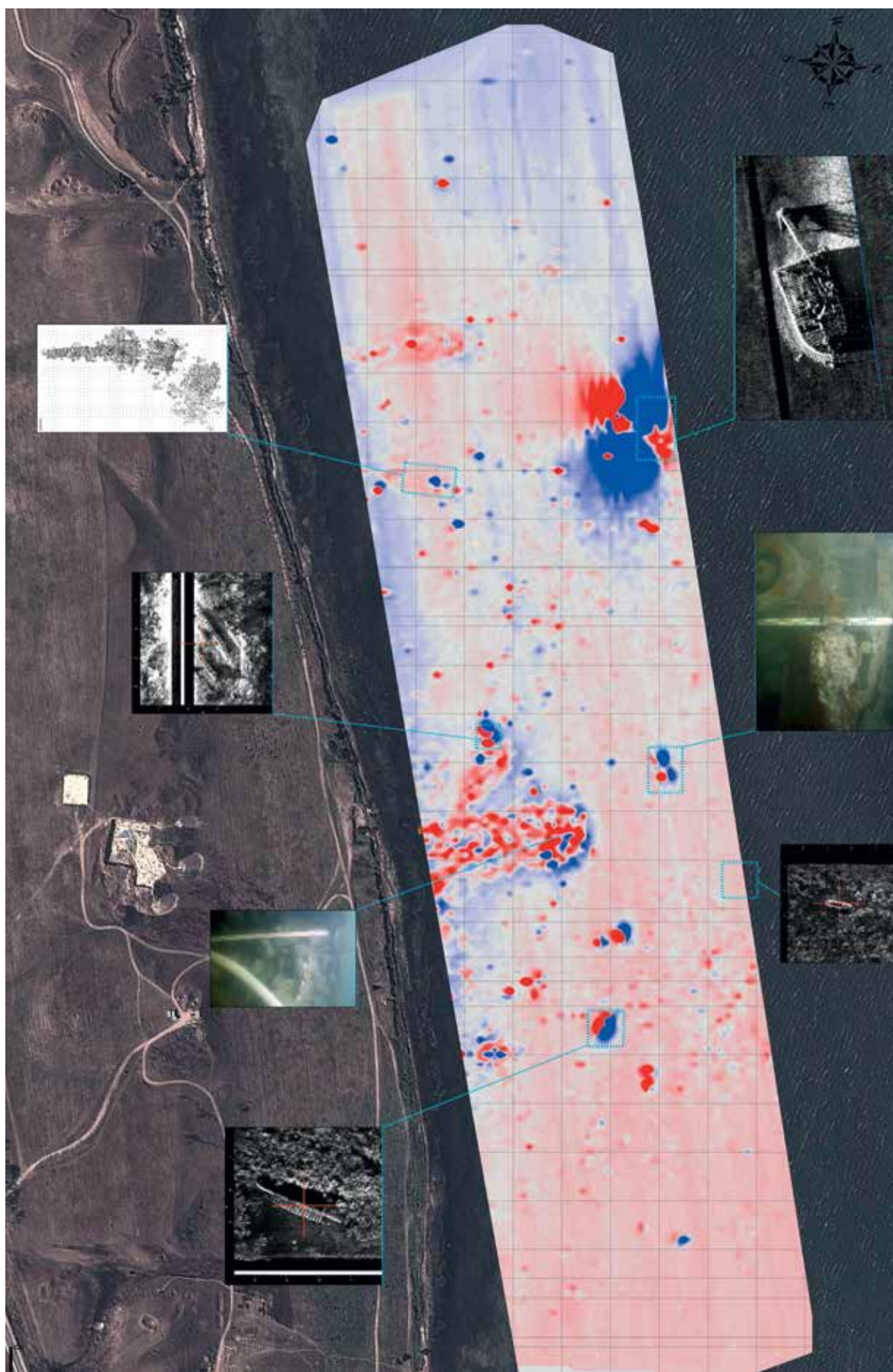

Рис. 17.
Карта аномального магнитного поля
и объекты в акватории, 2013 г.

и для перестановки рамы. Итоговый массив кадров, использованных в дальнейшей обработке, состоит из 33 линий по 10–12 кадров, а также 300 дополнительных кадров, снятых вокруг корабля под разными углами. После завершения фотофиксации корабль был укрыт геотекстилем и засыпан полуметровым слоем песка. В результате обработки массива фотографий в ПО PhotoScan Pro (ООО Агисофт, РФ) создан фотоплан корабля.¹¹ Выполнить трехмерное моделирование корпуса и его виртуальную реконструкцию не удалось ввиду недостаточной информации о конструкции днища, частично перекрытого скоплениями балласта.

В 2013 г. акватория Фанагории обследована буксируемым гидролокатором бокового обзора. Задачами съемки стали поиски визуально заметных на поверхности дна объектов и определение границ распространения травяного покрова. Съемка выполнена гидролокатором CM2 (C-Max Ltd., Великобритания) на частоте 780 кГц, ширина полос обследования составила 25 м на борт. Навигационное сопровождение обеспечил дифференциальный спутниковый приемник DGPS MAX (CSI Wireless Inc., Канада) в режиме DGPS с субметровой точностью позиционирования. Координаты и изображения гидролокатора обрабатывало ПО SonarWiz 5 (Chesapeake Technology Inc., США).

Анализ тенеграфических изображений показал, что на глубинах 1,5–2 м дно частично покрыто зарослями травы. На глубине 2–3,5 м дно покрыто травой почти полностью, на глубине 3,5–4,5 м над поверхностью дна возвышаются отдельные кусты водорослей. В результате съемки получены тенеграфические изображения свободных от травы участков и трех объектов, значительно возвышающихся над дном: плавкрана, баркаса и лодки. Следующим этапом обследования стало изучение потенциала гидромагнитной разведки по выявлению каменных скоплений. Теоретическую возможность обнаружения таких объектов магнитометром обеспечило импортное происхождение огромного объема строительного камня и корабельного балласта, завезенного в Фанагорию во второй половине 1 тыс. до н.э. Так как остаточная намагниченность камней, особенно вулканического происхождения, заметно отличается от магнитного фона Таманского полуострова, крупные каменные скопления создают слабые магнитные аномалии. Для выявления таких аномалий гидромагнитная съемка должна выполняться высокочувствительной аппаратурой по плотной сетке галсов и с учетом естественных суточных вариаций магнитного поля Земли.

В 2013 г. в акватории затопленной части Фанагории выполнена съемка буксируемым морским магнитометром SeaSpy-1 (MarineMagnetics Corp., Канада) с чувствительностью 0,01 нТл. Съемка осуществлена с межгалсовым интервалом 5 м, глубина буксировки прибора составила 0,7–1,5 м. Ввиду риска повредить прибор при касании дна, съемка прекращена на изобате 1,5 м. Навигационное сопровождение обеспечил дифференциальный спутниковый приемник DGPS MAX (CSI Wireless Inc., Канада) в режиме DGPS с субметровой точностью позиционирования. Координаты и

¹¹ Zhukovsky, Kuznetsov, Olkhovsky 2013.

Рис. 18.
Левый борт античного корабля
после повторной расчистки, 2014 г.

измерения магнитометра обрабатывало ПО SonarWiz 5 (Chesapeake Technology Inc., США). Суточные колебания поля Земли фиксировала береговая магнитовариационная станция – протонный магнитометр Минимаг-М (НПП Геологоразведка, РФ) с систематической погрешностью +2 нТл. При обработке результатов съемки оказалось, что минимальная амплитуда уверенно выделяемых локальных магнитных аномалий составляет 5 нТл¹². На карте аномального магнитного поля выявлены локальные ферромагнитные аномалии различной амплитуды и площади и 8 площадных скоплений слабых аномалий. Затем на эту карту нанесены координаты известных объектов (рис. 17). Для верификации результатов съемки расчищены 2 подводных шурфа.

Первый шурф заложен в 300 м от берега на глубине 3,2 м, в точке совпадения акустической аномалии № 6 и локальной магнитной аномалии. Под полуметровым слоем ила найдены остатки корпуса деревянного судна, лежащего с креном около 80 градусов на левый борт. Длина сохранившейся части киля 8 м, ширина судна не менее 3,5 м. В трюме найдены детали частично демонтированного двигателя: редуктор, маховик, валопровод, топливный бак, с наружной стороны транца расчищены деревянное перо руля высотой 2 м и латунный четырехлопастной гребной винт диаметром 0,7 м. Вероятный период постройки судна – первая треть 20 в., о чем свидетельствуют клейма на найденных деталях и инструментах – «Арматрест-1 Москва» и «АР-ТЕЛЬ МЕТАЛШТАМП ЧЕРНОБЫЛЬ».

Второй проверочный шурф заложен в 195 м от берега на глубине 2,1 м, в точке совпадения акустической аномалии № 17 и геометрического центра северной оконечности площадной магнитной аномалии № 4. Под тонким слоем илового песка обнаружена плотная насыпь из окатанных валунов метаморфических пород диаметром 0,2–0,5 м. При расчистке шурфа 2х2 м установлено, что мощность насыпи составляет

¹² Ольховский, Степанов 2014.

Рис. 19.
Днищевая часть античного корабля
после повторной расчистки, 2014 г.

2,5 м. Под насыпью на материке обнаружены фрагменты чернолаковой посуды.

В 2014 г. основной задачей стало продолжение изучения античного корабля с целью сбора недостающей информации для его виртуального моделирования. После удаления песка и геотекстиля оказалось, что состояние деревянных деталей существенно не изменилось. При расчистке из корпуса корабля были извлечены остатки балласта, а с досок обшивки частично снято многослойное покрытие, маскирующее швы и отверстия для крепежных шипов (рис. 18, 19). В кормовой части днища найдены следы ремонта: место соединения с килем двух досок первого пояса обшивки накрыто овальной металлической пластиной, прибитой 15 бронзовыми гвоздями. Анализ образцов дерева установил, что киль корабля сделан из дуба, шпангоуты – из ясеня, граба и дуба, обшивка – из сосны. Для наглядности положения корпуса на склоне каменной насыпи размеры раскопа были существенно увеличены: периметр из металлических клеток, в 2012 г. огибавший носовую часть корабля, выпрямлен до прямоугольника и расширен на 3 м на северо-восток.

При расчистке этого участка обнаружен бронзовый ростр, лежащий на каменной насыпи в 2,5 м от разрушенной носовой оконечности киля (рис. 20). На боковых поверхностях ростра изображены две одинаковые эмблемы – пятилучевая звезда и полумесяц (рис. 21). Они обозначают принадлежность корабля флоту Понтийского царя Митридата VI Евпатора. Это подтверждается сообщениями древних авторов (App. Mithr. 108) об отправке из Пантикапея флотилии бирем для подавления восстания Фанагории в 63 г. до н.э.¹³ После фотофиксации корабля, выполненной по методике 2012 г., ростр извлечен и передан в реставрационную лабораторию Научного центра Фанагорийской экспедиции, а корпус укрыт геотекстилем и засыпан слоем песка. Повторная фотограмметрическая фиксация позволила

¹³ См. Абрамзон, Кузнецов 2011, 64–94.

Рис. 20.
Фотоплан носовой части
античного корабля
и местоположение ростра, 2014 г.

Рис. 21.
Местоположение ростра
на поверхности каменной насыпи
in situ, 2014 г.

собрать недостающую информацию для завершения виртуального моделирования корабля (рис. 22).

После консервации корабля продолжена идентификация аномалий, выявленных дистанционными методами в 2012–2013 гг. Две локальные магнитные аномалии к востоку от площадной магнитной аномалии № 4 после расчистки оказались двумя схожими по конструкции четырехлапыми якорями-кошками длиной 2 и 4 м. Вероятная датировка якорей – 18 в., следует отметить их типологическую идентичность с якорем, обнаруженным и извлеченным в 2000 г.

В 2014 г. магнитометром SeaSpy-1 выполнена съемка участка акватории 1300x200 м в вероятном районе античной корабельной стоянки, в результате выявлен ряд слабых магнитных аномалий. Для обследования мелководной части затопленной прибрежной террасы Фанагории

Рис. 22.
Фотоплан корпуса античного корабля,
2014 г.

применен магнитометр-градиентометр MMPOS-2 с погрешностью $+0,5$ нТл (ЛКМ УГТУ, РФ), буксируемый в немагнитной лодке на длинном тросе. Съемка выполнена в режиме вертикального градиентометра (база 1 м, высота датчиков 0,1 и 1,1 м над уровнем воды, интервал измерений 2 сек.). Буксир прошел по сетке галсов с интервалом 5 м, навигационное сопровождение обеспечил дифференциальный спутниковый приемник DGPS MAX (CSI Wireless Inc., Канада) в режиме DGPS с субметровой точностью позиционирования. Фактические галсы градиентометра из-за нерегулярного сноса буксируемой лодки имеют отклонения в диапазоне $+3$ м. Естественные колебания поля фиксировала береговая вариационная станция–магнитометр Минимаг (НПП Геологоразведка, РФ) с погрешностью $+1,2$ нТл. В результате обследования участка 1200×50 м построены карта аномального магнитного поля и карта градиента магнитного поля. На карте аномального магнитного поля локализованы площадные аномалии с амплитудами от -30 нТл до $+30$ нТл, примыкающие к площадным аномалиям № 1, 2 и 4, выявленным в 2013 г., и фактически являющиеся их продолжениями в сторону берега; небольшие дипольные аномалии с амплитудой более 100 нТл (ферромагнитные объекты). На карте градиента магнитного поля локализованы 4 аномалии магнитных минимумов с амплитудой до -25 нТл, имеющих линейную структуру и ориентированных по направлению север–юг – вероятно, фундаменты зданий. Самая выраженная из них (квадрат 23×23 м) находится к юго-востоку от площадной аномалии № 4 (илл. 23). Результаты гидромагнитной съемки прибрежной террасы позволяют локализовать северную границу городской застройки в 100–120 м от современного уреза воды, а также участки берегового примыкания каменных насыпей – вероятно, портовых сооружений Фанагории.

В 2014 г. продолжено изучение потенциала профилирующей аппаратуры для выявления аномалий в стратиграфии поддонных слоев. Съемка выполнена чирп-профилографом Bathy 2010PC Chirp (SyQuest Inc., США), излучающим в частотном диапазоне от 3,5 до 200 кГц с мощностью до 4 кВт (рис. 24). Профилограф укомплектован антенной решеткой из двух излучателей TR-109, съемка выполнена по сетке из 40 параллельных галсов с интервалом 5 м на частотах 3,5 кГц и 10 кГц одновременно, минимальное допустимое расстояние от излучателя до дна составляет 1 м. Навигационное сопровождение обеспечили базовый спутниковый приемник Maxor (Javad Navigation Systems Inc., США),

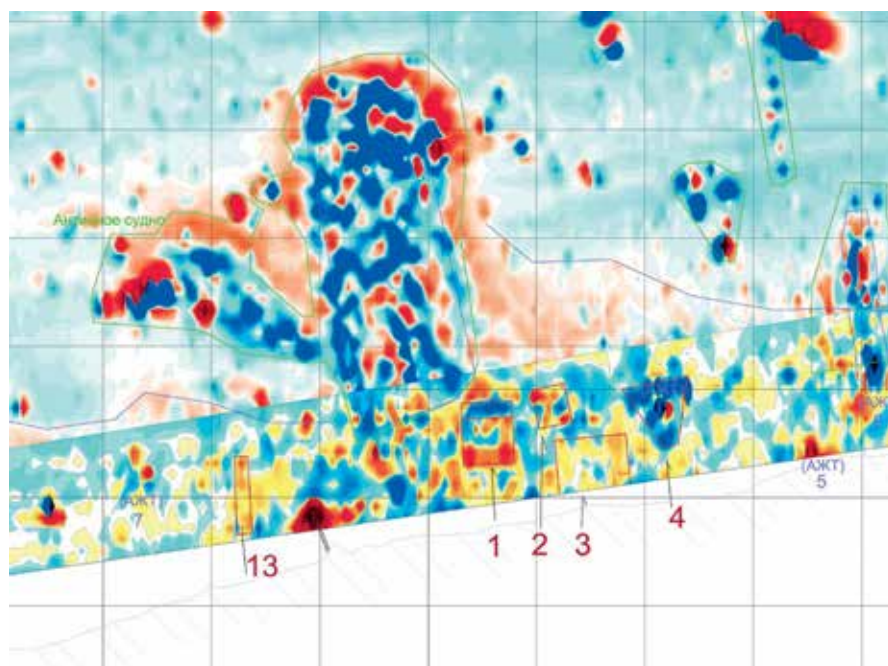

Рис. 23.
Локализация магнитных аномалий
на затопленной городской террасе,
2014 г.

установленный на береговом репере с известными координатами, и приемник-ровер Triumph-1. Координаты с навигационного приемника параллельно поступали в управляющий блок профилографа, в ПО SonarWiz 5 (Chesapeake Technology Inc., США) и в ПО AquaScan (НПП Форт XXI, РФ). Вычисление абсолютных координат пройденных галсов выполнено в режиме постобработки, точность привязки составляет 0,1 м. Анализ результатов съемки Bathy показал, что акустические импульсы с заданными частотами не пробили заросли травы, но выявили на свободных от растительности участках дна 119 аномалий (рис. 25).

В 2015 г. продолжены исследования площадной магнитной аномалии № 4. На ее западном крае, в 120 м от уреза воды, расчищен раскоп 7x7 м. Под 1 м песка, перемежающегося слоями ракушки, обнаружен склон понижающейся на запад каменной насыпи. Под насыпью обнаружены фрагменты расписной керамики 4 в. до н.э. Результаты исследований 2013 и 2015 гг. дают основания предварительно говорить о том, что площадная магнитная аномалия № 4 является остатками мола или причала, сооруженного в классическое время при строительстве порта.

Одновременно с подводными раскопками акватория Фанагории обследована профилографом SeaKing SBP Parametric (Tritech International Ltd., Великобритания), излучающим импульсы на частоте 200 кГц и формирующим вторичное излучение на частоте 20 кГц (при глубине под излучателем не менее 1 м). Съемка выполнена двумя профилографами SeaKing, размещенными на лодке параллельно на расстоянии 2,5 м (рис. 27). Навигационное сопровождение съемки выполнял GPS-приемник Trimble SPS 461 (Trimble Navigation Ltd., США) в режиме RTK с дециметровой точностью позиционирования. Съемка выполнена по сетке из 40 параллельных галсов с интервалом 5 м,

но благодаря применению двух приборов, фактический интервал между съемочными галсами составил 2,5 м. Анализ результатов съемки SeaKing показал, что акустические импульсы не пробивают водоросли, но фиксируют стратиграфию донных отложений на свободных от растительности участках дна.¹⁴ В результате постобработки уточнены границы каменных скоплений и выделен ряд перспективных аномалий для дальнейшего изучения (рис. 26).

Выполненные исследования позволяют сделать ряд выводов:

– гипотеза о размерах затопленной части Фанагории подлежит корректировке, т.к. визуальные и приборные разведки 1999–2015 гг. не подтвердили локализацию каменных гряд («фундаментов городских стен») на указанных В.Д. Блаватским участках акватории в 220–240 м от берега;

– геофизические методы, примененные для исследования затопленной части городища и прилегающей акватории, доказали свою перспективность. Следует продолжить поиски оптимального для мелководных участков инструментария;

– массивная насыпь напротив акрополя Фанагории, состоящая преимущественно из привозного камня вулканических пород, является остатками мола или причала, сооруженного предположительно в 4 в. до н.э. Выявление его берегового примыкания позволит локализовать береговую линию в период строительства, а также северную границу города того времени;

– портовая инфраструктура, построенная в Фанагории в классический период, в результате постепенного подъема уровня Черного моря оказалась затоплена, вероятно, к началу I тыс. н.э. Для строительства новых причалов в 3–4 вв. н.э. использованы камни из разобранной или разрушенной городской застройки, в т.ч. архитектурные детали, блоки, а также надгробия;

¹⁴ Клюев, Ольховский, Фазлуллин, Сажнева, Евсенко, Шрейдер 2015.

Рис. 24.
Исследование структуры донных отложений профилографом Bathy, 2014 г.

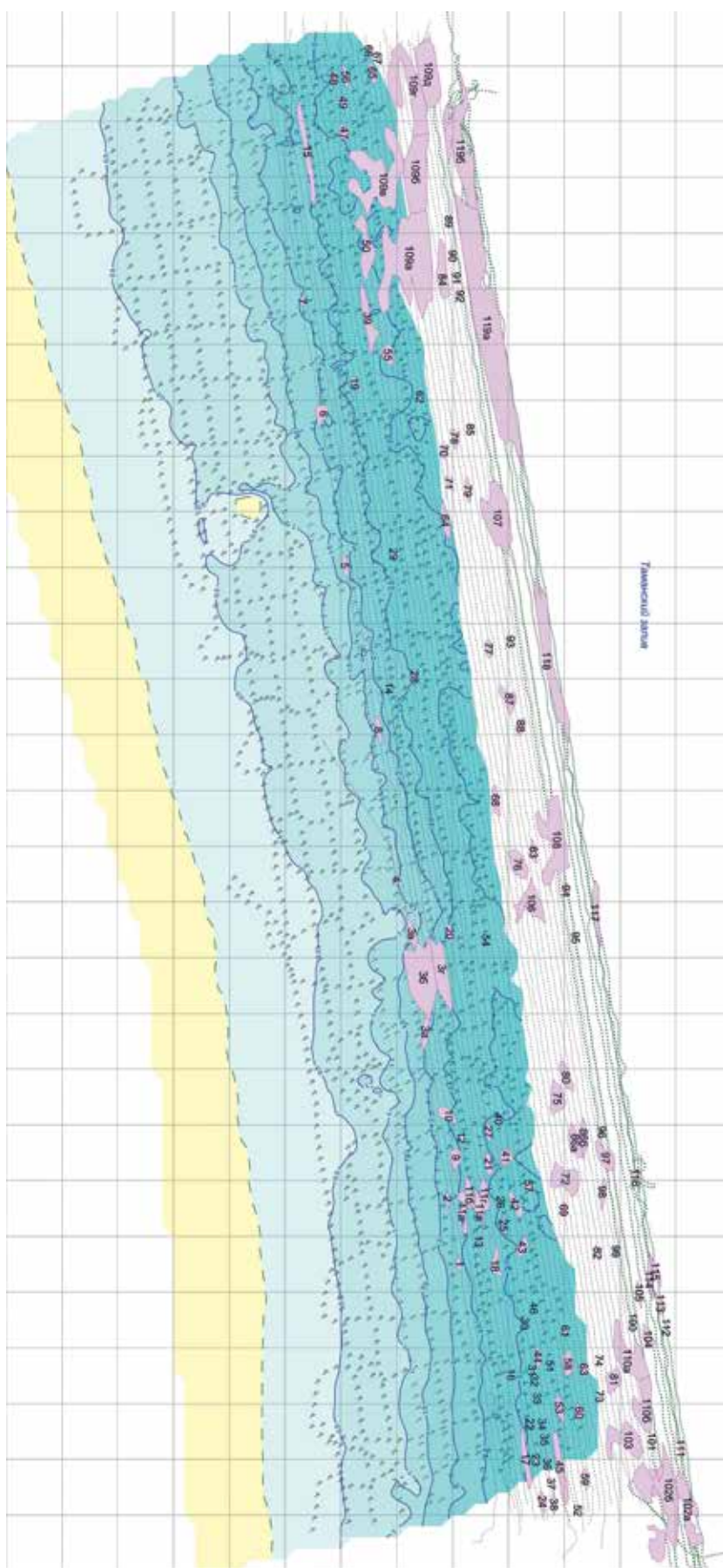

Рис. 25.
Карта акустических аномалий,
выявленных профилотрафом Вайту, 2012 г.

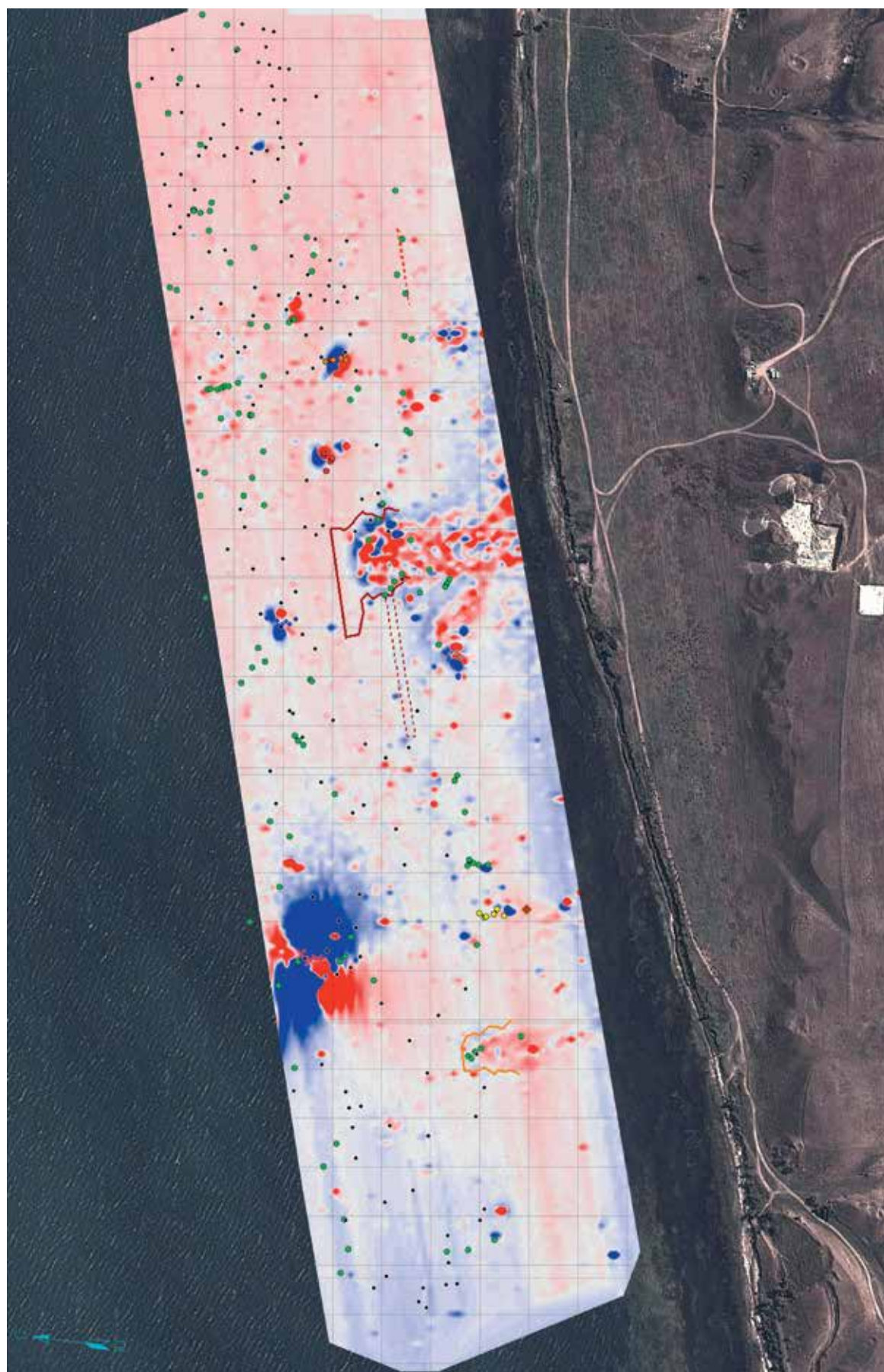

Рис. 26.
Локальные аномалии и границы каменных насыпей,
выявленные профилографом SeaKing,
на карте магнитной индукции, 2015 г.

Рис. 27.
Исследование структуры
донных отложений
профилографом SeaKing, 2015 г.

– в затопленной части городища и в прилегающей акватории локализованы более 200 магнитных и акустических аномалий – потенциальных археологических объектов, подлежащих раскопкам и идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2011. Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории, *ВДИ* 2, 64–94.
- Блаватский В.Д. 1940. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг., *ВДИ* 3–4, 287–300.
- Клюев М.С., Ольховский С.В., Фазлуллин С.М., Сажнева А.Э., Евсенко Е.И., Шрейдер А.А. 2015. О возможностях системы параметрического профилографа, эхолота и приемника ГЛОНАСС/GPS для комплексных исследований донных антропоценовых осадочных отложений, in: *Геология морей и океанов. Материалы XXI Международной научной конференции (Школы) по морской геологии*. V. Москва, 132–136.
- Кобылина М.М. 1963. Исследования в Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг., *СА* 4, 129–138.
- Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 155–172.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. 2003. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг., *ДБ* 6, 153–175.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. 2006. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории, *ДБ* 9, 260–280.
- Кузнецов В.Д., Колесников А.Б., Ольховский С.В. 2008. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг., *ДБ* 12/2, 370–412.
- Ольховский С.В., Степанов А.В. 2013. Магнитометрические разведки в акватории Фанагории, in: *Вопросы подводной археологии 2013*. Москва, 53–58.
- Kuznetsov V., Olkhovskiy S. 2016. Port Structures of Roman Times in Phanagoria, in: *SKYLLIS. 2016. Supplement. Managing the Underwater Cultural Heritage. Papers presented at the Forth International Congress on Underwater Archaeology (IKUWA 4)*, 60–64.
- Zhukovsky M., Kuznetsov V., Olkhovsky S. 2013. Photogrammetric Techniques for 3D Underwater Record of the Antique Time Ship from Phanagoria, in: *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. Vol. XL-5/W2. Strasbourg, 717–721.

КОСТИ РЫБ ИЗ ФАНАГОРИИ (раскопки 2006–2013 гг.)

Введение

Рыболовство в акватории Черного моря и роль различных рыб в рационе людей Причерноморья в античное время и позднее привлекает внимание многих исследователей.¹ Этот интерес, с одной стороны, связан с желанием изучить место рыб и рыболовства в повседневной жизни античных людей, живших по берегам Черного моря. В ходе таких исследований рассматриваются вопросы о том, где велся промысел, при помощи каких орудий лова и с каких судов, какие рыбы преобладали в уловах и рационе людей, и каким образом проводилась их заготовка или приготовление (археолого-исторический аспект изучения рыбных промыслов).² С другой стороны, изучение особенностей ведения рыбного промысла и разнообразия рыб в прошлом позволяют судить о древней ихтиофауне и об изменениях, происходивших в сообществах рыб изучаемого региона на протяжении длительных промежутков времени³, что представляет особенный интерес для биологов. Поэтому изучение археоихтиологических материалов по сути является междисциплинарным исследованием и представляет интерес как для историков и археологов, так и для биологов.

Рыболовство играло важную роль в повседневной и экономической жизни древних греков, благодаря чему остатки рыб часто встречаются в археологических находках причерноморских древнегреческих городов.⁴ Изученность этих находок разная, однако можно отметить, что большая часть проанализированного ранее археоихтиологического материала собрана на месте древних поселений в северо-восточной части Черного моря, на территории Крыма. Северо-восток Причерноморья восточнее Керченского полуострова до настоящего времени остается в этом отношении почти не изученным.⁵

Одним из немногих античных поселений на этой протяженной территории, археоихтиологический материал из которых ранее изучался, является Фанагория. Притом, последний раз исследования костных находок рыб здесь проводились более пятидесяти лет назад.⁶ Тогда было проанализировано незначительное число костных находок рыб (всего не более 300) из слоев 3–4 вв., и показано, что найденные остатки принадлежали шести видам рыб: севрюге, осетру, лещу, сазану, сому и судаку. Однако небольшое количество и малое разнообразие находок не позволило в полной мере охарактеризовать разнообразие рыб в уловах и рационе фанагорийцев, а также в прилегавших к Фанагории акваториях. Поэтому летом 2012 г. после

¹ Тихий 1917, 1–40; Никольский 1937, 121–125; Марти 1941а, 78–83; 1941б, 94–106; Семенов-Зусер 1947, 237–246; Лебедев, Лапин 1954, 197–214; Кругликова 1975, 208–214; Becker-Nielsen 2005, 83–95; Højte 2005, 133–160; Wilkins 2005, 21–30; Ancient Fishing... 2005; Ляшенко 2007, 73–78; Morales et al. 2007, 117–172; Куманцов 2011, 15–53.

² В последнее время появилось несколько работ, посвященных различным аспектам рыболовства и употребления рыбы в пищу (Mylona 2008; Botte 2009; Bekker-Nielsen, Casasola 2010; Marzano 2013).

³ Лебедев 1960, 6.

⁴ Марти 1941б, 104–105; Гайдукевич 1952, 16; Лебедев 1960, 261–276; Morales et al. 2007, 136.

⁵ Morales et al. 2007, 136.

⁶ Лебедев, Лапин 1954, 205–208; Лебедев 1960, 272–276.

длительного перерыва были возобновлены археоихтиологические исследования в Фанагории.

Данная статья направлена на изучение видового разнообразия рыб в археологических материалах из Фанагории, собранных в ходе полевых сезонов 2006–2013 годов.

Материалы и методы

Сбор археоихтиологических материалов проводился в ходе работ Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в течение полевых сезонов 2006, 2007, 2012 и 2013 годов. Материал по остаткам рыб был собран в раскопе «Верхний Город» и датируется временем между 5 в. до н.э. и 9 в. н.э. Материалы, собранные в 2006 г., относятся к 5 в. до н.э. – 2–3 вв. н.э., в 2007 г. – к концу 6 в. до н.э. – 2–3 вв. н.э., в 2012 г. – к 5 в. до н.э. – 8–9 вв. н.э., в 2013 г. – к 1–9 вв. н.э. Датировка костей рыб проводилась по сопутствующим археологическим находкам. До 2013 г. сбор костных находок рыб проводился вручную. Летом 2013 г. сбор материала проводился как вручную, так и посредством промывания контрольных выборок грунта из ям на ситах с ячейей 1 мм.

Для определения того, каким видам рыб принадлежали собранные костные элементы, проводилось их сопоставление с остеологическими коллекциями современных рыб. Для этого были использованы коллекции кафедры Ихтиологии и гидробиологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург), а также сравнительная остеологическая коллекция рыб изучаемого региона, составленная в ходе полевых сезонов 2012 и 2013 годов. Определение некоторых из находок осетровых рыб проводилось с использованием сравнительной остеологической коллекции лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань). Для идентификации находок также были использованы в том числе и электронные источники.⁷

Результаты

В ходе полевых сезонов 2006, 2007, 2012 и 2013 гг. в общей сложности было собрано 1443 костных элемента рыб, определимых с точностью хотя бы до семейства (карповые, окуневые рыбы и т.д., табл. 1). Количество определимых элементов было меньше общего количества собранных костных структур рыб, поскольку в находках присутствовали элементы, обычно не используемые для идентификации рыб (ребра, плавниковые и жаберные лучи, птеригоффоры), а также фрагменты плохой сохранности, идентификация которых не представлялась возможной. Такие костные структуры не подсчитывались, и в дальнейшем не учитывались.

⁷ <http://fishbone.nottingham.ac.uk/>; Radu 2005.

Результаты определения костных элементов рыб представлены в таблице 1. В материале преобладали остатки рыб из трех семейств – окуневые, осетровые и карповые, составлявшие в общей сложности 96% от общего числа костных элементов рыб. Наиболее часто были отмечены кости трех видов – судака, севрюги и сазана. Притом кости судака – единственного вида из семейства окуневые, представленного в находках, – составляли более трети всех собранных костей рыб (37%). Осетровые и карповые рыбы были представлены несколькими видами. Среди карповых рыб чаще всего отмечены кости сазана, реже – тарани, кутума и леща. Среди осетровых были определены кости севрюги, русского осетра и белуги. Кроме рыб из этих трех семейств, в собранном материале также отмечены остатки сома, бычков (вероятно, нескольких видов, но определение бычков до вида представляет определенную сложность), кефали (возможно, также нескольких видов), щуки, калкана (черноморской камбалы) и ската-хвостокола.

Таблица 1. Число определенных костных элементов рыб

Семейства	Виды	Годы раскопок				Итого
		2006	2007	2012	2013	
Карповые	не определены	–	2	230	–	232
	лещ	–	–	–	8	8
	сазан	9	11	10	102	132
	тарань	1	–	32	–	33
	кутум	–	–	–	11	11
Осетровые	не определены	11	4	74	173	262
	русский осетр	1	–	1	–	2
	севрюга	5	7	–	156	168
	белуга	–	–	–	1	1
Окуневые	судак	43	48	48	400	539
Щуковые	щука	–	–	4	–	4
Сомовые	сом	1	1	2	15	19
Калкановые	калкан	–	–	1	–	1
Кефалевые	–	1	–	–	11	12
Бычковые	–	–	–	–	18	18
Скаты-хвостоколы	–	–	1	–	–	1
Итого		72	74	402	895	1443

Таким образом, в общей сложности в раскопе «Верхний город» были найдены остатки более 14 видов рыб, среди которых – лещ, сазан, тарань, кутум, русский осетр, севрюга, белуга, судак, щука, сом, калкан, кефаль, бычок и скат-хвостокол. Более точное определение кефалевых и бычковых рыб (с точностью до вида) было невозможно на данном этапе выполнения исследования в силу отсутствия сравнительного материала. Однако более детальный анализ костей рыб из этих семейств в дальнейшем, возможно, позволит говорить о нескольких видах кефали и бычков в находках Фанагории.

Обсуждение

Проведенное исследование находок рыб из античной Фанагории позволило значительно расширить наши представления о том, какие виды рыб присутствовали в рационе древних фанагорийцев, а также о том, на какие виды рыб был ориентирован античный промысел в изучаемом регионе. Предшествующее изучение археоихтиологических материалов Фанагории⁸ показало, что в находках присутствовало лишь шесть видов рыб. В ходе данного исследования в материалах Фанагории были найдены остатки более четырнадцати видов рыб, которых можно условно разделить на три группы:

1. Типично пресноводные рыбы, способные адаптироваться к солоноватой воде опресненных участков моря: карповые рыбы, судак, щука и сом. Многие из этих рыб относят к полупроходным рыбам, поскольку они нерестятся в низовьях рек и опресненных участках моря, куда специально мигрируют на нерест. Такие миграции известны, например, для судака, леща, сазана, тарани.

2. Проходные рыбы, обитающие в морской воде, но заходящие на нерест в реки – осетровые рыбы, такие как русский осетр, севрюга, белуга.

3. Типично морские рыбы, некоторые из которых также способны выносить опреснение: бычки, кефаль, скат-хвостокол, калкан.

В целом в находках Фанагории преобладают проходные и полупроходные виды рыб, совершающие миграции из пресной воды в морскую и обратно, и способные выходить из рек в опресненные участки Черного моря. В находках крайне мало типично морских видов рыб. Это свидетельствует о том, рыбный промысел для нужд античной Фанагории велся в опресненных участках моря, находящихся в непосредственной близости от поселения, без выхода в удаленные морские акватории Черного моря с более высокой соленостью. Возможно, промысел велся в Таманском заливе или в Керченском проливе, воды которого значительно опреснены течениями из Азовского моря.

Можно отметить, что в настоящее время в Черном море обитает более 150 видов рыб⁹, среди которых такие ценные в научном и экономическом плане, как осетровые, кефалевые, сельди, камбала-калкан, скумбрия, луфарь, хамса, султанка, бычки.¹⁰ Виды рыб, остатки которых были обнаружены в ходе данного исследования, по-видимому, являлись рыбами, которые наиболее часто присутствовали в уловах и рационе фанагорийцев. Несколько неожиданным было отсутствие в находках сельдевых рыб – хамсы, шпрота, тюльки, сельди – видов, составляющих значительную часть современного промысла Черного и Азовского морей.¹¹ Остатки сельдевых рыб ранее были отмечены в археологических находках на западном побережье Керченского пролива, в рыбозасолочных ваннах Мирмекия и Тиритаки.¹² Возможно, отсутствие сельдевых рыб в находках Фанагории также свидетельствует о промысле, ориентированном на опресненные акватории Таманского залива, поскольку эти виды типично морских рыб обитают в воде

⁸ Лебедев, Лапин 1954, 205–208; Лебедев 1960, 272–276.

⁹ Васильева 2007, 4–5.

¹⁰ Болтачёв, Еремеев, 2011, 7–25.

¹¹ Там же, 11, 13, 15, 17, 18, 22.

¹² Гайдукевич 1952, 16; Марти 1941б, 104–105.

более высокой солености. Однако отсутствие хамсы, шпрота и тюльки в археологических находках также может быть связано с плохой сохранностью костей этих относительно мелких рыб, которые могут не сохраняться в грунте в течение длительного времени.

Хочется особенно отметить, что отсутствие относительно мелких рыб в находках многих археихтиологических исследований может объясняться не только плохой сохранностью мелких костей, но и недостаточно тщательным сбором материала. Кости рыб, как правило, собирают методом ручной переборки грунта, и мелкие костные элементы могут при этом оставаться неучтенными. В течение полевого сезона 2013 г. было проведено промывание контрольных выборок грунта из ям на мелкоячеистых ситах, что позволило выявить некоторое количество костей мелких рыб, ранее не встреченных в находках Фанагории, собранных методом ручной переборки грунта. Хотя такой метод сбора материала и его обработка более трудоемкий, и частично этот материал еще не обработан до настоящего времени, такой подход к сбору костных элементов рыб представляется обоснованным для более полного понимания особенностей ведения промысла в античной Фанагории.

Расположение Фанагории на берегу залива Черного моря, в относительной близости от Керченского пролива, создавало крайне благоприятные условия для ведения рыболовства, и, по-видимому, определяло важную роль рыбного промысла в жизни и экономике этого античного города. Керченский пролив (Боспор Киммерийский) являлся и продолжает оставаться акваторией, через которую совершают миграции многие ценные в промысловом отношении виды рыб (кефаль, хамса, сельдь), что позволяет ввести здесь рыбный промысел без выхода в более отдаленные морские акватории. По-видимому, именно это обстоятельство и определило организацию на западном побережье Керченского пролива рыбозасолочных комплексов для приготовления рыбных соусов.¹³ Вероятно, на восточном побережье Керченского пролива в античности также существовали древние рыбоперерабатывающие комплексы ванн. Так, в статье В.Ю. Марти показано нахождение древних рыбозасолочных ванн к западу от Фанагории, на месте современной Тамани (Гермонасса).¹⁴ Однако более конкретных данных о существовании здесь рыбозасолочных ванн нам найти не удалось.

Тем не менее, рыбный промысел и рыбороторговля являлись важными компонентами экономики античной Фанагории, как и других античных городов северного Причерноморья¹⁵, а также важной составляющей повседневной жизни древних фанагорийцев, особенно тех, которые занимались ловлей рыбы, ее переработкой и торговлей. О том, что фанагорийцы не только торговали рыбой, но и активно вели промысел, свидетельствуют находки в черте древнего города орудий лова рыбы – крючков и грузил.¹⁶

Одним из наиболее многочисленных по количеству элементов в находках Фанагории является семейство осетровых рыб, что свидетельствует об относительном обилии этих крупных рыб в акваториях и промысле северо-восточного Причерноморья в античности. Современная

¹³ Гайдукевич 1952, 31, 48, 57, 59, 133; Марти 19416, 99.

¹⁴ Марти 19416, 98, рис. 1.

¹⁵ Højte, 2005, 134, рис. 1; Morales et al. 2007, 136, рис. 4.

¹⁶ Гайдукевич 1952, 115; Онайко 1956, 159; Кругликова 1975, 208–209; Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 374, рис. 23–25.

статистика рыболовства показывает, что на протяжении двадцатого столетия наблюдалось постепенное сокращение численности осетровых рыб в Азово-Черноморском бассейне до современного критического уровня¹⁷, вследствие чего промышленный лов осетровых рыб в Черном море в настоящее время запрещен.

Наряду с находками осетровых рыб одним из наиболее массовых видов рыб в находках античной Фанагории является судак. По-видимому, этот вид занимал ключевое место в рационе древних фанагорийцев. Он представлял собой один из наиболее часто встречаемых видов рыб в древних уловах этого региона и служил предметом торговли. В то же время, находки судака менее обильны вблизи рыбозасолочных комплексов западного побережья Керченского пролива.¹⁸ Вероятнее всего это свидетельствует о том, что культура потребления этого вида не предполагала засолки, в отличие от сельдевых рыб. Возможно, уловы судака были менее массовыми, чем сельдевых, что позволяло добывать и потреблять судака в довольно короткий срок, без специальной заготовки, еще до того, как рыба испортится. Или заготовка судака производилась другими способами, вне рыбозасолочных ванн.

Стоит отметить, что в находках рыб около рыбозасолочных комплексов не были отмечены также остатки таких видов рыб, как сом, щука, лещ и карп. Эти виды рыб являются исходно пресноводными, но способны обитать в солоноватых водах, например, в опресненных участках моря. Вероятно, отсутствие этих рыб в остатках, найденных около рыбозасолочных комплексов в Тиритаке и Мирмекии¹⁹, свидетельствует о том, что заготовка рыбы в рыбозасолочных ваннах проводилась в основном за счет морского рыбного промысла, возможно, осуществляемого неподалеку от рыбозаготовительных комплексов у западного побережья Керченского пролива.

Не исключено также, что для рыбозасолки в античности использовали только определенные виды рыб, относящиеся к семейству сельдевых. Рыбы же других видов, возможно, по преимуществу шли на продажу целиком или как-либо еще, но не в соленом виде и не в виде соуса. Вероятно, этим и объясняется то, что нами были обнаружены кости рыб, ранее не встречавшихся в находках, связанных с рыбозасолочными комплексами. Среди таких рыб, по-видимому, не использовавшихся в массовой рыбозаготовке, следующие: белуга, калкан, кефаль, бычки, сом, щука, лещ, карп.

Подчеркнем еще раз, в ходе исследования было найдено значительно большее число видов рыб, чем в ранее проведенных работах по изучению археоихтиологических материалов Фанагории.²⁰ Обнаружение костного элемента калкана является важной находкой проведенной работы, поскольку этот вид раньше не был обнаружен ни при анализе материалов из Фанагории, ни при изучении материалов из других мест проведения археологических раскопок в северном Причерноморье.²¹

Дальнейшее изучение археоихтиологического материала из Фанагории, без сомнения, позволит сделать и новые находки. Особенно

¹⁷ Болтачев, Еремеев 2011, 13, 21, 23.

¹⁸ Марти 1941б, 105.

¹⁹ Там же.

²⁰ Лебедев, Лапин 1954, 205–208; Лебедев 1960, 272–276.

²¹ Morales et al. 2007, 136.

интересным видится изучение костных остатков рыб в хронологическом аспекте, поскольку это позволит изучить динамику ведения промысла и потребления рыб в течение длительного времени. Таким образом, продолжение археоихтиологических исследований Фанагории представляется весьма перспективным как для понимания рациона фанагорийцев и особенностей промысла в древних причерноморских поселениях, так и для изучения долговременных изменений, происходящих в сообществах рыб Азово-Черноморского бассейна.

Благодарности

Выражаю благодарность за помощь в определении некоторых находок осетровых рыб И.В. Аськееву и Д.Н. Галимовой (Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, Казань). Очень признательна Г.П. Гарбузову (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону) за всестороннюю помощь при составлении сравнительной остеологической коллекции рыб, Е.В. Добровольской (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова, Москва), З. Жидкову и А. Семенову (Санкт-Петербургский государственный университет) за неоценимую помощь в сборе ихтиологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Болтачев А.Р., Еремеев В.Н. 2011. Рыбный промысел в Азово-Черноморском бассейне: прошлое, настоящее, будущее, in: В.Н. Еремеев, А.В. Гаевская, Г.Е. Шульман, Ю.А. Загородняя (ред.), *Промысловые биоресурсы Черного и Азовского морей*. Севастополь, 7–25.
- Васильева Е.Д. 2007. *Рыбы Черного моря. Определитель морских, солоноватоводных, эвригалинных и проходных видов с цветными иллюстрациями, собранными С.В. Богородским*. Москва.
- Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг., in: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.* (МИА 25). Москва–Ленинград, 15–134.
- Кругликова И.Т. 1975. *Сельское хозяйство Боспора*. Москва.
- Кузнецов В.Д., Колесников А.Б., Ольховский С.В. 2008. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг., *ДБ* 12/II, 370–412.
- Куманцов М.И. 2011. *Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья 1. От древности до начала XX в.* Москва.
- Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. 1954. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве, in: М.М. Кобылина (ред.), *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху II* (МИА 33), 197–214.
- Лебедев В.Д. 1960. *Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР*. Москва.
- Ляшенко Н.Ф. 2007. О рыбаках и рыбном промысле в античную эпоху, *Рибне господарство України* 3–4, 73–78.
- Марти В.Ю. 1941а. Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне, *Природа* 5, 78–83.
- Марти В.Ю. 1941б. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия, *СА* 7, 94–106.
- Никольский Г.В. 1937. К познанию ихтиофауны реки Кубань, *Бюллетень*

Московского Общества Естествоиспытателей 16 (2), 121–125.

Онайко Н.А. 1956. О фанагорийских грузилах, in: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57). Москва. 154–160.

Семенов-Зусер С.А. 1947. Рыбный рынок в Херсонесе, *ВДИ* 2 (20), 237–246.

Тихий М.И. 1917. Анчоус Херсонеса Таврического, *Вестник рыбной промышленности* 1–3, 1–40.

Bekker-Nielsen T. 2005. The Technology and Productivity of Ancient Fishing, in: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (Black Sea Studies 2). Aarhus, 83–95.

Bekker-Nielsen T., Casasola D.B. (eds.). 2010. *Ancient Nets and Fishing Gear*. Aarhus.

Højte J.M. 2005. The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region, in: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (Black Sea Studies 2). Aarhus, 133–160.

Botte E. 2009. *Salaisons et sauces de poissons en Italie du sud et en Sicile durant l'Antiquité*. Naples.

Marzano A. 2013. *Harvesting the Sea. The Exploitation of Marine Resources in the Roman Mediterranean*. Oxford.

Morales A., Antipina E., Antipina A., Rosello E. 2007. An Ichthyoarchaeological Survey of the Ancient Fisheries from the Northern Black Sea, *Archaeofauna* 16, 117–172.

Mylona D. 2008. *Fish-eating in Greece from the Fifth Century B.C. to the Seventh Century A.D.* (BAR Int. Ser. 1754). Oxford.

Radu V. 2005. *Atlas for the Identification of Bony Fish Bones from Archaeological Sites*. București.

Wilkins J. 2005. Fish as a Source of Food in Antiquity, in: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (Black Sea Studies 2). Aarhus, 21–30.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ –	<i>Археология и История Боспора</i>
АМА –	<i>Античный Мир и Археология</i>
БИ –	<i>Боспорские исследования</i>
Борисфен–Березань 2005 –	<i>Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. Санкт-Петербург</i>
БС –	<i>Боспорский Сборник</i>
ВВ –	<i>Византийский Временник</i>
ВДИ –	<i>Вестник Древней Истории</i>
ДБ	<i>Древности Боспора</i>
ДБК –	<i>Древности Босфора Киммерийского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1854</i>
ИАК –	<i>Известия Археологической Комиссии</i>
КБН –	<i>Корпус Боспорских Надписей</i>
КСИА –	<i>Краткие Сообщения Института Археологии</i>
КСИИМК –	<i>Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры</i>
КТБ –	<i>Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора (МИА 83). Москва, 1960</i>
МАИЭТ –	<i>Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии</i>
МИА –	<i>Материалы и Исследования по Археологии СССР</i>
НЭ –	<i>Нумизматика и Эпиграфика</i>
ОАК –	<i>Отчеты Археологической Комиссии</i>
ПИФК –	<i>Проблемы Истории, Филологии, Культуры</i>
РА –	<i>Российская Археология</i>
СА –	<i>Советская Археология</i>
САИ –	<i>Свод Археологических Источников</i>
СГМИИ им. Пушкина –	<i>Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина</i>
СГЭ –	<i>Сообщения Государственного Эрмитажа</i>
ТГИМ –	<i>Труды Государственного Исторического Музея</i>
ТГЭ –	<i>Труды Государственного Эрмитажа</i>
Фанагория –	Кузнецов В.Д. (ред.). <i>Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва:</i> 1. Кузнецов В.Д. (ред.). 2013. <i>Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1.</i> 2. Трейстер М.Ю. (ред.). 2015. <i>Золото Фанагории.</i> 3. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. <i>Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории.</i>
ABSA –	<i>Annual of the British School at Athens</i>
Agora –	<i>The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton:</i> V. Robinson H.S. 1959. <i>Pottery of the Roman Period. Chronology.</i> XII. Sparkes B.A., Talcott L. 1970. <i>Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Century B.C.</i> XIX. Lalonde G.V., Langdon M.K., Walbank M.B. 1991. <i>Inscriptions. Horoi. Poletai Records. Leases of Public Lands.</i>
AJA –	<i>American Journal of Archaeology</i>
AM –	<i>Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung</i>
Beazley Archive –	The Beazley Archive. University of London: http://www.beazley.ox.ac.uk/XDB/ASP/default.asp
BAR –	<i>British Archaeological Reports</i>
BCH –	<i>Bulletin de Correspondance Hellénique</i>
BE –	<i>Bulletin Épigraphique. Revue des Études Grecques</i>
Busolt–Swoboda –	Busolt G., Swoboda H. <i>Griechische Staatskunde. Bd. I–II². München, 1920–1926</i>
CIRB-Album –	<i>Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album imaginum</i>
Corinth XIII –	<i>Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton:</i> XIII. Blegen G.W., Palmer H., Young R.S. (eds.). 1964. <i>The North Cemetery.</i>
CQ –	<i>Classical Quarterly</i>
CVA –	<i>Corpus Vasorum Antiquorum</i>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Daremberg–Sagliot – Daremberg Ch., Sagliot E. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. Paris, 1877–1919
- IG – *Inscriptiones Graecae*
- IGBR III – Mihailov G. (ed.). *Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae. III. Inscriptiones inter Haemum et Rhodopem repertae. Fasc. prior, Territorium Philippopolis*. Serdicae, 1961
- IKUWA – *International Congress for Underwater Archaeology*
- IOSPE I² – Latyshev B. (ed.). *Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae*. Petropoli, 1916
- ISinope – French D. (ed.). *The Inscriptions of Sinope*. Part. 1 (Inchriften griechischer Städte aus Kleinasien 64). Bonn, 2004
- JHS – *Journal of Hellenic Studies*
- JRA – *Journal of Roman Archaeology*
- Kerameikos – *Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen*. München:
 VII. Künze-Götte, Tancke K., Vierneisel K. 1999. *Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts*.
 IX. Knigge U. 1976. *Der Südhügel*.
- Klazomenai,
 Teos and Abdera – Moustaka A., Skarlatidou E., Tzannes M.-C., Ersoy Y. (eds.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Thessaloniki, 2004
- LGPN – *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford:
 I. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 1987. *The Aegean Inlands, Cyprus, Cyrenaica*.
 II. Osborne M.J., Byrne S.G. (eds.). 1994. *Attica*.
 IIIA. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 1997. *Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia*.
 IIIB. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 2000. *Central Greece: From the Megarid to Thessaly*.
 IV. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 2005. *Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea*.
 VA. Corsten T. (ed.). 2010. *Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia*.
- LSJ – Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1968 (Revised Supplement: by Clare P.G.W., Thompson A.A. Oxford, 1996)
- NC – *Numismatic Chronicle*
- OGIS – Dittenberger W. (ed.). *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vols. 1–2. Leipzig, 1903–1905 (repr. Hildesheim, 1970)
- Pape – Pape W. *Handwörterbuch der griechischen Sprache*. Braunschweig, 1874
- PATABS – *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*
- PCG – *Poetae Comici Graeci*. Berolini:
 IV. Cassel R., Austin C. (eds.). 1983. *Aristophan – Crobylus*.
 V. Cassel R., Austin C. (eds.). 1983. *Damoxenus – Magnes*.
- Pontic Grey Wares
 2009 – *Pontic Grey Wares*. International Conference. Bucarest–Constantza, September 30th – October 3rd 2008 (Pontica XLII, Supplementum I). Constantza
- RBN – *Revue Belge de Numismatique et de Sigillographie*
- RE – Pauly A., Wissowa G., Kroll W. *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1978
- REA – *Revue des Études Anciennes*
- RÉG – *Revue des Études Grecques*
- RIC – Sutherland C.H.V., Mattingly H., Sydenham E.A., Webb P.H., Carson R.A.G., Bruun P.M., Kent J.P.C., Pearce J.W.E., Burnett A.M. *The Roman Imperial Coinage*. I–X. London, 1984–1994
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*
- SNR – *Schweizerische numismatische Rundschau / Revue suisse de numismatique*
- Syll³ – Dittenberger W. (ed.). *Sylloge inscriptionum graecarum*. Vols. 1–4. Lipsiae, 1915–1924
- TürkAD – *Türk Arkeoloji Dergisi*
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕНА БОГОВ

Аполлон 231, 235, 251, 268
 Афина 165, 234
 Афродита 34, 165, 231, 247, 267,
 – Апатура 267
 – Урания 165, 271, 274
 – Урания Апатура 209, 211
 Геба 234
 Гелиос 300, 302
 Геракл 264, 265
 Гермес 245
 Дионис 191, 203, 253, 265, 271, 273,
 Зевс 234,
 – Спаситель 224
 Мать богов 231
 Медуза Горгона 165
 Мойры 165
 Рома 16–18
 Харон 10–13, 192, 300

ИМЕНА ЛИЧНЫЕ

Древние авторы, исторические персоны

Август 208, 210
 Агаф 30, 31
 Агриппа 94, 208
 Айксон 241
 Александр Македонский 211
 Александр, сын Мирина 211
 Алкей 191
 Анакреонт 268
 Анаксагор 232, 236
 Антимах 212
 Апатурий 236, 245
 Аполлоний Родосский 268
 Аристокор 239
 Аристон 241
 Аристоним 232–234, 243, 245, 246
 Аристофан 191, 250
 Арриан 94, 195, 250–252
 Артикон 231
 Асандр 210
 Асандрох 211
 Аспург 12, 13, 209–211, 222, 228, 229, 329
 Афоб 234
 Ахиллдор 230, 232, 233, 236
 Валент 12, 13
 Валентиниан II 12, 13
 Гедзун 30–32
 Гекатей Милетский 251, 252, 254, 261, 268
 Гелланик 269
 Гераклид 223, 245, 246
 Гермон 250
 Геродот 195, 235, 237, 239, 240, 250, 251,
 266–269

Герон Александрийский 189
 Гесихий 245, 251
 Гета, царь во Фракии 259
 Гиперид 236, 239–241
 Гиппоник 240
 Гомер 235, 239
 Грациан 12, 13
 Дарий 239
 Демокет 239
 Демонакт 245, 246
 Демосфен 236, 239–241, 260, 275
 Демофонт 234
 Динамия 208, 210, 222
 Дионисий Перизет 250
 Еввергет, правитель дерронов 259
 Евстафий 233, 250, 251
 Забарг 30
 Ининфимей 13
 Иоанн Малала 75
 Иолай 234
 Иосиф Флавий 94
 Исократ 269
 Калликратид 240
 Каноб 246
 Каракалла 14
 Катулл 98
 Кинон, сын Агафа 30, 31
 Кир II 195
 Кир Младший 234
 Кледик 231–233, 247
 Комон 241
 Константин I 9, 12, 13, 16–21
 Констанций II 17, 18
 Крисп 12, 13, 17, 18
 Ксенокл 233
 Ксенофонт 235, 237, 239–241
 Ксеркс 235
 Леанакт 236, 245
 Левкий 29–31
 Левкон I 254, 275
 Лесис 232, 233
 Ликофрон 241
 Матор 232
 Матасий 236
 Мегакл 254
 Мела 263
 Минида 231
 Мирин 211
 Митридат VI 84
 – Евпатор 210, 211, 345
 Мнесиерг 231–233
 Мокк, сын Левкия 29–31
 Мосхион 241
 Неэра 234
 Нумений 30
 Олимпиодор 241
 Омсалак 30
 Оройт 239

Пал 29
 Парфенокл 212
 Пист 231, 233–235, 243, 245, 246
 Платон 241, 245
 Плиний Старший 94
 Плутарх 236, 251
 Полемон 210
 Полибий 236
 Полиен 254
 Поликрат Самосский 239
 Поллукс 235
 Прим 212
 Прокопий Кесарийский 71
 Протагор 232
 Псевдо-Арриан 250
 Псевдо-Скилак 268
 Псевдо-Скимн 250, 269
 Ремиталк 211, 214
 Рескупорид II 13
 Рескупорид V 12, 13, 15, 16, 21, 22
 Рескупорид VI 13
 Савромат I 21, 212, 217, 222
 Савромат II 12–15, 19, 21, 30, 211, 329–331
 Сапасий 243, 245, 246
 Сатир I 255
 Селевкиды 211
 Септимий Север 14
 Сим 245, 246
 Симон 231
 Сократ 234
 Спартокиды 90
 Стефан Византийский 30, 235, 251, 252,
 268
 Страбон 34–36, 41, 94, 211, 235, 236, 242,
 243, 250, 254
 Суда 245
 Тацит 94
 Тейран 163
 Теомнест 241
 Теопротид, сын Мегакла 254
 Териппид 234
 Тиберий Юлий Фавмаст 212
 Тиргатао 254, 261
 Тисаферн 240
 Ульпий Антимах 212
 Ульпий Парфенокл 212
 Файнагор 250
 Фалес Милетский 266
 Фанагор 250–254
 Фанес 244
 Фаулл 231
 Фидон 241
 Филоменид 240
 Филострат 236
 Фофорс 13, 16
 Фукидид 235, 237, 239, 240, 251, 267
 Эвполид 233
 Эврисфей 234

Эвтидем 245
 Юлий Неокл 212
 Юстин I 76

Αβαζίων 225
 Αγαθοῦς 28
 Αθανίων 225
 Αθηνόδωρος 220
 Αλέξανδρος 211
 Ἄνδρων 217
 Αἰξώνεας 241
 Ἄραθος 31
 Αραμίων 221
 Αρδάρακος 221
 Αριστοκράτης 232
 Αρίστωνος 241
 Αριστόνυμος 232, 233
 Αρτεμίδωρος 220
 Ασανδρόχος 210, 211, 212
 Ασπυργος 210, 212
 Ατίας 220
 Ατώτης 213
 Γάσται 225
 Γλύκων 225
 Δημοφῶν 234
 Δημῶναξ 232, 235
 Δημώνασσα 235
 Δύναμις 210, 212
 Ἑρμογένης 217
 Ἑρμόδωρος 217
 Ἑρμοκράτης 217
 Εὐρυσθέος 234
 Ζαζζοῦς, Ζαζοῦς 220
 Ἠζοῦς 30, 31
 Ἠλιόδωρος 223
 Ἠλιος 223
 Ἡραῖος 220
 Ἡρακλᾶς 220
 Ἡρακλείδης 220, 235
 Ἡρακλέων 220
 Θηριππίδος 234
 Ἰούλιος 214, 216, 217
 Καλλικρατίδας 240
 Κλέδικος 232
 Κοσσοῦς 221
 Κότυς 216
 Κῦρος 233
 Κύνων 28, 31
 Λεύκιος 30, 31
 Λῆσις 232, 233
 Μακάριος 218
 Μάρκος 218
 Μενέστρατος 217, 220
 Μένιππος 220
 Μένων 220
 Μιθραδάτος 210, 212
 Μνησίεργος 232, 233
 Μόκκος 30, 31
 Μυρεῖνος (= Μυρῖνος) 211
 Ὀροίτης 239

Πάππος 31
 Πίστος 232, 233
 Πρωταγόρης 232
 Ξενοκλέας 233
 Ῥοιμητάλκης 214
 Σαπασις (Σαπασιος?) 232, 235
 Σαυρομάτης 217
 Σῆμος 232, 235
 Σωκράτης 234
 Τιβέριος 214, 216, 217
 Φαρνάκης 210, 212
 Φαρνακίωνος 220
 Φαῦλλης 236
 Φείδων 241

Современные исследователи

Абрамзон М.Г. 243
 Абрамов А.П. 52, 55, 61, 170, 189
 Айбабин А.И. 51, 55
 Алексеева Е.М. 9, 11
 Алексинский Д.П. 301
 Алфен П. (Alfen P.G. van) 265, 266
 Амброс А.К. 11
 Анохин В.А. 264
 Аптекарев А.З. 257
 Арсеньева Т.М. 67
 Аськеев И.В. 359
 Балцер Дж. (Balcer J.M.) 265
 Бегичев К.Е. 198
 Белова Н.С. 208
 Белоусов А.С. 231
 Бертт Дж. (Burt J.) 241
 Бизли Дж. (Beazley J.D.) 136
 Блаватская Т.В. 208
 Блаватский В.Д. 183, 185, 187, 195, 325, 328, 337, 349
 Бобович А.С. 94
 Бобринский А.А. 140
 Богатенков Д.В. 96
 Болдырев С.И. 257, 265
 Болтунова А.И. 27, 208, 211
 Браунд Д. (Braund D.) 261, 262, 268, 271
 Бужилова А.П. 100
 Бузольт Г., Свобода Г. (Busolt G., Swoboda H.) 236
 Буйских А.В. 186
 Велисарополус-Каракоствас Дж. (Velissaropoulos-Karakostas J.) 240
 Уэстерман В. (Westermann W.L.) 236
 Виноградов Ю.А. 255, 301
 Виноградов Ю.Г. 208, 230, 232, 245
 Влассопулос К. (Vlassopoulos K.) 239
 Власова Е.В. 302
 Внуков С.Ю. 52, 55
 Ворошилов А.Н. 95, 100
 Гайдукевич В.Ф. 136, 165
 Галимова Д.Н. 359
 Гарлан И. (Garlan Y.) 238

Гарланд Р. (Garland R.) 140
 Герасимова М.М. 93, 103,
 Гёрц К.К. 35, 36, 325
 Глезер Г. 100
 Голубцова Е.С. 237
 Грач Н.Л. 257, 258
 Гунчина О.Л. 27
 Гшнитцер Ф. (Gschntzer F.) 237, 238
 Дамианов М. 268
 Дана М. (Dana M.) 245
 Даннер П. (Danner P.) 200
 Данышин Д.И. 208
 Даремберг Ш.В., Сальо Э. (Daremborg Ch.V., Sagliot E.) 236
 Дедюлькин А.В. 301
 Джеффери Л. (Jeffery L.H.) 230
 Джованнини А. (Giovannini A.) 266
 Добровольская Е.В. 320, 359
 Добровольская М.В. 24, 193, 194, 305
 Доватур А.И. 29, 237
 Долгоруков В.С. 110, 168, 177, 186, 201
 Домжальский К. 65, 67, 69
 Думберг К.Е. 140
 Дюбуа де Монпере Ф. 34, 36, 37, 41
 Дюбуа Л. (Dubois L.) 236
 Дюбуа С. (Dubois C.) 192
 Дюбуиссон М. (Dubuisson M.) 268–270
 Жаринцев Д.Ф. 36
 Жебелев С.А. 195
 Жидков З. 359
 Журавлев Д.В. 24, 69
 Забелин И.Е. 35, 36, 198, 280, 282–286, 292, 293, 296, 298, 300, 302, 305, 307, 309, 312, 322, 323
 Завойкин А.А. 110, 189, 243, 255, 257, 265
 Згуста Л. (Zgusta L.) 30
 Зеест И.Б. 51, 52, 55
 Зограф А.Н. 243
 Ильяшенко С.М. 51
 Каллинци К. (Kallintzi K.) 196
 Каменецкий И.С. 104
 Карышковский П.О. 244, 245
 Кассаб Тезгёр Д. (Kassab Tezgör D.) 53, 54
 Кашаев С.В. 231
 Кейер Д.В. 233
 Ким Г. (Kim H.S.) 262
 Клиз Х. (Klees H.) 238
 Книпович Т.Н. 27
 Кобылина М.М. 198, 328
 Колесников А.Б. 110, 168, 330
 Кондаков Н.П. 281, 286
 Крей С.Дж. (Kraay S.J.) 63
 Кропотов В.В. 11, 51
 Крыжицкий С.Д. 255
 Кузманов Г. 55, 56
 Кузнецов В.Д. 110, 168, 187, 195, 199, 244
 Кунина Н.З. 24
 Ланцов С.Б. 193
 Лапин В.В. 163
 Ларсен Дж. (Larsen J.A.O.) 266

- Латышев В.В. 35, 212
 Лаццерони Р. (Lazzeroni R.) 238
 Ленцман Я.А. 237
 Льюис Д. (Lewis D.) 265
 Люценко А.Е. 281
 Майчерек Г. (Majcherek G.) 61
 Макдоналд Д. (McDonald D.) 257
 Маккил Э. (Mackil E.) 265, 266
 Макту М.-М. (Mactoux M.-M.) 238, 240
 Малашев В.Ю. 9, 12
 Малеин А.И. 94
 Малкин И. (Malkin I.) 251, 252
 Марти В.Ю. 357
 Марченко И.И. 24
 Масленников А.А. 245
 Медведев А.П. 110
 Мейгз Р. (Meiggs R.) 265
 Мимоход Р.А. 316
 Монахов С.Ю. 170, 179, 189
 Морган К. (Morgan C.) 167, 178
 Мордвинцева В.И. 302
 Мюллер К. (Müller Ch.) 255, 257
 Назарова Т.В. 193
 Новиков И.В. 110, 167
 Новичихин А.М. 211, 254
 Ольховский В.С. 129
 Ольховский С.В. 288
- Опайт А. (Opait A.) 51, 54–56, 62, 63, 67, 69
 Павличенко Н.А. 24, 231
 Паромов Я.М. 36, 37, 40, 183
 Перотти Е. (Perotti E.) 238, 240
 Пикок Д.П.С. (Peacock D.P.S.) 63
 Пьери Д. (Pieri D.) 61
 Радт С. (Radt S.L.) 254
 Реден З., фон (Reden S. von) 258
 Розивач В. (Rosivach V.) 238, 239
 Ростовцев М.И. 105, 279, 281, 298, 301, 312
 Сазанов А.В. 52, 53, 55, 56, 67
 Сапрыкин С.Ю. 208, 231, 245, 257, 268
 Свон В. (Swan V.) 57, 59
 Семенов А. 359
 Сидорова Н.А. 178
 Симоненко А.С. 301
 Скадовский Г.Л. 163, 194
 Скарлатиду Ев. (Skarlatidou E.) 194
 Скржинская М.В. 94
 Скуднова В.М. 123, 165
 Смирнов А.М. 177
 Соловьев С.Л. 167
 Сорокина Н.П. 24, 192
 Спаркс Б. (Sparkes B.A.) 167
 Стратановский Г.А. 34, 94, 237, 269
 Сударев Н.И. 129, 147, 197
 Суриков И.Е. 251, 252
- Тизенгаузен В.Г. 36
 Томашевич Т.В. 130
 Томашек В. (Tomásek V.) 30
 Тохтасьев С.Р. 29, 255, 257, 262, 263
 Трейстер М.Ю. 302
 Троттер М. 100
 Тэлкотт Л. (Talcott L.) 167
 Усачёва О.Н. 186
 Федосеев Н.Ф. 37, 267
 Финли М. (Finley M.) 238
 Фленстед-Йенсен П. (Flensted-Jensen P.) 268
 Френч Д. (French D.) 245
 Фриск Г. (Frisk H.) 211
 Фролова Н.А. 15, 261, 262, 264
 Харалампакис П. (Charalampakis P.) 252
 Хатзопулос М. (Hatzopoulos M.B.) 268
 Хейс Дж. (Hayes J.W.) 57, 60, 67, 69
 Ходорковская Б.Б. 29
 Шавырина Т.Г. 186, 187
 Шаров О.В. 50
 Шелов Д.Б. 51, 52, 256
 Шелов-Коведяев Ф.В. 257, 263
 Шервинский С.В. 98
 Шкорпил В.В. 15, 140
 Шорунова Ю.Н. 110
 Яйленко В.П. 208, 236

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

- Абдера 112, 123, 183, 189, 194–196, 235, 250, 253, 255, 260, 264, 265
 агриппийцы 208
 Агриппия 32, 208
 Адриатика 71, 75
 Азовское море 36, 356
 Аквилея 17, 71
 аланы 94, 103, 104
 Албания 71
 Александрия 17
 Альпы 71
 Аморгос 233
 Анапа 256, 271
 Анапский район 15, 253
 Антиохия 17
 Апатур, святилище 34, 45, 267, 271, 274, 275
 Аполлония 129, 140, 192, 197
 Аролида 57
 Аргос 61
 Арль 17
 Армавир 291
 Артезиан, городище 101
 Артющенко 1, поселение 255
 Артющенко 2, поселение и некрополь 129, 133, 134, 142, 197
 аспургиане 268
 Аттика 231–234, 237, 238, 245
 Афганистан 259
- Афины 129, 189, 191, 232, 233, 236, 238, 239, 241, 244, 265, 270
 афиняне 238–241
 Ахтанизовская 4, поселение 253
 Ахтанизовский лиман 36, 41, 281
 Бейрут 59
 Береговой 4, поселение и святилище 140, 168, 177
 Березань 140, 163, 167, 189, 192, 231, 232, 244
 Беспан, некрополь 103, 104
 бисалты 258, 259
 Бодрум 61
 Борисфен 34, 194, 236
 Боспор 13, 15, 28, 30–32, 35, 55, 75, 76, 90, 93, 104, 129, 136, 163, 165, 177, 189, 191, 197, 214, 220, 221, 232, 243–246, 250, 256, 257, 260, 263, 264, 268–271, 279
 – Азиатский, 34–36, 94, 103, 136, 198, 257, 267, 270, 272, 280, 323
 – Европейский, 197, 198
 – Киммерийский 35, 195, 246, 357
 Боспорское государство 211, 254, 271
 Боспорское царство 28, 93, 105
 Боюр-Гора 279, 280, 285, 286, 289, 298, 302, 305, 313, 314, 320, 323
 Бранное поле, село 232
 Буерова могила 279, 280–282, 298, 301, 323
- Бургасский залив 244
 Бухарест 136
 Великая Греция 136, 147
 Велія 199
 Венето 71
 Византий 191
 Византийская империя 76
 Византия 75
 Вистла 94
 Войково, поселок 197
 Волна 1, поселение 255
 Воронеж 291, 326
 Восточный Крым 244
 Врулия 129
 Вышестеблиевская 3, поселение 230
 Гаркуша, поселок 230
 Гвадалквивир, река 63
 Гераклея 17, 18, 55
 Германцы 94
 Гермонасса 30, 34, 35, 93, 129, 133, 134, 136, 146, 165, 195, 197, 217, 230, 232, 233, 250–255, 267, 269, 357
 Голубицкая 2, поселение 253
 Горгиппия 15, 27, 32, 93, 191, 199, 200, 209, 211, 220, 235, 264
 Гордашевский клад 19
 Греция 28, 129, 165, 200, 236, 238, 258
 – Северная 258, 259
 Дакия 58

- Декелея 239
 Делос 236, 239, 241, 242
 Дельфы 233, 245
 Демирджи 54
 дерроны 258, 259
 Дичин (Болгария) 55, 57, 59
 Додекаполис 267
 Додопарон 235
 Дунай 56, 59, 268
 – Нижний 56
 европеоиды 100
 Египет 259, 271
 Заозерное, село 191
 Зелея 244
 Зенонов Херсонес 245
 Зюк, мыс 18
 Иалис 267
 Иас 240
 Илион 236, 239, 241
 Ильич, поселок (Таманский п-ов) 62
 Ионийский союз 267
 ионийцы, ионяне 195, 199, 250, 266, 267, 271
 Иония 140, 200, 244, 252, 262
 Иордания 259
 Истр 94, 268
 Истрия 140, 191, 192, 197, 232, 244
 италиоты 267
 ихны 258, 259
 Кавказ 103, 104
 Казань 354, 359
 Каллатис 191
 каллипиды 268
 Калос Лимен 129, 191
 Камир 267
 Каппадокия 94
 Карфаген 61, 271
 кельтиберы 98
 Кепы 34–36, 74, 93, 133, 140, 177, 188, 191,
 196, 197, 231, 253, 254, 255, 267
 Керамик (Афины) 125, 134, 140, 146, 189,
 191, 192
 Керкинитида 191, 192
 Керченский пролив 356–358
 Керченский полуостров 353
 Киев 193
 Кизик 17, 18, 236, 243–246
 Киликия 57
 киммерийцы 268
 Кипр 57
 Китей 197, 243
 Клазомены 194, 195
 Книд 57, 69
 Колхида 55
 Константинополь 17, 18, 58, 75, 76
 Констанца 136
 Кордова 63
 Коринф 192
 Корокондамитида 34, 35, 112
 Краснодар 291
 Крит 233
 кротонцы 239
 Кротенко, хутор 129, 138
 Крым 353
 Кубань Верхняя, область 12
 Кубань, река 34–41, 43, 260
 Кумы 136
 Кушадасы 60
 лакедемоняне 239
 Лампсак 243
 Лемнос 235, 269
 Лесбос 240, 243
 Лидия 244
 Линдос 267
 Лион 16, 17
 Локры 136
 Магнитогорск 291
 Майская гора 183, 196, 199
 Малая Азия 28, 60, 69, 195, 200, 236, 237,
 240, 243–245
 Марсель 61, 63, 199
 Массалия 192, 199
 Меандр, река 61
 Мегара Гиблея 200, 233
 мегарцы 239
 Мезия 94
 Менда 244
 Меотида 34, 250
 Меотийское озеро 94
 меоты 93, 103, 104, 123, 136, 258, 269, 270
 Месембрия 140, 191
 Метапонт 136, 192
 Мефимна 240
 Милет 60, 200, 230, 239, 240, 266,
 Мирмекий 197, 199, 200, 235, 356, 358
 Митилена 243, 265
 Митридат, гора 140
 Москва 133, 193, 291, 344, 359
 Мраморное море 244
 Мысхако, поселение 101
 Наксос 239
 Неаполь 61
 Негев, пустыня 61
 Нижнегниловский, некрополь 103, 104
 Нижне-Гниловское, городище 15
 Нижнее Поволжье 103, 104
 Нижний Дон 101, 103, 104
 Никомедия 17, 18
 Нил 61
 Нимфей 15, 31, 129, 165, 190, 191, 197, 243,
 254, 271
 Одессос 140, 192
 Олинф 194
 Ольвия 123, 129, 136, 138, 146, 163, 165,
 167, 178, 189, 192, 194, 197, 199, 200,
 231, 235, 236, 244
 Оренбург 291
 орески 258, 259
 Палестина 61
 Паллениды холм 234
 Панагия, мыс 177, 191, 197
 Пангейский горный массив 259
 Панское 1, поселение и некрополь 129, 191
 Пантикалей 13, 15, 16, 27, 29–32, 124, 129,
 140, 197, 209, 211, 212, 224, 230–233,
 236, 243, 246, 255, 257, 341, 345
 Патрей 36, 189, 230, 232, 244, 255
 Патус 254
 Пелопоннес 57, 267
 пелопоннесцы 240, 267
 Пепарет 161
 Пергам 60
 Пересыпь, поселок 140, 191, 197
 Персия 258
 персы 195, 200, 239, 250, 253, 259
 Пестум 140
 Песчаное, село 191
 Понт 268
 Приазовье 94
 Прикубанье 93, 94, 256, 260
 Причерноморье 56, 57, 69, 123, 129, 136,
 140, 189, 192, 200, 232, 252, 254, 268,
 353, 357
 – Северное 28, 55, 58, 62, 67, 75, 236,
 243, 244, 250, 269, 280, 301, 357
 – Северо-Западное 244
 Прохоровский курган 301
 Рассвет, хутор 168, 192
 Рим 17, 18, 61, 98
 Родос 57, 129, 267
 родосцы 267
 Румыния 136
 Самос 57, 61, 233
 самосцы 239
 сапеи 235
 Сарды 60
 Сарматия 94
 сарматы 93, 94, 95, 103, 104
 Северная Адриатика 71
 Северная Италия 71
 Севилья 63
 Селевкия 57
 Селинунт 200
 Семибратнее городище 270
 Сенной, поселок 184, 185, 327
 Сибарис 136
 сикелиоты 267
 Синд, город:
 – в Синдике 263, 268
 – во Фракии 267, 268
 Синдика:
 – страна 93, 250, 254–257, 261, 264,
 266, 267, 269, 270, 271
 – город 263
 синдонеи 268
 Синдская Гавань 165, 199, 200, 254, 257,
 263–265, 269
 синды 123, 198, 254, 256–259, 261–265,
 267–271
 Синопа 197, 243, 322, 341
 Сирус 136

- Сирия 259
 Сисция 17, 18
 Сицилия 136, 267
 скифы 94, 123, 212, 239, 268
 Словения 71
 спартанцы 239
 Средиземное море 253
 Средиземноморье 57, 61, 194, 252, 253, 260
 Старотитаровская, станица 280
 Судак 16
 Таврика 250
 Таманский залив 34–36, 41, 43, 74, 83, 112, 183, 195, 198, 230, 280, 325, 326, 337, 356
 Таманский полуостров 35, 37, 40, 42, 43, 62, 84, 89, 90, 94, 123, 133, 136, 168, 190, 244, 250, 253–256, 261, 267, 270, 271, 280, 310, 343
 Тамань 3 (Седьмой километр), поселение 267
 Тамань, станица 183, 280, 357
 Танаис 15, 30, 31, 94, 101, 104, 140, 208, 236, 243
 танаиты 30, 104
 Темрюк 37
 Темрюкское гирло 36
 Теос 93, 112, 159, 168, 195, 196, 198, 236, 239, 241, 244, 250, 252, 253, 264–266
 теосцы 195, 250, 253, 255, 264, 265
 Термы, город во Фракии 268
 Тирамба 93
 Тиритака 62, 356, 358
 Томы 192, 197
 Торик 241
 Трир 16, 17
 Тузла, мыс 35, 129, 133, 138, 192, 197
 Тузлинский некрополь 123, 129
 Файнагора 250
 Файнагория 250
 Фанагора 252
 фанагорийцы 90, 115, 159, 195, 198, 221, 353, 356–359
 Фанагория *passim*
 Фанагурис 74
 Фасос 200
 Феодосия 243, 246
 Фессалоники 7, 18, 268
 фиванцы 234, 250
 фокейцы 253
 Фокея 195, 199, 243, 244, 253, 265
 фракийцы 194, 243
 Фракия, 195, 243, 244, 253, 259, 266–268,
 Фриули 71
 Халкедон 191
 халкидяне 266, 267
 Харакс 55
 Херсонес 60–63, 69, 71, 75, 76, 103, 104, 179, 191, 199, 200
 Хиос 57, 189
 Цокур, лиман 38, 40, 281
 Черное море 36, 49, 56, 57, 67, 244, 253, 280, 349, 353, 356–358
 Широкая Балка, некрополь 101
 Эвбея 233
 Эгейское море 57
 эдоны 258, 259, 263
 Элевсин 233, 243
 Элида 233
 Элия 199
 Эллада 129, 136
 Эфес 60, 61, 195, 244
 Эфиопия 269
 эфиопы 269
 Южная Италия 129, 189
 Fratto (Salerno), некрополь 136
 Panticapaeum 156
 Pompeiopolis 57
 Sainte-Barbe 192
 Sindones 263
 Sinties, фракийское племя 268

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- аверс 13, 15–17
акинак 133, 134, 136, 321,
алабастр 122–124, 178, 187, 190, 191
 амфора 38, 51–63, 71, 74, 75, 78, 85, 110, 115, 123–125, 129, 130, 133, 134, 140, 143, 146, 150, 153–155, 159, 161, 163, 165, 168, 170–172, 178, 179, 181–183, 185–194, 196, 197, 252, 319, 322, 330, 332, 341
 анализ дендрохронологический 50
андрапод 236, 238, 240–242
 антропология 130
 антропонимия 28, 31, 32
 Анфестерии 191
 Апатурии 267, 271
апойкия 195, 232, 250–255, 264, 265, 267
 аппликация 9, 10, 12, 305, 317, 319–321
архитрав 208–211
 архонт 240
аск 319, 320
 ассимиляция 270
 база статуи 208–210
 бальзамарий 24
 башня сторожевая 49
 белуга 355, 356, 358
 благовония 60, 129, 192
 блюдо 67, 69, 301
 – класнолаковое 69
 – на высоком кольцевом поддоне 69
 – рыбное 320, 322
 блюдце 300
 бляха 134, 298, 300
 бляшка золотая 20, 300
 бревно 48, 50, 312, 330, 332–334
 булавка 300
 бусина 9, 11, 298, 300
 бык 90, 241, 265
 бычок 355, 356, 358
 бюст 14–18
 ванны рыбозасолочные 356–358
 варвар 29, 30, 32, 123, 243, 255, 260, 268–270
 варваризация 269
 венки 10, 12, 14, 15
 – погребальный 7, 9, 11–13, 15
 вино 53, 56–58, 60–62, 75, 85, 102, 191, 260
 водоросли 294, 296, 312, 323, 326, 341, 343, 349
 вольфрам 20
 всадничество 90
 вток 134
 вулканы грязевые 42
гаста 27, 208, 209, 217, 231–233, 245
 гвоздь 138, 319–321, 323, 339, 345
гекта 243–245
гемигекта 244, 245
гемибол 244, 246
гемистатер 243
 геологический разрез 42
 георадар 290
 геотектоника 43
 герой 147, 159, 200
героон 140, 147, 159
 гидромонитор 46
 гидроэжектор 46
 гиеромастр 30
 гипоплазия 98, 99
 гипсометрическая модель 287, 288
 глиноплетневая постройка/дом 115, 147, 150, 160, 168–171, 173, 174, 179, 199
 голоценовые отложения 36
 горшок 71, 74, 75
граффито 159, 167, 183, 230–232, 235, 244, 245, 252
 гривна 299, 300, 302
 грифон 253, 264, 265
 гроб 7, 9–13, 15, 19, 21, 22, 163, 164, 185, 188–190, 193
 гробница 7, 11, 24, 163, 280–286, 294, 296–298, 300–307, 309–314, 317, 321, 323
 – сырцовая 197, 198
 грузило 32, 330, 332, 335, 357
 – рыболовное 49, 330, 333
дарик 243, 245

- демос* 208
 дендрошкала 50
 деформация головы/черепа 101, 104, 107, 315
 деформация пластическая 102
 диадема 14
 диафиз 98, 99, 107
диобол 246
 долихокrania 103
 донатор 211
 доска 120–122, 127, 129, 138–140, 143, 144, 146, 176, 322, 339, 341
 доспех 94, 301, 320, 321
драхма 246, 262
дромос 7, 9, 12, 16, 24–28, 309, 313, 314
 железо 20, 21, 298
 жердь 120–122, 176
 жертвенник 311, 317, 322
 жертвоприношение 129, 147
 – собак 91
 жженный точёк 285, 323
 животные дикие 91, 92
 жиры животные 75
 жрец 28, 30, 31, 212, 234, 236
 заклад 7, 24, 25, 27
 заплечики 120, 121, 128, 129, 138, 139, 176, 178, 190
 засолка 358
 захоронение 9, 11, 15, 95–97, 101, 114–116, 123, 124, 128, 142, 147, 148, 150, 153, 163, 170, 171, 177, 178, 181, 185, 187, 188, 191, 193, 194, 196, 197, 200, 201, 281, 282, 292, 294, 300, 301, 305, 312–316, 323
 звери 88, 91, 92,
 – дикие 91
 землетрясение 318
 зеркало 11, 12, 24, 300,
 зерно 85, 260, 264, 265, 270
 здание/дом сырцово-кирпичный 115, 127, 150, 168, 197
 золото 11, 12, 18–21, 243, 246, 261, 265, 300
 – самородное 19, 20
 изделие стеклянное 75
 ингумация 102
 интерпункция 230, 231, 233
индикация 7–22, 300
 ихтиофауна 353
 калкан 355, 356, 358
 камера погребальная 7, 9–11, 24–26, 313, 315, 316
 камка 123, 138, 139, 152, 187, 190, 294–296, 312, 323
 камыш 121, 130
канфар 177, 302
 кариес 98
 карп 358
 катакомба 315, 316
 квадрига 302
 керамика 37, 38, 39, 40, 42, 43, 49–51, 67, 69, 71, 74–76, 78, 84–86, 110, 112, 114, 115, 119, 124, 125, 136, 148, 154, 178, 236, 250, 253, 255, 322, 323, 325, 329, 330, 332, 335, 348
 – краснолаковая 71, 75
 – лепная 255
 кефаль 355–358
кизикин 243–245
килик 114, 119, 120, 125, 130, 133–135, 140, 153, 159, 165–167, 177–180, 190, 231, 235
 кирпич сырцовый 125, 127, 140, 162, 187, 197, 296, 309–312, 322
 кифара 116
 клад 15, 16, 244, 246, 259, 262
 кладка сырцовая 310, 312
 клеймо 155, 267, 344
клине 129
 когорта 94
 кожа 260
 колонизация 110, 195, 200, 251, 253
 колонисты 89, 112, 159, 168, 195–198, 200, 254
 колония 140, 147, 191, 192, 194–200, 250, 251, 252, 255, 265
 колчан 301
 комплекс всадника 99
 конина 90
 конь 264, 265, 271, 281, 298, 300, 302
 копье 17, 94, 117, 134
 корà 51
 космоснимки 37
 кости животных 84, 87, 88, 330, 335
 костные остатки 84, 86, 88–90, 359
 кость слоновая 305, 319, 320
 котлован 85, 86, 88, 188, 288, 294, 296, 297, 309–311, 317
 краниум 103
кратер 114, 116–118, 124, 301
 кремация 100, 102, 104, 107, 129, 186, 191, 192, 196, 197, 319, 323
 крупный рогатый скот 88–91, 322
 крючок рыболовный 49, 330, 332, 333, 335, 357
 кубок:
 – конический 67, 69, 76–78,
 – хиосский 115
 кувшин, кувшинчик 24, 107, 144, 146, 191, 300, 301, 341
 – с плоскими ручками 71, 77, 78
 – с пальцевым вдавлением на ручке 71, 77, 78
 курган 7, 36, 40, 41, 125, 140, 185, 196, 197, 279–298, 301, 302, 304–307, 309, 311, 312, 314, 316, 318, 321–323
 легенда (на монете) 243, 246, 257, 259, 262, 263, 266
лекиф 115, 124, 125, 129, 130, 133, 136–138, 177–180, 185, 187, 190–192
 лессовидные суглинки 42
 лещ 353, 355, 356, 358
 лимес дунайский 58
 лодка (лихтер) 74
 ложка 300
 лошадь 88–92
 луб, лубок 138
лутерий 153, 231
 луфарь 356
 магистрат 210, 253, 258
манумиссия 27, 208, 209, 215, 217, 224
манумиссор 220
 масло 57, 58, 63
 – оливковое 60, 75, 260
 мастерские:
 – восточно-понтийские 57
 – малоазийские 76
 матрица 13, 15–18,
 маяк 49
 Мегарская псефисма 239
 медальон 15, 136, 146, 173, 302,
медимн 245
 медь 19–21
 мелкий рогатый скот 88, 89, 91, 92, 241, 320
метек 6
 метопа 116
 метрополия 195, 197, 198, 200, 250, 251–253, 264, 265, 267
 меч 94, 133, 134, 300, 301
 миксэллин 269
 милитаризация 105
 мина:
 – счетная денежно-весовая единица 240, 241
 – траншея, тоннель 283, 284, 285, 296, 302, 305, 307, 314
 миска, мисочка 67, 69, 73, 77, 115, 142, 173, 177, 191, 319, 322
 – краснолаковая 64, 65,
 – сероглиняная 130, 133, 134, 136, 139, 190
 могила 13, 16, 24, 114, 120–125, 127, 129, 130, 134, 136, 138–144, 146–148, 150, 152, 153, 159, 163, 165–168, 173–178, 180, 183, 185, 186, 189, 190, 192–194, 196–201, 279–282, 298, 301, 307, 323
 молоко 89, 91, 102
 монета 9, 10, 12, 13, 15–18, 49, 50, 243–246, 250, 253, 256–266, 270–272, 300, 322, 330, 332, 333, 335
 монетный двор 16–18, 243, 244
 мясо 89–92
 навершие антенновидное 301
 навклер 211
 навоз 90
 надгробие 24–31, 46, 48–50, 208, 211, 212, 333, 334, 349
 наемник 258, 261, 262, 271, 272
 наемничество 271
 накат бревенчатый 312
 наконечник:

- копия 130, 133, 134, 136, 321
– стрелы 133, 159, 301, 319, 321, 323
- наносник 298
- настил деревянный 127, 129, 133
- неофит 30
- нёрест 356
- нефть 317
- никефор 212
- ножны 134, 300
- номинал (монеты) 243, 245, 246, 259–262, 271
- номофилак 253
- обкладка ножен 301
- обол* 241, 246
– Харона 10–13, 192, 300
- ограда 114, 126, 153
– могильная 113, 150
– плетневая 115, 147–152, 154, 155, 157, 160, 163
– плетнево-столбовая 115, 127, 148
- ожерелье 300
- ойкет* 241
- ойкист* 250–252
- ойкумена* 123, 129, 168, 200, 259
- ойнохоя* 191
- октодрахма* 259
- ольпа* 146, 192
- оружие 133, 134, 190, 254, 300, 301, 320, 321
- осетр 353, 355, 356,
- остеологический материал 85, 87, 92
- остракон 230, 236
- отец синода 212
- охота 91, 92
- охра 315, 317
- очаг 161
- палеография 208, 209, 218, 222, 223, 227, 228, 245
- палестрит 192
- пальметта 116, 136, 153, 179
- парадонтопатия 98
- Паросская хроника 235
- перекрытие деревянное (могилы) 123, 127, 128, 139, 143, 146, 190, 303
- пикет 288, 291, 295, 296
- пиксида* 301, 322
- пираты 242
- письмо свинцовое 230, 242, 243
- пифос* 84, 86, 194
- пластина 230, 301, 321, 345
– прорезная 300
– свинцовая 27, 230, 233
- плаха 122, 123, 125, 173, 178, 322
- пленный 237–240, 242
- плетень 115, 125, 127, 148–150, 152–154, 156, 157, 159, 160, 163, 173, 176
- плющ 116, 136
- погребение 7–13, 15, 16, 19–22, 24, 30, 31, 55, 95, 97, 101, 104, 105, 110–148, 150, 152, 153, 159, 160, 163–194, 196–201, 281–284, 288, 292, 294–317, 322, 323
- подстилка тростниковая 127, 142
- полеты* 234
- полинезия 36
- полис* 32, 34, 37, 38, 195, 196, 198, 235, 237, 243, 245, 246, 251–253, 256, 257, 260, 263–268, 270–272
- полумесяц 345
- помост деревянный 129,
- популяция 96, 194
- портовые сооружения 46, 49, 327, 335, 337, 347
- посох 117, 118
- посуда 77, 150, 187, 255, 300, 319, 322, 341, 345
– аттическая 115, 125
– «Африканская краснолаковая» 71
– «Понтийская краснолаковая» 67, 69
– «Фокейская краснолаковая» 67, 68, 70–73, 75
– краснолаковая 67, 74, 78
– сероглиняная 136, 159
- протезирование 98
- протока (реки Кубань) 36, 39, 41
- прохус* 231
- прутья 120, 121, 125, 149, 150, 152, 176
- пряжка 9, 11, 12
- пряслице 38, 58
- псалий* 302
- псефисма* 239
- птица 88, 91
- пурпур 118, 138
- раб 231, 234–243, 245, 246, 260
- работорговец 242
- рабство 235, 236–240, 242, 253
- рескрипт 209
- рукав (реки Кубань) 34–41, 43
- рукоять 133, 134, 321
– золотая 300
- русло (реки Кубань) 35, 37, 39
- РФА-спектрометр 18, 19
- рыболовство 353, 357
- ряж 46–51, 71, 75, 77, 219
- саван 190
- сазан 353, 355, 356
- саркофаг 24, 194, 196, 305, 306, 309, 313, 314, 319, 320, 321,
- светильник 115, 152
- свинец 230, 231, 236
- свинья 88–92
- святилище 34, 140, 159, 168, 177, 200, 262, 267, 271
- севрюга 353, 355, 356
- сельдь 356, 357,
- серебро 19, 245, 246, 259, 261, 262, 264, 298
- симполития* 253, 265
- синагог* 30, 31, 212
- синод* 28–32, 212
- скат (рыба) 355, 356
- скифос* 115, 140, 143
- складка синклиальная 43
- склеп 7, 9, 11–13, 15, 20, 24–26, 95–105, 107, 108, 197, 312, 313
- скорченность 123
- скотоводство 90, 91
- скульптура 46
- скумбрия 356
- смертность 97, 108, 194, 197
- смола 51, 53, 60, 61
- собака 88, 91, 300
- сова 261, 265
- солен* 159
- солонка 167, 190, 319, 322
- сом 353, 355, 356, 358
- сооружение причальное 49
- сосуд 24, 51, 54, 56, 57, 61, 71, 75, 78, 102, 103, 116, 118, 124, 125, 133, 136, 140, 146, 150, 159, 168, 171, 177–179, 183, 185, 189–192, 194, 196, 232, 299–301, 319, 320, 323
– с заглаженной щеткой поверхностью 69, 74
– стеклянный 49, 330, 332, 333, 335
- союз монетный 265, 266
- статер* 12–16, 19, 21, 22, 50, 243–246, 258, 332
- стекло 51, 124, 178, 187, 191, 305, 314, 320
- стела 24, 26, 31
- судак 353, 355, 356, 358
- султанка 356
- талант*, счетная денежно-весовая единица 234
- тарань 355, 356
- тарелка, тарелочка 24, 125, 136, 301
- тахеометр 291, 328, 341
- тектоническое движение 42
- теменос* 231
- терраса прибрежная/береговая 41, 46, 49, 326–329, 337, 346, 347
- тетартеморий* 246
- тимух* 253
- тиран 239
- титулатура 210, 213, 216, 217
- тлен 10, 121, 123, 129, 138, 142, 159, 177, 300, 322
– древесный 119, 120, 122, 125, 141, 148, 160, 163, 173, 175, 176, 178, 312
– органический 316
- тондо 165
- тоннель 282, 283, 284, 285, 293, 295, 302, 307, 309, 312, 321
- топоним 267, 268
- точило 300
- трава 121, 127, 139, 160, 329, 338, 341, 343, 348
- трансгрессия 46, 49
- траншея 282–286, 288, 291–295, 307, 315–317, 320–322
- трапезит* 245
- тригемигекта* 245

- тригемиобол 246
 трите 244
 тризна 110, 112, 114, 117–120, 124–126, 150, 160, 161, 163, 187, 323
 трилистник 9–12
 тростник 120, 123, 144
 трупосожжение 104
 тюлька 356, 357
 узда конская 298, 321
 уздечный набор 281, 282, 298, 302
 управляющий дворцом 212
 урна 102, 170, 172, 191
 усыпальница 9, 12, 24, 96, 105, 296, 298, 302, 305, 309, 310, 312, 321
 фасетка (на шейке бедра) 99, 100, 101, 107
фиас 28–32, 211, 215, 217, 220, 224, 225
фиасот 28–32, 211, 220, 224
фибула 11, 50
филагат 28, 30–32, 212
 фикс 258
фоллис 16–21
 фольга золотая 9–13, 19, 305, 321
 фракции (монетная) 243–246, 262
фратрия 191
 фреска 235
 фундамент подводный 46, 48–50
 хамса 356, 357
 хлеб 90, 234, 245, 260, 265, 270
хора 34, 37, 38
хоэс 191
 храм 61, 159, 162, 211, 267
 хранитель дворцовой казны 211, 212
 центры североафриканские 75
 цинк 20, 21
 циновка 123
 чаша, чашка, чашечка 136, 140, 168, 300–302, 323, 341
 – ионийская 167, 172, 173, 186, 187, 191, 192
 – краснолаковая с вертикальным бортиком 67
 – одноручная 115, 142, 144, 146, 167, 172, 186, 190–192, 319, 322
 – теосская 191
 чеканка монеты 13, 50, 243, 244, 246, 253, 256–266, 270–272, 330
 Черноморская регрессия 46
 четвертичные образования 42
 шампур 129
 шерсть 89, 260
 шлем 16, 299, 301
 шпрот 356, 357
 штандарт 17, 18
 штемпель 13–16, 259
 штраф 233–235
 штукатурка 24, 26, 27, 162
 щит 17, 301
 щука 355, 356, 358
 эвергетизм 212
 электр 243
 эллинизация 260, 268–270
 эмиссия 13, 246, 257, 261, 262, 264, 271
 эмитент 243, 244, 257, 258, 261, 263, 264, 266, 271
 энтосопатия 98, 99
эпиклеса 251, 252, 267
эпимелет 211, 225
эпистаты 243
 эпитафия 27, 28, 30, 31, 50, 232
 эпифиз 96
эпойки 168, 200
эргастерий 238, 241
 эсхара 125, 154, 311, 317, 318, 322, 323
 ювелирные украшения 49
 яма 51, 91, 125, 150, 165, 208, 290, 295, 304, 305, 307, 315, 320, 321, 322, 354, 357
 – могильная 114, 115, 120–124, 127–129, 132, 138–144, 148, 150, 163, 168, 170, 171, 173–178, 181, 183, 185, 188–191, 193, 196, 197, 283, 296
 – хозяйственная 84–86, 88, 101
 ящик 317
 – каменно-сырцовый 296
 – каменный 300, 302
 – погребальный 313
andrapodon 236, 238–243
cooperative coinage 266
cup-scyphos 115, 140
doulos 238
defixio 230
enchytrismo 196
garum 60
instrumentum vocale 237
Late Roman Pontic Burnished Ware 69
lex sacra 231
monnaie commune 266
paludamentum 14
quadratum incusum 244
stemless 115
tondo 165
tribal coins 259
tribal state 265
αἰχμάλωτος 239
ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα 238
ἀνδραποδισμοῦ γραφή 242
ἀνδραποδοκάπηλος – 242
ἀνδράποδον 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 245
ἀνδραποδῶνης 242
ἀνώνυμος 230
ἀργυρώνυτος 235
ἄρχοντας 271
βάρβαρος 269
βασιλεύς 210, 211, 212, 214, 216
βασίλισσα 210, 212
βασιλεύοντας, βασιλεύοντες 210, 212, 214, 216
βουλευτήριον 266
γάζα 211
γαζοφυλάκιον 211
γαζοφυλακίς 211
δαρειακός 243, 245
διάκονος, διακόνης 235
δοῦλος, δοῦλη 235, 236–240, 242
δραχμή 245
ἔθνος 235, 265–267, 269, 270
ἔκτη 244
ἐλευθερος 240
ἐπὶ τῆς αὐλῆς, ὁ 212
ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ 212
ἐπὶ τῆς νήσου, ὁ 212
εὐσεβής 213, 214, 216
ἡμίθεος 269
ἡμίεκτη 244
ἡμιστάτερος (χρυσοῦ) 232, 243
θεράπαινα, θεραπανίς 235
θεράπων 235, 237, 238
θίασος 28, 29
θιασῶται, θιασεῖται 29, 30, 31, 211, 220
ἱερεύς 28, 211
κάνασθρον 191
κλίνη 130
κοινόν 265–267
κυλίχνη, κυλίχνιον 191
μυξέλλην 268, 269
μυξοβάρβαρος 269
νεανισκάρχης 222
νόμισμα 245, 257, 258
ξένος 242
οἰκέτης, οἰκίτες, οἰκίτης 235, 236, 237, 238, 241
οἰκογενής 235
οἰκότριψ 235
ὄλπη, ὄλπης 191
παιδίον 236
παιδίσκη 235
παῖς 235, 236
πατήρ συνόδου 212
περὶ αὐλὴν γαζοφύλαξ, ὁ 211, 212
πόλις 241, 250–252, 267
πολίτης 242
σηκίς 235
στατήρ (χρυσοῦ) 232, 243, 245
σύνοδος 29, 212
συνοδίτης, συνοδείτης 29–31
σῶμα 235
τετράποδον 238
τρεις τετάρτας (ἀργυροῦ) 232, 245, 246
τρίτη (ἀργυροῦ) 232, 245, 246
τρύβλιον 191
ὑπηρέτης 235
φιλάγαθος 28, 30, 212
φιλόκαισαρ 210, 214, 216
φιλορόμαιος 210, 212, 214, 216
χοῦς 191
ὄνιος 235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамзон Михаил Григорьевич* – доктор исторических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
- Ворошилов Алексей Николаевич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник информационно-издательской группы Института археологии РАН
- Ворошилова Ольга Михайловна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН
- Гарбузов Геннадий Павлович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону)
- Голофаст Лариса Алексеевна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН
- Добровольская Елена Всеволодовна* – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем эволюции экологии им. А.Н. Северцова РАН
- Добровольская Мария Всеволодовна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН
- Жуковский Михаил Олегович* – заместитель директора Государственного музея-заповедника «Фанагория»
- Завойкин Алексей Андреевич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН
- Завойкина Наталья Владимировна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН
- Колесников Андрей Борисович* – кандидат исторических наук
- Кузнецов Владимир Дмитриевич* – доктор исторических наук, заведующий отделом классической археологии Института археологии РАН, директор Государственного музея-заповедника «Фанагория»
- Ольховский Сергей Валериевич* – научный сотрудник информационно-издательской группы Института археологии РАН
- Павличенко Наталья Андреевна* – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН
- Сапрыкина Ирина Анатольевна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН
- Сударев Николай Игоревич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН
- Юрцева Анастасия Олеговна* – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Биолого-почвенного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том 4

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ФАНАГОРИИ
Вып. 2

Под редакцией А.А. Завойкина

Ассоциация исследователей «Историко-культурное наследие Кубани»
www.phanagoria.info

Макет, верстка, цветокоррекция
Е.Д. Петрова

Подписано в печать 12.09.16.
Формат 70x100 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Helvetica CY.
Тираж 350 экз.

Отпечатано в типографии «Locus Standi»

ISBN 978-5-94375-196-7

9 785943 751967